

Евгений
Викторович
Тарле

■ Евгений Викторович Тарле ■

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Северная война и шведское
нашествие на Россию.

Русский флот и внешняя политика Петра I

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Северная война и шведское нашествие на Россию.
Русский флот и внешняя политика Петра I

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Евгений Викторович
Тарле

■ Евгений Викторович Тарле ■

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Северная война и шведское
нашествие на Россию.

Русский флот
и внешняя политика Петра I

УДК 94(47) "1700/21"
ББК 63.3(2)46
Т20

Компьютерный дизайн Ж.А. Якушевой

Подписано в печать 19.10.10. Формат 84×108¹/32.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 3000 экз. Заказ № 2682

Тарле, Е.В.

Северная война: Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I

История Северной войны.

История героической борьбы русского народа за выход к Балтийскому морю.

История противостояния двух гениальных монархов-полководцев — Петра I и Карла XII.

Как удалось России не просто победить в Северной войне, но и воспользоваться плодами своей победы?

Как создавался русский флот?

Какие действия предпринимала в этот период российская дипломатия?

Вот лишь немногие из вопросов, на которые Е.В. Тарле отвечает в своей знаменитой монографии, переведенной на множество европейских языков.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ШВЕДСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РОССИЮ

В основу своей работы о шведском нашествии я положил прежде всего и больше всего, конечно, русские материалы: как неизданные архивные данные, так и опубликованные источники. А затем, ставя одной из целей своего исследования опровержение фактами старых, новых и новейших враждебных России измышлений западноевропейской историографии о Северной войне и, в частности, о нашествии 1708—1709 гг., я должен был, разумеется, привлечь и почти вовсе игнорируемые нашей старой, дореволюционной историографией и особенно старательно замалчиваемые западными историками шведские, английские, французские, немецкие свидетельства. Эти документальные показания современников, часто совершенно помимо воли и вразрез с намерениями авторов, знакомят со многими ценными фактами, вполне подтверждающими ряд существенных данных, почерпнутых из русских источников. Именно секретнейшие донесения иностранных послов своим правительствам с очевидностью выявляют порой многое, что могут дать только такие строго засекреченные признания этих сидевших в Москве согладатаев, которые делятся с начальством своими наблюдениями и своей тревогой, своими опасениями, советами и сообщениями о дипломатических минах и контрминах в борьбе против крепнущей не по дням, а по часам мощи Русского государства. Они подтверждают, например, такие факты, что: 1) Петр в деле организации и оснащения русской армии и в деле создания флота нуждался в иностранных несравненно меньше, чем писали позднейшие западные историки, а за ними долго повторяли охотно верившие им

русские дворянские и буржуазные историки и публицисты; 2) последствия народной войны против шведского вторжения в Белоруссии и на Украине были даже в самые первые времена нашествия гораздо губительнее для шведской армии, чем это обыкновенно думали. Выявить этот факт в подробностях могли, конечно, показания, идущие и из русского, и из шведского лагерей; 3) вся энергия английского дипломатического вредительства, направленного в ущерб России (и до, и после Полтавы), характеризуется именно секретными английскими документами, где английские послы беседуют вполне откровенно со своим начальством обо всех интригах и, говоря языком XVIII в., обо всех «каверзах и подвохах» против России; характерно, что эти документы опубликованы в России, но отнюдь не в Англии; 4) наконец, французские и немецкие показания как служебно-дипломатические, так и литературного происхождения дают некоторые характерные детали о высокой степени реального могущества на суше и на море, достигнутого русским народом уже в последние годы Северной войны. Они же дают понятие о том, с каким восхищением военные теоретики XVIII в. говорили о громадных новаторских достижениях петровской стратегии.

Вообще же вся предлагаемая работа основана от начала до конца на чисто русском материале, который лишь дополнен и подкреплён материалами иностранными там, где эти материалы являются, по сути дела, заслуживающими внимания, критического изучения и использования.

Читатель из дальнейшего поймет и увидит, почему именно эти цитируемые мною иностранные источники так умышленно и старательно замалчивались и продолжают замалчиваться исторической литературой в Западной Европе и Америке и почему подавляющая масса именно этих иностранных свидетельств, переписанных из иностранных архивов, была издана не в Англии, не во Франции, не в Швеции, а именно у нас, в России, русскими учеными обществами и другими русскими организациями.

Предлагаемая работа состоит из шести глав.

Первая глава даёт сжатое изложение событий Северной войны, предшествовавших вторжению Карла XII в пределы

Русского государства. Здесь рассматриваются те мотивы, которые заставили Россию продолжать и в начале XVIII в. добиваться подступа к морю, как она безуспешно, но упорно добивалась этого и в XVI и в XVII вв., а также те условия, которые, несмотря на все трудности и первоначальные тяжелые военные неудачи, позволили Русскому государству уже в первые семь лет военной борьбы (1700—1707) прочно утвердиться в Ингрии, Эстляндии (Эстонии) и отчасти в Ливонии.

Вторая, третья, четвертая, пятая главы посвящены рассказу о нашествии шведов на русскую территорию, начавшемся весной 1708 г. и закончившемся отчасти физическим уничтожением, а отчасти пленением всей шведской армии 27 июня под Полтавой и 30 июня 1709 г. под Переволочной и бегством Карла XII в Турцию. Здесь дан анализ обстоятельств, приведших к этой блистательной победе русской армии над агрессором и к разгрому шведской армии, не только считавшейся непобедимой, но и на самом деле бывшей по своим боевым качествам первой во всем тогдашнем западноевропейском мире. Особое внимание посвящено тут русской народной войне против шведского агрессора, не только могущественно содействовавшей полнейшему, безнадежному провалу изменнического предпринятия гетмана Мазепы, но и подготовившей конечную шведскую катастрофу под Полтавой и Переволочной.

Наконец, в последней (шестой) главе рассматриваются ближайшие политические последствия Полтавской победы как для Швеции, так и для России. Эта глава является как бы послесловием и, подобно первой, вводной, главе, выходит за точные хронологические пределы основной темы моей работы, но (тоже подобно первой главе) она совершенно необходима для полного понимания всего значения великой победы русского народа над вторгшимся в Россию агрессором.

Как в первой, вводной, главе, так и в шестой, заключительной, конечно, изложение событий далеко не так подробно, как в пяти главах, посвященных навеки памятной истории 1708—1709 гг. Автор ни на минуту не упускал из виду, что он пишет историю не всей Северной войны, но только героической борьбы, происходившей на русской территории, куда

весной 1708 г. вторгся и где в июне 1709 г. нашел свою полную гибель агрессор.

Этот год непосредственной борьбы России за свое государственное самостоятельное существование бесповоротно определил счастливое для русского народа окончание всей Северной войны.

В долгой исторической эпопее сопротивления России всем агрессорам, периодически пытавшимся подчинить ее своей воле и своим интересам, катастрофическая гибель шведских захватчиков навеки заняла по праву одно из самых выдающихся мест.

ГЛАВА I

Северная война до вторжения шведской армии в пределы России. 1700—1708 гг.

1

Первая четверть XVIII в. была тем периодом истории русского народа, когда на несколько поколений вперед решалась его историческая судьба. Прямые потребности его дальнейшего экономического развития, необходимость преодолеть хотя бы отчасти большую экономическую и техническую отсталость, повелительно дававшая себя чувствовать потребность покончить с многими обветшалыми и тормозящими пережитками старины в практике правительственной деятельности — все это поставило еще в допетровском поколении перед сколько-нибудь прогрессивно и самостоятельно мыслящими людьми грозный вопрос о возможности дальнейшего сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении в широком смысле этого слова, если остаться при рутинном быте, политическом и общественном, при рутинной непримиримо консервативной идеологии, при отказе от сколько-нибудь активной внешней политики. Эта политика неминуемо должна была продолжить линию дипломатической и военной деятельности Ивана Грозного и непременно вывести Россию к морю. Требовалась ускоренная, трудная и, главное, одновременная работа в двух областях: нужно было торопиться проводить одну за другой хотя бы необходимейшие внут-

ренные реформы и в то же время вести долгую войну против грозного, прекрасно вооруженного, озлобленного и беспощадного врага.

Русский народ нашел в себе могучие силы и неисчерпаемые средства, чтобы поднять на свои плечи и вынести на себе неимоверное бремя этой двойной внутренней и внешней работы.

Русский народ создал Петербург, новую армию и перво-классный флот, не только отстоял свою самостоятельность от отчаянных нападений неприятеля, но и сделал Россию державой мирового значения. И одновременно стал на путь нового политического развития, которое при всех своих темных, отрицательных сторонах все же было явлением прогрессивным сравнительно со стариной. В этой гигантской работе русский народ выдвинул на руководящее место личность, исключительную по своим гениальным разнообразным дарованиям, по своей неукротимой энергии, по смелому дерзанию, по крайней мере в отношении методов, какие Петр пускал в ход. Эта черта и заставила некоторых авторов, писавших о нем, впасть в историческую ошибку, называя время Петра «революцией». До революции Россия должна была еще прожить двести лет, и незачем вносить методологические и терминологические неточности в изучение громадной реформаторской деятельности Петра. Энгельс сопоставил Петра с Фридрихом II, королем прусским. Он это сделал именно затем, чтобы сказать о Петре: «Этот действительно великий человек», а говоря о Фридрихе, поставить слово «великий» в иронические кавычки¹.

Конечно, Фридрих II был крупным политическим деятелем XVIII в., но если принять во внимание, что его внутренняя деятельность не была ознаменована ни единой сколько-нибудь крупной реформой, что война, которую он вел, едва не окончилась полной его (и прусского государства) гибелью и спасен он был исключительно, как сам признавал это, смертью русской императрицы Елизаветы, то применять к нему тот же эпитет, как к Петру, в самом деле можно лишь в припадке острого прусского шовинизма, против которого Маркс и Энгельс вели всегда ожесточенную борьбу.

Долгая борьба против Швеции началась при очень невыгодных условиях русской технической отсталости, которую нужно было спешно преодолевать. В области военной организации кипучая реформаторская деятельность Петра привела к созданию в невероятно короткий срок новой армии, в которой было очень удачно совмещено все хорошее, что Петр нашел в области военной организации на Западе, с некоторыми правильно оцененными положительными чертами старорусского ратного дела. И уже вскоре после первой Нарвы русские артиллеристы стреляли из орудий, сделанных русскими мастерами на своих оружейных заводах из своего железа и меди, и русские корабельные мастера строили на своих верфях суда, которые ничуть не уступали ни английским, ни голландским, ни французским.

Необычайное усиление централизации власти шло при Петре параллельно с упорными, энергичнейшими мероприятиями правительства по созданию и укреплению промышленной деятельности. Широкие привилегии, субсидии, всяческие поощрения и награды сыпались на удачливых предпринимателей, правительство и само выступало, где это было нужно и возможно, в роли хозяина и распорядителя промышленных предприятий. Устройство каналов, прокладка новых и расширение старых сухопутных путей сообщения позволили использовать далекие естественные богатства — железную руду Урала, строевой лес Средней, Восточной и Северной России, особенно лес мачтовый, предмет всегдашней зависти англичан, которые были усердными его покупателями. Торговые операции как в области торгового внутреннего, так и в области иностранного экспорта приобрели невиданные прежде на Руси размеры. И тогда уже, заметим к слову, сказалась черта, которая так восхищала иностранных наблюдателей впоследствии, во второй половине XVIII в.: правила, введенные в России, гораздо меньше стесняли ремесленную и торгово-промышленную деятельность, чем это было в ту пору цехового законодательства, например во Франции, в Пруссии, в габсбургских владениях, в государствах Апеннинского и Пиренейского полуостровов и в той же Швеции.

Заводы, «манифактуры», заботы о водных и сухопутных сообщениях, начало торгового флота — все это были явления очень значительные, знаменовавшие, бесспорно, прогресс в русской экономике, но ни в это время, ни очень долго после него никаких существенных изменений в феодально-крепостническом способе производства и в общественных условиях не было. Мало того, не только не наблюдалось никаких смягчающих обстоятельств в практике крепостнических отношений, но именно относительно петровского времени должно повторить то, что сказал в свое время В.И. Ленин, борясь со слащаво-лицемерными попытками либеральной историографии «подкрасить» всю историю русского крепостного права: «Не хрупким и не случайно созданным было крепостное право и крепостническое поместное сословие в России, а гораздо более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире»². И в другом месте он подчеркивает, что только после 19 февраля 1861 г. «на смену крепостной России шла Россия капиталистическая»³.

Всякая модернизация экономики России времени Петра была бы грубой антиисторической ошибкой.

Хозяйство России в первой четверти XVIII в. и позже оставалось хозяйством феодально-крепостническим. Поскольку крепостные крестьяне стали еще более зависимыми от землевладельца, пребывая такими же, как и до Петра, беспомощными перед произволом низших и высших носителей государственной власти, постольку и создаваемая при Петре крупная добывающая и обрабатывающая промышленность неминуемо начала базироваться на подневольном труде закрепощенных крестьян, «поверстанных» в заводские и мануфактурные рабочие.

Не следует этого забывать и впадать в преувеличения. В новую, буржуазную, общественную формацию Россия при Петре еще перейти не успела. Но создаваемый тип абсолютистской монархии при Петре был уже более новым, более приспособленным к усложненной экономической жизни политическим строем, чем самодержавие XVII в. Абсолютизм первой четверти XVIII в. был прежде всего сильнее, осведомленнее, оперативнее, чем очень отсталый аппарат царской власти вре-

мен Алексея Михайловича. А кроме того, абсолютизм при Петре стал несравненно богаче экономическими ресурсами. Быстро шедшее в гору развитие промышленности и торговли давало возможность прежде всего обеспечить техническим оснащением новую армию и только что возникший флот. Дворянство и купечество как два класса, господствующие над низшей податной массой и ее нещадно эксплуатирующие, но при этом всецело подчиняющиеся воле монарха, которая передается и осуществляется посредством сложного и очень разветвленного бюрократического аппарата, — такова была структура петровского государства, по крайней мере в том виде, как его замышляло и строило законодательство времени Петра.

И в разгаре гигантской перестройки всего государственного аппарата России пришлось повести тяжелую, упорную, опасную борьбу за возвращение отнятого у нее морского побережья, за выход к морю.

2

Насильственное отторжение от России ее приморских владений началось еще в XVI столетии. Борьба Ивана Грозного за доступ русского народа к морю не увенчалась успехом и окончилась потерей очень ценной территории.

Фриксель и другие шведские историки не правы, когда говорят, что Ингрия (Ингерманландия) была в свое время первой территорией, захваченной шведами у русских. Ингрия (старая Новгородская «Водская пятина») была захвачена шведами лишь по Столбовскому договору 1617 г. А еще в 1595 г. по русско-шведскому мирному договору, заключенному 10 мая 1595 г. в г. Тявзине, русские принуждены были, несмотря на свои протесты, «уступить княжество Эстляндию» «со всеми замками, которые суть: Нарва, Ревель, Вейсенштейн» и т.д. Только в 1703—1704 гг. вслед за Ингрией наступила очередь Эстляндии (Эстонии), и она в процессе продолжающейся войны была возвращена России.

Заметим, кстати, по поводу этой идущей от Ивана Грозного традиции борьбы за море, что в своих работах Маркс и Энгельс неоднократно высказывались, как известно, в самых ре-

шительных выражениях, что Россия не могла нормально развиваться, не получив свободный выход к морю. О колоссальном значении повелительного требования, выдвинутого всей русской политической и экономической историей, овладеть выходом к Балтийскому морю, Маркс говорит и в четвертой тетради своих замечательных «Хронологических выписок»⁴.

Нужно, однако, заметить, что предшественники Карла XII на шведском престоле — и Карл IX и Густав Адольф, приходившие в столкновение с Россией в самый критический момент ее существования, в разгаре разрухи Смутного времени и в первые годы после воцарения Михаила, никогда не осмеливались ставить перед собой ту задачу, которую поставил перед Швецией Карл XII, хотя нет никакого сравнения между тяжким экономическим и политическим положением Русского государства в первые годы XVII в. и начинавшимся могуществом быстро шедшей вперед петровской России.

Те короли, при которых создавалось и крепло шведское великодержавие, не похожи были в своем отношении к России на того, которому суждено было навеки похоронить это великодержавие под Полтавой. Когда, например, Карл IX решил в первые годы XVII в. воспользоваться затруднительным положением русского правительства, то расчеты его не шли дальше стремления утвердить шведские позиции на Прибалтике, овладеть г. Корелой (Кексгольмом) и установить влияние шведов в Новгородской земле. И вместе с тем его знаменитое письмо к Василию Шуйскому и дальнейшие его обращения к царю сулили военный союз и помощь Швеции для борьбы против грозной опасности со стороны Сигизмунда III, не отказавшегося от программы обширнейшей агрессии против восточного соседа.

По мере усиления разрухи в Русском государстве аппетиты Карла IX, конечно, росли, он уже думал о прямом завоевании Новгородской земли, но никогда не выдвигал и мысли о завоевании или даже хотя бы установлении вассалитета Московского царства. И когда после овладения Новгородом шведское правительство, воспользовавшись «вакантным» состоянием московского престола после падения Шуйского, задумало домогаться избрания на царство принца шведского Карла

Филиппа, то шведский король Густав Адольф, преемник Карла IX, всячески стремился удостоверить русских своих контр-агентов, что брат его Карл Филипп в случае избрания будет совершенно самостоятельным от Швеции русским царем и русский народ нисколько не утратит своего суверенитета. Уже завоеванный шведами Новгород они рассчитывали оставить за собой, но о покорении или вассалитете остальной России не было речи.

Правда, из кандидатуры Карла Филиппа ничего не вышло, и шведы натолкнулись на упорное противодействие русского населения. Но мы не будем дальше на этом останавливаться⁵. Нам важно было лишь отметить, во-первых, то обстоятельство, что шведам уже в начале XVII столетия пришлось испытать русское народное сопротивление всяким попыткам агрессии и захватов русской земли, а во-вторых, подчеркнуть, что шведские правители начала XVII в., в том числе Густав Адольф, у которого хватило сил победоносно пройти через всю Центральную Европу и грозить существованию Габсбургской монархии, все-таки никогда не увлекались мечтой о триумфальном въезде в Москву и разрушении Русского государства.

Когда в январе 1617 г. начались русско-шведские мирные переговоры, то русские представители уже со второго совещания (7 января) потребовали возвращения Ливонии, заявляя, что она «за нами от прародителей государей наших, от государя Георгия Ярослав Володимировича, который построил Юрьев Ливонский в свое время». А шведы на это ответили насмешкой: «Ливонских городов вам за государем своим не видать, что ушей своих». Русские твердили, что Ям, Копорье, Ивангород, Юрьев (Дерпт), Ругодив (Нарва), Орешек (позднейший Нотебург-Шлиссельбург) — города русские и от них русское царство не отступится, и от Корелы (Кексгольма) тоже не хотели отказаться. Но отказаться все-таки пришлось, слишком еще слабо было московское правительство после страшных десятилетних смут и потрясений 1603—1613 гг., чтобы отстоять вооруженной рукой русское народное достояние от захвата чужеземцами. Издевательства шведов во время этих долгих переговоров, начавшихся в Дедерине и кончившихся в

Столбове 27 февраля 1617 г., показывали, что никакого значения угрозам московских правителей шведы не придавали.

Король Густав Адольф торжественно поздравил собравшийся в Стокгольме риксдаг 26 августа 1617 г. с победоносным для Швеции мирным договором, подписанным в Столбове. В русской исторической литературе имеются два варианта речи, якобы произнесенной перед представителями сословий королем, — один вариант принадлежит С.М. Соловьеву («История России», изд. 3, т. II, стр. 1131), а другой (не похожий во многом) — Г.В. Форстену («Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях». СПб., 1894, т. II, стр. 148—149). Ни тот ни другой исследователь не дают никаких указаний на источник. С.М. Соловьев шведскими материалами не пользовался никогда и, очевидно, доверился Н. Лыжину⁶. Форстен не только знал шведский язык, но в другом месте своей книги и по другому поводу даже называет единственный источник, на который должно было бы сослаться в данном случае — собрание писем, указов, речей, распоряжений, оставшихся от Густава Адольфа и опубликованных в 1861 г.⁷. Но в этом сборнике вовсе нет ни приводимого Лыжиным и Соловьевым, ни приводимого Форстеном варианта. Форстеновский вариант, во всяком случае, ближе напоминает слова Густава Адольфа, чем вариант Лыжина и Соловьева, хотя и Форстен тоже вложил в уста короля кое-что, чего тот вовсе не говорил. Форстен составил свой отрывок из взятых в разных частях документа слов короля. Конечно, говоря об этом важном документе, мы должны, оставляя в стороне эти скомпонованные мнимые варианты речи, сообщить читателю основные мысли Густава Адольфа, прямо относящиеся к нашей теме и высказанные им на самом деле в более деловом тоне.

Король прежде всего поздравляет членов риксдага с «великолепной победой», «великолепным миром» и начинает с указания на то, что этот мир, отделяя Швецию от России «озерами, болотами, реками», дает стране безопасность. Россия занимает крупную часть Европы и Азии, и ее могуществом не должно пренебрегать, она победила три татарских царства: Сибирь, Казань, Астрахань. А самое важное — это уступка в пользу шведов со стороны такого могущественного государ-

ства, как Россия, крепостей: Ивангорода, Яма, Копорья, Нотебурга и Кексгольма с прилегающими к этим крепостям земельными владениями. Отныне, радуется король, Финляндия защищена большим Ладожским озером, Эстляндия — Нарвой и Ивангородом. Очень любопытно отметить, что все эти отнятые у русских земли Густав Адольф еще обозначает в этой своей речи старым, традиционным, идущим от древнего Новгорода названием «Водской пятины», граничащей «с трех сторон: с Балтийским морем, Ладогой и Пейпусом»⁸.

В речи короля перед стокгольмским риксдагом, произнесенной 16 августа 1617 г., Густав Адольф и не думает ссылаться на какие-либо исторические или юридические права Швеции на отнятые у России земли. Но ни ему, ни его слушателям совершенно неинтересно и не нужно придумывать какие-нибудь объяснения или оправдания — победителя не судят.

Вот наиболее характерные слова Густава Адольфа: «Итак, я надеюсь на бога, что и русское войско также... не перепрыгнет и не проскочит через этот ручей (ofwer denna bäcken at hoppa eller springa)»⁹.

Но прошло всего восемьдесят лет, и русские при Петре перешагнули через «ручей» и одолели «преграду», сооруженную Густавом Адольфом из их же собственных, отнятых силой владений.

Недаром шведские послы при столбовских переговорах так «сердитовали» на московских бояр, что те ни за что не соглашались вставить в договор ручательство «за наследников царя и будущих царей» и вовсе не желали обещать, что эти «будущие цари» обязаны будут соблюдать условия Столбовского договора¹⁰. Напротив! В Москве не скрывали, что считают этот договор несправедливостью и грубым насилием.

В Европе знали очень хорошо все те, кто интересовался международными отношениями, что в Москве еще в середине XVII в. очень болезненно переживали и вспоминали тяжелые условия навязанного России Столбовского договора. Гуго Гроций, бывший в переписке со знаменитым шведским государственным канцлером Акселем Оксеншерной, сравнивал чувства русских, вспоминающих об отторгнутых шведским насилием стародавних русских владениях, с чувствами англичан,

которые вспоминают об отнятом у них французами старом британском владении — Нормандии¹¹.

В Москве и в самом деле никогда не забывали о насильственно отнятых у русских прибалтийских «вотчинах и дединах» и никогда не считали условия Столбовского трактата окончательными. Когда возникла агрессивная война шведского короля Карла X против Польши, царь Алексей Михайлович без колебаний начал войну против Швеции, ни за что не желая такого нового соседа для Белоруссии, как Швеция. Тотчас же было затронуто больное место, и русский дипломат князь Данила Мышецкий убеждал датчан соединиться против шведов с русскими, потому что шведский король желает один завладеть Варяжским (Балтийским) морем. Русские вступили в Динабург и по дороге к Риге в Кокенгаузен (древний русский Кукейнос) и Дерпт (старый русский Юрьев). Все это было в июле и августе 1656 г., и московская рать уже осадила Ригу, хоть и без успеха. А когда замечательный дипломат старой Руси Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин был послан заключать мир с Швецией, потому что этого требовала изменившаяся политическая обстановка в Польше и на Украине, то он очень хлопотал о том, чтобы Ливония осталась за Россией. Но миновала более или менее выгодная для Москвы общеполитическая обстановка, и мечта Ордин-Нащокина оказалась совершенно неисполнимой. Мир был заключен в 1657 г. «вничью». Правильный государственный расчет говорил и Алексею Михайловичу, и Ордин-Нащокину, и князю Мышецкому, что война с Польшей — дело второстепенное, а уничтожение ненавистного Столбовского договора, лишаящего русский народ возможности нормального экономического и политического роста, должно стоять на первом плане. Но великое государственное дело пришлось отложить еще на четыре десятилетия.

Самый значительный по глубине мысли и широте политического кругозора дипломат допетровской Руси боярин Ордин-Нащокин всегда стоял за дружбу с Польшей и за мирные отношения с Турцией во имя энергичной политики против Швеции и возвращения старых русских прибалтийских владений в интересах продвижения Русского государства к морю.

Даже и тогда, когда ближним боярином царя Алексея Михайловича по внешнеполитическим делам стал Артамон Сергеевич Матвеев, в глазах которого вопрос о новых границах Москвы с Польшей казался первоочередным, русская дипломатия буквально при каждом случае официальных переговоров со шведами не переставала заявлять устами своих представителей об Ингрии, о «ливонском» (точнее, эстонском) Юрьеве, о Карелии, о возвращении всех этих русских «вотчин и дедин», городов Яма, Ивангорода, Копорья, Орешка-Нотебурга, Ругодива-Нарвы, Корелы-Кексгольма, Юрьева-Дерпта и т.д. И когда Софья-правительница возобновила в 1684 г. Кардисское соглашение с шведами, то ее представители, которым велено было подтвердить мирные отношения с Швецией, чтобы развязать тогда России руки на юге для действия против турок и Крыма, даже и тогда, не требуя, конечно, пока от шведов удовлетворения своих претензий, успели, однако, вернуть заявление об этих русских землях, отторгнутых насильственно Швецией в годы Смуты.

Но твердая национальная традиция, жившая в русском народе, никогда не отказывалась от отнятых шведами русских территорий на берегах Финского залива.

И когда, например, посадский человек Колягин просит взыскать с жителей шведской Нарвы должную ими сумму по большой товарной операции (за лен и пеньку), то истец имеет ответчиков «ругодивными жителями»¹². Этот документ — а он не один — характеризует также обширные торговые связи русского Севера с захваченными Швецией бывшими русскими владениями.

Не только Петр и его приближенные считали и называли сплошь и рядом Нарву Ругодивом, Дерпт — Юрьевом, Кокенгаузен — Кукейносом, Нотебург — Орешком, Ревель — Колыванью, Кексгольм — Корелой, но и новгородские крестьяне иначе не называли Ингрию (Ингерманландию), как по-старо-новгородски, когда она была одной из пятин «господина Великого Новгорода», — «Водской пятиной». Вот как, например, начинают крестьяне Новгородского уезда свою челобитную, поданную ими царю в 1718 г., говоря о разорении времен Северной войны: «В прошлых годах неприятельские шведские

воинские люди приходили в твою, государь, сторону, в Водскую пятину... церкви божии и помещиков наших дома и деревни пожгли и разорили без остатку...» А после взятия Петром этих старых русских владений, уже после возвращения «Шлютенбурга» — Орешка, продолжают челобитчики, «учали мы, нижепоименованные немногие люди в старых своих деревнишках селиться». «Водская пятина», а за ней и другие русские прибалтийские «вотчины и дедины» были возвращены России после упорной, опасной, кровопролитной борьбы против Швеции.

Могучие социально-политические и экономические потребности широкого беспрепятственного развития страны, повелительные нужды обеспечения ее обороны от западных соседей диктовали русскому народу уже давно — с XVI в. особенно настойчиво — необходимость овладеть Балтийским побережьем. Без успешного завершения этого дела Россия рисковала стать со временем колонией или полукolonией Запада.

3

Как одна из крупнейших индивидуальностей мировой истории, личность Петра подвергалась, естественно, самым разнообразным оценкам. И как человек, и как законодатель, и как администратор, и как дипломат, и как полководец он всегда был в центре внимания всех, изучавших его время. Одни превозносили его выше облака ходячего и не желали усматривать ни одного пятна на его исторической репутации, его именем охотно пользовались официальные и официозные историки в целях монархической пропаганды. Другие, в частности славянофилы, старались очернить его. Они, как выразился о них Некрасов, «в Москве восхваляли с экстазом допетровской порядок вещей», причем тоже, как и их официозные оппоненты, с жаром прославляли царизм, но только пользовались для этого больше образами первых царей из дома Романовых, противопоставляя их Петру. Революционные демократы — А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, В.Г. Белинский высоко оценивали реформаторскую деятельность Петра и считали его могучим деятелем прогресса.

Позднейшая монографическая разработка истории России эпохи Петра и общий анализ его личности в дореволюционной дворянской и буржуазной историографии сильно отставали от научных требований и не пошли, в общем, дальше идеалистических концепций С.М. Соловьева, К.Н. Бестужева-Рюмина, произвольных и часто просто фактически не обоснованных высказываний В.О. Ключевского и т.п. Дворянская и буржуазная историография оказалась совершенно без руля и без ветрил, когда пробовала дать сколько-нибудь широкую и обоснованную концепцию внешней политики России в начале XVIII в. Отдавая дань исключительным свойствам ума и характера Петра I и его бесспорным заслугам перед русским народом, представители этой дореволюционной историографии часто повторяли ошибки восторженных западников вроде Грановского (плакавшего от умиления, глядя на изображение Петра) или даже несравненно более осведомленного и далекого от романтических увлечений исследователя вроде Соловьева и очень многих его учеников, которые склонны были преувеличивать роль реформатора.

Если эпоху Петра никогда не оценивала сколько-нибудь научно старая либерально-буржуазная историография конца XIX и начала XX в., стоявшая на идеалистических позициях, то много неправильного и необоснованного в оценку этого периода внесла затем также ошибочная концепция «школы Покровского», стремившаяся свести к нулю личную роль Петра на основании слишком прямолинейно примененного и слишком узко истолкованного бесспорного положения, что не личности, а видоизменения в способах производства и производственных отношениях являются основной движущей силой истории. Советская историческая наука преодолела эти ненаучные, немарксистские концепции, исходя в оценке эпохи Петра I из всестороннего анализа как внешнеполитической обстановки того времени, так и глубинных социально-экономических процессов внутреннего развития России.

Петр привлекает к себе наше внимание прежде всего как дипломат, как воин, как организатор победы. Это требует сосредоточения внимания, поскольку речь идет о личности Петра, на двух главных вопросах. Во-первых, правильно ли понял

Петр повелительную внешнеполитическую задачу и потребности России? Во-вторых, верно ли и целесообразно ли он действовал как руководитель в войне и дипломатии для достижения успеха в страшной и необычайно долгой борьбе против врага с Запада, которую русскому народу пришлось вынести на себе? Эти вопросы при анализе сложной личности Петра имеют прямое и непосредственное касательство к истории победоносной, сокрушающей победы русского народа над шведскими захватчиками.

Предлагаемая работа основана на представлении о решающей роли не личности Петра, а всего русского народа. Здесь мы специально рассматриваем личный вклад Петра в дело успешной борьбы народа против агрессора — и только.

На первый из поставленных только что вопросов о Петре ответ должен быть дан положительный: Петр правильно понял (конечно, не он один — о его предшественниках уже сказано) исторические условия и основную задачу русской внешней политики в момент, когда началось его царствование. И разрешения этой задачи — завоевание выхода России к морю — он неуклонно добивался вплоть до счастливого для него дня 30 августа 1721 г., когда задача была наконец решена подписанием Ништадтского мира и можно было более свободно и продуктивно, чем до сих пор, заняться другими внешнеполитическими, а также громадными внутривнутриполитическими проблемами в оставшиеся три с половиной года его жизни.

На второй вопрос, целесообразно ли он действовал для достижения поставленной основной цели, ответ может быть также дан вполне положительный. Это доказывается не только конечным полнейшим успехом, но может также быть иллюстрировано если не всеми, то основными, важнейшими дипломатическими и военными шагами политики России на всех решающих стадиях борьбы со Швецией. Россия испытала на этом долгом пути в первый, допольтавский, период тяжкие военные неудачи и переживала критические моменты. Однако эти неудачи вызывались не дипломатическими ошибками, а причинами другого порядка, прежде всего технической отсталостью России, особенно в начале войны, как в области военного дела,

так и в области экономики, а также неожиданно обнаружившейся слабостью и сомнительной верностью союзников.

Русская дипломатия относительно всех европейских держав вообще отличалась большой продуманностью и осторожностью. Петр умел подчинять порывы своей страстной, эмоциональной натуры холодным велениям разума и политической выгоды. Он знал, например, что его союзник, король польский Август II, обманывает его на каждом шагу, что он увенчал в 1706 г. свои мелкие предательства крупной изменой, когда за спиной России заключил с шведами сепаратный мир, о котором царь узнал, лишь когда все было кончено. И, однако, Петр долгие годы делал вид, что простил все прегрешения Августу, потому что ему необходимо было поддерживать в Польше враждебную Станиславу Лещинскому антишведскую партию, продолжавшую надеяться на возвращение Августа в Польшу. Но когда после Полтавы Август в самом деле вернулся на польский престол и, осмелев и приободрившись, занялся о правах Польши на часть Ливонии, Петр тотчас же осадил его, заявив, что так как Ливонию заняли русские без малейшей помощи Августа, то за русскими она и останется. Он очень рано, по-видимому, понял также, что Англия может лишь временно быть враждебна Швеции, потому что Карл — союзник Франции, с которой Англия ведет долгую ожесточенную войну, и еще потому, что она желает приобрести Бремен и Верден для Ганновера, но что стоит Франции заключить мир с Англией, и англичане будут усиленно, всеми мерами, и открыто, и тайно, вредить России и препятствовать русскому преобладанию на Балтийском море и на севере Германии. Это, разумеется, не значит, что Англия не боролась всячески против России задолго до той поры. Можно сказать, что со времен появления Ченслера и начала русско-английских торговых отношений при Иване Грозном англичане стремились препятствовать активности и участию русского купечества в морской торговле. И чем решительнее проявлялось стремление России закрепиться на балтийских берегах, тем враждебнее делалась позиция англичан. И не только с экономической, но прежде всего с политической точки зрения укрепление России на море шло вразрез с планами британского кабинета. В этой скрытой,

а затем и довольно открытой долгой борьбе с Англией Петр искусно пускал в ход угрозу разрыва экономических отношений, зная хорошо, что в русско-английской торговле англичане заинтересованы были в тот момент гораздо больше, чем русские. Он знал также, что подобные же экономические соображения заставляют и Голландию очень считаться с желаниями и требованиями России. Англо-голландское торговое соперничество было одним из важных «инструментов» внешней политики России (как выражаются дипломаты), и Петр умело этим инструментом пользовался, зная, что многое, о чем говорится в Гааге и Лондоне, зависит от того, что делается в Архангельске.

Петр оказался не только талантливым и проницательным дипломатом, но и высокоодаренным полководцем и военным организатором в той тяжелой борьбе, в которой русскому народу пришлось отстаивать свое будущее, а временами (в 1708—1709 гг.) свое самостоятельное существование.

Если бы можно было характеризовать его дипломатическую деятельность чисто отрицательными признаками, т.е. указывая на те свойства, которых у Петра не было, то можно сказать: в Петре-дипломате не было и тени авантюризма. Он поставил себе цели, повелительно диктовавшиеся неудовлетворенными экономическими потребностями России в свободном выходе к морю, в возвращении старых, насильственно отнятых чужеземцами в XVI—XVII вв. русских балтийских берегов, без чего было бы немыслимо думать о сколько-нибудь широком развитии экспортной и импортной торговли и вообще о непосредственных сношениях с Западом. Вовсе не авантюрные завоевательные претензии и честолюбивые фантазии приковывали мысль Петра к Балтийскому морю, но невозможность и даже опасность откладывать надолго выполнение задачи, которая была осознана, как сказано, еще в XVI—XVII вв.

В дореволюционной русской историографии, если (и то с большими оговорками) исключить С.М. Соловьева, Петр как полководец, в общем, был оценен недостаточно и ненаучно. Гигантская общегосударственная, реформаторская деятельность

Петра заслоняла перед умственным взором историков его руководящую роль в военных событиях.

Петр был душой русского верховного командования, он исправлял много раз промахи Шереметева, Репнина, Боура, Меншикова и Апраксина, не говоря уже об Огильви. Даже в самой краткой характеристике Петра, сделанной В.О. Ключевским в IV томе его известного «Курса русской истории», читаем: «...он (Петр. — *Е.Т.*) редко становился и во главе своих полков, чтобы водить их в огонь, подобно своему противнику Карлу XII». Сделав неизбежную, конечно, оговорку о Полтаве и Гангуте, совершенно разрушающую, кстати сказать, все его предшествующие утверждения, и совсем забыв о Лесной, Ключевский продолжает: «Предоставляя действовать во фронте своим генералам и адмиралам, Петр взял на себя менее видную, техническую часть войны; он оставался обычно позади своей армии, устроил ее тыл, набирал рекрутов, составлял планы военных движений, строил корабли и военные заводы... всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешал, скакал из одного конца государства в другой, был чем-то вроде генерал-фельдцейхмейстера, генерал-провиантмейстера и корабельного обер-мастера»¹³.

Деятельность Петра и его колоссальная переписка свидетельствуют, что на войне он был прежде всего полководцем, стратегом, а уж потом «провиантмейстером» и «фельдцейхмейстером».

Что Петр был первоклассным полководцем начала XVIII столетия и что в самом деле за прошлые века очень мало можно насчитать сражений, которые, как Полтава, обличали бы такую зрелую продуманность в подготовке и развитии боевых действий, такое проникновение в психологию противника и такое умение использовать его слабые стороны, с этим не будет спорить никто, сколько-нибудь добросовестно и беспристрастно изучавший петровскую документацию.

Даже в самой краткой характеристике Петра как организатора армии должно упомянуть об одном традиционном извращении истины в старой историографии. Мы говорим о преувеличении роли иностранцев как помощников и чуть ли не «руководителей» Петра в проводившихся им реформах. При

этом прежде всего с великим почтением поминают шотландца, бывшего долго на австрийской службе, фельдмаршала Огильви, приглашенного Петром, по совету Паткуля, на русскую службу и пробывшего в России с середины 1704 г. до сентября 1706 г.

На примере Огильви можно иллюстрировать всю ошибочность преувеличений историков Германа, Бриквера, Валишевского и др., которые приписывают приглашенным Петром иностранцам чуть ли не главную заслугу в создании русской регулярной армии. Но Петр «сообразовался с предложениями советников из иноземцев лишь настолько, насколько их проекты соответствовали его личным взглядам. Таким советником, как известно, был Огильви, наметивший в 1704 г. целый план организационных мер. ...Из плана Огильви были заимствованы лишь общие идеи... Но затем дальнейшие меры государя резко расходятся с предложениями Огильви»¹⁴.

И в гневную минуту Петр, говоря об иностранных офицерах и генералах, прибегал к таким обобщениям, как, например, после измены немца Мюленфельса под Гродно в январе 1709 г., когда он рекомендовал Меншикову доверять ответственные посты природным русским людям, а не «сим плутам», зная, что в громадном большинстве случаев иностранцы если не все «плуты», то смотрят на свою службу в России как на своего рода отхожий промысел. Добудут денег и чинов — и уедут к себе. И, конечно, не свои слова, а петровские передал Шафиров Меншикову по поводу навсегда покидавшего, в сентябре 1706 г., русскую службу фельдмаршале Огильви: «Невзирая на все худые поступки, надобно отпустить его с милостью, с ласкою, даже с каким-нибудь подарком, чтобы он не хулил государя и ваше сиятельство; а к подаркам он зело лаком и душу свою готов за них продать»¹⁵. А ведь Огильви был как военный администратор не из самых худших и если чуть не погубил русскую армию в Гродно, противясь приказам Петра о быстрейшем уходе из города, то лишь потому, что, вероятно, был не весьма даровит как стратег и тактик. По крайней мере Петр его в измене не обвинял, хотя непонятное послушание и упорство в Гродно вели русскую армию прямиком к катастрофе.

После горького опыта с Огильви Петр уже больше фельд-маршалов за границей не искал и не нанимал. Как правило, для многих иностранцев, вступавших на русскую военную службу, эта служба являлась в точном смысле слова отхожим промыслом: послужил, наворовал и возвращайся к родным пенатам в Мекленбург, или в Пруссию, или в Голштинию вкушать под старость отдохновение от трудов. «Весьма корыстный человек этот Шиц и никакого стыда в корысти не имеет: генералу Боуру говорил, что он для того только и в службу вашего величества пошел, чтоб, идучи через Польшу, сумму денег себе достать» — так доносил с прискорбием Петру князь В.В. Долгорукий по поводу генерал-квартирмейстера русской армии, стоявшей в Польше в 1711—1712 гг., некоего Шица. Конечно, особенно удивляться тут нечего: на службу в Россию шли из чужих земель не лучшие, а скорее худшие элементы, часто такие, под ногами которых дома, как в XVIII в. выражались, начинала почему-либо «земля гореть», и они предпочитали на время отбыть из собственного отечества во избежание неприятностей, подальше от греха. Но корыстолюбие было далеко не главным их пороком. Да и какие «генерал-квартирмейстеры» любого происхождения клали тогда охулку на руку? Хуже всего была невозможность гарантировать армию от шпионских проделок и вечной готовности к измене со стороны этих пришельцев. Были, конечно, и исключения.

Но Петр явственно стремился по возможности отделаться от иностранцев в командном составе.

Характерен почти никогда почему-то не цитируемый историками указ Петра от 31 января 1721 г. Петр воспрещает вновь принимать на службу во флот тех иноземцев, которые уже там служили и были уволены, получив отставку. Как только явилась возможность наконец заменить их русскими, иноземцы были уволены. Самое интересное, что, позволяя этим уволенным проживать «для прокормления своего в С.-Петербурге и на Котлине острове», царь ставит им тут же такую любопытную «кондицию», чтобы они по возможности не занимались шпионством: «...только на такой кондиции что им жить яко подданным ц.в. (царского величества. — *Е.Т.*) со всякой верностью и в сторону неприятеля... ни с кем корреспонденции

никакой ни о чем не иметь»¹⁶. И даже если узнают о чужой измене, так чтобы извещали.

Однако то, что было возможно в 1721 г., еще было нелегко провести в первые 10—15 лет войны, когда подготовленных русских было еще не так много, как было нужно.

Военная деятельность Петра менее бросалась в глаза, чем, например, личное вмешательство в непосредственные боевые действия Карла XII. Тогда как Карл XII ничего не щадил для эффекта, для возможности лишней раз заявить о молодецком налете, о бегстве врага и т.д., даже если никакого полезного стратегического результата этот успех дать не мог, Петр не терпел подобных проявлений лихости без определенных целей.

Мы увидим в дальнейшем изложении, как проявились таланты Петра в выработке и, главное, в последовательном осуществлении стратегического плана, созданного им в Жолкиеве, в спасении русской армии и выводе ее из Гродно, в победе под Лесной, в победе под Полтавой. Здесь пока достаточно ограничиться этими общими замечаниями.

Обратимся теперь к уяснению целей, какие ставила со своей стороны Швеция, и постараемся дальше хоть в самом сжатом виде охарактеризовать человека, который ею самодержавно правил и который на попытке погубить Россию погубил могущество Швеции.

4

Скажем несколько слов прежде всего о социальных классах Швеции.

В шведском крестьянстве начала XVIII столетия должно отличать мелких землевладельцев, арендаторов-съемщиков и батрачество, кнехтов, которые работали у землевладельцев. Положение кнехтов было очень тяжелым и с каждым годом войны оно становилось все хуже прежде всего потому, что самостоятельные хозяйства, где они работали, сокращались в числе и необрабатываемая земля во всем королевстве занимала к концу царствования Карла XII около $\frac{2}{3}$ всей площади, которая обрабатывалась перед войной. Для них военная служба являлась часто единственным ресурсом, несмотря на всю ее

тяжесть и опасность. Крестьяне-собственники были лично свободными людьми, но крестьяне-арендаторы на землях помещиков еще были местами под властью тех, у кого они арендовали, и, например, подвергались в известных случаях телесным наказаниям. Особенно эти «патриархальные» пережитки были заметны на севере и в Финляндии. При всей скудости источников по чисто бытовой истории шведской деревни в правление Карла XII (на что жалуются шведские исследователи) до потомства дошли все-таки известия о беззащитности крестьян, живших на помещичьих землях на правах сьемщиков, и особенно батраков. А в Финляндии попадались и «Салтычихи» вроде жены большого «каролинца» генерала Крейца, которая развлекалась, гоня своих крестьян сквозь строй, причем роль палачей, стегавших шпицрутенами, исполнялась ее дворовыми людьми.

Но, в общем, крепостные отношения в самой Швеции развивались в первые годы XVIII в. гораздо медленнее, чем в подчиненных Швеции плодородных провинциях вроде Ингрии или Ливонии. И зависело это, между прочим, от малой доходности земельных владений и от невозможности обеспечить за собой рабочую силу, так как рекрутские наборы при непрерывных войнах забирали почти всех здоровых мужчин, и государство поэтому не поддерживало закрепощение, а деятельно боролось против него в качестве «конкурента». Редкое, малочисленное, разбросанное по громадной территории население должно было давать (и давало) Карлу XII лучших солдат его армии, и он тут решительно никаких уступок помещикам не мог и не хотел делать.

Жаловались землевладельцы не только на малопродуктивность своих владений и на отсутствие рабочей силы, но и на полную юридическую необеспеченность своих прав на земельную собственность.

При Карле XII, как единогласно признают шведские юристы и историки, была введена такая юридическая практика, которая давала королю широчайшее право распоряжения земельной собственностью своих подданных. Уже при Карле XI, в 1682 г., было провозглашено право государства в известных случаях ограничивать права частных владельцев, но только при

Карле XII вошли в силу такие порядки, что, например, кредиторы государства могли с дозволения короля забирать в обеспечение своих претензий к казне любую земельную собственность *без разрешения хозяина* в качестве ипотеки. Раздражение как землевладельцев, дворян, так и «полных крестьян» подобным практическим воскрешением феодального представления о верховных правах сюзерена над собственностью васалов было весьма естественно. Но не только это обстоятельство заставляло землевладельцев меньше, чем прежде, дорожить своей собственностью и часто стараться от нее отделаться. Налоги на земельные владения быстро росли и сурово взыскивались, а добывать себе батраков для обработки земли становилось с каждым годом бесконечно затягивавшейся войны все труднее и труднее. Машина рекрутчины действовала так исправно, что в деревнях молодые мужчины уже в первые годы войны являлись редкостью. Ропот крестьянского сословия был очень предусмотрительно придушен, потому что Карл XII фактически свел к нулю собрание местных, по старине собиравшихся совещаний делегатов всех сословий. А затем при нем крестьяне уже не приглашались, и в собраниях участвовали только представители духовенства, дворянства и горожан (бюргерства).

Бюргерство при Карле XII почувствовало себя более стесненным в своей экономической деятельности, чем в течение всего предшествовавшего периода, начиная от Густава Адольфа. Во-первых, король присвоил себе фактическую монополию на дарование права заниматься известными ремеслами и торговыми промыслами, в том числе такими, как железоделательные ремесла, выпечка и продажа хлеба, гонка спирта, пивоварение. Во-вторых, торговля внутренняя была обставлена рядом стеснений и подлежала разнообразным поборам. Все это оказывалось необходимым и проводилось в жизнь вовсе не потому, что правительство Карла XII не понимало всей вредности для экономического развития страны подобного рода искусственного воскрешения феодальных пережитков и торжества полного, ничем не сдерживаемого произвола в области экономики, подрывавшего всякое чувство уверенности в завтрашнем дне и правовой прочности коммерческих сделок. Но

положение финансов было таково, что продолжать далекую, трудную, разорительную войну можно было, лишь прилагая совсем исключительные усилия для выколачивания из населения срочно (всегда срочно!) необходимых сумм, потому что заключать внешние займы становилось с каждым годом все затруднительнее и кредиторов не успокаивали надолго даже такие экстравагантные права, как упомянутое дарованное им право объявлять ипотекой любое частное земельное владение. Наконец, наиболее состоятельные слои бюргерства, в руках которых находились судостроение и морская торговля, хоть и были тоже обложены большими поборами, но их дело оставалось настолько выгодным, что они не так роптали, как ремесленники или купцы, ведшие торговлю внутреннюю. Внешней торговле мешало другое зло: каперство. Англичане, голландцы, «ганзеаты» из Любека, Бремена, Гамбурга, датчане, голштинцы пользовались положением, в котором оказалась Швеция в длительной борьбе, и без особых церемоний захватывали шведские или направлявшиеся в Швецию торговые суда. И все-таки морская торговля Швеции еще долго оставалась заметным элементом в экономической жизни шведского народа. Особенно это следует сказать о первом, допотопском, периоде Северной войны, нас тут больше всего интересующем.

В Швеции начала XVIII в. мы видим страну, которая не только еще не изжила отношений, свойственных феодальному способу производства, но которая подвергалась со стороны абсолютистского правительства своеобразному эксперименту искусственного воскрешения и укрепления феодальных воззрений на земельную собственность (во имя чисто финансовых нужд и соображений правительства). Буржуазные отношения уже проникли с довольно давних пор в экономику и социальный быт страны, но еще не были закреплены ни в юриспруденции, ни в житейской практике. Все растущее значение обрабатывающей и особенно добывающей промышленности для экономики страны, а также морской торговли делало неизбежным, конечно, дальнейшее, более ускоренное развитие отношений, свойственных капиталистической структуре общества (в особенности после окончательной потери «житницы» Швеции — Ливонии и других заморских владений государ-

ства). Борьба за Прибалтику являлась борьбой за существование полуфеодального строя Швеции, и жалобы аристократии и поддерживавшего ее рядового дворянства на военную политику короля никогда не направлялись против борьбы с Россией: тут аристократия и дворянство были вполне согласны с королем. Критика направлялась только против войны с Польшей и Саксонией, поскольку эта война в своем непомерном развитии могла привести к опасности потери Прибалтики (что и случилось впоследствии). Борьбе за Прибалтику всецело сочувствовало и бюргерство, а протеста против войны именно с Россией не было слышно ниоткуда. Отстаивание огнем и мечом некогда грабительски захваченных шведами русских земель от возвращения их старым русским владельцам стало популярным мотивом войны в глазах всей шведской общности, особенно до начала периода военных неудач. Борьба за Прибалтику считалась борьбой против обеднения государства и обеднения населения.

Междуклассовые отношения в рассматриваемый период характеризуются антагонизмом между собственническим крестьянством, с одной стороны, и местным дворянством — с другой. В этой борьбе крестьяне-арендаторы (малоимущие) поддерживают крестьян-собственников, потому что борьба идет против искусственно в феодальные времена созданных и государственным насилием поддерживаемых разнообразных прав и привилегий дворянства в области земельных и городских социально-экономических отношений в ущерб недворянскому населению деревни и города. Бюргерство (хозяева ремесленных мастерских, торговцы, купечество, ведущее заморскую торговлю) тоже занимает позицию, оппозиционную дворянству, и стремится к установлению необходимой свободы для беспрепятственного развития своей экономической деятельности. Но эта оппозиция бюргерства дворянско-абсолютистскому строю, так сильно развившаяся уже к середине XVIII в., еще не приняла сколько-нибудь резких форм при Карле XII. Так же как в деревне борьба батрачества, так и в городе борьба наемных рабочих в мастерских за улучшение своей участи еще пока не оказывает заметного влияния ни на политику, ни на бытовые условия.

Что касается основ государственного строя Швеции при Карле XII, то его должно характеризовать как абсолютизм, выросший на феодальной почве и совершенно почти избавившийся от каких-либо стеснений, которые еще были свойственны шведской государственности во время расцвета дворянско-феодальной «сословной монархии» XIV—XV—XVI вв. Шведский абсолютизм окреп в XVII столетии, подавив всякие стремления аристократической верхушки дворянства, поддерживавшиеся «местным» дворянством, ограничить королевское всевластие соответствующим усилением значения сословных учреждений: прежде всего сословного представительства в сейме, а затем провинциальных собраний. Высшее и среднее дворянство главенствовало и в сейме и в провинции над представителями других сословий, но превратить эти учреждения из совещательных в законодательные ему не удалось. С одной стороны, королевская власть поддерживала права и привилегии дворянства, а с другой стороны, ни на какую поддержку бюргерства и крестьян в борьбе против короля аристократия рассчитывать не могла. Пришлось удовлетворяться привилегированным положением в государстве перед лицом других сословий, а также тем, что все высшие должности, как гражданские, так и военные, замещались членами старинных аристократических, а также и совсем новых пожалованных дворянских семей.

Могучую поддержку усилению королевского абсолютизма оказала удачная захватническая внешняя политика шведского королевства в XVII в. и в особенности последовательный захват прибалтийского побережья начиная с XV в., увенчавшийся большими успехами на этом поприще в царствование Густава Адольфа. Скудная, бедная, нуждающаяся в хлебе страна получила обильные хлебобродные территории, и их отставание от бывших русских владельцев стало одной из главных функций внешней политики шведского абсолютизма. Можно сказать, что шведский абсолютизм окреп после Столбовского договора 1647 г. и окончился, по крайней мере временно, после Ништадтского договора 1721 г., когда должен был уступить надолго место аристократической олигархии, возглавлявшей дворянство и устремившейся к захвату власти после

смерти Карла XII. На успехах своей захватнической политики шведский абсолютизм расцвел, на тяжких ее неудачах он и отцвел. Но в своей агрессивной политике против России Карл XII был вовсе не одинок: в этом его всегда очень упорно и стойко поддерживали и аристократия, и среднее дворянство, и крепнувшее купечество.

5

Как можно определить цели шведского правительства, менявшиеся во время Великой Северной войны?

Первоначальная цель диктовалась Карлу XII инициативой врагов: Дания претендует на часть владений герцога Гольштейн-Готторпского, союзника Швеции, Август II, польский король, — на шведскую Ливонию, Петр — на Ингрию. Но быстро одержаны победы над Данией и Польшей. Остается Россия.

Если русские считают, что они возвращают себе войной старые русские владения в Прибалтике, то шведы во главе со своим королем решаются не только всеми силами защищать это свое неправоное стяжание, но и жестоко покарать дерзких московских варваров, явившихся требовать обратно свое достояние, которое в начале XVII в. плохо лежало и которое у них поэтому так ловко отнял «благочестивый протестантский герой» — Густав Адольф.

Но очень скоро эта первая цель сменяется другой, более широкой. Русские должны быть наказаны полным уничтожением их государственной самостоятельности, новый шведский герой — Карл XII столь же христолюбивый, как его и предок, войдет в Москву, сгонит Петра с престола, посадит вассалом либо молодого знатного шляхтича Якуба Собесского, либо, если заслужит, — царевича Алексея; Псков и Новгород отойдут, как и весь север России, к Швеции; Украина, Смоленщина и другие западные русские территории — к вассальной, покорной шведам Польше, а остальная Россия будет разделена на удельные княжества, как было встарь, до возвышения Москвы. От этой цели пришлось после Полтавы отказаться.

Постепенно, далеко не сразу, Карл «соглашается» вернуться к более скромной задаче: возвратить потерянные уже провинции, отнятые Петром, — Ингрию, Ливонию, Эстляндию, Карелию, Финляндию. Война, совершенно безнадежная, продолжается. Карл был убит 30 ноября (1 декабря по шведскому стилю) 1718 г., и лишь после тщетного ожидания откуда-нибудь, и прежде всего из Англии, военной помощи шведский король Фридрих (женившийся на сестре Карла и его непосредственной преемнице королеве Ульрике Элеоноре) наконец заключает 30 августа 1721 г. в Ништадте мир, продиктованный Петром.

Таковы были менявшиеся цели, которые за 21 год войны ставила себе шведская дипломатия. Все три цели оказались совершенно невыполнимыми, и от них пришлось последовательно отказаться. У Швеции прежде всего не хватило материальных и моральных сил для окончательной победы над Россией ни в начале, ни в середине, ни в конце этой кровопролитной борьбы.

Ни Швеция, ни Россия к началу XVIII в. еще не вышли из той общественной формации, которая характеризуется преобладанием феодальных отношений в способе производства и поэтому во всей социальной структуре. В этом было их сходство, невзирая на то что зависимость шведского крестьянина от помещика носила окраску, во многих очень существенных бытовых чертах не похожую на крепостничество в Русском государстве. Не одинаковы с судьбами русского владельческого класса (и прежде всего боярства) были и исторические судьбы шведской аристократии, которая принуждена была уже в конце XVI в., и в течение всего XVII, и первых восемнадцати лет XVIII в. смириться перед абсолютизмом, но, как оказалось впоследствии, она имела еще достаточно сил, чтобы оспаривать в середине и конце XVIII в. у монархии политическое верховенство. Во всяком случае, в интересующий нас период Карлу XII принадлежала никем не оспариваемая абсолютная власть. Коллегиальный принцип, далеко не во всех ведомствах реально проводимый, почти так же мало, конечно, стеснял королевскую власть в Швеции, как он стеснял и в России власть

Петра, пожелавшего ввести коллегиальное устройство в некоторых отраслях управления.

Но именно в годы правления Петра Россия вступила на путь, который постепенно придавал стародавней монархии некоторые новые черты. Усилия правительственной власти были направлены к созданию таких условий, которые благоприятствовали бы широкому развитию внутренней и внешней торговли и промышленности, отысканию и закреплению новых торговых путей, новых рынков сырья и сбыта, развитию водных сообщений и исправлению старых и устройству новых сухопутных дорог, наконец, освоению новой техники, хотя основой экономики страны и оставалось по-прежнему хозяйство феодального типа. Все это делалось быстро, потому что давняя отсталость уже грозила самостоятельному существованию и дальнейшему экономическому развитию страны. Эти первые два десятилетия, которые для России были временем подъема, крупного прогресса, выявления сил и средств, до той поры бывших как бы под спудом, в Швеции, если говорить о ее внутреннем положении, оказались периодом застоя, отсутствия какого бы то ни было проблеска реформаторской государственной мысли, которая еще была так характерна для времен Густава Адольфа, Карла X, Карла XI.

Еще в первые восемь лет военные успехи и завоевания Карла XII маскировали и перед шведами и в глазах европейских правящих кругов последствия этого застоя в политической жизни Швеции. Но с каждым годом начавшейся в 1700 г. Северной войны все больше падала морская торговля страны, все сильнее ощущалась потеря занятых русскими последовательно Ингрии в 1700—1702 гг., Эстляндии в 1703—1704 гг., Ливонии в 1704—1705 гг., т.е. наиболее плодородных и богатых шведских владений.

Правительство Карла XII еще в самом начале Северной войны принуждено было входить в долги и притом брать деньги у частных лиц, иностранных подданных, и под довольно обременительные и унижительные налоги. Так, в 1702 г. оно взяло у голландских купцов «партикулярных персон» под ручательство голландского правительства и под залог таможенных

доходов города Риги (в Лифляндии) 750 тыс. голландских гульденов, и Рига выплачивала с тех пор голландцам аккуратно взносами с процентами этот долг, пока город в 1710 г. не был взят русскими.

Еще пока в 1701—1708 гг. шведская армия жила за счет оккупированных ею польских и саксонских земель, экономический упадок государства сравнительно не так жестоко чувствовался. Но после Полтавы, когда сразу же были утеряны Польша и Саксония (фактически бывшая до той поры в подчинении и власти Карла), Швеция оказалась на пороге банкротства. А когда пал Стральзунд в 1715 г. и Пруссия заняла Померанию, стратегическое положение шведов еще более ухудшилось. Затем с неслыханной, поразившей всю Европу быстротой был создан первоклассный русский флот. Россия стала владычествовать в Финском и Ботническом заливах, и морской торговле шведов был нанесен страшный, непоправимый удар. Хронический голод, обнищание и в городе, и в деревне стали приобретать местами просто катастрофические размеры. Требования больших прогрессивных реформ становились тотчас после смерти Карла XII все решительнее. Немедленно требовалось обновить, круто реформировать безнадежно устаревший сословно-абсолютистский государственный строй, ликвидировать хотя бы некоторые, наиболее вредоносные, тормозящие экономическое развитие феодальные пережитки; но это не было сделано ни Карлом XII, ни его преемниками — сначала Ульрикой Элеонорой (1718—1720 гг.), а потом (с 1720 г.) Фридрихом, хотя со смертью Карла XII рухнула самодержавная монархическая власть и руль перешел в руки аристократии. Упорная борьба шведского абсолютизма против феодальной аристократии окончилась в XVII в. его победой, и при Карле X и Карле XI феодальное дворянство отказалось до поры до времени от своих былых притязаний. В своей массе оно подчинилось и примирилось со своей участью, удовлетворенное тем, что короли, сломив политическую власть феодалов, поддерживали если не все, то многие из прежних социально-экономических дворянских привилегий.

Таким образом, Россия с быстрым ростом ее торговли, а особенно добывающей и обрабатывающей промышленности,

с энергичными поисками внешних рынков, с усилением класса торговцев и промышленников становилась все более и более экономически передовой страной сравнительно с инертной как раз именно в те годы Швецией. Россия не могла, конечно, превозмочь *полностью* свою стародавнюю отсталость ни в XVIII, ни в XIX вв.; для этого требовались колоссальные революционные сдвиги XX в., но, безусловно, уже к середине долгой Северной войны она была во многих отношениях менее отсталой страной, чем Швеция.

Ко времени правления Карла XII дворянство в своей массе стало одним из крепких оплотов монархии. Из его среды вербовался командный состав шведской армии, очень наживавшийся во время удачных походов при захвате чужих земель и городов и разорившийся, когда непрочные завоевания короля рухнули.

К числу социальных сил, поддерживавших королевскую власть при Карле XII и его двух предшественниках, следует отнести также богатеющую и очень усиливавшуюся в XVII и в начале XVIII в. буржуазию. Морская торговля на Балтике, могущественно поддерживавшаяся успешными захватами на южном побережье, обогащала купечество. Деятельная разработка рудников, дававших лучшее по качеству железо, славившееся во всей Европе, с каждым десятилетием в течение второй половины XVI и всего XVII в. усиливала промышленный слой буржуазного класса. Ремесленная деятельность, по единодушным показаниям современников, росла в Швеции особенно быстро именно в последние пять-шесть десятилетий относительного мирного периода и в первое десятилетие царствования Карла XII. Наконец, крестьянство, страдавшее от малоземелья и от упорно державшихся пережитков феодальных порядков в деревне, все же направляло свое недовольство не против короля, а против дворян.

Таковы были социальные силы, поддерживавшие королевскую власть. Ясно, какие катастрофические последствия должно было иметь для всей экономики и всего уклада социальных отношений тяжкое поражение Карла XII в борьбе с Россией.

Постараемся теперь дать себе отчет о личности человека, бывшего неограниченным повелителем Швеции в рассматриваемое время, в особенности поскольку дело шло о внешней политике страны. Консервативный в своем мышлении Карл XII являлся характерным представителем лютеранского ханжества XVI—XVII вв. И его духовник Нордберг, которому так нравились избиения раненых и безоружных русских пленных, был типичен для своей среды, для всего поколения тех жестоких, нетерпимых протестантских фельдфебелей в рясе, которые были истыми «каролинцами». За благочестие, непреклонность и «*духовное родство с Карлом XII*» их восхваляли и в шведской и в немецкой церквях¹⁷. Образчики этой «непреклонности» читатель увидит в дальнейшем изложении.

При Карле XI и при Карле XII протестантские богословы и университетские «философы» Швеции обосновывали неограниченность королевской власти и ее «божественное» происхождение в таких не знающих удержу раболепных выражениях, какие редко где в Европе встречались. Шведское лютеранство в этом смысле оставило далеко за собой Боссюэта и других католических «святителей» времен Людовика XIV¹⁸. Любопытно, что оппозиция в лютеранском духовенстве Швеции против церковных «каролинцев», прислужников королевского самодержавия, стала сколько-нибудь заметной уже после Полтавы, хотя политические государственно-правовые основы неограниченной монархии только после смерти Карла XII получили сокрушивший их удар.

Фигура Карла XII с давних пор приковывала к себе внимание историков, публицистов и философов-просветителей вроде Вольтера, пытавшихся дать разгадку психологии этого человека, сыгравшего такую роль в истории своей родины.

Он был очень молчалив и не делился почти никогда своими мыслями и планами даже с теми, кому очень доверял, судя по той роли, которую они в его царствование играли. Ни Реншильд, ни Левенгаупт, ни граф Пипер, ни Гилленкрок, ни даже льстецы и фавориты вроде Акселя Спарре не могли похвалиться, что король совещается с ними не только по существу ос-

новных своих политических планов, но даже относительно непосредственных стратегических задач, решение которых он поручал им нередко в последнюю минуту. Его штаб к этому настолько привык, что подобное поведение короля перестало уже в конце концов удивлять генералов. Каково объяснение этой замкнутости? Известно было, как опасался король болтливости своих и шпионства чужих. Знали также о невероятной гордости и самоуверенности Карла, о его твердой вере в свой гений и в свое счастье и догадывались, что он не желал советов и не нуждался в них — во всяком случае, ему казалось, будто он в них не нуждается. Но было и еще одно обстоятельство, которое тоже могло иметь в данном случае значение. В Карле XII всегда сидел отважный азартный игрок, в нем, законном монархе, наследнике прочно занимавшей шведский престол династии, жила душа искателя приключений, авантюриста широчайшего масштаба, его славолубие было особого характера: хотя ему очень приятно было бы приращение своих территориальных владений, но еще более льстило ему, когда его свита и армия восхищались самыми отчаянными его поступками, абсолютно ненужными, не имевшими и тени смысла выходками, когда он ставил на карту свою жизнь, свою свободу, все достигнутые успехи, все будущие надежды.

И зная, что ни Реншильд, ни Левенгаупт, ни Нильс Стромберг, ни Стенбок, ни вообще какой бы то ни было из его самых верных, самых исполнительных, самых одаренных генералов и советников ни за что не одобрит его диких, фантазерских внезапных выходок, он и старался поставить их всех перед совершившимся фактом. Будто исключением была его нелепая, один на один, ночная перестрелка с казаками 16 июня 1709 г., стоившая ему серьезной раны и уложившая его в носилки за 11 дней перед Полтавой! Будто исключением была его тоже ночная и тоже совершенно бессмысленная поездка с тремя провожатыми 1 декабря 1718 г., чтобы посмотреть, достаточно ли глубока траншея под норвежской крепостью Фредериксхаль? Он был убит наповал шальной пулей, и до сих пор не выяснено в точности, пущенной ли неприятелем или изменником, когда исключительно для лихости и молодечества, чтобы удивить и ужаснуть провожатых, высунулся из-за бруствера.

Эти выходки особенно запомнились только потому, что они навсегда остались связанными — первая с Полтавским сражением, вторая со смертью Карла, но ведь подобные, бесполезные и крайне рискованные поступки оказывались обыденным, бытовым явлением в королевском времяпрепровождении при бесконечных походах. Так было, когда в начале сентября 1707 г., проезжая близ Дрездена, он ни с того ни с сего поскакал галопом прочь от своей армии и в сопровождении пяти человек (которых тоже не предупредил о своем нелепом намерении) примчался под вечер к королю, точнее, курфюрсту саксонскому Августу, которого только что перед этим заставил отказаться от польской короны, и заявил изумленному Августу с улыбкой, что приехал с ним проститься («к врагу на ужин прискакать» — говорит об этом Пушкин). Его только потому не взяли в плен, что Август и его министр Флемминг слишком уж остолбенели и не поверили глазам своим, а когда очнулись — Карл уже умчался. Так было и в 1713 г. в Бендерах, когда он затеял в своем доме, где жил, получив после Полтавы приют от турок, отвратительную в моральном отношении, вооруженную борьбу против своих гостеприимных хозяев, и турки, которых было несколько тысяч человек, взяли его «в плен» с его пятьюдесятью товарищами. И Карл еще потом осмеливался хвастать, что самолично убил несколько турок!

Так он поступал всегда и, ведя свои войны, после первых больших успехов окончательно уверовал в то, что он должен полагаться только на самого себя и чем непонятнее и удивительнее для окружающих его сумасбродства, тем они гениальнее.

Все эти свойства характера короля должны были в конце концов неминуемо отразиться губительным образом на его военных предприятиях, несмотря на единодушно признававшиеся и его современниками и позднейшими военными историками большие дарования, которыми обладал Карл, и несмотря на непоколебимую личную храбрость, стойкость и неукротимую энергию. Ни своей, ни особенно чужой жизни он не щадил никогда. Вообще, к слову будь сказано, хотя современникам казалось, что какой-либо для тех времен из ряда вон выходящей жестокости Карл не обнаруживал, но он и ни в ма-

лейшей степени в этом отношении не уступал самым жестоким людям того века. Заполучив, например, в свои руки своего врага Паткуля, Карл лично распорядился предать его мучительнейшей казни, очень продолжительному колесованию, а когда узнал, что офицер, начальствовавший при экзекуции, приказал палачу рубить голову чуть-чуть раньше, чем было еще возможно, то разгневался на офицера и подверг его взысканию.

Свойства ума и характера Карла XII, так вредившие ему как полководцу, наиболее губительным образом сказывались, конечно, на его дипломатической деятельности. Если эти недостатки довольно долгое время в области военных действий как бы нейтрализовались и обезвреживались наличием военных способностей, присущих Карлу, то в области дипломатической деятельности король обнаруживал с начала до конца, и в блестящую пору своих успехов и в годы бедствий, плачевную беспомощность и полную бездарность. Конечно, незачем снова и снова твердить, что не эти свойства ума и характера обусловили полное крушение Карла в Северной войне вообще и в его уничтожающем поражении, в частности в завоевательном походе на Москву, предпринятом в 1708—1709 гг. Карла отличала вера в то, что незачем долго и скучно хитрить с этими штатскими господами в кружевных жабо, которых насылают к нему из Вены, из Парижа, из Копенгагена, из Гааги, когда можно вместо потери времени на долгие переговоры взять да и ударить молодецким налетом на чужую армию, на столицу, переправу, а потом можно и вообще прогнать прочь слишком красноречивых и убедительно спорящих штатских господ и получить без них все, что захочешь. С русским представителем Хилковым Карл, впрочем, церемонился еще сравнительно больше, чем с другими, с чисто внешней стороны. Карл сам не обладал красноречием и не любил также тех, кто слишком хорошо и много говорил.

Военные историки, даже, в общем, высоко оценивающие дарования Карла XII как тактика, в большинстве своем в том или ином варианте повторяют давно установившееся мнение о шведском короле: «Вообще стратегия не была его делом»¹⁹. Но еще меньше «его делом» была международная политика.

Редко на каком другом примере можно видеть наглядную иллюстрацию того, как политические ошибки, особенно если в них сочетается непонимание обстановки, презрение к противнику, слепая самоуверенность с непоколебимым упорством в следовании по раз принятому ложному пути, дают самые губительные результаты и для полководца, и для его армии, и для его государства, и народа.

Казалось, все было дано судьбой и природой Карлу XII. В пятнадцатилетнем возрасте он стал самодержавным владыкой одной из первоклассных держав тогдашнего мира с громадной территорией в Скандинавии и в пустынной, ограждающей ее с севера Финляндии, с богатыми владениями на южных берегах Балтийского моря. Шведская армия была, по общему признанию авторитетных современников, первой в Западной Европе и несравнимой по дисциплине, военной выучке, боеспособности и оперативности. Финансы государства были более в порядке, чем в тогдашней Франции и чем в большинстве германских княжеств. Внутреннее спокойствие казалось более гарантированным, чем в любом из континентальных государств, и, пожалуй, даже более чем в тогдашней Англии: ведь все-таки хоть и сумасбродной была мысль у того же Карла XII готовить высадку в Шотландии, чтобы сменить царствовавшую там ганноверскую династию и посадить на британский престол претендента Якова Эдуарда Стюарта, но в Англии обеспокоились, принимали военные меры, тратили деньги, а свергнуть с престола самого Карла XII решительно никто не мог и помыслить. И даже подвергнувшись при Полтаве ужасающему поражению, погубив без остатка свою армию, скитаясь бессильным беглецом с несколькими провожатыми по турецким степям, сидя затем пять лет в Бендерах, отрезанный надолго от родины, Карл был вполне спокоен за свой престол, и его безграничная власть над подданными в целом не поколебалась. Нечего и говорить о том, что его страна беспрекословно давала ему по первому требованию все, чего он хотел, хотя и роптала. Этот ропот стал местами переходить иной раз в открытые возмущения против властей, но уже в послеполтавский период.

Обладая этими средствами, которые были в течение всего его с лишком двадцатилетнего царствования фактически в его

полнейшем распоряжении, Карл к тому же был одарен от природы некоторыми очень важными качествами, дающими военный успех. Он был очень силен если не как стратег, то, безусловно, как тактик, находчив в бою, быстр, необычайно решителен, когда требовалось внезапно, тут же, под бомбами и пулями менять планы атаки. Он был очень вынослив физически, молчаливо выносил долгое отсутствие привычной пищи и даже простой свежей, не пахнувшей болотом воды. Его воздержанность, суровый, спартанский образ жизни, недоступность соблазнам, свойственным молодости (а ведь он и убит был сравнительно молодым, тридцати пяти с небольшим лет), — все это внушало к нему уважение среди окружающих. Войну с Россией он вел в самую цветущую пору своей жизни, в полном расцвете своих сил: начал ее под Нарвой, когда ему было 18 лет, а кончил (поскольку речь идет о его личном и непосредственном участии) под Полтавой, когда ему было 27 лет.

И все эти большие военные и государственные преимущества и средства и нечасто встречающиеся личные качества — все это кончилось после долгих блестящих удач полным провалом, гибелью армии, тяжелым, непоправимым подрывом политической мощи Швеции, а для него, гордого, безмерно славолюбивого и жившего только для славы (герцог Мальборо совершенно правильно это уловил после личного знакомства и наблюдений), для него, которого еще накануне Полтавы льстиво называли в Западной Европе в стихах и прозе новым Александром Македонским, это кончилось таким мучительным, неизбывным стыдом, который заставлял его явно искать смерти. «Лучше пусть меня называют сумасшедшим, чем трусом», — заявил он после своей бендерской авантюры. Его грызло это неутолимое чувство безнадежного краха всей его жизни и деятельности, всей репутации. Он молчал, как всегда, не оправдывался и не жаловался и только один раз, как увидим, написал о пережитой трагедии своей любимой сестре, но окружавшие и наблюдавшие его в последние годы его короткой жизни хорошо понимали, что в нем творилось в то время, пока наконец 1 декабря 1718 г., в темную норвежскую ночь, в холодной траншее не нашла его шальная пуля-избавительница.

Отчасти эти характерные черты личности шведского короля, блеск его победоносной завоевательной карьеры — все это привлекало к нему с давних пор воображение и симпатию шведских буржуазных историков, а иногда и писателей, ученых, публицистов, поэтов других национальностей. Но прежде всего он был и остался подходящей исторической фигурой для идеализации самой идеи захватнической агрессивной политики, направленной против России. В этом именно, а не в романтических и поэтических увлечениях слишком эмоциональных авторов коренится причина восторгов перед личностью Карла XII. Многими забывались те особенности Карла XII, которые, в сущности, в конечном счете сделали деятельность его, так называемого национального героя, поистине национальной катастрофой для Швеции. Отсутствие чего бы то ни было похожего на чувство ответственности, беспечная трата человеческих жизней, постановка перед собой несбыточных грандиозных целей и непостижимое упрямство в погоне за достижением их, не знающая пределов самонадеянность, полнейшее (с грустью признаваемое самими пылками его хвалителями) неумение разбираться в сложных вопросах внешней политики — все это так бросалось в глаза, что подрывало у всех сколько-нибудь беспристрастных наблюдателей и исследователей первоначальный импонирующий эффект, который иной раз производила личность этого совсем незаурядного, необычайного человека.

Дурные стороны его характера сказались особенно губительно для его страны вследствие ничем не ограниченной власти, которой он обладал начиная с 15-летнего возраста. Недаром воспоминания Левенгаупта, хорошо знавшего короля, появились в печати уже после смерти злосчастного генерала под многозначительным длинным названием: «Вредные последствия самодержавия и горькие плоды злости (Enwäldets skadeliga pafölgder och aggets bittra frugter)».

Несправедливо обиженный (и погубленный) Карлом XII человек или тот, кто готовил к печати эти отрывочные показания, выразил в этих словах и добытую дорогим опытом истину о вреде самодержавной власти и возмущение злобными наветами и прямой клеветой Карла. Левенгаупту уже не сужде-

но было вернуться из русского плена на родину. В этом длинном названии его набросков — посмертное проклятие необузданному произволу Карла XII.

Даже присяжные хвалители Карла XII признают «трагической ошибкой», например, ожидание помощи от Станислава Лещинского во время похода на Россию. Но такими «трагическими ошибками» была полна политическая карьера шведского короля. Он ничего не понимал в истории, в социальном строе, в государственном и экономическом состоянии тех стран, с которыми ему приходилось иметь дело. Так как запуганный варшавский сейм признал по его приказу польским королем шляхтича Станислава Лещинского, то ему представилось, что отныне Польша будет повиноваться этому марионеточному монарху так, как Швеция повинуетсЯ ему, Карлу XII. Точно так же ему представлялось перед Полтавой, что когда он войдет в Москву, то просто сгонит Петра с русского престола с такой же легкостью, как он согнал с польского престола Августа II, и даст русским нового правителя по своему вкусу, кого-нибудь вроде Станислава Лещинского.

Полтавский ужас, позор капитуляции все еще уцелевшей части армии под Переволочной и явно безнадежная потеря Прибалтики и Финляндии ничуть не образумили Карла. О таких людях русский народ говорит: «Каков в колыбельку, таков и в могилку». После диковинной «войны с турками» в Бендерах Карла в Европе уже перестали величать Александром Македонским и начали чаще называть Дон-Кихотом. В большей или меньшей степени его основные политические расчеты запечатлены были почти всегда той смесью сумасбродства и слепой веры в свои силы, в свою правоту и в неизменность своего счастья и конечного успеха, которые характерны для психологии Дон-Кихота. Несчастьем для поддерживавших захватническую политику Карла социальных слоев было, между прочим, и то, что на этот раз самодержавным властелином оказался в Швеции не Дон-Кихот, а человек одаренный и всепоглощающей страстью к войне, и бесспорным, хоть и изменившим ему к концу, умением ее вести, и личной неустрашимостью, получивший в наследство превосходно обученную, искусную, строго дисциплинированную армию, которая к тому

же после первых блестящих успехов поверила в непобедимость своего так долго удачливого вождя.

В течение всей жизни Карла XII его губительные политические ошибки подрезали, так сказать, на корню все, на что он возлагал свои надежды и расчеты.

7

Постараемся в самых кратких словах напомнить, что представляло собой шведское войско в те годы, когда ему пришлось вести это кровавое долгое единоборство с армией, постепенно создававшейся Петром, Меншиковым, Корчминым, Шереметевым, Репниным и другими.

Шведская армия еще с конца XVI в. считалась одной из лучших, а со второй четверти XVII в. — самой лучшей из всех армий Европы, и эта репутация была упрочена блестящими победами Густава Адольфа в годы Тридцатилетней войны и далее. Прежде всего шведской центральной власти удалось раньше Франции, раньше Габсбургской державы, раньше Испании, не говоря уже о Польше, превратить конгломерат феодальных ополчений и взятых со стороны наемников в войско, в самом деле отвечающее потребностям успешной военной борьбы в новых условиях абсолютистского периода, времени объединенных вполне или заканчивающих свое объединение «национальных» государств. Даже во Франции в период от смерти Франциска I до начала правления Людовика XIV армия сохраняла следы своего позднесредневекового происхождения, когда она сложилась, — и не только при так называемых религиозных войнах второй половины XVI в., но и Генриху IV, и Ришелье, и Мазарини приходилось с этими пережитками очень считаться. Империя Габсбургов и до и во время Тридцатилетней войны не могла избавиться от дробления вооруженных сил, от зависимости и часто бессилия перед лицом могущественных феодалов и смелых кондотьеров особого, специфического, типа вроде Валленштейна. В Швеции армия, иного типа, соответствующая более новой социально-экономической формации общества, показала себя во всем блеске в годы Тридцатилетней войны, когда она разгуливала по госу-

дарствам Средней и Северной Германии, гоня перед собой врагов, и когда перед Густавом Адольфом трепетали Австрия, Бавария, Венгрия, Польша, а его дружбы искали Франция, Голландия, Дания. Строгая дисциплина и неустанная военная выучка отличали шведское воинство, а богатейшая руда и высокоразвитая металлургия снабжали шведов превосходным оружием. Стойкость, выдержка, храбрость в бою, умение безропотно переносить все невзгоды, трудности и опасности долгих, годами длившихся походов — все это в течение всего XVII в. поражало и пугало современников, которым приходилось приглядываться к шведским военным силам. Со времен того же Густава Адольфа в традициях шведской армии была известная, охотно демонстрируемая и офицерством и рядовыми протестантская религиозность или, вернее, аффектация религиозности. У них это не переходило, как нередко у английских пуритан, у солдат Кромвеля, Фэрфакса и Брэдшо, в фанатическую нетерпимость и агрессивное ханжество, но, во всяком случае, эта черта еще более скрепляла в войске корпоративный дух и дисциплину.

В разгульные, кровавые, анархические времена Тридцатилетней войны на фоне неистовства и погромов одичавшей солдатчины, бродившей по Центральной Европе под разными знаменами, но одушевленной одинаково грабительскими целями, шведы славились некогда своим терпимым и сравнительно не жестоким поведением относительно мирного невооруженного населения. Замечу, однако, что во времена Карла XII шведская армия в этом отношении сильно изменилась. Еще в Саксонии, протестантской стране, размещенные компактно, в двух-трех городах, под наблюдением короля и генералов, шведы вели себя сравнительно более сдержанно, да и то далеко не все полки и не всегда, но в Польше — уже значительно хуже, а в Белоруссии и Украине еще более разнузданно и нетерпимо. Этому способствовало и то основанное на легкомыслии, грубости чувства, эгоистической бессердечности, невежестве и самонадеянности пренебрежение к восточному врагу, которое навсегда усвоил себе Карл XII и которое, распространяясь от королевского штаба после первой Нарвы, проникло в низы шведской армии. Солдаты Карла XII свирепствовали на Украине так, как

никогда и не подумали бы делать, например, в Саксонии или в Дании, хотя и вообще былых «благочестивых евангелических воинов» Густава Адольфа солдаты Карла XII уже мало напоминали.

Особенно отличались безобразиями всякого рода и насилиями над мирными жителями нерегулярные конные отряды добровольцев-наемников, которые также принимали участие в походах Карла. Они состояли под командой своих собственных начальников, подчинявшихся непосредственно королю. Таковы были прежде всего так называемые волохи.

Отряд волохов (иначе называющихся в источниках валахами, валаками) состоял из молодежи Валахии и Молдавии, поступившей на шведскую службу. Это был элемент авантюристический, состоявший на жалованье; они поступали на шведскую службу с полного согласия (и даже с поощрения) турецкого правительства, которому тогда принадлежали Молдавия и Валахия. Но эти люди очень легко обходились и без турецкого разрешения и нередко поступали на службу России, Венгрии, Австрии и других держав. Это были кондотьеры, шедшие на войну для обогащения и грабежа²⁰. Карл XII охотно принимал их на службу, не зачисляя, однако, в состав своей регулярной армии. Шведские историки откровенно признают, что, например, пленных русских, захваченных в 1700 г., еще отправляли в Швецию на работы (и держали там, прибавим, в таких условиях голода и жесточайших побоев, что выживали очень немногие), но уже взятых впоследствии в Польше, а особенно попадавших в руки шведов во время нашествия на Россию в 1708—1709 гг., в плен очень часто не брали, а просто убивали после сражения. Слишком много возни, очевидно, было отправлять их так далеко, за море, в Швецию, да еще и с тем надо было считаться, что ведь обеспеченного тыла и связи с этой далекой базой, т.е. Швецией, у Карла никогда не было. Для шведов и их короля оказалось гораздо проще и короче связать русских пленников веревками, положив одного на другого по трое, и поразить эту живую груды тел штыком или саблей. В свободное время от военных трудов и от обязательных двух в день лютеранских богослужений набожный король Карл охотно развлекался на походе именно этим способом уско-

ренного разрешения вопроса о русских пленниках. Так было, например, после победы шведов при Фрауштадте (2 февраля 1706 г.)²¹.

Вообще, изучая историю шведско-русской войны, мы должны признать, что шведы, соблюдая в той или иной степени бывшие в те времена в ходу обычаи и правила по отношению к неприятелю, будь то датчане, саксонцы, поляки, обнаруживали относительно русских при всех условиях, когда сила была да их стороне, варварскую жестокость. Это даже поражало таких представителей европейского общественного мнения, как Вольтер, который был очень расположен к шведам. Вольтеру рассказал польский король Август II, как один русский офицер уже после сражения был убит пистолетным выстрелом лично самим генералом Стенбоком, командовавшим шведами²².

В Белоруссии и на Украине Карл лишь продолжал, правда в сильно увеличенном размере, тот же метод обращения с населением, какой практиковался им раньше в Литве, Польше, в Саксонии. Так как западные историки проявляют много благородного негодования по поводу действий Шереметева в Лифляндии, то должно напомнить, что все-таки Шереметев не издавал приказов об убийстве заведомо ни в чем *не виновных*, как это случалось неоднократно с Карлом XII. Услыхав о каком-то совсем ничтожном нападении на шведский пикет близ Торуня, Карл пишет Реншильду: «Было бы самое лучшее, чтобы все эти места были уничтожены путем разграбления и пожаров и чтобы все, кто там живет, *виновные или невинные* (skyldiga eller oskyldiga), были уничтожены». И желая, чтобы Реншильд понял его как следует, король прибавляет спустя месяц: должно выбивать из населения контрибуцию каким угодно способом, «а эта страна может страдать, сколько ей угодно... Те, кто не остается дома, должны быть разорены, а их жилища сожжены... Посылаю вам кавалерию, чтобы преследовать бродящих тут каналий... Контрибуцию взыскивать, огнем и мечом. Скорее пусть пострадает невинный, чем ускользнет виновный... Сжечь местечко, где было совершено нападение на валахов... все равно, виновны ли владельцы домов или невинны...» Такие приказы сыплются из-под пера Карла как из рога изоби-

лия: «...надо вешать, если даже лишь полдоказательства есть налицо... даже *дитя в колыбели не должно получить пощадку*»²³. Магнуса Стенбока, свирепого, подлого палача, который убивал безоружных пленных русских собственноручно, король одобрял за исправное выполнение открытого им, Карлом, способа взимания контрибуций; этот способ, которым пользовался и другой его генерал, Мейерфельд, заключался в том, чтобы, начиная с предместий, приступать к систематическому сожжению городов и прекращать поджоги лишь по внесении контрибуции. «Я тут в полумиле от Люблина, а Мейерфельд стоит со своим гарнизоном в городе и начинает их вгонять в пот поджогами. Я думаю, он выжмет из них чистыми деньгами... а если они не заплатят, он начнет сжигать эффективно»²⁴, — сообщает король Стенбоку.

Таковы были воззрения Карла XII и способы обращения с населением оккупируемых стран, принятые в шведской армии в годы, когда король готовился вторгнуться в Россию.

И нигде король и его солдаты так не свирепствовали, как в России, не только потому, что их приучили смотреть на русских не как на людей, но и потому, что нигде, ни в Пруссии, ни в Польше, ни в Саксонии, население не оказывало им такого упорного сопротивления, как в Белоруссии, в Северной Украине, в Гетманщине и в Украине Слободской.

8

В 1700 г. Россия начала (точнее, возобновила) свою историческую вековую борьбу за насильственно отторгнутые от нее земли.

И по содержанию и по изложению очень ценным является для того, кто хочет дать себе отчет в настроениях русской дипломатии в 1700 г., документ, хранящийся в фонде Шведские дела нашего Архива древних актов и озаглавленный. «Выписка из старых дел с рассуждением о Швеции за что война началась»²⁵.

Прежде всего наш документ утверждает, что не только Карелия и Ингрия издревле к России принадлежали, но что российские государи даже и «сами корреспонденции не имели» с

королями шведскими, а все трактаты и пересылки принуждены были короли шведские «чинить с наместники новгородскими». До такой, мол, степени речь могла идти лишь о пограничных делах этих русских провинций с местными шведскими властями. Кроме того, и «большая часть от провинций Лифляндии и Эстляндии принадлежала под область и протекцию российскую», так же как город Юрьев Ливонский «по-немецки Дерпт названный», основанный еще в 1026 г. «русским великим князем Ярославом Георгием», а также Калывань, названный потом по-немецки Ревелем. Законность и древность русских прав на эти земли безусловна: «и хотя временами оные провинции от российского владения при противных конъюнктурах и отступали, однако ж паки иногда договорами, иногда же и оружием к оному присовокуплены бывали, как и во время великого князя Александра Невского отступившая было провинция Лифляндия паки оружием под влияние его приведена и дань на них погодная наложена»²⁶.

И при «нареченном первом собирателем» Иване III, и при Василии, и Иване IV все эти земли оставались за Россией. И хотя в 1554 г. король шведский Густав I «за некоторые ссоры начал против России войну, но не видя себе прогрессов (*sic.* — *E.T.*), присылал к его царскому величеству послов Штейна и Эриксона с товарищи просить о мире», и «тогда учинено перемирие на сорок лет, с такой однако ж кондицией, чтоб пересылку шведским королям иметь по-прежнему с наместниками новгородскими». А в 1560 г. это перемирие подтверждено при новом короле Эрихе «через новгородских наместников». Но обстоятельства изменились, и не только уже в 1564 г. Эриху снова дано право сноситься непосредственно с царем, но Иван IV «уступил королю шведскому из своих наследных земель город Ревель с некоторым дистриктом да из Лифляндии Пернов с некоторыми местечками» и позволил шведам в наследственном русском городе Нарве торговать («иметь свободное купечество»). Но зато король Эрих обязался не покушаться на прочие города лифляндские и эстляндские, «а именно на Ригу с принадлежностями, яко его царского величества наследные и под его протекцией обретающиеся»²⁷. Но после того как Эрих был низвергнут с престола братьями, в Швеции были

арестованы русские послы и началась в 1572 г. война, во время которой Россия потеряла в 1578 г. Нарву, Ям, Копорье и в Карелии Кексгольм. Но война продолжалась, и русские не соглашались на мир. Долго «съезжались со обеих стран» и спорили послы на реке Плюсс, близ Нарвы, но «за спорами о провинциях Лифляндии и Эстляндии, Ревеле о мире не согласились, но учинили только перемирие на четыре года»²⁸. В 1594 г., наконец, на реке Нареве русский окольный Иван Тургенин и шведский представитель Стен-Барен подписали «трактат вечному миру»: король шведский уступил русским только Карелию, а русские уступили шведам Нарву и Ревель. Ингрия и Карелия «остались по тому вечному миру во владении российском».

Переходя к событиям начала XVII в., наш документ отмечает коварное поведение шведов. Царь Василий Шуйский вынужден был просить короля Карла IX о помощи «против поляков и изменников». Шведы послали отряд под начальством Делагарди, но Делагарди, получив все условленные субсидии от Шуйского, изменил, вошел в сношения с польским гетманом Жолкевским и стал грабить и разорять Россию вместе с поляками. Делагарди предательски вошел в Новгород, разграбил город, разгромил монастыри и церкви и всю область, а затем отобрал русские города Орешек, Корелу, Ивангород, «с принадлежащими к ним провинциями, с розлитием немало крови».

После избрания Михаила шведы решили войны против России не прекращать и все свои незаконные захваты удерживать. Царь Михаил Федорович обратился в 1615 г. за посредничеством («о добрых средствах к примирению») к Англии и другим державам. Король английский прислал царю Ягана Мерики, а Голландия послала в Швецию Рейна фон Бредера, но посредники мало помогли. Шведы из Новгорода не уходили и еще более жестоко его грабили и осаждали и грозно усиливали осаду Пскова. Шведы и слышать не хотели об уступках. Они соглашались лишь вернуть дотла ими разоренный Новгород и, «видя бессилие российское, нимало от своих претензий отступать не похотели, угрожая вступлением с сильным войском внутрь России». При тогдашнем положении оставалось

уступить грубому насилию и угрозам врага, имевшим вполне реальный смысл.

27 февраля 1617 г. в деревне Столбове (между Тихвином и Ладогой) был подписан мир «невольной» для избавления России от крайнего разорения. Шведы получили все, чего хотели: «провинции и Ижорскую и Карельскую купно с Иваном городом, Ямами, Копорьем и Орешком и со всеми ко оным принадлежащими землями и островами морскими, за устьем Невы реки обретающимися»²⁹. При этом Россия отказывалась от прав на Ливонию и Эстляндию.

9

13 января 1700 г. в Гааге был подписан союзный договор между Швецией, Англией и Голландией»³⁰. Но в том же 1700 г. произошли события, которые привели к заключению другого договора, прямо направленного против Швеции: договора между Данией, королем польским (он же наследственный курфюрст Саксонский) Августом II и Петром I. Эта дипломатическая комбинация превратила Англию и Голландию из «союзников» Швеции в осторожно выжидающих наблюдателей. А последовавшее вскоре начало войны за испанское наследство, когда Швеция оказалась во французском дипломатическом лагере, привело к тому, что враги Франции — Англия и Голландия — заняли формально враждебную позицию относительно Швеции. Но неодинаково они относились к России: Англия довольно плохо скрывала свое нерасположение к России под личиной участия и дружбы, а с течением времени все более и более сначала тайно, потом довольно открыто начала помогать Швеции, особенно по мере того, как с усилением России на Балтийском море росло беспокойство английского кабинета. А Голландия, морской торговле которой довольно серьезно вредило шведское каперство, относилась к России, в общем, гораздо дружественнее. Вообще же и Англия, и Голландия должны были и до и особенно после Полтавы считаться с наличием очень существенных торговых своих интересов в России и соблюдать осторожность в сношениях с Петром.

После всего сказанного выше о длившемся с XV—XVI вв. отстаивании Россией своих прав на исконные русские владения у моря незачем распространяться о том, почему Петр решил вступить в войну против Швеции в 1699—1700 гг. Дело было решено им и принципиально и в плане заключения естественного и необходимого союза с Польшей и Данией задолго до того, как к нему явился осенью 1699 г. в Москву лифляндский дворянин Иоган Рейнгольд Паткуль, целью которого было оторвать Лифляндию от Швеции и сделать ее автономной провинцией Польши. Он был представителем давно раздраженной против шведских властителей части лифляндского дворянства, ущемленного в своих материальных интересах так называемой редукцией, т.е. секвестрацией, в пользу шведской казны части земель лифляндского дворянства.

Этот деятельный и умный политический интриган уже побывал у польского короля Августа II, и польский король снесся с датским королем Христианом V, у которого были виды на приобретение части соседних голштинских земель, чего нельзя было достигнуть без войны с Швецией, потому что она состояла в тесном союзе с Голштинией.

В западной историографии (особенно немецкой, с легкой руки историка России Германа) принято безмерно преувеличивать роль Паткуля в присоединении России к антишведской коалиции. Для Петра вопрос решался самым фактом выступления Польши и Дании против Швеции, и Паткуля царь лишь использовал просто как подвернувшегося кстати неглубокого агента, не более. Паткуль, интригуя в Москве против Швеции, в то же время в глубочайшем секрете интриговал в Дрездене и Варшаве против Москвы: он желал, чтобы его родная Лифляндия (Ливония) ни в коем случае не попала к России, а была бы отнята у шведов в пользу Августа II, бывшего одновременно королем польским и курфюрстом богатой Саксонии. Это, по его мнению, больше отвечало интересам лифляндского дворянства. Паткуль «убедительно» доказывал Петру, что ему следует удовольствоваться одной Ингрией (Ингерманландией) и остановиться к востоку от Нарвы и озера Пейнус и даже Нарвы не брать.

Но Паткуля должно было постигнуть разочарование, которое постигало обыкновенно рано или поздно всех дипломатов, желавших хитроумно обмануть Петра Алексеевича. Паткуля царь выслушал вполне одобрительно, так как дело было им уже предreshено, а затем, как увидим, остановился впоследствии не в Нарве, но там, где, преодолев все трудности и неудачи, нашел нужным и возможным остановиться. 11 ноября 1699 г. был подписан пока еще тайный союзный договор между Петром и Августом II. Русские обязывались вступить в Ингрию, а польско-саксонские войска одновременно в Ливонию. Датский посланник в Москве удостоверял, что датские войска тотчас же вступят со своей стороны в Голштинию.

Нужно было лишь подождать подписания мирного договора России с турками, с которыми велись в Константинополе долгие переговоры. Как только в Москве были получены известия о подписании договора, Петр объявил Швеции войну и двинул войско прямо к Ругодиву, как по-старому продолжали называть русские Нарву.

Для шведов не могло быть неожиданностью, конечно, ни выступление России, ни даже направление первого удара. Еще в 1695 г. шведский министр Бенгст Оксеншерна писал королю Карлу XI, отцу и предшественнику Карла XII, о Петре: «Кто может знать, что таит этот молодой честолюбивый царь против вашего величества, так как ведь Ингерманландия и Кексгольм колют ему глаза».

Шведы тоже не забывали, что в свое время похищенное ими русское добро, от которого русские никогда не отказывались, еще может послужить предметом вооруженной борьбы за его возвращение.

Этот час настал.

10

Вернувшись из-за границы с громадным запасом новых и ярких впечатлений, с разнообразными и обильными сведениями (и особенно в корабельном деле), Петр был сначала поглощен страшным стрелецким «розыском», затем долгими и нелегкими дипломатическими переговорами в 1699 и 1700 гг.

Напрасно впоследствии Карл XII велел колесовать и затем четвертовать лифляндского дворянина Паткуля, обвиняя именно его в организации русского участия в антишведском союзе 1700 г. Вопрос, как мы видели, давно уже ставился так: или останется в силе Столбовский договор 1617 г., навязанный шведским королем Густавом Адольфом, и Россия признает нормальной свою полную отрезанность от Балтийского моря, или должна быть предпринята попытка вернуть в русское обладание древние русские земли, когда-то насильственно от России отторгнутые.

3 июля 1700 г. в Константинополе состоялся «размен трактатов», т.е. окончательная дипломатическая церемония, увенчавшая заключение русско-турецкого перемирия, и 7 июля думный дьяк Украинцев, подписавший трактат, отправил в Москву гонцов с копией мирного договора. 8 августа, после месячного пути, они явились к Петру. Шведская историография подчеркивает полную будто бы для шведской дипломатии неожиданность начала военных действий со стороны России почти тотчас же после получения царем известий о заключении мира с Турцией. Едва ли эта «неожиданность» была такой уже полной: ведь еще 21 апреля (1700 г.) Александр Маврокордато, «салтанова величества тайных дел секретарь и переводчик», говорил русским, что началась война России с Швецией, а 22 мая в Константинополе прямо утверждали в дипломатических кругах, будто русские «уже осадили свейский город Нарву»³¹. Да и странно говорить о полной неожиданности, когда шведы отлично знали, что еще осенью 1699 г. Петр вступил в договор против Швеции с Августом II и Данией, и тогда же Петр собирался воспретить русским купцам возить товары в Нарву, Ревель и Ригу. Ведь вовсе не одно только желание сосредоточить торговлю в Архангельске было главной причиной указа. Русско-шведская торговля продолжалась, так как проектированный указ был в 1699 г. отсрочен, и в момент начала войны в 1700 г. в Стокгольме, как писал русский резидент князь Хилков Ф.А. Головину, было русских товаров на 100 тыс. рублей. Что Россия непременно примет участие в любой войне против Швеции, едва только Швеция окажется в войне с другими державами, это было ясно и европейским дип-

ломатам вообще, и шведским в частности, и неизбежность этого события была ясна из всей истории русско-шведских отношений, начиная от Столбовского договора, в особенности же из истории русско-шведской войны 1656 г.

Объявление войны было внезапным в том смысле, что шведы не ждали его так скоро и что Петр умышленно старался до последнего момента не возбуждать в Швеции тревоги вплоть до заключения русско-турецкого мира — но сказать, что самая война была для шведов «неожиданной», нет никаких оснований: шведы могли с полным правом постоянно ждать ее уже около ста лет. Ждали — и дождались при Алексее Михайловиче, ждали — и дождались при Петре.

В августе 1700 г. началась Северная война. В Европе почти одновременно возникла разорительная, долго ничем окончательно не решавшаяся война двух коалиций, из которых в центре одной были Франция и Испания, в центре другой — Габсбургская монархия и Англия. Вождь первой коалиции Людовик XIV и вождь второй коалиции английский король Вильгельм III (он же штатгальтер Голландии), конечно, заинтересованы были получить (каждый для своей группы) нового союзника в лице далекой России. Военная мощь России в тот момент расценивалась, правда, не очень высоко, но все-таки о возможности использовать московскую державу продолжали думать в обоих лагерях. Но вот пошли по Европе слухи о тяжелом поражении русских под Нарвой 18—19 ноября 1700 г. Шведы не пожалели труда на то, чтобы расписать с самыми живописными подробностями, в ярчайших красках эту победу своего короля. В Европе говорили не только о полном разгроме русских сил, но и об отсутствии всякой дисциплины в их среде. Подвиг «молодого шведского героя» — Карла XII восхваляли на все лады.

Англия и Голландия, решительно враждебные Дании, совсем связали ей руки и не дали развернуть всех ее сил для борьбы против Швеции. Хвалители Карла XII, и современники и историки, слишком часто забывают об этом обстоятельстве, не только важном, но и решающем. Быстрая победа над Данией, одержанная восемнадцатилетним Карлом XII, развязала ему руки для немедленных действий против русских, осадив-

ших Нарву, и он с необычайной быстротой перевез свою армию по морю в Пернов (Пернау) и оттуда двинулся к Нарве. В это время весь господствующий в Швеции дворянский класс с особенным одушевлением поддержал короля.

18 ноября 1700 г. Карл напал на русскую армию, осаждавшую Нарву, и нанес ей тяжелое поражение.

Русское командование было в руках случайно подвернувшегося, хотя и получившего превосходные рекомендации француза на австрийской службе герцога де Кроа (русские источники именуют его де Круи или фон Крои). Этот авантюрист, приглашенный на русскую службу в 1700 г., привез с собой из Вены восемьдесят офицеров. Половина состава этого набранного де Кроа «офицерства», замечу кстати, сдалась в плен под Нарвой вместе со своим командиром, который потом, уже будучи в шведском плену, целый год еще выпрашивал у Петра ефимки, ибо «с великими харчами 42 человека питатися принужден» и кормить этих «бедных пленников»³².

Офицерский состав, наскоро набранный, необученный, командовал взятыми в большинстве прямо от сохи новобранцами, никогда в бою не бывавшими. Этот де Кроа оказался в качестве стратега ниже всякой критики. Он растянул свою армию длинной тонкой полосой и этим удовольствовался. Распоряжений от него во время боя почти вовсе не исходило, а если таковые им делались, то их понимали только немцы, взятые наскоро в офицеры, но никак не русские офицеры и уж подавно не солдаты. Оружие у русских было из рук вон плохое, пушки разрывались и убивали прислугу. Наконец, доставка провианта была так поставлена, что солдаты некоторых полков не ели сутки как раз перед моментом нападения на них Карла. Солдаты считали и своего никому не ведомого главнокомандующего де Кроа и немцев-офицеров сплошь изменниками, которые выдадут их «своему» королю. При таких условиях странно не то, что русские потерпели урон, а то, что бой длился так долго: с утра до темной ночи. Это объясняется храбростью и стойкостью нескольких отрядов и прежде всего двух гвардейских полков (Семеновского и Преображенского), и собственно о том, что шведы одержали победу, Карл XII узнал лишь тогда, когда русские предложили такие условия: полу-

чают свободный выход с оружием, через реку, на все четыре стороны. В плену вопреки условиям, коварно нарушенным, Карл задержал генералов, полковников и офицеров знатного происхождения.

Об этой «величайшей победе» Карла трубили целые годы шведы, немцы, сочувствующие ему французы и англичане. Если мы сравним Нарву с Полтавой, где шведы бросились врассыпную, в паническое бегство уже через два часа генерального боя и где (считая с капитуляцией при Переволочной) вся еще уцелевшая после боя армия сдалась в плен без всяких условий, то может показаться странным, что нарвское поражение русских было сочтено таким уж неслыханным военным подвигом шведского короля.

Есть много хвалебных од на разных языках, где весьма восхваляется «поражение московских варваров».

Герцог де Кроа, оказавшийся, как сказано, не только бездарным полководцем, но и предателем, сдался одним из первых, а вместе с ним сдались и немецкие офицеры почти в полном составе. И все-таки Карл без колебаний согласился, т.е. принужден был согласиться, отпустить к Петру всю русскую армию, уцелевшую от боя: 23 тыс. человек. Значит, погибло в бою, было взято в плен или разбежалось по лесам (и подошло к русским) около 12 тыс. человек, если считать наиболее вероятной из нескольких исчислений русской армии перед боем цифру в 35 тыс. человек. После своей победы Карл не только поспешил отпустить всю русскую армию, но и сам отступил к Дерпту, не ища новой встречи.

Вскоре после Нарвы Карл XII, оставя гарнизоны в Ингрии и Ливонии, надолго уводит свою армию в Польшу. Вместе с тем он делает попытку напасть на русские владения на берегах Белого моря. Случилось это спустя несколько месяцев после Нарвы.

Архангельский воевода князь Алексей Прозоровский уведомил Петра летом, что в июле 1701 г. «приходили шведских 5 фрегатов и 2 яхты». Из них 2 фрегата и яхта ночью пришли к Двинскому Березовскому устью. И здесь из «строения той крепости» офицер Животовский вышел к тем шведским судам и затеял с ними перестрелку. Все это произошло в Малой Дви-

не, «где новую крепость строили». Один фрегат ушел после перестрелки в море, а другой фрегат и яхта были разбиты выстрелами. Люди с них ушли «на мелких судах» вместе со спасшимся фрегатом. А разбитые два судна (фрегат и яхта) остались русским, которые «обрели» на них 13 пушек и басов, 200 ядер, 850 досок железных, 15 пудов свинца и 5 флагов³³.

Больше ничего в петровском «Журнале» о событиях близ Архангельска нет. Но у нас есть данные, и шведские и русские, передающие о великом проявлении русского самоотвержения и патриотизма, мимо которых никак нельзя пройти в работе, посвященной нашей теме.

20 марта 1701 г. Карл XII подписал, а граф Пипер контрасигнировал приказ, точнее инструкцию, согласно которой из Швеции направлялась против Архангельска флотилия с целью «сжечь город, корабли, верфи и запасы, после того, как высаженный экипаж успеет согласно воинскому обычаю захватить пленных и уничтожить или разрушить все, что может быть приспособлено к обороне, каковая задача, должно надеяться, будет исполнена при помощи господ бога»³⁴.

Однако это упование на господню помощь в столь «богобоязненном» предприятии было на сей раз жестоко обмануто. Голландские купцы, прямо заинтересованные в торговых сношениях с Архангельском, предупредили вовремя русских о готовящемся нападении. Укрепления и верки в порту были исправлены, окрестное население было предупреждено. Высадка не удалась. Но этого мало: экспедиция претерпела серьезный урон. Вот как излагает события на основании своей документации шведский историк: «Когда шведские корабли вошли в Белое море, то они стали искать лоцмана, который сопровождал бы их в дальнейшем пути в этих опасных водах. Два русских рыбака предложили тут свои услуги и были приняты на борт. Но эти рыбаки направили суда прямо к гибели шведов, так что два фрегата сели на песчаную мель. За это оба предательски действовавших лоцмана были избиты возмущенным экипажем. Один был убит, а другой спасся и нашел возможность бежать». После этого шведы оказались не только не в состоянии взять Архангельск, но должны были также отказаться от своего первоначального намерения подняться по

Северной Двине для опустошения ее берегов. Они ограничились тем, что сожгли одну соляную варницу и 17 близлежащих деревень. Кончается это шведское известие следующими словами: «Шведы взорвали на воздух оба своих севших на мель фрегата и затем возвратились в Готенбург. Царь Петр тотчас вслед за тем поспешил в Архангельск, одарил деньгами, а также из собственной одежды рыбака, который с опасностью для своей жизни посадил на мель шведские корабли, и назвал его вторым Горацием Коклесом. После этого он дал дальнейшие повеления к укреплению крепостных верков около Архангельска, чтобы не бояться впредь повторения счастливо на этот раз отраженного нападения».

Здесь Фриксель называет «предательским» поведение двух русских людей, умудрившихся с самоотвержением, в самом деле не уступавшим прославленному древнеримскому герою, с которым сравнил их Петр, нанести вражеской эскадре тяжкий ущерб.

Подвиг Ивана Рябова и Дмитрия Борисова удался вполне потому, что шведы еще не имели понятия о Новодвинской крепостце, под которую доблестные рыбаки подвели шняву и два галиота. К.Г. Житков говорит, что Рябов и Борисов, «захваченные в плен» шведами, уже в качестве пленников должны были отправлять свои лоцманские обязанности³⁵. Он дает и еще детали, которые не встречаем у других авторов: когда шведы удостоверились в том, что их обманули, оба лоцмана, запершиеся в каюте, были там подвергнуты обстрелу из ружей, после чего Рябов, притворившийся мертвым, ночью спасся вплавь. А затем по уходе шведов архангельский воевода засадил Рябова в тюрьму за нарушение указа, запрещавшего выходить в море на рыбную ловлю. И только Петр, прибыв в Архангельск в 1702 г., щедро наградил Рябова за его геройский подвиг и навсегда его освободил от всяких денежных повинностей. Но ни Житков, ни другие русские авторы, поминавшие об этом замечательном деле, ни, наконец, документы, которыми я пользовался, не говорят ничего о факте, который нам известен от шведов, о сравнении Рябова с римским героем Горацием Коклесом, которое сделал Петр. Нет ничего об этой подробности ни в очень достоверных и точных «Повседнев-

ных записях замечательных событий в русском флоте», ни у Веселаго³⁶. Вместе с тем выдумать и приписать Петру это сравнение с римским героем шведы никак не могли: не в их интересах и не согласно с их настроениями было возвеличивать как-нибудь русского рыбака, которого они же именуют за его «обман» «предателем».

На Петра очень похоже, что он в самом деле сказал эти слова. Он хорошо оценил все значение подвига Борисова и Рябова, которым, рискуя жизнью, удалось сигнализировать и предотвратить неожиданное нападение на Архангельск.

Из скудных данных обо всем этом эпизоде явствует, что перестрелка между Новодвинским укреплением и посаженными на мель шведскими судами длилась 13 часов и что, после того как одна шнява (по Фрикселю «фрегат») и один гальот были разбиты, их команда успела бежать на гребных шлюпках.

Шведское нападение не повторилось.

11

Впечатление от Нарвы держалось долго. Можно сказать, что в течение восьми лет и семи месяцев, отделявших первую Нарву от Полтавы, дипломатия враждебных России европейских держав оставалась под властью этих воспоминаний. Не эти воспоминания порождали, конечно, их вражду к России, но именно умышленно преувеличенные рассказы о Нарве надолго внушили многим уверенность в безнадежной якобы слабости русских. И замечательно, до какой степени туго и трудно эти воспоминания уступали место новым, казалось бы, капитально важным фактам, имевшим отнюдь не меньшее значение, чем нарвская битва. Мы назовем те блестящие русские победы, из которых битва 1704 г. (вторая Нарва) не уступала по своим размерам и результатам нарвской победе шведов 1700 г. (первой Нарве), а битва под Лесной решительно превосходила шведский успех 1700 г. Об этих сражениях в Европе знали, и все-таки их глубокого смысла и последствий еще не хотели учесть по достоинству, все продолжали толковать о первой Нарве и о шведском Александре Македонском. Легкие побе-

ды Карла над поляками еще более ослепляли его хвалителей. «Мой брат Карл хочет быть Александром, но не найдет во мне Дария», — отозвался Петр на этот доходящий до него гул европейского «общественного мнения» и хвастливые шведские уверения в близком завоевании Москвы.

Особенно громко этот ликующий хор, восхвалявший нарвского победителя, был слышен в протестантской Германии. В широких массах северогерманского бюргерства жива была традиция восторженного преклонения и обожания Густава Адольфа, шведского короля, который в конце 20-х и начале 30-х годов XVII в. принял участие в Тридцатилетней войне на стороне союза протестантских князей, бил армии католической Австрии и хотя делал это исключительно для приобретения экономических и политических выгод для Швеции, но в глазах лютеранских пиетистов остался в ореоле святого мужа, покровителя протестантизма, чем-то вроде Георгия Победоносца, топчущего римско-католического змея. По наследству эта репутация перешла и к Карлу XII, который избрал себе как образец для подражания именно своего пращура Густава Адольфа.

Победа Карла XII над «нечестивым» царем привела в Германии многих в восторг. Даже была создана специально после Нарвы философия о «богом навсегда назначенных границах государств»: «Такою роковою границею представляется Лифляндия и Ливония (sic. — *Е.Т.*) для московского государства». Поэтому победа Карла XII «скорее должна почестся за дело божеское, чем человеческое». Петр потерпел поражение, «потому что он захотел поступить вопреки определению божиию», ибо господь раз навсегда повелел, чтобы Прибалтика была «шведской, а не русской»³⁷.

Битва при Нарве в 1700 г. была проиграна, и Петр объяснял шведскую победу («викторию») прежде всего полной необученностью русских войск, еще вовсе не бывавших в деле: «Итак, над нашим войском шведы викторию получили, что есть бесспорно. Но надлежит разуметь, над каким войском оную получили. Ибо один только старый Лефортовский полк был, да два полка гвардии были только у Азова, а полевых боев, паче же с регулярными войсками, никогда не видели: прочие же пол-

ки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые сами были рекруты. К тому ж за поздним временем и за великими грязями провизанта доставить не могли, и единым словом сказать, казалось все то дело яко младенческое игра-ние было, а искусства — ниже вида». Поэтому Петр и считал неудивительным, что прекрасно обученное, закаленное шведское войско победило: «То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию?»

Но сейчас же после этой тяжелой неудачи в России началась кипучая работа над созданием регулярной армии нового типа... Эта армия создавалась в течение нескольких лет, и в результате получилось рекрутируемое по набору войско, вовсе не похожее на шаблон европейских армий. Петр и его помощники строили новое на старой, самобытной национальной основе и не только брали казавшиеся им пригодными образцы с Запада, но и вносили ряд очень удачных новшеств и в дело управления конницей, и в саперно-инженерную часть, и в развитие и управление артиллерийской службой, и специально в дело осады укреплений, когда Василию Корчмину и другим создателям русской артиллерии приходилось считаться с такими трудностями обстановки, о которых французский классик этой специальности Вобан не имел понятия.

И это трудное и не терпящее отлагательства дело приходилось вершить параллельно с другим, не менее спешным и неотложным: созданием новых пороховых оружейных заводов, артиллерийских мастерских, наконец, морских верфей.

Для России Нарва была жестоким толчком, ударом, грубо напомнившим о нависшей над страной опасности. Урок был очень суров, но русский народ воспользовался им с предельной энергией.

Робкие, несистематически проводимые мероприятия по созданию регулярной армии были уже в допетровской России. Была, правда, в очень несовершенном виде, зародышевая форма комплектования по набору от всего населения: «даточные» — это прямые предшественники петровских рекрутов.

И нужно сказать, что Петр, проводя свою военную реформу на уже имевшемся национальном фундаменте, создал в кон-

це концов русскую армию гораздо более высокого типа, чем чисто наемные армии большинства тогдашних европейских государств. Это была армия, более сознававшая свою связь с народом, откуда она бралась, и имевшая то чувство родины, которого не было и в помине, например, в прусской армии того времени и в других завербованных наемных армиях много позже. Петровская армия по самому существу дела, по самой своей природе была армией уже нового образца, имевшей национальный характер, а не характер устарело-средневековой, вроде ландскнехтов или войск итальянских кондотьеров, как войска других держав тогдашней Европы.

Сила шведской армии была, между прочим, именно в том, что она тоже, как и армия петровская, не была в основной массе наемной, а была национальной, хотя и в меньшей степени, чем русская³⁸. И Россия выиграла войну, помимо всего прочего, также и потому, что после Нарвы успела создать армию повышенного, передового типа. Карл бил и датчан, и поляков, и саксонцев без перерыва, а русские, проиграв бой под Нарвой, начали бить (и тяжело бить) шведов уже на другой год после Нарвы. И поражения и победы перемежались в долгой борьбе обеих наций, пока под Полтавой история не произнесла свой окончательный суд в этом долгом состязании.

Армия росла и улучшалась с каждым годом. Особенно в первые трудные годы в России внимание ведущих генералов часто обращалось на выяснение недостатков русской армии. Вот как перечисляет их Алларт (Allart. Он называется так чаще, чем Галлартом, и Петр тоже называет его Аллартом): «1) Конница часто без пехоты, пехота без конницы в некоторых корпусах; от того великий вред, одно без другого быть не может; 2) мало инженеров и искусных офицеров; 3) разнокалиберное оружие: в иных полках до 6 калибров; 4) великий недостаток в провиантском устройстве: солдаты несут на себе хлеб и бросают его от изнеможения; для отвращения сего надобно учредить корпус хлебников до 600 человек; 5) нигде на свете не теряется так много порошу на учение солдат, как здесь: трата бесполезная, порча ружья. Надобно учить стрелять в цель»³⁹.

Если вдуматься в пункт 5 этой записки, то заметим любопытное явление, известное нам и из других свидетельств: по-

роху в России было гораздо больше, чем в других странах, и иностранцы отмечают это неоднократно, прибавляя иногда, что он и лучше европейского. В России выделяется такая масса пороха, что там «порохом дорожат (столько же), сколько песком, и вряд ли найдешь в Европе государство, где бы его изготовляли в таком количестве и где бы по качеству и силе он мог сравниться (со здешним)»⁴⁰, — пишет датский посланник в России Юст Юль в мае 1710 г.

Следует признать, что нарвское поражение вовсе нельзя рассматривать как событие, создавшее, так сказать, на пустом месте петровскую регулярную армию. Если система даточных и набора «вольницы» сменилась окончательно в 1703 г. системой регулярных рекрутских наборов, то в смысле обучения строевой службе и стрельбе очень много делалось уже после азовских походов. С кавалерией и особенно ее обучением дело обстояло до Нарвы значительно хуже, и тут в 1701—1707 гг. пришлось очень много потрудиться. Но, например, артиллерия не только существовала и играла известную боевую роль до Нарвы, но уже в 1697—1698 гг. Петр организовывал новые работы по литью пушек на Пушечном дворе, и артиллерия, потерянная под Нарвой, была довольно многочисленной.

Установление в 1703—1705 гг. последовательными указами и распоряжениями системы комплектования рекрутскими ежегодными наборами, очень повышенные требования к лицам, которых берут в командный состав, усиленное воинское обучение и выработка из неумелых рекрутов исправных воинов, специальная постоянная забота об обучении стрельбе, ратному строю — все это создало со временем прекрасную регулярную армию. Конечно, далеко не сразу после жестокого нарвского поражения могла возникнуть эта новая русская армия, и много страданий и неудач суждено было ей еще испытать, пока не наступил увенчавший ее окончательно победными лаврами Полтавский день. Но вместе с тем крайне ошибочно было бы думать, что за восемь с лишком лет, прошедших между Нарвой и днем Полтавы, шведы оставались неизменно победоносными. Они успели претерпеть ряд очень тяжелых поражений от этой молодой русской армии, когда она только строилась. И эта молодая, еще не такая умелая армия, нуждавшаяся-

ся в искусных офицерах и генералах, успела уже до Полтавы взять у шведов ряд обширных и богатых владений на берегах Балтики.

Русская армия была сильна храбростью, была сильна численностью. А после нескольких первых лет тяжелой войны стала сильна организованностью и воинским искусством нижних чинов и офицеров.

Русской пехоты во время шведской войны и в первые годы после нее было по штату около 70 тыс. человек. Конница состояла из 33 драгунских полков общим числом в 37 850 человек. Кроме этой регулярной, была нерегулярная конница: казаки, калмыки, башкиры, в меньшей степени татары, число которых сильно варьировалось в зависимости от места и момента.

Наконец, артиллерия была организована так: каждый полк пехоты имел две трехфунтовые пушки, каждый полк конницы — по одному орудью — это, в общем, и была так называемая полковая артиллерия. Кроме того, существовала организованная в отдельном штате полевая артиллерия — 21 орудие. Этот отдельный корпус артиллерии подбрасывался полностью или частично туда, где это было нужно. Это число (21 орудие) не было постоянным, во время нашествия Карла XII оно возросло до 30. Кроме полковой и полевой артиллерии, Петр с большой заботой относился уже с самого начала Северной войны к организации осадной артиллерии, и в разгаре войны осадных тяжелых орудий в России было уже 160. Артиллеристов и всей артиллерийской прислуги разных наименований при полевой и осадной артиллерии числилось 4 тыс. человек с лишком.

Такова была регулярная армия, созданная Петром. Но, кроме того, существовали гарнизонные полки, как пехотные, так и конные (драгунские), несшие службу в крепостях и неукрепленных городах. Их считалось в общем от 60 до 70 тыс. человек. Боевая ценность гарнизонных войск была, по отзывам современников, ниже сравнительно с полевой армией.

Наиболее трудно установить в точности, сколько было в распоряжении Петра нерегулярных войск. И источники и вслед за ними военные авторы дают неодинаковые цифры. Ук-

раинских казаков считают около 15 тыс., а донских одни считают меньше 1 тыс., другие — больше 5 тыс.; уральских и за-волжских уроженцев считают до 15 тыс., т.е. столько же, сколько и украинских казаков, что не очень правдоподобно.

Основным оружием пехоты было ружье со штыком («багинетом»), для кавалерии — ружье без штыка. Пики были одним из главных предметов вооружения только в полках нерегулярной конницы, которая, однако, тоже была снабжена ружьем. Пики были, но в очень ограниченных размерах, и в регулярных полках для назначаемых в караулы и в разъезды патрулей. Коннице были даны пистолеты и сабли (палаши), но вообще петровские кавалеристы больше всего и успешнее всего действовали холодным оружием, били пикой, «ходили в палаши». То же нужно сказать и о пехоте: ружейный огонь, конечно, играл важную роль и с каждым годом, по мере успехов в обучении стрельбе, все более и более, но все-таки штык оказывался сплошь и рядом оружием, которое в значительной степени решало дело.

Следует подчеркнуть, что в первые годы шведской войны русская артиллерия начинает играть очень крупную роль и в полевом бою, подготавливая рукопашную схватку (так было, например, при Полтаве и в других случаях), и при осаде городов. Можно без преувеличения сказать, что одним из элементов русской окончательной победы и шведского разгрома была быстро возраставшая сила русской полевой и осадной артиллерии и параллельно происходивший упадок артиллерии шведской. Карл XII не очень ценил, потому что не весьма понимал роль артиллерии, которую и вообще тогда еще далеко не все и не всюду в Европе оценивали по достоинству. Но Петр своим гениальным чутьем пошел и тут по новому и верному пути и нашел прекрасных помощников и исполнителей. «Он был, как и я, артиллерийским поручиком!» — с восхищением повторял о Петре I Наполеон, разговаривая в 1812 г. в Кремле, в комнатах Петра, со своим генерал-адъютантом графом Нарбонном. Наполеон явно не считал простой случайностью или капризом желание Петра Алексеевича проходить военную службу и «чины добывать», числясь именно по артиллерии. Будучи сам с ног до головы военным человеком, французский император,

прекрасно знавший историю развития военного дела, обратил внимание на то, что Петр был полководцем, гораздо раньше многих других в Европе оценившим значение артиллерии.

При создании флота Петр, пожалуй, еще большее значение придавал морской артиллерии, чем при вооружении армии — сухопутной. Русские моряки шли на abordаж, т. е. на рукопашный бой, с такой же готовностью, как и солдаты, но сама природа морского боя была другая, и хорошее артиллерийское вооружение предохраняло русские суда от опасности быть расстрелянными и потопленными врагом, снабженным более дальнобойными орудиями.

Немедленно после Нарвы принялись за литье пушек, свозили отовсюду металл, снимали церковные колокола, и это более всего поражало воображение современников. Важнее всего был, конечно, быстрый подъем и рост уральских заводов. Заводы были и до Петра, но Петр именно теперь лихорадочно строил заводы. 4 марта 1702 г. Петр указом Демидову повелел «умножить» производство «всякого литого и кованого железа», чтобы можно было обходиться без шведского импорта («без постороннего свейского железа»). Демидовские железоделательные и оружейные заводы были самыми крупными, но далеко не единственными. Великолепная уральская руда снабжала все эти заводы и оружейные мастерские прекрасным материалом, возбуждавшим зависть иностранцев⁴¹. Вооружение русской армии вообще и артиллерии в особенности получило отныне прочную базу.

12

А.А. Виниус (сын переселившегося в Россию еще при Михаиле Федоровиче А.Д. Виниуса, открывшего чугуноплавильный завод близ Тулы) получил поручение от царя создать в самый короткий срок артиллерию и очень ретиво и успешно взялся за дело. Трудности были большие, меди в России было сколько угодно, но ни ее добыча, ни транспорт не были организованы, и пришлось забирать колокола с церковных колоколен. Мастеров-плавильщиков было мало. И все-таки дело шло быстро.

А.А. Виниус, давно уже живший и много добра наживший в России еще до воцарения Петра, был ловким и очень оборотистым человеком, и Петр, например, очень хорошо знал, что Виниус как-то сильно сплутовал, за что и пострадал чувствительно, когда заведовал почтой. Царь его даже и открыто укорял в этом, причем Андрей Андреевич не обижался. Но что же Петру было делать? Где было искать хороших, опытных плавильщиков, да еще и безукоризненно честных, когда времени терять нельзя было ни одного дня? Виниус поручение выполнил хорошо⁴².

Уже в 1701 г. были отлиты 273 пушки различных калибров, а в 1702 г. к ним прибавилось еще 140, а в следующие годы эта работа продолжалась в неослабевающих темпах. Изготавливались одновременно и снаряды всех калибров в очень большом количестве. Роль русской артиллерии при взятии Ниеншанца, Нарвы, Дерпта была громадна. Следует заметить, что Петр создал конную артиллерию, т.е. ввел впервые в военной истории артиллерию в полевые сражения в таких размерах, как этого до него нигде в Европе еще не было. Во Франции, например, конная артиллерия стала играть роль лишь в годы революции и при Наполеоне, т.е. спустя много десятилетий после Петра.

В 1700—1708 гг. русская армия получила в общей сложности 1006 вылитых медных орудий. За другие годы таких точных сведений нет. Точно так же нет подсчетов и по литью чугунных орудий, известно лишь, что это производство шло весьма деятельно⁴³. Граф Яков Брюс оказался замечательным организатором артиллерийского дела в России. Его очень дельным помощником был А.А. Виниус. Неустанно готовились большие кадры обученных артиллеристов. Плачевный пример шведов под Нарвой, которую русские 9 августа 1704 г. взяли, хотя в крепости было 432 орудия, а в соседнем Ивангороде — еще 128, показал, что значит не иметь подготовленных канониров: у русских под Нарвой было всего 66 пушек и 34 мортиры, но все эти орудия действовали, а у шведов лишь небольшая часть их орудий могла отвечать, потому что стрелять было некому. Появились и артиллерийские начальники, превосходно умевшие схватить обстановку и быстро решить, где целесообраз-

нее всего поставить батареи. Из таких петровских артиллеристов «первого призыва» отличался Василий Корчмин.

Петр поставил также одной из главных своих задач снабдить организуемую им регулярную армию дельными саперами и инженерами. Искусство брать и защищать укрепления было очень мало известно в России. Заметим, к слову, что оно ненамного больше было тогда известно и в Швеции.

В сущности, одним из первых последствий нарвского поражения 1700 г. было основание инженерной школы в Москве в 1701 г. В ней было всего сначала 26 человек, и курс учения был годичный. Впоследствии готовившихся в ней инженеров, минеров и саперов было уже 150. Вторая подобная школа была открыта в Петербурге в 1719 г. Курс преподавания был расширен в 1723 г., когда велено было присоединить московскую школу к петербургской.

Инженерный корпус был в конце царствования Петра (уже после Ништадтского мира) подчинен особому управлению, «инженерной конторе», но нам важно отметить, что не прошло и четырех лет после нарвского поражения, как та же Нарва была взята русскими войсками после проведенной по всем правилам искусства осады, подошедших к самому городу траншейных работ и усиленной девятидневной бомбардировки из 100 осадных орудий⁴⁴. Если принять во внимание, что в 1704 г. Юрьев был взят на 10-й, а Нарва — на 9-й день после осады, то нужно прийти к заключению, что Петр хоть и уважал знаменитого французского специалиста по атаке и обороне крепостей — Вобана, хоть и велел перевести на русский язык главное его сочинение, но действовал он вовсе не по Вобану, а по своему разумению, круто ускоряя всякий раз момент решающего штурма осажденной крепости.

Не у Вобана, не у немца Штурма, не у голландца Кугорна, тогдашних светил фортификационной науки, нашел Петр и излюбленный им и так блистательно оправдавший себя прием вынесения далеко вперед главного ретраншемента системы отдельных редутов, которым, как увидим при анализе Полтавского боя, так пленил впоследствии одного из видных стратегов-практиков и теоретиков середины XVIII в. Морица Сак-

сонского, справедливо признавшего оригинальность этой мысли русского царя.

По инженерной части у Петра было меньше способных и дельных помощников, чем в области организации, например, пехоты, артиллерии и кавалерии. Были у него (особенно вначале) спешно призываемые на службу иностранцы, но Петр доверял им обыкновенно высокие посты только до той поры, пока у него не оказывался в распоряжении подготовленный русский штат. Во всяком случае, его переписка показывает, что никакому из иностранных инженеров он так часто не писал, как русскому инженеру Василию Дмитриевичу Корчмину.

Петр-фортификатор не уступал Петру — полковому инженеру. Гродненский лагерь он укрепил так, что шведы ровно ничего не могли с ним поделать в 1706 г., и осажденной русской армии удалось дожидаться нужного момента и ускользнуть от серьезно грозившей опасности.

Петровские инженеры и саперы сумели спешно создать такие укрепления у Новгорода-Северского, у Стародуба, Почеп, Ахтырки, Лебедина, Белгорода, Прилук, Нежина, Коропа, Глухова, Пирятина, Макошина, Сосницы, Липовца и ряда других населенных пунктов, что шведы принуждены были во время похода 1708—1709 гг. или совсем отказаться от мысли брать эти пункты, очень для них важные, и не приближаться к ним, или, как это было под Веприком, где было старое укрепление и облитый водой, обледенелый вал, брать эти места ценой таких страшных потерь, которые оказались совершенно несоизмеримыми с военным результатом «победы» и вызывали даже у дисциплинированного шведского офицерства громкий ропот.

Клаузевиц, немецкий историк и военный теоретик, «доморощенный гений», как его иронически называл Энгельс, отмечая отсутствие организованных позиций в тылу движущейся армии Карла XII, уподобил походы Карла кораблю, идущему по морю и не оставляющему за собой следов. Но если бы Клаузевиц не игнорировал русскую военную историю XVIII в., то он не удовольствовался бы этим литературным образом, но получил бы исчерпывающее объяснение правильно им отмеченного и абсолютно непонятого факта. Можно как угодно кри-

тиковать Карла XII как политика и стратега, но неужели этот часто неуравновешенный, незаурядный, однако, человек, тактик, энергичный военный вождь, долгое время непобедимый, понимал меньше, чем немецкий кабинетный военный гелертер, такую простую истину, что гораздо предпочтительнее, и прежде всего безопаснее, иметь за собой прочно занятые тыловые позиции, если это возможно, нежели не иметь? Когда Карл занимал части Польши и затем Саксонию, он всегда имел обеспеченный тыл. Но в 1706—1709 гг., когда ему так страшно важно было иметь укрепленный тыл, он его не имел — не потому, конечно, что такова была его капризная фантазия, а потому, что это оказалось для него невыполнимым. Если бы немецкие историки (в данном случае Ганс Дельбрюк мало чем отличается от старого Клаузевица) сколько-нибудь внимательно изучили шведское нашествие на Россию, то они ознакомились бы с двумя немаловажными деталями: с успехами Петра и его военных инженеров, саперов и минеров по части укрепления населенных пунктов и с размахом русской народной войны, удваивавшим и утраивавшим силы русских военных гарнизонов, потому что все гражданское население вставало на защиту своего города. Карл не создал себе на походе в Россию тыловой связи только потому, что русские не позволили ему это сделать.

13

Нарвское поражение было тем тяжелым ударом, который заставил Петра и его окружение самым серьезным образом приняться за создание регулярной армии нового типа и за оснащение и вооружение как 23 тысяч человек, ушедших из Нарвы и явившихся в Псков и Новгород, так и новобранцев, спешно призванных.

Но как ни торопился Петр, а обучение этой совсем неопытной, ровно ничего не знавшей молодой армии, снабжение ее новым оружием и новой артиллерией и хотя бы самой незначительной саперно-инженерной частью — все это требовало минимально 2—3 лет. Между тем перед нами точный факт: через 11 месяцев и 10 дней после Нарвы происходит большое

и удачное для русских новое военное столкновение со шведами, за которым следует в 1702—1703 гг. овладение Ингрией и Карелией.

Как стал возможным подобный оборот дел? Этот вопрос очень занимал тогдашнюю европейскую дипломатию. Объяснение было налицо: Карл XII уже в 1701 г. обратил свое оружие против Августа II, вошел сначала в так называемую польскую Пруссию, углубился в польские владения и, как выразился Петр, «увяз в Польше». Этот стратегический и политический шаг, оказавшийся в свете позднейших событий в глазах Петра ошибкой шведского короля, был продиктован опасениями Карла, не желавшего перед походом на Россию оставлять в тылу не ликвидированного окончательно польского врага. Ошибка была не в движении Карла на Польшу, которое имело свои серьезные основания со стратегической точки зрения. Неисчислимый вред Карлу принесло только то, что он *на много лет* «увяз» в Польше. Он превратил Польшу на долгие годы в главный театр войны, увлекся завоевательными прогудками и успехами в Польше и Саксонии и лишь весной 1708 г. обратился против России с главными своими силами.

Петр делал, конечно, все возможное, чтобы его ненадежный, слабый, всегда с ним хитривший союзник Август не последовал примеру Дании и не сложил оружия. Царь шел во время переговоров в Биржах в феврале 1701 г. на значительные уступки в пользу Польши и при позднейших негоциациях дядя Борис Михайлов, Мазепы и Посникова с представителями Августа II (уже в Варшаве) вел ту же политику, но умеренные аппетиты Августа, понимавшего трудное положение Петра в тот момент, в конце концов встречали все же должный отпор⁴⁵. Разумеется, помогло Петру и в 1701 г. и в ближайшие годы упорное и тогда уже ставшее общеизвестным требование Карла XII, чтобы Август II был низложен с польского престола. Правда, хлопоча о низвержении Августа, Карл забыл, что существует еще польский народ, который вовсе не так уже готов покорно и беспрекословно подчиниться ставленнику шведов Станиславу Лещинскому. У Августа в конце концов и выбора другого не было, как оставаться «верным» соглашению, а потом и союзу с Россией. Августу явственно

очень долго казалось, что, пока за ним прочно остается наследственное саксонское курфюршество, продолжая оставаться в «союзе» с Петром, он рискует в худшем случае лишь потерять часть Польши, а заключая мир с Карлом, он, безусловно, теряет, согласно неумолимому требованию шведского воителя, польский трон. Но когда в 1706 г. военные события привели шведскую армию в Саксонию, Август покинул Петра, и сделал это самым трусливым, самым коварным и предательским образом.

Победа Меншикова под Калишем заставила Августа лишь поторопиться бежать в Саксонию, куда уже шел Карл. Август не верил в прочность русского успеха, Польша казалась потерянной, и он был готов ценой каких угодно уступок спасти свое саксонское наследственное курфюршество. А Петру крайне важно было, хотя бы делавшееся все более и более слабым, участие Польши в активной борьбе против Карла XII, и царь делал все, чтобы предупредить «выход» Августа из войны.

Уже 17 апреля 1701 г. к генерал-губернатору новгородскому князю Никите Ивановичу Репнину пошла из Посольского приказа грамота, повелевающая ему идти к «королевскому величеству польскому в случение с саксонскими войсками» в Динабург и там стать под команду короля Августа.

А спустя несколько дней, 1 мая, к нему же, князю Никите, послана была и вторая грамота, в которой князя предупреждали, что ближний боярин Федор Алексеевич Головин имел разговор с посланником Августа фон Кенигсеном вот по какому поводу: «токмо ныне ведомо учинилось», что шведский король находится «близь Лифлянт границы», а потому есть опасность внезапного нападения шведов на Репнина. Посланник обещал сообщить куда нужно о необходимости поспешить соединением саксонских и русских войск. Но Петр не очень верил этому и писал из Воронежа в Посольский приказ: «О князь Никите, и мы гораздо думаем и зело хорош совет кенигсеков, только извольте в том гораздо через нарочных посыльщиков проводить про рушенье их войск». Царь опасается, как бы не обманули союзники, как оно было под Нарвой, когда Ланг обнадежил «рушением», «а того и в слух не бывало»⁴⁶.

Неправильно было бы все-таки считать, что Карл XII сейчас же после первой Нарвы проникся тем характерным для него (погубившим его в конце концов) пренебрежением к Петру и к русской армии, которое, неизвестно, впрочем, насколько искренне, он всегда проявлял впоследствии. Нет, Карл именно на первых порах, девятнадцати лет от роду, как это ни удивительно констатировать, проявил больше проницательности, осторожности и понимания общей стратегической обстановки, чем в дальнейшей своей полководческой карьере, когда успехи в Польше и Саксонии вскружили ему голову и внушили ему мысль в полной непобедимости. После Нарвской победы он все же настолько опасается русских, что оставляет около 15 тыс. человек своих войск для охраны шведских владений в Ингерманландии и Эстляндии и вручает командование над двумя отрядами, оставленными в Прибалтике, Шлиппенбаху — в Эстляндии и Кронхиорту — в Ингерманландии. По тогдашним масштабам выходило, что Карл считал необходимым больше чем на добрую треть ослабить свою действующую армию, с которой он решил начать завоевание Польши, лишь бы быть спокойным за Прибалтику. Кроме войск, оставленных Шлиппенбаху и Кронхиорту, Карл поместил особый гарнизон в Риге, отдав начальство над ним генерал-майору Стюарту.

Не довольствуясь этим, Карл XII решил произвести большую диверсию на севере против Архангельска.

Но шведский король впоследствии и не думал повторить эту попытку диверсии. Все больше и больше пленяли его победы в Польше, и все возможнее и ближе представлялась Карлу соблазнительная перспектива обращения ее в вассальную державу.

1 декабря 1701 г. Карл напал с отрядом в несколько сот человек на польскую армию Огинского, которая была охвачена паникой, бросилась в разные стороны, и шведы без помехи вошли в Ковно. Вскоре вслед за тем была занята и Вильна. Поляки, придя несколько в себя от неожиданности, кое-где стали оказывать активное сопротивление, и воеводе Вишневецкому удалось воспользоваться оплошностью одного шведского отряда, слишком самонадеянно углубившегося в страну без должной разведки, и разбить его. Но в общем силы Авгус-

та успеха не имели, и Карл нашел целесообразным просто согнать польского короля с престола и посадить на его место кого-либо другого. Дело облегчилось тем, что в Польше существовала довольно сильная партия, уже задолго до шведского вторжения мечтавшая отделаться от Августа. Серьезных препятствий к осуществлению замысла было всего два: во-первых, саксонские отряды, поддерживавшие своего курфюрста Августа на его польском королевском престоле, и, во-вторых, русские, начавшие просачиваться в Литву, как это и было условлено между Петром и польским королем особым договором. Но с саксонцами Карл справлялся при боевых встречах легче, чем с поляками.

Мы не можем в работе, посвященной прежде всего шведскому нашествию на Россию, останавливаться на вопросах о размерах и степени энергии сопротивления, встреченного шведами в Польше и Литве. Во-первых, шляхта не только не пошла целиком на поклон к Станиславу Лещинскому, а, напротив, местами сплошь была в стане его врагов. А во-вторых, не из одной шляхты состояла Польша. Угнетенное крестьянское население (хлопы), мещане, торговцы, ремесленники в городах местами оказывали очень мужественное сопротивление шведскому агрессору (особенно в Литве и в более восточных воеводствах). В Белоруссии, например, уже во время похода Карла в 1707 г. в пинском направлении шведы встречались с чем-то очень близким к народной войне.

Начиналась не в первый и далеко не в последний раз драма польской истории. В польском сейме тогда еще не привыкли, как впоследствии, к мысли о неминуемых и решающих вмешательствах соседних держав во внутренние польские дела, и в сейме многие еще согласны были забыть, что и сам Август оказался на престоле Польши только при поддержке саксонских сил, которыми располагал, но теперь, в 1702 г., дело пошло, как говорится, совсем уже начистоту: Карл XII ничуть не скрывал, что он хочет согнать с престола Августа исключительно потому, что польский король находит более выгодным для государственных интересов Польши союз не с шведами, но с русскими, и что он, Карл, посадит на польский престол кого-либо (он еще даже не сразу и объявил, кого именно), кто будет

оказывать беспрекословное повиновение. В сейме понимали также, что избавиться от этого унижения и отбросить шведов прочь собственными силами нечего и думать и что в данном случае союз с Петром хоть и не дает полной уверенности в победе, однако является последним шансом в борьбе против последствий шведского вторжения. Группировка, стоявшая за союз с Россией, наталкивалась на серьезнейшее сопротивление. Имевший громадное влияние на шляхту кардинал-примас Польши граф Радзейовский после некоторых колебаний и оговорок перешел на сторону Карла XII и проповедовал, что московские «схизматики» все-таки еще хуже, чем шведские протестантские еретики. Но сельский люд, который шведские захватчики грабили беспощадно, он никак в этом убедить не мог. Ему внимала шляхта, но и то далеко не везде.

У нас есть также косвенное, но очень серьезное доказательство, что, несмотря на неудачи регулярных вооруженных сил Августа в борьбе против Карла, сопротивление, которое шведы встретили в Польше со стороны населения, пользовавшегося посильной поддержкой со стороны русских, внушало большие опасения шведскому правительству. Совет, управлявший государством в отсутствие короля, не переставал настойчиво советовать Карлу заключить мир с Августом и продолжать борьбу только с Россией. Другими словами, несмотря на стратегические соображения короля об обеспечении своего тыла раньше, чем шведы вторгнутся в Россию, совет находил, что обеспечить этот тыл возможно и должно мирным трактатом с Августом, а не войной с ними и не завоеванием Речи Посполитой. Почему? Потому, что одновременная война с двумя противниками не под силу Швеции⁴⁷.

Уже через три месяца после Нарвы государственный совет отослал 25 февраля 1701 г. большой («на восьми листах») доклад, в котором говорилось о трудностях и опасностях королевского плана: «Если продолжать войну как против царя, так и против короля Августа, то ваше величество до такой степени погрузитесь в долги, что в конце концов уже невозможно будет добывать деньги для продолжения войны и для управления государством. Мы говорим также от имени бедных чиновников, которые за свою большую работу получают лишь

очень малую плату или вовсе ничего не получают и изнуряются со своими женами и детьми, за многих бедняков, которых поддерживает государство. Из чувства подданнической верности и из сострадания к положению обедневшего народа мы просим ваше величество освободить себя по крайней мере хоть от одного из двух врагов, лучше от польского короля, после чего Швеция могла бы снова пользоваться доходами от пошлин в Риге». Государственный совет приложил к этому документу другой, из которого явствует, что дефицит при выполнении годового бюджета был равен до войны одному миллиону талеров, а во время войны возрос до восьми миллионов. На это Карл не замедлил ответить, что он не намерен и слушать о мирных переговорах ни с Августом, ни с царем⁴⁸. Но вскоре государственный совет убедился, что и в главной квартире короля существует разногласие. Граф Пипер написал в Стокгольм о своем большом сожалении, что Карл не хочет мириться с Августом, который выставляет очень приемлемые условия. Тогда совет снова и очень настойчиво довел до сведения короля, что страна может погибнуть, если должна будет нести и дальше такие тяжкие расходы на войну. Король ответил на это решительным отказом и категорически подтвердил, что будет вести войну одновременно с Августом и с царем.

Государственный совет пересылал Карлу петиции от провинций, в которых повторялись жалобы на тяжелое положение страны. Но и это оказалось совершенно тщетным. Самые влиятельные, ведущие члены государственного совета Иоганн Габриель Стенбок и Бенгст Оксеншерн с беспокойством говорили (при полной поддержке со стороны совета), что Польшу легко победить, но *трудно подчинить*. Эта фраза поясняется в новом представлении Бенгста Оксеншерны, посланном королю уже после нескольких успехов русских войск в Ливонии. У Августа есть союзники, русские и саксонцы. Война против него с целью низвергнуть его с престола будет вдвойне трудна, даже «почти невозможна», так как затрагивает «гордость польской нации». Ясно, что уже в 1702 г. дела Карла в Польше при всех его успехах обстояли не весьма блестяще и что в народе Речи Посполитой проявлялось сопротивление⁴⁹. Бенгст Оксеншерн советует не только мириться с Августом,

но заключить с Польшей и Саксонией союз против русской державы. И государственный совет, и влиятельные представители аристократии, и провинциальное земледельческое дворянство, возглавлявшиеся королевским двором, и старая королева-мать, представительница династии, не переставали писать королю и Пиперу о живейшей тревоге в стране по поводу русских побед под Ниеншанцем, Кексгольмом, об общих опасениях, что русские возьмут Нарву и появятся на Балтийском море. Но что мог поделать Пипер, который вполне был согласен с советом, с двором, с писавшей ему лично вдовствующей королевой-матерью Гедвигой Элеонорой? Он писал в Стокгольм горестные письма и сообщал, что переубедить короля невозможно. Что касается приближенных по главной квартире, то здесь Карл имел большую поддержку, и чем больше углублялись шведы в Польшу, а затем в богатую Саксонию, тем убедительнее казался беспощадно грабившему поляков (в деревне и городе) шведскому командному составу аргумент короля, что убыток от разорения Ливонии русскими с лихвой покрывается прибылью, которую шведы получают в захватываемых землях⁵⁰. Но эта прибыль давалась недешево: с каждым годом войны становилось очевидным, что привести к полной покорности польский народ, если даже вполне победить и низвергнуть Августа, становится все труднее и труднее и что часть шляхты, которую местами удастся привлечь на шведскую сторону, еще не составляет польского народа.

В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда сохранился интересный документ, который по своему происхождению связывается, хотя он и не подписан, с полковником И.М. Шуваловым, бывшим впоследствии комендантом города Выборга. Текст документа говорит о военных действиях русской армии начиная от 2 июля 1702 г. и кончая 22 июля 1703 г. Это чрезвычайно лаконичный дневник переходов и боевых встреч с шведами за означенный год времени. Ничто не может дать такого представления о почти безраздельном господстве русских войск на громадной территории Эстляндии, Ингерманландии и части Ливонии, как этот бесхитростный скупой дневник.

Экспедиция 1702 г. выходит 2 июля из Пскова, а 9 сентября возвращается на зиму в Псков и за это время прогоняет шведов то там, то сям, побивая их многое число и беря обоз на одной мызе, на другой день — на другой. Иногда несколько задерживаются. Например, 14 августа «подошли пехотой под Алест и стали шанцоваться», а за 25 августа уже записано: «Алест взяли». Но чаще и «шанцоваться» не приходится. В кампанию 1703 г. из Пскова вышли 27 апреля. Шли походом беспрепятственно и к 8 мая пришли под Ямбург. А 9 мая начали делать шанцы. В 12-й день стали метать бомбы и в 14-й день «приняли город и шведов отпустили».

23 мая пошли под Копорье, где шведов сидело 140 человек. Взяли там же 8 пушек, 13 бочек пороху, 500 ручных ядер и 1000 пушечных ядер. 19 июня пришла к Ямбургу шведская пехота и конница, и того же числа фельдмаршал, прибывший к Ямбургу (4 июня), их разбил. 8 июля фельдмаршал — уже в Шлиссельбурге, а 14-го — идет к берегу моря⁵¹.

Благоприятным для России обстоятельством следует признать прежде всего то, что первые четырнадцать лет ее борьбы с Швецией протекали при связавшей руки всем державам Запада войне за испанское наследство. Франция, всегдашняя союзница Швеции, вела очень трудную борьбу против австрийских Габсбургов и Англии. Австрия была, невзирая на все желание, не в состоянии и думать навязывать себе на шею войну с Россией, пока не был решен вопрос о том, в чьих руках окажется Испания. Наконец, для Англии все отдалявшийся с каждым годом в неопределенную даль и очень проблематический конечный исход войны должен был решить капитальный для британского кабинета вопрос о соотношении сил и на Ла-Манше и в Средиземном море. А пока этот исход еще не был ясен (т.е. до Утрехтского мира 1713 г.), приходилось воздержаться от более активной политики на Балтике, куда британский кабинет с самого начала войны не желал допускать Россию.

Но это не значило, конечно, что Англия могла вообще отказать от выбора определенной позиции перед лицом русско-шведского столкновения. Слишком серьезные интересы связывали англичан с Северной войной. Англии пришлось много лавировать, хитрить и изловчаться в течение Северной

войны в своих сношениях как с Швецией, так и с Россией. Но следует тут же отметить, что ее позиция в продолжение всей войны в основном всегда была недоброжелательной относительно России. Это относится и к первому десятилетию Северной войны, начавшемуся Нарвой и окончившемуся Полтавой, которым мы тут занимаемся.

Еще до возникновения русско-шведской войны Англия уже успела заключить соглашение с Швецией, нужное ей для комбинаций, касавшихся последних приготовлений к выступлению против испанских планов Людовика XIV. И это соглашение в той или иной мере оставалось в силе в течение ближайших лет войны. Это был по своим прямым последствиям очень вредящий России дипломатический шаг Англии, первый по времени в истории Северной войны. Первый, но не последний. Собственно в неизменно враждебной политике Англии относительно России во весь рассматриваемый период не было колебаний по существу, а просто наблюдалось временами стремление в той или иной мере замаскировать свои цели, один раз больше, другой раз меньше. Англичанам приходилось считаться с необходимостью, пока возможно, симулировать «дружелюбие», готовность к благожелательному дипломатическому посредничеству и т.п., потому что они высоко расценивали выгодность торговли с Россией и очень боялись голландской конкуренции в портах завоевываемой русскими Балтики и в Архангельске, но при этом старательно избегали оказать Петру какую-либо в самом деле реальную услугу. Так обстояло дело после первой Нарвы, когда их посредничество было желательно. Так было и в 1707 г., когда, получая от Петра подарки за свое мнимое содействие заключению мира с Швецией, лорд Мальборо всячески старался ускорить уход Карла XII из Саксонии и нападение на русские границы. Прямые угрозы Англии и ее открытые приготовления к войне с Россией и попытки в 1718—1721 гг. всеми мерами помешать заключению мира России с Швецией уже выходят за хронологические рамки исследования.

С каждым месяцем пребывания шведского войска в Польше и с каждым новым успехом Карла «шведская партия» увеличивалась, и магнаты со своими феодальными отрядами

и свитой из мелких окрестных шляхтичей начали кое-где открыто переходить на сторону неприятеля, вторгшегося в страну, и покидать союзника Польши, заявляя, что они намерены силой поддержать требование сейма об удалении русских из Литвы, куда они вступили по прямому зову польского короля. И все-таки среди польской знати, в руках которой находились и сейм и выделенный из сейма правящий сенат, царила большая растерянность, и чувство национального унижения охватывало многих, кто сначала перешел за графом Сапегой в шведский стан. Ведь это было польское поколение, которое еще помнило, как всего двадцать лет перед тем, в 1683 г., польский король, доблестный Ян Собеский, спас Вену от турецких полчищ, осадивших ее. Терпеть теперь такое надругательство, чтобы вторгшийся неприятель гнал с престола законно избранного польского короля только потому, что он защищает польскую землю, очень многим магнатам и шляхтичам казалось невыносимым. Русские оказывали полякам всякую помощь.

Все эти колебания среди феодальной знати, правившей Польшей, приведшие к тому, что часть польских сил оказалась на стороне шведов, вредили борьбе населения против шведского вторжения и во многих местах подрывали сопротивление страны. Могла ли помочь Августу его прокламация, грозившая самыми страшными наказаниями не только изменникам, но и всем дворянам, которые не явятся на службу со своими вооруженными людьми, вассалами? Король Август торжественно обещал, что все не явившиеся на службу будут преданы «очень мучительной и позорной смерти: у них будут сначала отрублены руки и ноги, отрезаны носы и уши, а затем они будут посажены на кол, или колесованы, или разодраны лошадьми», которых погонят в разные стороны после того, как виновный будет привязан к ним веревками. Ничего из всех этих угроз не вышло, хотя Август и начал их осуществлять, практикуя, впрочем, больше на вассалах, чем на их господах. Польские войска выбыли из строя, не помогли и саксонцы, спешно вызванные в Польшу. Карл подошел к Варшаве, и столица сдалась. Это произошло 14 мая 1702 г. Петр принимал все меры, чтобы затруднить продвижение шведского короля. Но окружение короля (и позднейшие его панегиристы) полагало, что

он в это время якобы шел «от триумфа к триумфу». Но все-таки одна легкая тень не сходила с лучезарного небосклона: пришли крайне неприятные известия из Ливонии. Русские, о которых после Нарвы и говорить будто бы уже не стоило, вдруг не только дерзнули напасть на шведов, но и осмелились разбить их наголову.

14

Громадный моральный эффект произвела первая после Нарвы серьезная военная встреча русских со шведами, происшедшая в самых последних числах декабря 1701 г. и 1 января 1702 г. и названная сражением под Эрестфером. (Шведы называют это селение Эрасфером, а немцы — Эллисфером.)

Вот как рассказано об этом событии в «Журнале Петра Великого»:

«Генерал Шереметев, стоявший в Пскове, узнал через шпионов, что в Дерпте и его окрестностях находится Шлиппенбах с отрядом в 7 тыс. человек кавалерии и пехоты. Шереметев решил атаковать шведов и пошел из Пскова к Дерпту во главе 8 тыс. человек, имея при себе артиллерию. Но до Дерпта он не дошел, потому что дальнейшая разведка сообщила, что Шлиппенбах стоит в 4 милях от Дерпта. Произошел сначала бой русского авангарда с передовым отрядом шведов. Бой был для русских успешным. Авангард, сделав свое дело, отошел. Это было только началом событий. Получив от взятых в этом деле пленных нужные ему сведения, Шереметев быстро двинулся против главных сил Шлиппенбаха, стоявших у деревни Эрестфер (уже не в 4, а в 7 милях от Дерпта). 1 января 1702 г. произошёл бой, который в первые часы был неудачен для русских. Войско только начало переживать реформу и было «яко новое войско — не практикованное», к тому же и пушки не приспели. Возникло замешательство, «конфузия», и русские отступили. Но тут подошла опоздавшая артиллерия и сразу поправила дело: русская армия снова устроилась и в полном порядке атаковала неприятеля. Сражение, очень упорное с обеих сторон, длилось четыре часа. Русские сломили наконец шведское сопротивление и одержали полную победу. Шведы бежали, по-

бросав артиллерию, и русская кавалерия гнала их несколько миль. Шведские потери одними лишь убитыми были равны 3 тыс. человек, русские потеряли убитыми втрое меньше — 1 тыс. человек⁵².

Шведские показания оттеняют, что Шереметев решил использовать элемент внезапности, зная, что шведы празднуют Рождество, и для ускорения переправил свою армию по льду озера Пейпус на 2 тыс. санях — и шведы были застигнуты врасплох: жена и дочери Шлиппенбаха лишь совсем случайно не были захвачены русскими. Как всегда, когда шведы говорят о своих неудачах, они преуменьшают численность своих войск и преувеличивают численность неприятеля. Они утверждают, что у Шлиппенбаха было будто бы меньше 2 тыс. человек, а у Шереметева 12 тыс. с сильной артиллерией, да еще вблизи находился резерв в 8 тыс. человек, прикрывавший обоз. Затем будто бы поражение шведов было вызвано еще и тем, что шведская кавалерия состояла из неопытных рекрутов, «полки абосский и карельский были охвачены паническим ужасом» и, бросившись бежать, сбили и расстроили пехоту. Шведы стараются также представить дело так, что русские потери были больше шведских. Все эти смягчения и оговорки не мешают им, впрочем, признать всю серьезность этой тяжелой неудачи.

Петр был в полном восторге. Он произвел Шереметева в фельдмаршалы, наградил щедро офицеров и солдат. Представление о шведской непобедимости впервые испытало большой удар, и этот моральный результат Эрестфера был гораздо важнее стратегического. Царь сознавал, конечно, что еще очень много должно сделать для того, чтобы выучка, дисциплина, организованность русского войска были на должной высоте, и он с удвоенной энергией продолжал начатое тотчас после Нарвы дело.

Было и еще одно обстоятельство, которое учитывали и Шлиппенбах, и Реншилд, и министр граф Пипер, но которое игнорировал Карл и многие прославлявшие его литературные герольды. На этом обстоятельстве стоит остановиться, потому что не только старые, но и новые западные историки Северной войны всякий раз ставят его как бы в укор русским и в похвалу шведам, когда им приходится признавать русские по-

беды, все равно — при Эрестфере ли, или под Калишем, или под Полтавой.

Всякий раз указывается, что, мол, немудрено, если русские там-то и там победили: их было вдвое (или втрое и т.д.) больше, чем шведов. Пишущие так забывают, что ведь это говорит именно в похвалу, а не в порицание русской стратегии. Петр, первоклассный полководец, предвосхитил всеми своими действиями классическое правило, сформулированное лишь спустя сто лет Наполеоном: все искусство войны заключается в том, чтобы оказаться сильнее неприятеля в определенном месте в определенный момент. Петр, точь-в-точь как сто лет спустя и Наполеон, считал, что на войне единственное важное дело — победить, а не блеснуть молодечеством и хвастать тем, что наших, мол, было меньше, а мы победили, или оправдываться тем, что неприятеля было втрое больше и только поэтому, мол, пришлось уступить. Конечно, если бы даже численное соотношение сил под Эрестфером было до такой степени в пользу русских, как это описывается у шведских летописцев и историков Северной войны (а оно было совсем не таково), то и в этом случае вывод был бы один: Петр, посылая Шереметева к Дерпту, и Шереметев, атакуя Шлиппенбаха, действовали совершенно правильно и талантливо использовали ошибку шведской стратегии, оставившей Прибалтику без надлежащих возможностей победоносного отпора русскому натиску.

15

Столкновения на границах расположения двух армий — русской и шведской — продолжались, но не принимали больших размеров в течение полугода после Эрестферского боя. Только 17 июля 1702 г. (по шведскому календарю 18-го) дело дошло до нового серьезного столкновения. Русские снова перешли в наступление по линии Эрестфер — Дерпт, и между городом Гумельгоф и Загнитш (на р. Эмбах) Шлиппенбах потерпел новое жестокое поражение от войск Шереметева. Сначала шведам удалось потеснить русских и даже отбить у них пять пушек (по шведским показаниям — шесть), но затем к полю боя подоспела русская пехота, и неприятель был разбит

наголову и не только должен был оставить взятые у русских орудия, но потерял пятнадцать своих. Русские взяли в плен 238 человек, а «остальные от пехоты почитай все на месте трупом положены», — читаем в «Журнале» Петра. Шведские источники также признают, что в этой битве при Гумельгофе (русские переименовали: «при Гумоловой») почти все, кроме конницы, бежавшей к Пернау (Перново), и кроме нескольких сот взятых в плен, были перебиты, а было у Шлиппенбаха к началу боя почти 2 тыс. человек, и шведы признают, что в самом деле почти все эти люди пали в бою 17—18 июля 1702 г. После сражения Шереметев беспрепятственно прошел всю южную Лифляндию, забирая запасы продовольствия, разрушая укрепления, захватывая пленных. Но фельдмаршал не желал нарушить повеления Петра и не занял Лифляндию (для этого не пришло еще время). Вернувшись в Псков и устроив свою армию близ Пскова и у Печоры, Шереметев остался в полной готовности нагрянуть в любой пункт Ливонской (Лифляндской) земли, куда ему будет указано. После этой второй крупной русской победы в открытом поле и после долгого беспрепятственного господства Шереметева в Лифляндии еще гораздо больше, чем после Эрестфера, выявлялась воочию непрочность позиции шведских сил в данный момент.

У всякого, кто изучает детально историю этих первых лет Великой Северной войны, возникает, конечно, естественный вопрос: как же относилось шведское правительство к этим серьезным, зловещим предостережениям? Ведь прошло каких-нибудь полтора года с небольшим после Нарвы, и шведы потеряли два тяжких поражения.

У русских на юге Лифляндии уже была наготове армия в несколько десятков тысяч человек, и от этой армии уже дважды бежала в панике шведская кавалерия.

Но на вопрос: как все эти тревожные и неожиданные известия были приняты Швецией, должно дать два ответа. Стокгольмский правительствующий совет был встревожен, хотя часть его членов бодрилась. Но Карл XII, гнавший в Польшу короля Августа и шедший из Торуня в Варшаву, из Варшавы в Сандомир, оттуда собиравшийся в Краков, ничуть не был смущен. Им теперь уже владела окончательно та безмятежная уве-

ренность в конечном успехе (и в очень легком успехе) в борьбе с русскими, которой, как сказано, вовсе не было еще в таких размерах сразу после Нарвы. Теперь, после «великолепных успехов» и якобы «триумфальной прогулки» по Литве и Польше, Карл не хотел отвлекать себя заботами о «неумеющих воевать русских варварах». Если Карл пошел в Польшу, чтобы обеспечить за собой базу для будущего похода на Россию, то он слишком рано удостоверился, будто его прибалтийским владениям уже не грозит ничего и что можно спокойно довести до конца обдуманый план полного подчинения своей воли Польши перед походом на Москву. Нужны были новые тяжкие удары, чтобы в головы шведского командования проник первый, еще очень слабый луч понимания, первая мысль, что, может быть, в самом деле Прибалтике грозит серьезная опасность?

Новые удары последовали. Но мы увидим, что они произвели совсем не тот эффект, которого логически можно было бы ждать и которого в самом деле — это известно документально — ждали в Стокгольме все сколько-нибудь здравомыслящие политики.

«Намерение есть, при помощи божией, по лду Орешик доставать», — писал Петр Шереметеву еще в январе 1702 г., но все же приходилось поотложить, пока новые успехи русских в Ливонии не развязали окончательно рук для действий в Ингрии, на Ладоге и Неве⁵³. Нужно было также подождать, чтобы определилось дальнейшее движение Карла и его главной армии. 5 июня 1702 г. царь мог уже поделиться с Апраксиным двумя хорошими новостями.

Во-первых, король шведский с армией углубляется все далее и далее в Польшу. А во-вторых, «зело великая перемена учинилась, война общая началась; дай, боже, чтобы протянулась (sic. — *Е.Т.*): хуже не будет нам»⁵⁴. Так совершенно правильно расценивал Петр с точки зрения русских интересов вспыхнувшую весной 1702 г. войну за испанское наследство. Эта война почти на двенадцать лет связала руки Франции, которая воевала против Англии и Бранденбургского курфюршества (Пруссии), связала тем самым руки Англии, Австрии и Бранденбургу, лишила Швецию активной французской под-

держки, не дала Англии возможности помочь Швеции и хоть немного остановить вовремя русские успехи на Балтийском побережье, успехи первые и, может быть, наиболее для России важные. Уход Карла из Литвы в Польшу и вспыхнувшая война на Западе между всеми великими державами очень облегчали положение русских в Прибалтике.

Две крупные победы над Шлиппенбахом, постоянные более мелкие столкновения на южных границах Лифляндии или Ливонии, как ее стали все чаще называть по-старому в наших, но не в шведских документах, наконец, то, что сделали в Ливонии шереметевские войска, и оставление их поблизости — в Пскове и близ Печоры — все это было очень рассчитанным и вполне удавшимся первым шагом в поставленной Петром задаче возвращения старорусского Поморья.

Но второй шаг последовал не в Ливонии, а в Ингрии. Все сделанное в 1701—1702 гг. было подготовкой к прочному овладению устьем Невы и предназначено для того, чтобы обезопасить русские вооруженные силы от шведского большого нападения Запада, от Дерпта, Риги и Ревеля.

Когда Петр, к великому своему удовлетворению, увидел, что Карл со своими главными силами не только не спешит в Прибалтику спасать свои владения, но, напротив, все больше и больше движется к югу и юго-западу Польши, тогда русское военное командование решительно приступило к делу, катастрофически прерванному первой Нарвой в ноябре 1700 г. Отход на юг сил главной армии врага был немедленно использован.

После удачного первого шага, после подготовки в Ливонии, решено было сделать второй шаг, нанести главный удар в устье Невы, на Ладогe и, конечно, в той же Нарве, не овладев которой все-таки нельзя было двигаться дальше.

Позиция шведов в этих местах была очень сильна. Они фактически владычествовали на Ладогe и имели там флот, который невозбранно высаживал на восточном (русском) берегу озера десанты и беспощадно опустошал русские селения. Петр немедленно принялся создавать озерный флот, который уже в 1702 г. с успехом стал оказывать сопротивление.

Но пока у шведов в руках были две сильные крепости на Ладогe: Нотебург и Кексгольм, — до той поры русские не мог-

ли чувствовать себя сколько-нибудь прочно, и, главное, устье Невы и море оставались недостижимыми.

Нотебург на южной окраине озера был важнее Кексгольма и гораздо лучше укреплен. Уже в ночь с 26 на 27 сентября 1702 г. отряд Преображенского полка в 400 человек подошел к городу и начал перестрелку.

27 сентября подошли значительные силы, и началась осада. К русской армии прибыл из Пскова Шереметев. Помощь, на которую рассчитывал шведский комендант, не пришла: незадолго до начала осады Апраксин разбил наголову на берегу р. Ижоры отряд, высланный против него главноначальствующим шведскими силами в Ингрии генералом Кронхиортом. У этого генерала Кронхиорта были, как осторожно пишут шведские историки, при всей его почтенности некоторые досадные недостатки: он был очень склонен к обогащению за счет казны, неимоверно жесток к населению (даже шведскому) и мало смыслил в военном деле; хотя Карл XII убедился в этом слишком поздно. Что касается его достоинств, то история не сохранила памяти о них, если не считать достоинством то, что ему было уже под семьдесят лет. Существенной помощи Нотебургу он не оказал, и мужественный комендант со своим очень храбро сражавшимся гарнизоном был предоставлен своим силам.

В гарнизоне было 450 человек и многочисленная артиллерия: 142 орудия. Предложение о сдаче, посланное Шереметевым, было отвергнуто, и 1 октября началась бомбардировка, продолжавшаяся с малыми перерывами десять дней.

Русское командование перетасило волоком 50 судов из Ладожского озера в Неву. Русские взяли укрепление на другой стороне Невы, и попытка шведов отбить его оставалась безуспешной. Шведы получили за все время осады лишь подмогу в 50 человек от Кронхиорта. Кроме этих людей, никому пробраться в крепость не удалось. Шведам непременно нужно было попытаться дать тем или иным путем сведения о себе Кронхиорту. Внезапно в русский лагерь явился барабанщик из осажденного города с прошением к фельдмаршалу Шереметеву от жены коменданта, ходатайствовавшей, чтобы женам всех офицеров позволили выйти из крепости «ради великого

беспокойства от огня и дыма». Письмо попало в руки сражавшегося в рядах Преображенских солдат «капитана бомбардирской роты» царя Петра Алексеевича. «Капитан» вручил шведскому барабанщику такой ответ: к фельдмаршалу пересылать письмо он не берется, потому что ему доподлинно известно уже наперед, что Шереметев не захочет офицерских жен «разлучением опечалити» с мужьями, а поэтому разрешение выйти из города дается лишь с тем условием, чтобы каждая офицерская жена захватила с собой своего мужа⁵⁵. На этом и окончились попытки осажденных как-нибудь связаться с Кронхортом. Десятидневная бомбардировка, произведшая страшные разрушения крепости, кончилась взятием Нотебурга штурмом.

После штурма, продолжавшегося с перерывами двенадцать часов, комендант Нотебурга полковник Густав Вильгельм фон Шлиппенбах сдал крепость. Петр дал ему самые почетные условия, как и всему храброму гарнизону: шведы были выпущены из крепости и вышли с распущенными знаменами и музыкой. Они все свободно могли присоединиться к своим, стоявшим в Нарве. Такая же свобода уйти куда пожелают или оставаться была предоставлена всему населению. Много потерь стоила русским эта победа. Штурм был необычайно трудным и кровопролитным, «Правда, что зело жесток сей орех был, аднака, слава богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила»⁵⁶, — писал Петр А.А. Виниусу. Старый русский Орешек вернулся в русские руки и был переименован в Шлиссельбург («ключ-город», открывавший дорогу к овладению устьем Невы).

16

За зимним «роздыхом», если можно так назвать деятельную подготовку к дальнейшим действиям, последовало овладение устьем Невы. 1 мая 1703 г. сдалась Шереметеву небольшая шведская крепость Ниеншанц на правом берегу Невы (у впадения речки Охты в Неву). А вслед за этой «знатной радостью» последовала и другая: шведы, не имея понятия о том, что русские уже овладели Ниеншанцем, явились на взморье, и их эскадра проникла в устье Невы и здесь совсем неожиданно

была атакована. После артиллерийской перестрелки русские на тридцати небольших ботах подплыли под огнем к двум неприятельским судам и немедленно бросились на штурм. Адмирал Нумерс (в «Журнале» Петра по ошибке — Нумберс), потеряв два судна, ушел с остальной эскадрой в море. Оба судна в почти не поврежденном виде, со всей артиллерией (24 орудия) остались в руках победителей. Такова была первая русская морская победа над шведами, и одержана она была в устье Невы, у того самого моря, от которого по Столбовскому договору русские были, казалось, так надежно отрезаны. То было лишь началом исторического русского опровержения слов Густава Адольфа... Все это случилось 7 мая.

А через неделю с небольшим после этих событий произошло еще одно, гораздо более важное: 16 мая 1703 г. на острове Лустон (Луст-Эйланд) на Неве была заложена крепость, первое здание будущего города Петербурга. В ближайшие месяцы русские овладели Копорьем и Ямом (Ямбургом). Вскоре после этого была фактически занята русскими вся Ингрия (Ингерманландия).

Уже 13 мая 1703 г. Шлиппенбах писал Горну, а Горн доносил (16 июля) в «комиссию обороны» в Стокгольм, что если король немедленно не явится на выручку, то остзейские провинции будут потеряны для Швеции, так как прочно укрепившихся русских нельзя будет оттуда изгнать. Но все эти предостережения были напрасны. «До конца король не допускал даже мысли, что здесь налицо большая опасность. Неслыханно возрастающую силу России он не хотел или не был в состоянии видеть и для большой опасности со стороны русского флота у него тоже не было глаз»⁵⁷, — пишет один из апологетов Карла XII, Фердинанд Карлсон.

Следует отметить, что шведский историк и собиратель ценнейших, отчасти теперь уже исчезнувших документов и повествований по истории Карла XII, Фриксель, писавший и собравший свои документы через сто лет после событий, шведский шовинист, русских не любящий и охотно возводящий на них всякую напраслину, но местами старающийся соблюдать «беспристрастие» (по мере сил), говорит об этом тяжком для его патриотического сердца событии, т.е. отвоевании русскими

ми у шведов Ингерманландии, следующее: «Из многих земель и провинций, которые шведы завоевали в свой блестящий период, Ингерманландия оказалась первой землей, которая снова была ими потеряна. И с этого начался ряд великих потерь, вследствие которых с 1702 по 1715 г. от тогдашней шведской монархии при Карле XII и веденной им войне было оторвано больше половины владений Швеции. Царь действительно теперь (после занятия Ингрии. — *Е.Т.*) распространил свое владычество до Балтийского моря. Он тем более радовался этой военной удаче, что завоеванная территория первоначально принадлежала России. Таким образом, старая пословица оправдалась: «неправо взятое имущество не приносит добра»⁵⁸. И он тут же без возражений приводит полностью цитату из Библии (из первой книги о Маккавеях), ту самую цитату, которая красовалась на большой карте Ингрии, вывешенной на колеснице во время триумфального въезда Петра в Москву: «Мы ни чужой земли не брали, ни господствовали над чужим, но *владеем* наследием отцов наших, которое враги наши в одно время несправедливо присвоили себе. Мы же, улучивши время, опять возвратили себе наследие отцов наших».

Мы видим, таким образом, что занятие Ингрии пошло очень быстро. Ниеншанцем на Неве русские войска овладели 1 мая 1703 г. Через две недели (14 мая) последовала сдача шведами Яма (Ямбурга), а 27-го — сдача Копорья. Фактически вся Ингрия уже в 1703 г. была в руках русских. Но пока Ругодев (или Ругодив, т.е. Нарва) мог тревожить Ямский и Копорский уезды налетами из крепости, русские, конечно, не считали дела в Ингрии окончательно и бесповоротно законченными. Петр был очень недоволен тем, что ладожский воевода Петр Матвеевич Апраксин (не смешивать с его родным братом, флотским начальником, адмиралом Федором Матвеевичем) не удержал татар и казаков своего отряда от эксцессов и нарушений интересов и спокойствия жителей и грабительских действий. «А что по дороге разорено и выжжено, и то не зело приятно нам», — писал П.М. Апраксину царь. Шереметев требовал от П.М. Апраксина, чтобы он обуздал своих конников и удержал их от насилий, «ведаешь, какие люди татары и казаки», — напоминал он

ему. Ингрия стала уже русской провинцией, и негоже было обходиться с населением как с неприятелем⁵⁹.

Овладение крепостями Нарвой, Дерптом (славным отечественным градом Юрьевом, как называл его Петр) и Иван-городом было намечено в качестве основной задачи на 1704 г. Уже в конце января началась подготовка нужной обстановки для успешного выполнения этой задачи. Необходимо было, чтобы Август все же постарался всеми силами задержать в Польше короля Карла с главными силами шведской армии. Царь снова повторяет обещание, данное в договоре с Августом: после победы над шведами, по мирному трактату, отдать Августу Ливонию. Петр старается убедить Августа, что и для него, Августа, очень важно, чтобы поскорее крепости шведов перешли в русские руки, ибо тогда польскому королю не придется «с бесчестьем бежать в Саксонию». Царь напоминает об опасности, висящей над Августом, так как злонамеренные поляки («бешеные, и весьма добра лишенные») могут его «с срамом выгнать и весьма престола лишить». И, зная хорошо своего союзника, Петр обещает Августу в случае, «если по сему исполнит», дать ему «200 000 рублеф (sic. — *Е.Т.*) ...хотя бы и с лишком», но, впрочем, не авансом, а только в будущем, 1705 г.⁶⁰.

С этой инструкцией Паткуль, вновь назначенный русский посланник при польском дворе, и отправился в январе 1704 г. к Августу.

А русские приступили к выполнению намеченной на 1704 г. программы.

Овладение Нарвой, конечно, было в планах русского командования одной из первоочередных задач. У нас есть документ, который определенно говорит, что уже в зиму с 1701 на 1702 г. с русской стороны намечались какие-то активные военные действия под Нарвой. Некий Ивашка Гуморт послал на имя царя письмо, которое 24 мая 1702 г. было прислано А.А. Матвеевым в Посольский приказ, где, по-видимому, оно и переведено на русский язык. С какого именно языка? Вероятно, с немецкого, так как в нем встречаются неуклюже переведенные характерные немецкие поговорки («как кошка около горячей каши» и т.п.). Судя по всему, Гуморт — русский лазут-

чик, оставшийся в Нарве, заподозренный шведами и сидевший под караулом. Он — житель Нарвы и имеет там тайные свидания с семьей⁶¹. Судя по содержанию, письмо относится к весне 1702 г. и содержит в себе сожаления о том, что не удалось использовать зиму для нового нападения на Нарву: «ныне вижу я, что у нас все яко рак вспять идет». Были холода (нужные для похода) 11, 12 и 13 декабря, а также 23, 24 и 25 января. Но потом настала совершенно летняя погода. «Зело жаль что первое время в декабре пропущено, потому что в то время здесь все в безопасности было» (т.е. шведы не береглись). Вообще Ивашка полон скорби и иронии и не может утешиться, что русские недостаточно решительно вели в 1700 г. осаду Нарвы, по его словам, и Нарву и Ивангород можно было тогда взять. Кто такой был этот Ивашка Гуморт и не был ли он только лазутчиком от русского стана, но и провокатором с шведской стороны, мы не знаем. Петр его сильно подозревал, и Ивашка очень этим обижен: «И еще повседневно слышу, что ваше царское величество всю вину на меня возлагаете в претерпенном уроне, како все вести (слухи. — *Е.Т.*) возвещают. И будто я все изменою объявил. Но дай боже, чтобы они кроме того ничего не ведали, что от меня слышали...»⁶².

Как бы там ни было, ясно, что русское командование, ведя активные действия в Ливонии в 1701—1702 гг., внимательно и осторожно следило за Нарвой и интересовалось сообщениями о том, что в городе и вокруг него делается и какие укрепления там строятся.

Попытки нарвского коменданта Горна и Кронхиорта из Выборга внезапными нападениями помешать русским работать по постройке Петербурга окончились неудачей. Горн был прогнан и преследуем до самой Нарвы, где и укрылся; Кронхиорта отбросил от Сестры-реки сам Петр, причем шведский генерал отошел к Выборгу.

Сил для того, чтобы отбить обратно у русских устье Невы, шведам явно не хватало. Да и русское командование не теряло времени. В середине лета 1704 г. на озере Пейпус была полностью уничтожена довольно значительная шведская озерная флотилия под командой Летерн фон Герцфельда, причем погиб почти полностью весь экипаж всех судов флотилии во главе

с Летерном. Тотчас после этого Шереметев осадил Дерпт. Необыкновенно удачно пошли дела в это лето 1704 г.

Шведы ждали нападения на Дерпт с суши, но не со стороны реки Эмбах, а Шереметев потерял целый месяц, ведя осадные работы и атаку там, где комендант Дерпта полковник Скитте располагал хорошими укреплениями. У русских было 46 орудий, у шведов в крепости втрое больше: 133 пушки. Прибывший туда Петр совершенно переменял все планы Шереметева. Он повел атаку со стороны реки, для чего выстроил мост через Эмбах и перевел туда под самые укрепления часть осаждающей армии. 13 и 14 июля произошел штурм, и город сдался. Почти вся шведская артиллерия (132 пушки из 133) достались тут в исправном виде русской армии.

После Дерпта очень скоро наступила очередь Нарвы, под которой стояла русская армия Шереметева, собравшаяся сюда после взятия Дерпта, и куда прибыл приглашенный Петром на русскую службу старый, уже отставной австрийский фельдмаршал Огильви.

В Нарве стоял шведский гарнизон в 2 тыс. человек под начальством коменданта Рудольфа Горна. Спасения Нарве не было. Пытавшийся создать диверсию стоявший в Риге Шлиппенбах был тотчас же после того, как с отрядом кавалерии двинулся в поход, разбит наголову русским генералом Реном (Ренне) и отброшен обратно, потеряв из своих 1200 кавалеристов почти тысячу человек. Горн решил защищать крепость до последней возможности. Петр предлагал ему сдачу на самых почетных и выгодных условиях, с правом вывести, куда захочет, весь свой гарнизон. Горн, подобно своему повелителю, совсем не понимавший, кто перед ним находится и каково соотношение сил в Прибалтике, ответил издевательским упоминанием о том, как русские были разбиты под этой же Нарвой за четыре года до этого. Дорого заплатила Нарва за это безумство и за кровавое, совершенно бесцельное сопротивление.

13 августа после кровопролитного штурма русские ворвались в город одновременно с двух концов.

В разгаре боя шведы взорвали мину, и при этом взрыве погибло очень много и шведов и русских.

Последний штурм длился три четверти часа. Соппротивление шведов было отчаянное, и русские солдаты были так разъярены тяжкими потерями, которые они понесли, когда уже всякое сопротивление было явно бессмысленно, что, ворвавшись в крепость, они с большим трудом и далеко не сразу опомнились и прекратили эксцессы. Петр должен был с обнаженной шпагой в руках броситься к солдатам и только этим остановил их. «Всемилодивейший господь каковым счастьем оружие наше благословити изволил и где прет (sic. — *Е.Т.*), четырма леты (оскорбил, или наказал, или опечалил. — *Е.Т.*), тут ныне веселыми победители учинил, ибо сию преславною крепость, через лесницы, шпагою в три четверти (часа. — *Е.Т.*), получили. Хотя неприятель поткопом (sic. — *Е.Т.*) крепко наших подорвал, аднакож солдат тем самым устрасити не мог»⁶³, — писал Петр польскому королю Августу. Не только царь, но и солдаты вспомнили о бедственном поражении под самой Нарвой за четыре года до того, в ноябре 1700 г.

Играя созвучием слов: «нарыв» и «Нарва», Петр поспешил известить Александра Кикина в блестящей победе 1704 г., совсем загладившей последствия несчастья 1700 г., в таких выражениях: «Инова (sic. — *Е.Т.*) не могу писать, только что Нарву, которую 4 года нарывала, ныне, слава богу, прорвало, о чем пространнее скажу сам. *Piter*»⁶⁴.

17

Тотчас же после этой важной победы Петр поспешил подтвердить и укрепить свой союз с Августом II. Чем больше Карл XII бил Августа, тем существеннее было для России поддерживать союзника, отвлекавшего шведов от Прибалтики.

15 августа 1704 г. представители польского короля и саксонского курфюрста Августа и представитель Петра Федор Алексеевич Головин подписали соглашение об оборонительном и наступательном союзе против шведского короля: «по силе того союза против короля Свейского до скончания сея войны всеми силами воевать, и друг друга не оставлять, и особого мира с неприятелем не чинить... Дан в завоеванной крепости Нарве... 1704-го, месяца августа 15-го дня»⁶⁵.

Это было торжественным и формальным подтверждением договора, предшествовавшего началу Северной войны.

Формальный союзный договор в полном виде был подписан там же, в Нарве, 19 августа 1704 г.⁶⁶ Ни единым словом в этом договоре не поминается о каких бы то ни было обещаниях или обязательствах России дать Польше какую-либо часть завоеванных русским оружием прибалтийских провинций Швеции.

В этом 1704 г. Август окончательно показал себя неспособным на серьезное сопротивление Карлу XII. Последний, насколько можно судить по имеющимся пока данным, должен был считаться все же с некоторым сопротивлением населения (особенно в Литве), но он успешно ликвидировал попытки регулярных сил польского короля задержать его движение к югу. И Головин, и после него Шафиров, и другие советники Петра продолжали, конечно, считать в высшей степени важным и полезным возможно более продолжительное пребывание Карла и его армии в Польше, и с этой стороны Август, пока у него были в Польше свои сторонники и пока он не заключил сепаратного мира с Карлом, был при всей своей инертности ценным союзником. Но, конечно, от польского короля никакой активной помощи уже не ждали, «понеже его королевское величество всякого случая от бою с королем швецким удаляется и войска свои по возможности соблюдает»⁶⁷.

Систематические нападения конницы Шереметева на Лифляндию, начавшиеся еще перед Эрестфером, еще более активизировались в годы после Эрестфера, и в 1703, 1704, 1705 гг. они имели очень большое политическое и стратегическое значение, и, заметим кстати, историки военного искусства в России имеют полное основание отмечать их несходство со старыми допетровскими «бесформенными» кавалерийскими набегами⁶⁸. Забирая продовольственные запасы, опустошая страну, считавшуюся житницей Швеции, Шереметев лишал постепенно и последовательно шведов их ближайшей базы для операций не только против первых русских приобретений в Ингерманландии, но и против Пскова, Новгорода и Литвы, которая и в соображениях Карла XII и в оценке Петра была прямыми воротами, широкой дорогой к русским пределам.

Когда Шереметев «изрядно повоевал Лифлянды», то и Петербург и старые города — Псков, Новгород, а впоследствии и Смоленск — оказались в гораздо лучшем положении перед грозящим шведским нашествием, чем если бы шведы могли опираться на такую прекрасную базу, как Лифляндия.

Политическая сторона дела была также очень важна. Лифляндское дворянство переставало верить в несокрушимость и непобедимость своих стародавних суровых шведских властителей (и грабителей), и число тайных сторонников врага Швеции дворянина Паткуля стало расти. Ливонцы видели, что в тех местах Ингерманландии, где утвердились русские, живет-ся, несмотря на войну, спокойнее, чем в Лифляндии, куда систематически вторгается русская конница, а за ней и пехота. Раньше, чем где-либо в Европе, задолго до Полтавы, в Лифляндии имели все основания начать сомневаться в возможности для шведов справиться с Россией и, наблюдая, что творится у них перед глазами, начали взвешивать шансы, расценивать выгоды и невыгоды подчинения одному или другому из двух борцов, России или Швеции.

В манифесте «о принятии под защиту жителей Лифляндии», изданном в Дерпте в августе 1704 г., правда, еще говорится, что Лифляндия должна будет отойти к Польше, но уже делается крайне существенная оговорка: это присоединение Лифляндии к «короне польской» может состояться лишь тогда, когда «корона польская» будет сама в состоянии оборонять эту провинцию, а до тех пор мы Лифляндию «в наше защищение восприемлем»⁶⁹. Если принять во внимание, что в это время «корона польская», в зависимости от местности и от военных приключений, перелетала с головы Августа на голову шведского ставленника Станислава Лещинского и обратно, то станет вполне ясно, что Петр этим манифестом уже довольно недвусмысленно объявлял всем, кого это интересовало, что ни за что он Лифляндию Польше не отдаст. После предательства Августа II и подписания им сепаратного мира с Карлом XII в Альтранштадте польские претензии на Лифляндию (Ливонию) были похоронены навсегда.

Мы видим, что русское движение шло с востока на запад последовательно и неуклонно, без невозможной и ненужной

поспешности и без опасной медлительности: в 1702 г. была занята Ингрия, 16 мая 1703 г. был основан на Неве Петербург, в 1703 г. началось завоевание Эстляндии, в 1704 г. летом пали два оплота шведского владычества в Эстляндии и Ливонии — Дерпт и Нарва. Война велась русскими планомерно, в логической и географической постепенности. Ливония, периодически подвергавшаяся нашествиям русских военных частей в 1702—1704 гг., была фактически в русской власти. Рига — столица шведской Ливонии — еще держалась. Держались и курляндские крепости Митава и Бауск. Их черед наступил в 1705 г.

Петр хорошо понимал, до какой степени губит шведов их упорное, невежественное пренебрежение ко всему, что делается в России для поднятия боеспособности русской армии: «...перед их очами гора гордости стояла, чрез которую (шведы. — *Е.Т.*) не могли... видеть» ухищрений, давших русским победу⁷⁰, — писал Петр еще до взятия Нарвы.

Эта «гора гордости» застилала глаза шведского короля целых восемь лет и застилала все перед его взором вплоть до Полтавского дня. Петр писал это по поводу одной удавшейся русской военной хитрости, когда русское командование, руководившее осадой Нарвы, выманило на вылазку шведский гарнизон, причем было перебито много шведов. Эти слова о том, что «гора гордости» долго скрывала от шведов действительность, могли быть применены ко всему дополтавскому периоду Северной войны. Но близилось время, когда Карл XII доказал, что он далеко не совсем впустую терял целые годы в Польше и что, проигрывая свои прибалтийские владения, он немало выиграл в другом месте. Ему, однако, необходимо было еще окончательно оформить и утвердить начатое дело в Польше. И Россия получила передышку еще на год.

18

Карлу в течение всех этих четырех с лишним лет (1701—1705) очень исправно доносили обо всем, что происходит в Прибалтике. Решительно никого он не мог обвинить в том, что от него как-нибудь скрывают или что для него искусственно

смягчают все, что творилось сначала в 1701 г. — в Ливонии, в 1702 г. — в Ингрии, в 1703 и 1704 гг. — в Эстляндии, в 1705 г. — опять в Ливонии. Напротив, и Шлиппенбах, и Левенгаупт, и Кронхиорт делали все зависящее, чтобы втолковать Карлу, что положение становится очень серьезным и что пора подумать о более важных для Швеции делах, чем замена одного польского короля другим и покровительство каким-то Сапегам против каких-то Вишневецких, о которых в Швеции и не слыхивали. Он продолжал при этом верить в то, что состояние русской армии такое же, каким было в ноябре 1700 г. при первой Нарве. Уже после своего тяжкого поражения под Эрестфером Шлиппенбах просил короля о подкреплении и даже о том, чтобы Карл поскорее вернулся. Но король не обратил на эти просьбы ни малейшего внимания. Конечно, он все более и более должен был видеть, что в самом деле «увяз в Польше», но не так-то легко было оторваться от начатого дела и отказаться от обдуманного плана создания базы перед вторжением в Россию, когда уже были принесены большие жертвы для выполнения этой широко задуманной программы. Многие видели всю опасность и политическую нелепость затянувшегося на долгие годы ухода из Прибалтики шведской главной армии, занятой где-то между Варшавой, Львовом, Краковом, когда теряются одна за другой ценнейшие прибалтийские провинции. Но когда полковник Майдель (лифляндец родом), получив приказ привести к Карлу в Польшу шведский отряд из Финляндии, вздумал своей властью отделить Шлиппенбаху (очень его просившему об этом) 600 человек, то Карл был в большом гневе на Майделя. Когда Карлу говорили о новых и новых успехах русских, он лишь презрительно усмехался. Даже когда пришла зловещая новость о штурме и сдаче Нотебурга, король ограничился следующим утешением по адресу своего удрученного и встревоженного любимого министра: «Утешьтесь, дорогой Пипер! Ведь неприятель не может же утащить к себе этот город!» Русским дорого обойдется эта победа, сказал он кому-то из окружающих, заметивших, что, несмотря на эти шутки, король очень раздражен и обеспокоен. Когда ему донесли о том, что царь заложил на Неве новый город (Петербург), Карл повторил то, что повторял и позже: «Пусть царь

трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их!» Так как «скрыто от смертных будущее их», то граф Пипер никак не предвидел ни Полтавы, ни того, что ему придется через много лет сначала получить в том самом Нотебурге-Орешке квартиру, а потом и умереть там же после многолетнего пребывания в русском плену⁷¹.

Карлу казалось необходимым, низвергнув Августа, посадить на престол кого-нибудь другого. Все равно кого, потому что новый король, естественно, будет только на шведскую поддержку и опираться. Считаться с голосом самих поляков, даже с желаниями уже существовавшей враждебной Августу группировки шведскому королю и в голову не приходило. Он сначала хотел посадить на польский престол Якуба Собесского (сына знаменитого короля Яна Собесского). Но Якуба успел перехватить и держать под «почетным арестом» в Саксонии Август. Тогда Карл велел привести к себе брата Якуба — Александра Собесского и предложил престол ему. Тот отказался. В конце концов выбор короля остановился на Станиславе Лещинском.

Пиперу все-таки, когда он наводил справки кое у кого из польской знати, было сказано, что Лещинского мало знают, влияние вне Познани он не имеет, никакой партии у него нет и никогда не было и вообще в Польше никому никогда и не снилось, чтобы он мог претендовать на польский престол. Но Пипер и Горн, зная хорошо своего короля, поспешили доложить также, что хоть Лещинского мало кто знает, но уж зато кто знает, те его любят. Все старые и новые, шведские и немецкие авторы одинаково признают, что внезапный сюрприз короля с кандидатурой Лещинского объясняется исключительно тем, что Карлу показалось, что в лице его он найдет вполне послушное орудие. «Благородная внешность молодого дворянина... может быть, также мягкость и уступчивость характера расположили Карла XII в его пользу»⁷², — пишет с большой откровенностью о внезапной кандидатуре Лещинского один из биографов Карла XII — Карлсон.

24 июня 1704 г. Карл объявил варшавскому сейму, что он желает, чтобы Станислав Лещинский был избран на престол.

Через неделю, 2 июля, «мягкий и уступчивый» познанский юноша Станислав и был избран польским королем. Ему суждено было просидеть на престоле Речи Посполитой ровно пять лет — от летнего дня 2 июля 1704 г., когда сейм его избрал, до другого летнего дня, 27 июня 1709 г., когда произошло Полтавское сражение, после чего Лещинский обнаружил в полной мере свою «уступчивость и мягкость», ибо без малейших затруднений пошел навстречу желанию Петра, чтобы немедленно и духа его в Польше не оставалось.

Карлу XII и тому же графу Пиперу, его министру, казалось, что, посадив своего ставленника, они завоевали Польшу и прочно обеспечили свой тыл для похода на Москву. А на самом деле не было в течение пяти лет эфемерного царствования этой марионетки ни одного месяца, когда Станислав мог бы вполне спокойно сидеть на своем троне, если бы шведские войска ушли из Польши. Он был лишь шведским орудием порабощения польского народа.

Серьезное значение в шляхте имели в эти пять лет две партии, раздиравшие Польшу на части: шведская и русская. Станислав Лещинский и Август и приверженцы того и другого всегда твердо знали, что их участь решится исходом нескончаемого, гигантского русско-шведского состязания. Но шляхта не составляла еще всего народа.

Мы не пишем тут историю польского народа в эти годы, когда и шведы и русские войска вели между собой войну на польской территории, но, насколько можно судить по архивным данным и по вышедшим томам «Писем и бумаг Петра Великого», шляхта местами тяготела больше к Лещинскому, чем к Августу II, а «хлопы», простолюдины, лучше уживались с русскими, чем с шведами, и ни разу русским властям не приходилось издавать таких варварских распоряжений против польского народа, как те, на которые так щедро было шведское командование. Но для прочных выводов надежных и полных материалов в нашем распоряжении не было.

Нужно сказать, что Петр, в свою очередь, избегал раздражать поляков. Узнав, что русские, уходя из города Броды, увезли с собой пушки и что поляки «негодуют», царь велит объяснить полякам (и «обнадежить» их), что эти пушки вывезены

только потому, что иначе попали бы в руки шведов, и поставлены они будут «в крепости полские Могилев и Быхов»⁷³. Русские оказывали всякую помощь полякам, бравшимся за оружие против шведов.

Еще 23 июня 1705 г. Петр объявил Польше, что он ввел свою армию в их землю на основании заключенного им (еще в 1703 г.) союзного договора с законным польским королем Августом II. Через две недели после этого манифеста царь уже был в Вильне. Здесь дальнейшее движение задержалось, потому что пришла печальная весть о поражении Шереметева в Курляндии. Шведы называют это сражение (15 июля 1705 г.) по имени селения Гемадертгоф, русские — по имени Мур-Мызы. Еще немало неудач и даже несчастий пришлось испытать русской армии, недостаточно еще обученной, с незначительными еще пока запасами артиллерии. До поры до времени артиллерия шведов еще превосходила несколько русскую. В 1708—1709 гг. положение круто изменилось в нашу пользу. «Некоторый несчастливый случай при Мур-Мызе, — писал царь Шереметеву, — учинился от недоброго обучения драгун (о чем я многожды говаривал)». Но Петр вместе с тем утешал Шереметева, указывая, что неудачи даже бывают полезны. «Не извольте с бывшем нещастии печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать и паче людей ободривать»⁷⁴, — писал царь Шереметеву 25 июля 1705 г.

Пришлось отложить намечавшуюся осаду Риги, тем более что победоносный Левенгаупт стал там со своей армией. И тогда-то ранней осенью последовала, как бы в подтверждение слов Петра, за «неудачей» большая «удача».

В первой половине сентября после довольно долгой осады сдалась русским войскам Митава (4 сентября 1705 г.), а спустя неделю — город Бауск с крепостью. Добыча была большая: 326 пушек, причем были взяты редкие тогда в русской армии 35 больших гаубиц в Митаве и 8 гаубиц в Бауске. Петр торжествовал больше всего потому, что эти два события задерживали курляндскую армию шведов и отрезали ее от Польши: покорение Митавы «великой есть важности понеже неприятель от Лифлянд уже весьма отрезан, и нам далее в Полшу поход

безопасен есть», — писал он Федору Юрьевичу Ромадановскому.

Теперь уж явно на долгое время Прибалтийский край переставал быть главным театром военных действий. Можно сказать, что война продолжалась из-за Прибалтики, но не в Прибалтике. По крайней мере только во второй половине 1708 г. там снова произошли крупные военные события. Но и тогда было, как и в 1705 г., ясно, что не на берегах Балтийского моря решится участь *сухопутной* русско-шведской войны. Оба противника это одинаково хорошо в тот момент понимали.

Для Карла потеря Митава и Бауска, да еще с такой особенно досадной, тяжелой утратой, как громадная по тем временам артиллерия, была поводом лишний раз укрепиться в мысли, которую он неоднократно высказывал в разных выражениях, когда Левенгаупт, или Реншильд, или (реже) граф Пипер пытались обратить внимание короля на необходимость отвоевать обратно хоть часть занятых русскими прибалтийских шведских владений. Зачем думать о Ниеншанце, или Нотебурге, или Митаве и Бауске и даже об угрожаемой Риге, когда все разрешится самым желательным финалом в Москве? Значит, очередная задача — окончательно прибрать к рукам Польшу и, обеспечив свой тыл и усилив себя войском поляков, которых так или иначе возможно будет принудить к союзу, идти спокойно прямой дорогой на Могилев — Смоленск — Можайск — Москву.

Но и у Петра уже с ранней осени 1705 г. тоже был готов не менее логический план, диктовавшийся как политическими, так и стратегическими соображениями, причем игру Карла XII царь понял весьма хорошо, хотя, может быть, в тот момент ему еще и не были известны все «изречения» Карла XII о Москве и обо всем, что король шведский там собирается учинить с ним и как желает распорядиться Русским государством. Цель войны заключалась в том, чтобы: 1) всячески препятствовать Карлу захватить Польшу окончательно, и поэтому должно всеми мерами помогать Августу II и поддерживать войсками и деньгами в Польше Августа против сторонников шведского ставленника Станислава Лещинского. Русское командование при

этом помогало не только королю Августу, но оказывало сильную помощь и населению тех мест Литвы и Польши, которые занимались русскими войсками; 2) всеми мерами стремиться к тому, чтобы война шла в Польше и польской Литве, а не в России, и удерживать шведов как можно дальше от русских рубежей, а единственным способом сделать это было оставление в пределах Речи Посполитой русской армии по возможности в тех частях польской государственной территории, которые граничат с русскими владениями, т.е. в Литве, в польской Белоруссии.

Когда пали Митава и Бауск, а Левенгаупт стал у Риги ждать неприятеля и явно боялся начинать немедленно наступательные действия, Шереметев этим воспользовался и, заняв, в сущности, почти всю Ливонию, кроме Риги, этим сильно подорвал стратегическое значение шведской победы у Мур-Мызы. Отныне русские могли не опасаться, что армия Левенгаупта вдруг нагрянет с севера на Литву. Во всяком случае, можно было продолжать задержавшееся движение русской армии, еще летом начавшей свое перемещение через Полоцк и Вильну на Гродно. Еще 28 августа, когда уже участь Митавы была предрешена, русская армия стала собираться из Вильны, где она приостановилась, в Гродно.

Мысль Петра была такова. Пока Гродно в русских руках, литовские магнаты с Вишневецким и Огинским во главе и зависимая от них шляхта будут на стороне Августа (т.е. на стороне русских), и нужно здесь стоять, сколько возможно дольше.

Тут возникла жестокая распря между русскими генералами. Командовал армией, шедшей в Гродно, фельдмаршал Огильви, старик, прослуживший в австрийских войсках 38 лет и на старости перешедший по приглашению царя на русскую службу. Он считал опасным план расположения армии в Гродно и всячески противился этому. А Меншиков, посланный царем тоже в Вильну, а оттуда в Гродно, формально был подчинен Огильви, но фактически перечил ему на каждом шагу. Меншиков убеждал царя не слушать Огильви. Александр Данилович так был крепко уверен в своей правоте, что признался царю

в большой дерзости: «Я приказал бумаг фельдмаршала Огильви к вашей милости мимо меня не посылать, опасаясь, чтобы своими бездельными письмами, как и настоящее, не ввел он вас в сомнение». Петр простил своему любимцу эту самоуправную выходку, потому что по существу согласился с Меншиковым, и снова приказал Огильви занять Гродно. В этом укреплении можно было долгое время отсиживаться в случае осады и этим продлить пребывание русских войск в Литве, что и требовалось. И Меншиков был возмущен тем, что Огильви не верит в русского солдата и требует от царя подкреплений, присылки Ренне, которого Петр сейчас дать не мог: «Только то мне, не без печали, что войско наше называет слабым и, ничего не видя, требует от нас Рена (sic. — *Е.Т.*). Если по моему намерению, армия будет поставлена, неприятеля мы удержим и изнурим... Мы не потребуем от вас не только 4 полков, но и одного человека». Был ли Огильви предателем, мы этого не знаем, но что в Гродно его политика вела прямо к разгрому русской армии, в этом Меншиков был убежден.

Меншиков знал, что если не сильна в Гродно русская артиллерия, то шведская не очень намного сильнее, и хотя в поле эта разница может сказаться не в пользу русских, с хорошим укреплением шведы не справятся, или очень нескоро справятся, так что «в здешний (гродненский. — *Е.Т.*) замок триста человек посади, и неприятель никоим образом его не возьмет, а в замке весь наш провиант».

Петр решил сделать Гродно главной стоянкой армии. Началось долгое гродненское сидение. Огильви продолжал командовать, но уже в середине 1706 г. по желанию царя покинул навсегда русскую службу. Петру окончательно тогда стало ясно, что Огильви ему абсолютно не нужен, а за старую недолгую службу царь, удаляя его прочь, вознаграждал в сущности несравненно щедрее, чем тот заслуживал. Армия, порученная Петром Огильви, состояла из 45 пехотных батальонов и шести кавалерийских (драгунских) полков, и почти все они собрались за стенами и рвами Гродно, лишь часть драгун осталась в Минске у Меншикова. Начинался новый период войны, будущее было полно тревог и опасностей.

Подводя итоги трудной, но и увенчавшейся значительным успехом борьбы, которая последовала в Ингрии, Эстляндии, Ливонии и отчасти уже в Курляндии в пятилетие после Нарвы, с начала 1701 до конца 1705 г., мы не должны обойти молчанием одно существенное последствие русских побед, одержанных в последние два года названного пятилетия, т.е. в 1704—1705 гг., — очень значительную по тогдашним временам военную добычу, особенно артиллерию, полученную русской армией при взятии шведских крепостей. Эта военная добыча очень высоко расценивалась Петром в первые нелегкие годы, когда строилась армия и создавалась с такими усилиями ее материальная часть.

Под Дерптом при осаде и взятии его (1704 г.) с русской стороны действовала артиллерия, состоявшая (по позднейшим подсчетам) из 24 медных пушек и 18 медных мортир. А взято было в Дерпте после его сдачи: 8 медных пушек, 5 дробовиков, 8 фальконетов, 76 чугунных пушек, 18 мортир, 6 гаубиц и 11 мелкокалиберных пушек⁷⁵.

Артиллерия, взятая в том же 1704 г. в Нарве, была велика: 392 пушки (из них 50 медных), 29 мортир, пушек более мелкокалибра больше 70, большой запас ядер к ним (65 241), больше 4¹/₂ тыс. бомб, около 4 тыс. картечи, около 2¹/₂ тыс. центнеров пороха, около 34¹/₂ тыс. ручных гранат и т.д. А когда спустя несколько дней сдался Ивангород (16 августа 1704 г.), то к нарвской военной добыче прибавилось: 95 пушек, 7 мортир, 4 гаубицы, 22 дробовика, 16 тыс. ядер, 2 тыс. с лишком центнеров пороха, много картечи, свинца, селитры и т.д.⁷⁶.

Под Нарву и Ивангород была стянута русская артиллерия в 66 пушек, 26 больших мортир, 7 мортир поменьше и 1 гаубицу, а «выстрелено по городу всего 12 358 ядер и 5714 бомб, на что пошло 10 003 пуда пороха».

Достаточно сличить эти цифры русской артиллерии, действовавшей при взятии большой, прекрасно укрепленной, отчаянно защищавшейся крепости (даже совсем не считая Ивангорода), с цифрами военной добычи, взятой русскими, чтобы видеть громадное значение этого приращения русских артил-

лерийских сил. А ведь это было время, когда русское ружейное производство еще только становилось на ноги. Притом шведская артиллерия обладала образчиками «новой инвенции», т.е. усовершенствованными орудиями, принесшими большую пользу русским артиллерийским мастерам в качестве моделей.

В Митаве (4 сентября 1705 г.) русские, взяв город, нашли, по первому же подсчету, 200 исправных пушек, причем некоторые были новейшего образца мортиры («мортирцы новой инвенции») ⁷⁷. Но добыча, по окончательному позднейшему подсчету, оказалась гораздо больше: 290 пушек, 23 мортиры, 35 гаубиц, «трои машинки новой инвенции» и на них 8 «мортирцев», 13¹/₂ тысяч пушечных ядер, 866 картечных снарядов, 191 центнер пороха, 2125 бомб, 7340 ручных гранат и т.д. ⁷⁸.

При взятии Бауска 14 сентября 1705 г. (спустя 10 дней после сдачи Митавы) русским досталось: 4 мортиры, 8 гаубиц, 46 пушек, 3780 пушечных ядер, 293 бомбы, больше 4 тыс. ручных гранат ⁷⁹.

Все это было крайне существенно. Мортир и гаубиц большого размера у русских войск в те времена было еще очень мало, да и медных пушек не везде хватало.

В эти первые годы войны у шведов еще была большая артиллерия, и поэтому русская военная добыча 1704—1705 гг., взятая в Дерпте и Нарве в 1704 г., в Митаве и Бауске в 1705 г., сыграла свою заметную роль в дальнейших успехах русской армии.

Совсем иное было впоследствии, когда Карл XII постепенно растерял свои артиллерийские и пороховые запасы. Под Полтавой (в 1709 г.), например, вся шведская артиллерия (считая уже со взятой под Переволочной) была равна 32 орудиям (из них в бою участвовало всего 4, потому что для остальных 28 не было пороха). Под Выборгом, сильнейшей из крепостей, еще остававшихся у шведов в 1710 г., было взято 138 железных пушек и 3 медные, 8 железных мортир и 2 железные гаубицы.

Собственно в 1710 г. при взятии Выборга, Риги и других городов русские получили чуть ли не в последний раз крупную военную добычу. Дальше дело круто изменилось. Скуд-

ны стали шведские «запасы». Но во вторую половину войны, когда русским уже приходилось брать мало пушек, потому что шведам оставалось мало сдавать, наша армия и не нуждалась в военной добыче: уже усиленно работали плавильные и оружейные заводы, уже с каждым годом все более и более налаживалась доставка неисчерпаемого сырья с Урала, воспитывались кадры обученных мастеров и рабочих «пушкарского промысла», и медь перестала быть такой драгоценностью, как в допотопский период.

Таковы итоги этого первого пятилетия (1700—1705 гг.) войны.

Мы видим грандиозно развертывающуюся картину военных действий, в которых еще не готовая к трудным операциям, обучающаяся, но еще не вполне обученная новая русская армия борется, и борется очень упорно, против считавшейся тогда первоклассной шведской армии. Поражения и успехи чередовались, но конечный результат поразителен; все, кроме Финляндии, шведские прибалтийские провинции (более богатые, чем сама Швеция) переходят в русские руки. Ингрия, Эстляндия, Ливония отняты у шведов, их лучшие крепости: Нотебург (Орешек), Дерпт (Юрьев), Нарва (Ругодев, или Ругодив) возвращены России, так же как Ивангород и Копорье. Нева становится русской рекой, и на ней уже быстро растет новый русский порт и новая столица, уже основано адмиралтейство, и там уже усердно служит в свободное от других своих занятий время очень одобряемый другими рабочими за физическую силу и добросовестность «Петр Михайлов, корабельный мастер».

Постройка пристаней, постройка судов, расширение работы на верфях — все это не прекращается ни на день, и в разгаре дипломатической переписки Петра по подготовке военных действий в Эстляндии, Ливонии и Курляндии и как раз между посланием Петра к прусскому королю Фридриху I и к французскому королю Людовику XIV мы встречаем скромную расписку от 13 февраля 1704 г. в ведомости о выдаче жалованья адмиралтейским работникам: «Корабелному мастеру Петру Михайлову триста шездесят шесть рублей. Принел (sic. — *E.T.*) росписался». Петр получал свою заработную плату строго по

расценке, установленной тарифом для мастеров, «изучившихся во окрестных государствах корабельному (sic. — *Е.Т.*) художеству»⁸⁰. Он не даром получал свои триста шестьдесят шесть рублей в год: иностранные специалисты считали Петра искуснейшим из корабельных мастеров, работавших на петербургских верфях.

20

Основание Петербурга, укрепление Кроншлота, быстрая застройка нового города, верфи, кипучее судостроение — все это очень беспокоило и раздражало стокгольмское правительство, видевшее, что русские смотрят на свои прибалтийские завоевания очень серьезно и вовсе не намерены легко от них отказаться.

В Швеции учитывалось и то, что Карл XII, бросив Прибалтику почти на произвол судьбы, в то же время требует боеприпасы себе, в главную армию, воюющую в Польше, а в Прибалтике давно уже ощущаются потери, понесенные в эти годы именно артиллерией.

С конца 1705 и начала 1706 г. война вступает в свой новый фазис. Несмотря на блестящую русскую победу под Калишем, Август бежал в Саксонию.

Карл XII, собираясь вторгнуться в наследственное владение Августа — курфюршество Саксонское, делает попытку осадить русскую армию в Гродно и там ее уничтожить. Опасность все ближе и ближе придвигается к России.

Начиная с гродненской операции и даже до завоевания Саксонии Карл уже имеет в виду обеспечение тыла и постепенную подготовку нашествия на Россию. Петр и его генералы заняты выработкой плана действия на случай вторжения.

1706—1707 годы проходят с обеих сторон в зондированиях почвы и приготовлениях. Необходимо было встретить подготавливаемое вражеское нападение на Россию во всеоружии, стянув к угрожаемой западной границе возможно больше сил, и в то же время не снимать войск с Прибалтики, ни за что не отказываясь от своих прибалтийских приобретений. Не отдавать врагу Прибалтику — это забота о будущем русского

народа, а не пустить врага в Москву — это спасение России в настоящем.

Но, говоря о военных действиях в 1705—1706 гг., мы не должны ни на минуту забывать, что в это самое время на юге продолжалось вспыхнувшее в июне 1705 г. громадное восстание в Астрахани, на Тереке, в Красном Яру, в Царицыне, и царские воеводы долго не могли с ним ровно ничего поделаться.

Астраханское восстание временно прервалось тем, что астраханцы потребовали обещания полного прощения, — и царь пошел на это.

«Просительной грамотой» Петра было достигнуто в данном случае самое главное: «фельдмаршал Шереметев, который против оных бунтовщиков отправлен был, возвратился и идет с поспешением паки в Польшу, и уже передовые его пришли в Вязьму». Петр приказал по случаю изъявления астраханцами покорности «для той радости» в разных частях действующей армии «из пушек и ружья трижды палить». Положение тогда было такое, что эта радость царя вполне понятна. Астраханское восстание было одним из крупнейших и грозных напоминаний властям со стороны эксплуатируемой массы и прежде всего — крепостного крестьянства.

Петр не мог не согласиться в тот момент на «простительную грамоту», которая, конечно, не несла восставшим никакого исправления бед и облегчения нужд, но освобождала новую войсковую часть для действий против собиравшегося со временем вторгнуться в Россию внешнего неприятеля. Во всяком случае, сил у астраханцев еще было достаточно для длительного и стойкого сопротивления.

Петр был так счастлив «улажением» астраханского дела, что писал 21 февраля князю Репнину, говоря об этой новости как о лучшей победе: «Ибо сие дело лутчей виктории равняться может, здесь и в протчих местех о том по благодарени богу стреляно». Это он говорил о продолжающихся салютах по поводу Астрахани⁸¹. 22 февраля Петр принял делегацию от восставших: «Астраханцы сюда приехали, которые с просителною грамотою отпущены паки в Астрахань»⁸². Петр подписал эту грамоту, отдал ее делегатам, которые тотчас и уехали с ней обратно в Астрахань. Их было десять человек.

Петр и дальше следит, чтобы ничем не нарушалось «доброе согласие» с астраханцами. «...для бога осторожно поступайте и являйте к ним всякую склонность и ласку, и до которых присланных их дела нет, то их свободно назад к ним отпускайте, а буде которых отпустить за чем невозможно, то изволте их за учтивым присмотром иметь при себе на свободе и казать к ним ласку...» Петр «удивляется», что Шереметев снова спрашивает, что делать с «зачинателями и заводчиками» восстания, т.е. с инициатором всего дела. Царь подтверждает, что и на них тоже распространяется «простительная грамота: «И всеконечно их всех милостию и прощением вин обнадежить...»⁸³

Это замирание, впрочем, продолжалось недолго, и астраханское восстание после краткого перерыва вспыхнуло вновь. Дело дошло до сражения, в котором астраханцы были побеждены, и город окончательно занят царским войском. Но и тут сказалось особое положение, с которым не мог не считаться Петр: одних постигли жестокие кары — «заводчики» были колесованы, 73 человекам — отсечены головы, 212 — повешены, 45 — умерли от пыток; другим, например конным стрельцам, велено было «отдать ружье и выслать их на перемену их братья в Санктпитебурх, сказав, чтоб за такую милость вины свои заслужили». Точно так же избавились (кроме «заводчиков», которых «за добрым караулом» послали в Москву) от суда и казни все астраханские, черноморские и красноярские служилые люди, которым велено было идти в Смоленск. При этом «про ружье сказать им, астраханцом, что отдано будет им в Смоленску, а ныне для того не отдано, чтоб з дороги не розбежались». И «гулящих людей» «тоже поверстать на службу» и дать им ружья, «ежели ружья будет издоволено». «Протчих» отдать калмыкам за караул или «перекрепя в колоды», из Астрахани вывести в ближайшие московские города⁸⁴.

Так закончилось астраханское восстание.

Заметим, что жестокий розыск, который долго чинил астраханским стрельцам Федор Ромадановский, привел следователей к совершенно твердому убеждению: решительно ничего общего со шведами у астраханского восстания не было, никаких «повелительных к бунту писем» ни от шведов, ни от «иных

государств» они не получали. «А стал у них тот бунт за немецкое платье, за бороды и за веру». Допрашиваемые, конечно, говорили только о ближайших поводах, а о глубоких социально-экономических корнях движения их если и спрашивали, то ответов не записывали. Но, во всяком случае, ясно одно: ни малейших сношений с внешним врагом восставшие не имели⁸⁵.

Петр имел все основания тревожиться по поводу астраханского движения во второй половине 1705 г. и особенно в первые месяцы 1706 г.: наступал переломный момент в войне. Карл готовился совсем покончить с Августом и, лишив его королевского престола в Польше, изгнать также из Саксонии, где тот был наследственным курфюрстом. Но с такой же внезапностью, с какой Карл всегда составлял и осуществлял свои планы, до последней минуты не говоря о них ничего своим приближенным, он мог двинуться из Польши, где он стоял, не на юго-запад, в Саксонию, но на северо-восток, в Ингрию, пытаться отвоевать Нарву, разрушить возникавший Петербург, очистить от русских Ливонию, вернуть Митаву и Бауск.

И в самом деле, в Стокгольме в правящих кругах столицы было немало голосов в пользу скорейшего проявления главной королевской армии в Прибалтике.

21

Начались для России трудные времена, и эти трудности увеличивались потому, что ни на одно слово своего «союзника» Августа II, короля польского и курфюрста саксонского, положиться было нельзя, и вместе с тем никак нельзя было ссориться с ним, напротив, должно было всячески его «ублажать». Ведь блестящие достижения 1701—1705 гг., начиная от победы при Эрестфере в конце декабря 1701 г. и кончая взятием Митавы и Бауска в сентябре 1705 г., были в значительной мере облегчены именно тем, что все это время Карл был занят войной с Августом в Литве и Польше.

Петру важно было удержать перепуганного Августа от сепаратного мира с Карлом, потому что такой мир сразу же освободил бы всю шведскую армию для начала немедленного похода против русских.

Но Карл XII совершил тут одну из своих многочисленных ошибок. Во-первых, он низверг в 1704 г. Августа с польского престола и посадил Станислава Лещинского, отрезывая этим Августу пути к миру, о котором тот давно мечтал; однако, посадив на престол Лещинского, шведский король только возбуждал в Польше междоусобицу, но мира не добился. Во-вторых, чтобы прекратить эту междоусобицу (им же возбужденную), Карл решил из Польши вторгнуться в Саксонию, т.е. в наследственное немецкое курфюршество Августа, и здесь заставить его отречься от польского престола, грозя в противном случае выгнать его также из Саксонии.

Вследствие всего этого Август пока должен был волей-неволей держаться за союз с Россией, выжидая случая перебежать к шведам, если только грозный шведский воитель хоть немного смирится. Петр все это понимал, но делал вид, будто верит «союзнику», хотя уже появлялись тревожные симптомы будущего предательства со стороны Августа. Одним из таких симптомов был внезапный арест саксонскими властями в Дрездене Иогана Рейнгольда Паткуля, русского посланника при саксонском дворе.

Паткуль был арестован 23 декабря 1705 г., а уже 9 января 1706 г. Петр послал первый протест Августу против этого предательского по отношению к России поступка, показывавшего полную готовность польского короля ценою предательства умиловать победоносного шведского короля⁸⁶. Поступок Августа был зловещим. Тучи сгущались, враг грозил русским пределам: «В Курляндию уже трижды писал, чтоб что нибудь сделали, понеже неприятель зело утесняет границы близ Пскова, и почитай живут и от часу ближатца»⁸⁷.

Петр, заняв еще в конце 1705 г. войсками Гродно, укрепив русское положение взятием Митава и Бауска, отрезав Левенгаупта в Риге, собирался дать отпор Карлу в Польше, чтобы этой войной в Великопольше и польской Литве возможно дольше препятствовать нашествию на Россию Карла с шведской армией и польской армией Станислава Лещинского. Но у Августа II, сидевшего в Гродно под охраной русских войск, был готов уже другой план. Этот другой план был старательно продуман с такого рода целью, чтобы вся тяжесть войны пала

исключительно на Россию и чтобы при этом русская армия вовсе по возможности не входила бы в Польшу, а воевала в Швеции и отвоевывала бы для Августа Курляндию и Ливонию. В соответствии с этим планом Август дает Петру, еще не имевшему флота, следующий добрый совет: осадить (т.е. наводнить) Ингерманландию большим войском («довольно людьми»), затем «вооружить эскадру» (еще только начатую постройкой) и «сколь скоро возможно» идти прямо на Стокгольм, чтобы «потревожить королевство Свейское» и этим воспрепятствовать воюющему в Польше Карлу получать «весь транспорт и помощь». В виде награды Август сулит Петру: «ваше величество могли бы на королевство Свейское контрибуцию наложить... и весьма все взятые пушки паки отобрать». А кроме того, пусть русские и Курляндию отвоюют, откуда проистекут две выгоды: во-первых, Август получит Курляндию, и, во-вторых, русский корпус, стоя на Двине, ограждал бы Августа с тыла⁸⁸. Этот нелепый план обличает не только грубый, откровеннейший эгоизм, но и глубокое непонимание всей обстановки. У Петра еще только будет со временем эскадра, но Август уже предлагает ему поскорее взять Стокгольм. Петр имеет все основания ждать нашествия на Россию, но Август советует ему думать не о русской обнаженной границе, а о контрибуции, которую он взыщет с Швеции...

Таков был единственный «союзник» России в конце 1705 г. Нечего и говорить, что Петр не обращал внимания на эти цинично-себялюбивые по умыслу и детски-наивные по своей неисполнимости советы Августа, не прекращая в то же время самого ласкового обращения с ним.

К концу лета 1705 г. собственно власть Августа в Польше была почти ликвидирована, и шведский король мог бы уже тогда вторгнуться в Саксонию и ликвидировать также царствование Августа в его наследственном курфюршестве, но его остановили слухи, подтвердившиеся уже в сентябре, что Петр с очень большой армией вошел в Литву, что главные пехотные силы русских заняли Гродно, а кавалерия сосредоточилась в Белоруссии, в Минске. Раньше чем идти в Саксонию, Карл счел необходимым покончить с этим русским вторжением в польские владения. Начало зимы он провел в Варшаве, где ус-

троил очень торжественное коронование Станислава Лещинского, своего «соломенного короля», как его называли, а затем двинулся на север и в середине января перешел через замерзший Неман.

Русской армии, очень большой, грозила не только опасность серьезного штурма, в случае если Карл подойдет к городу (30 тыс. русских при довольно исправных укреплениях Гродно не очень боялись внезапного нападения), но длительная голодная блокада или со временем тесная осада могли быть опасны. Петр был в Москве. В Гродно, кроме русских, находился Август с очень малой частью своих польско-саксонских войск. Петр перед отъездом осенью в Москву, когда ждали, что до начала лета 1706 г. сначала болота и речные преграды, а потом морозы задержат движение Карла к Гродно, поручил главное командование Августу. Но когда совсем неожиданно Карл в середине января оказался почти со всей своей армией на Немане, то король Август пришел к внезапному умозаключению, что в высшей степени целесообразно будет для общего дела, чтобы он, пока еще пути свободны, покинул Гродно и отправился в Варшаву с частью польских и саксонских войск. Здесь, близ Варшавы, правда, стоят шведы под командой фельдмаршала Реншильда, но это ничего не значит: он, Август, разгромит Реншильда, соберет вокруг себя поляков, оставшихся ему верными, соединится с саксонцами, которые подойдут из курфюршества, и уж тогда снова явится под Гродно, чтобы разбить Карла XII и выручить русских. А чтобы достигнуть столь блестящих результатов, ему необходимо покинуть, не теряя золотого времени, находящееся под угрозой Гродно.

Он уехал и верховное командование над порученной ему армией передал в руки фельдмаршала Огильви, который доживал уже последние месяцы своей русской службы.

Трудные были эти 1706 и 1707 годы, и не только о движениях Карла XII должно было думать Петру, и не только с Шлиппенбахом и Левенгауптом и Мардефельдом приходилось сражаться Борису Петровичу Шереметеву. Едва утихало восстание в одном месте, как начинались волнения в другом, едва успокоилась временно Астрахань, как надвигались тучи с востока. Грозно волновалась Башкирия. «Доношу вам, что боль-

ше надобет от башкирцов опасения иметь нежели от астраханцов. Вам известно, сколько их много, и каракалпаки с ними, и до самой Сибири все Орды. Унимать их будет с трудом. Не надобет их слишком злобить, полно нам покуда шведов», — пишет летом 1706 г. Шереметев Федору Алексеевичу Головину. В самом деле, «полно», вполне достаточно было забот и тревог с шведами, и фельдмаршал рекомендовал избегать всего, что могло еще больше раздражить как русское крестьянство, которому так страшно трудно приходилось от двойного гнета — от помещиков и государственных воевод, так и восточные народы по Волге, по Уралу и за Уралом⁸⁹. А какую прекрасную службу вскоре сослужили те же башкиры, те же казахи и каракалпаки при обороне России во время шведского нашествия 1708—1709 гг. — в этом тот же Шереметев убедился, наблюдая великолепные, сильно тревожившие шведов налеты нерегулярной конницы на арьергард Карла XII и на разбитого наголову и отступавшего от Пропойска (после поражения под Лесной) Левенгаупта, и дальше, в течение всей войны.

22

Положение становилось все серьезнее.

11 января 1706 г. Петр созвал в Гродно военный совет и высказался по всем трем «пропозициям», предложенным генералами. Первое предложение формулировалось так: «Итти ли против неприятеля, доколе Реиншильд к нему не пришел?» Петр отнесся к этому предложению отрицательно: «Не в таком мы состоянии обретаемся, чтоб на офенсиве (наступательно. — *Е.Т.*) на неприятеля итти было возможно», потому что нет лошадей ни для артиллерии, ни для конницы. Да и не успеть, Реншильд «поднялся и поход свой правит к Торуни». Второе предложение было таково: «Здесь ли (в Литве. — *Е.Т.*) неприятеля дожидатца и ему противитца?» Если шведы до соединения с Реншильдом атакуют Гродно, где стоят наши войска, то сопротивляться. Но если неприятель, не атакуя, расположится по деревням милях в 4 или 5 от Гродно и здесь пождет Реншильда и этим отрежет путь к отступлению, то ни

провианта, ни конских кормов ниоткуда уже получить будет нельзя, да и Литва может «к неприятелю пристать», видя, что русская армия обложена. Оставалась третья «пропозиция», отступать от Гродно на Вильну и потом действовать в зависимости от дальнейшего поведения шведов; если они не атакуют, стоять в Вильне, а если обозначится их наступление, отступать дальше к Полоцку и к московской границе; третья «пропозиция» так и названа: «отступать к Московской границе»⁹⁰. Это предложение и было одобрено.

Началось опасное отступление из Гродно к московской границе. Невесело было на душе у Петра: «мне, будучи в сем аде не точию довольно, но, гей, и чрез мочь мою сей горести»⁹¹, — писал Петр Федору Головину.

Карл двинулся на Вильну, куда шел с северо-запада и Левенгаупт, и Петр приказал в случае их соединения взорвать митавские укрепления, гарнизону же идти в Полоцк, а если это уже будет невозможно, то в Псков⁹². Петр торопил отступление всех войск, которые еще были в Курляндии и Литве. Князю Никите Репнину он даже приказывает для ускорения в случае необходимости уничтожить тяжелую артиллерию: «пушки тяжелые... разорваф, в Немон (sic. — *E.T.*) бросить».

Одновременно летит приказ к гетману Мазепе, чтобы как можно скорее выслал часть своей конницы в Минск, навстречу отступающей русской армии⁹³.

Петр не мог некоторое время выехать из Смоленска. Громадные волнения, местами уже перешедшие в восстания, разразились на Волге, на Дону, беспокойно было и на Днепре. Петр приказал послать на Дон ответную грамоту на вопрос части восставших, отпустят ли им вину, если они сложат оружие, чтобы указ об «отпуске вины» был послан. Он стремился поскорее приехать к армии, которая должна была отступить к русской границе: «Бог ведает, как сокрушаемся о том, что нас при войске нет. Лутче б жестокую рану или болезнь терпели»⁹⁴, — писал он 31 января 1706 г. Он хочет попасть в Минск, но не знает, «мочно ль в Минск нам проехать без опасения». Он требует, чтобы его уведомили о «главном неприятельском войске, где ныне и что делают, стоят ли, или идут, и куды? Також и о Рейншилде, где, и ждут ли или нет?»⁹⁵ В то время разведка

еще не была на той высоте, как несколько позже, и обе шведские армии (короля и Реншильда) временно оказались пропавшими из поля зрения царя.

Август II, который покинул Гродно в момент обострившейся (17 января) опасности, не забыл взять с собой чуть ли не $\frac{2}{3}$ всей конницы, находившейся в гродненском укреплении (четыре драгунских полка из шести). С точки зрения максимального обеспечения своей особы от возможных в такое беспокойное время встреч с шведами или поляками, стоявшими на стороне Станислава Лещинского, поведение Августа было образцово последовательным. Конечно, он старательно и долгое время успешно избегал в пути всякого соприкосновения с Реншильдом, разгромить которого крепко обещал, уходя из Гродно.

Увод конницы тяжело отразился на положении русской армии в Гродно, когда Карл XII внезапно появился на Немане и началась блокада города и замка. Уезжая, Август обещал не только разбить Реншильда, но и привести саксонско-польские войска на выручку Гродно и сделать это в трехнедельный срок. Вот уж прошло три недели, прошло шесть недель, а помощи («сикурса») нет как нет — жаловался Петр.

Но это «опоздание» имело свои серьезные причины. 2—3 февраля 1706 г. саксонцы и поляки — приверженцы Августа — и русская часть были разгромлены наголову при Фрауштадте. Саксонцы и поляки бежали опрометью с поля боя, почти не сопротивляясь, потеряв всю артиллерию, хотя их было 30 тыс. человек, а шведов — 8 тыс. Только русские сражались мужественно и понесли тяжелые потери: «Только наших одних оставили, которых не чаю и половины в живых», — с возмущением писал Петр. Камергер и неразлучный спутник и летописец деяний Карла XII Адлерфельд, описывая Фрауштадтскую битву, иронически отмечает, что Август II имел при себе «от десяти до двенадцати тысяч человек» в день этого боя, но оставался на расстоянии «всего 15 миль от места сражения», «надеясь», что удастся окружить шведов⁹⁶. Но это не удалось, и он со своими двенадцатью тысячами невредимо успел умчаться в Краков, подальше от греха, в глаза не увидев неприятеля.

В Гродно и в России эта история с уходом Августа и позорным его исчезновением вместе с уведенной из Гродно конницей произвела ошеломляющее впечатление. Осажденные были отныне почти лишены возможности производить столь нужные им фуражировки для добывания припасов из окрестностей.

И все-таки нужно было до последней возможности притворяться верящим в союзническую честность Августа, который уже начал, пользуясь положением, вымогать у царя денег и помощи.

В докладной записке о положении вещей на войне, представленной Петру саксонским генерал-майором Арнштедтом, настойчиво проводится мысль, что все-таки, несмотря ни на что, следует стремиться не ссориться с Августом и всячески его поддерживать «наисилнее подпирати», потому что, пока с ним не все покончено и «сколь долго король (Август. — *Е.Т.*) еще хотя в самой малой силе обретается, — шведы воистинно о походе к Москве не думают», но если бы Август был окончательно побежден («ежели бы он, чего сохрани, боже, — весьма упасти имел»), тогда Москве грозит прямая опасность, и не только она включится в театр военных действий, но *неожиданно* могут оказаться и еще внезапные новые враги: «после сего Москва в танец приведена будет, и может быть, что к сей игрушке многие нечаемые игрецы сышутца». О ком тут идет обиняками речь? Не Мазепа ли подразумевается как «нечаемый игрец»? Во всяком случае, этот неясный для нас намек был ясен Петру. По крайней мере он не потребовал от Арнштедта никаких объяснений⁹⁷.

Образ Карла XII, очевидно, пленил нынешних фашистов не только тем, что Карл намеревался раздробить Россию на удельные княжества, но и тем, что он всегда относился к русским, имевшим несчастье попасть в его руки, с холодной, безмерной жестокостью.

В битве при Фрауштадте обнаружилась непонятная, истинно звериная жестокость шведов именно относительно русских. Ведь в этой сборной армии саксонского генерала Шуленбурга, потерпевшей такой разгром, были и саксонцы, и поляки, и даже французы, служившие в саксонской армии, и, наконец,

русские. После своей победы (3 февраля 1706 г.) шведская армия брала в плен всех, кто не был убит и не успел бежать. Всех, кроме русских! «Россияне також многие побиты, а которые из солдат взяты были в полон, и с теми неприятель зело немилосердно поступил, по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона (или пощады) не давать, и ругательски положи человека по 2 и по 3 один на другого кололи их копьями и багинетами (штыками. — *Е.Т.*)»⁹⁸. Таким варварским способом шведы истребили 4 тыс. обезоруженных русских пленных после боя.

23

Кипучая подготовка к встрече с врагом привела к тому, что ко второй половине февраля, еще до прихода фельдмаршала Шереметева, в тылу действующей армии было собрано более 15 тыс. человек, из них старослуживых 8 тыс., а рекрутов — 7. Расположено было это войско в Полоцке, Смоленске, Орше и Минске. А кроме того, гетман Мазепа обещал привести в Минск 5 тыс. пехоты и гетманских конных казаков «несколько тысяч»⁹⁹. (Петр не дает тут точной цифры.)

Петр меньше беспокоился о войске, все еще стоявшем в Литве, чем о малозащищенной западной границе России, бывшей под постоянной угрозой. Особенно конных частей было совсем мало: «Хотя войско бог і спасет, а рубежи наши (как сам ведаешь) зело голы, а наіпаче всего конницею», — писал он в Москву Ф.А. Головину 23 февраля 1706 г.

Узнав о разгроме при Фрауштадте Реншильдом саксонской армии (или, вернее, о бегстве 30 тыс. саксонцев от 8 тыс. шведов), Петр уже не сомневается, что саксонцы не желали сражаться, что Август изменил и покорился, если еще не формально, то фактически, шведскому королю и что арест Паткуля по каким-то выдуманым обвинениям был произведен Августом именно затем, чтобы он не разоблачил саксонское тайное предательство¹⁰⁰. Это более чем подозрительное поведение Августа очень ухудшало положение русских войск в Польше. «Бог весть, какую нам печать сия ведомость принесла», — пишет Петр по поводу битвы при Фрауштадте.

Петра приводило в особенное раздражение, что умышленное, почти без боя бегство саксонцев под Фрауштадтом повело за собой гибель русских частей. «Жалеем також и о наших бедных помощных войсках (которые нам в превеликие жь убытки стали), что оные толь жалостно и едва слыханым образом мало не все на заклание выданы, хотя оные... свою должность изрядно при том отправили». Русских было перебито более 5 тыс. человек, пишет Петр Августу, и «ни одного почитай в полон не взято, а от ваших саксонских войск не болши семисот человек побито и толь великое число в полон взято»¹⁰¹. А Реншильд потерял до 3 тыс., конечно, перебитых русскими, а не саксонцами.

С русской стороны в ответ на требования Августа новых денег и иной помощи от Петра с намеком, что иначе он совсем выйдет из войны, с возмущением напоминали об участии русского войска, погибшего почти полностью именно вследствие предательского поведения саксонцев. Из Киева было отправлено на помощь Августу еще в конце 1705 г. 12 тыс. солдат. Из них вследствие недоедания и полного отсутствия обещанных им от Августа помещений перемерло больше половины: так «бедственно и поносно» были они «трактованы» санксонскими генералами и министрами. А остальные 5—6 тыс. именно и были почти целиком «от господ саксонцев на заклание выданы» при позорном бегстве без боя саксонского войска при первом большом столкновении с шведами. Поэтому не может царь не вменить себе «весьма за отяхчение совести», если пошлет «своих природных подданных паки на жертву».

Август имел дерзость, желая всеми мерами угодить Карлу XII, предложить царю отдать шведских пленнх, но не в виде размена пленными, а просто отправить их в Швецию, причем русские пленные должны по-прежнему оставаться в шведском плену. Русский ответ гласил, что царь многократно предлагал Карлу XII размен пленными, но ответа не было. «Но чтоб его царскому величеству собственных своих людей в пленении оставить, а его королевского величества пленнх разменить, того не может от него требовано быти, ибо тем бы все его люди были оскорблены и охоты к доброй службе лишены».

Эта невероятная выходка Карла, не отвечающего Петру никогда непосредственно на предложения размена и предъявляющего через трепещущего Августа столь неслыханное требование, бросает яркий свет на всю ситуацию. Карл XII считал, очевидно, и мы это знаем точно, что вопрос о победоносном для него конце войны уже, по сути дела, решен. А поэтому не пристало ему, победителю, сколько-нибудь считаться с общепринятыми правилами: Петр все равно пойдет на какие угодно унижения и уступки, другого объяснения нет.

В России поспешно готовились уже тогда, весной 1706 г., к вторжению врага в русские пределы. Врагов ждали в Минске, Смоленске, Брянске. Но ждали и на Украине. «Изволте осторожность иметь о Киеве, куда (как мы думаем) не без намерения неприятельского будет», — писал царь Головину 15 марта 1706 г. Курляндию решено было бросить, взорвав укрепленные места, а вооружить Смоленск, Полоцк, Великие Луки, куда свозить шведские (взятые у неприятеля) пушки¹⁰².

24

После поражения саксонско-польских войск при Фрауштадте и окончательного бегства Августа в Краков с его телохранителями, к роли которых он свел конницу, им увиденную из русского гарнизона, блокированного в Гродно, — этому гарнизону стала грозить капитуляция. В середине января Карл, внезапно покинувший Блонье (близ Варшавы), явился к Гродно. Он перешел через Неман в трех-четыре километрах к северу от Ковно, и переведенная им шведская армия стала недалеко от города. У Карла было в тот момент до 20 тыс. человек. Осмотр местности заставил короля даже и не пытаться взять город штурмом. Но и на тесную блокаду сил у шведов не хватило, тем более что продовольствия достаточного не было, обоз, по обыкновению, был организован слабо, и уже через 5—6 дней пришлось отодвигаться постепенно от Гродно только потому, что нужно было искать более снабженные запасами деревни, хотя военный интерес требовал, напротив, тесного обложения крепости. О бомбардировке, сколько-нибудь упорной и действенной, речи быть не могло. Как всегда, шведская конница и

пехота были на большой высоте, но артиллерия недостаточно могущественна. Петр торопил Огильви, считая, что спасение запертой русской армии в Гродно всецело зависит от выхода без боя из города и присоединения ее к армии, стоявшей в Минске.

Еще до того, как измена Августа II оставила неожиданно русских одних, без всякой помощи со стороны каких-либо «союзников», Петр никаких иллюзий после Фрауштадта уже не питал: «...такой жестокой случай учинился (о саксонцах. — *Е.Т.*), чрез которой вся война на одних нас обрушается...», «уже вся война на нас одних будет»¹⁰³, — не перестает он повторять в своих письмах и указах.

Готовя армию в Белоруссии, Петр принимал меры и против очень возможного вторжения неприятеля дальше, в Смоленщину. Летят приказы о том, чтобы от Смоленска до Брянска через леса и «до тех мест, где великие поля и степи придут» делать засеку на 150 шагов шириной; сооружать на дорогах рavelины с палисадами и иными укреплениями; наконец, готовить и местное население, «чтоб у мужикоф, у которых есть ружье, приказные их знали; також косы, насадя прямо, и рога-тины имели, и готовы были для караулоф и обороны»¹⁰⁴.

Удостоверившись в том, что на Августа и саксонцев надежда плоха, Петр приказал всем русским войскам уходить из гродненской области. «Уже на саксонские войска надеетца невозможно: хотя б і пришли, то паки побегут і наших пропасть оставят (но мы зело благодарны будем і тому, чтоб Реіншилда там удерживоли і сюды ітить мешали)», — пишет он барону Огильви 2 марта 1706 г.

Уходить и уходить, уничтожая свою артиллерию, если она затрудняет и замедляет уход. Сильно озабочен Петр, но не теряет надежды на лучшее будущее и, как всегда, выражается в своих коротеньких записочках с своеобразным юмором. Надеясь на приближение так называемой по церковному «субботы о воскресшем Лазаре», царь пишет Апраксину, негодуя на подведших его своей трусостью саксонцев: «О здешнем писать нечего после баталии саксонских безделников... токо мы с приближающимся Лазарем купно во адской сей горести живы; дай, боже, воскреснуть с ним»¹⁰⁵.

В истории «гродненского дела» необыкновенно ясно выступают характерные черты всех допольтавских военных действий обоих противников.

Огильви решительно, как сказано выше, разошелся с Петром и в начале гродненской операции в сентябре 1705 г., когда он не советовал вводить армию в Гродно, и в марте 1706 г., когда, напротив, противился ее выходу.

Дело было в том, что Огильви с самого начала своей службы в России считал, что русские военные силы должно наиболее целесообразно употребить в дело не в Польше, а в Лифляндии и Ингерманландии, где и укрепиться на новозавоеванных местах. И Петр послушался бы его, если бы он также не понимал Карла XII, как его не понимал или в данном случае не хотел понять генерал Огильви. С точки зрения обыденной, конечно, можно было предполагать, что шведский король не станет вдаваться в далекие приключения, пока Ингрия вся, а Ливония на $\frac{3}{4}$ занята неприятелем, и, следовательно, здесь, в Прибалтике, и решится война. Поэтому никакой гродненской армии не нужно, а следует всю армию Шереметева перебросить к Риге, Ревелю, Петербургу, особенно теперь, осенью 1705 г., когда в русские руки перешли такие ценные опорные пункты, как Митава и Бауск. Но Петр, сопоставляя все свои сведения о Карле XII, о свойствах его полководческого дара, о его военных движениях, о его отзывах, касающихся русской армии, знал твердо, что Карл XII сделает именно то, чего никто на его месте не сделает, и будет рисоваться своим полным пренебрежением к русским вооруженным силам, воюющим на балтийских берегах. Петр знал, что высокомерная фраза Карла, что он вернет себе Прибалтику в Москве, может быть, обличает самопревознесение, но что эти слова не пустое, чисто словесное бахвальство, и что шведский король рано или поздно непременно приступит к реализации своей программы и пойдет на Москву, и что именно поэтому он стоит в Польше. Он будет стоять там или в другом государстве Августа — в курфюршестве саксонском, пока не заберет их в руки, и лишь тогда выйдет из Польши, но, быть может, не затем, чтобы идти в Ливонию или Ингрию, а затем, чтобы идти на Москву. Следовательно, и русским до последней крайности нужно держаться в

Польше, чтобы задерживать врага подальше от своих границ. И в конце 1705 г. наиболее выгодным и менее опасным способом сделать это казалось создание укрепленного гродненского лагеря. Но когда Август увел лучшие полки из Гродно, а затем его саксонцы позорно были разбиты при Фрауштадте и когда Карл XII совершил свой неожиданный поход (1706 г.) от Варшавы к Неману и стал под Гродно, тогда нужно было, ничуть не отказываясь от основной цели, задерживать Карла в Польше, вывести гродненскую армию из грозившего ей окружения и стать в Литве по деревням и городам, загораживая шведам возможное с их стороны движение в Белоруссию и к русским пределам. А Огильви и тут не понял, о чем идет дело, и все толковал, что пострадает престиж, если покинуть Гродно. Фельдмаршал Огильви вначале пользовался доверием, ему давали очень ответственные поручения как очень опытному, дельному, поддерживающему порядок и дисциплину боевому генералу, но Петра раздражало упрямство и склонность к проведению своих планов, с которыми он бывал не согласен¹⁰⁶. Однажды Петра просто взорвала выходка Огильви, который нарушил тесную блокаду Риги, дозволив Репнину пропустить в Ригу товар (лес), и на оправдания Аникиты Ивановича ссылкой на Огильви Петр написал: «Сегодня получил я ведомость о вашем толь худом поступке, за чьто можешь шеею заплатить... Но ты пишешь, что Огильви тебе велел. Но я так пишу: хотя б і ангел, не точию (не то что. — *Е.Т.*) сей дерзновенник і досадитель велел бы, но тебе не довлело бы сего чинить»¹⁰⁷. Таким «дерзновенником и досадителем» Огильви, по-видимому, оказался и в гродненском деле.

25

Петр категорически приказал Огильви немедленно уходить из Гродно.

Русская армия, вышедшая в конце марта из Гродно, шла на Берестье, Минск, Киев. А Карл, потеряв из-за разлива рек почти целую неделю, погнался за русскими не по той дороге, по которой они пошли, но параллельно, на Слоним и Пинск.

Битвы с ушедшей из Гродно русской армией, которую искал Карл, так и не произошло, и дело ограничилось мелким столкновением, когда шведы уже вошли в Пинск.

Мазепа по приказу Петра выслал отряд казачьих войск на встречу направлявшейся на Волынь и дальше к Киеву русской армии для ее поддержки и усиления. Но и с этими войсками встречи и крупных столкновений у шведов не было, кроме разве боя у местечка Клецка, недалеко от местечка Ляховичей, к востоку от Минска. Здесь теснимый шведами полковник Переяславского полка Мирович и вышедший к нему на выручку по приказу Мазепы из Минска воевода С.П. Неплюев и другой украинский (Миргородский) полковник Апостол потерпели поражение от шведов (19 апреля 1706 г.) и отступили к г. Слуцку. Общие силы Неплюева, Апостола и Мировича были невелики, а натолкнулись они, обманутые ложным указанием Мазепы, на значительные шведские силы с Карлом XII во главе. Неплюев потом оправдывался тем, что Мазепа его уверил, будто шведов около Ляховичей всего 4 тыс. и что Карл будто бы уже повернул обратно в Гродно. Сознательно ли тут действовал Мазепа (уже в глубокой тайне готовивший измену) или ошибся неумышленно — этого мы не знаем¹⁰⁸. Мировича выручить не удалось, и ляховичское укрепление сдалось шведам. Неясно также, чем объясняется более чем подозрительное поведение в бою миргородского полковника Апостола, который в 1708 г. оказался, как увидим, одним из главных мазепинцев (правда, перешедший вскоре обратно в русский стан). Клецкая победа не имела никаких выгодных для шведского короля стратегических результатов. Зайдя глубоко в пинские болота, Карл прекратил дальнейшую, ставшую совершенно бесперспективной погоню за Огильви.

Русские показания о битве при Клецке можно дополнить шведскими. Нордберг говорит, что русские защищались храбро, но были разбиты и спаслись немногие. Нордберг дает неверное указание, что в числе убитых был сам полковник Апостол, а «генерал» Неплюев был ранен. Командовал шведами генерал Крейц. С обычным у него в таких случаях нескрываемым удовольствием капеллан Нордберг пишет, что шведы при-

кончили всех раненых русских, попавших в их руки уже после сражения. Особое восхищение в этом благочестивом святителе церкви лютеранской вызывает то, как шведам ловко удалось разгадать одну русскую хитрость: «Шведы убили всех, кого они могли догнать... они преследовали (русских. — *Е.Т.*) с полмили, до леса. Они бы даже пошли дальше, но г. Крейц, получивший только что известие, что казаки сделали в этот день три вылазки из Ляховичей, отозвал своих людей. Возвращаясь, кавалеристы заметили, что между теми (русскими ранеными. — *Е.Т.*), которые лежали на земле, некоторые лишь притворялись мертвыми. Это обнаружили, — и не ускользнул от смерти ни один человек из них». 2 мая сдалась и «крепость» Ляховичи. Карл XII прибыл лично в Клецк и в Ляховичи, очень похвалил Крейца за победу, но вернулся в Пинск. Дальше идти было нельзя. Только в Пинске король сообразил, что он без всякой пользы теряет тут, в пинских лесах и болотах, своих людей и время. В Пинске он сказал приору местного иезуитского монастыря, что «те, кто ему посоветовал идти этой дорогой, чтобы проникнуть в Волянь, не имели понятия об этих областях и что они его обманули»¹⁰⁹.

Выход русской армии из Гродно и затем быстрая и благополучная ее переброска в русские пределы были уже сами по себе большим военным достижением Петра. Но даже и он не мог предполагать еще 31 марта 1706 г., когда Огильви с армией ушел из Гродно и окрестностей, что сам Карл постарается превратить эту ускользнувшую от него победу в нечто настолько вредное для шведской армии и что последствия этой русской гродненской операции приведут временно к большому ослаблению шведов и сильно отсрочат очередное предприятие Карла XII — вторжение в Саксонию, а тем самым и вторжение в Россию.

Дело в том, что Карл ни за что не хотел примириться с тем, что ему не удалось ничего поделывать с совсем уже казалось попавшей в безвыходное положение русской армией. И он пустился в погоню за ней. После упомянутой битвы при Клецке Карл шел лесами и топами Литвы, шел по белорусскому Полесью, теряя людей, теряя орудия, подвергая страшному разо-

рению край, сжигая деревни, свирепствуя так, что даже ко времени похода 1708 г. Полесье еще не оправилось (это мы знаем документально) от этого неистового разорения. Королю хотелось во что бы то ни стало догнать и разбить ушедшую русскую армию. Измучив вконец своих людей, потеряв немало пушек в невылазных болотах, он все-таки русских не догнал и со своими голодными солдатами и заморенными лошадьми, потопив много шведских солдат в белорусских топях, дошел до Пинска и тут оказался буквально окруженным морем разлившихся в весеннее половодье рек и ручьев. Тут взобрался на колокольню иезуитского монастыря, посмотрел на беспредельное водное пространство и, «улыбнувшись» (с почтением пишет его верный бард и оруженосец Адлерфельд), заявил: «дальше нельзя». Целый месяц длилась эта неудачная, необычайно тяжкая для войска погоня. Началось долгое возвращение с отклонениями, блужданиями, остановками и дальнейшим разорением Полесья и Литвы. Карл, не достигнув той цели, которую он себе поставил, занялся другой задачей: он пожелал, раз уже его занесло в эти места, поддержать своего ставленника Станислава Лещинского. Для этого он разорял и неистово грабил имения приверженцев Августа — Радзивиллов, Вишневецких и др. Его солдаты, впрочем, наголодавшись в первые два месяца похода, не очень разбирались в тонкостях политики польских группировок и обнаруживали в этом смысле полное беспристрастие, так что, ограбив врагов Станислава, они принялись грабить врагов Августа. Только в июне окончилось это предприятие.

Неудачная шведская погоня за ушедшей из Гродно армией и жестокое разорение шведами Литвы и Белоруссии касаются русских интересов с двух точек зрения: во-первых, была дана отсрочка в несколько месяцев для подготовки к обороне при неизбежном будущем шведском нашествии; во-вторых, разорение Литвы и Полесья сказалось через два года, в 1708 г., более вредно для самих же шведов, чем для русских, которые менее зависели тогда в продовольственном отношении от ресурсов местного населения, чем шведы в те месяцы, когда Карл тщетно ждал Левенгаупта с его обозом.

Всю осень 1706 г. Август II, совсем бессильный против Карла, так как не только его новые подданные поляки, но и наследственные — саксонцы никак не могли держаться против войск Карла XII, не переставал «просить» царя через своего генерала Арнштедта дать ему, Августу, денег¹¹⁰.

«Королевское величество зело скучает о денгах и со слезами наодине у меня просил, понеже так обнищал, пришло так, что есть нечего», — пишет Меншиков царю 26 сентября 1706 г. Август и дальше продолжает «скучать о деньгах» почти до ноября, когда не только русские узнали об Альтранштадтском мире, но уже и все «подлинные ведомости», все «договорных статей списки» попали в руки Меншикова и были им пересланы 28 ноября 1706 г. царю¹¹¹. В середине октября приближенный Августа генерал Арнштедт продолжал шантажировать Петра намеками и угрозами о том, что Август уступит Польшу Лещинскому и заключит с Карлом мир. На него, Арнштедта, «поистине пророческий дух нашел», — пишет он царю, и этот пророческий дух пророчит, что если королю Августу не дадут немедленно денег, то он перебежит к Карлу: «понеже при нынешних состояниях его королевское величество не может долго терпеть и из двух зол меньшее изберет», и наступят такие печальные перемены, что и миллионами субсидий («спомощи») нельзя будет исправить, а пока требуется всего несколько сот тысяч. Пророческий дух, вероятно, подсказал саксонскому генералу, что Август уже согласен на мир, но этого сообщать не следовало, пока от царя еще могло что-нибудь перепасть.

Несмотря на все слухи и именно под впечатлением этих настойчивых выпрашиваний денег, Петр не подозревал такого бесцеремонного обмана и коварства. И Шафиров тоже не ждал, и когда, сидя в Смоленске, получил в первых числах декабря из Вильны от почтмейстера известия «о нечаянном миру короля полского с шведом», то «было оным не поверил» и считал сначала, что это ложный слух, распускаемый неприятелем¹¹².

Но примирение Августа с шведами, т.е. полное подчинение Августа Карлу XII, было совершенно неотвратимо. Даже

замечательная по искусству и доблести русских победа под Калишем не «успокоила» Августа настолько, чтобы предотвратить его измену и подчинение всем шведским требованиям.

Единственным большим политическим результатом этого весеннего и летнего похода Карла в глубь Литвы и Полесья польской Белоруссии в 1706 г. должно было бы признать то, что Август окончательно убедился в необходимости поскорее сдаваться шведам на капитуляцию. Правда, этого результата шведский король мог бы достигнуть и несравненно более дешевой ценой вскоре после Фрауштадта. Во всяком случае, неистовые грабежи, поджоги деревень, избиения жителей, которым шведская солдатчина с повеления Карла подвергла белорусские и литовские имения магнатов и даже простых шляхтичей, виновных только в том, что они не признавали Станислава Лещинского, произвели поистине терроризирующее действие в Литве и Польше. Приверженцы Августа отшатнулись от него, боясь жестоких шведских репрессий. Немногие оставшиеся на его стороне притаились и молчали. При этих-то условиях Карл XII вторгся в Саксонию, занял Лейпциг, Дрезден, расположил свою армию в центре страны и стал грозить Августу лишением уже не только польской королевской, но и курфюрстской саксонской короны.

Август пошел на мир, наперед решив принять все условия, какие пожелает поставить его беспощадный противник.

13 октября по русскому стилю (14-го по шведскому) 1706 г. между уполномоченными Августа — Пфингстеном и Имгофом, с одной стороны, и представителями Карла XII — графом Пипером и Хермелином, с другой стороны, были подписаны условия мира в местечке Альтранштадте (недалеко от Лейпцига), где находилась главная шведская квартира. Условия договора, в которых непосредственно была заинтересована Россия, были таковы: Август II отказывается от польской короны и признает польским королем Станислава Лещинского. Союз Польши с Россией и все союзы Августа с кем бы то ни было против Швеции уничтожаются. Шведская армия временно остается в Саксонии, где и содержится на счет саксонской казны. Русские войска, присланные в помощь Августу и находящиеся во власти Августа, отдаются шведам в качестве воен-

нопленных. Содержавшийся в саксонском замке под арестом (с 23 декабря 1705 г.) Паткуль передается в руки шведов.

Август пошел на все, лишь бы сохранить за собой Саксонию. Карл XII не отказал себе даже в своеобразном удовольствии: он приказал Августу написать Станиславу Лещинскому поздравление с благополучным вступлением на престол (откуда самого Августа только что окончательно прогнал). Август и поздравление написал. Он умолял лишь об одном: чтобы Карл держал дело некоторое время в секрете, так как он, Август, находился в это время при большой армии Меншикова и если бы русские узнали об этом альтранштадском предательстве, то, конечно, Августу пришлось бы отправиться не в Дрезден, а в Москву. Карл согласился подождать, пока Август благополучно выберется подальше от Меншикова.

Окружение Карла не скрывало своего ликования по тому поводу, что так ловко удалось обмануть русских. Приведем, например, найденный в 1910 г. и опубликованный документ, исходящий от Станислава Понятовского.

Станислав Понятовский, краковский каштелян, перешедший на шведскую службу, состоял неотлучным адъютантом при Карле XII во время саксонского, а потом русского походов Карла. Понятовский, командовавший отрядом поляков, присягнувших Лещинскому, очень одобряет подлейшее поведение Августа, который еще во время битвы при Калише с жаром уверял Меншикова в верности союзу с Россией, а затем «ускользнул от русской кампании раньше, чем они проводили об (уже заключенном в Альтранштадте) мирном договоре», явился к шведам и «был принят с распростертыми объятиями». Понятовскому очень нравится эта ловкость Августа!¹¹³ Несравненно меньше ему понравилась впоследствии расторопность и быстрота соображения Августа, когда тот после Полтавы мгновенно вошел в Польшу, откуда Станислав Лещинский поспешил немедленно убраться.

Уже изменив союзу с Россией, Август, не смея признаться и боясь, что будет схвачен Меншиковым, допустил, чтобы саксонский отряд участвовал в битве, которую дал шведам Меншиков.

18 октября 1706 г. русские войска под начальством Меншикова напали на стоявший у Калиша большой шведско-польский отряд. По донесению Меншикова царю, шведов было 8 тыс., а поляков — 20 тыс. Русская победа была полнейшая. Меншиков пишет о 5 тыс. павших на поле боя шведов и 1 тыс. поляков. Такую непропорциональность потерь Меншиков не объясняет, но мы знаем из очень многих показаний, что поляки довольно неохотно бились за Станислава Лещинского, почти никому не известного и навязанного им исключительно по внезапной фантазии Карла XII. Многие поляки разбежались во все стороны, едва начиналась битва, и ускользали из-под надзора своих шведских «союзников». Так или иначе, оставляя в стороне вопрос о полной точности цифровых показаний Меншикова, это большое сражение следует признать выдающимся подвигом русских войск, потому что хотя и у Меншикова были польские части, состоявшие из приверженцев Августа, но, в общем, их боеспособность и степень воодушевления едва ли были на очень большой высоте. Магнаты и их приверженцы, из которых одни стояли на стороне Августа, а другие на стороне шведов, окончательно сбивали с толку польских горожан, не говоря уже о поработенной, совсем далекой от этих вопросов крестьянской массе.

Но для шведов калишское поражение, нанесенное им Меншиковым, было очень чувствительной военной и моральной неудачей. Это был полный разгром после трехчасовой «регулярной баталии», причем сам главнокомандующий генерал Мардефельд был взят в плен¹¹⁴.

Уже изменив Петру и рабски выполняя все распоряжения своего повелителя Карла XII, Август нагло требовал, чтобы Петр отпустил взятых Меншиковым в плен под Калишем шведов. Победа была одержана исключительно русскими — сам Август находился, как всегда, далеко от поля битвы, — но в письме к Петру он до курьеза лживо говорит о калишской «виктории» как о такой, где Меншиков «помогал»¹¹⁵. Мало того: по явному наущению Карла он требует выдачи ему пленных шведов, грозя в случае отказа уничтожить свой союз с Петром. Он это пишет, уже не только уничтожив свой союз с царем, но заключив мирный договор с Карлом XII и став покорнейшим

служой и вассалом Карла. Все это Август заявляет в надежде, что Петр еще не знает о его коварной измене и постыдной капитуляции¹¹⁶.

Туго и медленно шли тогда даже самые важные и самые радостные новости, такие, которые правительству хотелось скорее всего сообщить населению. Достаточно сказать, что даже первое радостное сообщение о «великодивной победе над неприятелем» при Калише, случившейся 18 октября 1706 г., пришло в Москву лишь 12 ноября¹¹⁷. Сильно обрадован был царь русской победой над шведами под Калишем. «Которою радостью вам (sic. — *Е.Т.*) поздравляю и весьма желаю, дабы господь бог наивящее смирил сих гордых неприятелей», — писал Петр Шафирову и приказывал ему дипломатически стараться использовать впечатление: «О сем с посланниками разговоришь и объяви им пространно о той баталии, и какой от них получишь ответ, о том немедленно к нам отпиши»¹¹⁸. Если так задерживались подобные радостные реляции, то подавно никто не торопился пересылать известия печальные и тревожные, а уж чего тревожнее была новость («новизна») о капитуляции саксонского союзника, т.е. о мирном договоре Августа с Карлом XII в Альтранштадте. Даже царь и его ближайшие сотрудники узнали о тщательно скрывшемся от них поступке Августа с опозданием.

Приходилось считаться отныне с тем, что измена Августа снизила все значение калишской русской победы и что приблизилась опасность шведского вторжения. Петр решил искать посредничества Англии, если бы даже пришлось за это заплатить заключением союза с нею.

И немедленно он дает полномочную грамоту Андрею Артамоновичу Матвееву для заключения «договора и союза» с Англией¹¹⁹. Момент казался благоприятным. Петр считал, что подобной по размерам победы над шведами русские еще никогда не одерживали, и не переставал всюду рассылать «зело радостную ведомость о бывшей счастливой победе над шведами, какой никогда еще прежде не бывало». И спешит особо уведомить герцога Мальборо. «К Малбруху послать», — гласит «заметка» Петра в конце декабря 1706 г.

Союз с Англией казался Петру после успехов Карла в Польше и Саксонии делом серьезным в высшей степени и неотложным. Уже в конце октября 1706 г. Шафиров по его повелению представил проект наказа А.А. Матвееву, собиравшемуся в Лондон. Матвееву давался материал для предстоящих разговоров с королевой Анной, с герцогом Мальборо, бывшим в такой силе в тот момент, и канцлером казначейства Годольфином. Шафиров предлагает, чтобы Матвеев обещал за содействие обоим английским сановникам «немалые подарки», «однакож поступать в том осторожно, разведав, склонны ль те министры ко взяткам». Но Петр сомневается, чтобы богатого Мальборо можно было соблазнить, а впрочем, двести тысяч ефимков ассигновать на эту попытку согласен: «Не чаю, чтоб Мальбруха дачею склонить, понеже чрез меру богат; однакож обещать тысячь около двухсот или больше»¹²⁰. Петр доказывает англичанам, во-первых, необходимость в их же интересах «шведа до такой силы не допустить», потому что шведы решительно союзники Франции («французской факции»), и Карл грозит из Саксонии вторгнуться во владения австрийского императора, союзника Англии; а во-вторых, в прямых интересах английской торговли дать России возможность удержать за собой «полученные на Балтийском море пристанища», куда английским купцам будет удобнее и ближе ездить, чем в Архангельск.

Наконец, Матвееву дается полномочие вступить в подобные же переговоры и со всеми союзниками Англии, и с царским величеством (Австрией), и с Голландией, и с Данией.

Положение было настолько серьезное после отпадения Августа, воцарения Лещинского, завоевания шведами Саксонии, что Петр, предвидя неминуемое нашествие на Россию, не скупится на обещания. Англичанам он сулит, если они помогут ему заключить мир с Швецией с удержанием балтийских приобретений за Россией, оказать военную помощь, послав «хотя 30 тысяч» человек против французов.

Мало того. Опасность кажется настолько грозной и нашествие таким неминуемым, что он подумывает даже и о том, что-

бы пойти на великую жертву: отдать датскому королю Дерпт и Нарву, если Дания начнет войну против Швеции: «Если мне на память взойшло, не предложить ли Дацкому, что, ежели оной в войну вступит, то мы отдадим ему Дерпт і Нарву... і буде удобно сие, то б за секрет оному (датскому королю. — *Е.Т.*) объявить; а худобы в том нет»¹²¹.

Вот какие условия в иные минуты в это нелегкое время Петр считал возможным поставить на обсуждение в случае мирных переговоров:

«1. Ежели склонность шведов будет к миру, то трудиться дабы ко оному приступить и понеже не чаем чтоб они все завоеванное уступили, того для предлагать к отданию Дерпт. 2. Ежели тем довольны не будут, то чтоб деньги дать за Нарву. 3. Ежели и сим довольствоваться не будут, а совершенно миру без лести похотят, только б отдать Нарву и в том не отказывать, а взять на описку»¹²².

Мысль о достижении при посредстве Англии скорейшего мира с Карлом XII не покидала Петра. Сидя в Жолкиеве, он получил известие от русского агента барона Генриха Гюйссена, который вел секретные переговоры с герцогом («дуком») Мальборо (Джоном Черчиллем). Оказывается, что герцог в награду за то, что он поможет заключить русско-шведский мир, желает получить титул князя и (подразумевается) доходы с какого-либо русского «княжества». И, по-видимому, «вышереченный дук» не прочь и еще кое-что ценное получить за свои добрые услуги.

Петр, который всегда скептически относился к возможности купить слишком уж богатого Мальборо, очень на сей раз обрадовался именно потому, что «дук» обнаружил непомерную алчность и, значит, в самом деле серьезно хочет дело делать: «Ответствовать Геезену (*sic.* — *Е.Т.*). На его вопрошение, что дук Мальбург желает княжества из русских, на то отписать к Геезену, естли то так и вышереченной дук к тому склонен, то [о]бещать ему из трех которые похочет: Киевское, Владимирское или Сибирское, и при том склонять ево (*sic.* — *Е.Т.*), чтоб оной вспомог у королевы (английской. — *Е.Т.*) о добром миру [с] шведом, обещая ему ежели он то учинит, то со онова княжества по вся годы жизни ево неприменно дать будем (*sic.* —

Е.Т.) по 50 000 ефимков битых». Но, зная жадность «вышереченного дука», царь решил еще накинуть немного и обещает подарить дуку такой рубин, которого или совсем на свете другого нет, или «зело мало» такой величины во всей Европе и «которого прислана будет модель» уже наперед, чтобы недоверчивый дук не сомневался и взалкал. А сверх того дук получит орден Андрея Первозванного¹²³.

В России знали, что этот всемогущий в тот момент в Англии Джон Черчилль, герцог Мальборо, имеет безграничное влияние на королеву Анну. «Который крайний есть ее фаворит», — пишет о нем из Гааги А.А. Матвеев Г.И. Головкину. Петр написал 4 февраля 1707 г. из Жолкиева письмо герцогу Мальборо. Но мы знаем об этом письме только от Матвеева, который вручил его лично прибывшему в Гаагу герцогу: самого же письма, даже черновика, в наших архивах до сих пор не нашлось. Одновременно с письмом Матвеев вручил герцогу «клейнот его величества с портретом». «Он, принц Малбург, сперва в недоумении был и несколько времени отговаривался, ведая недостойна и незаслужена себя быть таких высоких его царского величества к себе милостей, и сего великого подарка». Но ломался англичанин недолго и «тот клейнот также с великим респектам принял».

Мальборо очень обнадежил Матвеева, обещал «крепко говорить со шведом». Вообще Мальборо заявил Матвееву твердое желание «чинить все к угодности его царского величества» и простился с русским послом крайне любезно. «Разъехался с несказанно какою любовью!» — доносит Андрей Артамонович Головкину 11 апреля 1707 г. Перед отъездом Мальборо написал из Гааги 9—10 апреля ответ царю на упомянутое пропавшее для нас письмо Петра от 4 февраля того же года, переданное ему Матвеевым. Письмо полно выражений благодарности царю и обещаний сделать у королевы все желательное Петру, но составлено в самых общих выражениях. Оно было на латинском языке, но сохранилось у нас в русском переводе. Джон Черчилль подписался своим именем «Иоанн» (Джон) и титулом князя («принца») и герцога: «Вашего царского величества препокорный, благожелательнейший и препослушный раб Иоан, принц и дука де Марлборог»¹²⁴.

Но ничего реального из всех этих переговоров не получилось, если не считать царского «клеяноута», но не рубина, попавшего в родовую сокровищницу фамилии Черчиллей авансом. Даже не удалось достигнуть, чтобы Англия отказала в признании Лещинского, ставленника Карла XII, польским королем. Англии казалось желательным в тот момент все, что могло отвлечь Карла от нападения на Австрию, главную союзницу Англии в бесконечно затянувшейся войне ее против Франции за испанское наследство. Поэтому шаги в пользу России были совсем нежелательными с английской точки зрения.

Джону Черчиллю, герцогу Мальборо, не пришлось ни стать вассальным русским князем, ни получить со своего русского княжества по 50 тыс. ефимков в год, ни, наконец, овладеть рубином, которого во всей Европе не найти. Карл XII не хотел и слышать ни о каком мире вообще и твердо решил мир подписать в Москве. А Петр и не пошел бы на такой мир, который отнял бы у России Ингрию.

Самое любопытное во всей этой истории заключалось в том, что Мальборо именно за тем и был командирован из Лондона к Карлу, чтобы всячески отговаривать Карла от вторжения в Австрию и, напротив, указывать ему на поход против России как на самую подходящую цель, что и было им сделано. А по дороге он специально заехал в Гаагу, чтобы обмануть Матвеева...

Еще проезжая Саксонию, Мальборо узнал в Берлине, что ему хлопотать особенно не придется в Альтранштадте и не нужно будет тратить английские деньги, данные ему в Лондоне, на подкуп шведских сановников и генералов. Ему сказали, что Карл думает только о походе на Россию и что окружение Карла всецело разделяет эти мысли «даже в еще большей степени, чем король» и никто из них не советует поэтому вмешиваться в германские дела. Это было именно то, что желательно было и королеве Анне, и британскому правительству, и самому Мальборо. Эти отрадные для герцога известия вполне подтвердились его личными наблюдениями в Альтранштадте: «зоркий глаз старого царедворца и испытанного воителя распознал очень скоро, что Карл обнаруживает известное равнодушие по отношению к войне в Западной Европе, но что его глаза мета-

ли молнии, и щеки краснели, как только упоминалось имя царя, да и стол короля был покрыт картами России». Герцог Мальборо умозаключил, что «не требуется никаких переговоров и никакого ходатая, чтобы побудить Карла оставить Германию и обратить шведское оружие против России». На всякий случай герцог все-таки дал кое-какие подарки графу Пиперу и Седерьельму, хотя Фриксель подчеркивает, что это стало известно только от самого же британского полководца и государственного деятеля, который частенько, когда это было возможно, не передавал таких английских подарков тем, кому они были предназначены, но предпочитал дарить их самому себе. Фриксель полагает, что англичанин поступил именно так и в данном случае¹²⁵.

Но на этот раз дело обстояло, по-видимому, иначе.

По английским документальным данным, за содействие английским планам министры Карла XII получили через посредство герцога Мальборо крупные (по тому времени) взятки: граф Пипер — ежегодную пенсию в 1500 фунтов стерлингов, Гермелин и Седерьельм — по 500 фунтов ежегодной пенсии, а Гермелин еще и единовременное пособие в 500 фунтов. Зато успех был полный, и в своем докладе Королевскому историческому обществу 17 марта 1898 г. историк Стэмп от души поздравляет своих слушателей с успехом ловкого Джона Черчилля, герцога Мальборо: «Его визит имел полный успех... после нескольких месяцев откладывания дела Карл, к облегчению союзников (Англии и Австрии. — *Е.Т.*), снялся с лагеря и пошел на Россию»¹²⁶.

Во всяком случае, Мальборо, который только что успокаивал Андрея Артамоновича Матвеева и уверял, что сделает все зависящее для скорейшего заключения мира России с Швецией, теперь уехал из Альтранштадта, вполне сам успокоенный, удостоверившись, что Карл XII непременно нападет именно на Россию и ни на кого другого. И он помчался в Лондон, торопясь, в свою очередь, поделиться этой отрадной вестью с королевой Анной.

Мальборо виделся с Карлом XII в апреле, но у нас есть доказательства, что даже еще до вторжения в Саксонию и Пипер, и Гермелин, и Седерьельм единодушно поддерживали на-

мерение короля напасть на русские владения. Показание Мальборо не оставляет никаких сомнений в твердом решении короля предпринять завоевание Русского государства.

28

Петр искал в то время посредников не только в Англии. Но тут его продолжали преследовать неудачи.

Еще когда Карл вступал из Польши в Саксонию, Петр рекомендовал Шафирову, чтобы он обратил внимание посланников («паче же дацкого») на серьезное приращение материальной силы Карла XII, который «Саксонию выграбит... и когда многие миллионы в сей богатой земле достанет и войско зело умножит»¹²⁷.

Предположение Петра оказалось совершенно правильным. Терроризованное саксонское торгово-промышленное и очень зажиточное в известной своей части сельское население Саксонии безропотно дало себя систематически грабить. Можно сказать, что саксонскими ефимками шведский король в значительной мере финансировал начало своего похода на Россию, т.е. военные действия в Польше и Литве. Эти саксонские фонды, быстро и беспрепятственно в течение года (от осени 1706 г. до осени 1707 г.) переходившие в распоряжение Карла, позволили ему с полным успехом обмундировать и вооружить новобранцев, которых он усиленно выписывал в 1706—1708 гг. из Швеции, и сильно поправить материальную часть потрепанных в прошлых битвах полков. Не забудем, что Саксония уже тогда была одной из самых промышленных и торговых стран в мире и, например, саксонские ярмарки первенствовали во всей Центральной и Северной Европе. Поживиться там шведам было чем. И недаром Петр писал Меншикову 19 октября 1706 г.: «О входе неприятельском в Саксонию не без великой печали нам» — и возмущался, не понимая, «для чего в Лепцих так скоро шведа пустили»¹²⁸.

Один за другим покидали Петра союзники. Уже были получены достоверные сведения, что Карл выступил из Саксонии, идет в Силезию, направляется в Польшу, угроза русским границам растет, казаки плохо прикрывают юго-запад, из пяти

тыс., бывших у племянника Мазепы (Войнаровского), пятьсот человек уже успели разбежаться, и остальные не весьма благонадежны: «уже 500 человек побежали, а досталные, чаю, недолго подержатца»¹²⁹.

Крайне нужна диверсия, и может она воспоследовать только от датского короля. Но Фридрих IV боится и медлит. Успехи Карла XII в Польше и Саксонии привели его в полную растерянность. Петр уже не дает ему никаких советов, не уточняет своих желаний — лишь бы король датский согласился «коим-нибудь образом приступить и против неприятеля нам вспомогать...»¹³⁰. Едет с этим посланием в Копенгаген князь Василий Долгорукий, но не достигает ничего.

В тот же день, когда Петр пишет в Данию, подписывается им и «Грамота к Голландским штатам», очень ласково убеждающая голландское правительство, что царь не сомневается во «к нам всегда сохраняемой дружбе и приязни», а посему очень просит хотя бы впредь не пропускать «таких и иных купечеств в неприятельские пристани», а пока — приходится «уважить» голландскую просьбу о пропуске в Ригу строевого леса, закупленного голландским купцом в России для шведских военных судов¹³¹. Ничего нельзя было тогда поделаться: ведь уже самая дерзость голландского домогательства показывала, что союз с Голландией висит на волоске.

Петр обещал тогда же и поддержку «воеводе Седмиградскому Франциску Ракочи» в его попытке добыть королевский престол и ждал посредничества Баварии и Франции для начала переговоров с Карлом XII. Новые попытки разбивались об упорство и самонадеянность шведского короля.

Никакого мирного посредничества Петр ни от кого не добился. Военные действия должны были теперь уже направиться непосредственно против России.

В самые последние дни декабря 1706 г. Петр прибыл в Жолкиев (в русских источниках «Жолква»), Меншиков с армией находился там уже с ноября.

Петр решил пока не выводить из Польши русское войско. Решено было выждать, соображая свои дальнейшие действия с дальнейшими движениями Карла в Саксонии и Польше.

Польша оказалась в руках шведов и их ставленника Станислава Лещинского. И все-таки Петр не считал целесообразным окончательно отказаться от низложенного Августа.

Что король Август II прозван «сильным» только потому, что у него крепкие мускулы и что он гнет серебряные тарелки, но что на самом деле он робок, готов на предательство, необычайно алчен и попрошайка, склонный прибегать к политическому шантажу при ходатайствах о субсидии, — это Петр знал очень хорошо. В ноябре 1706 г. царь писал о нем Меншикову: «...от короля всегда то, что дай, дай, денги, денги»¹³². Но приходилось до предательской истории с Альтранштадтским миром и даже после этого делать вид, что Петр считает Августа союзником верным, но только попавшим, к несчастью, в беду. Приходилось верить нелепой комедии, будто бы Август вовсе не хотел подписывать позорный мир, но что его уполномоченные Имгоф и Пфингстен напутали и, превысив свои полномочия, без ведома короля согласились на все условия Карла XII и что, например, Август совсем не знал, что Паткуля выдадут Карлу на пытки и колесование и т.д. Но что же было делать? Где искать более подходящего короля?

Есть одно замечательное высказывание Петра, касающееся этого вопроса. Прусский король интересовался, как думает поступить Петр в случае, если шведы уйдут «в свои земли» и «покинут» Польшу и Станислава. Петр решает вопрос так: он намерен будет признать польским королем того, кто может продержаться без помощи иностранцев. «А о признании такое средство положить: которой без помощи протчих останется собственною своею силою, того и признать»¹³³.

Это было, по существу, наиболее рациональное решение, но несчастье Речи Посполитой было в том, что уже прошли времена, когда она могла распоряжаться своим престолом по собственной воле, не считаясь с другими державами. Пришлось и Августом не брезговать, хотя он и изменяет и, даже изменяя, все-таки попрошайничает: «зело скучает о деньгах». Хуже всего было, что король Август, он же курфюрст Саксонский, отдал без боя свое богатое курфюршество шведам, и Петр видел, как разгорается пожар, и понимал, что «лучше сей огонь скорей угасить, пока швед не подопрется саксонскими деньгами». Но

никто не мог тогда угасить «сей огонь». Он погас не в 1706 г., а только в 1709 г. на полтавском поле. А подкрепиться («подпереться») саксонским золотом Карлу удалось так обильно, что когда петровские кавалеристы ворвались 27 июня 1709 г. в шведский ретраншемент у полтавского вала, то в личном помещении бежавшего с поля битвы Карла они еще нашли два миллиона саксонских золотых ефимков.

Но до этой развязки еще много должно было утечь и русской и шведской крови. Пока материальная возможность вести очень долгую войну у Карла XII была.

29

С 28 декабря 1706 г. до 30 апреля 1707 г. Петр провел в Жолкиеве. Конница (драгунские полки) находилась при царе, в Жолкиеве и Яворове, а пехота стояла в Дубно и окрестных местах.

В Жолкиеве Петр созвал свой главный генералитет во главе с Меншиковым и графом Шереметевым. Время было неспокойное.

Дипломатическая изоляция России с каждым месяцем становилась все явственнее. Оскорбительные выходки и прямые провокации со стороны шведского короля следовали одна за другой. Варварская расправа с Паткулем произвела тогда в политических кругах Европы особенно сильное впечатление.

Паткуль, сидевший с конца 1705 г. в заключении в саксонской цитадели в Зонненшейне, был по специальному о нем условию, внесенному, согласно желанию Карла XII, в Альтранштадтский договор, выдан шведам, перевезен в г. Казимир в Польше и здесь предан в октябре 1707 г. мучительнейшей казни. Сам Карл лично дал очень подробную инструкцию: Паткуля сначала колесовали, причем ему было дано с долгими промежутками шестнадцать ударов кованной железом дубиной, переломавшей ему последовательно все кости рук, ног, позвоночника, затем, когда он подполз к эшафоту и умолял поскорее отрубить ему голову, то палач лишь на четвертом ударе топора покончил с ним. Труп затем был четвертован. И Карл XII был еще в большом гневе на офицера, командовавшего при вы-

полнении казни, за то, что Паткуль не получил еще нескольких ударов, и офицер был за излишнее милосердие разжалован¹³⁴. Все это со стороны Карла XII, знавшего, сколько раз царь хлопотал перед Августом о присылке арестованного Паткуля в Россию, проделывалось с целью как можно больше уязвить и оскорбить царя в лице его полномочного посла, каковым числился Паткуль перед своим арестом.

Русские дипломаты именно так и поняли варварскую расправу с Паткулем как оскорбление, прямо направленное против царя, именно в виде ответа на протесты Петра перед Европой по поводу ареста его посла. Головкин и Шафиров, узнав о казни, разослали по иностранным дворам новый резкий протест и грозили репрессалиями, о чем сообщали Петру: «Да писали ж мы ко всем своим министрам, дабы, будучи при дворах, объявили, протестуя о жестокосердии короля шведского, показанном в ругательной казни министра вашего Паткуля, несмотря на протестации ваши, и что тем он подает вашему величеству довольные причины ко взаимному отмщению»¹³⁵.

Приходилось привыкать все больше и больше к мысли, что вторжение Карла в пределы России совершенно неизбежно.

У русского командования уже был в основных чертах выработан знаменитый в военной истории России «жолкиевский план», приведший русскую армию и русский народ после долгих и тяжких испытаний к сокрушительной победе над высокомерным и жестоким врагом.

После Альтранштадтского мира Польша или часть (и самая значительная часть) ее перешла в шведский стан, и лишь местами, например в Литве, можно было рассчитывать при случае на благоприятное к русским отношение. С другой стороны, как мало ни полагался Карл XII на своих новоявленных польских союзников и их боеспособность и верность шведскому знамени, царь имел все основания опасаться, что отныне при энергии, предприимчивости, неукротимой отваге шведского короля грозный шведский враг воспользуется полным подчинением Польши его воле и двинется из Саксонии прямо на Украину, в Киев. Петр не думал, что это будет очень скоро. Мало того: в начале января 1707 г., т.е. в первые дни пребывания в Жолкиеве, он полагал, что Август II, оставшийся кур-

фюстом саксонским, вступит в союз со своим суровым победителем Карлом и шведы с саксонцами вторгнутся во владения австрийского императора, и, значит, подтверждаются слухи, что «швед софсем (sic. — *Е.Т.*) не мыслит выходить из Саксонии в Польшу»¹³⁶.

Извещая о том же Апраксина, Петр не скрывает своего удовольствия: «Писма приходят, что швед конечно намерен против империум (Австрии. — *Е.Т.*); дай боже, чтоб правда то было»¹³⁷.

Эти слухи явно очень сильно занимали царя. Во-первых, Россия в случае похода Карла XII из Саксонии в Австрию получала немалую передышку в тяжелой войне. Во-вторых, являлась возможность привлечь к тесному союзу не только Австрию (что уж само собой сделается, конечно), но и Англию. Петр рассуждает совершенно логично. В случае вторжения победоносного шведского короля во владения австрийского «цесаря» Австрия фактически выходит из войны за испанское наследство и Англия остается почти в одиночестве лицом к лицу с Людовиком XIV. И тогда Карл может заставить Англию пойти на все уступки и заключить невыгодный мир с французами. Петр приказывает Шафирову узнать: что же англичане предпочтут — вступить в союз с Россией или покориться угрозам Карла? «Того для... с Аглинским (послом. — *Е.Т.*) и протчими поговори и уведай, как возможно, ежели с устраиваньем принуждать их станет швед (что уж и починаетца) к миру с Франциею, тогда будут ли они нас желать в союз или по воле ево зделают (sic. — *Е.Т.*)»¹³⁸.

К слову заметим, что англичане в это самое время, весной и летом 1707 г., вели большие торговые операции в Архангельске.

Торговля с англичанами и голландцами ширилась, и никакие превратности и русские неудачи в затянувшейся борьбе не уменьшали торгового обмена. Как самое обыденное явление Витворт сообщает, своему правительству 30 июля 1707 г., что в Архангельск благополучно прибыли шестьдесят четыре английских купеческих корабля под специальной охраной трех английских военных судов. И должны были прибыть туда еще тринадцать или четырнадцать, но есть опа-

сение, что они попали в руки французов. И еще ждут тринадцать судов из Гамбурга и несколько судов из Голландии и еще из Англии¹³⁹.

Из Саксонии Карл XII все не выходил. Для англичан это становилось в тот момент (весной 1707 г.) тревожным, потому что из Саксонии Карл XII грозил вторгнуться в Габсбургские владения, что имело бы последствием фактическое устранение Австрии из войны за испанское наследство, так как все вооруженные силы австрийский император должен был бы отозвать для защиты Вены и своей империи. Если бы это случилось, то англичанам пришлось бы в несравненно большей степени, чем до той поры, участвовать непосредственно в сражениях против французов. А герцог Мальборо привык одерживать свои английские победы немецкой кровью, и в его расчеты вовсе не входило лишиться в разгаре тяжелой войны австрийских союзников. Но так как и для поддержки Августа в Саксонии пришлось бы там лично воевать и тратить войска, чего тоже англичане не хотели, то они ограничились широким распространением слухов, что вот не сегодня-завтра Мальборо явится в Саксонию, чтобы выгнать шведов: это уже одно могло заставить шведского короля воздержаться от нападения на имперские австрийские владения.

Верил ли Август этим английским посулам или умышленно лгал Петру, но вот что прочел царь в письме, написанном саксонским придворным служащим Шпигелем Г.И. Головкину и П.П. Шафирову 28 апреля 1707 г.: Шпигель сулит царю «превеликие удовольствия», потому что случилась «знатная причина и великая польза: «Милорд Марлбрук за два дня совершенно в Лейпциге будет и подлинно шведов в мае месяце из Саксонии вон выпроводит». Но, зная, как мало Петр имеет основания полагаться на обещания англичан вообще, а герцога Мальборо в частности, Шпигель обещает доставить подробности о том, что уже на этот раз все будет сделано на совесть: «Я о Марлбрукове исправлении все обстоятельную ведомость с собою принесу!»¹⁴⁰

Задержка шведского короля в Дрездене и его окрестностях была очень на руку царю. Даже и не веря в «исправление

Малборуково», царь знал, что самый слух о приходе англичан задержит Карла XII.

Вообще никакая статистика движения торговли между Англией и Россией, если бы она существовала — а ее не было и в помине для этих лет, — не могла бы дать более яркого представления о громадном значении для англичан русского сырья, чем дает общая дипломатическая переписка английских послов, сидевших в Москве, с их правительством. Послы постоянно уверяют свое правительство в том, что они очень хорошо понимают, до какой степени вредно для жизненных интересов английской торговли раздражать царя и как заботливо поэтому должно скрывать и маскировать от русских такие шаги британского кабинета, которые могут вызвать неудовольствие России и экономические репрессалии. Дело об оскорблении посла Матвеева (задержанного «за долги» якобы по оплошности полиции и сейчас же выпущенного с большими извинениями) вызвало какую-то панику: министерство и сама королева Анна не щадили самых горячих, самых сердечных выражений, чтобы засвидетельствовать перед царем свою «скорбь», и шли на какие угодно извинения. Нужно заметить, что выполнение затеи с арестом Матвеева оказалось большой оплошностью и причинило англичанам много ненужных и досадных неприятностей. При этом и послы и министры знали, что чисто политическими репрессалиями Россия мстить им не станет вследствие необходимости считаться с Англией в разгар войны против Швеции. Но мстить средствами экономическими, стесняя вывоз сырья из России в Англию или давая преимущества голландцам, было возможно, и это очень пугало английское правительство. Вот почему затеянное с явно провокаторскими целями, но неловко выполненное нападение на А.А. Матвеева пришлось заглаживать извинениями. Таково было объяснение подобных «колебаний» и противоречивых поступков. «Александра Даниловича здесь ждут со дня на день, а это в самом деле необходимо для окончания некоторых дел, которые вполне зависят от его усмотрения, — и прежде всего дело о дегте», — пишет посол Витворт статс-секретарю Гарлею 13 февраля 1706 г. И посол доносит о важном событии: он узнал два дня назад от одного лица, которое в курсе дела, что

срубили много деревьев и что весной будет готово пятьдесят тысяч бочек смолы, правда, по чрезмерной цене. И вот какое несчастье: голландцы проводали и уже поспешили согласиться на всякую цену и выплачивают ефимками. Посол не может скрыть своего огорчения и слагает вину за эту прискорбную неудачу на британское правительство, а не на себя: «Если бы я вовремя знал, как морское ведомство серьезно заинтересовано в сделке, я мог бы предупредить такое повышение цен». Но посол все же хочет хоть немного утешить британское правительство: «Во всяком случае я все-таки попытаюсь достать двадцать пять тысяч бочек, если возможно, по более разумной цене и надеюсь дать вам лучшее сообщение об этом деле!»¹⁴¹. Вот типичный тон английской дипломатической переписки в годы Северной войны. Не только могущественное купечество, но и непосредственно английская государственная власть были очень живо заинтересованы в получении русского дегтя, мачтового леса, пеньки, льна и льняной пряжи, кожи и т.д. И не только в русском экспорте в Англию, но и в английском импорте в Россию была заинтересована английская торговля. Достаточно проследить по переписке послов о том, как живо интересовались в Англии вопросом о ввозе в Россию из Англии табака и табачных изделий. Британские дипломаты очень ухаживали за «Александром Даниловичем», как они ласково называют Меншикова, и за Шафировым, от которых очень зависели эти дела внешней торговли. Какое в посольстве ликование было, когда в середине апреля 1706 г. удалось через Шафирова не только уладить дела о ввозе табака в Россию, но, что было гораздо важнее, добиться разрешения царя на вывоз из Архангельска «десяти тысяч бочек смолы для флота королев» и обещания царя и дальше отпускать этот драгоценный товар. Посол ликует: «Я уже совсем считал дело пропащим!»¹⁴²

В России хорошо понимали, какая услуга оказывается англичанам, и настаивали (именно во время таких торговых переговоров) на том, чтобы Англия оказала содействие по заключению мира России с Швецией. Трудная полоса войны начиналась в 1706 г. и не скоро окончилась, а мир с сильным врагом был желателен.

Заметим, что если, как мы видели, в 1707 г. Англия была заинтересована в том, чтобы Карл XII из Саксонии, где он стоял, ринулся не на Австрию, а уж лучше на Россию, то отсюда не следует, что желателен был открытый разрыв с Россией. Напротив, Англия тогда стремилась такого разрыва избежать. Достаточно прочитать систематические донесения Витворта статс-секретарю Бойлю за 1708—1709 гг., чтобы убедиться, какую громадную важность придавали англичане торговле с Россией. Посол очень беспокоится о том, что военные действия могут затронуть Стародуб и другие города, откуда идет пенька, и что при опустошении русскими территории сжигается много пеньки, и, пожалуй, зимним путем на этот раз не доставят ее, как всегда, в Архангельск к весне. Когда случилась неприятная история с задержанием и оскорблением посла Матвеева, которая долгими месяцами не могла уладиться, так как царь не удовлетворялся предлагаемыми извинениями, то Витворт писал с тревогой, что если у царя останется чувство неудовольствия, то от этого может очень пострадать торговля Великобритании с Россией, которая «в будущем до такой степени важна специально для сбыта наших шерстяных мануфактурных изделий в России»¹⁴³. Таким образом, Россия для англичан крайне важна не только как рынок сырья (пеньки, мачтового леса, смолы, сала и т.д.), но и как рынок сбыта изделий английских мануфактур.

Таким образом, англичанам приходилось действовать очень осторожно и исподтишка: всеми мерами вредить России, поддерживать и подстрекать ее врагов, но делать это так, чтобы русские не получили о том сведений и не прекратили торговых отношений. И у русской дипломатии поэтому были, казалось, некоторые надежды, что в конце концов Англия все-таки возьмет на себя посредничество. Были и утешительные известия, что Карл расположился в Саксонии надолго. Но успокаиваться на этих благоприятных предположениях и слухах было невозможно.

Приходили и совсем другие вести. То пишут о подозрительных движениях шведов на севере («того я зело боюсь, чтоб оные не напали на Псков, которая крепость как слабая»)¹⁴⁴, то надо беспокоиться о Полоцке, которому может грозить при-

ближение неприятеля¹⁴⁵, то одолевает забота о возможном весенней вторжении Карла на Украину. Царь пишет в конце января 1707 г. Мазепе, напоминая ему, что необходима теперь особая осторожность и «вящее приготовление», потому что теперь (т.е. после измены Августа) «уж сия война на одних осталась», т.е. на одних русских выпала необходимость ее вести. А поэтому он приказывает гетману: «чтоб заранее к походу изготovitца и чтоб по самой первой траве в мае под Киевом стать». Необходимо кончать постройку киевской фортеции, «а паче для обороны от неприятеля своих краев, о котором сказывают, что конечно намерен в первых числах мая итти к нашим краем, чего для надлежит вящее приготовление в войсках иметь». На войска украинские Петр не очень надеется, потому что он верит лишь в то стоящее на высоте тогдашней военной науки регулярное и обученное воинство, которое он сам с таким трудом и таким, как показало будущее, блестящим успехом упорно стал создавать после первой Нарвы. Царь считает, что необходимо поспешить с укреплением рубежей саперной работой: «И понеже ваша милость можете знать, что войско Малороссийское не регулярное и в поле против неприятеля стать не может, того для советую вам доволное число лопаток и заступов велеть взять с собою, також и добрую полковую артиллерию», чтобы укрепиться у Днепра «шанцами или окопами... и тем возбранить неприятелю ход в свою землю», и вообще «в украинских городах» должно строить палисады и другие укрепления¹⁴⁶.

Петр уже в ноябре 1706 г. предвидел, что Украина рано или поздно может стать театром военных действий. Он ждал до поздней осени 1706 г., что шведское нашествие на Россию начнется непосредственно после вторжения Карла в Польшу, т.е. что шведы пройдут через Литву и Белоруссию, не гоняясь за Августом. Но когда обнаружились намерения Карла покончить с Августом и он вошел в наследственное саксонское курфюршество, то царь написал Меншикову: «А на Украине что делать теперво нашему войску, не знаю, понеже дело инако первернулось, как мы думали». И уже у Петра намечается новая стратегическая задача: занять Литву и отбросить подальше от русских пределов северную группу шведских сил, отбросить к

северу, где русские уже чувствуют себя довольно твердо: «Мне кажется, не хуже б пехоте всей по доброму пути вступить в Литву в удобное место, а часть послать на Левенгоупта (sic. — *E.T.*) знатную, и паки бы загнать его в Лифлянды», где весной, когда можно начать бомбардировку Риги, «также и Левенгоупту будет великая теснота». В тот же день, 4 ноября 1706 г., Петр дает знать и по дипломатической части П.П. Шафирову, что уже нельзя ждать немедленного похода Карла на восток и что наша конница потому только так глубоко «подалась», «что сперва хотели тем ево (sic. — *E.T.*) походу помешку учинить», а теперь все повернулось по другому и «нынече иначе будем поступать»¹⁴⁷.

Когда обнаружилось, что Левенгаупт все-таки задерживается в Литве, то у Петра является новая мысль: «где случай позовет, и чтоб ево по времени отрезать от Риги подшитица». Карл XII далеко, и «случай изрядной, что оной (Левенгаупт. — *E.T.*) так далеко и от Риги и от короля зашел»¹⁴⁸. Но это намерение оказалось неисполнимым.

30

В некоторых старых работах совершенно неверно говорится, на основании неточного сообщения в «Журнале» Петра, будто царь получил впервые в декабре 1706 г. «неожиданное» известие о «тайном» заключении мира между королем Августом и Карлом XII¹⁴⁹. Мы видели, что Петр узнал об этом уже очень скоро после события, и в декабре 1706 г. ровно ничего «неожиданного» в этой устаревшей новости для царя не было. Если бы у Петра могло остаться какое-нибудь сомнение относительно того, что отныне польская шляхта враждебна не только в тех местах, которые признают королем Станислава Лещинского, но и там, где «можновладство», магнаты стоят на стороне России, то были происшествия, чувствительно напоминавшие об этом царю.

Шляхтич Вяжицкий (из дружественной шляхты) «завал в гости едучих» двух русских офицеров Семеновского гвардейского полка, сержанта и девять человек солдат «и потом ночью спящих побил до смерти». Так донес Петру 11 февраля

фельдмаршал Шереметев, а Петр уже 13 февраля пишет князю В.Л. Долгорукому, что этих семеновских офицеров и солдат он «с молодых лет с собою рости» и «зело печально» царю это злодеяние. Петр приказывает Долгорукому обратиться к польским властям («дружественным» России не меньше шляхтича Вяжицкого) и сообщить, что если русских «так здесь станут трактовать, то наперст контровизит зделаем и чтоб посланы были немедленно указы везде, чтоб того не дерзали, ибо ежели бы сего убойцу (sic. — *Е.Т.*) не сыщут, то мы на всем повете сию кроф (sic. — *Е.Т.*) будем сыскивать»¹⁵⁰. Угроза повлияла, убийцу и его товарищей привели к Шереметеву, и их казнили. Среди таких впечатлений жил Петр в Жолкиеве, а солдаты — в Люблине, Жолкиеве и других городах Польши. Без «контровизитов», которыми грозил Петр, дело никак не могло обойтись. Князь Михаил Вишневецкий с целой литовской армией неожиданно покинул сторонников России и перешел к Станиславу Лещинскому, т.е. к шведам. В городе Быхове, тоже перешедшем на сторону Станислава, находился воевода Синицкий, и пришлось долго (около месяца) осаждать Быхов. Еще 24 марта (1707 г.) Синицкий горячо уверял Петра в своей непоколебимой верности, находил недостаточно пылким традиционное «падам до ног» и писал: «подстилаюся под маестат вашего царского величества со всем почитательством»¹⁵¹, а между тем уже 31 марта Петру привелось сообщить Родиону Христиановичу Боуру следующее: «Понеже подлинно здесь известно, что как гетман Вишневецкой, так и генерал Синицкой конечно приняли сторону Станиславову, того ради надлежит на оных бодрое око иметь и, яко от неприятелей, быть весьма в твердой осторожности»¹⁵². Но око Боура, очень хорошего и оперативного генерала, на этот раз оказалось недостаточно «бодрым»: «достать Синицкого» никак не удалось, пришлось предпринять долгую и нелегкую осаду, с штурмами, подкопами под стены и взрывами их и т.д. Синицкий начал свою новую деятельность с того, что неожиданно напал на русский отряд, везший 40 тыс. руб. казенных денег (по другим показаниям — 30 тыс.), отряд почти весь перебил, а деньги забрал. Он надеялся, заперевшись в Быхове, дожидаться там помощи от шведов. Но не дождался. Быхов был взят в начале июня и по-

что весь сожжен, а Синицкого препроводили в Москву, откуда он уже не вышел. Город Быхов лежал на прямом пути из Польши в Москву, и если бы шведам удалось его выручить, то угроза шведского нападения, и без того висевшая над Россией, очень бы усилилась. Расправой с Быховым был уничтожен важный опорный пункт ожидаемого шведского нашествия.

Таково было беспокойное жолкиевское сидение 1707 г. Петр неоднократно издавал грозные повеления о том, чтобы русские войска не смели обижать поляков, стоящих на стороне России, но отношения не улучшались. И становилось ясно, что если даже посадить на польский престол венгерского князя Ракочи, или принца Евгения Савойского, или Якуба Собесского, или какого-нибудь другого кандидата, особого от этого толку не будет. Наибольшее, чего можно достигнуть, — это безопасного пребывания русского войска в той или иной местности. Но об активной помощи русским не могло быть и речи. И тут не помогло и то, что Петру удалось склонить папу Климента XI отказать в признании Станислава королем польским. Климент XI не расположен был к прямолинейному протестантскому пиетисту Карлу XII, считавшему себя, подобно обожаемому им предку Густаву Адольфу, призванным активно бороться против католической церкви в Саксонии, Силезии, Польше.

С внешней стороны дело было поставлено так, что нового короля должны были избрать сами поляки.

Когда царь сидел в Жолкиеве, в г. Люблине, занятом русскими войсками, заседал «сейм», на который собрались магнаты и шляхтичи, враждебные Станиславу Лещинскому и шведам. Люблинский сейм производил мало впечатления в Европе. Кандидаты один за другим либо отказывались, либо их самих, пообдумав, Петр отстранял. Люблинским голосованиям против Станислава, торжественным обещаниям и заверениям царю никто серьезного значения не придавал: «Царю предстоит утомительная игра (a weary game to manage), потому что, может быть, поляки своими открыто проводимыми интригами в его пользу только стремятся под рукой выговорить для себя более выгодные условия у Станислава. Потому что полагаться на самые торжественные их заверения — это все равно

что опираться на сломанную палку, которая может пронзить опирающуюся на нее руку»¹⁵³ — так писал Витворт в Лондон 1 января 1707 г., т.е. через три дня после того, как царь прибыл в Жолкиев, где и засел надолго, причем одной из главных его целей была поддержка люблинского сейма и выбор нового короля. Но ничего из всех этих сборов и намерений не вышло.

В зиму 1707 г. русское правительство, учитывая трудность положения и одиночества в страшном единоборстве с могущественнейшим врагом, искало союзов, шло на всякие милости и любезности по отношению к враждебным Станиславу Лещинскому полякам, выражало готовность к миру с Карлом, но в одном было совершенно непреклонно: балтийских завоеваний своих не отдавать ни за что: «А чтобы нам всего взятого уступить, о том крепко посланникоф обнадежь, что ни по которому образу того не будет, что господь бог чему ни изволит быть, понеже хуже сего нечему быть»¹⁵⁴. То есть уступка на Балтике была бы хуже всего, даже хуже грозящего нападения Карла XII на Украину и на Смоленск и Полоцк.

31

Именно в Жолкиеве, в первые же дни после приезда 28 декабря 1706 г. сюда Петра, на генеральном военном совете под председательством царя был выработан общий план, который потом и осуществлялся, поскольку это зависело от русских войск. Вот этот план: «Ту же в Жолкве был Генеральный совет, давать ли с неприятелем баталии в Польше, или при своих границах, где положено, чтоб в Польше, не давать: понеже, ежелиб какое нещастие учинилось, тобы трудно иметь ретираду; и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах, и партиями, так же оголоженьем провианта и фуража, томить неприятеля, к чему и польские сенаторы многие в том согласились»¹⁵⁵.

Мысль здесь ясна. Не только немедленно, но и в ближайшие годы русская армия в чужой стране — Польше — не может быть уверенной в победе, а при поражении отступать будет худо, и ей, значит, будет грозить истребление. Следовательно,

армия должна отступать в Россию, где неприятель, в свою очередь, будет рисковать погибнуть в случае поражения. Когда впоследствии шведские летописцы событий вроде Нордберга или Адлерфельда порицали с высоты своего непонимания «варварский» образ действий русских в Белоруссии, на Украине, на Смоленской дороге — всюду, где проходил или ожидался русскими неприятель, — они не подозревали, что решенное в Жолкиеве уже наперед «оголожение» врага, лишение его пропитания и есть один из существенных методов борьбы. Узнали в свое время шведы очень хорошо, что понималось на генеральном совете в Жолкиеве под словами: «а в Польше на переправах и партиями... томить неприятеля», избегая «генеральной баталии». Эти нападения «партиями», небольшими отрядами, чаще всего конными, а иногда и конными и пешими, очень «томили» шведского агрессора впоследствии и до Лесной, и после Лесной, и под с. Добрым, и возле Стародуба, и у Ахтырки, и перед Полтавой. А генеральную баталию в Польше и в Литве так и не дали, как это и было решено в Жолкиеве и как определенно было сказано, что именно *в Польше* избегать генеральной битвы. Что в самой России, куда уже тогда собирался со временем пойти неприятель, дело непременно дойдет до решающего боя — это было ясно само собой.

Еще за несколько лет до выработки в Жолкиеве общей стратегической программы на совещании 28 декабря 1706 г. Петр уже имел случай сказать: «Искание генерального боя зело суть опасно, ибо в один час может все дело опровержено быть».

И все, что было выработано и обдуманно в Жолкиеве, последовательно проводилось затем в 1707—1708—1709 гг. Самое любопытное в военной истории 1707—1709 гг. — это абсолютное нежелание и бессилие Карла и его штаба (в том числе и генерал-квартирмейстера Гилленкрока) понять всю зрелую обдуманность действий русского командования, весь этот далекий прицел, который привел в сентябре 1708 г. к Лесной, а в июне 1709 г. — к Полтаве. Сколько «побед» радовали Карла, Реншильда, Пипера, Акселя Спарре, Левенгаупта, Лагеркرونну в эти годы! Сколько раз они издевались над «вечно» отступавшими русскими! Только месяца за три до Полтавы начал

несколько утихать этот веселый смех в шведской главной квартире...

28 мая 1707 г. внимательный и снабженный большим шпионским аппаратом в Москве английский посол Витворт доносил в Лондон, что укрепляется Дубно, что в Киеве остается всего лишь 6 тыс. человек, а главным театром войны будет Литва и основная армия собирается на Висле. На Днепре же — в Смоленске и Могилеве — создаются большие склады припасов. «Выдают, будто готовы рискнуть дать сражение шведам, а если будет неудача, то постараются вести войну по-татарски и довести неприятеля до гибели от голода (to starve), если не будут в состоянии разбить его». И посол утверждает, что, судя по царским приказам, привезенным в Москву (Мусин-Пушкиным, которого Витворт называет Пушкиным), царь хочет вести войну с большей силой, чем до той поры¹⁵⁶.

И это происходило летом 1707 г., когда в Польше Станислав укреплялся все больше и больше; когда воевода Синицкий изменил русской группировке и, захватив деньги, назначенные Вишневецкому, перебил русский конвой и с несколькими тысячами войска перешел на сторону шведов; когда ждали больших и опасных для России боев в Польше и когда, наконец, Австрия, Пруссия, Англия признали или готовы были, несмотря на все убеждения Петра, признать Станислава польским королем.

Весной 1707 г. шведская армия начала переходить из Саксонии в Польшу, и уже ни для кого не было тайной, что ближайшей целью Карла будет поход на Москву. Шведская армия поотдохнула в богатой Саксонии и была в полной боевой готовности. А победы над датчанами, русскими, поляками, саксонцами долгие годы поддерживали уверенность шведов в своем превосходстве над всеми врагами.

Правда, как раз победы над русскими уже никак нельзя было назвать «непрерывными». Нет, перерывы случались неприятнейшие, и не один, и не два, и не три раза, еще задолго до грозной встречи под Лесной. В 1702 г. Шереметев жестоко разбил Левенгуапта под Эрестфером, в 1704 г. произошла так называемая вторая Нарва, т.е. страшное поражение шведов и кровопролитное взятие нарвской крепости петровскими войска-

ми. Эта крупная русская победа 1704 г. уже сама по себе могла загладить или, во всяком случае, сильно смягчить воспоминание о первой Нарве 1700 г. А сколько было с тех пор крупных и мелких стычек на Балтийском побережье, когда, правда, были и отходы и временные неудачи русских, а все-таки в конце концов город за городом русские забирали у шведов, когда никакими усилиями нельзя было ни вернуть от русских эти потерянные позиции, ни отнять или разрушить возводимые Петром новые города и укрепления.

Эти неудачи до странности мало влияли на шведского короля и его армию. Солдаты главной армии просто очень мало знали о том, что творится в Ингерманландии, в далекой Эстляндии, в Ливонии, в еще более далекой Карелии. Они помнили только о первой своей встрече с восточным врагом под Нарвой в 1700 г., а потом их повели воевать в Польшу, в Саксонию, опять в Польшу, и здесь, кроме побед, они почти ничего и не видели. Конечно, и здесь были неприятные (и даже очень неприятные) эпизоды, например битва под Калишем 19 октября 1706 г., когда Меншиков наголову разбил шведов и соединившиеся с ними польские ополчения из Литвы.

Но все-таки в конце концов среди этой польской многолетней сумятицы и неразберихи, в этой междоусобной войне между двумя польскими королями — русским ставленником Августом и шведским — Станиславом Лещинским — последний оказывался «победителем» после Альтранштадтского мира, и уверенность в непобедимости короля Карла XII росла среди его солдат. Что касается самого Карла, то он раз навсегда отмахнулся и отделался крылатым словом, которым он отвечал на беспокойные представления и напоминания генералов о закладке Петербурга, об укреплении Кроншлота, о русских верфях: «Пусть строит, все равно все это будет наше...» Вовсе не туда нужно идти, по мнению Карла, где закладывалась на ингерманландском болоте какая-то новая столица, а нужно с оружием в руках войти в настоящую, в старую, столицу, в Москву, и там подписать победоносный мир. Таковы были настроения шведского короля, когда уже сделанный путь от Стокгольма до Дрездена и от Дрездена до Вильны осталось еще дополнить и продолжить дорогой от Вильны до Москвы, где и

произойдет триумфальное окончание походов нового Александра Македонского.

В начале мая 1707 г. Петр, уже выехав из Жолкиева в Дубно, получил тревожное известие о выходе Карла XII из Саксонии в Польшу. Летят немедленно указы Шереметеву, Мазепе, Григорию Скорнякову-Писареву, Алларту, Боуру, Репнину — все указы от 5 мая 1707 г., а на следующий день (6 мая) подробный указ В.Д. Корчмину об укреплении Кремля и Китай-города в Москве: у Никольских и Спасских ворот сделать redan, а за рвом у Спасских ворот еще контрэскарп, от Неглинной до Москвы-реки сделать везде бульварки и контрэскарпы и устроить, где нужно, артиллерию для обороны города¹⁵⁷. За известием о выходе Карла из Саксонии последовало и другое: шведы намерены идти к Киеву. Петр уведомляет об этом гетмана Мазепу 11 мая 1707 г.¹⁵⁸.

Обращаясь к герцогу Мальборо и снова к Анне, королеве английской, за посредничеством, царь дал Шафирову и краткую инструкцию об условиях. Во-первых, можно согласиться вернуть шведам Дерпт. «Ежели тем довольны не будут», то, не возвращая шведам Нарву, уплатить за нее денежную сумму. Но если они на это не согласятся, то отдать и Нарву, «хотя б оною і уступить (аднакож (sic — *E, T.*) сего без описки не чинить)», т.е. оговорить сроки и другие условия. Но об отдаче шведам Петербурга даже и не думать («ниже в мысли иметь»)¹⁵⁹.

О широчайших замыслах Карла XII знали давно, поэтому очень энергично укрепляли и старую столицу.

Осенью и зимой 1707 г. до 20 тыс. человек усиленно работали над укреплениями вокруг Москвы и в самом городе. Строились бастионы и вместе с тем формировались полки из московских жителей. Заблаговременно готовились к шведскому нашествию. За Днепром и Двиной возводились сильные укрепления¹⁶⁰. Эти наблюдения и известия внушали иностранным резидентам, даже осторожному и довольно осведомленному Витворту, превратные понятия о близкой для русской столицы опасности. Точно так же он повторяет рассказы шведов о «паническом бегстве» русской кавалерии (зимой и в начале весны 1708 г.) от любого отряда шведов или служащих у

них волохов¹⁶¹. И Витворт и шведы не знали ни о жолкиевском плане вообще, ни о том, что Петр и его генералы совершенно намеренно и сознательно не желали ввязываться в бой ни в Польше, ни в Литве и что кавалерии, как и другим частям, воспрещено было впредь до особого приказа начинать сражение. Эта мнимая «паника» русских кавалерийских разъездов тоже сыграла свою роль в роковом для Карла заблуждении и заставила его ускорить приготовления к вторжению в Россию. Слишком поторопился Витворт иронически жалеть «бедного царя», the poor czar, как он его называл иногда в своих донесениях перед сражением под Лесной.

Тревожные слухи шли из Москвы.

У нас есть очень краткий, чрезмерно скупой на слова, но правдивый документ, случайно найденный и изданный Туманским в 1787 г. и в более исправном виде — в 1840 г.: «Записки Желябужского». Желябужский имел в начале царствования Петра чин окольного, побывал воеводой в Чернигове. Писал он очень краткий, почти лаконичный, дневник, явно только для себя. Вот как отразилась в этих немудрящих записях московская тревога при слухах о готовящемся шведском нашествии. «Июня в 1-й день (1707 г. — *Е.Т.*) повешали делать к валовому делу о работниках: в Китае (Китайгород. — *Е.Т.*), и в Кремле делать вал и рвы копать.

А июня 10 числа зачали делать и брали со всякого московского двора по 2 человека работников, и из города брали жь».

Также укреплялись Можайск, Серпухов и Троице-Сергиев монастырь. Эти спешные и обширные работы в Москве и окрестных городах, естественно, усилили тревогу. В Москву стали посылать «почту» успокоительного характера, исходящую от царя и правительства. Вот что читали москвичи 19 июня 1707 г.: «Известно нам здесь учинилось, что у вас на Москве немалой страх произошел оттого, что стали крепить московские городы, и то нам зело дивно и смеху достойно, что мы час от часу от Москвы дале, а вы в страх приходите, которого в то время не было, когда неприятель у нас в глазах был во время гродненской осады, когда мы в самом состоянии и в московских рубежах были». Петр, Меншиков, Алларт и другие генералы считали (и вполне справедливо) большим сча-

ствием спасение гродненской армии, так долго осаждавшейся Карлом XII и удивительно искусно выведенной из-под грозившего ей сокрушительного удара, и они правильно намекают, что если бы шведам удалось перебить или взять в плен армию в Гродно, то прямая опасность грозила бы русским рубежам. Тогда скорее были основания страшиться. Тогда, но не теперь, не в июне 1707 г. «...ныне при помощи божией, в таком наше войско состоянии, что еще никогда такова не бывало, и неприятель не точию нас страшит, но и сам весьма в великом страхе суть, а паче от Калишской преждебывшей счастливой баталии в непрестанном сумнении пребывает...» Воззвание проникнуто усиленным оптимизмом: «...мочно вас рассудить и в безопасности быть, что не к нам неприятель приблизился, но мы к нему, и не мы его боимся, но он нас. Чего ради настоящую страсть (страх. — Е.Т.) конечно надлежит вас отставить...» Но укреплять города все-таки нужно, потому что «осторожного коня и зверь не вредит»¹⁶².

Приободрить встревоженную столицу было, конечно, необходимо, но тон был слишком наигранно веселый. Петр и его ближайшее окружение знали хорошо, что предстоит еще очень долгая борьба, и притом такая, когда еще неоднократно придется, согласно только что выработанному в Жолкиеве плану, отступать к русским рубежам.

12 января 1708 г. последовал указ Петра о том, чтобы «московские всяких чинов люди московские жители, где которые чины ведомы сказать, что они в нужной случай готовы были все и с людьми»¹⁶³. Указ относился прежде всего к дворянам, которые должны были по первому же требованию быть готовы явиться в армию со своими «людьми», т.е. крепостными. Этот указ стоит в связи с рядом мер по укреплению Кремля и других мест как в центре, так и на окраинах столицы, которые были предприняты правительством уже в 1707 г., а отчасти еще в 1706 г. В Москве должно было образоваться в случае приближения врага свое особое ополчение, независимо от регулярных вооруженных сил, уже бывших наготове.

Наступал 1708 год, принесший с собой начало шведского нашествия на Россию.

ГЛАВА II

Шведское вторжение в пределы России.

Битва под Лесной.

Начало народной войны против шведов

1

Поход на Россию, который должен был одним, мощным и быстрым ударом смести Русское государство с лица земли и заменить его удельными княжествами, был замышлен Карлом давно, по крайней мере в общих чертах. После блестящих успехов шведов в Польше и Саксонии, после победы под Фрауштадтом и ухода Августа в Саксонию для Карла и его окружения программа была ясна.

Решение вопроса — в захвате Москвы, после чего можно спокойно вернуть уже без борьбы всю занятую русскими Прибалтику. Это и будет быстрым и прочным успехом, грозным ударом, от которого русские уже никогда не оправятся.

Чтобы понять всю степень высокомерного легкомыслия, с которым Карл XII после своих успехов в Польше и Саксонии стал относиться к русскому врагу, достаточно вчитаться в один документ и поглядеть, как король третирует русскую армию, готовясь к походу на Россию. Он сидит пока в Альтранштадте и грозит вторгнуться в Австрию (в «наследственные владения» императора Иосифа I), и когда королева английская Анна просит его от этого воздержаться (так как в противном случае

Иосиф I должен был бы прекратить борьбу против Людовика XIV), то Карл XII отвечает ей 25 июня 1707 г., повторяя угрозы против Австрии. Почему же он так зол на Австрию? Он не хочет долгих переговоров, «потому, что это снова (?) даст москвитам возможность ускользнуть... хотя я имею право их требовать (*les réclamer*), и вопреки надежде, которую мне подали, отдать их в мои руки (*me les livrer entre les mains*)»¹. Т.е. он, северный Ахиллес и Александр Македонский, недоволен, что опять эта готовая добыча «ускользнет» и он не заполучит ее в свои руки. Мания величия все более и более овладевала этим человеком.

Он свободно прошел через Силезию, принадлежавшую австрийскому императору, и тот был радешенек, что Карл XII там не остался, а удовольствовался тем, что император особым договором обязался не стеснять ничем лютеранской веры в Силезии, обязался перед ним, Карлом XII, с которым он вовсе и не воевал. Это был момент, когда Карл XII делал в Северной, Средней и Юго-Восточной Европе почти все, что хотел. Перед ним трепетали монархи вроде австрийского императора, его слава начинала затмевать славу его знаменитого предка Густава Адольфа, героя Тридцатилетней войны, которому он старался подражать. Вот только еще оставалось справиться с этими москвитами, которые все «ускользают» и прячутся! Они, конечно, будут разбиты: вся трудность только в том, чтобы их поймать, получить «в свои руки» (как он выражался в письме к королеве Анне), вовремя захлопнуть мышеловку.

В Литве (в Гродно и других местах) у Карла XII было больше 40 тыс. человек уже в конце 1707 г. Предполагалось, что летом 1708 г. к этой главной армии подойдет корпус Левенгаупта, стоявший в Курляндии и пополнявшийся рекрутами из Швеции. Предполагалось, что Левенгаупт приведет 15–20 тыс. человек. На самом деле к моменту выступления его корпуса в поход у Левенгаупта было 16 тыс. Они должны были служить охраной громадного обоза, который Левенгаупту поручено было доставить в армию Карла перед его вторжением в Россию. В Померании, частично в Прибалтике и Польше стояло гарнизонами около 30 тыс. с лишком человек, но они не должны были принять участие в походе на Москву. Их приходи-

лось оставить там, где они были, чтобы сохранять эти территории под шведской властью. Карл настолько был уверен в быстрой и легкой победе над Россией, что без малейших колебаний решил оставить 9 тыс. генералу Крассову не для охраны Швеции, которой никто не грозил, а так, на всякий случай, прежде всего для ограждения крайне шаткого польского престола Станислава Лещинского. Для похода на Москву и полного завоевания России и покорения всего русского народа Карлу показалось за глаза достаточно 35—36 тыс. человек.

28 января 1708 г. Карл XII вошел в Гродно, а оттуда двинулся в Сморгонь. Завоевательный поход начался. В документах кабинета Петра есть определенные свидетельства об усилиях русской дипломатии еще в январе 1708 г., когда предстоящее шведское нашествие на Россию уже было несомненно, вступить вновь в союзные отношения с королем Августом. При этом и Август, осмелевший ввиду перспективы предстоящего долгого отсутствия Карла, уже завел тайные сношения и в Берлине и в Вене. Андрей Артамонович Матвеев делал в это же время попытки вовлечь в «великий союз» также Голландию и Англию, но дело не двигалось, и обе морские державы старались свалить друг на друга вину в этом². Ничего из этих попыток не вышло.

Русские весной 1708 г. не знали точно ни когда Карл пойдет, ни куда он пойдет: на северо-восток выбивать русских из Ингрии, или на Смоленск — Можайск — Москву; затем до середины сентября никто не знал, куда он двинется из Старишей, будет ли продолжать свой путь на Смоленск, или пойдет на юг, круто повернув под прямым углом, на Украину.

В Сморгони, где Карл пробыл больше месяца с начала февраля 1708 г. до середины марта, и затем в Радашковичах, местечке к северо-востоку от Сморгони, где король оставался с середины марта до начала июня, Карл, с одной стороны, собирал необходимый запас провианта (причем собрал очень недостаточно), а с другой стороны, устанавливал план действий в предстоящей войне. Что провиант собирался наскоро и небрежно, это казалось тогда не так и важно; знали, что Левенгаупт усердно собирает свой колоссальный обоз в Курляндии, Литве, польской Восточной Пруссии и уже в начале похода

приведет его к армии. Зато обсуждение планов предстоящего похода не доставляло ничего, кроме удовольствия, и внушало самые радужные надежды. Особенно отрадное впечатление на короля производили сообщения изменника и перебежчика немца Мюленфельса, безмерно много лгавшего о внутренних делах в России. О Мазепе Мюленфельс, конечно, еще ничего не знал, начальные изменнические сношения Мазепы были покрыты глубокой тайной. Но король, сопоставляя фантастические сообщения Мюленфельса со своими секретными данными о готовности гетмана перейти на сторону шведов, поспешил сделать желательный для себя вывод, что не только Украина, но и весь восток России будут приветствовать шведское вторжение.

Для более отчетливой ориентировки читателя в дальнейших движениях шведской армии во время нашествия напомним тут же в самом сжатом виде, через какие этапы вел шведский полководец свою армию к ее плачевному концу.

От Гродно через Лиду и Ольшаны Карл XII прошел в Сморгонь. Около пяти недель он не двигается из Сморгони. Только 17 марта 1708 г. Карл XII выходит оттуда, и на другой день, 18 марта, он уже в Радашковичах, где и остается целых три месяца. Летописец похода и панегирист короля Нордберг дает объяснение этому на первый взгляд загадочному, долгому бездействию: тут оказалось возможным находить пищу. Не то чтобы жители доставляли шведам провиант, ничего подобного! Население закопало все, что у него было по этой части, в землю, и «солдаты сначала с большим трудом открывали склады, устроенные под землей, в которых жители прятали свой хлеб. Но в несколько дней солдаты так наловчились находить эти склады, что почти ни в чем не нуждались». Откопав и съев весь припрятанный от шведов хлеб, армия двинулась дальше.

Эти соображения оказывали влияние и впредь, и если о них забыть, то просто необъяснима будет медлительность действий Карла XII, вовсе не бывшая ни в натуре, ни в практике шведского полководца. Приходит Карл в Могилев 18 июля и сидит там четыре недели. Почему? Нордберг прежде всего приводит ту же причину: «Так как в этом месте хорошие запасы

всякого рода, то король пробыл здесь четыре недели, как для того, чтобы сделать запас, необходимый для пропитания армии на походе, так и затем, чтобы дать раненым оправиться». Битва при Головчине, потери шведов при налетах нерегулярной конницы и расправа крестьян с отстающими все уменьшали численность вторгшейся в Белоруссию шведской армии и понуждали заботиться о возвращении раненых в строй. Наконец, следовало подождать присоединения Левенгаупта с его громадным обозом³. Из Радашковичей путь армии нашествия шел через Минск (начало июня), Березину, Головчин (3 июля 1708 г.), Могилев. Из Могилева (все время имея в виду дорогу Смоленск — Можайск — Москва) Карл XII прошел через Чериков в Стариши (10—15 сентября). Тут намеченный план изменился; решено было, не теряя из вида конечную цель — Москву, идти на Украину, и король круто повернул на юг, не дождавшись Левенгаупта, разгромленного русскими войсками при Лесной 28 сентября 1708 г.

Пройдя через Кричев, шведская армия вступает в Северскую Украину (15 сентября — середина октября). Ближайшей (очень настоятельной) целью шведского верховного командования стали поиски подходящего города для устройства главной квартиры и для временного расположения армии. Эти поиски долго не могли увенчаться успехом: ни Стародуба, ни Новгорода-Северского они взять не могли и не решились даже совершить нападение на эти важные пункты. Оставалось после прибытия к шведам Мазепы (24 октября) идти в его столицу, богатый Батурин. Но 2 ноября 1708 г. Меншиков разгромил и сжег Батурин дотла, вывезя большое количество оружий и не очень много припасов, уцелевших при разгроме города. От развалин Батурина, мимо которых прошла шведская армия, Карл по совету Мазепы пошел в Ромны (середина ноября), а затем, спустя несколько недель (18 декабря), в Гадяч. Отсюда Карл XII имел в конце декабря намерение возобновить движение на восток по направлению к тогдашней ставке Петра в Лебедине. Но отчаянное сопротивление в лежавшем по дороге Веприке (6 января 1709 г.) заставило изменить план и пойти в Зенков, а оттуда в Опошню. Из Опошни и было предпринято опустошение городов и местечек Слободской Украи-

ны по линии: Опошня, Ахтырка (которую ни взять, ни даже осадить уже не было сил), от Ахтырки — на Краснокутск и Коломак и возвращение в Опошню (январь—февраль 1709 г.). Ближним намерением становится овладение Полтавой. Из Опошни король с армией постепенно продвигается к югу: сначала в Будищи и Жуки (середина марта — конец апреля) и, наконец, под полтавские валы, где с конца апреля и располагается лагерь для долгой и безуспешной осады города.

Три месяца (начало апреля — конец июня) Карл стоит под Полтавой — и 27 июня 1709 г. терпит в открытом бою с близко придвинувшейся к его лагерю русской армией страшное, уничтожающее поражение. Затем — двое с половиной суток бегства остатков армии с королем во главе в Переволочную, и 30 июня 1709 г. бегство Карла XII за Днепр, в турецкие степи, и безусловная сдача брошенных им остатков шведской армии отряду Меншикова.

Таков маршрут шведской армии от начала ее нашествия до ее печального конца.

2

Богатая документация, изданная и отчасти обработанная А.З. Мышлаевским, хотя она относится больше всего не к тому театру военных действий и не к тому периоду, которым мы тут занимаемся, дает ряд ценных указаний, оставленных, к сожалению, без внимания подавляющим большинством историков, писавших о Полтаве. Их явно отпугивало самое название сборника этой документации, уводящее мысль от Полтавы к Выborgу и Петербургу⁴. Но нельзя понять успеха под Полтавой, игнорируя тот грозный для России факт, что враг, желавший ее уничтожить в Москве, одновременно готов был броситься на нее не только с запада, но и с севера. Петр, выигравший Полтавское сражение как стратег и тактик, выиграл его задолго до 27 июня 1709 г. именно как большой стратег.

В начале 1708 г. русское командование должно было считаться с тремя вариантами нападения шведов на Россию, и каждый из этих вариантов мог выразиться в виде одновременной двойной атаки: на Москву и на Петербург. В распоряжении

русского командования была налицо армия, состоявшая из двух группировок: полевая армия в 83 тыс. человек и ингерманландский корпус (Апраксина) у Петербурга в $24\frac{1}{2}$ тыс. человек. В общем — $107\frac{1}{2}$ тыс. человек. Войска были распределены так, чтобы в любом варианте и в любом из двух направлений каждого варианта быть численно сильнее неприятеля. Петр знал, что хотя численно войска шведов в 1708 г. уступают русским (считалось, что у Карла для начала похода было в общем для обоих ударов вместе — с запада и с севера — 63 тыс. человек), но шведская армия была прекрасно обучена, обладала многочисленным, очень тренированным в долгих походах составом нижних чинов и офицеров, была одурманена долгими победами, которые ей удавалось одерживать, верой в таланты, энергию, неустрашимость, вечную удачу Карла XII.

Основных направлений, по которым можно было предполагать движение неприятеля, было два: на Москву и на Петербург. Первое направление защищалось главной полевой армией (фельдмаршала Б.П. Шереметева), второе — ингерманландским корпусом Апраксина. Но в полевой главной армии был корпус генерала Боура ($16\frac{1}{2}$ тыс. человек), который стоял в Дерпте с таким расчетом, что в случае нужды он должен присоединиться либо к остальной (шереметевской) армии, либо к адмиралу Апраксину и, поступив под его начальство, помогать Апраксину на ингерманландском фронте⁵.

Таким образом, если Карл XII из Польши с Левенгауптом, стоявшим в Риге, соединясь, пойдут на Псков и, значит, на Петербург, то против 51 тыс. шведских войск у Шереметева будут все 83 тыс. русской главной полевой армии, а так как в таком случае одновременно против Петербурга двинется и Любекер от Выборга со своими 12 тыс. шведов, то против него выйдет адмирал Апраксин со всем своим ингерманландским корпусом ($24\frac{1}{2}$ тыс. человек), и у русских, таким образом, будут все $107\frac{1}{2}$ тыс. против 63 тыс. шведов.

Если Карл XII выберет другой вариант и, соединясь с Левенгауптом, пойдет на Могилев (к верхнему Днепру) со своими 51 тыс., то против него будут все те же 83 тыс. Шереметева, а если Любекер пойдет в это время против Петербурга, то его нападение будет встречено Апраксиным с тем же ингерманланд-

ским корпусом в $24\frac{1}{2}$ тыс. Наконец, можно было предвидеть и третий вариант шведского комбинированного наступления: Карл XII наступает к Могилеву, но одновременно король приказывает Любекеру и Левенгаупту, стоящему в Риге, соединенными силами ударить на Петербург и Ингерманландию. Тогда меняются все цифровые расчеты: 16 тыс. Левенгаупта в соединении с 12 тыс. Любекера дадут шведам силу в 28 тыс., и Апраксин со своими $24\frac{1}{2}$ тыс. окажется в меньшинстве. Поэтому при таком варианте стоящий в Дерпте корпус Боура (16 тыс.) немедленно присоединяется к Апраксину ($24\frac{1}{2}$ тыс.), и у русских окажется для обороны Петербурга и Ингерманландии $40\frac{1}{2}$ тыс. против шведских 28 тыс. Правда, без корпуса Боура, который уйдет к Апраксину и станет под его командование, главная полевая армия Шереметева уже будет равна не 83 тыс. человек, а всего 67 тыс., но зато и основная армия Карла, лишившись поддержки Левенгаупта, который уведет на северо-восток свои 16 тыс., будет равна уже не 51 тыс., а всего 35 тыс.⁶.

Мы видим, как зрело и всесторонне была обдумана дислокация русских войск. Конечно, как и всегда в таких случаях, игра отчасти была втемную, потому что ни математической точности при исчислении неприятельской армии, ни уверенности в том, что к Карлу не перебросят из Швеции подкреплений, быть не могло. Точно так же нельзя было никак предвидеть, не придет ли Станислав с поляками на помощь Карлу и можно ли русским очень крепко верить в «дружественного» литовского коронного гетмана Синявского и в нерушимость его преданности русским интересам. Словом, много было невесомостей и непредвиденных опасностей и волчьих ям на русском пути. Но все, что можно было сделать при этих трудных условиях, было сделано.

Долгое время никто не мог знать, и не было для того никаких прочных данных, чтобы понять, на каком из трех вариантов двойного нападения на русские границы остановится шведский король. «Зело, государь, имеем печаль, что не имеем ведомости о неприятеле, где обретается, и в какую сторону наклонен»⁷, — жаловался царю адмирал Апраксин. Но это

беспокойство обуревало тогда, в начале 1708 г., не только его, но и Шереметева и особенно Боура, который должен был всегда быть в полной готовности идти из Дерпта куда прикажут, по двум совсем разным направлениям: к Апраксину на северо-восток или к Десне и Днепру на юго-запад. Апраксин чувствовал себя в эти первые месяцы 1708 г. не вполне уверенно и нередко «приходил в великую конфузию»⁸. Очень уж далеко был он заброшен от царя и Шереметева. Но Петр не забывал, в какой опасности его «парадиз» на Неве, и его стратегическая мысль работала неустанно.

Петр знал, что у Карла XII войска ни в каком случае не хватит, чтобы сколько-нибудь обеспечить свои сообщения. Он внимательно изучал походы и «военную манеру» и навыки шведского полководца. Еще в начале июля 1708 г., когда Петр считал уже, что «по прочим всем видам намерение ево (Карла. — *Е.Т.*) на Украйну», он предписывает Мазепе послать всю конницу в тыл к неприятелю: «Мы всегда у оного (неприятеля. — *Е.Т.*) потщимся перед брать, а ваша конница всегда б сзади на неприятеля была и все последующие люди и обозы разоряли, чем неприятелю великую диверсию можете учинить»⁹.

3

Раньше чем мы приступим к систематическому изложению периода нашествия 1708—1709 гг., коснемся событий, происходивших в самом начале шведского вторжения и развивавшихся независимо от действий главной королевской армии в Литве, в Белоруссии и на Украине. Мы имеем в виду, во-первых, шведское нападение на русское Поморье на далеком севере и, во-вторых, затеянный с определенно диверсионной целью поход генерала Любекера на Петербург.

У нас есть ряд документов, сообщающих о нападениях шведов на русские селения далекого севера в самом начале 1708 г. Было ли это началом осуществления крупной диверсии, мы не знаем. Во всяком случае, дело ограничилось жестокостями, грабительством и издевательством над беззащитным населением разбросанных по пустынному далекому краю русских де-

ревень. Кольский край, Соловецкий монастырь были под прямым ударом.

В ночь на 23 января 1708 г. «неприятельские шведские люди» числом 300 ворвались, уничтожив караулы, в Лендерскую четь, «многие дворы выжгли, а людей замучили и посекали, а иных в полон с пожитками их поймали и разорили». Шведам тем удобнее было это сделать, что крестьяне там «живут одиночеством, от деревни до деревни верст по сорок и пятьдесят». Под ударом были и «всякой шкоды и разорения» себе ждали все вотчины Соловецкого монастыря. О самом монастыре беспокоиться не приходилось, шведы его взять никак не могли, но окрестные деревни были в такой же опасности, как и весь Кольский край в своих поморских частях¹⁰.

Шведы совершенно правильно расценивали серьезнейшее значение Архангельска для всей русской экономики вообще и для финансового хозяйства России в частности. Сначала речь шла о завоевании Архангельска нападением с суши, через северо-восточную часть Финляндии. Затем некоторое время носились (в 1701 г.) с планом генерал-майора Стюарта: он предлагал посадить отряд в 12 тыс. человек на суда и провезти их по Неве и Ладоге, а оттуда по Свири и Онежскому озеру в Повенец. Из Повенца отряд должен был пройти к Архангельску и, расположившись лагерем недалеко от города, подождать прибытия шведской эскадры с десантом, после чего и предпринять штурм города. Очень характерны и вполне подтверждают только что высказанное выше мнение о сравнительно большей осторожности Карла в первые годы войны те причины, которые заставили тогда короля отказаться от плана Стюарта: решено было, что слишком опасно вести шведский отряд от Повенца до Архангельска вследствие неминуемых «нападений со стороны русских крестьян»¹¹. Русских крестьян шведы пока видели только между Псковом и южным берегом Чудского озера и все-таки уже начали их остерегаться. Карл, на свою беду, забыл эту осторожность в 1708 и 1709 гг. Но, отвергнув план Стюарта, Карл вовсе не отказался от нападения на Архангельск. Решено было действовать исключительно морскими силами и, следовательно, не завоевывать город, а разорить и сжечь его. В марте 1701 г. Карл подписал приказ о снаряжении экспеди-

ции из восьми военных судов против Архангельска. Эскадра должна была отплыть из Швеции, и ей повелевалось: «Сжечь город, суда, верфи и склады припасов, после того как высаженное войско, согласно военному обычаю, все ограбит, возьмет пленных, уничтожит или разрушит все, что может быть способно к сопротивлению. Эта задача, надо надеяться, *с божьей помощью* будет выполнена». «Без бога — ни до порога» — всегда было лозунгом благочестивого короля Карла, особенно когда он отдавал подобные распоряжения.

Но на сей раз божья помощь сильно запоздала. И затеянная таким образом серьезная диверсия потерпела полную неудачу.

Вторая диверсия в 1708 г. оказалась столь же неудачной.

Англичане продолжали и в 1708 г. вести торговлю с Архангельском, но, конечно, им приходилось избегать встречи с шведскими судами. Так, 15 июля 1708 г. в Архангельск пришли английские суда, сообщившие архангельскому воеводе князю П.А. Голицыну, что за ними гнались два военных корабля из эскадры в шесть судов, которые они усмотрели в море. Торговля, по-видимому, была по-прежнему очень оживленной, потому что воевода Голицын даже вел переговоры с «корабельщиками» разных государств относительно того, не могут ли их люди (т.е. матросы и служащие) включиться в подготовку обороны города Архангельска. Эта просьба не могла показаться странной представителям торгового мореплавания стран, наживавшихся на сношениях с Архангельском. И они представляли только одно возражение (очевидно, речь шла об англичанах): их государство с шведом в войне не состоит, и поэтому они не могут принять участия в военных действиях, но если с шведами будут и французы (союзники шведов), тогда «ежели с ними, шведами, будут в приходе французы, (то) они над ними военного случая искать готовы».

Весь Поморский край ждал шведского нападения и усиленно готовился: строилась в Архангельске новая крепость, к защите призывались в Холмогорах, у Пудожского устья, в Двинском уезде посадские люди и крестьяне; бурмистрам велено было вооружать людей, чтобы у них были: «у всякого ружье, копья, и рогатины, и бердыши, и пищали, и фузеи, и пис-

толеты или у кого какое есть». Гражданское население играло громадную роль в этом крае, где войск было ничтожное количество: «Холмогорцы посацкие люди в службе по Холмогорскому городу вместо солдат в воротах стоят по караулам, а архангелогородцы посацкие люди и уездные крестьяне в работе на судах возят землю и засыпают и крепят устья, а из уезду стрелцы, которые стреляют птицу и зверя охотники взяты к Архангельскому городу, а достальным посацким людям и уездным крестьянам сказано, чтоб они имели всякое опасение и осторожность и были бы во всякой готовности и никуды без указу из домов своих не разбежались»¹².

По указу Петра от 28 июля 1708 г., присланному архангельскому воеводе князю Голицыну, велено крепить оборону и ждать шведов, укреплять Архангельск и «новопостроенные крепости». На Пудожском устье, «где чаянно неприятельского приходу», поставлены были при реке, на берегу батареи и заготовлены брандеры, а на Двине устроен мост (плавучий) «с железной толстой цепью». Но «малолюдство» делало оборону трудной, люди разбросаны по необъятной территории малыми кучками, нет солдат, нет рабочих, нужно строить укрепления и по устьям рек, и на Мурмане, и в Архангельске, и в Холмогорах, а «за малолюдством рабочих людей чинится великая мешкота».

На взморье выезжали русские суда высматривать шведский флот, о прибытии которого носились упорные слухи. За границей тоже считали, что нападение на Архангельск и на все Поморье очень возможно.

28 ноября 1708 г. шведский отряд в 200 человек конницы и пехоты вторично напал на Ребальские погосты в Лендерской чети и разорил дотла, а потом сжег пять деревень, жителей же, которые не успели бежать, шведы перебили всех. Сообщая об этом, жители Ребальских погостов предупреждали, что шведы собираются напасть на Кольский острог, на Кемский городок и другие места.

Любопытно, что один крестьянин с Ребальских погостов совершил опаснейшее дело: «ходил за Свейский рубеж для проведывания вестей», узнал и высмотрел много. Он видел обучение шведских солдат «с ружьем триста человек», и из собран-

ных им сведений можно было извлечь полезные данные о ближайших неприятельских намерениях¹³. О том, что шведы сделали бы с русским лазутчиком, пробравшимся в Швецию, если бы он попался, об утонченных и долгих пытках, ожидавших его перед казнью, ему, конечно, было хорошо известно, когда он шел на свой добровольный опасный подвиг...

С большой заботой ждали на Поморье открытия навигации и наступления лета. Но 27 числа первого летнего месяца 1709 г. под Полтавой произошло великое событие, крайне снизившее военную предприимчивость шведов, и навигационный сезон этого года прошел для поморян вполне благополучно.

4

Второе активное выступление шведов, имевшее несравненно более серьезный диверсионный характер, чем нападения на Поморье, произошло в Ингрии. Генералу Любекеру было приказано напасть на Петербург, взять его и разрушить. Любекер покончит с новой столицей, а король Карл — со старой столицей.

Поход Любекера был решен Карлом явственно под влиянием двух главных мотивов. С одной стороны, угроза Петербургу, конечно, отвлечет часть русских войск от защиты линии Смоленск — Можайск — Москва, с другой стороны, одним ударом будет уничтожен и возникающий флот.

Сам Карл с высоты своего полного высокомерия и непонимания игнорировал русский флот, но он знал, как этим флотом и Петербургом заняты умы кое-кого из его верноподданных, начинавших беспокоиться и, правда, пока почтительнейше и совсем втихомолку роптать в Стокгольме по поводу возникающего вражеского порта и флота на Финском заливе.

С первых же лет Северной войны постройка флота, проходившая в невероятно трудных условиях, не переставала оставаться в центре внимания русского правительства. Создавая армию, вводя первые необходимейшие государственные преобразования, Петр и его сотрудники прекрасно понимали, что без морской силы нельзя и шагу ступить на Балтике.

Правда, с трудом, но быстро строился флот, и хоть много лет прошло, пока он начал наконец играть сначала заметную, а потом и решающую роль в войне, но уже с 1703—1705 гг. его существование никак нельзя было игнорировать.

Конечно, одно дело только «не игнорировать» новое явление, а совсем другое дело — оценить по достоинству его роль в настоящем и учесть его возможное значение в будущем. Ни такой оценки русского флота, ни подобного предвидения в эти годы между Нарвой и Полтавой мы в Западной Европе еще не встречаем.

На самом деле ложно было представление, будто Карл и его генералы так-таки нисколько не тревожились по поводу русских успехов на Неве, на Ладогe, у Копорья. Карл приказал дать серьезнейшую острастку русским в 1708 г. Шведы решили напасть на захваченные русскими территории с двух сторон: с юго-запада — из Эстляндии, и с северо-запада — из Финляндии. Первым двинулся из Эстляндии отряд генерала Штромберга, но его два полка потерпели от войск Апраксина тяжкое поражение.

И тогда-то была совершена попытка нанести очень серьезный удар на устья Невы из Финляндии и со стороны моря, скомбинировав это предприятие с вторжением Карла в Россию. Из Финляндии шел генерал Любекер, в распоряжении которого было около 12 тыс. человек; со стороны моря наступал флот в числе 22 шведских судов.

8 августа войска Любекера, перейдя реку Сестру, подошли к Неве выше Тосны. Одновременно на виду у Кроншлота показались 22 шведских корабля. 29 августа Любекер после очень оживленной артиллерийской перестрелки, продолжавшейся почти три часа, переправился через Неву и пошел искать запасы, собранные в Ингерманландии. Около двух с половиной недель продолжались эти тщетные поиски: русские уничтожили все запасы (кроме тех, которые забрали в Петербург). У Апраксина не было достаточно сил, чтобы напасть с полной уверенностью в победе на Любекера, а у Любекера не хватало сил, чтобы взять Петербург. Шведы занимали берег (ораниенбаумский, как он позже стал называться) и очень долго не знали, что им делать дальше.

Апраксину не очень легко сначала было организовать сопротивление вторгнувшимся шведам. Провианта, правда, у шведов было с самого начала экспедиции очень мало, но и у русских его было совсем немного. А затем и начальник кавалерии иностранец бригадир Фразер вел себя сомнительно: то двинулся к Ямбургу, куда его вовсе не посылали, то вдруг, захватив у шведов провиант, по непонятной причине сжег его. Словом, Апраксин делает вывод: «Для того прошу ваше величество прислать в конницу доброго командира, ежели не противно вашему величеству *известного из русских*» (курсив мой. — Е.Т.).

Но голод в отряде Любекера все усиливался в самой угрожающей степени, и уже 14 сентября Апраксин доносил Петру, что, по словам военнопленного квартирмейстера Врико, «Любекер намерен уйти из Ингерманландии»¹⁴.

У Любекера была сильно потрепанная походом и самым настоящим образом голодавшая армия, перед ним стоял пришедший уже в конце августа шведский флот под командованием Анкерштерна, который так же точно был бессилен взять Кроншлотское укрепление и занять о. Котлин, как сам Любекер был бессилен взять Петербург. Колебания Любекера и Анкерштерна окончились довольно неожиданно. Случилось это так. У Апраксина не было сил покончить с Любекером, но была возможность беспокоить его, нападая малыми отрядами на отделившиеся от главного шведского лагеря части. При одной из таких стычек у Копорья, где шведам удалось одержать верх, они, на беду свою, нашли среди попавшей в их руки добычи письмо графа Апраксина к начальнику этого небольшого русского отряда генералу Фразеру. Апраксин сообщал Фразеру, что он спешит к нему с большой армией на помощь. Это письмо именно затем и было написано Апраксиным, чтобы каким-нибудь путем оно попало к Любекеру и сбило его с толку, потому что в тот момент никакой большой армии у Апраксина не было и в помине, никаких подкреплений он сам не получал и другим послать их не мог. Затея Апраксина увенчалась самым блестящим успехом. Любекер и Анкерштерн поверили в реальное значение попавшего в их руки письма. Все колебания кончились, шведам представилось, что им грозит немину-

емая катастрофа, если они замешкаются. Решено было поскорее посадить армию на суда Анкерштерна и отплыть подобру-поздорову, не теряя золотого времени. Но это решение и привело их к катастрофе. Любекер покинул свой прежний лагерь и перевел свое войско к самому берегу моря. Сюда, в Копорский залив, к деревне Кривые Ручьи, подошли суда Анкерштерна. Началась трудная посадка войск. Чем больше войск оказывалось на судах и чем малочисленнее становился шведский лагерь у Кривых Ручьев, тем смелее русские, находившиеся все время в некотором отдалении, производили свои внезапные нападения. Наконец, когда у неприятеля осталось на берегу лишь около пяти батальонов, Апраксин напал на шведский лагерь и перебил 900, а в плен взял 209 человек. Последние часы посадки имели вид и характер панического бегства. Любекер велел перебить почти всех лошадей, еще оставшихся у шведов после тяжких потерь в этом голодном ингерманландском походе. Шведы впоследствии признавали, что Любекер потерял в провалившейся экспедиции от 4 до 5 тыс. человек и несколько тыс. лошадей.

Провал наступления шведов на Петербург в 1708 г. стал известен в Европе и по логике вещей должен был бы произвести серьезное впечатление. Большая (по тем временам), прекрасно вооруженная шведская армия с обильной кавалерией, поддерживавшаяся большим флотом, полтора месяца воевала против слабых русских сухопутных сил и едва лишь начавшего строиться флота, потерпела без малейших компенсаций тяжелый урон и убралась прочь, боязливо убегая от русских. Однако впечатление от старой победы Карла XII над русскими при Нарве в 1700 г. и новой его же победы над поляками все еще держалось.

Только в Англии начинали подозревать, что какие-то существенные перемены произошли в России со времен Нарвы. И только в Англии внимательно отнеслись к поражению Любекера. Посол Витворт писал в своем донесении в Лондон: «...шведы с боем перешли через реку Неву (had forced a passage) и остановились в Ингрии, вблизи Ямбурга, откуда они установили ежедневные сообщения со своим флотом и после почти шестинедельной остановки, не предприняв ничего, решились переправиться обратно на кораблях, но при этом случае

их арьергард был разбит адмиралом Апраксиным». Далее, со ссылкой на донесение Апраксина, посланное адмиралом из Ямбурга 22 октября, Витворт сообщает, что кроме, 900 шведов, перебитых при последнем нападении, и кроме взятых в плен, оставшиеся разбежались по лесам и были там тоже перебиты или взяты в плен¹⁵. Витворт узнал и об истории с дезориентирующим письмом от Апраксина Фразеру. Но Витворт дает другую версию: «очень странное письмо» (*very odd letter*), сбившее с толку Любекера, было написано будто бы не Апраксиным, а вице-адмиралом Крюйсом, причем Крюйс извещал, что в Нарве у русских 6 тыс. человек, в Новгороде — 5 тыс. пехоты и 12 тыс. драгун, в Ладого — 3 тыс. или 4 тыс. человек и что все эти войска вполне снабжены провиантом. Об этом якобы сам Крюйс рассказывал Витворту¹⁶. Обе версии могли быть правильными: русскому командованию могло показаться более надежным послать не одно, а два таких письма, чтобы быть более уверенным в удаче своей хитрости.

Англичанин очень заинтересовался русским флотом, и он поспешил отправить в Англию добытый им лишь в ноябре «Список судов царского флота, в мае 1708 г. стоявших на якоре в тридцати верстах от Петербурга между островом Ричарда (Ritzard) и Кроншлотом под начальством генерал-адмирала Апраксина и вице-адмирала Корнелия Крюйса»¹⁷. Вот цифры, которые он дает: 12 линейных кораблей с 372 орудиями и 1540 человек экипажа; 8 галер с 64 орудиями и 4 тыс. человек экипажа; 6 брандеров и 2 бомбардирских корабля; мелких судов — около 305.

Все это представляло собой силу, и силу немалую, но одни англичане сколько-нибудь серьезно начинали ее учитывать. И все-таки обстоятельства так сложились, что и для англичан значение этих русских морских сил затмевалось решающими грандиозными событиями, готовившимися на главном театре смертельной схватки. Близилась встреча, от которой зависело политическое будущее и Швеции и России. Конечно, новые и новые сведения, собираемые всякими путями, утверждают британского посла в громадном значении поражения, понесенного Любекером: отныне Ингрия совершенно обеспечена от шведских нападений, позорное бегство шведов выясняется из швед-

ских показаний в еще более ярком виде, чем из русских реляций (не 6 тыс., а 7 тыс. лошадей своей кавалерии уничтожили шведы перед бегством), и т.д.¹⁸. Все это так, но все это еще может быть исправлено победой Карла XII. Точно так же думали и говорили во Франции и в правящих сферах Европы вообще.

5

28 января 1708 г. шведская армия, входя в Гродно, отогнала небольшой русский отряд, которому, впрочем, и приказано было при приближении шведов отступить, разрушив за собой мост. Но мост разрушен не был, так как бригадир Мюленфельс (это его настоящая фамилия, но в документах обычно встречается написание Мюленфельд), один из принятых на русскую службу немцев, оказался изменником. За свое показавшееся подозрительным поведение он был отдан под суд, успел скрыться и предложил свои услуги шведам. Карл XII с ним неоднократно беседовал, и изменник окончательно уверил короля в слабости предстоящего русского сопротивления.

Подобные случаи, как измена Мюленфельса, именно и заставили Петра около того же времени гневно поминать при случае иноземных «дураков» и изменников и все более и более стараться ставить на ответственные военные посты русских людей. Из записок Гилленкрока мы узнаем о дальнейшей роли Мюленфельса. Уже в Сморгони в феврале 1708 г. в свите Карла проявилось разногласие: часть генералов во главе с генерал-квартирмейстером Гилленкроком советовала идти на Псков, а оттуда на Прибалтику, чтобы отвоевывать занятые русскими в 1701—1707 гг. территории; другие же, льстиво угождая королю, вполне одобряли его план идти на Москву. И тогда-то к фельдмаршалу Реншильду явился из русской армии изменник бригадир Мюленфельс, бежавший из-под стражи, и внушил генералам Лагеркроне, Акселю Спарре, Нироту, Хорду и другим, что поход на Москву — вполне выполнимое предприятие. «Король часто посещал фельдмаршала (Реншильда. — *Е.Т.*) и несколько раз беседовал с русским бригадиром, и это меня крайне тревожило», — говорит Гилленкрок.

Любопытно отметить, что, когда еще этот Мюленфельс в ожидании суда сидел в заключении, шесть немецких генералов и офицеров русской службы подали царю просьбу («суплику»), ходатайствуя о милосердии к провинившемуся якобы неумышленно бригадиру, пустившему шведов в Гродно. Петр оказался пронизательнее. Его резолюция гласила: «Ежели бы вышереченной бригадир в партикулярном деле был виноват, тогда бы всякое снисхождение возможно учинить, но сия вина есть особливо в сей жестокой случай, государственного интереса. Того ради инако не может, точию по суду быть»¹⁹.

Мюленфельсу, как сказано, удалось бежать из-под стражи, и он явился в Сморгонь к Карлу XII, которого всячески стал убеждать идти не на Псков и Новгород, а прямо на Москву, суля верную и скорую полную победу.

В шведской исторической литературе сообщениям изменника Мюленфельса приписывается нередко значение чуть ли не главной причины того, почему Карл отказался от своего первоначального плана — идти на Псков — Новгород — Нарву и решил покончить с Россией, нанеся прямой удар в сердце, т.е. идя на Смоленск — Москву. Эти преувеличения должно отбросить. Первоначальный план идти сначала на Псков — Новгород — Ингрию принадлежал больше осторожному графу Пиперу, чем королю, а сам Карл нигде и никому не высказал, что он вполне согласен с Пипером. Но, несомненно, Карл был доволен, что имел повод окончательно пренебречь всякими осторожными советами, опираясь на показания бригадира-перебежчика, который сулил легкую победу при прямом ударе на Москву²⁰. Царедворцы и льстецы вроде Хорда или Спарре не переставали говорить о Москве. Но, конечно, все эти люди только потому и стали играть роль, что услужливо повторяли все, о чем давно уже думал сам Карл. А генерал-майор Аксель Спарре даже придумал тут же, будто какое-то старинное предсказание гласит, что некто из фамилии Спарре будет когда-нибудь губернатором в Москве. Чтобы уже не возвращаться к бригадиру Мюленфельсу, упомянем, что впоследствии вместе с остатками разгромленной шведской армии он был взят русскими в плен под Переволочной 30 июня 1709 г. и немедленно казнен.

Мюленфельс далеко не был исключением. В этот самый грозный момент начала нашествия на Россию, когда едва ли не вся Европа считала русское дело погибшим, «верность» кое-кого из приглашенного иностранного командного состава сильно поколебалась. Явились, например, два капитана по фамилии Саксе и Фок, которые должны были принять участие в одном очень заинтересовавшем шведов плане. Едва ли и самый план не ими был составлен. Речь шла о том, чтобы внезапно похитить царя, царевича Алексея и князя Меншикова. Авторы полагали, что для этого достаточно 100—150 человек, потому что царь бывает без какой-либо охраны вдали от армии. Нужно только, чтобы предводительствовал этой группой человек, который знал бы царя в лицо²¹.

8 февраля 1708 г. Карл XII со своей главной армией вошел в Сморгонь. У него было около 35 тыс. человек, и именно в Сморгони он окончательно решил идти на Москву. Как у него возникла впервые эта мысль и когда возникла, мы в точности не знаем, по-видимому, в 1706 г. Но мы знаем твердо, что именно в Сморгони и в Радашковичах его мысль перестала шведам казаться фантастической и представилась удобоисполнимой. В Сморгони он простоял долго, до 17 марта, а затем перешел в Радашковичи, где и оставался еще несколько недель. Он ждал, чтобы дороги сделались сколько-нибудь проходимыми и проезжими.

И вот тут-то, в Сморгони и затем в Радашковичах, нахлынули в шведский штаб самые бодрящие новости. Весь юг России будто бы объят восстанием, от Волги до Днепра, все ждут не дождутся славного шведского венценосца, прибыли эмиссары от Мазепы, друг Мазепа с 25 тыс. казаков ручается, что могучее казачье воинство и вся Украина сейчас же перейдут на сторону шведов, а в Москве — волнения из-за повеления стричь бороды и т.д. Все эти рассказы, где была смешивалась с небылицей, заставили Карла, уже не колеблясь, объявить своим генералам о главной цели похода — о Москве. А кроме того, в двух шагах от Сморгони и Радашковичей находился собственной своей особой король польский Станислав Лещинский. Правда, кроме своей собственной особы, он пока никого Карлу не представил, но зато обещал сформировать большую

польскую армию и вторгнуться в Киев, а оттуда в Левобережную Украину, где уже ждет могущественный тайный друг — гетман Мазепа. Наконец 31 марта прибыл с докладом в Радашковичи к королю сам генерал Левенгаупт из Риги. Доклад был утешительный. Он, Левенгаупт, деятельно собирает громадный небывалый обоз с провиантом и боеприпасами, и когда соберет, то выступит из Риги и присоединится на походе к королю. «Небольшая» неприятность, заставившая Левенгаупта внезапно вернуться в Ригу гораздо раньше намеченного срока, заключалась в том, что, пока он радовал короля Карла своим докладом, русский генерал Боур уже подходил к Риге. Левенгаупт отбыл в Ливонию спасать Ригу. Но эта неприятность несколько не повлияла на короля, планы которого (повествует его летописец Адлерфельд) остались неизменными, так как угроза Риге, по догадке Карла, должна была служить лишь диверсией, придуманной русскими, которые «в паническом страхе» желали отсрочить вторжение Карла в Россию, неизбежную гибель Русского государства. Итак, Карл решился. Шведы двинулись на Минск, и Петру стало сразу же ясно, что Карл пойдет не на север помогать Любекеру в операциях против Петербурга, а на Смоленск и Москву.

Армия Карла XII, пополненная новобранцами из Швеции и собранная в Польше, состояла к началу нашествия из 43 650 человек. Из них шесть полков Карл решил оставить при Станиславе Лещинском, так как знал, что без этой поддержки Лещинский долго не процарствует, а для «экспедиции против царя» (как выражается Адлерфельд) король предназначил всю остальную армию, т.е. 35 650 человек.

Поход непосредственно к государственной границе России был начат 7 июня 1708 г. из Минска, где Карл XII сосредоточил свою армию. Запасов у него было ровно на три месяца. Но даже и на этот срок не очень хватило, и армии пришлось «подголаживать», еще не дойдя до Могилева. Шведы считали, что их хотят донимать «оголожением» местности, т.е. разорением дороги, по которой они шли. Но они не учитывали другого: ведь по обе стороны дороги были места, где не побывала русская конница и которые она вовсе не затронула и не могла затронуть, потому что не хватило бы ни времени, ни сил, поэто-

му генерал-квартирмейстер Гилленкрок имел, казалось бы, основание рассчитывать на добровольный подвоз и продажу продуктов из этих подальше расположенных деревень. Но здесь уже начала сказываться народная борьба против агрессора. В Литве крестьяне еще доставляли шведской армии продукты, но в Белоруссии ни деньгами, ни насилем ничего почти добыть было невозможно. Значит, должно было рассчитывать исключительно на свой собственный обоз. Карл велел еще до выступления своего из Минска дать знать Левенгаупту, чтобы он, уже давно собиравший громадный, невиданный до той поры в шведской армии обоз, шел из Курляндии и возможно скорее присоединился к армии. Расчет (так казалось) был правильный: запасов, имеющихся у армии в Минске, хватит на три месяца, т.е. с избытком на время, нужное для вторжения в Смоленскую область. А там, от смоленско-польской границы до Москвы, армию будет продовольствовать колоссальный «движущийся магазин» Левенгаупта, и, что еще важнее, Левенгаупт привезет артиллерию и боевые запасы, которых было желательно иметь в возможно большем количестве.

Все эти расчеты оказались неверны. И минских запасов не хватило при полных рационах на три месяца, и Левенгаупт не пришел с обозом вовремя, а пришел с большим опозданием и без обоза, который попал отчасти в лесные чащи и топи белорусского Полесья, а отчасти в руки русского летучего отряда («корволанта») под Лесной.

6

Петр с самого начала был уверен (и это было для того момента совершенно справедливо), что Карл не намерен тотчас идти на Украину. «О переборе неприятельском (чрез Сапежинскую Березину. — *Е.Т.*) и что оной вас тем обманул... о том я уже писал на прошлой почте; и преж сего говаривал, что конечно пойдет к сим места, а не на Украину, что уже и в самом деле явилось»²², — пишет царь Меншикову 28 июня 1708 г. и укоряет Александра Даниловича за легкоеверие, что он принял за чистую монету нарочито распространяемые неприятелем ложные слухи. Сидя в Нарве, Петр гораздо яснее видит всю

обстановку, чем его генералы. Например, ему не нравится позиция Репнина в Могилеве, слишком далеко от Двины. Петр укоряет в допущенных ошибках не только Меншикова, но и фельдмаршала Шереметева в особом письме к нему, писанном в тот же день²³.

Петр ждал, что шведы нападут на Ингрию и Петербург, и что военные действия разыгрываются на севере, в Ингрии, Пскове, и что главная шведская армия так или иначе свяжется с операцией Любекера. Но вот Карл перешел через Березину и двинулся дальше на восток, к Днепру.

Петр с обычной своей проницательностью очень хорошо понял, что Карлу XII удалось пойти той дорогой, которая как раз и была предусмотрена, и что Меншиков напрасно думает, что шведы перейдут Днепр у Быхова и пойдут на Украину. Царь полагал, что даже если они двинутся к Днепру, то и в таком случае они пойдут не на юг, а на север: «Получил я другое письмо (пишет Петр Меншикову. — *Е.Т.*), что неприятель вас обманул и переплавливаетца в ыном месте (через. — *Е.Т.*) Березу... А что тут же пишешь, ваша милость, что швед намерен Днепр перейти ниже Быхова, и в том я также боюсь, дабы равным способом, как на Березе, нас не обманул, и ответчи к Днепру, а сам через Двину к Лукам и далее со всеми своими войсками случитца и отрежет Ингрию»²⁴.

И действительно, в тот момент, в середине июня 1708 г., Карл вовсе еще не думал вести войну на Украине. Почти два месяца еще оставалось до того сентябрьского дня, когда, придя в Стариши, на вопрос Гилленкрока о дальнейшем плане король дал изумивший и испугавший генералов ответ, что «у него нет никакого плана», а затем внезапно отдал приказ поворачивать к югу.

23 июня 1708 г. в Могилеве состоялся большой русский военный совет, «генеральный консилиум». Вот как представляли себе ближайшие шаги Карла при твердо уже решенном скором вторжении в русские владения. Неприятель, «прошед трудные пасы», придет к Днепру и перейдет реку либо в Могилеве, либо в Быхове. Затем предполагалось, что шведы, переправясь через Днепр, пойдут или на Украину, или на Гомель и Смоленск. Тогда, отступя от Днепра «мили по две или по

три», следить за «оборотами неприятельскими» и, отступая, пытаться задерживать его продвижение. А если он переправит лишь некоторую часть, которую возможным найдут атаковать, то напасть на нее. Если же неприятель, не переправляясь через Днепр, пойдет на Витебск, а оттуда «за Двину будет правитца», то и русским снова переправиться на правый берег реки и, «где случай позовет», пересекать ему по возможности путь. Если неприятель пойдет «на Поречье к Смоленску или мимо Смоленска на Дорогобуж», то и нашему войску идти к Поречью. Если неприятель «пойдет глубже к нашей земле», то гарнизонам Полоцкому, Быховскому и Полонному «борониться до крайней меры». Гетману Мазепе «быть при Киеве», а его войскам велено идти к Гомелю и ожидать указа из главной армии, и если неприятель пойдет к Смоленску или к Витебску, то «итти... куда поволено будет»²⁵.

Этот краткий протокол ясно говорит, что, не зная точно, куда направится Карл XII, решено было отступать обороняясь и усилить «до крайней меры» оборону, когда швед «пойдет глубже к нашей земле». По-видимому, наше верховное командование с самого начала подготовки шведов к вторжению больше учитывало, что Карл будет стремиться идти на Москву все-таки не южным путем, а на Смоленск и что войскам Мазепы нужно будет подняться к северу, к Гомелю и Витебску, чтобы искать неприятеля, а не ждать его на Украине. Поворот круто к югу в огромный обход прямого (смоленского) пути к Москве не походил на обычную стратегию шведского короля. Когда переправа Карла состоялась 18 июня ниже Березины Сапежинской, Меншиков писал царю, что он ждал переправы у Быхова и что неприятель намерен «приниматься» на Украину. Но на военном совете об Украине упомянуто было лишь один раз. Да и фактически король пошел вовсе не на Быхов, а именно через Березину с дальним прицелом на Смоленск.

7

Первое крупное столкновение шведов с русской армией состоялось под местечком Головчином.

В ночь с 3 на 4 июля шведы напали на «корпус» Репнина, т.е. на отряд в 5—6 тыс. человек, являвшийся частью левого

крыла русской армии, расположенной между Климковичами и Головчином и находившейся под общим командованием фельдмаршала Шереметева. Битва продолжалась около четырех часов, причем Репнин и командовавший кавалерией генерал Гольц после упорного боя должны были отступить. Репнин был отделен от Шереметева примерно 3 километрами очень болотистой, труднопроходимой местности, и фельдмаршал не мог вовремя его поддержать. Русская кавалерия трижды («тремя волнами», как пишут иностранные историки) атаковала конницу Реншильда, но успеха не имела. Вся армия Шереметева, не участвовавшая в этом бою при Головчине, отступила и соединилась с потерпевшим отрядом Репнина. Как всегда в те времена, обе стороны старались в своих показаниях преувеличивать потерю врага и недооценивать свои собственные. Шведы утверждали, что русских погибло около 6 тыс. человек, а русские признавали лишь 547 убитыми, 675 ранеными и 630 пленными. Шведские потери русские исчисляли в 2 тыс. человек. Во всяком случае, 6 тыс. человек отряды Репнина и Гольца, участвовавшие в бою, уже никак потерять не могли, так как в общей сложности с нашей стороны сражались не более 8—9 тыс. человек, а что русские после упорного боя отступили в порядке, хотя часть обоза и несколько орудий было брошено в болотах, и что панического бегства, при котором больше всего теряют отступающие, не было, это явствует и из шведских, крайне всегда хвастливых, показаний. Но, конечно, победа была на стороне шведов.

Русская армия стала в Горках (Шереметев со всей пехотой, кроме нескольких полков) и в Шклове (вся конница и те пехотные полки, которые отделены были от всей пехоты, стоявшей в Горках).

Победа Карла XII при Головчине была победой тактической. Шведский король, высоко талантливый тактик, в трудных условиях искусно провел и сосредоточил все свои силы против Репнина, миновав главные русские воинские соединения, удачно распоряжался в бою, обнаружил, как всегда, личное полное бесстрашие. Все это так. Но, как всегда, наступил момент, когда стратег должен был решать, как использовать одержанную победу в общих интересах всей кампании, т.е. ког-

да тактик должен был уступить место стратегу. И тоже, как всегда, обнаружилось, что выдающийся, талантливый тактик и решительный, бесстрашный воин Карл XII оказался совсем плохим политиком и что поставленная им себе и своей армии основная политическая цель нереальна, недостижима при имеющихся в распоряжении шведов силах. А при такой постановке невозможной политической задачи найти хорошее стратегическое решение было мудрено, даже если бы шведский король был так же щедро одарен от природы стратегическими талантами, как был он одарен талантом тактика. Самые восторженные шведские почитатели Карла XII всегда признавали, что все чисто военные ошибки и неудачи шведского короля случались с ним в области именно не тактики, а стратегии. Но, повторяем, при роковой, порочной и непоправимой ошибке в постановке основной политической цели даже и гениальный стратег не может иметь окончательного успеха. Это спустя сто лет после Северной войны доказал на своем примере Наполеон.

Вот Карл в Могилеве, который он занял после битвы при Головчине, он велит навести мосты через Днепр, переходит через реку. А что же дальше?

Выбраться из болот, идти прямой дорогой на Смоленск — Можайск — Москву. Так ожидали и в русской ставке. Петр приказал царевичу Алексею немедленно ехать в Дорогобуж и Вязьму, организовать там склады провианта для армии и укрепить подступы к этим городам. И Алексей уже 11 августа выехал туда. Конечно, подобное движение к цели по прямой линии, движение молниеносное, больше всего соответствовало тому, что можно называть стратегией Карла XII. Победа при Головчине окрылила и короля и его штаб. Если удалось отбросить русских, загораживавших путь к Днепру, и затем перейти со всей армией беспрепятственно на левый берег реки, то почему же нельзя идти дальше, одним-двумя сражениями отбросив в сторону русских, если они попробуют заградить путь к Москве? Но тут представилось затруднение. Русские создадут пустыню и до Смоленска, и за Смоленском, и шведская армия погибнет от голода, если идти, не дождавшись Левенгаупта с его колоссальным обозом.

Хотя победа под Головчином досталась шведам довольно дорого, Петр был крайне недоволен командным составом, винил Репнина и Чамберса в важных недосмотрах, ошибках и небрежностях и даже предал их военному суду, который и признал их виновными. Репнин и Чамберс были разжалованы²⁶. Но Петр впоследствии помиловал обоих, и они выслужились. Царь обоих ценил как храбрых и дельных генералов, но не желал оставлять без внушительного урока начальников, оплошавших в той или иной мере в такую грозную военную годину.

«Головчин оказался тем местом, над которым в последний раз возшла звезда счастья Карла XII», — признает шведский историк Кнут Лундблад²⁷. Дальше короля ждал долгий, мучительно трудный осенний, зимний и весенний поход, с бесконечными отступлениями русских малых кавалерийских партий, причем каждое такое отступление Карл и его штаб спешили регистрировать как победу. Но после Головчина Карл XII встретился с русской армией в настоящем большом бою, где он лично командовал, лишь спустя одиннадцать месяцев — под Полтавой.

За эти одиннадцать с лишком месяцев между Головчином и Полтавой у шведов была лишь одна очень крупная битва, но Карл в ней не участвовал лично; это было тяжкое поражение Левенгаупта под Лесной. Один из военных историков, писавших о Головчине (фон Галем), сказал по поводу этой битвы: «Это была настолько дорого купленная победа, что Карл мог бы догадаться, что он имеет (в лице русских. — *Е.Т.*) прилежных учеников, которые вовсе не заслуживают его презрения».

Тут можно было бы возразить, что русские «учились» у Карла вовсе не военному искусству, напротив, в этом отношении они шли путями, очень мало общего имеющими с тактикой шведского короля. Но русские «учились» в том смысле, что они *изучали* тактику и стратегию Карла и тем самым овладевали умением пользоваться его ошибками, и если как тактик он и одолел их (в последний раз) при Головчине, то как стратег он оказался в начинавшемся походе ниже Петра и его генералов, которые потому и одержали решившую все сокрушительную победу над Карлом в конце похода, что в самом

деле учились побеждать его, именно наблюдая его опрометчивые действия.

Но так как Карл и его окружение, в полную противоположность русским, абсолютно ничему не хотели «учиться» и даже ни разу и не попробовали хорошенько поразмыслить над стратегией и тактикой врага, которую они не устаивали наблюдением, то они продолжали тешить себя иллюзиями вплоть до дней разгрома под Полтавой и позорнейшей сдачи под Переволочной.

И эта последняя в жизни Карла победа в открытом поле под Головчином в большом бою лишь укрепила его презрение к врагу, медленно, но верно, готовившему шведам полную гибель.

После Головчина наступил перерыв в военных действиях. Петр стоял в Горках (с 13 июля по первые дни августа), «а знатных действий не было, ибо король шведский в то время с войском своим стоял у Могилева безо всякого действия».

Отступление русских войск после Головчина в течение всего июля и августа продолжалось планомерно, с «оголошением» территории, куда вступал неприятель, время от времени тревожа шведов внезапными нападениями. Так было в начале вторжения, когда шведы производили рекогносцировки у Березины, продираясь «сквозь непроходимые леса и болота на 15 миль и понеже те места повсюду были разорены и опустошены, то не токмо провианта, но ниже фуража тамое обреталось где великую скудость они имели, и в лесу, во многих местах учинены были засеки».

8

В начале августа Петр в Горках впервые получил точное сведение, что часть неприятельских войск направляется к Пропойску. Тотчас же, 8 августа, Мазепе велено было посылать конные полки к угрожаемому пункту! Отныне с каждой неделей положение тайного изменника становилось все труднее. Его интересы требовали под каким угодно предлогом не посылать украинские войска на север, а оставлять их при себе на Украине, в то же время действуя так, чтобы не возбуждать по-

дозрения в Петре. Отвечая Петру 16 августа из Русанова, он ссылается на то, что «уже» отправил «давно» нужные силы к Пропойску, а сам он будет стоять «недалече от Киева за одиннадцатнадцать миль в середине Украйны». И притом еще просит «доземным челобитием», чтобы царь разрешил ему «воспать с походу возвратить» два полка: Переяславский и Нежинский, уже было отправленные к Смоленску²⁸. В таком же роде Мазепа действовал еще больше двух месяцев и ухитрялся не возбуждать сомнений ни в царе, ни в Шереметеве, ни в Меншикове.

Наступали критические дни этой начальной стадии похода. 21 августа Шереметев перешел с тремя дивизиями через реку Сожу, а спустя два дня он донес царю, что неприятель повернул от Черикова к местечку Кричеву. С этого момента велось пристальное наблюдение за неприятелем, потому что речь шла, очевидно, о намерении Карла идти намеченным раньше путем — на север, на Смоленск. «С конным казацким войском переправились реку Сожу и стоим под местечком Чериковым, от неприятеля в 2 милях, и смотрим на неприятельский оборот, куда повернетца»²⁹, — доносил Петру капитан-поручик Петрово-Соловов 28 августа. 26 августа генерал Верден получил приказ Петра идти с пехотными полками к Смоленску. 31 августа Верден со своими семью полками уже стоял в 2 верстах от Смоленска.

Карл стоял в Могилеве, куда вошел после головчинского боя, и его стоянка не могла назваться очень спокойной.

Шведский капрал, взятый уже после занятия Могилева Карлом, показал, что в шведской армии свирепствуют голод и болезни от недостатка провианта и люди питаются тем, что выкопают из-под земли, в полках нет комплекта ни людей, ни лошадей, припасов не хватает по неделям. В войске говорят, что король идет на Смоленск, и «буде войска наши не дав бою отступят, то намерены будто разложить войска около Смоленска в кварталы для отдыха... А чтоб итить на Украйну, о том он не слыхал». Важно отметить, что в шведском стане начали смутно догадываться, до какой степени русское отступление не позволяет непрерывно наступать и углубляться в

Россию. И, по-видимому, Смоленск, а вовсе не Украина, представлялся ближайшим этапом и остановкой для отдыха³⁰.

Казаки умудрялись по ночам переплывать через Днепр и угонять у шведов лошадей. Производились беспокоившие шведов смелые налеты на правом берегу Днепра, который вовсе не был во власти шведов, если не считать очень близких окрестностей Могилева. Например, в Смольянах внезапно был атакован в замке генерал-адъютант Карла генерал Канифер, его охрана была разгромлена, а сам он был уведен казаками и 3 августа 1708 г. был доставлен к Петру в Горки³¹. Допрос Канифера не выяснил ближайших намерений Карла. Пленный генерал Канифер был лифляндец родом, сначала служивший в бранденбургской, потом в польской службе, а оттуда перешедший к шведам. Это был, очевидно, представитель характерной для того времени прослойки дворянского класса, кондотьер в штаб-офицерских чинах, нанимавшийся то к одной державе, то к другой. Он рассказал, что у короля только 30 пушек, что провианта очень мало, конницы 15 полков, пехоты 12 полков. Больных очень много, свирепствует кровавый понос. Показал он также: «Миру де в войске у них все и генералы гораздо желают, только королевской склонности на то не видать и не чают он, чтоб тот мир учинен быть мог чрез медиаторов (посредников. — *Е.Т.*), но разве де чрез пересылку меж обоими государи». Он дал характерную (и вполне согласную со всеми известными нам источниками) картину положения в главной ставке шведского короля: о королевском намерении ничего он подлинно не ведает, для того что король ни с первыми генералами, ни с министрами о том не советует, а делает все собою и генералу квартирмистру повелит о всех дорогах разведав учинить и подавать росписи себе... а консилиума (совета. — *Е.Т.*) он ни с генералами ни с министрами никогда не имеет, а думает он все один, только в разговорах выпрашивает и выслушивает, кто что говорит». Канифер все же прослышал, что король хотел пойти из Могилева на Москву прямым путем, но «понеже ныне слышит, что везде все вытравлено», то Канифер думает, что Карл пойдет к Украине³².

Есть данные, что уже в самом начале шведского похода, когда неприятель имел в виду вторжение не через Украину, а из

Белоруссии через Смоленск и Можайск на Москву, он заблаговременно рассылал прокламации на русском языке, а не на украинском, как позже, и направлял их в города, лежащие на линии Смоленск — Москва. Оказывается, что в Гданьске (Данциге) была типография, «цело друк слов словенских», которая печатала «множество всяких возмутительных писем», и эти письма шведы хотели «чрез шпионов посылать в край нашего государства». Поэтому Петр велел «езде сие объявить всем» и в частности, послал в марте 1708 г. наказ именно в Можайск, воеводе Шишкину, чтобы он приказал эти «возмутительные письма» приносить, а воевода чтобы чинил строжайший розыск шпионам, которые хотят «тем обманом народ привести в возмущение»³³. Ясно, что в это время, с точки зрения шведов, Можайск был одним из русских городов, который в сравнительно непродолжительном времени должен подвергнуться нашествию.

Нужно отметить, что русские военачальники с самого начала войны обнаружили понимание, какая ставка в игре. Все столкновения и споры из-за компетенции сократились. Едва только выяснилось от разведчиков Боура, что Левенгаупт пойдет не в Ингерманландию, а на соединение с королем, как Апраксин, получив об этом известие, не дожидаясь никаких специальных распоряжений свыше, приказывает Боуру, «чтобы немедленно шел со всей своей дивизией в случение нашей армии и смотрел пути Левенгоуптова и держал сколько возможно». Апраксин знал, что Боур теперь для него потерян до конца войны и что ему, Апраксину, придется в дальнейшем бороться против Любекера, не рассчитывая ни на какую поддержку. Но он знал также, что отныне главная опасность грозит на московском направлении, и он не колебался и торопил присоединение Боура к Шереметеву. Как не похоже это на поведение фельдмаршала Огильви, перешедшего на русскую службу за прекрасное вознаграждение и даже принесшего некоторую пользу в 1703—1705 гг. по части организации русской армии (хотя наши военные историки вовсе не склонны преувеличивать эти заслуги); когда же шел вопрос о жизни или смерти русской армии в Гродно, то Огильви нашел время злобно ссориться с Меншиковым, докучать этой ссорой Петру, оби-

жаться за нарушение его полномочий и разводить какую-то долгую полемику явно личного характера, не очень вспоминая об интересах страны, куда он нанялся на три года.

Шведского короля с главной армией ждали на Двине, Левенгаупта в Пскове, Любекера в Петербурге.

Во главе северной обороны царь поставил Федора Апраксина с подчинением ему Нарышкина, командовавшего в Пскове, генерал-поручика Боура в Дерпте³⁴.

В мае и июне на Дону разгоралось грозное восстание Булавина, с которым предстояла явно гораздо более опасная борьба, чем с только что бывшим астраханским³⁵. Так мстила историческая Немезида, «неизбежный рок», так проявляло себя логическое развитие событий, так отвечал от времени до времени народ, расплачиваясь за гнет, за жестокое крепостное рабство, за эксплуатацию со стороны помещиков, за произвол приказных, за бесправие, за лихоимство — за долгие и жестокие неправды, от которых страдали массы.

В этой обстановке английское правительство, по существу, неизменно враждебное России, решилось на определенно недружелюбный шаг. Королева Анна поздравила шведского ставленника Станислава Лещинского с восшествием на польский престол. Уведомляя об этом Витворта, статс-секретарь Бойл предлагает послу «смягчить» (of softning) всякими способами неблагоприятное впечатление, которое будет произведено на царя этим поступком Англии, и тут же приказывает послу уверить Петра в «величайшей дружбе и уважении», которое королева «продолжает» питать к царю³⁶.

Вообще британское правительство в это время в полном соответствии с настроениями, порождавшимися противоречивыми слухами о военных действиях в Литве и Белоруссии и о булавинском деле, то вело себя вызывающе, то сейчас же извинялось, то опять позволяло себе самые дерзкие выходки. Как уже упоминалось, русского посла Матвеева арестовали на улице в Лондоне и отвезли в тюрьму якобы за какие-то частные его долги. Статс-секретарь Бойл распорядился его освободить и принес извинения. Он называет происшедшее «несчастливым случаем» (an unhappy accident) и «вопиющей дерзостью» (a crying insolence) и приказывает Витворту всячески уверить

царя в «глубоком сожалении» королевы и в том, что Матвееву будет дано полное удовлетворение³⁷.

Ссориться с Россией серьезно и вполне открыто англичане еще пока ни в каком случае не хотели. Война с Францией была в разгаре, поползновения дипломатии Людовика XIV переманить Россию на свою сторону были в Англии давно известны. Да и слишком много экономических интересов англичан было связано с Россией. Возвращаясь снова и снова к случаю с Матвеевым, Бойл пишет Витворту: «Я боюсь, что этот необычайный случай может создать большое смущение и затруднительное положение для вас и для всех подданных ее величества, находящихся во владениях царя. Поэтому вы должны сделать все от вас зависящее, чтобы отвратить бурю самыми сильными уверениями в великом почтении и дружбе ее величества к царю...»³⁸ Бойл возвращается к этому случаю с Матвеевым, выражая очень серьезное беспокойство, давая самые формальные «удовлетворения» и принося самые горячие уверения в истинной «дружбе» королевы к царю.

Это тем более характерно, что британский кабинет получал в это самое время от своего московского посла Витворта неблагоприятные для России сведения.

У Витворта были свои агенты, и, отчасти пользуясь излишней откровенностью офицеров, бывших на русской военной службе иностранцев, отчасти же прямым подкупом он добывал стороной такие подробности происходящих в Литве и в Белоруссии сражений, которые могли бы убедить англичан в слабости русской армии. «Вы видите, что дела царя в очень опасном положении вследствие недостатка в способных генералах и офицерах... Бедный царь никогда не узнает истины»³⁹ — такой припев в том или ином виде постоянно умудряется ввернуть Витворт в свои донесения.

9

В донесениях Витворта мы нашли ценнейшее указание, что еще в середине августа 1708 г. русский инженер, которому было поручено обследовать пограничную местность от Великих Лук до Гомеля, высказывал мнение, что шведам почти невозмож-

но будет прямое движение на Москву через эту границу и что они скорее двинутся к Черниговской области и к Украине.

Значит, еще в середине августа, т.е. до поражения Левенгаупта при Лесной, и до перехода Мазепы на сторону шведов, и до возникновения нового плана Карла XII, в России видели, что Карл XII так или иначе принужден будет пытаться идти на Москву не прямой Смоленской дорогой, но непременно через Украину. Восторженные хвалители Карла говорят о «гениальном» плане похода через Украину на Москву, плане, который, по их убеждению, непременно удался бы, если бы не постигшая короля крупная полтавская неприятность. Но цитируемый английский документ неопровержимо доказывает, что Карл буквально сослепу, не имея ни малейшего представления о границе, через которую желал вторгнуться в Россию, дошел со своей армией до этой границы, толкнулся, так сказать, об нее, увидел всю неисполнимость своего намерения и повернул к югу только потому, что в противном случае ему оставалась бы лишь идти на Запад, к Днепру, в Литву, где ему делать уже было нечего, либо к северу, т.е. в Прибалтику. Но одержимый мыслью, что все решится в Москве, Карл XII уже давно считал прибалтийский театр военных действий второстепенным. Значит, оставалось идти на Чернигов и Полтаву. Но русские знали, что он этим непременно кончит, еще в середине августа, а Карл XII об этом «узнал» лишь в середине сентября 1708 г. Его разведка в 1708 г. решительно никуда не годилась. Всякий историк, изучающий вторжения, которым подвергалась Россия, без колебаний скажет, что, например, Батый, безусловно, перед нашествием знал несравненно лучше, куда он идет, чем Карл XII, когда он, посадив Лещинского на польский престол, собрался в «московский» поход и велел Левенгаупту организовать такой обоз, чтобы всего хватило до самой Москвы⁴⁰.

Много шведов погибло на запоздалых разведках в белорусских чащах и топях. Русское командование приписывало эту совсем неосновательную трату людей не штабу неприятельскому, а лично Карлу XII: «...и хотя королю шведскому его генералы о таком худом марше не советовали, однако ж он, не смотря на то, что те места от болот непроходимые и в пропита-

нии разоренные, по тайному согласию с черкасским гетманом Мазепою марш свой продолжал»⁴¹. Так было и в конце августа, когда русские отступали к Мстиславлю, а оттуда к Мигновичам: «...а неприятель за ними следовал, пред которым наша кавалерия по деревням провиант и на полях стоячий хлеб и строение всякое жгли для оголожения неприятеля, и чтоб не было оному пристанища»⁴².

Перед рассветом 30 августа Голицын с восемью батальонами пехоты «по груди в воде» перешел Черную Наппу и атаковал неприятеля. Сражение было успешным для русских, и генералов Рооса и Крууса спасло от полного поражения лишь то, что русская конница не успела пройти через болота и подоспеть к Голицыну. Это не помешало историку Брикнеру поведать патристическому лганью преданного барда короля Карла XII Адлерфельда и назвать этот бой «победой шведов»⁴³.

Это сражение русские называют чаще боем у с. Доброго, а шведы и англичане, писавшие о нем, боем у речки Черной Наппы, или Натопы. Это было первое столкновение между шведами, вышедшими из Могилева и устремившимися на восток, не дождавшись Левенгаупта, и русскими, которые стремились, не вводя в сражение всей армии, избегая генеральной битвы, задерживать по мере возможности неприятеля отдельными частичными нападениями.

Карл XII стоял в нескольких верстах от русских в так называемой Черной Наппе. Князь Голицын, которому приказано было атаковать шведов, напал на отряд, далеко выдвинутый по направлению к Белой Наппе, где стояли русские. Этот отряд, составлявший правое крыло шведской армии, был разгромлен Голицыным, и шведы потеряли, по первоначальным данным, больше трети участвовавших в деле войск: около 2 тыс. убитыми и 2 тыс. приблизительно ранеными. Нужно заметить, что, по показаниям пленных шведских офицеров и по другим свидетельствам, собранным Шафировым, шведские потери были гораздо значительнее и простирались до 3 тыс. убитыми и столько же ранеными. Три пехотных полка шведов были полностью уничтожены. Голицын, одержав победу, отступил, согласно приказу, раньше, чем на помощь погибавшему правому крылу успела подойти вся шведская армия. Карл XII, опере-

див шедшую к месту боя армию, только издали смотрел на происходившее, так как при нем, кроме сорока драбантов, никого не было⁴⁴. Русские вернулись в свой лагерь на Черную Наппу, а король туда пойти не посмел. Если даже усомниться в строгой точности этих цифр и в особенности в слишком малой цифре потерь русских (375 убитыми и тысяча ранеными), все-таки факт русского успеха должно признать бесспорным.

Главная квартира Карла находилась в с. Добром и отделена была от русской армии двумя речонками (Белой и Черной Наппой) и топкими болотами. Продолжая свою тактику активной защиты с использованием всякого удобного случая к наступлению, на русском военном совете («генеральном консилиуме») «решено было с помощью высшего атаковать». Князь Голицын с восемью батальонами пехоты и генерал-лейтенант Флюк с тридцатью эскадронами драгун атаковали неприятеля 29 августа. Но главный бой произошел не 29, а 30 или 31 августа 1708 г., считая по шведскому календарю.

По данным петровского «Журнала», нападению подверглась часть неприятельской армии численностью в 5 тыс. человек пехоты и «несколько тысяч» кавалерии. После «жесточкого боя», продолжавшегося 2 часа «с непрестанным огнем», русские «сбили» шведов «с поля», причем шведы потеряли убитыми более 2 тыс. человек и ранеными столько же, после чего русские, забрав шесть неприятельских знамен, вернулись на Черную Наппу, не желая завязывать на этой позиции общего сражения со всей неприятельской армией⁴⁵.

Нордберг, как и Адлерфельд, оба бывшие на месте, говорят, что первое русское нападение произошло 29, а затем, после отступления генерала Рооса к лагерю, произошла 30 и 31 августа (по шведскому календарю) новая русская атака и бой (о котором и говорит «Журнал» Петра). По Нордбергу, общие потери шведов были всего 300 человек, а общие потери русских — больше 900 человек, но при его манере всегда преуменьшать шведские потери и преувеличивать русские эти цифры не имеют особой цены. Цифры «Журнала» Петра, тоже не особенно точные (да и трудны подсчеты потерь неприятеля тотчас после боя), все же сильно выигрывают в относительной правдоподобности, если мы обратимся к оценке общего харак-

тера битвы, даваемой и очевидцем Нордбергом, и писавшим на основании разнообразных, ставших ему доступными, показаний Фрикселем. Нордберг со всеми оговорками, извиняющими и объясняющими неудачи шведов, испытанные ими в этот все-таки, по его мнению, «славный» для шведской армии день, вдруг, подрывая собственное известие о малых потерях шведов, заявляет: «Нельзя, однако, не согласиться, что потеря Карла XII намного превзошла потерю царя. Царь, за которым были его обширные владения, имел возможность производить столько рекрутских наборов, сколько хотел, тогда как шведский король, удаленный от своих границ и находясь посередине неприятельской страны, где он не мог получать известий о том, что творится в других местах, не имел никаких средств и был лишен возможности еще долгое время получить хотя бы малейшую подмогу, как бы ни старались в Швеции послать ему подкрепление, уже готовое к отправке»⁴⁶.

Таким образом, описав на свой обычный лад, конечно, в самых хвастливых тонах сражение 30/31 августа, Нордберг почувствовал все-таки некоторую неловкость перед читателями, которые могли уже прочесть правду об этой шведской неудаче у Ле-Лонга в IV томе его написанной на голландском языке «Истории Карла XII». И поэтому читатель, которому на двух с половиной страницах внушалось, что, в сущности, ничего худого с шведами в этот день не случилось (напротив!!), вдруг находит в виде заключения следующее неожиданное «размышление»⁴⁷. Размышляет же Нордберг так: хотя день был славный для шведского войска, но все-таки лучше бы его вовсе не было. Ибо Петр может легко восполнить свою потерю, а король Карл не может «среди вражеской страны, не имея никаких ресурсов».

Из дневника другого шведского очевидца (и участника боя), Адлерфельда, тоже явствует, что при всем желании представить неудачу в виде успеха камергеру короля Карла это так же плохо удастся, как и королевскому духовнику Нордбергу. По скупому рассказу Адлерфельда выходит, что генерал Роос, на которого направлено было русское нападение, оказался в серьезной опасности и король должен был поспешить к нему на выручку с большими силами («с несколькими генералами»

и принцем Вюртембергским). При этом бой был и до и после прибытия выручки «очень кровавым и упорным». О русских раньше говорится, что они под прикрытием густого тумана, скрывшего от шведов их приближение, внезапно напали со всех сторон со «всей возможной яростью». А после прибытия выручки с теми же русскими происходит нечто неясное. После «бурной атаки» шведов они принуждены отступить, но, отступая, они строятся в каре. И потом все-таки их нужно еще атаковать несколько раз. Тот же злосчастный для шведов туман, который помог русским в атаке, помог им и в их отступлении, так что они ушли в свой лагерь. А после этого и победоносные шведы «спокойно вернулись в свой лагерь». В течение трех дней после битвы под Черной Наппой (или под с. Добрым, как часто пишут наши источники) шведы хоронили своих многочисленных убитых и только 3 сентября двинулись дальше к востоку.

Петр был очень доволен битвой под с. Добрым. На другой день он писал Екатерине: «...мы вчерашнего утра... на правое крыло короля шведского с осьмью батальонами напали и по двучастном огню оно с помощью Божиею с поля збили, знамена и протчая побрали. Правда, что я как стал служить, такой игрушки не видал. Аднакож сей танец в [о]чах горячего Карлуса изрядно станцовали»⁴⁸. Особенно было приятно Петру, что победа была одержана над пятью полками, состоявшими из природных шведов. Петр считает в письме к Ромадановскому, что потери шведов одними убитыми были в этом бою до 3 тыс. человек («трупом с три тысячи положили, кроме раненых»), а наши потери были всего в 375 человек при 1192 сражавшихся в этот день. Но цифра шведских потерь, показанная в письме к Ф.Ю. Ромадановскому⁴⁹, разнится от цифры (2 тыс. человек убитыми), даваемой в письме циркулярного характера, писанном накануне⁵⁰. Царь выражает убеждение, что если бы не болота («марасты»), то «приспела бы» наша кавалерия и никого из неприятельского отряда не уцелело бы. На когда двинулась на наш отряд вся армия шведов, то мы «по одержании совершенной виктории» отошли на Черную Наппу «добрым порядком».

Битва у селения Доброго произвела большое впечатление на тех, кто внимательно наблюдал за развитием событий.

Старый дипломат Урбих, служивший довольно долго в Дании и перешедший на русскую службу, писал другу своему философу Лейбницу, извещая его о русских победах как в Карелии, так в особенности о битве под Добрым: «Вы правы, что война между царем и шведом не кончится, пока не погибнет тот или другой. Правдоподобнее, что это случится скорее с Карлом XII, чем с царем; у нас есть и всегда будет возможность оправиться, если же шведы будут побиты, то они не оправятся и в сто лет. Поэтому шведскому королю следовало бы заблаговременно подумать о мире, возвратив царю то, что прежде ему (царю. — *Е.Т.*) принадлежало, и бросить своего Стенцеля (шутливое уменьшительное от Станислав. — *Е.Т.*), который никогда не может быть королем в Польше. Если король шведский не сделает этого, то я опасаюсь, что ни его армия, ни он никогда не возвратятся живыми в Швецию»⁵¹.

10

Карл продолжал движение к русской границе, не обращая внимания на такие зловещие симптомы, как это неожиданное поражение или как мелкие, но очень неприятные внезапные нападения на случайно отдалившиеся небольшие группы шведской армии вроде удачного для русских кавалерийского поиска около местечка Мигновичей. Провианта становилось и для людей и для лошадей очень мало, истощенным, некормленным лошадям не всегда было под силу вытаскивать из глубоких белорусских болот артиллерийские орудия. Эпидемически распространялись тяжелые гастрические заболевания вроде кровавого поноса. Шведы жестоко грабили белорусское население, варварски мучили крестьян, вымогая у них показания о спрятанном хлебе.

В Западную Европу постепенно стали проникать известия о довольно затруднительном положении, в которое попал шведский король в этих бесконечных опасных белорусских болотах. Там знали, что Карл XII с пренебрежением отвергал всякие предложения мира, всяческие попытки зря завязать пере-

говоры. И главной, непоправимой, фатальной его ошибкой было именно полнейшее непонимание России и Петра. В Петре он видел нечто вроде Августа Саксонского, а в России — даже и не Польшу, а просто какой-то варварский стан, не то громадное по пространству полумонгольское кочевье, не то обширное пахотное поле, на которое зарился еще предок, обожаемый им Густав Адольф.

Эта мысль и давала ему полное спокойствие духа, хотя часть его генералитета уже начала тревожиться, когда он, гарцуя впереди своей армии, вел свое полуголодное и изнуренное войско по тропинкам через непросыхающие болота на восток. Армия уменьшилась в числе? Ничего, Реншильд не понимает, что на покорение Москвы хватит! Пипер тревожится по поводу потери Прибалтики? Ничего! Пиперу никак не удастся взять в толк, что в Эстляндии, Лифляндии, Финляндии, Ингерманландии шведам вовсе и не придется воевать⁵². Все вернется, как только Карл на своем лихом скакуне примчится в Кремль. Это крепко сидело в его голове, когда его спутники осмеливались деликатно указывать на трудности затеянного далекого похода. Он полагал, что добьется развязки через несколько месяцев. Карл оказался совершенно прав, развязка пришла через несколько месяцев, но он несколько ошибся лишь относительно географического пункта. Развязка пришла не в Москве, а в Полтаве.

После Черной Наппы русская армия, правда, отошла, но скрыть от себя, что на сей раз произошло нечто, несколько не похожее на головчинский бой, конечно, шведы никак не могли.

И тут опять в шведской главной квартире поднялся вопрос, по которому не было единодушия среди королевского окружения и не было полной ясности даже в королевской голове, судя по неопровержимым признакам. Куда и когда идти?

Граф Пипер стоял, как всегда, после занятия Гродно за поворот к Пскову, Дерпту, Нарве, Риге, к возвращению потерянного Прибалтийского края и к обеспечению того, что еще потеряно не было. Фельдмаршал Реншильд, который все время и до и после Гродно всецело поддерживал план вторжения в Россию и похода на Москву и уже несколько раз имел по это-

му вопросу столкновения с Пипером, под влиянием обстоятельств, наблюдая жестокий голод и болезни в армии, учитывая явную враждебность населения, зная о налетах казачьих и башкирских конных отрядов, начал колебаться и уже сам захотел опять услышать мнение осторожного Пипера. «Теперь, когда уже было поздно, даже и он (Реншильд. — *Е.Т.*) начал призадумываться и пожелал услышать совет Пипера. Но Пипер ответил ему: черт, который до сих пор давал свои советы, пусть и теперь он же подаст свой совет»⁵³ — так повествует Фриксель об этом своеобразном обмене мнений ближайших советников Карла в дни между битвой при Черной Наппе (или Натопе) и сражением под Лесной. Пипер не на Реншильда сердился, конечно, а на самого короля, так как знал очень хорошо, что сам Карл XII еще с альтранштадтского и дрезденского сидения в 1706 г. твердо решил идти на Москву, а Реншильд был только его подголоском. Реншильд мог бы возразить, что в дрезденские времена и сам граф Пипер находился, точь-в-точь как фельдмаршал, король и все генералы, под влиянием советов того же самого «черта», как и вся королевская ставка.

Битва 30 августа 1708 г. была, конечно, менее значительным событием, чем сражение при Лесной, последовавшее спустя один месяц, так же как сражение при Лесной было менее значительным событием, чем разгром шведов под Полтавой. Но, подобно тому как нельзя понять всестороннее сражение под Полтавой, не зная битвы при Лесной, так и битву при Лесной кое-кто из политических наблюдателей стал смутно предвидеть после показательной битвы на Белой и Черной Наппе.

И как раз за две недели перед сражением при Лесной осведомленный, как никто из других дипломатов, британский посол и очень искусный соглядатай Витворт, заинтересованный, как мы видели, Черной Наппой, счел уместным и очень своевременным довести до сведения своего правительства о кое-каких своих наблюдениях и выводах.

В разгаре войны за две недели до Лесной и в самый день, когда после колебаний Карл XII решил окончательно идти не на Смоленск, а на Украину, 15 сентября 1708 г., Петр приказывает секретарю Посольского приказа П.В. Курбатову: «присматривай за английским посланником», и Головкин органи-

зует присмотр, чтобы Витворт «нечаянно» «с Москвы не уехал». Шпионская деятельность Витворта, прекрасно осведомленного в делах русско-шведской войны, очень верно, как видим, оценивалась царем⁵⁴.

Витворт знал, что в Лондоне хотят дать себе реальный отчет о том, кто из двух врагов, ведущих уже девятый год войну, может скорее оказаться победителем.

И вот как отвечает на этот вопрос Витворт: «О том, что случится, можно только гадать, но так как у меня теперь есть верная оказия (для пересылки письма), то я прошу разрешения высказать вам свое скромное суждение. У шведского короля есть такое преимущество, как закаленные солдаты, опытные генералы и храбрые офицеры, он необыкновенно терпелив и даже любит утомлять себя, он непоколебимо храбр, и его решения неизменны». Но Витворт отмечает и его слабые черты: слишком большую любовь к риску. До сих пор ему везло, он имел успех... и выходил из тяжелого положения самым неожиданным способом. Если бы после Нарвы (1700 г.) Карл пошел прямо на Россию, то, видимо, заключил бы выгодный для Швеции мир. Но Карл этого не сделал и дал царю возможность учесть и исправить причины поражения. Русские сделали ряд завоеваний — забрали Ингрию, Дерпт, Нарву, могут завоевать еще Ливонию. Победа Карла над поляками и саксонцами, низвержение Августа с престола поставили Петра в затруднительное положение, и царь хотел мира. Но «постоянное отвращение его врага от всякой мысли о переговорах и тяжкие условия, поставленные королем последнему союзнику Петра (Августу. — *Е.Т.*), показали царю, что его самого ожидает и что у него есть лишь выбор между решительной обороной или полной гибелью».

Пересчитывая дальше все эти заблуждения шведского короля, который прямо поставил своими действиями альтернативу перед Россией — или отчаянное ее сопротивление или гибель, — Витворт переходит к вопросу о Польше. Влияние Карла в Польше подрывается расколом между партиями, а король шведский не умеет обходиться с поляками, пускает в ход крутые меры, и поэтому поляки не участвуют в этой войне (на стороне шведов). Что касается царя, продолжает английский по-

сол, то у него многочисленная армия — 80 тыс. человек, правда, она уменьшается от дезертирства и болезней, но есть и некоторый резерв, более 10 тыс. А солдаты русские — хорошие солдаты: «Русская армия состоит из здоровых, хорошо сложенных молодцов, обучение их — хорошее, у них теперь совсем не тот вид, как во время кампаний в Польше, и многие полки, несомненно, будут сражаться хорошо, если их поведут. Но оружие у них плохое, а лошади у них еще хуже». По более надежным данным, Витворт вовсе не прав, так пренебрежительно отзываясь о русском оружии, которое позднейшие шведские (не говоря уже о русских) историки признали отнюдь не «плохим», и о русской кавалерии, которая, бесспорно, была *лучше* шведской. Атакуют русские хорошо, но, по мнению посла, они якобы неспособны к длительному сопротивлению напору противника. Русские очень ободрены последней победой (при Белой Наппе). Слабая сторона армии — недостаток в хороших генералах.

Витворт снова подчеркивает настойчиво, что не только у русской армии совсем не такой вид, какой у нее был в Польше (в 1705—1707 гг.), но что по поведению ее во время польских кампаний *«нельзя было думать, что русские будут теперь так хорошо защищать свою землю»*. Подытоживая все сказанное, Витворт приходит к заключению, не весьма утешительному для шведов. Теперь стоит еще осень, но через пять или шесть недель наступит зима с морозом и снегами. Оставаться в открытом поле солдаты не могут в течение пяти зимних месяцев. «Но где шведы могут найти безопасные зимние квартиры, не легко усмотреть». Необходимо поэтому дать генеральное сражение. Хотя это и тяжелое дело, но это наилучший выход. Иначе шведам придется возвратиться в Литву и там зимовать, а весной возобновить поход. Но затягивать войну так, как она затянулась в Польше, нельзя: русские разорят свою страну, они поступят совсем не так, как поляки, и заключение мира станет сомнительным⁵⁵. Все эти благие «советы» и дружеские предостережения шведам лишний раз доказывают, что Витворт всегда был враждебен России, как ни старался он скрывать истинное свое лицо под маской объективного созерцателя.

Так судил в своем откровенном, «с верной оказией» посылаемом в Лондон письме английский посол. Письмо было писано 17 сентября. А спустя одиннадцать дней произошло событие, которое, вероятно, заставило Бойла и королеву Анну снова внимательно перечитать то, что им написал из Москвы их наблюдательный представитель. Грянула битва при Лесной, оправдавшая почти все пророчества Витворта, кроме одного. «Русские молодцы», о которых он писал, оказались не только хороши в атаке, как он и думал, но и чрезвычайно стойки в обороне и в «сопротивлении напору», чего он от них не ждал.

11

Неспокоен был путь шведов, и не только впереди шведской армии шли отступающие русские. Они были и впереди, и являлись вдруг позади, и внезапно нападали с флангов, тотчас же скрываясь. Русская регулярная конница, казаки и башкиры не давали покоя шведской армии, и шведское командование уже тут видело, что такого рода метод отступления не практиковался ни датчанами, ни саксонцами, ни поляками, когда им приходилось ретироваться под давлением наступающей шведской армии. Наконец начали случаться такого рода происшествия, которые довольно наглядно показывали, как упорен боевой дух в этом отступающем русском войске.

7 сентября «партия» генерал-майора Микуша в 2 тыс. человек имела при деревне Белья столкновение с неприятелем, удачное для русских, которые «сбили» несколько шведских полков при сравнительно малых потерях (139 убитых и 85 раненых)⁵⁶.

Спустя два дня, 9 сентября, произошло новое сражение (близ Кадина), причем с русской стороны командовал Боур, а с шведами был самолично король с конницей и пехотой и, как доносил Боур, «чуть не со всей армией». Обе армии к концу боя стояли «с полчаса» друг против друга «толь близко, что можно друг по друге палить из пистолета». Но бой не возобновился. Боур не дает числа принимавших участие в бою, а Федор Бартенев писал Петру на другой день (10 сентября), что с обеих сторон участвовало по 2 тыс. человек.

10 сентября шведская армия подходила к деревне Раевке, когда в отдалении был замечен какой-то русский отряд. Карл послал атаковать его. Но посланные были отброшены сейчас же и донесли королю, что они натолкнулись вовсе не на обычно реявшую вокруг нерегулярную конницу, а на отряд русской кавалерии из корпуса генерала Боура. Король взял с собой один из лучших полков (Остроготский полк) и помчался на неприятеля, который, однако, вовсе не поддался и окружил короля. Карл XII непременно был бы убит или взят в плен. Но русские в пороховом дыму не смогли опознать короля, покрытого к тому же густой пылью. Почти весь эскадрон Остроготского полка, во главе которого находился Карл, был изрублен без остатка. Под королем была убита лошадь, и он оборонялся саблей, когда подоспел другой эскадрон. Но и этот другой эскадрон почти весь был перебит русскими. Примчавшийся во главе выручки генерал-адъютант Тюре Хорд был убит наповал, другой — генерал Розеншерн — смертельно ранен. Только подоспевшие уже на вторую выручку шведские войска спасли Карла и увезли его в свой лагерь. Эти жестокие людские потери, вызванные совершенно бессмысленно затеянным боем, ничуть не смущали Карла, полагавшего, что он имеет право не дорожить жизнью солдат, подставляя так охотно собственный лоб, но беспокойство в его штабе росло. И, узнав об этих выходах короля, в Стокгольме также пришли в серьезную тревогу. Политические группы стали усиленно думать о подготовке регентства и обсуждать вопрос о регентстве Гедвиги Софии, вдовствующей герцогини Гольштейн-Готторп⁵⁷. Было ясно, что абсолютно ничем не мотивированное приключение у Раевки, стоившее жизни двум почти целиком истребленным шведским эскадронам и нескольким генералам и полковникам, может каждый день повториться и что русская пуля непременно найдет Карла XII.

С точки зрения русского командования, этот принятый Карлом XII, совершенно бесполезный для шведов и оказавшийся крайне неудачным, кавалерийский бой 9—10 сентября 1708 г. был счастливым событием. Царь так и называет его «счастливой партией» в письмах к Федору Матвеевичу Апракси-

ну и к царевичу Алексею (оба письма от 12 сентября)⁵⁸. Вот как описан этот русский успех в письме Петра к Апраксину.

Царь знал, что с утра 9 сентября неприятель со своим обозом вышел из Белика. Петр двигался с частью конницы параллельно движению шведов и «казаками... тревожил и в огне держал». Генерал-майору Микашу было затем приказано «с полками всеми поднятца и у неприятеля з боку итти». Эти регулярные конные полки Микаша «добрым порядком» были доведены до того места, где решено «на малой и к переходу неудобной переправе атаковать» неприятеля и атаку начать, пустив в дело сперва казаков. Это и была та нерегулярная конница и казаки, которых Карл решил рассеять без труда, послав туда валахов и часть шведов. Но вместе с казаками уже находились быстро посланные Петром 1300 человек регулярной конницы, которые и отбросили первый отряд, посланный Карлом. Тогда неприятель пошел на нас «со своим войском как пехотою, так и конницею». Это и была спешившая на выручку короля шведская армия, которую русские трижды сбивали и останавливали. Выручив короля и бывшего при нем принца Вюртембергского (об участии которого Петр ничего не знал), но не успев выручить два изрубленных вокруг короля шведских эскадрона, шведы вернулись назад. Когда шведы возвращались, то регулярная наша конница их не преследовала, а снова были пущены в ход казаки, которые «на неприятельских флангах многих копьями покололи». Петр считает урон шведов в этот день в 1 тыс. человек. До позднего вечера велся пушечный огонь по отступавшим шведам. Русские тоже отошли к своим позициям. Петр все время лично командовал в этом деле и даже «виден нам был король шведский сам особою своею».

Следовательно, ничего не разведав, как всегда пренебрежительно отнесясь к русским, ввязавшись в бой тогда, когда шведам это было вовсе не нужно, Карл сделал именно то, чего желал Петр, который, зная натуру своего противника, раздражив его калмыками и казаками и искусно скрыв до поры до времени регулярную русскую конницу, добился бесспорного успеха. Карл натолкнулся на сопротивление, которого он не ждал. Успех русских в этот день был еще больше, чем думал

Петр, — это мы знаем не из русских, а из шведских источников. Петр не знал о гибели двух крупных шведских генералов — Тюре Хорда и Карла Розеншерна, о почти полном истреблении двух эскадронов из отборного гвардейского полка, о том, что король еле спасся.

12

Русская армия, идущая по параллельным путям, в этот день нанесла шведам очень чувствительный удар. Это было после Черной Наппы новым предостережением. И оно тоже было не понято Карлом, как и первое, как и все последующие.

Царь призвал новых рекрутов, увеличил численность армии, укрепил наиболее опасные места границы, усилил офицерский состав и, наконец, приобрел союзников среди польских конфедератов. Словом, Петр действует так, как должно при сознании опасности. А шведский король опасности для себя не видит никакой и ничего не делает, чтобы парировать успех русской дипломатии в Литве, где против шведов и их ставленника Станислава Лещинского высказался могущественный там Синявский, а за ним и другие магнаты. «Все ожидали, — доносил Витворт, — что шведский король по возвращении (в Польшу из Саксонии. — *Е.Т.*) прежде всего постарается прекратить это: раскол (*this schism*), или создав для этой цели сейм, или же переманив на свою сторону Синявского и других главных магнатов, хоть немного считаясь с их интересами (*by some little complaisance with their interests*)». Это было бы очень важно для Карла, поляки могли бы прикрыть арьергард движущейся по Литве шведской армии от постоянно тревоживших этот арьергард казаков и конных частей «татар» (башкир и калмыков). Но король так презирует своих врагов в Польше, что не удостоил их внимания. И вместе с тем он, если можно так выразиться, не удостоил этих враждебных ему поляков и усмирением: «И он не употребил никакой настоящей силы, чтобы привести недовольную партию к покорности».

Вообще же Карл XII презирует не только поляков, не только русских, не только казачью конницу, которая, отбивая обо-

зы, следующие за частями, приносит этим тяжкий вред, являющийся наибольшей бедой (his greatest distress) для всей шведской армии. Он «презирает» также обозы вообще, полагая, что может обойтись без них. Эта фраза звучит в английском тексте еще более странно и нуждается в пояснениях, так как Витворт тут явно иронизирует над Карлом XII. «Он (Карл. — *Е.Т.*), однако, всегда делал вид, что вполне пренебрегает обозами и артиллерией» (He has indeed always affected a total neglect of magazines and artillery), потому что так воевал его великий предок Густав Адольф⁵⁹, деяния которого Карл только и изучает и которому подражает. Обратим внимание на слово «affected». Карл делает вид, напускает личину, рисуется, притворяется, будто ему не нужны обозы и артиллерия, «так как он до сих пор с успехом обходился без них».

Что означает в устах короля Карла XII эта фраза о ненужности обозов, очень хорошо могли бы пояснить поляки и саксонцы, которые знали, как пользуются шведские солдаты предоставленным им правом добывать себе самим пропитание у жителей оккупированных местностей. «Точию несказанные варварства чинят в Саксонии, и не точию жестоко правят кантрибуцию (*sic.* — *Е.Т.*), но у мужиков ноги, обертя соломою, жгут и иными муками мучат, жен и детей отъимают, нынеже уже и жечь почали и уже два города и несколько деревень сожгли. Сие суть великодушные шведов»⁶⁰ — так писал Петр, еще наблюдая шведские подвиги в 1707 г. И это было, когда Август уже капитулировал, подписал Альтранштадтский мир. Что делали шведы, проходя Литвой и Белоруссией в разгаре войны, это было крайне просто угадать.

Витворт не верит, чтобы Карл всерьез думал, что можно, нападая на Россию с целью ее завоевать, справиться с этим «небольшим» затеянным им предприятием так легко и, главное, до такой степени быстро, что незачем тащить за собой задерживающие движение армии тяжелые обозы и артиллерию. Карл только рисуется, бравивирует, хочет вид показать, что для него завоевание России — дело решенное и что хорошо бы не обременяться в этой предпринимаемой прогулке в Москву никаким излишним багажом.

Конечно, при всем невежестве Карла относительно России и русских, при всей его доходившей до невероятных размеров кичливости и самоуверенности он не мог «презирать» ни обозов, ни артиллерии. Он запасся, вступая в Литву, и тем и другим. Но артиллерии он взял в самом деле мало, и русская артиллерия во всех решительных боевых встречах этой войны оказывалась сильнее шведской, русский порох лучше шведского, русские канониры стреляли более метко. И когда в литовских и белорусских топях и в болотах Северной Украины погибла большая часть этой артиллерии, то шведские генералы стали уже возлагать все свои упования на Мазепу, нового друга, у которого припасено в Батурине видимо-невидимо пушек. Так обстояло дело с артиллерией. Мы видим, что Карл только щеголял своим «пренебрежением» к артиллерии. Он, правда, проявил (как и вся его свита, и не только относительно артиллерии) глубочайшее невежество насчет боевых средств и подготовленности противника и гибельное для судьбы шведов легкомыслие.

В еще большей степени рисовался и щеголял Карл своим «пренебрежением» к обозам. Нет, это было только рисовкой, он в данном случае своей похвальбой делал себя в глазах посторонних лиц, вроде того же англичанина Витворта, легкомысленнее, чем был на самом деле.

Во-первых, он запасся обозом, следовавшим за частями его армии. Во-вторых, как мы видели, он соображал, что Россия не будет кормить его армию так, как кормила богатая и сразу покорившаяся Саксония или как плохо сопротивлявшаяся при Августе и вовсе не сопротивлявшаяся при Станиславе Лещинском Польша. И именно поэтому он, начиная нападение на Россию, сделал то, чего до сих пор действительно не делал никогда: он определенно приказал Левенгаупту взять все то, что могли дать Курляндия, Лифляндия, наконец, Польша и Литва, еще пока не примкнувшая к Синявскому, и составить громадный обоз, движущийся колоссальный склад боеприпасов и продуктов потребления. Для охраны этого обоза Карл отдал Левенгаупту в распоряжение целую армию. И когда Витворт писал из Москвы своему начальству в Лондон об этом явном хвастовстве и «аффектации» шведского короля, прикидывающегося,

будто ему для завоевания России даже и не нужно никаких обозов, в это самое время Карл XII, у которого казаки успели отбить немало припасов при нечаянных нападениях на арьергард, с большой тревогой ждал Левенгаупта с его обозом, а солдаты уже понемногу начинали подголодывать и все больше и больше интересовались ягодами и встречаемыми в литовских лесах растениями, съедобность которых пришлось определить этим грядущим завоевателям России. Витворт уже знал кое-что. «Если хоть наполовину правда то, что передают русские из слышанного от дезертиров и пленных, о нужде в лагере короля, то это окажется величайшим препятствием для его намерений», — пишет Витворт в Лондон.

Он писал это донесение из Москвы 17 сентября. А спустя одиннадцать дней почти весь обоз, с такими трудностями и расходами собранный Левенгауптом, был в русских руках или частично погиб, утопленный в р. Соже.

13

Под непосредственным впечатлением боя под Раевкой, где шведы положили около полутора тысяч человек и где сам король был на волосок от гибели, армия Карла XII вступила в село Стариши, которому суждено было стать самым северным и в то же время самым восточным пунктом, до которого дошло шведское нашествие. Тут между 11 и 13 сентября 1708 г. и состоялось историческое решение: изменить план похода и, имея по-прежнему конечной целью Москву, идти туда не по дороге Смоленск — Можайск, но через Украину.

Вот как рисуют нам шведские свидетельства этот знаменательный поворот.

11 сентября Карл приказывает своему генерал-квартирмейстеру Гилленкроку «посоветовать, куда нам дальше двинуть войско». Гилленкрок резонно отвечает, что, не имея понятия о ближайших намерениях, о плане короля, он не может решить вопрос о дороге. На это он выслушивает изумительное признание короля, что никакого плана вообще у него нет: «У меня нет никаких намерений» (*Jag har ingen dessein*). Тут разговор внезапно оборвался, король уехал на аванпосты, а на другой

день, когда Карл повторил свой вопрос о дорогах, то Гилленкрок признался, что он об этом не думал, так как решил, что его величество изволил вчера пошутить. Но нет! Карл не шутил. Генералы стали думать о плане. Предложение очень встревоженных Гилленкрока и графа Пипера — уходить за Днепр, обратно в Витебск, еще не разоренный, — было отвергнуто.

Не только Гилленкрок, разыгрывающий в своих записках роль мудрого ментора, благоразумного советника и проницательного стратега, которого вовремя не послушались, но и другие, более достоверные и беспристрастные свидетели говорят нам, что, перейдя Днепр и еще не перейдя Сож, Карл XII несколько дней топтался на месте, не зная, что делать. Он уже и не скрывал от окружающих, что у него нет никакого определенного плана относительно дальнейшего. Если бы у Карла было хоть немного меньше несокрушимой веры в божественное происхождение шведской абсолютной монархической власти и надежды на озарения свыше, которые простым верноподданным понять не дано, то, может быть, ему было бы и неловко признаться перед своей армией, что, заведя их в эти труднопроходимые лесные дебри и бесконечные болота с вязкими илистыми берегами, он не знает сам, как дальше быть. Но Карл XII ни малейшей неловкости не чувствовал, он даже с нетерпением и раздражением объяснялся со своими смущенными и встревоженными генералами. Армия прямо на глазах, от остановки до остановки, уменьшалась. Русские узнавали направление движения шведского войска по трупам солдат, валявшимся по пути. Люди падали от голода и страшной усталости на этом литовском, а затем белорусском бездорожье. Но долго без плана оставаться было невозможно.

На военном совете было высказано два мнения. Так как оставаться на месте, поджидая Левенгаупта, было невозможно и даже приблизительно нельзя было определить, где он находится и с какой скоростью движется со своим колоссальным обозом в семь с лишком тыс. груженных телег, то приходилось искать пропитания в одном из двух направлений: либо отступив к Днепру и расположившись в безопасном от русских и более сытом Могилевском районе и там ждать Левенгаупта, либо, предоставив Левенгаупту догонять главную армию,

двинуться к югу, к Новгороду-Северскому. Второй план был в высшей степени рискованным. Во-первых, идти немедленно к югу означало бросить Левенгаупта на произвол судьбы. У Левенгаупта могло и не хватить сил для одновременного решения двух задач: постоянной охраны колоссального обоза,двигающегося по узким и крайне плохим дорогам, охраны от русской конницы, от татар, от которых так жестоко страдал и всем малый обоз главной армии Карла, и для всегда возможной большой боевой встречи с русскими. Во-вторых, Карл XII, уже имевший в виду давно начавшиеся сношения с Мазепой, сразу же уверовал в то, что украинцы будут ждать шведов как избавителей. Одна из губительных ошибок Карла здесь и сказалась в полном объеме: о народной войне, о том, что если Мазепа и перейдет на сторону шведов, то Украина за ним не пойдет, — обо всем этом Карл и не догадывался. А решив, что Украина, начиная с Северской стороны и продолжая всей «гетманщиной», встретит шведов как дорогих гостей и желанных союзников, Карл окончательно остановился на мысли идти не к Могилеву, не к Днепру, а на юг и юго-восток, не считаясь с опоздавшим Левенгауптом.

Так был решен внезапный поворот шведского нашествия на юг.

Вот некоторые подробности этого исторического совещания в селе Стариши, когда Карл XII впервые принял решение, круто менявшее не только план ближайших действий, но и все контуры, всю картину предстоявшего «московского похода». Этому решению предшествовали, как сказано, совещания короля с его приближенным генералитетом. Затруднительно называть, например, военным советом то, что происходило в эти дни в королевской ставке. Нордберг (присутствовавший там) дает несколько путаное и явно пристрастное и сильно укороченное изображение прений или, точнее, изложение двух мнений, между которыми должен был выбирать король. Первое мнение было высказано министром графом Пипером, которому Нордберг вполне сочувствовал. Второе мнение было высказано фельдмаршалом Реншильдом, которого Нордберг не любит, не одобряет и не называет. Шведы не говорят о глав-

ном: о неожиданной для них силе русского сопротивления, встреченного ими от начала похода вплоть до вступления в Стариши со стороны армии Шереметева. Это тоже оттягивало охоту идти на Смоленск.

Еще перед совещанием обнаружилось, что Карл, который до той поры не желал воспользоваться предложением, за год до того, в октябре 1707 г., сделанным ему и Станиславу гетманом Мазепой в его тайном послании, теперь вдруг переменял мнение и заговорил об Украине. Что было причиной этой перемены? Во-первых, по вечерам и в течение ночи не потухали далекие пожары, и шведский лагерь знал, что это горят склады, амбары, сено, овес, хлеба деревень Смоленщины: горел провиант, без которого дойти до Смоленска нельзя. Во-вторых, Левенгаупт не шел и не шел, и, где он находился, нельзя было в точности узнать, а без его обоза даже и к Смоленску не пройти, не говоря уж о Можайске и Москве. Это и заставило короля вспомнить о Мазепе, его письме к Станиславу Лещинскому и других тайных сношениях с гетманом.

Граф Пипер приступил к королю с убеждениями отказаться от мысли об Украине. Пипер говорил, что непременно нужно оставаться на месте и ждать и дожидаться во что бы то ни стало Левенгаупта, а тогда идти к Смоленску, не смущаясь тем, что дорога опустошена русскими. Имея несметно большой обоз Левенгаупта, армия не будет нуждаться в провианте. А поход на Украину Пипер определенно называл гибелью армии. Прежде всего погибнет брошенный на произвол судьбы Левенгаупт, который, не найдя никого ни в Могилеве, ни в Старишах, должен будет догонять уже ушедшую к югу шведскую армию, и русские могут на этом долгом пути его перехватить и уничтожить. Но тогда, оставшись без всего, что везет в своем обозе Левенгаупт, и зайдя так далеко в чужую страну, шведы падут духом. «Никто не может гарантировать, — заявлял граф Пипер, — что шведский солдат, который до сих пор сражался с радостью, не разочаруется во всем, наконец, и что ему даже и жизнь надоест, когда он увидит, что его привели в страну, откуда выйти когда бы то ни было у него нет никакой надежды». Заключительное пророчество Пипера было таково: «Концом

всего этого будет полная гибель столь цветущей армии, с которой король совершил такие блестящие деяния, и эта потеря будет невозстановимой как для самого короля, так и для шведского королевства»⁶¹.

Но восторжествовало мнение противников Пипера, во главе которых стоял неназываемый Нордбергом фельдмаршал Реншильд. Оппоненты Пипера говорили королю, что их ждет на Украине Мазепа с 20 тыс. казаков, что эти люди, прекрасно знающие свою Украину, окажут ценную помощь шведскому вторжению. Казаков можно пустить в ход, чтобы помешать москвитам истреблять припасы на Украине. А когда король выиграет там первое сражение, то «казаки покажут чудеса при преследовании неприятеля и истребят русских всех, целиком». Украина притом очень плодоносная страна, и «оттуда легко и проникнуть в Московию, и сообщаться с Польшей». Опровергали они и аргумент Пипера о возможной гибели Левенгаупта, которого отрежут от короля и разгромят на походе русские войска: Левенгаупт — генерал такой большой репутации, и у него такая прекрасная армия, что враги «подумают дважды перед тем, как осмелиться напасть на него».

Король решился. Армии велено было сняться с места и идти на Украину.

Чтобы покончить с вопросом о главном мотиве, побудившем Карла внезапно повернуть на Украину, приведем еще свидетельство Понятовского. Понятовский был во время похода на Россию представителем («резидентом») короля Станислава Лещинского при шведской армии. Вот как он говорит о планах Карла. Выходя «из немецких стран» (т.е. из Саксонии), шведский король поставил себе целью идти на Москву, а исполнив это, он намеревался затем вернуться в Германию и оказать помощь Франции (очевидно, против Австрии). Но, идя в Московщину через Польшу и Литву, Карл узнал по дороге, что русские все сжигают и разоряют на своем пути, в том числе даже принадлежащий России Мозырский повет и Смоленщину. Тогда король решил, что невозможно идти «голодным и разоренным краем», и пошел на Украину, имея в виду соглашение с Мазепой и «казачий бунт». А уж из Украины он пошел бы в глубь Московского царства⁶².

Таким образом, мы видим, что во внезапном повороте Карла на Украину, окончательно погубившем нашествие, главную, решающую роль сыграло последовательное применение Петром жолкиевского стратегического плана, а не расчеты на Мазепу.

Решительно то же самое впоследствии сказал граф Пипер Петру Великому в присутствии Головкина и Шафирова 25 июля 1709 г. в Киеве, куда привезли пленного шведского министра. Петр прямо поставил вопрос: не Мазепа ли был причиной, почему шведы вдруг повернули на Украину. Пипер ответил, что у них решительно никакой переписки с Мазепой не было вплоть до того времени, когда шведское войско совсем далеко вошло в глубь Украины и очень приблизилось к Мазепе. А когда Петр повторил свой вопрос о причине поворота шведов на Украину, то Пипер привел слова Карла XII, что «неприятель безостановочно убегает и всюду на 7—8 миль все сжигает, и поэтому, если бы дальше шведы так (т.е. по прежнему направлению на Смоленск. — *Е.Т.*) шли, то должны были бы погибнуть». Вот почему, заявил Пипер, король был принужден свернуть на Украину.

Есть и еще свидетельства, подтверждающие эти утверждения Понятовского и Пипера, бывших в ежедневных сношениях с Карлом XII с самого начала похода.

Впечатление от головчинской победы держалось долго и очень усиливало предприимчивость Карла XII. Людям из его окружения, которым не нравилось, что шведская армия, не дождавшись Левенгаупта, предпринимает далекий путь на юго-восток, Карл отвечал так, как он ответил Гилленкроку во время решающих совещаний (или, точнее, разговоров) в Старишах: «Мы должны дерзать, пока нам везет счастье» (*vi maste vaga, salange vi aro i lyckan*)⁶³.

Но, конечно, с того момента, когда шведы повернули к Украине, бывшие у них еще с 1707 г. расчеты на Мазепу должны были тотчас же выступить неминуемо на первый план.

Итак, на юг, на Украину. Тотчас после совещания генерал-квартирмейстеру Гилленкроку приказано было выработать и уточнить маршрут.

Решено было идти в Северскую Украину, и шведы наметили ближайшей географической целью город Стародуб только потому, что была надежда устроиться там на более или менее возможных квартирах. Хотя элементарная осторожность повелевала еще повременить, подождать Левенгаупта с его богатым обозом, но положение было такое, что просто невтерпеж было оставаться на месте: «были полки, которые уже три недели не получали хлеба». Голодали и лошади. Гилленкрок, констатируя это убийственное положение, все-таки попытался упросить короля еще пообождать и уверял, что он как-нибудь достанет хлеба если не для всей армии, то для кое-каких полков, и достанет также корм для лошадей на несколько дней. Но, очевидно, даже в такую скромную удачу не поверили.

15 сентября (по русскому счету 14) шведский авангард под начальством генерала Лагеркроны, а за ним и король со всей армией двинулись на юг к Стародубу.

Тут сразу же невидимая, но зловещая атмосфера народного сопротивления начала охватывать армию агрессора: нельзя было ничего узнать ни о правильном пути, ни о местопребывании армии Шереметева, потому что буквально все жители встречных деревень разбегались и прятались в лесах. И безвестно пропадали навеки все посылаемые на северо-запад к Левенгаупту гонцы из главной армии, так что долго невозможно было составить себе понятия о том, что с ним и с его обозом. А голод на походе продолжался. Подходили к Стародубу — и тут ждало шведов очень серьезное разочарование.

Петр еще раньше Шереметева узнал, что шведы пришли в Кричев. Немедленно Шереметеву и Алларту с их двумя дивизиями приказывалось идти впереди или с фланга неприятеля: «...как наискоряя у неприятеля перед или бок взять». Шереметеву сообщалось при этом, что фельдмаршал-лейтенант Гольц уже «отпущен» к нему, а Ренцелю также будет в нужное время приказано идти к Шереметеву. Шведы шли быстро, и хотя фельдмаршалу и предписывалось идти «наискоряя», но Петр, кончая свое письмо, прибавляет постскрипtum, приказывая по-

слать вперед («наспех») шестьсот человек в Стародуб, чтобы поддержать дух жителей («для лутчей надежды черкасом»)⁶⁴.

Как только в русском стане узнали о движении шведов из Старишей на Украину, Петр велел Шереметеву с пехотой, не задерживаясь в Рославле, идти прямо на Стародуб. Шереметев немедленно стал разведывать пути в Стародуб, что было нелегко, дороги были «зело узки и грязны», а провианта было, правда, на две недели, но вследствие скорого марша из ржи «не без труда управлять муку» приходилось. Где именно шведы находятся, Шереметев не знал и «небезопасен пребывал». Беспокоили его и известия от «господ министров, что в Стародубе провианту ничего не собрано»⁶⁵. Но поскорее занять Стародуб являлось делом первой необходимости. Русская армия двинулась к Стародубу. Впереди шел Инфлант, который, по расчетам Шереметева, уже «сими числами» (т.е. 28 сентября) должен был быть в Стародубе, за Инфлантом шел фельд-маршал Гольц, а в четырех милях за Гольцем — сам Шереметев. В Почепе стоял Ренне, следивший за «неприятельскими оборотами», и не только наблюдал «обсервовал», но по возможности и чинил препятствия. Дорога была трудная, лесная, большие были грязи, но все-таки удавалось делать в два дня 55 верст⁶⁶.

Но дальше дело пошло хуже. Шереметев шел от Почепа, делая в день по 5 и по 6 миль, и доносил Петру: «В такие пришли леса и грязи, что впредь таких маршей чинить не можем». Так обстояло дело с пехотой. А кавалерия не могла делать в день больше 7—8 миль, так как лошади от великих маршей «стали томны».

Уже 1 октября Шереметев узнал, что шведский отряд в 5 тыс. человек под командой генерала Лагеркроны стоит близ Стародуба, а сам король шведский находится в 3 милях, не доходя Мглина. Но русские предупредили шведов: Инфлант уже подошел к Стародубу, Ренне был при Почепе, Гольц подходил к Почепу. Следует отметить, что русские в этот момент несколько не боялись сражения под Стародубом с войсками Лагеркроны. Шереметев «над оными неприятельскими войски, которые стоят близ Стародуба, промысел при помощи божьей чинить велел» и немедленно получил от генерала Инфланта

ответ, что он намерен с неприятелем встретиться и «военно поступать».

Местность до Стародуба была опустошена. Из местечка Мглин жители ушли, а пушки и порох русские вывезли⁶⁷.

Неожиданное движение Карла не на Смоленск, а на Украину ставило Шереметева в трудное положение. Ему необходимы были инженеры и работник, которые состояли под начальством Семена Нарышкина и уведены были им ближе к Смоленску. Шереметев жалуется, что ему нужны инженеры, «понеже при себе ни единого не имею», а также и работные люди, без которых приходится на земляных работах «трудить солдат»⁶⁸.

Постояв в 4 милях около Мглина, неприятельская армия, предшествуемая нерегулярной конницей «волошей», а также «знатной частью» кавалерии, двинулась к Почепу.

Генералы, собранные Шереметевым на совет, решили в случае общего наступления со стороны шведов отступить⁶⁹.

Но того же 9 октября Шереметев получил известие, что «неприятельское войско начало идти к Стародубу» под начальством самого короля. В Стародубе Шереметев сосредоточил 4 батальона пехоты и 400 человек драгун. А кроме того, к Стародубу были отправлены два черкасских полка: Переяславский и Нежинский. Генерал Инфлант, совершая 9 октября поиск, напал на отряд шведов, идущий из разбитой под Лесной армии Левенгаупта. Отряд шел на соединение к королю и бежал от Инфланта, оставив убитыми в бою 130 человек солдат и 3 офицеров, а также знамя⁷⁰.

Следуя за движением противника, дивизии Шереметева, Гольца и Алларта вступили 13 октября в Погар, находящийся в 5 милях от Стародуба, а затем в тот же день было получено известие и от Инфланта, стоявшего еще ближе к Стародубу. Ситуация создалась уже 14 октября такая, что Шереметев и его генералы могли ждать нападения либо на Стародуб, либо в порядке полной неожиданности, «скрытым маршем» на Почеп. Из трех дивизий, бывших в распоряжении Шереметева между Почепом и Стародубом, пришлось «батальонам немалый расход учинить», выделить шесть батальонов на Стародуб, на Почеп и на охрану двух опасных переправ. Таким об-

разом, для полевого сражения со всей шведской армией сил у Шереметева было не очень много. Но 13-го числа главнокомандующий получил от князя Меншикова из Гомеля известие от 11 октября, в котором князь объявляет свой поход к Стародубу. Тем не менее Шереметев обращает внимание царя, что, во-первых, еще не все полки Меншикова переправились через р. Сож, во-вторых, что неизвестно, где находится упоминаемый в письме Меншикова бригадир Юшев, которому велено идти к Стародубу, и, в-третьих, где находится генерал Репнин, которому Петр велел быть при армии Шереметева. Ни Шереметев, ни Меншиков, ни царь не имели в тот момент и понятия о тяжком ударе, который готовил им в тылу изменник, и полагали, что могут свободно распоряжаться передвижением сил, находившихся под непосредственной командой Меншикова⁷¹.

Шведская армия оттеснила Инфланта от реки Вабли, где он стоял, и перед Шереметевым встала опасность, что шведы отрежут его войска от р. Десны. Эта опасность стала очевидной, когда было получено известие, что шведы пошли к Семёновке, находящейся на Черниговском тракте и всего в 6 милях от Новгорода-Северского.

Во время этих передвижений был опасный момент, когда русская пехота по оплошности генерала Ренне, не исполнившего данного ему приказа, оказалась без кавалерийского прикрытия. Возникла резкая ссора. Ренне заявил Шереметеву в ответ на его выговор, чтобы он не указывал ему, как служить. А затем отъехал к генералу Гольцу и объявил, что больше командовать над полком не будет, и сдал команду. Шереметев отказался принять это заявление и, жалуюсь царю, кстати упомянул и о другой провинности Ренне: тот вовремя не успел уничтожить бывшие в Мглине припасы. К счастью, шведы не сумели воспользоваться оплошностью Ренне и не напали на русскую пехоту под Гремячевом⁷².

22 октября Шереметев переправил через Десну под Каменем сначала дивизию Алларта, а потом одну за другой и другие дивизии. Отдельно переправлен был генерал Гольц с пятью конными полками. Таким образом, на стародубовской стороне Десны остался только бригадир Вейсбах с полком, а так-

же «нерегулярное войско». Это было сделано на случай какой-нибудь внезапной военной хитрости шведов, «дабы он лукавого варшу не учинил». Но шведы не имели достаточно сил, чтобы одновременно вести большую войну на двух отдельных театрах военных действий: в Северной Украине, которую они покинули, и в центре Гетманщины, куда они вступали⁷³.

25 октября через перебежчиков («выходцев») из шведской армии и от взятых языков Шереметев получил сведения, что неприятель, миновав Новгород-Северский, двинулся дальше к Десне и намерен начать переправу.

Русский главнокомандующий предполагал, что шведы уже стоят в Остроушках и Погребках, и он приказал Алларту, Ренцелю и Инфланту идти к тому «пасу» и «при том пасе будем неприятеля держать, ежели будет перебираться»⁷⁴.

Всегдашнее недоумение и традиционное разочарование всякого завоевателя, вступающего в русские пределы, овладевали постепенно Карлом и его штабом по мере движения еще по Белоруссии. Как впоследствии Наполеон в 1812 г. и еще позднее немецко-фашистская армия в 1941—1945 гг., Карл был слишком избалован своими прошлыми победами и поведением поработанных народов, и с ним случилось то же самое, что в свое время и с ними: переход от западных стран к России показался разительным. В Датской земле, в Польше, Саксонии население обнаруживало почти тотчас же после первых шведских военных побед полную покорность и доставляло за деньги или из страха в шведский лагерь решительно все, что агрессору было необходимо. Иногда приходилось, правда, за долгие годы удачных походов издавать одну-две прокламации к населению, обещать милость покорным, погрозить кулаком сопротивляющимся. А иногда и этим не стоило себя беспокоить. Вот возьмем для примера «декларацию» от 5 сентября 1706 г., которую издал Карл XII, вступая в Саксонию, «для успокоения народов и избавления их от страсти», как выражается его верный камергер и летописец его подвигов Густав Адлерфельд. Король милостиво обещает покровительство всем, кто «без сопротивления» отдаст шведам все, что шведы от них потребуют. А те, кто не захочет исполнить то, что будет им приказано, будут караться с самой крайней суровостью, их будут пре-

следовать и накажут огнем и мечом. Вот и все «успокоение». Но его даже и не потребовалось. Саксония отдала им без тени сопротивления все, что имела, — и хлеб, и скот, и сукна, и оружие, и золотые «ефимки». Иногда, правда, шведским солдатам приходилось прибегать к некоторым мерам строгости, например поджаривать на огне саксонцев, которые не сразу говорили, куда они спрятали ценные вещи, но общего народного сопротивления не оказывалось.

Эта декларация 5 сентября была издана торжественно, с полным официальным титулом, который с древних времен и вплоть до XIX столетия носили шведские короли: «Мы, Карл, божьей милостью, король Шведов, Готов и Вандалов» (sic), и саксонцам этот титул, вероятно, показался заслуженным⁷⁵.

Но когда воинственный шведский король привел своих вандалов и готов в Белоруссию, к Десне, Днепру и Сожу, то оказалось, что ни обещанием покровительства, ни какими бы то ни было «вандализмами» ничего с белорусами не поделаешь и ничего из них не выжмешь. Население убегало в леса, многие гибли там, но гибли и шведы, которые охотились за убежавшими, чтобы заставить их дать хлеб. И горе было тем шведам, которые в этих блужданиях по лесам, полям и болотам оказывались во власти белорусских беглецов.

Французский поверенный в делах в Польше при Станиславе Лещинском де Безанвальд переслал через французского агента в Швейцарии Сент-Коломба (для сведения французского правительства) интереснейшую выдержку из письма, написанного непосредственно из действующей шведской армии. Письмо относится к первой половине сентября 1708 г., следовательно, относится к первым временам вторжения шведов в Россию: «Голод увеличивается в армии со дня на день, там уже совсем не знают, что такое хлеб, полки живут только кашей (de grains bouillis), вина нет ни в погребе, ни за столом короля; король, офицер и солдат одинаково пьют воду, о пиве напоминают только в пожеланиях, простой даже самой зловонной водки у нас нет вовсе и, как будто разгневанное небо согласилось с нашими врагами лишить нас всего, что могло бы служить нам пищей, нельзя найти ни одной штуки дичи, и это в стране и в лесах, где раньше все кипело дичью для охоты. Царь

приказал, чтобы при нашем приближении была выжжена вся местность от границы до мест в двух милях от Смоленска и в обширной стране, столицей которой является Смоленск...»

Автор письма горестно вопрошает: «Как мы будем жить в этой ужасной пустыне? О, как тяжела эта кампания, как мы страдаем больше, чем это можно выразить, и как это еще мало сравнительно с тем, что придется вынести дальше! Заморозки, очень частые в этих странах, перемежающиеся с сильными, холодными дождями, очень увеличивают наши бедствия»⁷⁶. И в другом письме (от 13 октября) Безанвальд сообщает не только о голоде, царящем в шведской армии, но и о том, что ухудшение продовольственного положения объясняется невозможностью фуражировок в окрестностях мест расквартирования армии вследствие нападений и налетов (*à cause des sauteurs*). Это слово тут обозначает не «разъезды», как перевела редакция ТРВИО. Речь явно идет о действиях нестроевых «партий»⁷⁷. Общие выводы Безанвальда — весьма неутешительные для шведского предприятия.

Еще идя по Белоруссии, шведы испытывали такой жестокий недостаток провианта, что «многие люди и лошади помирали... и для того голоду многие из офицеров били челом королю об отпуске и король де их из службы не отпускал, а увещевал их, что будут иметь в Украине во всем довольство». Но вот уже полков пятнадцать «перешли через нужные леса» (т.е. вступили на Украину), «только довольства великого ни в чем не имеют, потому что люди из сел и деревень все уходят в леса, а на продажу ничего к ним не везут, а питаются тем, что где сыщут в ямах».

Так показал на допросе пойманный 29 сентября около Стародуба волынский шляхтич Якуб Улашин, при котором нашли то письмо от польского короля Станислава Лещинского гетману Мазепе, к которому мы еще вернемся дальше⁷⁸. Это письмо было написано так осторожно и конспиративно, что русские власти не могли из него понять, что гетман уже находится в каких-то сношениях с неприятелем. Выходило так, будто Мазепу впервые соблазняют на измену. Шляхтич Улашин, несколько раз подвергнутый пыткам, решительно ничего сообщить не мог, да едва ли, конечно, и знал что-либо.

Но его показаниям о голоде в шведском войске и о народной вражде к вторгнувшемуся неприятелю можно вполне верить, эти сведения подкрепляются и другими показаниями. Народная война уже начинала постепенно проявляться, шириться и углубляться с каждой неделей. В Стародубовщине, куда вступил посланный Карлом авангард генерала Лагеркроны, население точно так же отнеслось к неприятелю, как в Белоруссии: «а от черкаса худова ничего нет», потому что верны России, и шведам поэтому продавать «ничего не возят». Мало того: уже начали собираться партизанские отряды: «...а по лесам собрася компаниями ходят и шведов зело много бьют и в лесах дороги зарубают...»⁷⁹ — так доносил «сиятельному князю Александру Даниловичу» его «услужник атьютант» (sic) Федор Бартенев 12 октября. Читая страницу за страницей драгоценную, хронологически расположенную документацию, сохранившуюся в ЦГАДА и частично напечатанную в I и III томах ТРВИО, мы как бы присутствуем при постепенном усилении и развертывании народной войны на Украине. Сначала — бегство в леса, закапывание хлеба в ямы, потом образование местами партизанских отрядов («компаний»), затем нападения на шведских фуражиров, нападения на отряды при особо благоприятных обстоятельствах, наконец, деятельное участие в добывании шведов, не успевших бежать к Переволочной и рассеявшихся после Полтавы по ее окрестностям. В течение всего этого героического года — активное участие населения в обороне городов — Веприка, Красного Кута, Ахтырки. Эта документация иллюстрируется и дополняется и другими источниками, отчего ее убедительная сила только возрастает. «Черкасы», украинцы Гетманщины, Слободской Украины, вели себя так, что снискали хвалу и полное признание всех, наблюдавших события. И пусть читатель обратит внимание на одну характерную деталь: Федор Бартенев хвалил «черкасов» за то, что они «*ничего худова не делают*» и служат верно; Петр явно обрадованно сообщает несколько раз Апраксину, что народ малороссийский ведет себя так, что лучше и требовать нельзя; тот же тон у Шереметева, у Меншикова. Похоже, что не очень уверены были русские военачальники в настроениях недавно воссоединенной с Россией Украины. Знали, может быть, что

масса не изменит, но о настроениях старшины и, главное, о степени влияния старшины можно было судить по-разному. Петр с торжеством сообщает В.В. Долгорукову, что на Украине, несмотря на измену гетмана, все осталось по-прежнему, а у Мазепы и пяти человек единомысленных нет⁸⁰. Петр настойчиво повторял, что Мазепа даже и старшину, за ним пошедшую, взял обманом, уверив, будто ведет их сражаться против шведов: «И когда перешел реку Десну, то, приближался к войску шведскому, поставил войско, при нем будущее, в строй к баталии и потом объявил старшине злое свое намерение, что пришел не биться со оными, но под протекцию его королевскую, когда уже то войско, по его соглашению, от шведа окружено было»⁸¹.

Делом первой необходимости было обеспечить армию зимними квартирами, но Стародуба с налету шведы взять не могли и прошли мимо него с правой (западной) стороны. В город их не пустили, осаждать его у них не было времени, шла зима, а брать штурмом не было сил и не хватило решимости. Но Шереметев подозревал тут военную хитрость, так как слишком уж шведам нужен этот город, откуда они могли угрожать движением и на восток, и на запад, и на юг, да и запасы там были немалые. Поэтому фельдмаршал думал, что Карл хитрит и внезапно вернется и бросится на Стародуб: «Хотя неприятель от Стародуба и уступает якобы к Черниговскому тракту и языки о сем подтверждают, однако ж я имею опасность такую, дабы он лукавого маршу не учинил и, сведши войско за Десну, не обратился назад»⁸².

При вступлении на Украину, как раз проходя по Стародубовщине, Карл приказал своему штабу выпустить воззвание к населению «сей малороссийской земли». Написано оно на таком истинно тарабарском наречии, что ясно, перевод с шведского сделан либо шведом, либо немцем: все обороты и построение фразы это доказывают. Поляки и мазепинские писцы переводили гораздо понятнее. В воззвании (полторы больших страницы) сначала говорится о «несправедливости» со стороны Петра: «начал тую неправедную войну напрасно без всякой ему данной винности и в его королевскую землю насильем вступил». А затем указывается, что жители этих краев

«не своей вольностью, но неволей принуждены до сей войны при нем быти», и поэтому населению объявляется, что шведский король принимает всех в свою милость и охранение, только бы они жили в своих домах покойно с женами и детьми и «со всеми их пожитки без побезки и безо всякого страху», отправляя «всякие торговые и звычайные промыслы». Жителям рекомендуется «сколько можно на продажу приприводить запасу до войска его королевского величества». Но если кто будет причинять какой-либо вред («якую бы шкоду») шведским войскам или будет «себе в лесах своими пожитками ховать», то король будет с виновными строжайше («наикрепейше») обходиться. Вообще же его королевское величество надеется, что «каждый верны (sic. — *E.T.*) житель будет думать на свои старые вольности и благополучие» и о том, что царь московский их неволит и что «их старые вольности утрачены», и что царь «домы их и животы попалил и до конца разорил»⁸³.

25 сентября шведская армия пришла в Костеничи (неправильно называемое Гилленкроком «Коссиница»). Карл, уже десять дней не получавший никаких известий из авангарда от Лагеркрона, сначала тешил себя иллюзией, что Лагеркрона уже вошел в Стародуб и занял его, а потом не переставал на него гневаться и называть его «дураком» и «сумасшедшим», когда постепенно стало ясно, что Лагеркрона заблудился и прошел сильно вправо от Стародуба. И тотчас же после этого русский генерал Инфлант занял прочно Стародуб.

Но дело обстояло еще гораздо хуже, чем думал Карл, и все не в том была главная беда, что Лагеркрону украинские крестьяне сбили с толку и направили по неверному пути. Когда король продолжал браниться и заявлял, что Лагеркрона, очевидно, просто «сошел с ума», пройдя мимо Стародуба и не взяв его, то ему наконец всеподданнейше объяснили: Стародуба Лагеркрона взять бы и не мог, казаки не пустили бы. А почему не было вовремя никаких сведений о Стародубе и обо всем этом округе? Ответ Гилленкрока гласил: «Потому что все жители (города и окрестностей) разбежались».

Эти неутешительные ответы не оставляли ничего желать в смысле полной своей определенности.

От Стародуба Карл повернул на юго-запад. В первый раз с полной очевидностью выяснилось, до какой степени недостаточны силы агрессора для начатого им грандиозного предприятия. Послушаем человека, с которым Карл иногда делился своими мыслями и планами так откровенно, как ни с кем. Вот что говорит Нордберг по поводу отступления от Стародуба: «Намерение короля воспрепятствовать москвитам проникнуть в Украину провалилось таким образом потому, что Стародуб был главным городом этой провинции и единственным местом, откуда русские могли (в Украину) проникнуть. Кроме того, мы лишались превосходных зимних квартир, где армия могла бы в изобилии найти средства существования: все деревни были полны фуража, а города были снабжены всем, что только можно было себе пожелать»⁸⁴.

Мы видим, что Карл, с полной ясностью понимания и ни в малейшей степени не преуменьшая прискорбного значения своей неудачи, уходил, не решаясь принять бой с Шереметевым, потому что быстрое занятие Стародуба русскими было, в сущности, прямым вызовом.

И тут же в Костеничах Карлу пришлось услышать еще гораздо более роковую новость. 2 октября (1-го по стар. ст.) в королевскую главную квартиру ввели только что прибежавшего солдата из войска Левенгаупта, о котором два месяца ничего не было слышно. Наконец король получил так долгожданную первую весть. Но известие было в высшей степени удручающим. Солдат рассказал, что русские напали на Левенгаупта, что сражение длилось с 11 час. утра до ночи, что шведы и русские остались после битвы недалеко друг от друга, но что ночью Левенгаупт со всей армией украдкой («как можно тише») снялся с места и ушел от русских. Было ясно, что шведы разбиты. Но Карл не хотел верить этому и все твердил, что солдат лжет. Однако за первым вестником появились и другие. Король не мог скрыть своего беспокойства и тяжкого волнения. Он лишился сна, ночью не ложился в постель и не мог оставаться один. По ночам он неожиданно приходил то к Гилленкроку, то к полковнику Хорду, долго сидел у них и молчал. Но они по его мрачному лицу видели ясно, что он уже убедился в том, что прибежавший солдат не солгал и что какое-то

страшное несчастье стряслось над Левенгауптом. Гилленкрок считает, что в эти тяжкие дни и ночи в Костеничах Карл впервые стал сомневаться в конечной победе. Если это было так, то отныне Карл повел двойную жизнь, потому что на людях он продолжал бодриться и толковать о взятии Москвы и о том, что все обстоит благополучно.

Он велел выступить из Костеничей и идти навстречу Левенгаупту.

Характерно, что Карл XII, получив известие о непоправимом несчастье с Левенгауптом, придя в Белогорск (недалеко от Стародуба), написал Левенгаупту письмо, составленное в духе отличавшей шведского короля способности лгать в глаза с самым безмятежным челом, когда требуется превратить поражение в победу: «До меня уже раньше дошли слухи о счастливом деле, которое вы, г. генерал, имели с неприятелем, хотя сначала распространялись известия о том будто вы, генерал, разбиты»⁸⁵. Левенгаупт знает, что ведет к королю не 16 тыс. человек с колоссальным обозом и артиллерией, а 6700 человек без обоза и с очень малой частью артиллерии и что обоз в руках русских и другие 8—9 тыс. шведских солдат либо тоже в руках у русских, либо лежат в лесах и болотах мертвые.

И король тоже уже в главных чертах знает это. И все-таки поздравляет Левенгаупта со «счастливым делом» (*dhen lyckeliga actionen*). Никак не мог он принудить себя открыто признать, что ненавистные русские одержали победу, хотя все видели, как его терзает эта фатальная весть, оставляющая его без сна долгие осенние ночи напролет.

Разбитая армия Левенгаупта встретила наконец с королевской, а 12 — 13 октября генерал явился к королю.

Левенгаупт тогда рассказал, что с ним случилось. Показание солдата, которому не хотели верить или делали вид, что не верят, оказалось вполне правильным. Левенгаупт лишь добавил то, чего не знал или чего не осмелился рассказать солдат: он, генерал Левенгаупт, бросил весь обоз, побросал в реку почти всю артиллерию, весь порох и ушел ночью, чтобы спасти остаток своего отряда. Этот остаток, по его показанию, 6700 человек (из 16 тыс.), уцелевших от побоища при Лесной, он и привел к королю.

Тут только Карл впервые узнал о размерах происшедшей катастрофы. Она превзошла худшие его опасения. И все-таки роковое ее значение в полном объеме он оценил лишь много позднее.

Но теперь, раньше чем говорить о том, что сделали шведы, узнав о катастрофе Левенгаупта, мы должны коснуться в основных чертах этого исторического события первостепенной важности.

15

С того момента, когда Карл XII отказался в Старишах от мысли ждать Левенгаупта и двинул армию в Северскую Украину, назначив ближайшей целью Стародуб, Левенгаупт, пробиравшийся белорусскими лесами и болотами, торопясь к королю по трудно проходимым грязям, оказался в весьма не безопасном положении. Он не сразу мог это понять, потому что не имел точных сведений ни о том, где стоят главные королевские силы, ни о том, каковы ближайшие намерения Карла XII. В одном только, как явствует из позднейших его заявлений и действий, он был убежден, что эта главная шведская армия, предводимая непосредственно самим королем и высшим генералитетом, непременно задержит все русские вооруженные силы на дороге к Смоленску, куда, как он знал, первоначально направлялось шведское нашествие, или, вообще говоря, на любом другом направлении, куда двинется король. Следовательно, ему, Левенгаупту, с его колоссальным обозом, охраняемым большим по тогдашним масштабам отрядом в 16 тыс. человек (приблизительно), опасаться серьезного нападения с русской стороны не приходилось. Во всяком случае, он решил принять все меры, чтобы избежать столкновения по дороге и привести королю свои семь, а по другим показаниям, без малого восемь тысяч телег в неприкосновенности. Левенгаупт тогда еще не получил ждавшего его страшного урока, и ему представлялось, что всецело от шведов зависит при данных обстоятельствах искать сражения или избегать его. Тут-то он и ошибся, как ошиблись на совещании в Старишах советники Карла, заявлявшие, что о Левенгаупте беспокоиться нечего: русские «не

решатся никогда напасть на столь искусного генерала». Но русские решились.

Главным русским силам, состоявшим под предводительством фельдмаршала графа Шереметева, поручалось идти к югу, параллельно шведскому войску, и не выпускать армию Карла XII из вида. Войскам Шереметева (отряд генерала Инфланта) и удалось, как мы видели, вовремя перехватить у шведов Стародуб, а потом и Новгород-Северский. Но перед тем, как Шереметев пошел следом за Карлом и параллельно движению Карла, Петр отделил от его сил отряд, с которым и решил лично привести в исполнение очень важное и опасное предприятие: воспользоваться изолированным положением Левенгаупта и атаковать его на походе.

Этот летучий корпус, «корволант» (*corps volant*), и сыграл колоссальную роль в первый период борьбы с шведским нашествием, и если бы за Петром была только заслуга той победы, которую он одержал, командуя «корволантом» до Лесной и во время Лесной, то уже и это дало бы право на признание его высоких дарований как полководца.

По свидетельству Петра, он получил 10 сентября в Соболеве «подлинную ведомость, что неприятель уже Сожу реку перешел со всем войском и к Украине марш свой восприял». И тогда же одновременно получено было и другое известие, что генерал Левенгаупт «от Риги идет со знатным корпусом во случение своему королю».

Оба известия были тревожными. Во-первых, выходило, что «неприятель маршем обманул» и благополучно одолел трудную речную переправу («трудный пас»). А во-вторых, стало ясно, что шведская главная армия — накануне получения большой подмоги. Если бы в тот момент Петр и его генералы в точности знали, что приход Левенгаупта означает для Карла получение таких огромных запасов, которых должно было хватить до самой Москвы, то серьезность положения была бы для них еще яснее.

Во всяком случае, пришлось разделить русские силы и пустить их по двум направлениям. На военном совете, тотчас же созванном Петром, было принято следующее решение: главные силы русской армии пойдут за главным войском, где ко-

мандует Карл, а особый крупный отряд должен найти Левенгаупта и немедленно атаковать его. Главная армия пошла под предводительством Шереметева параллельно направлению, которое принял Карл, а начальство над корпусом, предназначенным действовать против Левенгаупта, взял на себя царь.

Левенгаупт шел по лесным тропам, обходя болота, причем, согласно данному в общих чертах приказу короля, старался миновать противника и как можно скорее присоединиться к главной армии, доставив невредимым драгоценный обоз.

22, 23 и 24 сентября армия Левенгаупта со своим колоссальным обозом у Шклова переходила через Днепр. Генерал понятия не имел, где находится его король, а король еще меньше знал, куда пришел его генерал.

У Петра, ускоренными маршами шедшего на перерез движению Левенгаупта, было 4830 человек пехоты и 6795 человек кавалерии. Петру не удалось подоспеть к Шклову, так как его сбили с толку показания подосланного шведами шпиона. Левенгаупт переправил свой 16-тысячный отряд, 17 орудий и колоссальный обоз через Днепр в 3 дня. Петр окончательно удостоверился только 25 сентября, что Левенгаупт уже на левом берегу Днепра и направляется к Пропойску.

Еще не дойдя до Шклова, Левенгаупт узнал, что против него идут, догоняя его, русские. А так как ему сообщили, что при этом войске находится сам царь, то у него были все данные думать, что ему приходится считаться со всей русской армией. Это было полной для него неожиданностью. Обе стороны были плохо осведомлены. Если Левенгаупт ничего не знал о войске Шереметева, то и русские не знали ничего точного о шведских силах: они думали, что у Левенгаупта тысяч 8 человек, а у него было вдвое больше — 16 тыс. Эту свою ошибку отмечает сам Петр в своем «Журнале». Не знали русские и того, по каким дорогам кружит Левенгаупт, пробираясь к Днепру, и поддались обману подосланного шведами шпиона, уверившего, будто Левенгаупт еще не перешел Днепра, и сбившего русскую армию с пути. К счастью, случайная встреча с человеком, видевшим армию Левенгаупта, открыла глаза Петру. Подосланный шведами лазутчик был повешен, а русский отряд, потеряв много времени, нашел наконец шведов, уже перепра-

вившихся через Днепр, и занял возвышенность у деревни Долгие Мхи. Дело было 27 сентября.

Самым невероятным и, однако, вполне установленным фактом в истории катастрофы Левенгаупта надлежит признать следующее: в апреле (1708 г.), когда король с армией уже стоял в Радашковичах и собирался двинуться к Минску, Левенгаупт специально приезжал к нему из Курляндии, где заканчивал сбор в дорогу и организацию своего обоза, и приезжал специально, чтобы получить точные сведения о ближайших планах Карла, но с чем приехал, с тем и уехал обратно. Он ничего решительно не добился от короля, кроме общих наставлений и указаний. Карл ничуть не счел нужным ознакомить его с планом своих ближайших действий и программой похода⁸⁶. Поэтому после Шклова Левенгаупт шел буквально наобум и впервые осведомился точно о местопребывании главной королевской армии лишь после своего поражения под Лесной.

Армия Левенгаупта состояла, по утверждению Петра (в письме к В.В. Долгорукову, писанному 29 сентября 1708 г., на другой день после битвы под Лесной), из «природных шведов и ни одного человека не было в оном корпусе иноземца»⁸⁷. Это царь утверждал, очевидно, со слов пленных, которых приводили к нему. Но мы знаем и из шведских источников, что в самом деле Левенгаупту даны были не только рекруты, о которых бегло тоже поминается, но и отборные части из резервов, прибывавших к нему в течение весны и лета из Швеции и Курляндии, где он стоял. Слишком ответственна была задача, возложенная на шведского полководца. Те семь или без малого восемь тысяч груженных возов, которые он должен был доставить в лагерь Карла XII, везли королю боезапасы и продовольствие, которых должно было хватить шведскому королю от Литвы до Москвы. Шла с этой армией и артиллерия.

Что у Левенгаупта очень большой отряд, а не просто охрана «движущегося магазина», об этом в русской армии узнали только по пути к селению Долгий Мох (или Долгие Мхи), т.е. за два дня до столкновения двух войск. От этого селения, где, казалось, Левенгаупт поджидал русских, шведы отошли к Лесной после завязавшегося и неоконченного боя. Левенгаупт стремился пройти через эти опасные для его колоссального,

громоздкого обоза лесные чащи и болотистые перелески и выбраться к Пропойску, откуда и идти прямой дорогой к королю.

В ночь с 27 на 28 сентября авангард петровского «корволанта» напал на шведов, расположившихся на поляне близ деревни Лесной. Со всех сторон сражающихся окружали леса. Русская атака 27-го была отражена.

Начальные часы боя 28 сентября не были удачными для русских, потому что по условиям местности они ввели в бой лишь одну часть своего авангарда. Вовремя подоспевшая другая часть отбросила шведов. Но это было лишь началом дела и заняло утренние часы. Столкновения шли с перемежающимся успехом.

После полудня сражение развернулось во всю ширь. Русская армия, имея впереди восемь батальонов пехоты и четыре драгунских конных полка, двинулась на неприятеля. За этой первой линией шла сильная кавалерия — во второй линии шесть, а за ней еще два драгунских полка. Но и эта вторая линия тоже была поддержана пехотой, хотя и почти вдвое меньше численно, чем та, которая должна была выдержать первое столкновение.

Левенгаупта впоследствии упрекали в том, что он еще перед боем ослабил свои силы, отрядив большую группу пехоты и конницы для сопровождения и охраны в пути обоза, который он вез к королю. Но Левенгаупт иначе и не мог поступить: ведь для него самое существование столь большого, специально против него направленного петровского «корволанта», который он мог счесть авангардом всей русской армии, было совершенным сюрпризом. Многозначительным было и присутствие самого царя. Левенгаупт узнал обо всем этом только в пути, до Шклова, т.е. до перехода через Днепр. Сообразив, что ему придется пробираться сквозь леса, считаясь с сильными атаками неприятеля, шведский генерал и спешил поскорее вывезти из лесов свой обоз и отправить его к Пропойску и дальше, а сам с большей частью своей армии решил задержать русских у Лесной. Примерно до полудня 28 сентября ему это и удавалось. Но русские в конце концов выбили шведов из леса и не дали Левенгаупту завершить начатую им попытку охвата

русского левого фланга. Видя, что положение опаснее, чем казалось, Левенгаупт приказал той группе своих войск, которая конвоировала обоз до Пропойска, вернуться спешно и принять немедленно участие в сражении. Но если шведы ждали и дождались возвращения (с полдороги) этого своего авангарда, то и русские ждали и тоже дождались абсолютно для шведов неожиданной и гораздо более существенной поддержки: как и другие великие полководцы, как, например, во всех важных случаях поступал впоследствии Наполеон, Петр, готовясь к решающему бою, стягивал к месту сражения буквально все войсковые соединения, какие только мог стянуть к главному пункту и в критический момент. Перед нападением на Левенгаупта за несколько дней он распорядился, чтобы к нему, в помощь его «корволанту», поспешили отряды: Вердена, стоявший очень далеко (в Моготове, южнее Смоленска) и поэтому опоздавший к генеральному бою, и Боура, который вышел из Кричева почти одновременно с тем, как Верден вышел из Моготова, но которому пришлось поэтому проделать несравненно более короткий путь. Боур подошел к Лесной в самый решающий момент: русская атака после прибытия Боура опрокинула шведов, которые пытались спасти имевший для них колоссальную важность мост по дороге в Пропойск. Русские взяли мост, шведы после отчаянной новой схватки вернули его, но Левенгаупт с полной очевидностью усмотрел абсолютную невозможность удержать мост и спасти свой обоз, который так и не добрался до Пропойска. Когда темная и бурная снежная (хотя дело было 28 сентября) ночь прекратила сражение, то положение для шведов оказалось безнадежным: русские занимали две позиции — одну, взятую у шведов еще утром, у самой деревни Лесной, и вторую — около моста и недалеко от шведского обоза. Предстояло в случае возобновления боя утром 29 сентября либо потерять весь обоз и подвергнуть полному разгрому еще уцелевшую от кровопролитнейшей битвы 28 числа часть шведской армии, либо спасти остаток армии и уходить, бросив обоз на произвол судьбы. Левенгаупт предпочел, конечно, второе... Под покровом предрассветной мглы он ушел. Его разгромленная армия не имела времени даже уничтожить сколько-нибудь значительную часть своего обоза, как ни обид-

но было Левенгаупту сознавать, что почти все эти богатства, боеприпасы, продовольствие, которые с таким трудом, с такими колоссальными затратами Швеция посылала королю и которые сам Левенгаупт месяцами собирал в Курляндии, — что все это попало благополучно (для русских, но не для шведов) к русским. Только артиллерию и порох удалось в значительных количествах не оставить русским, а утопить в болотах и в реках Леснянке и Соже. Шведам, однако, нельзя было терять много времени на эти прискорбные размышления, должно было поторапливаться. Бросив обоз, оставив в роковом для него лесу половину своей армии мертвыми или пленными, Левенгаупт направился спешными маршами к югу, преследуемый по пути налетами русской конницы.

16

Потерпевший жестокое поражение корпус Левенгаупта, потерявший весь свой громадный обоз, шел к королю, подвергаясь постоянным мелким и не таким уж мелким нападениям от параллельно шедших или перед ним отступавших частей русской армии. Шведы шли по выжженным деревням, брошенным жителями, и чем ближе к Стародубу, тем им приходилось труднее. Как уже отмечалось, 9 октября при урочище Дыщцах, в двух милях от Стародуба, один такой русский «поиск» кончился для шведов потерей 130 человек⁸⁸. Эти нападения были непрерывны. «А подъезды наши непрестанно, милостию всевышнего с неприятелем видятся счастливо и приводят и офицеров и рядовых в полон»⁸⁹, — доносят царю 15 октября с похода Шереметев, Головкин и Шафиров.

Только 12 (13 по шведскому счету) октября в деревне Рухово Левенгаупт предстал пред своим королем, которому он доставил вместо подкрепления в 16 тыс. бойцов и колоссальных запасов провианта и боеприпасов 6700 измученных и голодных солдат, которых нужно было кормить, уменьшая и без того скудные рационы главной армии.

Гибель всего обоза под Лесной оказалась для похода Карла XII несчастьем непоправимым. Это роковое событие должны были признать даже такие «сверхпатриотические» очевид-

цы, соучастники и летописцы событий, как, например, духовник короля Карла XII Нордберг. Нужно сказать, что мастигый богобоязненный капеллан, описывая битву под Лесной, лжет совсем уж безудержно, превращая тяжкое поражение Левенгаупта в победу. Но все-таки и он, подведя итоги результатам боя, опомнился и как бы решил махнуть рукой на все, что он только что насочинял. Вот что он пишет в заключение: «Невозможно не согласиться, что в этом случае ничего не могло нас более огорчить, чем уничтожение наших запасов и потеря этого большого обоза, на прибытии которого мы основывали все наши надежды и который стал для нас тем более необходим, что численность наших войск значительно увеличилась». Нордберг имеет в виду не только несколько тысяч голодных ртов, поступивших на иждивение главной шведской армии после прихода Левенгаупта, но и те 2 тыс. казаков, которых привел к Карлу гетман Мазепа спустя несколько дней.

Новые и новые показания шведских пленных, спасшихся бегством, дополняли и уточняли картину полного разгрома Левенгаупта под Лесной. Состоявшие при обозе шведские солдаты утверждали даже, что уцелело всего две телеги, а из войска ушло с Левенгауптом всего 4 тыс. человек: «А ныне де в войске провианту нет ничего, помирают з голоду и многие от голоду бегут и мрут и больных многое число»⁹⁰. И постоянный припев в этих «допросных» показаниях пленных: «король хочет итти на зимовую квартиру...» И тут же прибавляют, что неизвестно, где будет эта «зимовая квартира»: «...а которым трахтом по[й]дут — сказать не знают».

По некоторым шведским показаниям, отбитый русскими обоз Левенгаупта был еще больше, чем выходило по первоначальным русским свидетельствам. С поля битвы Левенгаупт послал немедленно как бы устную эстафету о происшедшем несчастье королю Карлу, но майор Лезен, посланный с эстафетой, попал по пути вместе с двумя провожатыми в руки русских. Благодаря этой счастливой случайности русское командование узнало много «полезнейших окрестностей» (подробностей) о том, что случилось. Оказалось, что у Левенгаупта было в бою под Лесной 16 тыс. человек, а обоз его состоял не из 6 и не из 7, но из 8 тыс. груженых телег. Провианта в этом

обозе должно было хватить на *всю* шведскую армию на три месяца, казна (тоже захваченная русскими) представляла собой «в Курляндии и в Литве собранные контрибуции денег». Подробности, сообщенные перехваченным курьером, рисуют картину жестокой паники, охватившей армию Левенгаупта в момент ее окончательного поражения. Шведы, стойко выдерживавшие тяжкий бой, начиная с вечера 27 сентября и продолжая весь день 28 сентября, вдруг в ночь с 28 на 29 пали духом и бросились бежать врассыпную: «Когда сей жестокой бой уже в самую темную ночь скончался, и тогда остаток от шведского войска, которого он с три или четыре тысячи быти чает, под защищением темноты наскоро чрез речку, которая у них в тылу была, в совершенном смущении спастися трудились». Дисциплина исчезла в этот момент внезапно и без остатка: «...ни генералов, ни офицеров уже не слушались и как кавалерия, так и инфантерия смешався бежали: и когда тако ночью бежав з две мили даже до Пропойска, к реке Соже пришли и оную без мостов и бродов пред собою обрели, и тогда де их генерал Левенгаупт и генерал-майор Штакелберх, который картечем зело тяжко ранен, без писем с сею печальною х королю послали и изустно оному донести повелели, что они на голову побиты и весьма себя за погибших считают, ибо не знают себе никакого убежища»⁹¹.

Петр считал, что русская победа была обусловлена тем, что бой происходил в лесной чаще. «Как я сам видел, и бой на сей баталии, ежелиб не леса, тоб оные выиграли; понеже их 6000 больше было нас»⁹². Искусство русского командования, между прочим, в том и состояло, что шведов загнали в лесные чащи и гнали их к Пропойску весь день 28 сентября лесом. Царь считал, что шведов перебитых осталось не менее 8 тыс. человек, но он оговаривается, что не считает тех, которых перебила при преследовании русская нерегулярная конница.

Отчетливее всего, совсем вкратце, рисуется картина сражения под Лесной в первом письме об этом, которое послал Петр Ф.Ю. Ромадановскому 29 сентября с поля битвы («з боевого места»): «Объявляю вам, что мы вчерашнего дня неприятеля дошли, стоячего зело в крепких местах, числом шестнадцать тысяч, которой тотчас нас из лесу атаковал всею пе-

хотоу во фланк». Затем русские три полка, дав залп, пошли на шведов. «Правда, хотя неприятель зело жестоко ис пушек и ружья стрелял, аднакож, оного сквозь лес прогнал к их коннице». Потом начиная с часу дня и «до темноты» шел бой «с непрестанным зело жестоким огнем». И долго нельзя было определить исход битвы: «И неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории нельзя было во весь день видеть, куды будет». Но в конце концов неприятеля «сломив побили на голову, так что трупов с восемь тысячь на месте осталось», не считая тех, которые «по лесам от ран померло» или истребила нерегулярная конница при преследовании. Даже в этом совсем кратком сообщении Петр отмечает колоссальное последствие победы: «Обоз весь з две тысячи телег, шестнадцать пушек, сорок два знамя и поле совсем осталось нам». В письме к Ив. Андр. Толстому Петр несколько попозже (но все в тот же день 29 сентября) сообщает с торжеством, что результаты победы выясняются в еще более и более значительном виде, «сия виктория еще час от часу множитца» и что разгромлена армия, *сплошь* состоявшая из «природных шведов», «ни одного... иноземца» не было⁹³. Именно «природные шведы» и были наилучшей боевой частью армии Карла XII. В письме к П.С. Салтыкову от 3 октября Петр удостоверяет, что во взятом «достальном» обозе оказалось еще «с три тысячи телег»⁹⁴.

На рассвете 29 сентября тронувшись с места ночевки, шведы, постепенно ускоряя темп отступления, особенно после Пропойска, где на них с большим успехом напал генерал-поручик Пфлуг, уже определенно ударились в бегство. Левенгаупт «с людьми своими побежал великим скоком от стрельбы нашей», — доносил 30 сентября царю бригадир Федор Иванович Фастман.

Под Лесной шведы потеряли весь свой обоз, но это не значит, что полностью все семь с лишним тысяч груженных телег попали в руки русских. Цифра, определяющая число захваченных русскими телег, — две тысячи. Эту цифру мы находим в «Журнале» Петра, но формулировка тут не ясна: говорится, что Меншиков догнал неприятеля у Пропойска, где «...и достальный их обоз больше двух тысяч телег взял...»⁹⁵. По смыслу фразы выходит, что если Меншиков взял «достальный» обоз,

то почти весь-то он или хоть значительная часть его была взята раньше. И в самом деле в «Журнале» говорится, что при нападении Боура с 3 тыс. драгун (еще до появления Меншикова) «...и обоз взяли и совершенную викторию получили». Но точной цифры телег, взятых русскими, тут не приводится. Во всяком случае, если по шведским источникам глухо говорится, что шведы уничтожили сами свой обоз, то это явная похвальба. У них для этого в их бегстве, да еще в снежную метель, просто не хватило бы и времени. Во всяком случае, ничего из своего громадного обоза Левенгаупт Карлу XII не доставил.

Петр по всей справедливости приписывал победе при Лесной громадное значение и впоследствии повторял, что битва при Лесной «мать», а полтавская победа — младенец, рожденный ею как раз через девять месяцев; и царь даже всякому, «кто желает исчислить» совершенно ради любопытства, шутя предлагал посчитать, что от 28 сентября 1708 г. до 27 июня 1709 г. прошло ровно девять месяцев.

Царь всегда отмечал годовщину сражения при Лесной самым торжественным образом. «День поражения генерала Левенгаупта под Лесной, от которого его царское величество ведет начало своих великих успехов»⁹⁶ — так называет английский посол Витворт годовщину знаменитой битвы на основании слов самого царя.

Немецкая листовка, основанная на русских и некоторых шведских показаниях, изданная вскоре после битвы под Лесной и дающая некоторые любопытные уточнения, утверждает, что уже до трех часов дня шведы были оттеснены к своему обозу, и наступил перерыв, после которого возобновилась с обеих сторон артиллерийская стрельба, и тогда же царь узнал, что приближается генерал Боур и уже находится в получасовом расстоянии от русского расположения. Царь решил его подождать. В 4 часа дня Боур со своим отрядом прорвался сквозь артиллерийскую завесу («сквозь страшный огонь») шведов и примкнул к левому флангу русской армии. Это было необычайно вовремя, потому что Петр перед приходом Боура должен был перевести два драгунских полка с левого фланга на правый, чтобы подкрепить его, и левый фланг оказался не в состоянии принять участия в общей атаке, задуманной царем.

Тотчас же после прихода Боура положение на левом фланге переменилось: «офицеры и солдаты так разгорячились, что они опережали приказания» командования, а правый фланг с своей стороны атаковал с необычайным упорством. Шведы спешно выдвинули тогда из резервов на помощь атакуемым частям два батальона пехоты и десять эскадронов конницы. Но от этих двух батальонов вскоре осталось лишь семьдесят человек, а конница была отброшена назад, т.е. опять-таки к своему обозу. Левенгаупт направил сосредоточенный артиллерийский огонь против наступающих и остановил натиск. В дело вступила русская артиллерия, и эта артиллерийская дуэль длилась до темноты. Стрельба прекратилась, но русская армия оставалась в полной готовности возобновить бой, едва рассветет. Уже вечером Петру сообщили, что взято у шведов в полной исправности 16 пушек, которые немедленно были включены в состав русской артиллерии⁹⁷. Доставили царю тогда же вечером сорок два неприятельских флага и десять знамен. Всю ночь горели огни в расположении шведской армии, и поэтому русские в полной боевой готовности стали на рассвете приближаться к неприятелю в убеждении, что немедленно возобновится бой. «Но оказалось, что Левенгаупт пустил в ход эту стратагему только за тем, чтобы лучше обеспечить свое бегство, причем он предоставил на усмотрение русских всех своих раненых и свои восемь тысяч повозок».

Шведский лагерь был совершенно пуст. Левенгаупт бежал среди ночи, приказав остаткам своей разбитой армии соблюдать полнейшую тишину. Петр послал в погоню тысячу конных grenадеров и две тысячи драгун. Этот конный отряд изрубил в лесу часть арьергарда поспешно убегавшей шведской армии. Около 3 тыс. их арьергарда капитулировало, но так как уже после согласия на капитуляцию они вдруг открыли стрельбу, то большая их часть была уничтожена.

Шведы потеряли убитыми и пленными около 8—9 тыс. человек (из 16 с лишним, которые вели бой). Большую часть из этого числа шведских потерь должно отнести к павшим на поле боя и при преследовании, потому что пленных было взято лишь 2673 солдата и 703 офицера.

Русские потеряли больше тысячи (1110 человек) убитыми и 2856 ранеными из участвовавших в бою 10 тыс. человек. Самое убийственное для шведов было в потере всего обоза; Петр, уже образуя свой «корволант» и гонясь за Левенгауптом, сознавал вполне отчетливо всю необходимость лишить Карла этой великой подмоги, хотя все-таки он не знал, насколько колоссален обоз. Говорили впоследствии (и это проникло и за границу), будто Петр, запретив даже и думать об отступлении вечером 28 сентября, сказал, что он велел стрелять в него самого, если он прикажет отступить. Во всяком случае, всю эту бурную снежную ночь⁹⁸ с 28 на 29 сентября он провел, как и его солдаты, то сидя, то лежа на снегу, укутавшись в свой плащ. Уже и эта деталь показывает, с каким напряжением он ждал рассвета и как твердо был уверен в окончательной, бесповоротной победе при возобновлении боя. Но Левенгаупт предпочел уйти, бросив обоз и раненых.

Кроме немецкой листовки, признающей поражение Левенгаупта, мы имеем и другой «летучий листок», на шведском языке, имеющий явной и прямой целью извращение действительности.

Вскоре после битвы под Лесной в Стокгольме вышла «с соизволения и с привилегией от его королевского величества» листовка в шесть страниц, специально посвященная описанию этого сражения. Листовка проникнута от начала до конца духом лжи и хвастовства. Оказывается, не Левенгаупт скрылся ночью вместе со своей армией, а русские «отступили». И если казаки действительно не отступали, а наступали, то это они делали затем, чтобы «прикрыть» отступление всей русской армии. И было русских в бою 40 тыс. человек, а шведов всего 11 тыс. О потере всего обоза автор листовки «забыл» сообщить, он довольствуется лишь указанием, что казаки оказались около каких-то телег и т.д. Но сквозь всю эту густую тучу лжи и сознательных перевираций и передергиваний временами пробивается слабый, совсем тусклый, луч истины: листовка признает тяжкие потери шведов, утешая читателя тем, что у русских будто бы потери еще больше. Автор ложно утверждает, что часть шведов, которых не досчитался Левенгаупт после сражения, вовсе не убита и не попала в плен, а просто ушла в

Литву⁹⁹. Ничего подобного не было. Те солдаты и офицеры Левенгаупта, которые были отрезаны от своих и которые не попали в плен к русским, блуждали некоторое время по лесам и постепенно истреблялись белорусскими крестьянами.

Сосчитать, сколько именно погибло шведов при преследовании их после сражения при Лесной, было в самом деле трудно.

Белорусские крестьяне не щадили попадавших в их руки «бегущих шведов», и Петр сомневается в первые дни после Лесной, чтобы даже и одна тысяча пришла к Карлу XII из всей армии Левенгаупта, «понеже и по лесам мужики зело бьют». Но шведы утверждали, что будто уцелело и пришло к Карлу около 8 тыс. Эта цифра несколько преувеличена. Впоследствии и русские останавливались на цифре 6700 человек.

Народный характер войны, начавшейся после вторжения Карла XII на русскую территорию, уже сказывался не только в Белоруссии, но и в Северной Украине, куда вступала главная шведская армия, и агрессору не помогали его воззвания к населению («прелестные письма»). Петру доносили: «Король стоит еще на границе Черкасской и посылал с прелестными писмами. Но сей народ, за помощью божиею зело твердо стоять и писма приносят, а сами бегут в города и леса, а деревни все жгут»¹⁰⁰.

Не следует преувеличивать, как иногда делают, полной будто бы неожиданности для Европы позднейшего разгрома Карла. Те, кто был поближе к Швеции, например двор и правительство Дании, уже после Лесной предвидели для Карла недоброе, потому что они знали, как истощает король свое государство этой бесконечной, далекой, тяжелой войной. Вот что доносил, например, князь В.Л. Долгорукий Меншикову 30 ноября 1708 г. из Копенгагена: «Победу над шведским генералом Левингоуптом здесь приписуют к великой славе и ко упреждениям интересом царского величества, королю же шведскому к крайней худобе, и не чают чтоб он, потеряв такой корпус, до конца сея войны уж поправитца мог». В Дании знали о постоянных требованиях подкреплений, с которыми после Лесной король Карл обращается к своему государству: «Хотя как возможно во всей шведской земле берут рекорут, и за великую скудостью людей пишат стариков, конечно таких, у коих от старости зубов, нет, и робят, которые не без труда поднять

мушкет могут, однако ж собрав и таких, не чают чтобы мочь знатного с такими людьми учинить, когда лутчие свои войска разтерял, не учиня с оными ничего...» В Копенгагене даже думали после Лесной, что, «потеряв такой корпус, король шведской вскоре будет просить миру», до такой степени «ту над Левенгоптом победу здесь высоко ставят»¹⁰¹.

Понимание великого значения победы при Лесной не скоро распространялось в Европе, но в конце концов русским резидентам при иностранных дворах удавалось многое разъяснить правительствам, при которых они были аккредитованы. О победе, о «высочайшей его царского величества команде», о значении для «всей нашей нации» этой «неизмеримой виктории» восторженно писал русский посол в Гааге А.А. Матвеев еще два с лишком месяца спустя, обращаясь к Меншикову по своему частному делу¹⁰².

В тот момент было крайне существенно, что необычайно благоприятное для России впечатление произвела битва у Лесной также в Константинополе. В России было известно, какие усилия употребляет шведская дипломатия, чтобы убедить султана и визиря в необходимости скорейшего вторжения турок и их вассалов — крымских татар — на Украину. Эта агитация вражеских агентов («возмутителей») серьезно беспокоила Петра с самого начала вторжения шведов: «...сего дня приехал господин Рагузинской и привес письмо от посла нашего из Константинополя, которой ко мне пишет, хотя и было, не без великого опасения (о чем он наперед сего писал), однакож ныне весьма безопасно с помощью божиею паки утвердилось, и все возмутители отвергнуты, которому делу, пишет, болшую причину к нашей пользе Левенгоуптова баталия»¹⁰³. Было ясно, что новая опасность с юга отсрочена и что турки будут ждать решающих событий на украинском театре военных действий.

17

Неладно для шведов начиналось их вторжение в Северскую Украину. Стародуб был потерян, говорят шведские документы, якобы из-за оплошности генерала Лагеркроны. Но вовсе не в генерале Лагеркроне было дело, а в том, что у шведов уже

не хватало сил, чтобы осаждать и брать города, начиная хотя бы с того же Стародуба, где были и продовольствие и артиллерия. Прошли и к Новгороду-Северскому, но и на него не решились напасть и овладеть им.

По дневнику Адлерфельда, все выходит гораздо спокойнее и благообразнее у шведов, чем это было в действительности (а ведь за Адлерфельдом и Нордбергом следует не только шведская, но и вся европейская историография, когда дело идет о походе Карла в Россию). Главная армия Карла, узнав о занятии Стародуба русскими, пошла в Рухово, куда и прибыла 13 октября, и здесь-то к Карлу присоединились жалкие остатки разгромленной за две недели перед тем при Лесной армии Левенгаупта, 6700 человек без обоза, почти без артиллерии, но с массой больных и раненых. Соединившись с Левенгауптом, с которым не так, не там и не тогда мечтал увидеться Карл, королевская армия пошла из Рухова в Сколково, а из Сколкова 16 октября в Чериков, и «18-го король прошел направо от Стародуба, а остальная армия налево. Неприятель, который был в Стародубе, показался и беспокоил в этот день обоз». А затем, уже к югу от Стародуба, армия вошла в Пануровку 19 октября¹⁰⁴.

Так повествует Адлерфельд. Но в этом рассказе есть все, кроме того, что должно было бы явиться главным содержанием. По русским свидетельствам, которые вполне достойны доверия, потому что в них все строго мотивировано и логически согласовано, прохождение шведов «возле» Стародуба рисуется совсем иначе.

Оказывается, что, во-первых, король совсем не ограничился только выговором генералу Лагеркроне и восклицанием: «Он совсем сошел с ума!» — а велел ему вернуться к Стародубу и взять город. Лагеркрона, вернувшись, пытался это сделать, но был несколько раз с полным успехом отброшен русскими и ушел от города окончательно, потеряв тысячу человек, «...а Стародуб так удовольствован, — пишет Петр, — хотя неприятель ко оному подходил неоднократно, но, потеряв многих своих, паки уступить принужден, и ради того, не дерзнув более атаковать того города отступил». Мало того, царь с особым ликованием констатирует, что настроение народа лишает шве-

дов всякой помощи: «і великой недостаток в фураже и провианте імеют»¹⁰⁵, а притом вот как показание Петра расшифровывает мягкий намек королевского камергера и спутника Адлерфельда о том, что неприятель (русские. — *Е.Т.*) беспокоил (*incommoda*) шведский обоз: «а партии наши непрестанно к неприятелю подъезжают и многих побивают и в полон привозят».

Говоря о Стародубе, должно отметить одну подробность: необычайно характерно для Мазепы в тот момент, когда и Карл XII и Шереметев разными путями шли к Стародубу, распоряжение, которое он отдал стародубским властям: впустить беспрепятственно в Стародуб тех, кто первый успеет подойти. Шведов — так шведов, русских — так русских¹⁰⁶. Он в эти первые дни октября еще вел игру, делая свою ставку разом на две карты. Ему еще нужно было выждать и узнать окончательное решение Карла XII касательно ближайшего направления похода. Первыми, по всем имевшимся у гетмана данным, в Стародуб должны были бы прийти шведы, но тут им не повезло: командовавший их авангардным отрядом генерал Лагеркрона заблудился или был сбит с толку крестьянами, круто отклонился к западу от Стародуба и прошел мимо него. Тогда русские под начальством Инфланта заняли город и укрепились в нем.

ГЛАВА III

От вторжения шведов в Северскую Украину до начала осады Полтавы (сентябрь 1708 г. — апрель 1709 г.)

1

Шведские историки систематически игнорируют и превосходство русской стратегии в 1708—1709 гг. и доблесть русских регулярных войск, защищавших свое отечество от вторгшегося насильника и захватчика, зверски расправлявшегося с населением. Но, кроме того, западная историография (все равно какая: английская, немецкая, шведская) совсем уже не желает считаться даже в самой малой степени со значением народной войны в Белоруссии и на Украине. Что какие-то «мужики» могли так существенно подготовить неизбежный полный разгром «непобедимого паладина», «льва полуночи», «северного Александра Македонского», что катастрофа под Полтавой и позор у Переволочной были конечным результатом, созданным долгими усилиями не только войск в строю, но и ожесточенным упорством народного сопротивления, — это кажется невозможным для некоторых западных историков и биографов, внутренне всегда от души сожалеющих о неудаче шведского воителя и старающихся свести объяснение его плачевного провала к случайным ошибкам и роковым природным условиям, в которых развертывался поход.

Возьмем в виде образчика хотя бы специальное исследование Эрнеста Карлсона, оказавшее большое влияние на Стил-ле и позднейших историков вообще. Вот его конечный вывод: 1. После трехмесячных «энергичных попыток» Карл должен был отказаться от своего плана идти через Смоленск на Москву. 2. После этого «с досады» (Карлсон даже вставляет в шведское повествование французское выражение «*par dépit*») в сентябре 1708 г. король идет на Украину, где надеется получить «хорошие зимние квартиры». 3. Но и это оказывается невозможным вследствие «неудавшейся попытки восстания Мазепы». 4. Король тогда принужден «в суровейшую зиму» воевать в Восточной Украине и давать там ненужные битвы (*onyttiga strider*) и истощать свои «превосходные войска»¹.

После чего — Полтава и гибель.

Шведский историк даже не замечает, что он не дает объяснения тех фактов, которые излагает. Почему Карл должен был отказаться от похода на Смоленск? Потому что уже в Белоруссии его встретило сопротивление населения, убежавшего в леса, не дававшего ни хлеба, ни сена, и дальше, от Старишей к Смоленску, это явно должно было стать еще хуже. Почему не удалось «восстание Мазепы», но зато очень хорошо удалось восстание против Мазепы? Потому что народные массы желали гибели шведского агрессора и украинского изменника. Почему король с армией в свирепую стужу должен был, бросив плохие зимние квартиры в Ромнах и еще худшие в Гадяче (а других не было, так как обещанный Мазепой Батурин был сожжен), толкаться от Веприка к Опошне, от Опошни к Ахтырке, которую взять не было сил, от Ахтырки к Краснокутску, а оттуда к Коломаку и вернуться снова к Опошне, и все на походе, все без квартир? Да потому, что, несмотря на самые неистовые зверства захватчиков, именно в «Восточной», т.е. Слободской, Украине, население по-прежнему прятало припасы, сжигало дома и скрывалось в лесах.

Всего этого историки вроде Эрнеста Карлсона не желают замечать. Так и обрел ищущий Карл XII «хорошие квартиры» только в своих холодных шатрах и палатках и на голодной диете под валом города Полтавы, куда его не пустили, как не пустили его ни в Мглин, ни в Стародуб, ни в Новгород-Север-

ский, ни в Ахтырку. И не пустили его не только гарнизоны, но и активно помогавшее им население. Эти последние «квартиры» оказались 27 июня 1709 г. в русских руках, потому что в этот день русское войско пожало плоды не только своих предшествующих побед на поле брани, но и долгой, не прекращавшейся почти целый год, народной войны, так страшно истощившей «превосходные войска» агрессора.

И из Мглина, и из Почепа, и из Стародуба шли хорошие вести о том, как держит себя население в этот труднейший момент первой встречи северских украинцев с неприятельской армией. «А черкасы собираютца по городкам и в леса вывозят жены и дети и хлеб по ямом хоронят. А я им сказал, что идут наши полки и они тому зело рады и ожидают»² — так доносил Федор Бартенев, «адыютант лейб-гвардии», Меншикову из Почепа 24 сентября 1708 г. Шведы приближались к Стародубу. Впоследствии в большую заслугу стародубскому полковнику Скоропадскому была поставлена царем патриотическая твердость жителей Стародуба и всего стародубского полка. Но население вовсе не нуждалось в одобрении или поощрении своего полковника. Оно без всяких начальственных внушений и колебаний решительно приготовилось к обороне.

Скоропадский был посажен в 1706 г. Мазепой на место полковника, но когда получил от Мазепы предложение примкнуть к изменническому предприятию, то отказался. За это Петр и сделал его гетманом в ноябре 1708 г.

О том, как встретила неприятеля Белоруссия, а за ней Северская Украина в июле — августе — сентябре 1708 г., мы уже говорили. Можно смело сказать, что если, например, в ноябре и декабре 1708 г. и январе и феврале 1709 г. народная война на Украине совершенно определенно влияла на все военные планы шведского штаба и на его блуждания с полуголодной обмерзающей армией от Ромен к Гадячу, оттуда к Веприку, оттуда мимо Ахтырки к Опошне, к Краснокутску, к Коломаку, опять к Опошне, то хоть и не так явственно народное сопротивление в Белоруссии и Северной Украине оказывало давление на все главные решения Карла уже в конце лета и в начале и середине осени 1708 г.

Обострился вопрос о продовольствии для людей, не хватало сена для лошадей (об овсе забыли давно и думать). Крестьяне разбегались во все стороны, сжигали, или закапывали в землю, или прятали в соседних лесах все, что только могли, и исчезали. Ни расстрелы, ни пытки пойманных не помогали. Хронический полуголод, в котором жила поэтому шведская армия с момента вступления в Белоруссию, во-первых, не дал возможности главной королевской армии спокойно подождать Левенгаупта на Днепре, в Могилеве или хотя бы даже за Днестром, недалеко от реки, но заставил сорваться с места и, круто переменяв направление, идти не на Смоленск по «оголощенной» дороге, а на Стародуб. Во-вторых, население не давало никаких сведений о русской армии, а если и давало, то неправильные или неточные. И в то же время шведы чувствовали себя окруженными тучей добровольных шереметевских лазутчиков, доносивших в русский штаб о всяком передвижении неприятеля. Крестьяне не только следили за неприятелем, но и играли главную роль в качестве дозорщиков на громадной русской западной границе.

В сентябре и октябре 1708 г. в цепи пограничных дозорщиков по всей линии от Днепра до Двины стояли караулы: «у реки Днепра у земляной крепости дворянин, да два человека солдат, двадцать человек крестьян. В урочище Тишине один солдат да десять крестьян. Да в урочище Черной Грязи солдат да десять крестьян... У крепости на Выдерском перевозе дворянин да три человека солдат, да тридцать крестьян... В урочище Есеновиках — солдат да десять крестьян...» У земляной крепости на Витебской дороге та же картина: один дворянин, три солдата и тридцать крестьян. «У земляной крепости возле реки Двины» на двух солдат двадцать крестьян. Все остальные документальные показания в том же роде. На пограничном участке на Днепре дежурят «попеременно» на самых опасных местах восемь дворян, двадцать чепыре солдата и двести сорок пять крестьян³.

2

Мы подошли к моменту вторжения шведов в Украину. И раньше, чем продолжать хронологическую линию изложения, необходимо дать представление о том общем фоне, на котором вырисовываются контуры всей картины.

Начнем с общей характеристики. Еще нет пока сколько-нибудь обстоятельной, детальной, специальной истории социальных отношений на Украине во время десятилетия, предшествовавшего Полтаве, не выявлен, например, фактический материал о том, в чем именно выразилось личное и непосредственное участие Мазепы в помощи крепостническим усилиям «державцев», хотя его полное сочувствие им (за что тоже, конечно, его никогда не любила народная масса) совершенно несомненно. Углубляться в эту особую, капитально важную и очень пока недостаточно разработанную тему значило бы написать не главу о народном сопротивлении шведам в год нашествия, а большое исследование, захватывающее последние десятилетия XVII в. и первые — XVIII в., социально-экономические истории Украины.

Народное сопротивление агрессору на Украине в 1708—1709 гг. характеризуется прежде всего теми не поддающимися никакому кривотолкованию, обобщающими оценками, которые мы находим и в переписке Петра, и в фактах, приводимых в донесениях Меншикова (в драгоценном рукописном фонде Меншикова, хранящемся в архиве Института истории Академии наук, и ЦГАДА, в фонде «Малороссийские дела»), и в отрывочных показаниях, идущих с шведской стороны, и в некоторых уже изданных материалах. Работа, посвященная нашествию 1708—1709 гг., вовсе не должна скрупулезно приводить все случаи, характеризующие враждебное отношение населения Украины к шведам, чтобы доказать, что народное сопротивление было налицо. Эти разрозненные, случайно сохранившиеся факты имеют лишь иллюстрирующее значение.

Сколько бы отдельных известий, касающихся случаев столкновения в том или ином месте крестьян или горожан с шведами, ни привести — все это не имело бы, конечно, значения окончательного, неопровержимого доказательства, если бы у нас не было прежде всего русских и шведских свидетельств обобщающего характера, идущих от Петра, с одной стороны, и от штаба неприятеля, с другой.

Те «историки» Украины, вроде пресловутого Андрусайка (Андрусяка), которые работают ныне в Нью-Йорке и Бостоне, совершенно игнорируют историческое значение материала от-

дельных дробных фактов народного сопротивления, якобы случайных, недостоверных, недобросовестно изложенных и т.д. Но при этом они игнорируют (конечно, совершенно сознательно, в целях извращения исторической действительности) то основное, решающее обстоятельство, что эти отдельные, дошедшие до нас (часто лишь счастливым случаем сохранившиеся, вроде поврежденных водой или огнем документов драгоценнейшего фонда Меншикова в ЛОИИ) свидетельства подкрепляют основной яркий факт, который с такой радостью подтверждает неоднократно в своих обобщенных оценках Петр и который со своей стороны сухо, неприязненно, нехотя приходится признать также шведам.

Эти украинские «историки» из Бостона, Нью-Йорка и Чикаго отрицают народную войну против шведов и мазепинцев только потому, что никто не занимался ни в шведском, ни в русском стане регистрацией и конкретным описанием отдельных проявлений народного сопротивления против агрессоров и изменников. Они прикидываются непонимающими, что означают неоднократные горячие хвалы Петра и представителей высшего, среднего и низшего русского командования патриотической верности и самоотверженности украинского населения. Они не желают также понять постоянных жалоб шведов на то, что белорусские и украинские крестьяне закапывают в землю свои запасы, «оголаживают» территорию, по которой движется неприятель, и убегают в леса, несмотря ни на какие посулы и угрозы, ни на какие пытки и казни. Эти горе-историки притворяются непонимающими, что если, например, шведские летописцы и участники вторжения вроде Нордберга или Адлерфельда или позднейшие шведские историки вроде Лундблада прямо говорят о непрерывных битвах отступающих от Лесной шведов «с разъяренными жителями», то совершенно незачем предъявлять источникам абсурдное требование, чтобы они подробно расписывали о том, как эти непрерывные партизанские нападения происходили.

Этот факт враждебного отношения населения Украины, прежде всего крестьян и массы городского населения, к шведскому агрессору история установила на самом несокрушимом фундаменте, какой только можно себе представить: на невоз-

возможности объяснить ряд явлений, если забыть эти основные, решающие свидетельства вождей и русского и неприятельского лагерей. Петр, Меншиков, Шереметев, ряд начальников отдельных частей, с одной стороны, Адлерфельд, Нордберг, Гилленкрок, не разлучавшиеся в течение всего похода с Карлом XII, с другой стороны, в своих показаниях подтверждают и объясняют многое, и им незачем пускаться в подробности — за правдивость и реальное значение основных утверждений говорит очевидность. Без враждебного отношения народной массы немыслим был полный и быстрый провал всех планов Мазепы и изменившей части старшины, невозможна гибель Сечи, невозможно было изменникам найти и обеспечить для шведов на сколько-нибудь длительное время спокойные зимние квартиры ни вблизи, ни вдали от Шереметева и Меншикова. Немыслимо было героическое сопротивление и помощь населения гарнизону в Веприке, в Полтаве, смутившая шведов полная готовность к подобному же сопротивлению в Мглине, в Почепе, в Стародубе, в Новгороде-Северском, в Ахтырке. Немыслимо было бы полное и повсеместное решительное нежелание помогать шведам снабжением, несмотря ни на посулы, ни на страшные пытки и избиения, несмотря на совсем неслыханные зверства шведов в Слободской Украине и других местах.

Эту главу следует начать, напомнив хотя бы в самых общих чертах о тех социальных условиях на Украине, которые сильно способствовали быстрому провалу измены Мазепы и пошедшей за ним части старшины. Чтобы дать эту характеристику при скудости имеющихся свидетельств мы будем приводить также показания, выходящие за хронологические рамки 1708—1709 гг., потому что нас интересует вопрос, как должно представлять себе социальные отношения, постепенно создававшиеся на Украине в первые годы XVIII в. Оставлять в стороне документ, если он относится ко времени после Полтавы, было бы совершенно недопустимым и ненаучным. Точно так же при необычайной скудости материалов крепостнические стремления и поползновения шляхты в Правобережной Украине и до и после Полтавы совершенно неосновательно было бы обойти молчанием только потому, что шведы не при-

ходили туда. Но поляки Лещинского очень собирались пойти этим путем на помощь Карлу, и настроение посполитых, отголоски палиевщины, оживление движения перед Полтавой и после Полтавы — все это исключать непозволительно. Д.М. Голицыну и Петру это позволяло учитывать в очень благоприятном для России смысле положение вещей в Западной Украине весной 1709 г.

И это не единственный случай, когда главное командование русской армии определенно учитывало настроение народной массы на Украине при своих стратегических соображениях. В свете таких фактов приобретает очень глубокое значение хвала Петра верности украинского народа.

При этих условиях нью-йоркским и бостонским историкам не остается ничего другого, как отрицать народную борьбу, бывшую на Украине в 1708—1709 гг., только потому, что не было «сражений» между крестьянами и шведскими отрядами (хотя, как увидим, и подобные эпизоды тоже случались). Заметим тут же, что если мы приводим мало подробностей участия населения в обороне, например Веприка или Полтавы, или пояснений к отдельным фактам сопротивления захватчикам, то прежде всего потому, что этих подробностей мало сохранилось. Не то что подробностей нет, но самые факты участия населения помянуты сплошь и рядом намеком, одной фразой.

Я проделал терпеливую работу буквально над каждым листком цитируемого фонда Меншикова, который считаю самым ценным из всех материалов о непосредственном, независимом от военного командования участии населения в сопротивлении агрессору. В этом фонде находятся сообщения, доставлявшиеся Меншикову по свежим следам, и ни одного факта из этих отрывочных листков я старался не пропустить и, кажется, не пропустил.

Нельзя сказать, что народная борьба против нагрянувшего шведского захватчика прекратила или хоть ослабила немолчную борьбу классовую. Да и как бы это могло быть? Посполитое крестьянство переживало уже в последней четверти XVII столетия процесс все более и более обострявшегося антагонизма между стремлениями богатеев казацкой «старшины», с одной стороны, и крестьянством, упорно боровшимся

против постепенно, но неуклонно надвигавшегося окончательного закрепощения, с другой стороны. Обнищавшая часть казачества шла в посполитые, рисковала своей личной свободой, чтобы найти приют и оседлость, но не мирилась со своей долей. Крестьяне, в свою очередь, при удобном случае и возможности старались уйти в казачество, там, конечно, где этот уход с панской земли не грозил им голодом и окончательной нищетой. Землевладельцы («державцы») нередко «выживали старых крестьян из оседлостей», потому что старые, помня бывшее, оказывали сопротивление окончательному закрепощению, и заменяли их новыми, пришлыми, бездомными скитальцами, которым приходилось мириться с любым гнетом.

В тот момент, когда на Украину вторглись шведы, на них все было еще в неустойчивом виде, захваты земель и личной свободы посполитых продолжались, вызывая часто отпор, но гетман и старшина, «полковые писари» и судейские неизменно поддерживали притязания «державцев», как бы вопиуще несправедливы они ни были. Роковая «устойчивость» крепостного права еще не была тогда достигнута, но вся социально-экономическая обстановка складывалась в пользу землевладельцев против закрепощаемой массы.

Когда разнесся слух о вторжении шведов и когда затем стало выясняться, что Мазепа и часть старшины изменили и стали на сторону Карла, то посполитые крестьяне и казачья беднота сразу нашли свое место. Им даже не требовалось знать о переписке Мазепы со Станиславом Лещинским, чтобы стать против изменников, желающих «продать украинскую землю и людей» панской Польше. Их решение было принято. Они пошли в 1708—1709 гг. на своего пана-изменника и потому, что он пан — прежде всего, и потому, что он изменник. Мазепа и вся старшина были в глазах угнетенной деревенской массы природными, стародавними врагами, всегда поддерживавшими «державцев», задолго до того, как они стали к тому же и изменниками. Предприятие Мазепы не имело и не могло иметь ни малейших корней, никакой решительной опоры в народной массе, и оно провалилось безнадежно в первые же дни, и провалилось повсеместно: и в Стародубовщине, и на Гетманщине, и в Слободской Украине. Об Украине Правобережной («киев-

щине», «волынщине») нечего и говорить: там помнили кровавую, предательскую интригу Мазепы против народного предводителя Палия, помнили, что Мазепа деятельно поддерживал польское панство против украинского крестьянства и погубил Палия своими доносами царю. Правобережное крестьянство лучше кого бы то ни было могло оценить, чем грозило ему призываемое Мазепой польское вторжение. Классовая и национальная борьба слилась на Украине в среде посполитых крестьян и казачьей бедноты в одно могучее, неразрывное целое.

Особенно интенсивно шла борьба посполитых казаков против крепостнических поползновений землевладельцев в Правобережной Украине, и «Архив юго-западной России» дает в этом смысле интереснейший материал. При шведском нашествии это движение могло только усилиться⁴.

«Мечник» житомирский Ян Рыбинский (Jan z Rybna Rybinski) жалуется киевскому «енералу» в прошении, написанном на обычной для того времени и тех мест смеси польского языка с латинским, что крестьяне трех волостей отказали ему в «послушенстве» и перестали платить ему должные арендные деньги. А сделали они это именно с того времени, как «ясновельможный пан Мазепа, гетман заднепровский, передался на сторону шведского войска». Осторожный мечник, пишущий это прошение за месяц до Полтавы, выражается о Мазепе на всякий случай вполне почтительно⁵. Этот жалующийся шляхтич Рыбинский был гораздо ближе к шляхтичу Мазепе, ждущему с нетерпением подхода короля Станислава Лещинского, был гораздо более сродни Мазепе по всем своим политическим и социальным воззрениям и симпатиям, чем восставшим против Мазепы и против шведов крестьянам и казакам, которые упорно продолжали свою классовую борьбу против помещичьего, владельческого засилья, начатую задолго до шведского нашествия, обострившуюся при шведском нашествии и продолжавшуюся после шведского нашествия.

И возвратившийся из Сибири старик Палий тоже не думал, что с уничтожением шведов он должен прекратить борьбу против землевладельческой шляхты, за которую в свое время его враг Мазепа погубил его.

10 сентября 1709 г., т.е. через неполных три месяца после Полтавы, сеймик воеводства киевского отправляет к Петру, к Меншикову и к Д.М. Голицыну «послов» с просьбой удержать русские войска от взимания излишних контрибуций, а особенно защитить их от Палия, который со своими казаками опять, как и встарь, захватывает шляхетские имения («наибардзей от пана Палея, пулковника»)⁶. Но не так легко было отделаться на этот раз от старого неукротимого вояки, которого не сломала и долгая ссылка в ледяных сибирских пустынях. И 7 января 1710 г. дворяне киевского воеводства снова просят защиты от Палия: «чтобы особенно воеводство наше киевское от пана пулковника Палея прессуры не черпало»⁷ (не испытывало притеснений. — *Е.Т.*). Да и, помимо Палия, всколыхнувшееся казачество находило себе новых вождей, собиралось большими отрядами, нападало на шляхетские имения и опустошало их, а в Украине Правобережной, согласно источникам, разгуливал отряд межерицкого мещанина Грицка Пашенка, и в Подолии и на Волыни долго ровно ничего с ним поделаться не могли⁸. Появлением таких отрядов отмечены еще долгие годы после шведской войны.

Шляхетство в Правобережной Украине еще энергичнее, чем землевладельцы Гетманщины и Северной земли, стремилось давно к закрепощению казаков и крестьян. Отправляя своих делегатов («послов») на люблинский сейм 1703 г., панство волынского воеводства жалуется на бунтовщиков-поджигателей и просит, чтобы их на Украине утомили⁹. Постоянно повторяются в этих документах жалобы на казаков и посполитых и просьбы шляхты о защите. Сила и популярность Палия в первые годы XVIII в. росли, но параллельно возрастала и энергия шляхты, стремившейся закрепостить крестьян. Типично постановление дворян Подольского воеводства от 4 декабря 1704 г., согласно которому свободные крестьяне, три года пробывшие на земле пана, становятся наследственными крепостными этого пана¹⁰ и «свобода их отныне уничтожается». А в 1709 г. та же подольская шляхта уже считает крестьян, всего только один год просидевших на панской земле, прикрепленными к этой земле и дает пану право требовать их выдачи как беглых, если они убегут¹¹. Закрепощение шло, наталкива-

ясь на отпор, но шляхта не сдавала своих позиций, она ждала (и с течением времени дождалась) своего в Правобережной Украине. Старшина Левобережной Украины имела тенденцию идти той же дорогой, но гораздо менее решительными темпами. Процесс замедлялся близостью вольных необъятных степей, куда можно было уходить, спасаясь от надвигавшейся неволи. Все было в брожении, классовая борьба была оживленной и местами очень острой, когда внезапно в пределах страны появился Карл XII со своим войском.

Политика незаконного закрепощения вольных людей землевладельцами продолжалась на Украине и до и после шведского нашествия. Царские воеводы принимали жалобы, но, даже считая их вполне основательными, предоставляли решение, по существу, гетманской власти. «Многokrатно ко мне приходят и докучают из разных мест козаки, и доносят жалобу, что старшина малороссийская сильно их в подданство себе берут, и я многих отсылал к вашему превосходительству, дабы о том вас просили, а они, не быв у вашего превосходительства, паки ко мне приходят с великим воплем, и о том стужают; и хотя то дело не мое, однако, что вижу противность в интересах царского величества, вашему превосходительству объявляю... и о том изволите рассудить по своему премудрому рассуждению»¹², — писал Скоропадскому киевский губернатор князь Дмитрий Голицын.

Не лучше жилось деревенской бедноте, зависевшей от церковных магнатов и жившей на монастырских латифундиях.

Редкие, но характерные свидетельства, дошедшие до нас от первых десятилетий XVIII в., говорят нам о жестоких притеснениях, которые испытывали крестьяне на Украине, зависевшие непосредственно от монастырей. Попадались среди игуменов настоящие изверги вроде игумена Густынского монастыря, засекавшего людей до смерти, так что крестьяне просто разбегались куда глаза глядят¹³. Немудрено, что в 1710 г. монахам пришлось обивать пороги у Скоропадского и «суплековать» (просить) его «привернуть» монастырю ушедших от него крестьян, а монастырю Глуховскому (в Нежинском полку) удалось даже выпросить у Скоропадского суровый универсал против «легкомысленных людей», которые по бунтов-

скому («бунтовничи») поступают¹⁴. Эти «бунты» глуховских монастырских крестьян продолжались еще очень долго, и в апреле 1724 г. опять крестьян хотят «ускромлять», так как они проявляют «шатость и огурство» и отказываются от «послушенства»¹⁵.

«Державцы» стремились всякими правдами и неправдами обеспечить свои «маетности» рабочей силой, препятствуя вольному переходу крестьян и незаконно их за это преследуя и карая. Постепенно, но безостановочно надвигалось прикрепление к земле.

При всей скудости известий о положении украинских крестьян в гетманство Мазепы у нас есть даже стихотворное показание, относящееся к этой теме и к этому периоду. Слонявшийся по Украине непутевый монах Климентий Зиновьев писал в угоду панам враждебные закрепощаемому люду вирши, в которых злобно издевался над бегущими от землевладельца крестьянами и давал советы безжалостно наказывать и даже — за «непослушенство» и за уход с земли — убивать виновных. Этот бродячий пиит злорадно предсказывает таким «бунтовщикам» (он именно так их и называет), что, покидая свои хаты и насиженные места, они дойдут до такой нищеты, что им останется либо утопиться, либо удавиться: «...хоч утопится, а ежели захочет, вольно и вдавится. Отож [и]меешь за свое теперь, дурный мужиче, в бывший на своего пана бунтовщиче!» Климентий находит, что так и нужно, и поделом, пусть сгинут непокорные. «Не хотелось панови послушенство отдавать и в целости за всем своим в одном месту пребывать», так и сгинь со света!» «Гинь же теперь за свое злое непокорство, и за упрямую твою гордость и упорство!» Как видим, классовая борьба ко времени шведского нашествия была в украинском «посполитстве» уже так интенсивна, что даже вызвала у панов «державцев» потребность в такого рода пропагандистах в пользу крепостнических отношений и против права крестьян покидать панскую землю¹⁶.

Как в начале вторжения шведов в Северскую Украину, в Мглине и в Стародубе, так и позже, в декабре, городское население, «мещане» и казаки мужественно давали отпор неприятелю. Вот подходят шведы к Недрыгайлову с конницей в пол-

торы тысячи человек: «...под городом спешили, и шли в строю к городу с ружьем, и прежде стрельбы говорили они, шведы, недрыгайловским жителям, когда они от них ушли в замок, чтобы их пустили в тот замок, а сами-б вышли, и обещали им, что ничего им чинить не будут. И они из города с ними говорили, что их в город не пустят, хотя смерть примут. И те слова они шведы выслушав, стали ворота рубить, потом по ним в город залп дали, а по ним шведов из города также стреляли и убили шведов 10 человек. И они, шведы, подняв тела их, от замка отступили, и стали на подворках и церкви и дворы все сожгли»¹⁷.

Ни провианта, ни топлива в эту страшную по неслыханным морозам зиму население шведам не давало. Неприятель «зело тужит, что из Ромна и ныне, где стояли по деревням, посылают универсалы, чтоб везли провиант, мужики не везут» — вот типичное показание¹⁸.

Шведы метались, ища провианта. Они и к Ахтырке шли с надеждой добыть себе там пищи и фураж для лошадей. Петр это отмечает особо: «И чаю, что конечно, то правда, что неприятель для (вследствие. — *Е.Т.*) оголоженья края от наших станций к Охтырке шел...»¹⁹.

Жители занимавшихся шведами городов и деревень, если им не удавалось вовремя бежать, считали себя пленниками и при первой же возможности бежали к русскому войску и спешили дать все сведения, какие только могли, о шведах. Они часто приносили драгоценные известия. «Сего маменту два мужика русских у меня явились, которые объявили, что они были в полону и ушли из Ромна 17 дня, и при них был в Ромне Мазепа и три регимента (полка. — *Е.Т.*) шведских, и все из Романа вышли, якобы идут к Гадичю». Это сведение было в тот момент так важно, что фельдмаршал Шереметев немедленно сообщил об этом экстренным письмом Петру в Оружевку 19 ноября, а Петр тотчас же переслал это сообщение Меншикову²⁰. Густая атмосфера вражды и страха окружала вторгшихся шведов и мазепинцев. Петр напрасно опасался в первые дни после раскрытия измены Мазепы, что изменник («тот проклятой») устроит себе «гнездо» в городе Гадяче вместо разоренного Батурина²¹. Нет, это было невысказано для Мазепы, ника-

кого другого места себе во всей Украине, кроме места в шведском обозе, бывший гетман уже найти не мог и никакой новой своей гетманской «столицы» вроде Батурина создать был не в состоянии.

Об очень многих случаях проявления ненависти посполитых крестьян к их эксплуататорам («державцам») мы узнаем почти всегда из довольно мутного, враждебного крестьянам источника, от самых «державцев» и от покровительствовавших им должностных лиц, поставленных гетманом Скоропадским или непосредственно русским военным начальством. Поэтому когда мы читаем, например, универсал Скоропадского от 13 декабря 1708 г. о «разбойничьем способе» жителей трех деревень, которые «заграбовали» пана Панкевича, полкового писаря и его жену, уезжавших из Почепа, то мы вправе не поверить, будто бы население трех сел (Чеховки, Корбовки и Севастьяновки) могло собраться для «разбойничьего способа» и простого грабежа. Мы знаем, что в этом случае Скоропадский приказывает руководителей нападения («самых принципалов») схватить и связать («до вязения побрати»), но поверить, что эти «принципалы» просто атаманы разбойничьей шайки, мы, конечно, не можем. Речь идет о местной вспышке восстания посполитых крестьян против важного в их быту начальника и богатея, каким был полковой писарь Стародуба²².

И сам пан гетман проговаривается: «бунтовничим а праве розбойничим способом...» Дело шло именно о бунте, а вовсе не о разбое («а праве» — «а по-настоящему», а в действительности), как хотел бы уверить Скоропадский со слов Панкевича.

И особенно стоит отметить, что даже после уничтожения шведской армии продолжались резкие проявления классовой борьбы в украинской деревне. Таков, например, характерный случай с сотником Булюбашем, относящийся как раз к после-полтавскому периоду²³.

Отрывочность, скупость, неясность источников мешает исследователю сплошь и рядом дать обстоятельную картину действий восставших крестьян. «Оказали непослушество», «кололи сотника пиками», «разграбили» дом, сожгли, разорили,

остановили дорожных и забрали их добро, а самих путников избили и т.д. А сколько-нибудь обстоятельного изложения дела в источниках не находим, и историку волей-неволей приходится с этим считаться.

Вот одна из иллюстраций отношения украинской народной массы к мазепинцам.

Полтава перед открытием мазепинской измены находилась под влиянием изменнически настроенной семьи Герцыков. Павел Герцык был некогда полтавским полковником, сын же его Григорий Герцык, зять Орлика, перебежал к Мазепе тотчас же после перехода Мазепы к шведскому королю. Вся почти казачья верхушка, старшина, в Полтаве была на стороне Мазепы, и вот что, по позднейшим показаниям Григория Герцыка, случилось, когда крестьяне узнали об измене: «По такой ведомости собирались мужики в город и старшину били и грабили, и от того купцы и знатные люди выбегали из города вон в иные места». Это ценное показание, подкрепляющее ряд подобных же свидетельств о настроении украинского народа, дополняется еще одним характерным фактом: когда уже шведская главная квартира была в Будищах, т.е. незадолго до Полтавской битвы, Мазепа писал универсалы «в миргородский полк к сотникам, чтобы они полковника своего Данила Апостола скинули с полковничества, и слышал он, что с теми листами никто в тот полк ехать не отважился». Другими словами, шведы со своими друзьями — Мазепой, Орликом, Герцыком и всей перешедшей на их сторону старшиной — были начисто отрезаны от Украины и никаких средств сношений с нею не имели, были заблокированы в Будищах, в своем лагере, затем в Жуках и под Полтавой. Они даже не знали, что в Миргороде давным-давно царит законная русская власть и что их посланных ждала бы там виселица, если бы они и отважились пробраться в Миргородский полк со своими «универсалами»²⁴.

Есть еще один источник, значение которого история не вправе не признать: это украинский фольклор. В сборниках Якова Новицкого, Михаила Драгоманова, Максимовича и Вл. Антоновича, наконец, в появившихся уже в послереволюционное время материалах мы находим обильные поэтические отклики украинского народа на события героической борьбы,

в которой он принимал такое живое и непосредственное участие. Тут и народный любимец Палий, тут и «пес» — предатель Мазепа, его враг, тут и непримиримая ненависть к шведским грабителям и насильникам, тут и песня о том, как Петр велит схватить и заковать изменившего гетмана и вернуть несправедливо сосланного по проискам Мазепы Семена Палия, тут и гнев народа при одной мысли о подчинении шведам, или полякам, или «бусурманам», тут и о «безневинных» мучениках Искре и Кочубее... Народная память сохранила и детали. Под Полтавой Мазепа спрашивает наияснейшего пана короля: что делать? Брать Полтаву или убежать из-под Полтавы? «Чи будем ми більше города Полтави доставати? Чи будем спід города, спід Полтави утікати?» Потому что осаждающие сами оказались в осаде: «бо не дурно Москва стала нас кругом оступати». Сохранилась память и о хвастовстве Карла XII, собиравшегося из-под Полтавы прямо в Москву: «Да я ще ту Москву могу сікти и рубати, ще не зарекаюсь у білого царя і на столиц побувати!» Но Семен Палий соединился с Шереметевым, и они одолели врага, спасли город Полтаву. Отмечается с восторгом и участие Палия в Полтавском бою. И всюду подчеркивается, что украинский народ в единении с народом русским спас страну.

В Белоруссии, через которую шведы проходили, но где они оставались гораздо меньше времени, чем на Украине, не осталось народных песен, которые относились бы к шведскому нашествию, но устные сказания о шведах, вторгшихся в Белоруссию и грабивших ее нещадно, дошли до нашего времени. Собиратели белорусского фольклора отмечают пословицы, в которых сохранились народные воспоминания о бедственном состоянии шведской армии, когда она проходила дремучими лесами и невылазными топями страны: «Боси як швед». Говорится и о том, как эти шведы блуждали по лесам, «харчуючись мерзлою клюквою».

Сохранилось предание и о том, как Левенгаупт желал «обдурить російську армию» и подослал шпиона, указавшего русским неверный путь, но неведомый белорусский селянин указал правильную дорогу, а шпиона повесили на оси-

не. Отсюда и возникло присловье: «Тутейшая осина не шведская паутина».

В архиве секции археологии Академии наук Белоруссии имеются записи ряда легенд о зверствах шведов и о партизанах-героях, которые пошли на шведа, но потерпели поражение и были перебиты и закопаны в землю около селений Зеленковичи и Вирово, Пропойского района.

Сохранилась и запись предания о бегстве шведов после их поражения под Лесной и о том, как бегущие шведы разбегались по лесам, а затем бросились к реке Сож и, переправившись через нее, побежали дальше. Легенда очень метко отмечает бедственные последствия для шведов поражения под Лесной — полную потерю обоза: «Швед под Лясной згубиу боты и штаны, а у Рудни покинуу и шапку».

Упорное сопротивление со стороны народной массы, не только пассивное, но и очень активное, которое вторгшийся неприятель встретил и в Белоруссии и на Украине, сыграло громадную роль в долгой и тяжелой подготовке окончательного успеха, решающего удара, покончившего с нашествием под Полтавой и у Переволочны (или у «Переволочной», как ее часто называют наши документы). И тут прежде всего следует сделать необходимую оговорку, без которой читатель мог бы быть введен в заблуждение и слишком узко, однобоко, неправильно подойти к пониманию того явления, которое смело можно назвать народной войной на Украине в 1708—1709 гг. Спора нет, что во время нашествия классовая борьба крестьянства и неимущего казачества против стремлений землевладельцев («державцев») затруднить свободный переход крестьян с одной земли на другую продолжалась, так как не в июне 1708 г. она началась и не в июне 1709 г. она окончилась. Спора нет, что долгая, давняя борьба в деревне против упорных крепостнических тенденций «державцев» и помогавшей им и связанной с ними тесными классовыми узами старшины способствовала проявлению энергии и активизации движения «пополитых» против изменнической части старшины.

Но не только в классовой борьбе коренилась основная причина этой особой энергии, этой активизации движения. Не только потому так быстро, так безнадежно и так позорно про-

валилась в украинском народе опаснейшая измена Мазепы, что Мазепа всегда держал сторону крепостников-землевладельцев, а также богатеев в городе и считался противником неимущей массы и в селах и в городах. И не потому представители изменнической части старшины (их было меньшинство, а не большинство) должны были спастись поспешным бегством при первых же поползновениях осуществить свои планы, что народ внезапно почувствовал к ним обострение классовых враждебных чувств, а потому, что они были изменниками, предателями родной страны, хриstopродавцами, желавшими под водительством шляхтича Мазепы предать и отдать Украину полякам и шведам. И когда часть запорожцев пошла за ненавидевшим Москву Костей Гордиенко, отдалась в подданство Карлу и стала вместе с Карлом осаждать Полтаву, то и Костя и все, кто с ним был, тоже сейчас же превратились в глазах населения в хриstopродавцев и в городах и в селах, где ни разу не ступала даже нога шведского солдата и где о шведах знали только понаслышке, образовывались партии крестьян и горожан и партизанщина направлялась против бродивших по стране отрядов запорожцев и беспощадно их истребляла, потому что вполне справедливо приравниала изменников к иноземному врагу, на сторону которого они перебежали. И уж тут элемент классовой вражды был совершенно ни при чем: ведь Запорожье всегда было как бы обетованной землей для убежавших из Украины крестьян. Но достаточно было измены запорожцев, пошедших за Гордиенко, чтобы на уничтожение Яковлевым Запорожья стали смотреть как на ликвидацию гнезда измены, и что бы ни писали теперь Андрусайк и другие «щирые украинцы», украинский народ считал предателями вовсе не Галагана и Даниила Апостола, деятельно помогавших справиться с мазепинцами, а именно этих самых мазепинцев.

Классовые отношения никак нельзя упускать из виду при анализе народного сопротивления шведскому агрессору и его союзникам, но сводить к классовой борьбе все это движение — значит не понимать в нем самого существенного, значит игнорировать руководящий мотив движения и за деревьями не видеть леса.

В разгаре страшной борьбы гетман Украины Мазепа, человек, пользовавшийся долгие годы неограниченным доверием царя, внезапно перешел вместе с некоторыми членами казачьей стражи на сторону Карла.

У нас есть свидетельство о том, что Мазепа начал готовиться в глубокой тайне к измене еще в 1701 г. и уже более определенно — в 1705 г. И если мы говорим о его «колебаниях», то должны категорически оговориться: «колебания» Мазепы вызывались вовсе не «существом» вопроса — тут колебаний никаких не было. Мазепу явно одолевали лишь сомнения, во-первых, в выгодности для него лично подобного предприятия и, во-вторых, когда именно должен быть признан благоприятным момент для того, чтобы по возможности уменьшить риск этого опаснейшего шага. Излишне прибавлять, что было бы до курьеза ошибочно придавать всем этим «колебаниям» изменника значение каких-либо сомнений морального характера. Мазепа решился потому, что ошибочно поставил ставку на победу Карла, которая сулила ему положение «князя Украины». Домыслы Грушевского и других о патриотических украинских целях и т.д. фантастичны и извращают всю картину событий в угоду тенденциям авторов.

Мазепа жестоко ошибся в этом своем решении: поставив все на карту шведской «непобедимости», он все и проиграл. Но «загадочности» в его поведении не было ни малейшей. А в своей убийственной непоправимой ошибке он стал быстро убеждаться еще задолго до Полтавы.

История всех «колебаний» Мазепы от 1705 г., когда ему впервые предложил Станислав Лещинский изменить России, до конца октября 1708 г., когда он вдруг сбросил маску и явился с казачьим отрядом в шведский стан, изложена в очень важном, даже во многом совсем незаменном документе, что не мешает ему быть часто явно лживым. Но этот документ во многом ускользает от возможности сличений и проверок. Это письмо младшего друга и довереннейшего, близкого Мазепе человека, генерального писаря Орлика, написанное им из его долгой эмиграции к концу его жизни, в 1721 г., и направленное к митрополиту рязанскому и муромскому Стефану Яворскому²⁵. В этом показании клеветы Мазепы, писанном через 12 лет пос-

ле Полтавы и после смерти Мазепы, нас интересует главным образом, как обозначилось решительное расхождение между Мазепой и подавляющим большинством украинского народа, или, точнее, между Мазепой с ничтожной кучкой приставших к нему и всем остальным украинским народом. Еще сидя у себя в Белой Церкви летом 1708 г., Мазепа стал колебаться и сильно сомневаться в том, что стоит ли переходить на сторону Карла. Гетман был в этот момент «одержим великою боязнию и в словах кающегося того своего начинания». Он каялся перед Орликом, а Орлик тоже в это самое время, как он признает, якобы колебался и сомневался: стоит ли выдать Петру гетмана и не погибнет ли он, Орлик, как погибли Кочубей и Искра, так как царь продолжает верить Мазепе²⁶. Решил не выдавать Мазепы, очень за себя боявшегося, бывшего «в боязни и небеспеченстве». Но сообщники, собравшиеся в Белой Церкви, окончательно убедили гетмана, который, однако, потребовал от них «присягу с целованием креста и евангелия святого», что они его не выдадут. Они дали присягу и стали торопить Мазепу с отъездом к королю Карлу. А он сначала рассердился на своих сообщников и сказал: «Бери вас чорт! Я, взявши з собою Орлика, до двору царского величества поеду, а вы хоч пропадайте». Но, выбравшись, сделал по их желанию. Он послал письмо к графу Пиперу в шведский лагерь и тотчас получил, конечно, благоприятный ответ. Условились встретиться при переправе короля через Десну. Мазепа прибыл в Борзну. Когда же племянник Мазепы Войнаровский известил его, что едет в Борзну сам Меншиков для встречи с гетманом, то Мазепа, явно испугавшись и полагая, что князь уже что-то проведет, мгновенно решил: «...порвался (сорвался с места. — *Е.Т.*) нечаянно Мазепа, як вихор, и поспешил в вечер, поздно того ж дня в субботу до Батурина», затем 23 октября переправился через Сейм, 24-го переправился через Десну и явился к генералам Карла XII. Королю он представился 28 октября.

Если генеральному писарю Орлику, политическому интригану второго сорта, казалось, что Мазепа с ним ведет себя душа нараспашку, то он заблуждался. Мазепа и ему тоже не вполне доверял и от него тайлся. В своем письме к Яворовскому Орлик ничего не говорит о том, что в октябре 1707 г. (точ-

ной даты у нас нет) Мазепа прислал, соблюдая, конечно, глубокую тайну, письмо королю Станиславу Лещинскому и фактически начал свои изменнические действия. Мы об этом факте узнаем от капеллана Карла XII — пастора Нордберга. В своем письме, рассказывает Нордберг, Мазепа уверял, что москвиты — трусы, бегут от шведов, тогда как хвастали, что будут твердо стоять на месте, ожидая нападения. Поэтому Мазепа предлагает Станиславу свое содействие при условии, чтобы шведский король принял его под свое покровительство и «помог ему в его плане». План же его был таков: «Шесть или семь тысяч москвитов, которые были на Украине, могли бы быть легко уничтожены, и это был бы мост для шведов». Нордберг тут прибавляет: «таковы были собственные выражения Мазепы». Гетман писал далее, что «не следует сомневаться в его искренности и что, как известно, казаки ничего так не желают, как иметь возможность избавиться от владычества царя, на которое они смотрят, как на нестерпимое иго. Правда, они сами его на себя наложили, но это совершилось в то время, когда они были ослеплены обещаниями, что они сохранят свою свободу и что им предоставят большие преимущества, которыми, однако, они не пользовались».

Ответить гетману на это предложение, конечно, должен был не Станислав Лещинский, к которому Мазепа мог лишь адресоваться как к передаточной инстанции, а король Карл XII. И Карл не скрыл от своего капеллана, какой ответ Мазепе распорядился он дать: «Шведский король понял очень хорошо, что большое количество этих людей могло бы оказать большие услуги, когда дело будет идти о преследовании бегущего врага, но он знал также, что в правильном бою (*dans une bataille rangée*) совсем нельзя на них рассчитывать, как шведы уже не раз это испытывали». Поэтому, сообщает Нордберг со слов короля, так как он, Карл, непременно разобьет русских и изгонит их из Польши, едва только ему удастся принудить их дать сражение, то сейчас ему Мазепа не нужен и он не хочет, чтобы Мазепа хвастал, что он помог ему, Карлу, очистить Польшу от русских. Поэтому король решил так: пусть Мазепа поможет гнать москвитов в их собственной стране. «И в этом смысле Станислав ответил Мазепе. Он его поблагодарил за его пред-

ложение и уверил его, что свято (*religieusement*) сохранит все это в секрете и льстит себя надеждой, что так же поступит и Мазепа. Наконец, что с ним (Мазепой. — *Е.Т.*) будет поддерживать сношения письмами и что ему дадут знать, когда станет время порвать открыто и объявить себя против царя»²⁷.

С той поры измена Мазепы и переход Украины на сторону шведов в той или иной мере учитывались в стратегических соображениях Карла XII.

Шведские источники, сведения и слухи, которые постепенно распространялись в Европе уже после Полтавской битвы, дают несколько вариантов истории измены Мазепы. Для нас интересно отметить, что все сходятся на рассказе о глубоком разочаровании шведов, когда Мазепа с незначительной группой всадников добрался наконец до короля и Карл удостоверился в провале своих надежд на изменника. Вот как изобразил дело Мазепа, которому необходимо было объяснить королю свою неудачу и невыполнение своих обещаний. Он, Мазепа, в самом деле начал свое движение к Десне во главе «шестнадцати тысяч» (!) казаков, но не осмелился (по собственным словам) откровенно объяснить им всем, куда и зачем он их ведет. Но, уже приблизившись к реке, он не мог больше скрыть свои намерения и сообщил своей «армии», что настала пора отложиться от Москвы и примкнуть к шведскому непобедимому герою и т.д. Он обещал казакам сохранение всех их старинных вольностей, верную победу над москалями под владычеством Карла и звал их за собой. Дальше произошло следующее. По-видимому, до открытой борьбы против Мазепы дело в лагере у Десны не дошло, но Мазепа нашел излишним удостовериться в результатах своего ораторского выступления, потому что, не теряя золотого времени, поспешил в сопровождении нескольких тысяч (одни говорят о 2—3, другие о 4 тыс. спутников) помчаться в шведский лагерь. Конечно, шведские историки XVIII в. дают маловероятное объяснение, когда говорят, будто этот поспешный отъезд Мазепы был рассчитан на то, что остальная казачья армия увлечется примером гетмана и сейчас последует за ним. Ясно другое: уже отъезжая, Мазепа видел, что недаром он так долго таил свои планы от казаков и что его внезапная откровенность сразу же унич-

тожила его войско. Ведь свой поход он объяснял тем, будто он ведет казаков против шведов, которые грабят и опустошают страну. Внезапная перемена фронта была полной неожиданностью для казачьего воинства, и большинство за Мазепой не пошло. Старшины потребовали времени для обдумывания дела. Мазепа предпочел не ждать.

Даже из той группы, которая за ним помчалась в шведский лагерь, очень многие повернули своих коней вспять, и если даже первоначально спутников Мазепы и было якобы 3 или 4 тыс., в чем очень можно сомневаться, то доехало до шведского лагеря уже несравненно меньше. Наиболее вероятно все-таки цифра в 2 тыс. человек²⁸. Остальные разбежались в первые же дни.

Явившись к Карлу со своими знаками гетманского достоинства, Мазепа произнес на латинском языке льстивую верноподданническую речь, которая, однако, могла очень мало успокоить Карла XII. Один старый анонимный английский историк, компилировавший историю Петра по некоторым источникам и воспоминаниям XVIII в., правильно говорит, что гетман явился к шведскому королю «не как могущественный государь, приносящий свою поддержку союзнику», попавшему в трудное положение, а как беглец, который сам нуждается в помощи. Аноним утверждает при этом, что Карл XII ждал от гетмана даже и не 16, а 20 тыс. человек украинского войска. О мотивах, которыми объясняется вполне реальная измена Мазепы, сказано выше.

Все эти мечты изменника развеялись в прах. К шведской армии прибавилась лишь кучка весьма сомнительно настроенных казаков, на которых не могло не произвести самого сильного впечатления поведение подавляющего большинства их товарищей, оставшихся верными России. Прибавился еще и старый гетман, за которым тоже нужен был глаз да глаз, потому что латинское красноречие не внушало ни королю, ни Реншильду, ни Пиперу ни малейшего доверия.

Правда, еще некоторое время Мазепа мог несколько поддерживать свой сильно пошатнувшийся престиж обещанием, которое, в случае если бы оно было реализовано, могло бы иметь очень серьезное и очень благое (с точки зрения Карла)

влияние на положение шведов: Мазепа ручался при первых же переговорах о возможности своего перехода на сторону шведов, что Украина, богатая, хлебородная страна, накормит до-сыта шведскую армию. Теперь, поздней осенью 1708 г., уже в ставке Карла XII гетман мог указать, что шведов прежде всего ждут колоссальные запасы продуктов, давно уже собранные в гетманской столице — городе Батурине. Если бы эти запасы попали в руки шведского войска, то это с избытком вознагра-дило бы за убийственную, грозную катастрофу Левенгаупта под Лесной, за потерю всех без малого восьми тысяч возов, нагруженных всяким добром. Украина, и прежде всего Бату-рин, должна была возместить шведам все последствия жесто-кого поражения под Лесной.

Но не долго пришлось Мазепе утешать своих новых гос-под заманчивыми рассказами о сытной и спокойной предсто-ящей зимовке в Батурине, будто бы ждущей шведов, даже если до весны им не удастся добраться до всего добра, которое ждет шведского победителя в Полтаве и в Киеве.

3

Обратимся теперь к тому, при каких обстоятельствах уз-нали в русском лагере об этой внезапной измене гетмана и как повела себя украинская народная масса.

Старые военные историки едва ли правильно толкуют вос-клициание, приписываемое Орликом Мазепе, когда гетман уз-нал о движении Карла на Украину: «Вот дьявол его сюда не-сет... Да он все мои соображения испортит и великороссий-ские войска за собою внутрь Украины впровадит на конечное разорение и на погибель нашу». Неизвестно, насколько пра-вильно переданы эти слова Орликом и кто тут восклицает: Мазепа или Орлик. Если даже принять за точную истину это восклицание, то отсюда никак нельзя сделать вывод, что «до-сада Мазепы была совершенно понятна: поворот шведского короля в Украину должен был повлечь за собою необходимость в ближайшем будущем участия казаков в борьбе между Рос-сией и Швецией, а это пока еще совершенно не отвечало пред-положениям гетмана»²⁹.

Едва ли это так. Что казакам все равно придется так или иначе принять участие в страшной войне не на жизнь, а на смерть, которую ведет Россия, и что Петр сумеет настоять на присылке к нему казачьих полков, это и не такой хитрый интриган, как Мазепа, понимал очень хорошо. Он боялся другого. Боялся полного разорения Украины от наступающего Карла и отступающего или параллельно идущего русского войска, и прежде всего он хотел, чтобы окончательный приговор судьбы был произнесен в пользу Карла в коренной России, в Смоленске, или в Москве, или под Москвой. Потом (как он прямо и признавался другу Орлику) он, гетман богатой Украины, уцелевшей от фурии войны, как тогда выражались, напишет Петру «вежливое письмо» (так заявил сам Мазепа) с благодарностями за прошлое и с известием о расторжении связи с Россией. Это — в случае победы Карла. А в случае поражения Карла в коренной России все-таки можно успеть переменить фронт и так или иначе помириться с царем. Но Мазепа боялся не только победы русских на Украине, но и победы шведов, потому что шведская победа *на Украине* будет не победой, а полупобедой, ничего не решающей. Поколение Мазепы пережило первую Нарву, но помнило и последовавшие за ней страшные удары русской руки в течение восьми лет, вытеснившие шведов из $\frac{2}{3}$ их прибалтийских владений, и Мазепа видел на примере, чем кончаются иногда отдельные тактические победы над русскими войсками, если за ними не следует стратегическое и политическое их использование, и как легко тут тоже полупобеда шведов может со временем превратиться в их полное поражение. Если русские восемь лет отстаивают Ингерманландию, то сколько же лет они будут воевать из-за Украины?

Не о казаках тревожился гетман, а о том, чтобы поскорее поход Карла на юг стал походом на восток. Нельзя на Смоленск (оно бы лучше всего!), пусть швед идет на Белгород, на Харьков, но туда, к Москве, где и решится вопрос о том, в чей адрес придется старому гетману посылать «вежливое письмо»: побежденному Петру или тому пока неведомому ставленнику, которого Карл посадит в Кремле на царский престол.

Коронный гетман Синявский настойчиво просил («непре- станно») Мазепу о присылке ему 6 тыс. казаков. Времена сто- яли тревожные, дело было накануне шведского нашествия и должно было подкрепить поляков и литовцев, не примкнув- ших к Станиславу Лещинскому. Но Мазепа уже располагал свои действия, имея в виду предстоящую измену. Он вовсе не хотел тратить казачье войско преждевременно и притом на дело борьбы против шведов. Мазепа действовал так, что отряд не был тогда послан. «...он отозвался по указу вашему, что для нынешнего распутия и великой бескормицы трудно такое вой- ско посылать в такую далекую сторону до Великой Польши и до Прус, как он, Синявский, желает, и притом он предпола- гает, что и посылать де, их опасно, понеже де всем ведомо польское непостоянство»³⁰. Так верный Мазепа мудро совето- вал Петру беречься чужого «непостоянства».

«А черкасы шведов по лесам зело много бьют», — доносил Ф. Бартенев царю 12 октября 1708 г., когда шведы шли к Ста- родубу³¹. Это активное участие населения в борьбе против не- приятеля отмечает и Петр в письме 6 октября к Ф.М. Апрак- сину, говоря, что из армии Левенгаупта едва ли одна тысяча беглецов дойдет к королю или даже вернется в Ригу.

И напрасно Карл соблазняет украинцев, подсылая свои воз- звания: «Король стоит еще на границе черкаской и посылал с прелестными писмами. Но сей народ за помощью божиею зело твердо стоять и письма приносят, а сами бегут в города и леса, а деревни все жгут»³². И снова, уже после отхода шведов от Стародуба, Петр подтверждает 24 октября, что все соблазны врага оказались тщетными: «...неприятель был у Стародуба и всяко трудился своею обыкновенною прелестию, но малорос- сийской народ так твердо с помощью божиею стоит, чево бол- ше ненадобно от них требовать»³³.

По-видимому, из московских «начальных людей» впер- вые Головкину стал закрадываться в сердце червь сомнения. Как-то путать стал Мазепа. То он писал, что не может поки- нуть свои места (Белую Церковь), потому что в народе «ша- тость», то пояснял, когда его начинали настойчиво спраши- вать, что под «шатостью» он понимает только «гультайство», не больше. И все сообщал о своей «сущей болезни», мешаю-

щей ему идти в поход. «Будто по полкам малороссийского народу уже начинаютца немалые возмущения, и для того отговариваетца...»³⁴ — вот как стал уже выражаться о Мазепе Г.И. Головкин.

Но если Головкин что-либо и начинал подозревать, то он был едва ли не одинок в те критические дни. Ни царь, ни Меншиков, ни Шереметев ровно ничего не усмотрели подозрительного. Придя в Горск 20 октября, Меншиков сообщил царю, что «его милость господина гетмана Мазепу со дня на день я к себе ожидал, но вчерашнего дня вместо ево получил видеть господина Войнаровского», каковой Войнаровский передал письмо от Мазепы. А Мазепа сообщает, что последний его час наступает, и он уже собороваться собрался ехать в Борзну, где его ожидает архиерей. «И сия об нем ведомость зело меня опечалила: первое тем, что не получил его видеть, которой б зело мне был здесь нужен; другое, что жаль такова доброго человека, ежели от болезни его бог не обলেখчит»³⁵. А «добрый человек», узнав о прибытии Меншикова, сообразил, что ни минуты больше терять нельзя, и помчался в шведский стан.

В конце октября 1708 г., не зная пока об измене Мазепы, Петр с восторгом извещал воевавшего в далекой Ингрии Ф.М. Апраксина, что малороссийский народ стойко борется. Между тем Петр знал, что шведы всячески соблазняли жителей Стародуба перейти на их сторону.

Петр уже вторично извещал Апраксина о неудаче шведской пропаганды. Уже после Лесной Петр знал, что партизаны уничтожают разбежавшихся с места боя неприятелей, «понеже и по лесам мужики зело бьют их», а Карл между тем еще только собирается войти на Украину.

Наблюдая все это, мог ли поверить Петр лживым наветам Мазепы, стремившегося уверить, будто в Стародубе народ надежен и волнуется? Петр разобрался, в чем дело: стародубовцы избивали подозреваемых в шпионстве и «кричали» на начальство, протестуя против «вывоза жен» (начальствующих лиц) из города, так как они говорили, что «без жен крепко сидеть не будут». Другими словами: они волновались под влиянием патриотических мотивов, а вовсе не потому, что собирались изменить России. Петр во всем этом разобрался: «да и

гетман не все правду пишет». Он не знал, что пройдет всего несколько дней и ему скажут, что лжец, клеветующий на свой народ, сам перешел к шведскому королю.

Неодолимые обстоятельства заставили гетмана сбросить маску и сделать непоправимый шаг в октябре 1708 г., когда Шереметев и Головкин, действуя именем Петра, потребовали, чтобы он с вооруженными силами, бывшими под его началом, шел немедленно к Стародубу и присоединялся к главной армии.

Мазепе приходилось очень изловчаться, ведя эту опаснейшую переписку с Головкиным. Нужно было одновременно как-то доказывать, что он не может прибыть в русский военный стан, так как без него могут вспыхнуть на Украине волнения, а с другой стороны, следовало убедить подозрительного, но пока еще верящего ему московского вельможу, что все-таки больших волнений он не ждет, а потому посылать к нему на Гетманщину войска не нужно. Головкин учитывал эти явные противоречия и обращал на них внимание Петра. «По письмам гетмана господина Мазепы, в которых он писал, представляя многие опасности, есть ли он от Украины отдалится, и что будто по полкам малороссийского народу уже начинаются немалые возмущения, с которого письма мы к вашему величеству наперед сего список послали. Посылали, государь, мы к нему с письмом Федора Протасьева и велели разговаривать и уведать подлинно от него, гетмана, о том, нет ли каких возмущений и шатости в народе малороссийском. Который (Протасьев. — *Е.Т.*) сегодня к нам возвратился, и рассказывает, что гетман зело болен». Мазепа счел необходимым прикинуться больным, чтобы во всяком случае избежать поездки в русский лагерь. Но приходилось очень увертываться от вопросов Протасьева: «А о шатостях малороссийского народа он, гетман, ему объявил, что только, оные происходят от гультайства, и то малые, а старшины все при нем верны, в том он не опасетца». Не неволя уже «заболевшего» гетмана к личному участию, Головкин тогда решил все-таки заполучить немедленно и пробить навстречу шведам малороссийские войска, состоящие при гетмане: «И понеже он, гетман, писал к нам чрез письмо, желая дабы ради сущей его болезни от походу свободна

учинить, того ради за благо рассудили мы послать к нему указ, чтоб ради слабости здоровья своего был при обозах, оставя при себе несколько войск по своему рассмотрению за Десною, а легкое войско компанейцев и сердюков и протчих послать с наказным, и велел им стать между Стародубы и Черниговы и чинить под неприятеля партии»³⁶. Эта конница предназначалась Головкиным для внезапных наездов и нападений на вступившую на Украину шведскую армию, уже повернувшую от Стародуба к Десне.

Следует заметить, что явное нежелание Мазепы исполнить повеление о походе к Стародубу все же не могло сразу возбудить подозрения в Шереметеве и Головкине. Они ведь знали, сколько раз менялись директивы, направляемые Мазепе. То 8 августа (1708 г.) Петр, сидя в Горках, по пути к Мстиславлю, пишет Мазепе: «понеже неприятель Днепр перешел и идет к Пропойску, того ради вам надлежит из Киева итти в Украину свою (т.е. Гетманщину, на левый берег. — *Е.Т.*)». То царь спустя восемь дней, 16 августа, из Мстиславля экстренно отменяет свое распоряжение, так как неприятель, выйдя из Могилева, остановился в шести милях от города и неизвестно, куда он пойдет: если на Украину, то Мазепе стоять между Киевом и Черниговом, а если на Смоленск, тогда Мазепе идти в Киев для обороны от возможного нападения поляков. То новыми двумя указами (из Улановичей, 6 сентября, и из Латры, 14 сентября) Петр приказывает Мазепе готовить все к дальнейшему походу из Белой Церкви против поляков («для надежды поляков»), то 20 сентября приказывает идти «с поспешением» на Украину (Левобережную) и оборонять ее вместе с Шереметевым. Мазепа прикидывался сбитым с толку этими противоречивыми указами, хотя, конечно, не мог не понимать, что Петр принужден был координировать и менять дислокацию своих сил в зависимости от внезапных перемен в планах Карла XII.

Еще за неделю с лишком до сражения при Лесной Петр получил от Мазепы через специального курьера извещение, что «малороссийский народ имеет некоторое опасение о том, что знатная часть войск малороссийских взята из Украины» на соединение с великороссийскими войсками и «в дальнем расстоянии обретаются из Украйны», так что, когда неприятель пой-

дет на Украину, то «боронити Украины будет некому». Отвечая гетману, царь приказывает ему успокоить малороссийский народ, объяснив, что войска из Украины требуются сейчас для защиты границ великороссийских, которым угрожает неприятель, а если неприятель повернет к Украине, то на ее защиту будут посланы не только все малороссийские войска, но и «все наше войско главное великороссийское». При этом Петр прибавляет, что так как шведы уже «марш свой обратили к реке Соже» и стоят у Кричева, то уже и указано Шереметеву идти со всем войском на оборону Украины «с поспешением»³⁷. Затем последовало распоряжение Шереметева и Головкина, прямо обращенное к Мазепе, — идти к Стародубу, уже занятому русским отрядом Инфланта (из главной армии Шереметева). Ни в каком случае не желал и уже не мог Мазепа исполнить это требование. Соединив свои войска с шереметевской главной армией и оказавшись собственной персоной в руках Шереметева, Мазепа должен был начисто отказаться от плана немедленного перехода к Карлу. Гетман находился в момент получения распоряжения Шереметева и Головкина на реке Десне. Отсюда, «из обозу», 6 октября он и направил графу Головкину свой лукавый ответ.

Он находит «многие трудности», мешающие исполнить царское (и шереметевское) повеление. И войска мало, так что даже не к одному, «а к двум Инфлянтам» присоединить его, то все-таки не хватит сил «в поле» противостоять шведам. Войска, его к тому же «все босые и голые» и ободрались. А главное — волнение в народе: «Трудность наибольшая в здешнем народе вельми опасная». Между народом непостоянным «внутренне начинает расширяться» смятение. «Гультяи и пьяницы» бродят «великими компаниями по корчмам и с ружьем». Мазепа напирает больше всего на грабительский характер движения: «вино насильно берут, бочки рубят и людей побивают», а в Лубнах арендатора и ктитора до смерти убили, производят погромы, и все это ширится и захватывает даже «смирнейшие полки», бьют сотников, и уже образовались значительные шайки «гультяев»: некий Перебийнос собрал 800, а другой (Молодец) собрал до тысячи. Мазепа, конечно, сгущает краски, чтобы Шереметев и Головкин позволили ему остаться на Десне

(где он поджидал Карла XII). Он изображал дело так, что и вообще опасно вести малороссийское войско к Стародубу, потому что злокозненные грабящие все и всех «гультяи» могут даже учинить «чего, боже, сохрани» нечаянное нападение «на города», где найдут «народ единомысленный». Все это сознательное преувеличение. Точно так же характерно голословное уверение Мазепы, будто уже и вся старшина, полковники и сотники, ропщут и говорят, что если Мазепа уйдет, то «гультяи» перережут их семьи и ограбят их. Конечно, все эти запугиванья бунтом «гультяев» имели тут такую же очевидную цель, как и чистейшая выдумка, которой заканчивается письмо, будто Станислав Лещинский «идет к Киеву». Значит, никак, мол, Мазепе с войском нельзя идти на соединение с главной армией. И в постскрипуме Мазепа еще прибавляет, что пришли известия из Гадяча, будто там тоже «гультяи и пьяницы» «учинили было нападение бунтовное на замок» и хотели убить поставленного Мазепой «господаря», «который там в целом полку Гадяцком вместо губернатора», но не убили. И хотели там разграбить мазепины «пожитки», но не разграбили. Вообще выходит, не то бунтовали, не то собирались бунтовать.

Все это путано, нарочито преувеличено, и цель, как сказано, вполне ясна: отделаться от похода к Стародубу.

Но имеем ли мы право сказать, что это письмо лишено значения в качестве показания о настроениях народа на Гетманщине накануне перехода Мазепы к шведам? Ни в коем случае. В этом документе правда все-таки сквозит и пробивается через толстый слой лжи: Мазепа не смеет обвинить этих «гультяев и пьяниц», этих погромщиков, взломщиков и буянов в том, что, по его же соображению, конечно, больше всего должно было бы встревожить царя, фельдмаршала и Головкина, т.е. в государственной измене, в сочувствии к вторгнувшемуся врагу³⁸. Значит, этого не было. А если так, то против кого же шли скопом, целыми деревнями, целыми вооруженными партиями по 800, по 1000 человек эти загадочные «гультяи и пьяницы»? Ответ дает, не желая того, сам Мазепа: движение направлялось против старшины, против «господарей» — губернаторов, поставленных Мазепой, против «державцев», против

вымогателей, насильников, крупных панов, эксплуататоров, возглавлявшихся самим вельможным паном гетманом. И все не в «гульбе» и в «пьянстве», а в обострении под влиянием исключительных событий социального протеста было тут дело, в резком проявлении хронического антагонизма между эксплуатируемой массой и эксплуататорским классом. Такова единственная реальность, которую все же можно рассматривать и отличить в этом неискреннем, лживом, с дипломатической хитрецей и задними целями составлявшемся послании. В своем письме Мазепа приписывает буйство и пьянство не только посполитым крестьянам, но и ремесленникам («швецы и кравцы») городов. Весь этот люд и восстал вскоре против Мазепы и шведов.

Настроение народа в деревне и городе было предгрозовым, это были лишь симптомы и предвестники бури. Чтобы буря разразилась, понадобилась потрясающая весть, что Мазепа перешел к шведам и что неприятель явился в Гетманщину. Тогда народная война против иноземных захватчиков слилась с уже начинавшейся борьбой против старшины и угнетателей внутренних и проявилась во всей силе.

Отправив вышеупомянутое письмо, гетман получил новое напоминание от Головкина, настолько неприятное, что изменник написал в тот же день 6 октября второе письмо. «Извольте ваша вельможность удивляться умедлению моему в маршу и что еще доселе не в случении пребываю з господином Инфлянтм генерал-маеором», — пишет Мазепа, и дальше идут на нескольких страницах подробные доводы и оправдания, которые предназначены к тому, чтобы удовлетворительно объяснить Головкину загадочное поведение гетмана. Он, Мазепа, сначала был занят организацией обороны Правобережной Украины против возможного появления Станислава Лещинского, потом устраивал переправу на Десне и т.д. А теперь как же ему идти в Стародуб? Кто же будет «боронить» «бедных людей» от неприятеля: «Якая будет оборона, когда я в Стародубовском полку от сего краю удаленным буду?» и т.д. «От сего краю», т.е. от Батурина, где у него уже припасена артиллерия и заготовлен провиант для шведской армии. И снова с ударением Мазепа указывает на будто бы начинающуюся

в народе смуту: «...и тут в Украине своеволи гултяйской и начинающемуся смятению бунтовщику умножится надежда и дерзновение»³⁹.

Удар для русской национальной обороны был необычайно тяжелым. На первых порах могло показаться, что «отпадение Украины» и является блестящим началом осуществления плана Карла XII о расчленении России и полном прекращении ее государственной самостоятельности и целостности.

Что же было причиной быстрого и полного провала всех планов изменника и всех надежд шведского короля? Почему с самых первых дней после появления Мазепы в лагере Карла XII шведский король убедился, что это не «могущественный князь Украины», не новый сильный союзник, далеко превосходящий своими средствами польского короля Станислава Лещинского, не новый вассал Швеции, гордо объявляющий войну русскому царю во имя поддержки политики своего нового сюзерена Карла, но что к нему опрометью прибежал искать спасения и защиты запутавшийся в своих интригах старик, который обманном путем привел с собой около двух тысяч казаков, причем с них не следует глаз спускать, потому что они того и гляди разбегутся?

Народная война на Украине погубила изменническое предприятие Мазепы с первого же момента.

Прибытие Мазепы к Карлу походило с самого начала не на посещение могущественного союзника, а на появление беглеца, прячущегося в королевской главной квартире от Меншикова, посланного арестовать его. И никакие церемонии приема, и никакие латинские приветственные речи, которыми обменялись 28 октября 1708 г. Карл XII и Мазепа, ничего тут замаскировать не могли.

В современной антисоветской литературе украинских эмигрантов договаривается мысль, которую по разным причинам не могла или не хотела договорить до ее логического конца историческая «школа Грушевского», и Мазепа возводится в ранг национального героя, будто бы стремившегося создать независимое украинское государство, а не феодальный лен шляхетской Польши, зависимой, в свою очередь, от шведского короля. Новейший автор этого типа, Микола Андрусайк,

торжественно подносит Мазепе титул «отца современного украинского движения в пользу независимости» и всю его предшествующую долгую службу Петру рассматривает как тактический маневр с целью нанести Москве удар в благоприятный момент. Все это — без тени научной аргументации. Но как может Микола Андрусайк, бывший профессор украинской истории в Львовском университете, обнаруживать попутно такое поистине анекдотическое всестороннее невежество в своей специальности, как может он безграмотно писать, что разрушение Батурина предшествовало битве при Лесной, или что Карл XII расположил армию Левенгаупта в качестве своей главной армии в Белоруссии, или что Петр «форсированными маршами» помчался к Полтаве, «взял Полтаву в плен» и этим «создал смущение и разногласия между украинцами и нейтрализовал часть казачьих сил». Как можно с бестрепетным челом подносить такой дикий, курьезнейший, шарлатанский вздор читающей публике, нося звание какого там ни на есть «профессора», — это непостижимо. Этот «профессор» — типичный образчик того умственного уровня, до которого докатилось современное мазепинство.

Отмечаем работу Андрусайка в качестве типичной и по тенденции и по научному уровню для этого рода литературы.

Измена Мазепы назревала давно. Попытка Кочубея и Искры раскрыть Петру глаза на готовящуюся измену окончилась гибелью обоих лиц, сигнализировавших об опасности. Уже в апреле 1708 г. Кочубея и Искру ждали в Смоленске и знали, по какому делу они прибыли в Россию. Граф Головкин уведомил 23 мая 1708 г. царя, что он велел «держать» Кочубея и Искру в Смоленске. Сначала была мысль отправить их в Киев, где они были бы в руках русских военных властей. Этого больше всего боялся гетман, знавший, конечно, как много они расскажут в Киеве, где русские власти будут в самом деле заинтересованы выяснением дела. Поэтому Мазепа стал усиленно хлопотать о том, чтобы заполучить обоих врагов в свои руки. Он не переставал писать Головкину, который докладывал царю: «Он, гетман, пишет, государь, к нам многократно, прилежно прося о прислании оных к нему в войско, а не в Киеву». Для того чтобы поскорее добиться своей цели, Мазепа пустил

в ход всегда действовавший на Петра прием. Он сообщил, что уже идет в народе смута: «рассеиваются многие плевелы», на гетмана клеветают, выдумывают, будто у царя «великий гнев» на гетмана, уже народ бьет гетманских служащих и кричит: «приедет де на вашу всех погибель Кочубей», и всюду распространяются слухи, будто Кочубей «в великой милости» у царя и что Искра будет «города какого добывать, а когда де добудет, отпущен де будет на гетманство»⁴⁰. Словом, Мазепа грозил смутой на Украине и мятежом, если ему не выдадут головой обоих доносителей. Прием удался изменнику вполне. Его настойчивые просьбы, о которых постоянно упоминает Головкин в своих письмах царю, увенчались успехом.

31 мая 1708 г. последовала записка в двух строках от царя к Мазепе, гласившая: «Чтоб он был известен о присылке к нему воров, Кочубей (sic. — *Е.Т.*) и Искры, и их казнить по их достоинству»⁴¹.

Кочубей и Искра после страшных пыток были казнены 14 июля 1708 г. в обозе гетмана Мазепы в местечке Борщаговке (в 8 милях от Белой Церкви).

Ужасающая ошибка была царем совершена. Слишком много доносов на гетмана получал он долгий ряд лет, и все они победоносно опровергались Мазепой. Очень ловко изменник внушал Головкину и Шафирову, а те — Петру, что Кочубей и Искра сами действуют как предатели, сеют умышленно смуту и рознь в народе, распуская слухи об измене гетмана и подстрекая этим украинский народ к неповиновению законным украинским властям.

Личные мотивы Мазепы подвергались неоднократно и под пером шведских и под пером некоторых украинских историков («школы Грушевского») «глубокомысленному» и сочувственному анализу, причем строились не имеющие под собой ни малейшего основания тончайшие и затейливые гипотезы. Гетман долго колебался и взвешивал и никак не мог решить окончательно вопроса, кто сильнее — Карл или Петр. Оттого он и говорит так часто Орлику и старшине то одно, то другое. Оттого и княгиня Дульская, через которую некоторое время велись переговоры об измене, то именовалась в устах Мазепы

«проклятой бабой, которая беснуется», то ее «цидулки» прочитывались гетманом со все возрастающим вниманием.

Но в октябре 1708 г. колебания кончились, потому что вопрос об относительной силе обоих врагов был решен наконец Мазепой бесповоротно. «Бессильная и невоинственная московская рать, бегающая от непобедимых войск шведских, спасается только истреблением наших селений и захватыванием наших городов», — писал гетман стародубскому полковнику Ивану Скоропадскому, соблазняя его на измену.

Письмо Мазепы было получено в Почепе фельдмаршалом Шереметевым, который 9 октября собрал военный совет («конзилиум»). Вынесено было решение, которое показывает, что хотя Мазепе еще доверяли, но все-таки избавить его от обязанности немедленно идти со своим войском в Северскую Украину не желали. Военный совет предложил Мазепе «определить знатную и верную особу в наказные гетманы», т.е. назначить как бы заместителя на время своего отсутствия, причем этот наказный гетман обязан будет «для надежды малороссийскому народу» смотреть, «дабы в оном не произошли какие шатости от неприятеля какие факции», а в случае таких шатостей⁴² «оныя пристойным образом усмирять». А кроме того, велено было князю Дм. Мих. Голицыну идти с частью пехотных полков «в малороссийский край и стать в Нежине» с артиллерией. Все это показывает, что донесению Мазепы о возможных волнениях в народе была придана полная вера, но все-таки главной своей цели Мазепа не достиг. Сам-то он принуждался все-таки ехать немедленно в Новгород-Северский, к русской армии, со всеми наиболее надежными своими силами. Мало того. На другой же день после военного «конзилиума» Головкин пишет (10 октября) Мазепе большое письмо, в котором, повторяя содержание решения военного совета, напоминает Мазепе о царском приказе ему идти непременно на соединение с русской армией: «Изволите потщитися по неременной своей к царскому величеству верности, на оборону малороссийского народу, в особливое ваше управление от бога и от его царского величества врученного, поспешить безотложно»⁴³. Еще более выразительно звучали слова, что малороссийский

здесь край и народ «зело сумневается, что от вашего сиятельства весьма оставлен в наступление неприятельское»⁴⁴.

Все это звучало довольно зловеще. Кольцо сжималось вокруг изменника. Терять времени не приходилось.

Следовало в спешном порядке выискивать новый предлог для откладывания движения на соединение с Шереметевым. Мазепа посылает из Салтыковой-Девичы, где он находился, 13 октября Протасьева с известием об одолевающей его будто бы болезни. Головкин поверил уведомлению о «скорби» гетмана, просит господина об «облегчении» этой «скорби», но настаивает на том, чтобы Мазепа приказал «легкому войску» идти к Стародубу и стать между Стародубом и Черниговом. В приложенной к этому письму Головкина (от 16 октября) «цидуле» граф извещает о скором прибытии в Стародуб князя Меншикова «со всей кавалерией»⁴⁵.

Тогда-то, узнав от бежавшего из главной квартиры Меншикова племянника своего Войнаровского, что князь Александр Данилович сам едет к нему точнее узнать о его «болезни», гетман «сорвался яко вихрь» и помчался в шведский лагерь.

4

Спора нет, что при твердой решимости России продолжать смертельную схватку с агрессором планы Карла XII были обречены на неудачу. Но ясно и то, что если бы украинский народ обнаружил хотя бы инертность и индифферентизм и занял позицию как бы наблюдателя, а не участника борьбы, то опасные последствия измены Мазепы не могли бы быть так быстро и бесповоротно ликвидированы, как это случилось.

А случилось это потому, что народная война, уже происходившая на Украине с первых же дней шведского нашествия, запылала ярким пламенем именно тогда, когда в украинском народе разнеслись первые слухи об измене, о том, что Мазепа отдает Украину ненавистным панам и что он продан им и их господину — шведскому королю.

Карл и Мазепа сначала мечтали о немедленном и безболезненном переходе Украины под их высокую руку. Потом они

могли предаться мечтам поскромнее: они рассчитывали хоть на междоусобицу если не в Северской Украине, где великорусское влияние было сильно, то хоть в других, центральных и порубежных казачьих полках Украины. Но и эти упования не сбылись.

Украина ответила изменникам и агрессорам не междоусобицей, которую они ждали и желали, а народной войной, направленной прямо против шведов и против мазепинцев.

Обратимся теперь к тому, как развивались события.

Замыслы Мазепы и той части казацкой старшины, которая за ним пошла, не сулили ни крестьянству, ни городскому мещанству, ни обывательской массе решительно никаких перспектив улучшения их экономического положения. Но они не давали также и особо заманчивых обещаний и старшине, этой богатой или просто зажиточной части казачества, откуда выходили полковники украинских полков и вербовались правящие кадры. Еще если бы явилась надежда на возникновение самостоятельного государства Украины, это могло бы привлечь их умы, но ведь Мазепа вовсе этого не сулил ни устно, ни в своих воззваниях, и речь, следовательно, шла лишь о замене верховенства московского царя верховенством польского короля. Но не было на свете власти еще более отталкивающей для украинского населения, чем власть польских панов. Мало того: польский король и сам был простой пешкой в руках шведов, так что Мазепа становился в случае удачи *вассалом вассала*, т.е. Украине предстояла участь быть одновременно близкой колонией для поляков и более далекой колонией Швеции. Мы не касаемся тут и других сторон проблемы, вековых традиций яростной борьбы Украины с поляками в XVI—XVII вв., совсем недавних воспоминаний об антипольском движении Палия в Правобережной Украине, религиозной вражды против насильственного окатоличения и т.д. Недаром Мазепа столько времени колебался перед решительным шагом.

При этих условиях на Украине не оказалось в наличии ни одного общественного класса, на который изменник мог бы вполне рассчитывать, никого и ничего, кроме довольно тонкой прослойки между членами старшины и ничтожного меньшинства казачества. Только далеко на юге, в низовьях Днепра,

в Запорожской Сечи, Мазепа (или, точнее, кошевой Гордиенко) нашел ранней весной 1709 г. несколько тысяч сторонников, сбитых с толку ложными слухами о шведских успехах и обещаниями клевретов Мазепы предоставить запорожцам богатую поживу в городах Южной Украины, оставшихся верными России.

Больше всего подкосило всякие шансы изменника гетмана на успех именно то обстоятельство, которое он счел для себя наиболее благоприятным: вторжение Карла XII. Украинский народ после измены Мазепы стал относиться к шведам еще с большей ненавистью, чем до той поры. Шведское нашествие стало представляться уже не как набег лихих людей, который отличается от привычных набегов, например крымских татар, тем, что шведы нагрянули с севера, а крымцы приходят с юга. Теперь война представилась совсем с иной стороны: выходило, что шведы пришли завоевать Украину затем, чтобы передать ее из рук в руки польским панам и ксендзам, и что их доверенным лицом по части этой передачи является Мазепа. Народная война с этого момента приняла особенно ожесточенный характер.

При первых же шагах после вступления в Северскую Украину Карл XII натолкнулся на жестокий отпор. Городок Мглин оказал решительное сопротивление, и шведы, пытавшиеся войти в городок, были отброшены с уроном. Больше пятидесяти шведских трупов осталось у городских стен. Торопясь к Стародубу, шведы не упорствовали и пошли дальше. Население Мглина оказало активную помощь гарнизону: «А в городе сидят сотник мглинской и с ним казаки сто человек того города и мужики из деревень»⁴⁶. Король остановился в трех милях от Мглина, поджидая свой обоз. Но нападение на Мглин не повторил.

Уже на одиннадцатый день после того, как Лагеркрона двинулся из Старишей по направлению к Стародубу, начали поступать в русскую армию более или менее точные сведения о путях, которыми он идет. 26 сентября к генералу Инфланту привели захваченных четырех волохов и одного поляка. Пленные показали, что уже и сам Карл XII идет со всей армией вслед за своим авангардом и что вся шведская армия идет к Старо-

дубу. Пленные сообщили также о неудаче шведов, посланных к городку Мглину «для уговариванья, чтоб того местечка жители провиант и всякой фураж им давали, и потом уведомились, что войско наше пришло и они того часу поворнулись назад к королю»⁴⁷.

Идя к Стародубу, Лагеркрона надеялся на то, что жители и гарнизон, если таковой там даже и окажется, впустят шведское войско в город без сопротивления.

Поэтому он обратился, еще на походе, к населению Стародуба с увещанием («прелесным письмом»), «чтоб жили в домах своих без опасения, никуда не выходили и мужики-б також, и чтоб были к ним для встречи ис Стародуба бурмистр и чтоб везли продавать хлеб». Но стародубцы остались тверды: «в народе застают крепко», «мужики все из деревень выбежали по лесам, також и в городы»⁴⁸. Исполнилась и их «великая надежда»: в Стародуб вошел генерал-майор Инфлант с драгунами. Лагеркрона повернул прочь от города.

9 октября неприятельская кавалерия шла по стародубовскому тракту, но Шереметев не мог выяснить в точности, идет ли Карл прямо на Стародуб. Шереметев приказывал стародубовскому полковнику «посылать под неприятельские войска шпигов» и просил у Меншикова, главноначальствующего всей кавалерией, чтобы он прислал кавалерийскую подмогу, потому что иначе ему, имея всего шесть конных полков, трудно разорвать кавалерийскую завесу, прикрывающую движение шведской армии⁴⁹. Тут сказывалось вследствие отсутствия Петра неудобство установившегося двоевластия, при котором главным, вполне самостоятельным распорядителем действий кавалерии был Меншиков, а главнокомандующим всей пехотой являлся Шереметев. Петр, когда находился вблизи, умел прекрасно объединять все военные действия своей верховной безапелляционной властью.

Но вот шведы прошли мимо Стародуба, не решившись на него напасть, и идут дальше в южном направлении. Сначала думали, что они, естественно, идут прямо к Новгороду-Северскому, однако уже 21 октября выяснилось, что они, будучи всего в двух милях от этого города, имели столкновение с генералом Инфлантом на речке Колосовке, после чего Инфлант от-

ступил к Новгороду-Северскому и соединился с Шереметевым, а шведы за ним не пошли и вдруг повернули к Десне. При этом шел неприятель «днем и ночью на-спех»⁵⁰. Как догадывались в русской армии, целью шведов отныне стал Чернигов. Но это было ошибочно: непосредственной целью шведского командования была гетманская столица Батурин.

22 и 23 октября три дивизии русской армии перешли через реку Десну, но на всякий случай Шереметев оставил и на «стародубской стороне Десны» (как он выражается) дивизию Инфанта, придав ей еще некоторые силы для наблюдения над неприятелем в его движении от Стародуба (оставшегося в русских руках) до Десны. А помимо чисто стратегических задач были и еще серьезные мотивы, заставлявшие Шереметева перебросить крупные силы в глубь плодородной Гетманщины. Главнокомандующий, когда писал 23 октября свое письмо Меншикову, еще не знал, что в это самое время гетман уже помычался в шведский стан. Но Шереметев учуял нечто подозрительное. Он находит, что нельзя «допустить войско шведское в расширение и в довольство», т.е. в богатый край, но прежде всего должно следить за смутой, которую сеют шведские прокламации: «паче же смотреть факции в малороссийском народе, понеже уже универсалы шведские являютца».

Измена Мазепы поразила Петра полной неожиданностью. Редко к кому Петр питал такое безграничное доверие, как к старому гетману. Хотя не проходило, кажется, ни одного года в долгом гетманстве Мазепы, когда царь не получал бы доносов на него, но Мазепа всегда с полнейшим успехом и убедительностью оправдывался, и Петр спешил удостоверить своего любимца в непоколебимой своей милости.

С тем большей энергией и готовностью на самые решительные меры начал Петр немедленно предпринимать действия для ликвидации ближайших последствий измены гетмана. Прежде всего необходимо было считаться с тем, что Карл XII повернул от стародубской дороги к Десне и стремится к югу.

Казалось бы, у Карла XII должны были бы возникнуть весьма значительные сомнения относительно достоверности сведений и доброкачественности советов, исходивших от Мазепы, но он поддался на уговоры гетмана в один из самых реша-

ющих моментов этой войны, хотя гетман уже успел жестоко его обмануть, не приведя к нему обещанной большой рати.

Дело в том, что шведы с самого начала не весьма разобрались в истинных мотивах, которыми руководствовался Мазепа. Им представлялось, что он — представитель союзной отныне Украины, которая сделает от себя все зависящее, чтобы стать обильной и прочной продовольственной базой для дальнейшего похода на Москву. Поэтому и шведы и украинцы заинтересованы прежде всего в том, чтобы Карл поскорее шел от Пануровки прямым путем на Сейм, где находилась столица гетмана, богато снабженный город Батурин, и на Десну, чуть западнее Батурина, в город Макошин, прикрывающий Батурин. Эти два места должны были стать опорными пунктами для распространения шведской армии к югу, по Украине, где и можно было бы, спокойно проведя наступавшую зиму, весной двинуться через Полтаву и Харьков на Москву.

Но Мазепа вовсе не желал, чтобы его новые союзники шведы шли к его Батурину и зимовали бы на Украине. Мазепа был хитер, но никакой настоящей широты политического кругозора у него не было. Он полагал, что хорошо бы Карла с его шведами отправить поскорее на восток, в Московскую землю. Он боялся, как и всегда, не за Украину, а за себя, и понимал, что Украина будет сначала опустошена русскими, которые, не пожалев своей Смоленщины, не пощадят и подавно Украины и выжгут и разорят все, отступая от шведов. А вслед за ними наступающие шведы приберут к рукам и истребят для собственного прокормления все, что останется после русских.

Карл не разобрал своекорыстных побуждений Мазепы, когда тот убеждал его идти не к Макошину и не к Батурину, а взять Новгород-Северский и идти дальше к востоку. Карла всегда легко было соблазнить, ставя перед ним цели, географически приближающие его к Москве. Но и он и Мазепа жестоко ошиблись. Во-первых, оказалось, что Новгород-Северский, куда прибыл 27 октября царь, укреплен и местечко Погребки, куда царь переехал из Новгорода-Северского, тоже укреплено. Карл не решился напасть на эти укрепления, чтобы не тратить людей, пороха и снарядов: он любил обходить крепости и не задерживать стремительного движения вперед.

Но тут и особой стремительности развить было нельзя: идти по опустошенной дороге, без базы, зиме навстречу было немислимо. Потеряв даром несколько дней из-за этого неудачного и вредного совета Мазепы, король пошел к югу правым берегом Десны, направляясь, как и хотел раньше, к Батуруну. Но дорога была не близкая, нужно было еще и Десну переходить на левый берег. И не такой у него был противник, который пропустил бы случай воспользоваться этой ошибкой Карла XII, потерявшего несколько драгоценных дней: участь Батурина была решена. Расплата с предателями началась с гетманской столицы.

Еще 21 октября Волконский, со слов приведенного казаками стародубского жителя Павла Черняка, уведомлял Меншикова, что Карл XII находится в Пануровке, т.е. в полпути между Стародубом, мимо которого шведы прошли, будучи не в силах его взять, и Новгородом-Северским, на который они намеревались напасть. Волконский по приказу Меншикова обследовал пути, по которым двигалась шведская армия. Но не сразу могло установить русское командование, что Карл признал неисполнимым также прямое нападение на Новгород-Северский и что он повернет к Десне и к Батуруну⁵¹.

Приходилось спешить: Карлу XII удалось очень искусно организовать и удачно осуществить крайне трудный переход всей шведской армии с боем через Десну.

Жестоко подвел Петра Александр Гордон, один из многих приглашенных иноземцев, которые изменять не изменяли, но особенно усердствовать и рисковать собой отнюдь не были склонны. Даже и далекие от злого умысла (а были и такие, и в немалом количестве) наемники оставались наемниками, и Россия была для них страной, где дают чины и платят жалованье, но и только. Генерал-майор Гордон должен был сделать все возможное, чтобы любой ценой воспрепятствовать переходу Карла через Десну или хоть задержать его. Но Гордон отошел. «Неграждением генерал-майора Гордона шведы перешли сюда», — писал Петр Меншикову. Конечно, Гордон прислал потом реляцию, в которой утверждал, что «хотя наши крепко стояли» и «трижды сбивали» неприятеля, но дальше держаться будто

бы было невозможно. Во всяком случае, выручили (отчасти) другие командиры, а не Гордон.

Уведомляя об этом несчастье Меншикова, Петр очень хорошо понимал, в какое отчаянное положение попал именно Меншиков, который спешит к Батурину, а шведы теперь могут прийти туда раньше и, вконец разгромив Меншикова, засесть в богатой столице Гетманщины. «Того для извольте быть опасны!» Карл перешел через Десну в шести милях от Батурина. Но Меншиков опередил.

В это время, т.е. в конце октября 1708 г., у Карла были еще и артиллерия и порох, когда он двинулся к Десне и у селения Мезина с боем перешел на левый берег Десны, переправя свою армию на паромов. Несколько хорошо снабженных батарей (28 орудий) и прикрывали эту переправу. Карл уже знал от Мазепы, что в Батурине он найдет не только колоссальные запасы продовольствия, но и огромную артиллерию, по некоторым сведениям, очевидно, сильно преувеличенным, до 300 орудий, по другим — до 70—80 мортир и тяжелых пушек. Значит, шведам в этой надежде можно было не жалеть пороха и орудий при переправе. Свезенная в Батурин заблаговременно Мазепой артиллерия была во всяком случае более многочисленной, чем та, которая оставалась в руках шведского короля после потери под Лесной обоза Левенгаупта. Шведы спешили к Батурину и, форсировав переправу через Десну, убеждены были, что если они задержались у переправы, то и русские, бывшие под начальством Гордона, тоже задержаны этой шведской операцией. Однако они очень скоро узнали о страшном ударе, их постигшем: русские оказались несравненно оперативнее, чем Карл о них думал. Меншиков, отрядив Гордона к Десне, сам двинулся не к Десне, а к Сейму именно затем, чтобы, опередив шведов, захватить все запасы в Батурине и дотла уничтожить столицу изменника.

С большим опозданием, только 4 ноября, Шереметев, будучи в Воронеже, узнал, что шведы уже переправили всю свою армию через Десну между Мезовом и Псаревкой. Никаких наступательных действий с русской стороны не предполагалось, и все ближайшие распоряжения Шереметева были направлены к тому, чтобы, отступая, «закрыть пехоту» от неприятеля

кавалерийской завесой. Инфланту и Флюгу посланы были соответствующие распоряжения. Драгунские полки должны были «смотреть на неприятельские обороты». Обо всем этом Шереметев сообщил и не подчиненному ему князю Меншикову⁵².

В своем рассказе о разорении Батурина Георгий Конисский утверждает, якобы Меншиков вывез оттуда (из арсенала) 315 пушек. Это повторяют и позднейшие историки Батурина⁵³.

Немудрено, что Петр так беспокоился в эти тяжкие дни, после 28 октября, когда он в Погребном (Погребках) получил поразившее его как громом абсолютно неожиданное известие об измене Мазепы, вплоть до 2 ноября, когда Меншиков сообщил ему, что он овладел Батурином. Громадная батуринская артиллерия явилась бы серьезнейшим приращением шведской военной силы.

Но уже вечером 2 ноября 1708 г. Петр получил от Меншикова «зело радостное писание» о взятии и полном разгроме и сожжении Батурина и о колоссальной добыче, доставшейся русским. Прежде всего, конечно, царь озаботился, чтобы «такую великую артиллерию», захваченную в Батурине, переправить поскорее в Глухов. Царь повторно указывал Меншикову на опасность, как бы шведы, уже перешедшие через Десну и спешившие к Батурину, не помешали вывозу «такой великой артиллерии»⁵⁴. Опасения Петра были напрасны. Меншикову удалось вывезти все, что не сгорело в Батурине при его полном разгроме. Шведы опоздали, и Батурин стал в истории нашествия Карла XII одним из последовательных этапов на роковом пути его армии к полной гибели.

Многое способствовало этой неудаче шведов, потерявших такие богатые возможности в Батурине. И при более внимательном анализе мы должны будем прийти к заключению, что одной из причин была народная война, повелительно вторгавшаяся во все расчеты шведского командования.

Почему опоздали шведы к спасению Батурина? Потому что они вплоть до 21 октября 1708 г., когда эmissар Мазепы шляхтич Быстрицкий явился к Карлу XII в Пануровку с письмом от гетмана, вовсе не знали, исполнит ли или не исполнит Мазепа свои давние обещания. А почти ежедневно в ставку коро-

ля приходили весьма недвусмысленные известия: там крестьяне зарубили отделившийся от главных сил шведский отряд, тут перехватили и уничтожили пикет, там черкасы (т.е. северские украинцы) ушли из своих деревень, спрятав куда-то или утащив с собой все запасы. Как-то не похожа была в сентябре и октябре 1708 г. Украина на страну, готовую по сигналу Мазепы перейти вдруг на сторону шведов. А если так, то шведам казалось нужным непременно устроиться на зимние месяцы в Стародубе и Новгороде-Северском, исправив неудачу генерала Лагеркроны. И Карл идет из Костеничей к Стародубу, к Новгороду-Северскому, но взять их не может и круто поворачивает от Новгорода-Северского на юго-запад к Десне, потеряв на этой оказавшейся решительно бесполезной и неудачнейшей прогулке много драгоценных дней. Здесь, в Пануровке, он узнает, что все-таки Мазепа сдержал свое слово, и 28 октября уже не в Пануровку, куда приезжал Быстрицкий, а в село Горки является сам Мазепа с 2 тыс. казаков (остальные разбежались) к королю с верноподданическими уверениями. Но шведы были не правы, укоряя Мазепу в опоздании. Та же народная война, то же все более обозначавшееся решительное нежелание украинского, как сельского, так и городского, населения изменить России, т.е. именно те явления, которые заставили генерал-квартирмейстера Карла XII Гилленкрока тщетно стремиться прочно и безопасно устроить армию в Стародубе и Новгороде-Северском на зиму, не позволили Мазепе действовать более решительно и открыто перейти на сторону шведов не в конце, а в начале октября. Не мог он этого сделать, потому что знал, до какой степени нелепы будет с успехом выдерживать неизбежную осаду Батурина русскими войсками при помощи только своих, мазепинских, украинских сил. Будто мог он хоть три дня держаться против русских без шведской помощи! Он-то ведь еще яснее видел, что если у него есть какая-либо реальная сила, то она не в горсти его сторонников, а в шведском лагере, и, пока шведская армия описывала этот громадный, столько драгоценных дней поглотивший, оказавшийся совсем неудачным и ненужным зигзаг от Костеничей на восток к Новгороду-Северскому, а от Новгорода-Северского в обратном направлении к Пануровке, Мазепа должен был ждать

и никак не мог начинать действовать, потому что твердо знал, что единственное для него и его сторонников безопасное место будет не в Батурине, а в свите короля Карла XII, и это сообщение было подтверждено, когда он увидел, как быстро тает от дезертирства казачий отряд, который он вел к шведскому королю.

Итак, вовсе не случайным было опоздание шведов и мазепинцев к Батурину, так много и так непоправимо утеревших эти первые два ноябрьских дня 1708 г. Столица изменника, богатая, снабженная обильнейшими боевыми припасами, оказалась одиноким островом в море народной вражды. На зиму глядя шведская армия совсем для себя неожиданно осталась без обещанного обильно снабженного пристанища, без полных доверху складов продовольствия и боеприпасов, без погребов прекрасного русского пороха, без многих десятков, если и не сотен, исправных пушек. Если мы вспомним, что впоследствии, в день Полтавы, в бою у шведов действовали лишь *четыре* пушки (из тридцати двух еще у них тогда бывших) именно вследствие отсутствия пороха, то мы поймем, чем оказалась в конечном счете для шведской армии потеря Батурина.

Первая реляция, полученная в шведском штабе спустя несколько дней после прибытия Мазепы, сообщала о полном разгроме и сожжении Батурина.

Мазепа не скрыл своего отчаяния от Орлика. «А когда переправившиеся Мазепа с войском шведским через Десну получил первую ведомость о взятии и спалении Батурина; жалостным был, и сказал тые слова: злые и несчастливые, наши початки? Знатно, что бог не благословит моего намерения, а я тем же богом засвидетельствуюся, что не желаем и не хотим (sic. — *E.T.*) христианского кровопролития...», и дальше Мазепа говорил Орлику о том, будто он хотел из Батурина писать царю, благодарить за прошлое («за протекцию»), хотел заявить, что украинцы, «как свободный народ», переходят «под протекцию короля шведского» и т.д. и т.п. И тут впервые определенно высказал, что Украина не пойдет, вероятно, за ним: «уже теперь в нынешнем нашем несчастливом состоянии все дела иначе пойдут, и Украина, Батурином уstraшенная, бояться будет едно с нами держать».

Из свидетельства Орлика (а ему не было в данном случае причины лгать) мы видим, как мало был уверен Мазепа в том, что украинский народ пойдет за ним, как терзался сомнениями в успехе, еще только пускаясь в эту опаснейшую авантюру. Его погубило преувеличенное мнение о военных силах шведского короля.

Но если он был разочарован на самых первых порах тем, что шведы не успели спасти Батурин, то и шведы не могли не видеть, что Мазепа и в своих латинских письмах и в своих устных латинских приветствиях наговорил и наобещал гораздо больше, чем дал на самом деле. Гетманская столица Батурин была взята совсем небольшим отрядом Меншикова, не испытывавшим, в сущности, сколько-нибудь серьезного сопротивления. Деревни и города враждебны, люди убегают, исподтишка нападают, не дают ничего даже за деньги, прячут или жгут припасы. Кто же, собственно, этот «старик с польскими длинными усами» (как его обозначают шведы)? «Государь Украины», «потентат запорожцев», новый могущественный вассал и союзник или беглец, ищущий с маленькой кучкой спутников пристанища? Обе стороны имели основание быть разочарованными. Таково было начало. Продолжение оказалось несравненно хуже.

И все это «разорение» Батурина произошло, когда в нескольких переходах от места действия уже была на походе вся шведская армия и гетман Мазепа со своими казаками. Нельзя было себе представить более яркой и убедительной демонстрации слабости, даже полного бессилия мазепинского движения. Не было объяснением то обстоятельство, что Батурин был плохо укреплен. А какие города на Украине, да еще в начале шведского вторжения, были сколько-нибудь хорошо укреплены? Ведь очень характерно свидетельство Адлерфельда, что во всей этой стране были такие же плохие укрепления, как в Батурине, и что «самая сильная здешняя крепость в других странах могла бы сойти самое большее за малый домик (*une bicoque*)»⁵⁵. А ведь оруженосцу Карла XII, прославляющему на каждой странице своего героя, очень не хотелось признать, что ни Стародуба, ни Новгорода-Северского, ни Полтавы (долгую безуспешную осаду которой он еще видел) шведам так и

не удалось взять, а ничтожный, будто бы совсем почти неукрепленный Веприк им стоил, как увидим, тяжких людских потерь. Ему хотелось бы, напротив, скрыть, что даже таких жалких укреплений на Украине шведы не могли взять, те самые шведы, которые победителями входили в Варшаву, Краков, Лейпциг, Дрезден, перед которыми трепетал Копенгаген, перед которыми унижалась Вена. Если Батурин сдался без боя при таких благоприятных для него условиях, значит, Украина за Мазепой не идет, и те, кто будто бы стоит на его стороне, на самом деле толком не знают, чего от них хочет пан гетман и к чему он затеял переход на сторону вторгшегося врага.

«Батурин достали *не со многим уроном людей*», — отмечает в своем «Журнале» Петр, и он не удостаивает даже говорить о *штурме*, потому что сопротивление было очень уж слабым. Ни малейшего признака сопротивления царским войскам со стороны несчастного, обманутого населения не было, да немного его оказалось и со стороны единомышленников «первых воров полковника Чечеля и генерального есаула Кенигсена» (по ошибке вместо Кенигсека).

Допрошенный спустя несколько дней после взятия Батурина Меншиковым сотник Корней Савин рассказал, как «король и Мазепа пришли к Батурину и стали над Сеймом и ночевали по разным хатам. И Мазепа, видя, что Батурин разорен, зело плакал». Но вместе с тем сокрушающийся изменник тут же приказал, чтобы сотники (какие случились, очевидно, спасшиеся при разгроме Батурина) «со всем борошнем в готовности (*sic.* — *Е.Т.*) к походу к Москве были по празднике Рождества Христова»⁵⁶.

После гибели Батурина шведская армия оказалась в чужой стране, окруженная ничем ей не доставляющим населением, ищущая, где бы укрыться на зиму, и не имеющая почти никакой возможности брать города ни штурмом, ни активной осадой.

Слабы и плохи были наскоро создаваемые укрепления большинства украинских городов, но и шведская артиллерия к концу похода становилась все хуже и слабее. Мало было пороку у гарнизонов этих городов, но у шведов пороку было еще меньше.

Князь Борис Куракин, возвращаясь из-за границы, попал в армию Шереметева как раз накануне раскрытия измены Мазепы. Будучи в Погребках, он одновременно с Петром узнал об этой тревожной новости. Петр послал Куракина в Глухов для участия в организации выборов нового гетмана, и он был свидетелем восстания народа против мазепинцев: «Во всех местах малороссийских и селах были бунты и бургомистров и других старшин побивали»⁵⁷.

От обгорелых развалин Батурина шведы пошли в Ромны в начинающуюся уже лютую зиму того года. Шли они полуголодные в своих потертых мундирах и шинелях из некогда награбленного в Саксонии сукна. Порох очень экономили, и все больше приходилось пускать в ход холодное оружие. А казацьи отряды, наблюдавшие в отдалении за идущими колоннами, уже так осмелели, что в самом центре шведской армии, «прокравшись между двумя колоннами», как пишет Адлерфельд, убили генерал-адъютанта короля Линрота и несколько человек его свиты и умчались безнаказанно.

Еще в первый период наступления, до начала ноябрьской стужи, положение в шведской армии было не весьма утешительное. «Взятой шведкой полоняник», захваченный 21 октября (1708 г.), показал о крупной части (два полка конницы и три полка пехоты), что в тех полках осталось 40 или 50 человек на роту, половина нормального состава: «а больных в тех полках многое число, на возу по четыре и по пяти человек везут, а подвод нет, весть не на чем. А провианту хлеба никакого нет, мелют и горох варят, тем кормятца»⁵⁸.

5

В эти очень беспокойные дни быстро множились, однако, благоприятные признаки, указывавшие на беспочвенность и обреченность изменнического предприятия Мазепы. Не успел Петр порадоваться успеху Меншикова в разгроме Батурина и, главное, в необычайной легкости, с которой удалось уничтожить это изменническое гнездо, едва только после глуховской церемонии анафематствования Мазепы царь прибыл в Ржевку, как ему сообщили и другую многознаменательную новость:

«черкасы мужики в некотором местечке, при Десне стоящем, с полтараста человек шведов порубили и в полон взяли». Этот крупный факт активного украинского народного сопротивления шведскому агрессору был, конечно, особенно отраден и показателен в первые буквально дни после открытая измены Мазепы⁵⁹.

Выборы нового гетмана в Глухове прошли совершенно спокойно. Повторилась обычная картина вступления русских войск в город. «Гарнизон как наш сюда вступил, то вся чернь зело обрадовалась, токмо не гораздо приятен их приход был старшине здешней, а наипаче всех здешнему сотнику, который поехал к господину фелтмаршалу Шереметеву купно с Четвертинским князем. И сказывают многие здешние жители, что он весьма мазепиной партии... и про Четвертинского сказывают, что тех же людей», — пишет Петру Яков Брюс 31 октября 1708 г.⁶⁰.

Народная война и появление партизанских отрядов были тем опаснее для шведов, что им приходилось разбрасывать свои очень уменьшившиеся силы по большому пространству.

В конце ноября 1708 г. в Москве были получены сведения, что у Карла налицо 26¹/₂ тыс. человек, потому что Левенгаупту удалось в свое время спасти от разгрома под Лесной меньше, чем сначала сообщалось, а именно, будто всего 3 тыс. человек (это было неверно, спаслось 6700 человек). Эта армия была разбросана на зимних квартирах между Батурином и Нежином. Но каковы были эти «квартиры» после того, как местность вокруг Батурина была почти так же опустошена, как и сам сожженный Батурин, — этого мы в точности не знаем. В Нежине шведов не было, главная их квартира в это время была в Ромнах. По сведениям английского посла, эта зазимовавшаяся на Украине шведская армия очень нуждалась не в провианте, но в артиллерийских снарядах и в боевых припасах вообще. Витворт уже знал, что шведы очень рассчитывали на артиллерию и боеприпасы, собранные Мазепой в Батурине, и знал также, что все это добро попало в руки русских войск⁶¹.

Народная ненависть сначала в Белоруссии, потом в Северной Украине, потом в Гетманщине, потом в Слободской Украине лишила шведов материальной базы (и до такой степени,

что доводила местами и временами шведских солдат до голодной смерти). Она выставила против агрессора невидимых, внезапно появляющихся и внезапно исчезающих бойцов, которых в случае плена ждала смерть с предварительными пытками, но которые этим все-таки устрасались мало. Гарнизоны укрепленных пунктов получали огромную поддержку со стороны населения, принимавшего деятельное участие в обороне. Борцы народной войны истребляли шведов, которые по какой-либо своей оплошности попадали в засады, против них сооружаемые крестьянами. Наконец, никогда бы официальная военная разведка Шереметева, Меншикова, Боура, Репнина, Скоропадского не могла доставлять так исправно, так часто и так точно сведения о всех передвижениях врага, как это делало дружно население тех мест, через которые проходило шведское войско и где оно располагалось хотя бы на короткий срок. О таких сравнительно более долговременных стоянках, как, например, Ромны, или Гадяч, или Будищи, нечего и говорить. Колоссальную, незаменимую политическую роль, в частности, сыграла народная война украинского населения в роковые октябрьские и ноябрьские дни мазепинской измены. Последствия этой измены были ликвидированы именно народным сопротивлением, которое в Левобережной Украине сделало столицу изменника Батурин как бы одиноким островком среди моря народной ненависти, лишило изменников всякой поддержки и осудило на полную гибель. И разве только уничтожение этого изменнического гнезда ликвидировало измену Мазепы? Батурин был лишь одной, правда, очень крупной и яркой, иллюстрацией общего положения.

Ко всему сказанному должно прибавить еще одно. Когда Карл XII обрелся в феврале и марте 1708 г. в Сморгони и в Радашкевичах, то ведь одним из тех предположений, которые окончательно заставили короля решиться идти прямо в Москву, была мысль, что когда шведский король будет совершать свой достопамятный поход на Смоленск — Можайск — Москву, то в подмогу ему произойдет вторжение союзной польской армии по линии Днепр — Киев — Чернигов — Белгород — Курск. И ведь на этой линии была также непосредственная заманчивая цель: Белая Церковь, т.е. другая столица Мазепы, так же

богато снабженная, как был снабжен Батурин. Что же сделало абсолютно невозможным даже начать это движение из Польши на Правобережную, а оттуда на Левобережную Украину? Не только присутствие небольших сил Д.М. Голицына, но опять-таки народное раздражение и негодование, которыми в Правобережной Украине готовились встретить польское вторжение. Не забыта была и та ярость, с которой Палий, народный вождь правобережных украинцев, столько лет воевал против польской шляхты. Сдача без попытки сопротивления укрепленной, великолепно снабженной провиантом и боеприпасами Белой Церкви генералу Д.М. Голицыну наглядно показала полнейший, безнадежный провал мазепинско-шведского дела в Правобережной Украине. Всякая мысль о походе на помощь Карлу, которая сидела в скорбной голове Станислава Лещинского, должна была быть после этого оставлена. Мало того. Все поведение населения Правобережной Украины говорило о том, что поляков в случае их вторжения ждет такая яростная всеобщая, истинно народная война, которая даже превзойдет своими размерами и озлобленностью ту упорную борьбу, которую встретили шведы на Левобережной Украине. Традиции совсем недавней палиивщины были живы, и даже не требовалось встреченного ликованием на всей Украине известия о том, что Палий возвращен из ссылки и едет с Енисея к себе на Киевщину, чтобы еще более подогреть все эти стародавние чувства классовой вражды к польской шляхте, осложненные к тому же национальной и религиозной рознью.

Судя по всему, в случае окончательной шведской победы Украина становилась в вассальные отношения не непосредственно к Швеции, но к Польше. Как и в других случаях, крайне трудно уловить в точности намерения Карла XII. Конечно, в интересах Мазепы было стать вассалом Карла XII, а не польского короля Станислава Лещинского. Но слишком ничтожной была помощь, которую он оказал Карлу XII, и слишком важно было для Карла укрепить авторитет в Польше посаженного им на польский престол подставного, «соломенного», короля. И, очевидно, на походе именно Мазепе король шведский приказал писать письмо Станиславу Лещинскому с просьбой спе-

шить к шведам, чтобы не опоздать к окончательной развязке, к генеральному бою.

Но Карлу и Мазепе не повезло: посланный к Станиславу с письмом Мазепы тайный лазутчик был по дороге перехвачен русскими в начале января 1709 г. и привезен в Киев, откуда Голицын и послал об этом Меншикову в русский лагерь «приятнейшее писание» о поимке «шпига» (sic. — *E.T.*) и с копией с письма мазепина, к Лещинскому писанного», и с результатами допроса («роспросными речьми пойманного шпига»)⁶².

В этом (перехваченном и поэтому дошедшем до нас) письме Мазепы к Станиславу Лещинскому гетман поминает прежде всего, что это уже второе письмо: «*Juz to powtorny list*». Письмо написано по-польски в перемежку с латинскими вставками, так как Мазепа любил щеголять знанием латинской грамоты. Ссылаясь на это первое свое письмо, гетман пишет о «выражении своего подданического подчинения» королю Станиславу⁶³. Письмо писано из Ромен 5 декабря 1708 г. Изменник говорит, что от имени всей Украины (*caley Ukrainy voto*) просит польского короля «при таком смутном положении вещей (*in hoc turbido rerum statu*) двинуть победоносной рукой» для защиты украинцев. По-видимому, в самом деле Карл XII уже успел убедиться в том, что особой пользы переход Мазепы на его сторону шведскому походу не принес и что край остался верен России. А поэтому главную пользу, которую король мог еще извлечь из измены гетмана, он уже стал усматривать в том, чтобы Мазепа приманил к участию в войне Речь Посполитую. Но этого можно было достигнуть, пообещав присоединение Украины к Польше. Нет никакого сомнения в том, что и Мазепе было гораздо выгоднее объявить себя вассалом Швеции, а вовсе не ненавистной украинцам Польши, и Карлу XII тоже не было расчета отдавать полякам богатую Украину, завоевываемую с такими страшными трудностями шведской кровью. Но слишком уж было желательно получить поскорее подкрепление с запада. И Мазепа должен был из Ромен прельщать Станислава Лещинского надеждой на присоединение утерянной Левобережной Украины. Оригинально, заметим к слову, выражает эту мысль о новой функции гетмана Феофан Прокопович: «Того ради Мазепа (которого была должность по егож

с поляками договорам польских сил просити) писал в те дни к Лещинскому...»⁶⁴. Но эта «должность» гетмана также ничего нужного шведам не дала. Лещинский не пришел и не мог прийти. Не те были времена, чтобы Речь Посполитая могла мечтать о завоевательных войнах.

Перехваченное письмо Мазепы к Станиславу Лещинскому, помеченное из Ромен 5 декабря 1708 г., распространялось по Украине в польском и русском списках. Распространяло его само русское правительство, зная хорошо, что ничем нельзя было так безнадежно подорвать авторитет изменившего гетмана, как разоблачение его намерения отдать Украину именно Польше. Мазепа просит «смиренно» и «общим всея Украины согласным позволением», чтобы польский король взял Украину под свою высокую руку. При этом, как истый польский шляхтич, каковым Мазепа явно всегда себя чувствовал, изменник называет Украину достоянием отцов и дедов польских королей («дедизной» их) и пишет: «ожидаем пришествия вашей королевской милости, яко заступника нашего», чтобы «соединенным оружием и единомыслием неприятельскую московскую силу во способное победити время»⁶⁵.

Следует заметить, что переводов с польского письма Мазепы было несколько и они изобилуют разночтениями и пропусками. Например, в только что цитированном списке нет некоторых слов, которые находим в другом. Ожидая «щасливого и скорого прибытия» польского короля, Мазепа поясняет, почему ему так не терпится: «А наипаче ныне, когда начала Москва грамотами своими простой бунтовать народ и гражданскую сочинять войну, и хотя оной еще никакого не имеем виду, однако ж и те искры утленные в пепле надобно б временно (вовремя. — *Е.Т.*) гасить, чтоб из оных к публичному вреду какой не произошел огонь». Мы видим, что Мазепа удостоверился в полном провале именно среди «простого народа» и что этот «простой народ» если и взбунтуется, то не против России, а против Мазепы, Карла и Станислава. И чтобы не очень испугать Станислава и не отпугнуть его этим «бунтом простого народа», Мазепа успокаивает короля тем, что еще пока все-таки этого бунта не видать⁶⁶. Самое характерное это то, что

подобные списки письма Мазепы правительство Петра широко распространяло именно в «простом народе».

Тут очень кстати будет заметить, что отсутствие сколь угодно серьезной поддержки и популярности Мазепы на Украине сказывалось, между прочим, и в том, что мазепинские эмиссары постоянно попадали в руки властей, арестовывались именно теми украинцами, на помощь которых в своей трудной миссии они рассчитывали. Так попался Хлюс со вторым письмом Мазепы к польскому королю Станиславу Лещинскому (причем выяснено было, что и первое тоже не дошло). Так было и в другом, более замысловатом случае — с казаком Григорием Пархоновым. Этот Пархон, будучи схвачен и привезен в Сумы, где как раз тогда, в январе 1709 г., находился Петр, показал сначала, что был послан Мазепой к глуховскому сотнику Туранскому, к князю Четвертинскому, к архиепископу черниговскому и к казачьему атаману глуховскому с письмами от Мазепы. Он объяснил, что письма эти он успел передать. Но так как оказалось, безусловно, что никаких писем он им не передавал и этих лиц не видел, то Пархон изменил свое показание и признал, что Мазепа ему дал инструкцию говорить, будто послан с письмами к названным лицам, «чтобы тем привести их в царскую немилость». Может быть, и действительно цель у Мазепы именно была такова, чтобы усилить смуту и неуверенность в правительстве, а может быть, Пархон для успеха порученной ему пропаганды среди украинского народа говорил «облыжно» тем, к кому он обращался с «речами прелестными» (т.е. прельстительными), будто такие-то и такие высокие особы участвуют в деле Мазепы и сочувствуют ему. Пархон был казнен, и этим дело кончилось. Петр считал настолько опасным прием, пущенный, по признанию Пархона, в ход Мазепой, что сообщил об этом всему народу, напечатав манифест и о поимке Хлюса с письмом Мазепы к Станиславу, и о поимке и заявлении Пархона⁶⁷.

Уже в первые годы XVIII века утверждалась известная летописная традиция, резюмирующая с истинно летописной краткостью объяснение целей Мазепы. И здесь мы не находим никакого упоминания о Лещинском. Речь идет лишь о вассалитете относительно Швеции:

«...в Малой России разорен град Батурин за измену в нем бывшего гетмана Мазепы и с ним сообщников. Люди в нем бывшие вырублены, церкви разорены, дома разграблены и сожжены. Понеже оный Мазепа хотел всю Малую Россию и сам с своим родом (фамилия. — *Е.Т.*) быть во владении (в протекции. — *Е.Т.*) швецкаго короля. И оной Мазепа с швецким королем вкупе погибли»⁶⁸. Летописец в дальнейшем изложении не весьма точен: смерть Карла он относит к 1719 г., а место смерти указывает в «Шонии» (Сканий), тогда как король погиб в Норвегии в 1718 г.

Во всяком случае, у некоторых украинских современников осталось впечатление, что Мазепа хотел из Украины создать государство под «протекцией» не Польши, а Швеции. Конечно, так как сама Польша находилась в такой «протекции» у Карла, которая была равносильна «владению», то реально особой разницы между этими двумя «протекциями» найти нельзя. Старый изменник не знал, что его письмо к Станиславу попадет случайно в руки царя и будет немедленно использовано как благодарнейший агитационный материал.

Шляхтич Мазепа продал польской шляхте украинский народ: так были поняты и приняты на Гетманщине быстро распространившиеся известия о сношениях Мазепы с королем Станиславом Лещинским. А что касается Украины Правобережной, то здесь еще с давних пор считали, что Мазепа в свое время оклеветал и добился ссылки Палия именно в интересах шляхты Киевщины и Волынщины.

Еще до открытой измены Мазепы ненависть к нему была широко распространена. Мазепа был врагом угнетаемой сельской массы, всегда держал сторону старшины, его своекорыстие проявлялось на каждом шагу.

6

Шведский король и Мазепа понимали необходимость решительной контрпропаганды. Будучи в Ромнах, Карл подписал 16 декабря 1708 г. новое воззвание к украинцам, гораздо более обширное и более обильно аргументированное, чем первое, которое, как в своем месте нами было упомянуто, вышло из

шведского стана при вступлении в Северскую Украину в сентябре. Много воды (и крови) утекло за три месяца, и в декабре уже стало ясно то, что еще вовсе не было усвоено шведским штабом в первый период войны: население не идет за агрессором, а идет против агрессора, не сочувствует измене Мазепы, а борется против изменников. Декабрьское воззвание с этой точки зрения представляет бесспорно исторический интерес⁶⁹.

Воззвание начинается с упоминания об обидах (это слово стерто в рукописи, и мы восстанавливаем его по смыслу), которые московский царь нанес шведскому королевству и его «провинциям». Эти обиды «отмщения способом належали», т.е. за них надлежало отомстить. Нужно сказать, что все воззвание, в общем, написано почти на таком же мнимоукраинском наречии, и немало труда стоит местами добраться до смысла, но все-таки оно в этом отношении выгодно отличается от первого, которое распространилось в сентябре в Стародубовщине. «Встретивши нас, ясновельможный пан Иван Мазепа, войска Запорожского малороссийский гетман з первенствующими народу своего старшинами, покорне просил: абысмо праведного гневу, от московского тыранства зачатого, на сие краи и обывателей их не изливали». А поэтому король шведский принял во внимание и был ублаготворен («ублаганы») прошением пана гетмана и принял под защиту («в оборону нашу») и гетмана и «несчастливый» по своему положению народ малороссийский. И при этом «публичным сим универсалом» Карл объявляет, что он делает это «з тым намерением, что его (гетмана. — *Е.Т.*) и их (малороссийский народ. — *Е.Т.*) от неправого и неприятного московского панования при помощи божой боронити хотим». Мало того, король обязуется и потом («поты») «охороняти и защищати», пока не будут восстановлены прежние вольности, «поки утесненный народ низвергши и отвергши ярмо московское до давних своих не приидет вольностей»⁷⁰. Карл обращает внимание «малороссийского народу» на то, какой им удобный случай представляется, «какая лепшая до обороны вольностей представляется окказия». В самом деле, Москва все отступает: «Видите уже, победоносная оружия наша на полях своих блищающаяся (*sic.* — *Е.Т.*), а Москву отовсюду назад уступавшую и не дерзнувшую про-

тив нас стати, хоча до битвы многие частнократные подавались от нас случаи». Карл опровергает похвальбу («суетную хлюбу») царя о своих силах, потому что от самых границ (далее слово неразборчиво) «аж до самых рубежей московских через двести миль утекающую Москву» не могли принудить «до проведенного бою». Поминается при этом и поражение москвитов под Головчином, но благоразумно умалчивается о Лесной, а только вскользь говорится, что граф Левенгаупт при всем «малолюдстве» своего отряда выявил в битве «слабость и плохость московскую». Неясно и умышленно запутанно повествует и о мнимой «виктории» Любекера в Ингрии. Несколько листов непрерывного и очень запутанного хвастовства своими «победами» и ругани против Петра (листы 2, 3, 4) сменяются обличениями русских в коварном их поведении в начале войны и опровержением «клеветы», будто шведы издевались в Ингрии и в Могилеве над православной верой (лист 3). Неожиданно и явно в противовес этому обвинению шведов в неуважении к православию Карл XII начинает в порядке встречного обвинения укорять Петра в том, что царь «з папежем римским давно уж трактует, абы искоренивши греческую веру, римскую в государство свое вводит». Карл пугает украинцев, что царь, «як скоро от нынешней войны упразднится», так сейчас же и обратит народ малороссийский в католичество. Не гонясь за логической последовательностью изложения, Карл уличает Петра в пристрастии к немцам и «иным иноплеменным людям» и в предосудительном новаторстве «многая в обычаях, строях и веры обновил». В связи с этим стоит и другое чисто демагогическое обличение Петра в унижении русской аристократии перед безродными иноплеменцами: «многие з них подлейшего стану суть, над шляхетнейшими народу своего предлагает и превозносит». Карл опровергает дальше и то, что «превосходит всякую ложь», а именно, будто завоеванная им Украина будет отдана Польше: «тое и тому подобное от Москвы вымыслено есть».

Шведский «паладин» лжет здесь, ибо одновременно, как мы документально знаем, Мазепа из его же главной квартиры писал верноподданнейшие просьбы о приглашении Станиславу Лещинскому.

Кончается этот документ, разумеется, страшными угрозами, направленными против тех, кто, «оставивши дома уходят или шкodyт или в чом воинским нашим людям покушаются», или даже просто ведут словесную пропаганду в пользу Москвы⁷¹. Король обращает внимание народа, к которому направляет свое воззвание, что он находится теперь ближе к ним, чем Москва, так вот пусть и рассудят все злословящие (зухвалы) люди, кого им скорее должно бояться: «наши... войска до отмщения близже предстоят».

Ответить на это воззвание Карла было легко. Большую положительную роль должно было, по мнению русских властей, сыграть возможно более широкое распространение в народе сведений о письме Мазепы к Лещинскому, которое было отобрано у перехваченного мазепина «шпига», роменского жителя Феско Хлюса. В этом письме Мазепа называл Лещинского своим государем. «И для того указал царское величество во обличении того его злого умысла о запродании малороссийского народа под иго польское, выдать свою грамоту ко всему малороссийскому народу, дабы ведали, что он изменник неправо в универсалах своих с клятвою писал, обнадеживал будто для пользы и вольностей малороссийского народа он ту измену учинил»⁷².

Тотчас же по всем полкам были разосланы 150 экземпляров с известием о письме Мазепы к Лещинскому с соответствующими комментариями.

7

Хотя было очевидно, что украинский народ с особенным раздражением и возмущением относился к самой мысли о приходе поляков, но все-таки решено было принять некоторые меры. Русское командование понимало, что если Карл и Мазепа, несмотря ни на что, продолжают делать большую ставку на помощь из Польши, то ведь и в самой Польше король Станислав Лещинский и его окружение соображают, что их участь решается теперь на Украине, и, значит, они сделают все возможное, чтобы в самом деле откликнуться на эти призывы бывшего гетмана.

Петр не склонен был в этой страшной борьбе оставлять что-либо на авось, тем более что он в начале декабря 1708 г. поверил ложному слуху об идущей к Карлу польской подмоге: «Також совершенно есть, что Красоф і Станислаф с поляки ідут в случение к шведу». Царь даже предлагал на военном совете поэтому искать «неотложно» генеральной битвы, не дожидаясь весны⁷³. Но слух оказался вымыслом. Станислав ни малейшей возможности идти на Украину не имел.

Приходилось, несмотря на очень критическое время, когда каждый солдат был дорог, распылять отчасти силы, потому что все-таки можно было опасаться разных неожиданностей из Польши. С севера, из Литвы, с юга — от Буга и Днепра, отовсюду шли беспокойные слухи. В Польше в тот момент шляхта совершенно уверовала в конечную победу шведов. В середине декабря Петр послал, как сказано, семь драгунских полков под начальством генерала Инфланта в Литву, не то для подкрепления сил якобы преданного России коронного великого гетмана Адама Синявского, не то для удержания Синявского от перехода его в лагерь Станислава Лещинского, короля польского шведской милостью⁷⁴. И даже Петр ответил с опозданием на несколько месяцев на письмо жены Синявского, которую царь называет в словообращении галантно: *Madame*. В этом письме Синявская оправдывается во «клеветании от злых языков», которые уверяют, будто она перебежала временно к шведам. Петр успокаивает ее, пишет, что не верит клевете, но просит, чтобы мадам «потрудилась мудрыми своими советами во удержании общих интересов»⁷⁵. То есть царь надеется, что невинно оклеветанная «мадам» удержит своего мужа от перехода на шведскую сторону. Дело в том, что неясно как-то стал пописывать свои письма Петру и вообще подозрительно аттестовать себя сам ясновельможный коронный гетман Синявский. Петр доводит до сведения другого приверженца русской партии, Антона Огинского, что Синявский «весма отсекает нам надежду» и вообще «мало не явно показывает виды, что в зближение (в случае приближения. — *Е.Т.*) Лещинского не может силам его противитися». Петр знал, что если не послать русские войска, то и коронный великий гетман Синявский и литовский гетман Огинский и другие магна-

ты Литвы непременно перебегут к неприятелю: «Того ради хотя сами потребность имеем в нынешний час в войсках своих, дабы оными действовать против неприятеля, в самой близости от нас обретающегося, чтобы его гордость и силы разрушить», однако ж послали Инфланта сначала с тремя, а потом еще с другими четырьмя полками на Вольту⁷⁶.

Поляки, «приверженные» к России, переживали весной, летом и с начала осени 1708 г. тяжелое время. Правда, в марте были не только слухи, но довольно достоверные сведения, что венский двор сносится с низложенным королем Августом (оставшимся на своем курфюршестве) и даже намерен вступить в войну против шведского короля. Такие утешительные сведения передавал Синявский в конце марта 1708 г.⁷⁷ Но все эти намерения были оставлены, и слухи замерли по мере продвижения шведских войск к русским границам, а уже через три месяца, когда Карл XII шел к Березине, Синявский переслал в Россию совсем другие, крайне тревожные известия, что шведы и поляки «шведской стороны» (т.е. Станислава Лещинского) «маршировать намерили» (намерены) тремя колоннами: на правом крыле — поляки, в центре — шведы с королем Карлом XII, а на левом фланге движется генерал Левенгаупт из-под Двины. Все три эти колонны («колюмны») соединятся под Днепром. А поляки Синявского будут отрезаны неприятелем, который займет Вольту⁷⁸. В середине августа 1708 г. военные силы Синявского были очень стеснены продолжавшимся движением шведов, которые «всеконечно принуждали» поляков «или к подданству или к баталии». Но все-таки Синявский держался⁷⁹. Однако настоятельно требовалась помощь. Обещанная по первоначальным расчетам помощь от Мазепы не приходила: поляки Синявского первые пострадали от действий изменника, который еще целых два месяца мог действовать в пользу шведов, продолжая пользоваться полным доверием Петра. Синявский чуял неладное, какую-то загадочность в поведении гетмана: «И доносит, что никакова от Мазепы не имеет суккурсу (помощи. — *Е.Т.*), который де отговаривается весной, что травы не было. Но может быть в том некоторое таинство»⁸⁰.

К сожалению, русские министры, которым писал Синявский, не вдумались поглубже в этот намек, и доверие к Мазепе ничуть не пошатнулось. И в течение лета и осени Синявскому приходилось уклоняться от боевых встреч и «уступать на сторону Вислы не без утраты в людях». Уже 31 августа (1708 г.) Синявский совершенно категорически извещает о намерении шведов идти на Украину, а не на Смоленск, хотя это было за две недели до военного совещания Карла с его генералами в Старишах, где вопрос был окончательно решен⁸¹.

После довольно долгого перерыва лишь 10 ноября Синявский обращается к русским с настоятельной просьбой о присылке военной подмоги хотя бы в количестве 6 тыс. драгун, так как Станислав Лещинский идет от Тихотина к Люблину, — и нужно «чтобы немедленно помощь Речи Посполитой учинена была»⁸². Россия не переставала помогать полякам, не примкнувшим к шведскому ставленнику Станиславу, — и нужно сказать, что поляки Синявского (коронного гетмана), несмотря на трудное свое положение, держались всю зиму и затем весну 1709 г. неплохо, и никакого окончательного «одоления» ни поляки Лещинского, ни очень вяло и неохотно (с явным недоверием) помогавший им генерал Крассов (Крассау) не могли достигнуть.

Не говоря уже о Литве и Белоруссии, но даже в Познани в начале 1709 г. происходили такие любопытные происшествия: староста Никольский перебил «триста шведов контрибуции взимающих», а «протчих (т.е., очевидно, военную охрану сборщиков. — *Е.Т.*) в полон забрал»⁸³. В мае было и так, что Станислав Лещинский вместе с Крассовым и его шведами обрелись в Высоцке под Ярославлем, а их полковник Улан (*sic*) разбит наголову и было взято в плен 500 человек, сам же Улан «едва ушел». Полтава с необычайной быстротой вымела прочь из Польши и шведов и их ставленника Лещинского. Но это уже было к лету.

Неблагополучные вести шли и из мест южнее. Порой казалось, что грозит опасность с запада и Киеву. Петр тогда же зимой, в декабре 1708 г., послал через Днепр к польской границе отряд под начальством Гольца, приказывая ему в случае движения из Польши на Украину польских или остававшихся там

шведских войск идти им навстречу и вступить в бой. На вопрос, что делать, если неприятель, вышедший из Польши и идущий на Украину, окажется многочисленнее русского отряда, Петр написал: «буде неприятель швецким войском сильнее будет, а не поляками, то в бой не вступать... буде же поляками сильнее неприятель будет, то, конечно, вступать в бой»⁸⁴.

Больше чем на двадцать миль в глубину Польши вторгаться Гольцу воспрещалось⁸⁵.

Но в конце концов очень уж мала оказалась боеспособность польских войск Лещинского. Ни они, ни шведы генерала Красова к Днепру из Польши не пришли и на Киев не напали.

В Польше все-таки знали гораздо больше, чем в Западной Европе, о том, как складывались дела на Украине.

Те, кто наблюдал с более близкого расстояния все, что творится на Украине, и кто знал последствия для шведов рокового, изнурительного зимнего похода, — уже за несколько месяцев до Полтавы начали учитывать происходящую перестановку в распределении сил. Могущественные магнаты, князья Вишневецкие, в марте 1709 г. объявили о своем раскаянии и перебежали обратно от Станислава Лещинского к Петру. Царь принял их заявления с большой готовностью и особым «манифестом» объявил: «мы все от них бывшие нам досады и противности забвению предаем, и в прежнюю приязнь и протекцию свою оных восприедем»⁸⁶.

8

Еще перед раскрытием измены Мазепы русские военачальники старались успокоить украинское население обещанием, что жители должны спокойно оставаться на своих местах там, где будут наступать или вообще проходить русские войска, которым под страхом смертной казни воспрещено обижать мирных жителей. За провиант, за скот и живность, за все, что жители будут доставлять русским войскам, они будут получать плату «повольною, настоящею ценою»⁸⁷. Там, где держаться против неприятеля нельзя и куда он направляется, приказывалось, чтобы жители «ис (*sic.* — *Е.Т.*) домов своих со всеми своими пожитками выбирались и, потому ж, жон и детей и

пожитки ис того места в дальние места в Украину или в великороссийские города, где кому сручно (сподручно. — *Е.Т.*), немедленно. А хлеб, который есть, закапывали в удобных местах в ямы, где б не мог сыскать неприятель, а сами бы старшина и казаки, которые к службе годны, оставались с ружьем и с коньми для супротивления неприятелю с великороссийскими войски при здешнем месте»⁸⁸.

После измены Мазепы появляются указы о том, чтобы не верить прокламациям («прелестным письмам») изменника и чтобы ни к Мазепе, ни к шведам не возили провианта и живности. Жителей местностей, которые лежат на пути шведского наступления, уверяют в том, что их не оставят на произвол судьбы и окажут защиту, причем хвалят их за уже испытанную верность⁸⁹.

6 ноября 1708 г., т.е. на девятый день после того, как Петр узнал об измене Мазепы, он, обращаясь с длинным торжественным посланием — «указом» ко всему народу Украины и убеждая сохранять верность, с ударением говорит об одержанных над врагом победах, о взятом под Лесной обозе Левенгаупта, «во осьми тысящах возах состоящей», о разгроме Любекера на Неве и о бегстве разгромленных остатков его войска на шведских кораблях. Говорится в «указе» уже и о взятии гетманской столицы Батурина.

Но уже с первых дней обнаружилось, что ни малейшей поддержки на Украине Мазепа не нашел⁹⁰.

И в этом указе и в предшествующих обращениях (от 30 октября и 1 ноября ко «всему войску запорожскому» и к «войсковой старшине, ушедшей с Мазепой к шведам») царь обещает много милостей за сохранение верности и дает амнистию тем, кто хоть и ушел с Мазепой, но раскается и вернется⁹¹.

Обращаясь к запорожцам и извещая их об измене Мазепы, Петр призывает не слушать богоотступника и изменника Мазепу, «чтоб Малороссийский край... не был порабощен под польское и шведское ярмо» и за вольность свою стояли бы против неприятеля и «изменника Мазепы со всяким усердием». Сообщая запорожцам о двух больших победах над шведами (над войсками Левенгаупта в Белоруссии и Любекера в Прибалтике), Петр выражает твердую надежду: короля шведского

и единомышленников его здесь войсками своими «великороссийскими и малороссийскими скоро искоренить и разрушить и из Малой России и всех земель своих выбить». Петр заявляет, что по доносам Мазепы на запорожское войско он прежде являл гнев свой на запорожцев, но «ныне видит, что он, вор и изменник Мазепа, то чинил по изменничью своему умыслу напрасно»⁹².

С каждым днем русское командование все более убеждалось, что оно может быть спокойно за Украину. Были непогрешимые признаки, указывающие, что ни малейшего успеха дело Мазепы на Украине не имеет и что даже та группа казаков, которая стала на сторону изменника и пошла за ним в лагерь Карла, уменьшается постоянно, так как оттуда дезертируют. Явно большое впечатление произвел не только уход к русским одного из крупнейших мазепинцев — Галагана, но и замечательная смелость и, так сказать, массовый характер предприятия. Ведь Галаган пришел не один, а в сопровождении тысячи рядовых мазепинцев, бежавших с ним из шведского стана, и они привели с собой пленными шестьдесят восемь шведских офицеров и рядовых, которых они, дав по дороге бой шведам, захватили с собой⁹³.

Дезертирство в шведских полках весной 1709 г. принимало все большие и большие размеры. 20 марта (1709 г.) к Шереметеву явилось семь человек, саксонцев родом. Они заявили, между прочим, что если бы служащие у шведов «иноземцы ведали, что дезертиров в нашем войске честно держат, тогда бы они все пришли в нашу сторону». По их словам, «в их войске все желают, чтоб из здешней стороны выйтить, понеже все под сумнением, как им будет здесь живот свой спасти»⁹⁴.

Время от времени в русский лагерь приходили уже в начале апреля сведения, дававшие надежду на возникающий серьезный разброд в мнениях и намерениях, царящий в Сечи после ухода главных запорожских сил для совокупных военных действий с шведским королем. Так, посланная от Шереметева «партия от нерегулярных» учинила под Новыми Сенжарами нападение на запорожцев, перебила 60 человек, а 12 взяла живьем. Эти запорожцы рассказали, что в Сечи выбрали вместо «Кости» Гордиенко нового кошевого — Петра Сорочинского,

который рассылает письма в Переволочную и в другие места, «дабы к вору Костке кошевому запорожцы не приставали». Но эти попытки борьбы против Гордиенко, по-видимому, успеха не имели. Кошевой Гордиенко вместе с изменником Нестулем представлялись королю шведскому в Великих Будищах, приняли присягу и получили от Карла «жалования четыре воза талеров битых и роздано каждому человеку по двадцати. Да Мазепа обещал им всякому человеку по 10 тал. на месяц»⁹⁵.

В появившейся впервые в 1951 г. в печати челобитной жителей Лохвицкого городка читаем, что они бедствовали в смущении и страхе, но вот теперь дошло до них всемилостивое утешительное слово царя, и они возвеселились духом. И если, невзирая на приказание, не едут в Глухов (на выборы нового гетмана), то исключительно потому, что не на кого оставить город, ибо «самих начальных наших здесь нет и сами о них не ведаем, где обретаются: сей час не меем начального, кому бы в городе радети... а города нелзе оставити без досматрующего». Ясно, что «начальство» было прикосновенно в той или иной мере к мазепиной смуте и скрылось, сами же жители «вашему царскому изволительному повелению не противни и неотступни»⁹⁶.

Петр видел, что постоянные сообщения Шереметева, Ушакова, Меншикова о том, как народ Украины ликует, встречая русских, и предлагает свое участие в обороне, не являются пустым звуком. Было ясно, что не могли тысяча человек бежать, если бы остальные (а их, не бежавших, оставалось немногим больше тоже одной или полутора тысяч человек) об этом ничего не знали. Нетрудно понять также, какое впечатление этот выход Галагана с его товарищами произвел на украинское население.

В том же самом письме, в котором Петр извещает адмирала Апраксина о «новом Июде Мазепе, ибо 21 год был в верности, ныне при гробе стал изменник и предатель своего народа», Петр приказывает прислать из Ингрии в полевую армию на Украину восемь полков (два конных и шесть пехотных), «понеже те полки гораздо здесь к нынешнему времени нужны»⁹⁷.

Это было в самые первые дни после открытия измены Мазепы, и Петр еще не знал, многие ли на Украине пойдут за изменником, хотя царь и пишет в этом же письме от 30 октября: «...что услышав, здешний народ со слезами богу жалуются на онаго (Мазепу. — *Е.Т.*) и неописанно злобствуют».

Наступила зима, и ингерманландский фронт был более спокоен, чем украинский. Восемь полков прибыли и окончательно включились в армию (в группировку, подчиненную Меншикову) лишь к апрелю 1709 г. Они сыграли свою роль в Полтавский день.

9

На правом берегу Днепра шансы Мазепы на успех были так же слабы, как и в Левобережной Украине.

Во время шведского нашествия под Гетманщиной понималась Левобережная Украина (без Слободской Украины, которая находилась более непосредственно в подчинении у Москвы). Хотя власть Мазепы простиралась и на Правобережную Украину, но ее уже не называли в просторечии Гетманщиной в описываемое время, хотя еще в 1687 г., когда Мазепа был избран в гетманы, это название нередко применялось и к правобережным областям Украины.

Много воды утекло между первым (1687) и последним (1708) годами правления Мазепы. На правом берегу Днепра не любили Мазепу, помнили его кровавую и предательскую роль в истории Палия и палиивщины. В первые годы XVIII в. казак Палий был любимым вождем рядового казачества, демократических слоев Правобережной Украины, в многолетней жестокой борьбе против польских панов, против угнетения крепостной массы шляхтой и против происков римско-католического духовенства, стремившегося опереться на панские права для более или менее насильственного обращения православных в унию. Вождем этого социально-политического и национального протеста против панской Польши и явился Палий, любимец народных масс. Палий со своими отрядами, особенно в 1700—1705 гг., вторгался частенько в польские владения, нарушая не очень ясно проведенную русско-польскую грани-

цу. Август II, король польский, неоднократно жаловался Петру на Палия; с Августом, как с союзником против шведов, Петру приходилось считаться, и по проискам Мазепы «мятежный вождь» Палий, — хотя он открыто признавал преимущества подчинения Левобережной Украины и украинских частей Польши царю, а не полякам, — был схвачен и сослан. Теперь, после раскрытия измены Мазепы, Палий был возвращен и обласкан царем.

Как мог думать Мазепа, на глазах которого происходило с таким успехом для Палия многолетнее восстание правобережного украинского крестьянства и казачества против Речи Посполитой, что можно будет убедить или заставить тех же украинцев, как правобережных, так и левобережных, помогать полякам, — понять это мудрено. Правда, он еще в 1703—1704 гг. мечтал захватить в конце концов всю Правобережную Украину с Белой Церковью в виде новой гетманской столицы и, так как иначе трудно, — при формальном подчинении царю. И некоторое время он был даже доволен, что Палий держится так крепко и не уступает Белой Церкви ни полякам, ни даже русским.

В трудное время, между тяжким нарвским поражением 1700 г. и началом побед (при Эрестфере и при второй Нарве в 1704 г.), царь, очень нуждавшийся тогда в союзе с Польшей, заключая договор с Августом 19 августа 1704 г., обязался заставить Палия прекратить борьбу против Польши. Палий не покорился, но Мазепа при содействии русских войск, захватив Палия, отдал его в руки властей, и Палий был сослан в Сибирь и поселен в Енисейске, а Мазепе была дана в управление Белая Церковь.

В этой борьбе Мазепа всегда был против украинского плебса, против крестьян, против казацкой «голытьбы» и всегда действовал в пользу интересов шляхты, что сильно облегчалось существовавшим формальным союзом между Польшей и Россией. И даже после Альтранштадтского мира и отречения Августа от польской короны положение Мазепы и его политика в Правобережной Украине ничуть не изменились. Фикция продолжающегося союза, позволявшая Петру не уходить из Польши под предлогом борьбы против узурпатора Станисла-

ва Лещинского, давала возможность Мазепе не уходить из Белой Церкви и занятых еще при Палии частей восточнопольской территории. «Украина между Днепром, Случью и Днестром была в полной от него зависимости... Край принимал все более и более правильное козацкое устройство. В 1709 году в нем было уже 7 козацких полков»⁹⁸. Понятно, что появление Палия у царя, не знавшего теперь, как его больше областить, даже еще до участия Палия, больного и старого, в конном отряде, наконец, опубликование перехваченного письма Мазепы к Станиславу Лещинскому — все это бесповоротно и вконец погубило всякие надежды Мазепы и мазепинцев на какие-либо симпатии крестьянства и казачества к изменнику, если бы эти симпатии существовали (чего вовсе не было в Правобережной Украине, где Мазепу считали не украинским казаком, а польским шляхтичем).

Но все-таки с наступлением весны 1709 г. и окончательным перенесением на далекий юг и юго-восток Украины главного театра военных действий поляки партии Лещинского стали обнаруживать смелость.

Чем больше театр войны передвигался к Полтаве, тем смелее и назойливее делались набеги польских отрядов в окрестностях Могилева и Орши. Русским пришлось отходить к смоленскому рубежу. Польский предводитель Хмара занял Оршу. Корсак, командовавший русским отрядом в Орше, перенес свою ставку к Смоленску, откуда и писал Головкину, требуя подкреплений⁹⁹. А в мае стали поступать сведения о том, что к Днепру подвигается на помощь Хмаре польский генерал Сапега¹⁰⁰. Однако Сапега шел, но не пришел.

Не пришел на помощь королю и корпус не польский, а чисто шведский, состоявший под командой генерала Крассау.

Уводя в Россию свою армию, Карл оставил рассеянный в Польше, Курляндии и Померании кавалерийский корпус под начальством генерала Крассау, или, как он чаще называется в источниках, Крассова. Этот корпус считался резервом.

В декабре 1708 г. Карл послал Крассову приказ: образовать войско из 8 пехотных полков и 9 тыс. драгун и спешить на Украину. Ничего из этих запоздалых воззваний не вышло. Прежде всего самый приказ дошел до Крассова лишь незадол-

го до Полтавы. А затем было ясно, что если бы даже Крассов и поторопился, то это только несколько отдалило бы неминуемое поражение. Но Крассов, получив известие о Полтаве, конечно, не пошел на верную гибель и поспешил вернуться восвояси.

С каждым днем множились признаки провала всего предприятия Мазепы. Был у изменившего гетмана опорный пункт, на который он рассчитывал почти так же твердо, как на Батурин. Это была Белая Церковь, куда Мазепа заблаговременно отправил значительную часть своей казны и всякого добра. Туда начальником Мазепа поставил полковника Бурляя и дал ему полк сердюков. Д.М. Голицын, командовавший в Киеве, имел все основания не желать вооруженного столкновения из-за Белой Церкви. И Голицыну вполне удалось избежать боя: Бурляя и его сердюков удалось «угovorить добром». «Я всякими способами старался, дабы оных к себе привлечь без оружия и успокоить», как его учил сам Меншиков («наукою вашей светлости»). Бурляй, ставленник Мазепы, получил «за отдачу фортеции» скромную награду всего в сто рублей, сотники получили по сорока рублей, а рядовые сердюки по два рубля¹⁰¹. Голицын очень опасался в первые дни после перехода Мазепы к шведам за всю Правобережную Украину.

10

После гибели Батурина часть окружения Карла советовала королю идти к приднепровским берегам и там устроиться на зимних квартирах поближе к ожидаемой подмоге, которую будто бы должны были привести Станислав Лещинский и командир шведского отряда генерал Крассов. Да и помимо того, приднепровский край, начиная с Киевщины, был еще не разорен. Но Мазепа посоветовал зимовать в Ромнах и Гадяче. Он хотел загородить дорогу русским в Южную Украину. Карл сначала внял совету старого изменника. Мазепа не только очень скоро убедился в том, что украинский народ — крестьянство, рядовое казачество Украины — не с ним, но он и старшине не весьма доверял, даже той старшине, которая ушла с ним к шведам в конце октября и изображала собой его свиту

28 октября 1708 г. в Горках, когда он представился Карлу и обменялся с ним латинскими приветствиями. После того как так легко его приверженцы сдали Батуриным и Белую Церковь, кому же он мог доверять? И вот он потребовал, чтобы члены старшины, оказавшиеся с ним в шведском лагере, немедленно перевезли в город Ромны свои семьи. Некоторые вняли этому приказу, смысл которого был, конечно, им ясен: Мазепа хотел иметь заручку, «залог», как правильно выражается швед Кнут Лундبلاد, такой залог, который помешал бы дезертирству, быстро уменьшавшему численность казачьего отряда в шведском лагере. Эти несчастные жены мазепинцев, которых ждала невеселая участь, и были теми «казацкими господами», как их называют старые хроники, не поясняя, ни зачем, ни откуда они взялись. Об этих «*dames cosaques*» говорит и летописец похода шведский камергер Адлерфельд. Их таскали в шведском обозе с места на место и в свое время дотащили до Полтавы, где они разделили участь своих мужей и были взяты в плен.

Как богата Украина — это шведы знали и по тем описаниям страны, которые уже тогда существовали в европейской печати, но особенно, конечно, по рассказам Мазепы. Но народная борьба разрушила все надежды неприятеля. Послушаем Адлерфельда, в течение всего похода не расстававшегося с королем Карлом: «В эту прелестную страну (Украину. — *В.Т.*) вступила армия, полная доверия и радости, и льстя себя надеждой, что она, наконец, сможет оправиться от всяческой усталости и получит хорошие зимние квартиры. И это на самом деле произошло бы, если бы мы не оказались вынужденными так тесниться друг к другу, быть в такой близости один от другого, что бы быть безопасными от нападений врага, который окружал нас со всех сторон. Да и то мы не могли воспрепятствовать тому, чтобы некоторые полки, слишком отдаленные по расположению своих стоянок, не пострадали бы, потому что мы были не в состоянии помочь им вовремя — не говоря уже о том, что неприятель своими непрерывными налетами мешал нам пользоваться изобилием и плодородием этой прекрасной страны в той степени, как мы желали бы. Припасы становились к концу крайне редкими и чудовищно дорогими»¹⁰².

Царские универсалы против Мазепы и шведов широко распространялись по Украине и производили очень сильное, волнующее впечатление. Шведы обратили внимание, что эти воззвания распространяются даже в городе Ромнах, куда должна была перейти вскоре ставка Карла XII и его штаба, — и генерал-квартирмейстер Гилленкрот арестовал старшину («бургомистра», — пишет Адлерфельд), обвинив его в том, что он побывал у русских и просил у них помощи против шведов. Расправа в таких случаях была короткая.

Смелость враждебных Мазепе казаков и партизан все возрастала. Выйдя из Городищ, король шел с армией к Ромнам. В пути (дело было 16 ноября 1708 г.) он послал своего генерал-адъютанта Линрота (не Лимрот, как неправильно пишут) с приказами к генералам Крейцу и Круусу, чтобы они ускорили движение. Линрот благополучно исполнил свое поручение, добравшись до Крууса. Всего в одной миле от Крууса шла колонна Крейца, но когда Линрот туда отправился, то в этом узком промежутке между двумя большими колоннами движущихся шведских войск на него внезапно напали казаки, каким-то образом проскользнувшие сюда. Они убили Линрота и перебили его четырех спутников. На другой день только нашли последнего из них уже при последнем издыхании и от него узнали о казаках. У Карла XII было шесть генерал-адъютантов, когда он начинал поход на Россию. Из них один — Канифер — был взят в плен казаками тоже при внезапном налете, а пятеро остальных были убиты: Линрот погиб последним из этой группы довереннейших лиц военной свиты короля. 18 ноября (по шведскому календарю) Карл был уже в Ромнах. По просьбе Мазепы он немедленно отрядил два кавалерийских полка и один пехотный, чтобы овладеть до прихода русских городом Гадячем, после чего Мазепа вернулся в Ромны.

Враг стоял в самом сердце Украины, и сопротивление жителей усиливалось. Шведы подошли (20 ноября 1708 г.) к городу Смела, но «горожане отказались впустить», — повествует Адлерфельд, — и, напротив, крайне охотно впустили русского генерала Ренне, который и занял немедленно город. Произошел ряд боев, сам король примчался во весь карьер, но ничего не вышло, Смела осталась за русскими.

«Жители», «обитатели», «крестьяне», «горожане» — все эти наименования, пускаемые в ход шведскими летописцами похода при описании подобных происшествий, обозначают одно: народная борьба против агрессора усилилась очень заметно теперь, когда он уже стоял в центре страны, не на Северной Украине, а в «Гетманщине». Тут уж даже и не такие умные люди, как Мазепа, прозрели окончательно.

Репрессии становились со стороны шведов все более и более свирепыми, но ничего не помогало. Появились партизанские отряды из крестьян, очень активные. «10 декабря полковник Функ с 500 кавалеристами был командирован, чтобы наказать и образумить крестьян, которые соединялись в отряды в различных местах. Функ перебил больше тысячи людей в маленьком городке Терее (Терейской слободе) и сжег этот городок, сжег также Дрыгалов (Недрыгайлово). Он испепелил также несколько враждебных казачьих деревень и велел перебить всех, кто повстречался, чтобы внушить ужас другим»¹⁰³, — рассказывает с полным одобрением Адлерфельд. Дорога между Ромнами, где находилась временно королевская ставка, и Гадячем, куда Карл должен был отправиться, была не совсем безопасна от налетов казаков и партизан. Да и Гадяч был не весьма спокойным местом. 18 декабря (1708 г.) Карл прибыл туда, а как раз за час до его въезда русский отряд готовился взять город штурмом, и только известие о приближении всей королевской армии заставило русское командование отказаться от этого намерения. Уходя, русские, однако, успели сжечь до основания часть Гадяча и весь склад фуража, который там был. Русские реяли повсюду. Достаточно сказать, что даже во время движения всей шведской армии из Ромен к югу, к Гадячу, дело не обошлось без налета русского конного отряда, сторожившего недалеко от дороги, совсем близко от короля: ехавший почти все время рядом с ним принц Вюртембергский чуть-чуть не был убит русским казаком, налетевшим на него с поднятой шашкой.

В Гадяч пришел сначала Мазепа с 2 тыс. шведского войска. Было это в середине ноября. Но беспокойно чувствовал себя старый изменник, и не любил он отлучаться от короля. Пробыв всего два дня в Гадяче, он вернулся в Ромны¹⁰⁴. В Ромнах

и Гадяче шведы начали практиковать новый метод для скорейшего обеспечения себя провиантом: они предлагали деньги за отбираемый провиант. Но, уходя, отнимали у жителей до копейки все, что успели им дать.

Части русской армии шли параллельно движению шведов и вели все время глубокую разведку. Установив, например, что шведы идут из Ромен в Гадяч не прямой дорогой, а «посылают» на лохвицкую дорогу, генерал Ренне, стоявший в Веприке, тотчас выслал в Лохвицу целый отряд для наблюдения¹⁰⁵.

11

В большие холода партизанская борьба на Украине ничуть не ослабевала, и положение шведов, разбросанных в Ромнах, Гадяче, Лохвице, Лубнах и Рашевке, становилось все менее и менее обеспеченным от внезапностей и случайных нападений. В конце ноября крестьяне на берегу Десны окружили и перебили всех до одного полтора ста шведских солдат, очевидно, вышедших из своего лагеря, чтобы поискать пищи.

Когда шереметевская армия произвела у Гадяча большую военную демонстрацию (в декабре 1708 г.), то это было сделано главным образом затем, чтобы, зная характер Карла XII, выманить его из Ромен. Так и случилось. Шведская армия пошла из Ромен к Гадячу, а тогда генерал Алларт напал на Ромны и вскоре ими овладел. Быстрота, уверенность, меткость и сила русских ударов в эту страшную зиму объясняются, между прочим, полной осведомленностью русского командования обо всем решительно, что делает и что намерен предпринять неприятель. Замерзали нередко русские военные разведчики, не успев выполнить поручения, но за них исполняли их дело добровольцы-крестьяне, являвшиеся к русским генералам со всех сторон и приносившие часто высокоценные сведения.

Петр знал, как ему помогает такое настроение населения. «Здесьшний народ со слезами жалуется на изменника и неопи-санно злобствует», — сообщал царь Апраксину. Он часто извещал именно Апраксина, далекого от театра военных действий, о народной войне: «Малороссийский народ так твердо, с помощью божией, стоит, как больше нельзя от них и требо-

вать». Петра радовал полнейший провал вражеской пропаганды. «Король посылает прелестные к сему народу письма, но он неизменно пребывает в верности и письма королевские приносит, гнушаясь даже и именем Мазепы».

Еще далек был неприятель от Нежина, а уже там сказывалось раздражение против шведов, возмущение их отношением к населению, и проявлялась полная готовность горожан дать отпор. Они просили поскорее прислать к ним ратных людей, которые бы возглавили их поход против неприятеля: «...если бы были царского величества конные полки, и при них нежинцы, и из иных сотен казаки безмерно на неприятелей идтить желают, а ис тамошнего местечка жители ко мне присылают, чтобы Московского войска хотя бы малое число прибыло к ним для початку к поиску над неприятелем, а они, де, черкасы, в помощь на неприятели идти с ними всеусердно желают».

Нежин в течение всей войны оставался одним из сторожевых пунктов Левобережной Украины, и он был в последний («полтавский») период шведского нашествия одной из надежных баз армии Скоропадского, назначением которой было отрезать путь Карлу XII на запад, к Днепру и Киеву, в случае если бы шведской армии пришлось уходить от Полтавы в этом направлении.

В Полтаве «народ» — мещане и посполитые казаки — отстоял город от изменников.

Еще 27 ноября 1708 г. Петр не знал об измене, подготовляемой полтавской старшиной во главе с полковником Левенцом, и писал ему о посылке в Полтаву «для лутчего отпору» Мазепе и шведам князя Александра Волконского¹⁰⁶. Но Левенец и старшина Полтавы изменили и тотчас же убедились, что народ их уничтожит, если они не убегут немедленно из города. Впоследствии изменник Левенец и с ним его семь сердюков попали в руки царских войск¹⁰⁷.

30 ноября шведы подошли к городу Недрыгайлову силой в 1500 человек конницы, спешили и потребовали, чтобы жители их впустили в город. Никакого гарнизона в городе не было. «И прежде стрельбы говорили они шведы недрыгайловским жителям, когда они от них ушли в замок, чтобы их пустили в тот в замок, а сами б вышли, и обещали им, что ничего им чи-

нить не будут». Жители города, побросавшие свои дома и укрывшиеся в единственное укрепленное место («замок»), ответили шведам, «что их в город не пустят, хотя смерть примут». Началась перестрелка: «И те слова шведы выслушав, стали ворота рубить, потом по ним в город залп дали, а по ним шведов из города также стреляли и убили шведов десять человек. И они шведы, подняв тела их, от замка отступили... и дворы все сожгли»¹⁰⁸.

Так жертвовали люди и имуществом и жизнью даже при явно безнадежной борьбе, если им не удавалось вовремя успеть бежать куда глаза глядят из своих мест при подходе шведских войск. Ведь приведенное только что донесение доставил в русскую армию бежавший ночью (с 30 ноября на 1 декабря) из осажденного замка священник. А что случилось с осажденными — это нетрудно себе представить.

Точно такое же настроение народа обнаруживается в другом городе, которому тоже пришлось стать опорным пунктом армии Скоропадского, и в этом смысле город Лубны играл на юге линии расположения Скоропадского ту же роль, как Нежин на севере этой линии. Жители Лубен написали Петру «письмо» (точной даты нет, но по ряду признаков в ноябре 1708 г.), в котором они прибегают к защите царя и просят «прикрыть их от нашествия враждующих неприятелей», и, имея в виду мазепинскую измену, заявляют о своем желании избавиться «от тех мятежей». Пишется это от имени всего населения лубенского: «Мы, граждане под именем всех сожителей лубенских», а подписано так: «все купно як казаки и посполитие жители лубенские»¹⁰⁹.

Народное сопротивление на Украине делало даже самые слабые, технически несовершенные укрепления городов и сел почти непреодолимыми препятствиями. Недостаток артиллерии и пороха в шведской армии также давал тут о себе знать.

Если Карл перед Гродно еще в январе, феврале, марте 1706 г. не мог ни решиться на штурм, ни взять город длительной бомбардировкой, хотя овладеть этой укрепленной позицией и находившейся там русской армией для него было крайне важно, то уж теперь, осенью и зимой 1708 г., овладеть Стародубом и Новгородом-Северским для шведского войска имело еще не-

сравненно более важное, истинно жизненное значение. Это значило бы получить наконец настоящее пристанище, две теплых стоянки перед наступающей зимой, и прежде всего это были бы опорные пункты, откуда можно было бы со временем продолжать движение на восток, от которого пришлось отказаться в начале сентября в Старишах, на рубеже Смоленщины. Словом, Стародуб и Новгород-Северский были в 1708 г. для Карла XII вне всяких сравнений важнее, чем Гродно за два года перед тем. Но Карл XII, на многое отваживавшийся очертя голову, тут отступил, прошел мимо после первых же разведок и рекогносцировок. Если под Гродно у него не оказалось артиллерии, достаточно сильной для длительных и эффективных бомбардировок, то теперь, осенью и зимой 1708 г., после гибели обоза Левенгаупта и артиллерии и боезапасов, которые тот вез, после потерь в боях и без боев на долгом и страшно тяжелом пути, даже и та артиллерия, с которой Карл тронулся в поход в июне 1708 г. и которая тоже не была очень сильна, уменьшилась до такой степени, что и думать было нечего о действенной бомбардировке укрепленных городов. Промахи и опоздания Лагеркроны и шедшего с ним авангарда шведской армии оказывались непоправимыми.

Если затем Ромны и Гадяч временно оказались в руках Карла, то исключительно потому, что там еще не было русских гарнизонов, когда шведы подошли к этим городам. Ромны и Гадяч не были «взяты», а были просто заняты шведами. Заняты и потом потеряны вскоре после того, как армия Карла, после скитаний к Веприку и обратно, окончательно покинула эти места.

12

Шведские источники сходятся на том, что труднейший зимний поход 1708—1709 гг. неслыханно ослабил шведскую армию. И курьезно отметить, что шведские историки так же охотно до уродливости преувеличивают значение морозов 1708/09 г., как французские историки — значение морозов в гибели армии Наполеона. По-видимому, объяснение русских побед морозами облегчает уязвленное «патриотическое» чув-

ство. Но шведы забывают прибавить, что главное было в том, что население не дало им ни крова, ни пищи, ни топлива. Многие были или перебиты в боях, или погибли от всевозможных болезней, которые при постоянном недоедании и истощении организма легко становились смертельными, или замерзли в эти лютые морозы, где не день, не два и не три некоторым частям приходилось располагаться на ночевку в снегу, в открытом поле, иногда при вьюге, упорно задувавшей разводимые с большим трудом костры из сырых обледеленых сучьев. К этим основным частям шведской армии можно, пожалуй, причислить и очень тоже уменьшившуюся ватагу мазепинцев, пришедших в октябре с гетманом. При этих условиях поход, принятый Карлом в первых числах января 1709 г. из местечка Зенькова, не нуждается в глубокомысленных стратегических мотивировках. Нужно сказать, что в Зенькове Карл со своим штабом оказался только потому, что разместиться всем в Гадяче было нельзя. Но и там солдаты обмерзли не меньше, чем их товарищи в Гадяче и других окрестных местах около него. Говорить, что, двинувшись на восток к Веприку, в этот момент Карл имел в виду угрожать прямым походом на Москву, могли только те, кто не отдавал себе отчета в реальном положении двадцатитысячной шведской армии в январе 1709 г. Мотивов экспедиции против Веприка было два. Во-первых, шведский штаб, еще когда король был в Ромнах, знал, что местечко Веприк на Ворскле, как и недалеко от него лежащий Лебедин, — пункты, откуда именно и направляются постоянные налеты на Ромны, на Гадяч, на части шведской армии, скитающейся около него, ища «крыши над головой», как говорили солдаты. Значит, нужно было ликвидировать Веприк. Во-вторых, был слух, что в Веприке можно найти некоторое пристанище, потому что он не разрушен так, как Гадяч.

Однако и в неукрепленное местечко Зеньков, где не было вовсе ни одного русского солдата, войти оказалось не очень легко. «Большое количество крестьян, — пишет очевидец Адлерфельд, — объявили, что не впустят шведов. Пришлось направить туда несколько полков (!), начали сжигать первые дома («предмесье»), тем самым уничтожая желанный свой приют, на который рассчитывали. Вечером 30 декабря прибыл король.

Он нашел ворота запертыми, а жителей местечка и большое количество крестьян на укреплении». Они казались «очень взволнованными». Так как ни короля, ни его армию эти обыватели и пришедшие в местечко крестьяне продолжали не впускать, то 31 декабря Карл XII велел начать с крестьянами и обывателями, стоявшими за рвом, дипломатические переговоры, и шведская армия заняла Зеньков.

Здесь, в Зенькове, окончательно было решено идти брать Веприк. Если в Зенькове, несколько не укрепленном, где, кроме крестьян и обывателей местечка, плохо или вовсе не вооруженных, никого не было, пришлось считаться с такими затруднениями, то можно было наперед предугадать, что с Веприком, где стоял русский гарнизон, дело у Карла XII будет гораздо хуже. Самые тревожные предположения шведов оправдались.

Нелегко временами приходилось в эту зиму и русской армии, приходилось и холодать и особенно голодать.

«На квартире у меня во многих ротах стала пуста. Людям хлебом и конским кормом великая стала скудость, что взять негде. И за многих деревень мужики разбежались и покинули дома свои, что стало им дать нечего»¹¹⁰, — писал 31 декабря 1708 г. полковник Чернцов Меншикову.

Но шведам приходилось несравненно хуже. В шведской главной квартире втихомолку велись разговоры, обличавшие некоторую растерянность. С каждым днем возрастала вражда населения к продвигавшимся в глубь страны захватчикам.

Всякие сомнения в искренности «клятвенных обещаний» жителей («Все купно як козаки и посполитые жители») города Лубны, или горожан Новгорода-Северского, или Стародуба, или далекого еще от театра войны Нежина, Глухова и других городов должны умолкнуть по той простой причине, что эти посполитые крестьяне, мещане, казаки доказали немедленно всем своим поведением, что они идут не за Мазепой, а против Мазепы. И когда шведское войско собиралось в конце ноября и в декабре 1708 г. идти на Веприк, на Ахтырку, на Котельву и дальше — на Опошню, на Полтаву, — то жесточайший отпор, полученный шведами под Веприком, и полный провал попыток не то что взять, а хотя бы только осадить Ахтырку показали вполне убедительно, что и Котельва, и Почеп,

и Опошня, и Полтава окажут, когда наступит их час, отчаянное сопротивление шведам и мазепинским изменникам.

Беспокоила шведов «большая война», чужлась близость Петра, Шереметева, Меншикова и их крупных сил. Но беспокоила и малая война, которую вели казаки и население, война внезапных налетов, из-под земли являющегося и в землю исчезающего врага.

Шведы пробовали бороться против народной войны воззваниями. Воззвания Мазепы были понятны, обличали некоторую пропагандистскую ловкость. Как автор он еще мог рассчитывать найти читателей. Но беда была, когда он выступал в качестве переводчика агитационных творений Карла или Пипера. «Универсал» Карла, переведенный на украинский язык, конечно, Мазепой, написан такой дикой тарабарщиной, которую понять стоит невероятного труда. Он переведен с того средневекового латинского языка *наихудшего* типа, который называется у филологов низшей латынью. А только такую латынь и знали Карл XII, граф Пипер и Мазепа. Но строй латинской речи до такой степени не похож на строй речи украинской, что перевод совсем не удался, и получилась местами просто дикая галиматья. Все же основные мысли Карла XII ясны: он грозит смертью виновным и детям виновных и сожжением имущества, если люди провинятся тем, что будут оставлять свои дома и уходить, или будут покушаться чем-либо вредить шведскому войску, или агитировать тайно в пользу Москвы, или если они позволят себе возмущать людей ложными обещаниями или угрозами. Таково основное обращение короля к уму и сердцу украинского народа. Все остальное — тугая, невразумительная абракадабра на шести больших страницах, которую не всякий, даже опытный грамотей-украинец, мог осилить. Ни малейшего впечатления на население этот универсал не произвел.

«Надеялись, что манифест короля от конца ноября, распространяемый между всем казачьим народом, убедит его в правоте чувств его величества», — пишет Адлерфельд, полагающий, что эти пустозвонные фразы о том, что король пришел освободить народ от московского ига, могут убедить украинцев.

Но Адлерфельд, камергер короля, бывший с ним и в Ромнах, и в Гадяче и, может быть, сам принимавший посильное участие в составлении этого любопытного по-своему произведения, констатировал полную его бесполезность: «Все это, по видимому, не произвело много впечатления на народную массу (*sur le gros de la Nation*), привлечь которую на свою сторону нашли секрет (*avoit trouvé le secret*) царь и новый гетман». Таким образом, ни истребление «всех, кто попадетсЯ навстречу», генералом Функом, ни латино-украинское красноречие короля Карла не могли покончить с разгоревшейся народной войной: «Таким образом мы постоянно находились в драке, *pous en étions continuellement aux mains*) с обитателями, что в высшей степени огорчало старого Мазепу, особенно сдача Белой Церкви, где он много потерял». Может быть, в самом деле, история мирной сдачи Белой Церкви была последней каплей, переполнившей чашу горечи, которая не переставала наполняться с момента, когда Мазепа с отчаянием воскликнул, увидя обгорелые развалины Батурина, что «бог не пожелал благословить его початки» (начинания. — *Е.Т.*). Теперь, с переходом всех еще уцелевших его богатств вместе с Белой Церковью в руки русских, он терял последнюю почву под ногами. И еще хуже были обстоятельства потери: Батурин по крайней мере хоть не сразу пустил Меншикова, сделал слабую попытку сопротивления, а в Белой Церкви Мазепе изменили самые, казалось бы, верные люди. С Белой Церковью и богатствами гетмана, там укрытыми, утрачивалась всякая надежда иметь хоть один прочный опорный пункт в Правобережной Украине. Что потеряна Левобережная Украина, Гетманщина, в этом Мазепу убеждало буквально все, что он видел с того момента, как шел с быстро таявшей толпой своих казаков в составе шведской армии.

Именно эта всюду вспыхивавшая непотухающими огнями народная война убивала Мазепу. Адлерфельд отметил в своем дневнике тяжкую печаль, овладевшую Мазепой. Но шведский камергер не знал, каким совсем новым замыслом поглощен угрюмый старик, едущий в авангарде рядом с королем Карлом XII.

У исследователя есть в руках один факт, лучше всяких теоретических рассуждений могущий дать представление о том, какое страшное впечатление произвела народная борьба украинцев на того человека, который в эту зиму с каждым днем убеждался все более и более в полном, неожиданном для него провале всех своих замыслов: это было последовавшее в декабре 1708 г. предложение Мазепы царю Петру.

В конце ноября 1708 г. новый гетман Скоропадский получил совершенно неожиданно письмо от миргородского полковника Даниила Апостола, который считался одним из главных помощников и подручных Мазепы и ушел вместе с ним к шведам.

Теперь Апостол просил прощения, изъявлял полное раскаяние и желал, чтобы его принял царь. По-видимому, уже тогда Апостол открыл Скоропадскому, что он бежал от шведов не совсем против воли и не без ведома Мазепы и что вообще у него есть очень важная новость. Во всяком случае, царь приказал, чтобы ему представили раскаявшегося мазепинца.

Апостол при первом же свидании с Петром сообщил, что и Мазепа тоже раскаивается в измене и что бывший гетман не только знал об уходе Апостола, но и дал ему поручение к царю. Мазепа предлагал царю, что он нечаянным нападением захватит Карла XII (в ставке которого гетман почти неотлучно находился) и вместе с ним захватит наиболее важных генералов и отдаст их всех в русские руки.

Петр обласкал полковника Апостола, восстановил его в чине и вернул его имения. Были обстоятельства, которые могли, как, очевидно, и рассчитывал Мазепа, удостоверить Петра в том, что предложение Мазепы серьезно и имеет некоторые шансы на успех. Принимая во внимание безумную отвагу Карла, его истинную страсть ввязываться лично и непосредственно в опаснейшие приключения и удаляться от лагеря без особой надобности и на значительное расстояние, предприятие могло показаться, при благоприятных обстоятельствах, осуществимым. На этом, очевидно, и основывал Мазепа свою надеж-

ду на то, что Петр примет дело всерьез. Надежда, конечно, оказалась тщетной.

Допрашивать Апостола и разбираться в диковинных предложениях Мазепы царь поручил графу Головкину. Этот выбор едва ли был случайным. Головкин ведал немалое время «делами малороссийскими» и тут, в Лебедине, мог быть наиболее осведомленным в этих делах из всей тогдашней свиты царя. Но, кроме того, на Головкине лежала ответственность, может быть, не целиком, а отчасти, за убийственную по своим вредным последствиям ошибку в деле Кочубея и Искры. Он был одним из двух наиболее ответственных лиц, виновных в этом непоправимом промахе, другим был сам царь. Во всяком случае, если бы в этом кровавом деле Головкин не писал свои доклады царю под диктовку изменника, если бы у него хватило проницательности, чтобы разглядеть, где правда, то много несчастий было бы предупреждено. Поэтому Петр имел все основания считать, что уж на этот раз Мазепе не удастся обмануть Головкина, которого он так ловко обошел в первый раз.

Головкин имел с Апостолом большой разговор. По существу, канцлер сделал вид, будто считает предложение гетмана серьезным. Но речь шла о двух условиях. Первое условие ставил Головкин, и оно оказалось неприемлемым для Мазепы; второе ставил Мазепа, и его принял Головкин (точнее, сделал опять-таки вид, будто принял). Головкин ставил условие, чтобы Апостол доставил от Мазепы какие-нибудь серьезные письменные документы, потому что устные предложения — дело неверное. Апостол говорил о том, что Мазепа просит, чтобы его амнистия, которую ему обещают, была гарантирована иностранными державами. Сохранилось письмо графа Головкина к Мазепе, писанное из Лебедина и помеченное 22 декабря 1708 г., в котором выражается согласие на его «кондиции». В этом письме говорится, что хотя письменных документов и нет, но так как за время этих переговоров (уже после Апостола) прибыл еще тоже бежавший от шведов другой полковник — Игнат Галаган и привез повторное предложение, то этого достаточно. Изъявлялось согласие и на иностранных «гарантеров» будущей амнистии, обещанной Мазепе¹¹¹. Из этих переговоров в конце концов ничего не вышло и выйти не могло.

Вся эта история и особенно письмо Головкина не оставляют сомнения, что если Мазепа делал свое предложение серьезно, под влиянием впечатления полного провала своего изменнического дела, то ни Петр, ни Головкин абсолютно ему не верили и хотели лишь получить документальные доказательства его новой «обратной» измены для дальнейшей борьбы против изменника. Еще сам Мазепа, этот старый украинско-польский интриган, хитрый шляхтич, состарившийся в затейливых поисках, устройствах западни, крестных целованиях, лжесвидетельствах, зароках и клятвах, «гарантиях» и перестраховках, мог всерьез верить, что Петр пойдет на такое нелепое предложение: затевать переписку с иностранными державами и просить их быть «гарантерами» и поручителями перед Мазепой, что он, царь, в самом деле сдержит обещание и помилует Мазепу, если тот «захватит» короля Карла. Петр, человек громадного кругозора, большой глубины и тонкости дипломатической мысли, освоивший порядки и обычаи европейской политики, хорошо знал, что такие дела, как предлагаемое Мазепой, еще изредка делаются, но готовятся по секрету, а не с предварительными дипломатическими переговорами о каких-то «гарантиях». Вся бессмыслица требований гарантии и «гарантеров», разрушавшая уже наперед малейшую возможность сохранения тайны для предлагаемого предприятия, прямо бросалась в глаза. Головкин писал свое письмо Мазепе с единственной целью: поймать в ловушку Мазепу, получив от него документальные доказательства его нового предательства. Ни одной минуты, конечно, ни царь, ни Головкин не относились серьезно к этим пробным шарам и зондированиям почвы со стороны презренного предателя.

Но если и речи не могло быть о серьезном отношении Петра или Головкина к новой затее Мазепы и если ни малейших реальных последствий это предложение иметь не могло, то никак нельзя сказать, чтобы оно было лишено в глазах историка своего значения. Оно в высшей степени характерно как показатель глубокого разложения в лагере мазепинцев.

Эта выходка Мазепы не была с его стороны мистификацией: посылка Апостола и Галагана к Петру с дважды повторенным предложением была доказательством того, до какой глу-

бины полной паники и растерянности доходил минутами старый предатель, больше всего сокрушавшийся и подавленный, по словам шведа Адлерфельда, его наблюдавшего, именно народной войной, сопротивлением населения Украины шведскому нашествию и, прибавим, прогрессирующим разложением в своем стане. Он бросался из стороны в сторону. Предлагал царю захватить Карла XII и писал почти одновременно Станиславу Лещинскому, умоляя его поскорее идти на помощь к Карлу на Украину. Тут к слову заметим, что некоторое время в Европе придавали измене Мазепы очень большое значение, и многие были уверены, что шведские сообщения об отпадении всей Украины от России правильны. Даже осторожный и недоверчивый ни к шведским, ни к русским официальным сообщениям английский посол в Москве Витворт уже начал в своих секретных донесениях в Лондон величать бывшего гетмана: «мистер Мазепа»¹¹². После Полтавы Иван Степанович превратился для англичан снова просто в Мазепу.

14

Казаки и взводы регулярной конницы тревожили шведов в Ромнах, где была королевская ставка, а Мазепа, сидевший теперь (в декабре 1708 г.) в Гадяче, был в панике от этих наездов и просил о спасении. Гилленкрок решительно не советовал королю уходить из Ромен. Но Карл пожелал идти.

Пошли из Ромен в Гадяч. Сейчас же, едва шведы вышли из Ромен, жители Ромен, казаки и отряд, посланный Шереметевым, заняли окрестности города. В Гадяч шведы дошли, измученные страшным морозом, когда уже наступала ночь 28 декабря. Шведская документация рисует картину, которую стоит запомнить. «Авангард подходил к Гадячу, как раз когда наступил ужасающий мороз. Поэтому все старались протиснуться вперед, чтобы найти в городе защиту и теплое пристанище, вследствие чего у единственных ведущих в город ворот возникла жестокая суматоха, которая еще более увеличилась подходившими орудиями и обозными повозками. Люди, лошади, повозки в конце концов образовали один клубок, и только незначительной части войск удалось войти в город, в то

время как большая часть должна была провести ночь в снегу, на морозе, под открытым небом».

Но даже и следующий день и отчасти следующую ночь тысячи людей, высокопоставленных и простых, солдат и офицеров, должны были провести под открытым небом и нажили себе в эти часы те болезни, от последствий которых должны были потом мучиться всю жизнь.

В эту ночь скончалось от холода от 3 до 4 тыс. человек. Можно было видеть замерзших кавалеристов, сидевших на своих лошадях, пехотинцев, которые крепко примерзли к деревьям и к повозкам, к которым они прислонились в последний момент своей жизни. Пищи было мало, но нашлась в большом количестве водка, однако злоупотребление ею в таких условиях значительно ускоряло гибель шведов. «Но в самом городе ужасающие сцены были, если только это возможно, еще страшней. Одна треть города сгорела, а остальные две трети были далеко не в состоянии приютить целую армию. Почти каждый из этих домов превратился в лазарет, где хирурги были заняты отпиливанием замерзших частей тела или по крайней мере оперированием их. Проходившие по улице ежесекундно слышали вой несчастных и видели лежащие перед домами там и сям отрезанные части тела. А по улице встречались больные, которым не удалось нигде найти пристанища и которые ползали по земле в немом отчаянии или в припадке сумасшествия»¹¹³.

Из Гадяча приходилось вместе с тем уходить, потому что русские, не переставая, продолжали тревожить нападениями. Русские тоже страдали от холода, но были гораздо теплее одеты: в полушубки, а не в наворованное еще в Саксонии дорогое, но совсем уже истрепанное сукно, как у шведов, и питались они несравненно лучше: крестьяне охотно давали своим все припрятанное от шведов в ямах или в соседних лесах, да и продовольственные запасы у Шереметева были теперь лучше, чем когда шли из Литвы в Северскую Украину.

Понятовский, верный спутник Карла XII, точно так же решительно ничего не понял в умышленной зрело обдуманной ловушке, в которую попал его друг и повелитель, уводя свою армию из Ромен в Гадяч. Ужасы этого перехода описывает и

он. «Перед тем, как прийти в Гадяч, шведы потеряли три тысячи человек замерзшими, а кроме того, всю обозную прислугу и много лошадей, вследствие чего разорение всей армии давало себя чувствовать более, чем когда-либо. Люди, мужчины и женщины, лошади погибали безнадежно. Все-таки король пришел вовремя в Гадяч, чтобы заставить московитов удалиться»¹¹⁴.

Понятовский не понимает, что Шереметев вовсе не соби-рался брать Гадяч, а лишь производил мнимые приготовления к атаке, чтобы побудить Карла покинуть Ромны и чтобы затем занять их русским отрядом. Такие искренние обожатели Карла XII, как Понятовский, были в окружении короля столь же вредны, как царедворцы и льстивые приспешники вроде Акселя Спарре или немецкого изменника и перебежчика от русских бригадира Мюленфельса. Карл, лихой организатор налетов на врага, талантливый тактик, но очень посредственный стратег, не переставал в русском походе попадать впросак, ничего решительно не понимая в русской стратегии. А льстецы и приспешники, к коим порой присоединялся по карьеристским соображениям и сам фельдмаршал Реншильд, не переставали поддакивать и расхваливать своего «юного героя», который в эти роковые для него и для его армии месяцы выбирался из одной западни, поставленной русским командованием, лишь затем, чтобы попасть в другую. И все хорошо: русские уклоняются от боя, бегут, всюду победа!.. И в Гадяче «победа» и в Веприке «победа», и так от «победы» к «победе» шведская армия шла и пришла к трагедии в Полтаве, к позору в Переволочной, к своему бесславному концу.

Еще будучи в Литве, рассматривая карту, составленную квартирмейстером и главным картографом армии Гилленкроком, Карл XII сказал: «Мы теперь на большой дороге к Москве». «До нее еще очень далеко», — осторожно возразил Гилленкрок. Но у Карла на подобные возражения всегда был готов ответ: «Когда мы опять начнем движение, то придем туда». Лишь бы начать двигаться. Лучше всего он себя чувствовал и спокойнее всего казался окружающим, когда приходилось двигаться и действовать и когда уже мысли, колебания, взвешивания, сомнения оставались позади. С чувством, близким к отчаянию, говорили лица поумнее, вроде Гилленкрока или гра-

фа Пипера, об этой опаснейшей черте своего короля, когда, например, он ни с того ни с сего пошел из Ромен в Гадяч или потом стал кружить по Слободской Украине.

Морозы памятной всей Европе зимы 1708/09 г. усилились к концу декабря в необычайной степени. Страдала русская отступающая армия, еще больше страдали шведы, находя по пути оставленные русскими пожарища. Шведам приходилось раскладывать громадные костры, устраиваться на ночевку в чистом поле. Вот картина с натуры отхода шведов от Веприка: «...подавший неприятель в левую руку к Плешивицам разложили огни великие, и стояли, а болше у них пехоты было видеть, а конницы не так. Только от великой тягости морозу и проведать трудно; кого ни пошлешь, то приедит либо лицо, либо руки или ноги ознобе»¹¹⁵. Люди обеих армий гибли на морозе тысячами. «И статься, сказывают которые приходят мужики, от неприятеля многие с холоду помирают. Оные («мужики». — *Е.Т.*) видели, вдруг восемьдесят человек привезено от Глинской дороги, також и из Липовой видели»¹¹⁶.

Голод донимал шведов еще хуже, чем холод.

Лубенские горожане и крестьяне («лубенские и сельские обыватели») поймали мазепина есаула и одного «кумпанейца» из мазепинцев, связали их и привели к Волконскому, который и отправил их к Меншикову¹¹⁷. Спустя несколько дней снова удалось захватить шведских «языков», и все в один голос показывали, что «хлебом нужда» у шведов: «а поход свой остановили шведы для великого морозу»¹¹⁸.

Шведы в эту суровую зиму решительно ничего уже достать в украинской деревне не могли, потому что «из многих деревень мужики разбежались и покинули дома свои». Даже и в русской армии стало ощущаться, что деревня совсем опустела, и «хлебом и конским кормом великая стала скудость»¹¹⁹. Но у русских был, хоть и с перебоями, подвоз из более или менее далеких мест, а у шведов ровно никаких надежд на помощь издалека не было. И мимоходом можно вычитать в документах нечто сразу же говорящее о громадном отличии в продовольственном положении обеих армий: шведы голодают, хотя у них есть деньги, потому что не у кого купить хлеба, а русские испытывают затруднения тогда, когда почему-либо у

них нет денег. Вот в самое голодное время лютой зимы (24 декабря 1708 г.) жалуются служащие в русском войске волохи, что их полковник и другие их офицеры уехали в Лебедин, взяли там жалованье, а «к ним не везут». И волохи «скучают, что и хлеба купить не на что».

Но мы знаем, что, например, такие же нерегулярные волохи, служившие в армии шведской, получали жалованье регулярно, требовали надбавку, получали надбавку, — и все-таки голодали и с голодухи бежали от Карла к русским.

Стужа так усилилась во второй половине декабря и в начале января, что не было никакой возможности идти дальше на Веприк и Лебедин, как хотелось королю вопреки мнению Гилленкрока и даже обыкновенно поддакивавшего королю Реншильда. И ненужный губительный переход армии в неслыханные морозы из Ромен в Гадяч предстал пред шведским штабом во всей своей нелепости. Гилленкрок осторожно попробовал убедить Карла вернуться в Ромны. Но король не любил, чтобы ему столь наглядно доказывали, какие чудовищные промахи он делает. «Что это опять за глупость? Зачем король выступает?» — сказал граф Пипер, конечно, не лично королю, еще когда Карл отдал приказ о переходе в Гадяч. Но признать перед всей армией, что содеянная им глупость есть глупость, король не пожелал, и 6 января в лютый мороз Карл снова поднял свою армию и, не сказав ни слова Гилленкроку, пошел брать Веприк.

Ни король, ни Гилленкрок, ни весь штаб не знали, что храбрый капитан Юрлов, фактически руководивший обороной, деятельно вспомоществуемый всем населением маленького и плохо укрепленного полусела-полугородка Веприка, окажет отчаянное сопротивление и принудит к штурму четыре полка (два пехотных и два кавалерийских), которые Карл повел к Веприку, и что штурм будет стоить шведам, как увидим дальше, страшных потерь, причем исключительно высок почему-то оказался процент убитых и тяжелораненых офицеров, и все, как нарочно, пали самые лучшие, испытанные в многолетних боях чины командного состава.

Но если этого нельзя было предусмотреть в подробностях, то уж зато в штабе ясно понимали, что даже и при полной уда-

че под Веприком овладение этим местом ни малейшей выгоды представить не может. Идти от Веприка дальше на Лебедин, где находился Петр, — для такого предприятия, да еще при жестоком морозе сил явно не хватало. Значит, даже при удаче придется идти не вперед, а назад. Но если так, то зачем же мог понадобиться Веприк? Генералы этого не понимали, а Карл довольствовался лишь отрывочными невразумительными словами о том, что следует «отогнать врага».

Мазепа, поглощенный своей идеей об удалении главного театра военных действий от Украины, убеждал короля теперь, в конце декабря 1708 г., двинуться на Белгород и оттуда завязать сношения с булавинцами. Он еще ничего не знал ни о самоубийстве Кондратия Булавина, ни об упадке этого движения. Карла нетрудно было убеждать в целесообразности таких планов, которые влекли на восток и поэтому приближали к Москве. Но вывести теперь же всю армию из Гадяча, где она стояла и где даже и при ночевке в закрытых помещениях замерзали люди, было невозможно, и Карл решил пока предпринять с несколькими полками наступление от Гадяча вверх по реке Псел.

Ему удалось овладеть Зеньковым, но Петр предвидел неминуемость попытки Карла продвинуться на северо-восток от Гадяча либо затем, чтобы продолжать дальнейшее движение на Белгород, подтянув к себе все свои силы из Гадяча, либо затем, чтобы обеспечить от русского нападения левый фланг шведской армии, если Карл поведет ее от Гадяча к югу, на Полтаву. В том и другом случае должно было для задержки движения шведов к востоку укрепить городки Веприк, Лебедин, Сумы, лежащие по верхнему течению реки Псел, а также Ахтырку, находящуюся к юго-востоку от Веприка. Петр в жестокие морозы этой зимы маршировал с солдатами то в Лебедин (26 ноября), то в Веприк (30 ноября), то опять в Лебедин (25 декабря), то в Сумы (26 декабря).

Наступление шведов должно было начаться со взятия Веприка, наиболее близкого к Гадячу из всех перечисленных мест. Но оно и началось и окончилось у Веприка. С невероятными трудностями, при невероятных морозах этого года, не щадя себя, русские успели наскоро окружить Веприк такими преж-

де тут не существовавшими земляными валами, что, напрасно потратив на их артиллерийский обстрел много снарядов, которых шведам было жаль, так как их армия была уже не так этим добром богата, Карл ясно увидел, что артиллерией город не взять. Он приказал штурмовать эту позицию. Ничтожный гарнизон Веприка, имевший всего три пушки, трижды отбивал приступы, пока не истощился порох, и когда шведы 6 января 1709 г. вошли в это разрушенное место, то офицеры удивились и сильно роптали, не понимая, зачем королю было тратить совсем бесполезно столько людей. По шведским показаниям, шведы потеряли до 1200 человек убитыми и ранеными, а по словам Петра (в его «Журнале», ч. 1, стр. 198) — больше, 1246, так как Петр оговаривается в своем «Журнале», что часть раненых шведы отправили на главную свою квартиру в Гадяч. А укрепления Веприка шведы срыли до основания и отступили.

Несколько сотен русских и украинцев, нанесших под Веприком своим отчаянным сопротивлением такой тяжкий урон значительным шведским силам, оказали громадную услугу русскому делу. Карл XII, который, как сказано, вообще не любил тратить солдат на осады и штурмы, только потому велел штурмовать Веприк, что не имел понятия о возможности подобных тяжких потерь при взятии такого ничтожного укрепления. А дальше пришлось бы, идя к северу долиной реки Псел, брать одно за другим укрепления: Каменное, Лебедин, Сумская Ворожба и Сумы, и не было никаких причин ожидать, что взятие этих городков будет шведской армии стоить дешевле, чем ненужное взятие Веприка.

Срыв укрепление Веприка (на валах его не было даже *ни одного* бастиона), шведы повернули обратно и отступили к Гадячу и к Ромнам, где были расположены их главные силы.

Эта кучка безвестных и давших себя почти полностью истребить героев, как солдат, так и населения, которое полностью пожелало включиться в дело обороны, сделала ничтожную крепостицу Веприк одним из крайних восточных пунктов, до которых докатилось шведское нашествие, отправлявшееся по пути Путивль — Белгород — Курск — Москва. Веприк лежит под более восточным меридианом, чем Стариши, отку-

да, как было сказано, агрессор тоже принужден был повернуть к югу и отказаться от вожделенного северо-восточного направления. Так же как в Старишах, отказ от северо-восточного направления на Смоленск — Дорогобуж — Москву знаменовал решение идти к югу, так это случилось и под Веприком. И так же точно, как в середине сентября движение к югу от Старишей вовсе не означало отказа Карла от мысли о Москве, так и после жестоких и бесполезных потерь под Веприком королевский штаб утешал офицеров, жаловавшихся на ненужную бойню, где процент погибшего и искалеченного офицерства оказался выше обыкновенного, тем, что теперь зато будет найдена другая, более подходящая дорога — южнее. Но где именно? Петр некоторое время полагал, что шведы будут после Веприка прорываться к востоку через Ахтырку. Но шведы не рискнули идти брать город вследствие крайне трудных условий для кавалерийских маршей, а из-под Веприка ушла подобру-поздорову именно кавалерия, не принимавшая участия в отчаянных штурмах, положивших около 1300 человек шведской пехоты. Петр послал в Ахтырку Меншикова с драгунами и сам туда прибыл (2 февраля 1709 г.) и оставался шесть дней, наблюдая за укреплением города.

Карл туда не пошел, а прошел мимо. Он предпочел идти через Опошню, лежащую, так же как и Ахтырка, на реке Ворскле, но несколько южнее.

До начала половодья были получены сведения о том, что шведский отряд генерал-майора Крейца силой в 5 тыс. человек, стоявший в Лохвице и в окрестных деревнях, собирался покинуть свои стоянки. Очевидно, предполагалось, что Крейц пойдет к югу, на Опошню и Будищи, где по слишком преждевременным заключениям будто бы обретался неприятель¹²⁰.

15

Соппротивление под Веприком произвело, как совершенно категорически утверждают шведы — участники и летописцы похода, самое удручающее впечатление на шведское офицерство. Бодрился, как всегда, только сам король и окружавшие его льстецы из генералитета во главе с тем же Реншильдом.

Возникал ряд вопросов, требовавших немедленного разрешения. Первый и ближайший вопрос: где искать «крыши над головой» при все усиливавшихся морозах? Прошли мимо Ахтырки, но не посмели даже и начать ее осаждать. Не пошли к Лебедину, потому что было ясно, насколько сопротивление царской ставки будет сильнее, чем под Веприком. Возвращаться в Ромны и отбивать их у русских, которые были там поблизости? Вернуться в Гадяч, имея впоследствии угрозу из тех же Ромен с севера и из Лебедина и Ахтырки с востока? Да и размышлять насчет Гадяча долго не пришлось: он был занят почти в одно время с Ромнами. Значит, оставалось идти на юг, в Полтавщину. Но тут представлялся и другой, еще более существенный вопрос: что же вообще делать дальше? От похода на Москву Карл ничуть не отказывался, и шведский штаб смотрел на Полтаву как на место, где можно будет спокойно подождать, с одной стороны, Станислава Лещинского с польским войском с запада, а с другой стороны, многотысячную армию из Запорожской Сечи, которую обещал Мазепа. Верить этому обещанию, после того как оказались лживыми все другие его обещания, было, конечно, рискованно, но ничего другого не оставалось.

Все это понятно и объяснимо. Что осталось загадочным не только для многих современников, но отчасти и для потомства, это вторжение шведов, миновавших Ахтырку и вошедших в Опошню, из Опошни в Слободскую Украину, т.е. в самую восточную область Южной Украины, а оттуда вновь в Опошню. Почему шведы пошли таким глубоким обходом к Полтаве, когда они могли продвинуться туда гораздо быстрее и не быть застигнутыми страшным разливом рек, ранневесенним февральским и мартовским наводнением 1709 г., — это можно рациональнее всего объяснить лишь одним: тут они шли впереди русской армии, Шереметев оставался у них с тыла, и, значит, он не мог успеть разорить Слободскую Украину. Именно тут, казалось, можно было найти пристанище. Но если так, то чем можно объяснить то свирепое опустошение, которому подвергли сами шведы слобожан? Объяснение одно: на Слободской Украине армия Карла XII встретила ту же народную войну, какую испытала и до и особенно после перехода к ним

Мазепы на Северской Украине и на всей Гетманщине вообще, где она уже побывала. И варварское сожжение предместий Краснокутска, который шведы оказались не в силах удержать, но в силах поджечь, и опустошение деревень было ответом на уход слобожан из своих домов, на прятанье хлеба, наконец, на партизанские налеты и истребление рыскающих в поисках хлеба и сена шведских фуражиров.

Не взяв Ахтырку, мимо которой шведы прошли после Веприка, они повернули к Котельве, овладели Опошной, оттеснив русских, причем наивный и очень усердствующий участник и летописец похода камергер Адлерфельд заявляет с самым серьезным видом, что они перебили 400 человек русских и 150 взяли в плен, а сами потеряли при столь молодецком подвиге всего... *двух* человек. И неловко за шведского историка Стилле, что он верит этому лубочному вздору и повторяет его¹²¹! Но Карл ушел из Опошны, а русские тотчас же вернулись и перебили, а отчасти взяли в плен оставшийся тут небольшой шведский отряд.

По свидетельству пленного поляка, взятого 28 января 1709 г., в бою под Опошной, происходившем накануне, присутствовал сам король с 5 тыс. шведов, а кроме того, участвовали еще и волохи и поляки, которых есть 12 «хороног» (хоронгвей. — *Е.Т.*). Поляк удостоверил, что Карл идет к Полтаве¹²².

Это показание и, по-видимому, аналогичные «распросные речи» о намерении Карла были тотчас пересланы Меншиковым царю, причем Меншиков просил царя прибыть в Ахтырку, куда мог бы явиться для свидания и сам Александр Данилович. В Полтаву немедленно было послано семь пушек в дополнение к уже имевшимся 12¹²³. Карл, снова не решившись напасть на Ахтырку (к которой опять подходил для рекогносцировки), пошел к Краснокутску (или Красному Куту) в Слободской Украине. Шведы просто разоряли и жгли деревни, убивали не успевшее от них убежать мирное население, гонялись за небольшими русскими конными отрядами и все-таки не могли, например, овладеть прочно ни одним населенным пунктом. Краснокутск они разорили и часть сожгли, но должны были отойти от него, жителей частью перебили, а часть

(женщин и детей) увели и где-то бросили умирать на морозе. Не только Краснокутск, но и Олесня сопротивлялись до последней возможности, и все жители с женщинами и детьми были перебиты, в плен шведы тут не брали, убили решительно всех, кто попал им в руки. Погибло так и население ряда других пунктов вроде местечка Рашевки, где население еще до прихода вооруженных отрядов из армии Шереметева нападало на шведов с оружием в руках.

Мазепа ни на шаг не отходил от короля и присутствовал при всем этом особенно зверском, исключительно неистовом опустошении страны. Он, конечно, ни в малейшей степени не препятствовал всему, что творил его новый хозяин. В полнейшем провале своих планов, в том, что народная война ведется не против русских, а против шведов, Мазепа к этому времени, т.е. к февралю 1709 г., был уже окончательно убежден. Из попытки сношений с Петром в связи с предложением гетмана нечаянным нападением захватить Карла и, похитив его, доставить в царский лагерь, ничего не вышло. Тогда оставалось одно лишь: терроризовать Украину и, обострив этот террор, принудить ее наконец перейти на сторону шведов.

Мазепа знал, что его лично ждет в случае победы России, и поэтому не было у украинского народа зимой и весной 1709 г. более неумолимого, смертельного врага, чем старый бывший гетман. Не следует забывать и того, что у Мазепы оставалась еще одна надежда, тем более сильная, что она была последней: он ждал со дня на день восстания Запорожской Сечи, запорожцы были последним резервом мазепинцев. А если так, то приманить их к измене можно было легче всего, обещая им богатые милости и широкие возможности воспользоваться всем имуществом горожан и сельского населения Украины, которые останутся верными России. Террор шведский, до таких неслыханных размеров зверства обострившийся в январе — феврале 1709 г. на Слободской Украине, должен был явиться как бы началом общего террора, который собирались направить весной изменники-запорожцы против населения Гетманщины. Это восстание тесно связывалось у Мазепы и запорожского кошевого Константина Гордиенко с чаемой и ожидаемой ими победой шведского короля. Спокойная суеверная убежден-

ность Карла XII в конечном успехе действовала на окружающих. Ведь Мазепа жил исключительно в ближайшем окружении короля, садился за королевский стол с генерал-майором Спарре, который был заблаговременно намечен в коменданты («губернаторы») города Москвы.

Такова была среда, в которой жил изменник-гетман в последние месяцы перед Полтавой.

Жесточайшее народное сопротивление, которое встречали шведы буквально на каждом шагу между Котельвой, Краснокутском, Коломаком и Рублевкой, побудило Карла к проявлениям такой истинно зверской жестокости, какая всегда была ему свойственна, когда он встречал серьезный отпор. Сжигались деревни, убивали все не успевшее бежать население. 11 февраля он пошел к Коломаку и между Краснокутском и Городней натолкнулся на отряд генерал-лейтенанта Ренне. Произошло кровопролитное столкновение, не весьма удачное для шведов. Русские бились с особенным ожесточением, вызванным в них возмущенными чувствами: ведь отряд Ренне видел испепеленные деревни и валявшиеся всюду по дорогам трупы убитых или замерзших крестьян, их жен и детей. Враг был отброшен с потерями обратно в Краснокутск, сам король, который хотел остановить бегущих, чуть не был взят в плен. Ренне затем отошел со своим маленьким отрядом. Потери шведов были гораздо значительнее, чем у русских, вопреки лживой шведской реляции, трубившей о победе.

16

Сражение между Краснокутском и Городней еще уменьшило и без того сильно тающую шведскую армию. По шведским позднейшим подсчетам, армия Карла в момент начала похода ранней весной 1708 г., когда он стоял в Сморгони и Радашкевичах, была равна 35 тыс. человек. Затем, в октябре 1708 г., Левенгаупт привел к нему уцелевших после битвы при Лесной 6700 человек. Следовательно, у него должно было бы оказаться 41 700 человек. Конечно, он успел уже к октябрю испытать потери, но не такие чудовищные, как затем зимой. Ранней весной 1709 г., после скитаний по Слободской Украине (по

шведским подсчетам), у Карла XII осталось всего меньше половины этого числа, 19 тыс. человек с небольшим, если считать чисто шведскую по своему национальному составу регулярную армию. Если летом 1709 г. у короля под Полтавой оказалось (перед боем) 30—31 тыс. человек, то это объясняется прибытием части запорожцев, приведенных их кошевым, изменником Константином Гордиенко, а также наличием волохов и других нерегулярных отрядов.

Вопрос о прибытии подкреплений стал, в сущности, уже в марте 1709 г. вопросом жизни или смерти для шведской армии.

Доходили до Петра в феврале 1709 г. слухи, что Карл «послал указы во все свои города и в Лифляндии», чтобы собрать все военные силы у всех гарнизонов и, как только настанет весна, идти «доставать Петербурга». Но едва ли эта весть могла в тот момент показаться Петру очень устрашающей. Сам Карл с лучшими, отборными своими войсками (т.е. с той частью их, которая еще уцелела) был в топях и болотах Слободской Украины, должен был выводить людей, лошадей, обоз из области, которая уже в ближайшем будущем оказалась затопленной разлившимся половодьем, — а без него брать Петербург было бы предприятием еще более, очевидно, невозможным, чем была бы попытка сделать это при нем¹²⁴. Но откуда ждать подкреплений? О подкреплениях из Швеции нечего и думать. Ждать Станислава Лещинского с какой-то мифической, несуществовавшей большой польской армией было нелепо, никогда бы он и до Днепра не дошел, если бы даже у него была армия, ему повинующаяся, чего никогда не было, и если бы он осмелился дать ей приказ о походе в Россию, чего уж никак и случиться с горемычным «королем» не могло.

Но в шведском лагере еще многие верили в приход поляков. Верили солдаты, потому что привыкли слепо верить Карлу, а Карл громогласно утверждал, что ждет прибытия Лещинского с большой армией. Верили льстецы и приспешники, окружавшие Карла, вернее, притворялись, будто верят. Генералы посерьезнее, конечно, не верили. Граф Пипер, первый министр, не верил нисколько. «Армия находится в неописуемо плачевном положении», — писал Пипер жене перед Полта-

вой. Письмо дошло до Стокгольма, когда сам Пипер уже был в плену.

Крейц, Левенгаупт и генерал-квартирмейстер Гилленкрок разделяли тревоги и пессимистические предчувствия министра Пипера. Но путей к спасению они не указывали, в сущности, никаких. Идти к Днепру, остановиться за Днепром и там ждать поляков — дальше премудрость даже самых осторожных советчиков в окружении Карла XII не шла. Но советчики опоздали: их план уже стал весной 1709 г. неисполнимым. До Днепра можно было бы еще пробраться или, точнее, *продраться* сквозь русские войска, уже стоявшие по Днепру именно в ожидании бегства шведов к Днепру с востока или на случай попыток поляков подойти к реке с запада. А затем шведов ждала в Правобережной Украине не менее, если не более жестокая народная война, не говоря уже о том, что по пятам за ними шла бы второе сильнейшая армия Шереметева.

Спасения для шведского войска уже весной 1709 г., в сущности, не было никакого, и вопрос лишь шел о том, где и в каком виде постигнет зарвавшегося агрессора конечная катастрофа. Видел это и царь. Карлу как-то показали перехваченное письмо Петра к королю польскому Августу. Царь предлагал Августу вторгнуться из Саксонии в Польшу, так как шведская армия (писал Петр) почти уничтожена и Карл уже никогда в Польшу не явится. Прочтя это письмо, Карл, по собственным своим словам, от всей души расхохотался. Хохотал он от всего сердца, *herzlich*, как об этом писал бывший при нем немец Сильтман. Веселый, неудержимый королевский хохот раздавался в ставке как раз в те дни, когда шведская армия шла со всем обозом, направляясь через Опошню в Великие Будищи на Полтаву.

Бродя от Краснокутска к Коломаку, оттуда повернув к югу и юго-западу, к Яковцам, к Великим Будищам, к Жукам и Полтаве, Карл XII, видя продолжающееся отступление отдельных отрядов русской армии и совершенно превратно истолковывая этот факт, решил, что он настолько прочно владеет Украиной, что вправе наказывать своих новых подданных за попытку сопротивления. Войдя в Олесню (Олешню) 11 февраля 1709 г., генерал-майор Гамильтон просто перебил несколько сотен че-

ловец и затем ушел, сжегши местечко до основания. Это он мстил жителям Олешни за то, что они, вооружившись чем попало, отчаянно оборонялись от большого шведского отряда, и четыре полка долго не могли ничего с ними поделать. Ворвавшись наконец в Олешню, шведы убедились, что никакого русского гарнизона там не было и что с ними так яростно сражалось гражданское население. Сожгли и деревню Рублевку (17 февраля). Женщин и детей уводили на смерть, бросая их в степи, по свидетельству одобряющего это Адлерфельда, за то, что мужчины, уходившие при приближении врага, осмеливались стрелять по шведам. Карл шел к югу, проходя восточной полосой Южной (Слободской) Украины. Он по-прежнему был полон своих завоевательных фантазий. Любопытный разговор Карла с Мазепой передает нам Адлерфельд, бывший, как всегда, с королем.

Дело было в Коломаке, крайнем восточном пункте Слободской Украины. Подходили туда 13 февраля. «Коломак расположен на границе Татарии, — авторитетно объясняет Адлерфельд... — и старый Мазепа, который со своими казаками участвовал в этой экспедиции, хотел польстить (*voulut faire la cour*) королю, рядом с которым он ехал на лошади, принося ему поздравление с его военными успехами и говоря ему по-латыни, что уже находятся не более, как в восьми милях от Азии. Его величество, который прекрасно знает географическую карту, ответил ему с улыбкой: «Но географы не соглашаются» (*Sed non conveniunt geographi*), и это замечание заставило немного покраснеть этого доброго старика (*ce qui fit un peu rougir ce bon vieillard*)»¹²⁵. Но Адлерфельд совершенно напрасно поспешил похвалить короля за знание географии, в которой, впрочем, и сам автор был не силен. Из другого источника мы знаем, что лживая лесть «доброго старика» Мазепы была воспринята вполне серьезно Карлом. Король немедленно приказал генерал-квартирмейстеру Гилленкроку разузнать (*zu erkundigen*) о дорогах, которые ведут в Азию. Гилленкрок ответил ему, что Азия отсюда очень далека и что достигнуть ее по этой дороге вовсе нельзя. «Но Мазепа мне сказал, — возразил Карл, — что граница отсюда недалеко. Мы должны туда пройти, чтобы иметь возможность сказать, что мы были также

и в Азии». Гилленкрок ответил: «Ваше величество изволите шутить и, конечно, вы не думаете о подобных вещах серьезно?» Но Карл тотчас возразил на это: «Я вовсе не шучу. Поэтому немедленно туда отправляйтесь и осведомитесь о путях туда». Гилленкрок поспешил пойти к Мазепе, который немало испугался, когда услышал о словах короля, и сознался, что он сделал свое замечание лишь из любезности (*nur aus Galanterie gemacht habe*), и предложил свои услуги тотчас пойти к королю, чтобы навести его на другие мысли». Гилленкрок «предостерегающе» сказал Мазепе: «Ваше превосходительство отсюда можете видеть, как опасно шутить таким образом с нашим королем. Ведь это господин (*ein Herr*), который любит славу больше всего на свете, и его легко побудить продвинуться дальше, чем было бы целесообразно»¹²⁶.

Весь этот инцидент очень характерен. Вдумаемся в обстоятельства, при которых шел этот разговор. Начинается та необычно ранняя (в середине февраля) весна со своими безбрежными разливами, которая явилась для шведской армии новым бедствием после долгих морозов. Шведы бродят и кружат по Слободской Украине, уже окончательно разуверившись в сочувствии украинского населения и мстя за это страшными избиениями и прямым разбоем, которого все-таки до той поры в таких размерах не было, убийствами первых встречных, поджогами, уводом на явную смерть от голода и холода женщин и детей. Вокруг — начинающееся колоссальное наводнение, и неизвестно, как вывести армию к Полтаве, которую нужно взять, чтобы оттуда идти завоевывать Россию и брать Москву, — а вождю этой армии приходит счастливая мысль: еще до взятия Полтавы, Москвы и завоевания России — завернуть в Азию, которая так кстати случилась тут, всего в восьми милях расстояния от Коломака.

Коренная ошибка, постепенно губившая Карла и наконец столкнувшая его в пропасть — полное, до курьеза непонятное презрение к силам Петра и его армии, — сказывалась теперь, после всех тягчайших испытаний и переживаний зимнего похода, не меньше, а еще больше, чем прежде. Все мелкие стычки с русскими, когда русские уходили, все исчезновения русской

конницы после внезапных ее налетов на шведские отряды принимались всерьез королем как блестящие, бесчисленные, ежедневные «победы». Кто хочет вникнуть в это состояние духа шведского короля и его штаба, должен дать себе труд прочесть терпеливо, страницу за страницей, обоих верных спутников и летописцев короля Карла — Адлерфельда и Нордберга. Выходит какое-то сплошное триумфальное шествие по Слободской Украине. Русские разбиты! Русские перебиты! Русские не отважились! Русские испугались! У русских убито триста, а у нас (шведов) всего два! и т.д. без конца. Петр и Шереметев, как и в течение всей войны после победы под Лесной, сознательно избегали больших боевых столкновений, приказывали отступать, уклоняться от боя, продолжая почти непрерывно тревожить шведов нападениями и моментально исчезая после выполнения задания.

Разлив рек, необычайно бурный в эту весну, надолго прервал сколько-нибудь крупные военные операции, но деятельность партизан и «поиски» небольших отрядов продолжались неустанно и очень успешно: «а и ныне легкие наши партии при помощи божией непрестанно всякими мерами поиск чинят и, что день, языков берут, так же вчерашнего дня за Пслом 2 капитанов от пехотных полков Левангоптова (sic. — *Е.Т.*) да Маффельтова живьем взяли, а прапорщика убили»¹²⁷, — так пишет в начале апреля Шереметев царю.

Когда случалось, что завязывалось столкновение покрупнее, вроде, например, боя у Городни, где именно русские довольно жестоко разбили шведов, то дело изображалось так, что вся беда произошла оттого, что шведы слишком пылко преследовали беглецов, а те вдруг оборотились назад и причинили неожиданную неприятность своим преследователям. Но потом королю докладывали о новых «победах» над 150, или 200, или 300 русскими кавалеристами, которые напали на кого-то, а потом, увидя приближающийся шведский отряд, «панически» бежали, — и снова все казалось хорошо этому маниакально упрямому человеку, который совершенно не сознавал, в какой тупик он завел себя и своих солдат и как, в сущности, безвыходно его положение.

Не следует также удивляться и тому, что Карл всерьез поверил, будто Азия находится где-то между городами Коломаком на Украине и Харьковом.

К науке и книгам Карл всегда относился с глубоким равнодушием, а иногда и с снисходительной иронией. Став самодержцем пятнадцати лет от роду, он от бога вверенной ему властью объявил свое учение оконченным.

А Мазепа боялся одного: как бы граф Пипер, Гилленкрот, Левенгаупт — все люди с головой — не убедили Карла, что нужно уходить за Днепр, там основательно пополнить оскудевшую армию людьми, артиллерией, боезапасами и лишь со временем, принудив Станислава Лещинского привести к Киеву польское войско, возобновить наступление. Мазепа знал, что для него уход Карла за Днепр еще хуже того, чего он боялся и чего хотел избежать в самые первые времена своей измены, когда он желал поскорее отправить Карла в Белгород, Курск, Дорогобуж, подальше от Украины. Идя на восток или хотя бы оставаясь на Украине, Карл прикрывал Гетманщину и оттеснял от нее русских, тогда как, уходя на запад, за Днепр, шведы предоставляли Левобережную Украину и ее население в полную власть русского командования. Поэтому, правильно поняв сумасбродное славолубие короля Карла и невежество его во всем, что касалось русской географии, Мазепа хотел, действуя на его воображение, увлечь его заманчивыми разговорами об Азии и об Александре Македонском.

17

Пока король после неудачного плана прорыва через Ахтырку и Богодухов бродил со своей обмерзающей армией по обледенелым равнинам Восточной Украины, в отместку за народную войну жег деревни, жег Краснокутск (Красный Кут), беседовал с Мазепой об Азии, — русские нападали на брошенные им там и сям и лишенные всякой поддержки маленькие шведские отряды и истребляли их. Так, 14—15 февраля 1709 г. был отчасти перебит, отчасти обращен в бегство отряд барона Генриха Альбедилья и сам Альбедиль взят в плен. Выйдя в марте из района наводнения, которое залило весь бассейн Коломака

и нижней Ворсклы, и уже находясь в Будищах, близ Полтавы, Карл очень характерным для него образом подвел в письме к сестре итоги пережитым ужасам этой неслыханно жестокой зимы, погубившей несколько тысяч солдат уже и до того сильно растаявшей шведской армии. Писал он своей сестре Ульрике Элеоноре в последний раз из Могилева 4 августа 1708 г., так что теперь, 31 марта 1709 г., он как бы давал ей краткий отчет о всем пережитом за эти страшные восемь месяцев, и он посвящал этой осени и зиме следующие невероятные строки: «С армией здесь обстоит дело очень хорошо, хотя до сих пор бывали некоторые утомительные дела (*fattiger*), как обыкновенно бывает, когда неприятель стоит близко. Кроме того, холод был очень большой, и много людей у неприятеля и у нас замерзли или отморозили себе руки, ноги и носы. Но, несмотря на это, все-таки эта зима была веселой зимой (*sa har dhenna vintrn ända varit een rolig vinter*)». И Карл поясняет дальше, в чем было веселье этой «веселой» зимы: «Хотя сильный холод причинял вред, но все-таки от времени до времени (мы. — *Е.Т.*) находили развлечение (*förnöijelsen*) в том, что шведские разъезды часто имели небольшие дела с неприятелем и причиняли неприятелю потери, хотя и враг иногда к нам подкрадывался, чтобы захватить пленных, и только один раз за всю зиму он напал на квартиры, где стоял полковник Альфендель (Карл так неправильно называет Альбедиля) с драгунским немецким полком, и (Альбедиль. — *Е.Т.*) был взят в плен»¹²⁸. Мы видим, во что превратился тут рассказ об одном из самых мучительных и убийственных зимних походов, какие только знает история Европы.

Карлу прекрасно известно, как уменьшилась и ослабела его армия, он не может не видеть, что подмога от Станислава Лещинского очень проблематична, наконец, понимает, что он в самой глубине русской земли, лишен всякой связи с Швецией и окружен врагами. Но он беспечен и спокоен, и русские, и война с русскими для него предмет для «развлечений» и препровождения времени...

Конечно, очень много тут следует отнести и к сознательному притворству. Карлу должно было казаться не только неполитичным, но прямо опасным в тот момент открытое при-

знание серьезности положения. И он напускал на себя веселый, бодрый, беспечный вид.

Но медленно и неуклонно стягивались русские войска с северо-востока в направлении на юго-запад за уходящими из Слободской Украины к Полтаве шведами.

В эту беспокойную в Запорожье зиму 1709 г., следя из Нежина за происками изменника Гордиенко и его присных, гетман Скоропадский слал невеселые вести. «Дозорцы» Скоропадского узнали, что запорожцы встретились в Перекапе с прибывшим туда новым ханом и уже с ним «вступати начинают [в] трактаты». А причина одна: «прелестная хитрость изменника Мазепы». Донося об этом Меншикову, Скоропадский не скрывает создаваемых возможной изменой запорожцев препятствий к «победного над неприятелем поиску». Но тут же Скоропадский успокаивает царя тем, что в самой Запорожской Сечи «их же чернью запорожской» нынешний кошевой был низвержен и от атаманства отставлен, хотя он действует заодно со старшиной «во всякой злобе ему согласуечею»¹²⁹. Этот документ подтверждает лишний раз, что социальные низы, проще — малоимущая часть запорожцев, в противоположность зажиточным и политически влиятельным слоям не поддерживала измены.

В удачном русском «поиске» в Опошне 29 января был убит шведский комендант, убито и ранено шведов 53 человека, а русские потери были равны 28 человекам. Удаляясь после этого дела, русские увели с собой освобожденных ими в Опошне 52 человека¹³⁰.

Это было первое столкновение под Опошной. Шведы вернулись в Опошню тотчас после удаления русских. Второе более серьезное дело под Опошной произошло, как увидим далее, уже в мае 1709 г., в дни осады Полтавы. Теперь же при начавшейся в середине февраля сильной оттепели и разливе рек действовать «большим корпусом» было невозможно, но Меншиков писал Петру, что «малыми партиями (неприятелю. — *Е.Т.*) докучать не оставляем», и особенно при переправе через реки Ворсклу, Мерлу русские отряды учиняют такую тревогу, что принуждают шведов бросать гру-

женые телеги и переправляться вплавь. А иногда топят даже и пушки и амунизию¹³¹.

Систематическое опустошение Восточной Украины завершилось тем, что, уходя из Коломака в Колонтаево 15 февраля, по приказу короля шведы сожгли Коломак, Хуры, Лутище, Коплуновку, Красный Кут, Городню, Мурахву и перебили или увели оттуда жителей¹³².

Карл двинулся опять к Опошне и оттуда по направлению к Полтаве. Туда же, конечно, собрался и его генерал Крейц, стоявший в Лохвице. Шереметев надеялся отрезать его от «главного войска», т.е. от Карла¹³³. Сделать это не удалось, но разбить один отряд (драгунов Альбедиля) он успел.

А крымское татарское правительство в начале февраля 1709 г. еще более, чем Гордиенко со своей изменнической старшиной, колебалось и склонно было выжидать и высматривать.

Секретный агент («дозорца») Скоропадского, сидевший в Переволочной, извещал его, что Иван Шугайло со своими запорожцами «еще никакого утеснения» «людям тутошним» (т.е. «государевым») не чинят. Но перекопский койманан уведомил запорожцев о прибытии хана. А хан просит «наискоря» давать ему сведения «о поведении швецком и московском». Кроме этой, ровно ни к чему не обязывающей просьбы, татары ничего ясно и точно не написали кошевому. Но посланцы койманана были зато очень щедры на устные посулы и говорили: «а мы все готовы, — *совсем только того не пишут* (курсив мой. — Е.Т.), что подлинно и мы с вами пойдем». Но все это изустно утвердило и укрепило запорожцев, что «мы де на шведа не пойдем, а на Москву с охотою рады то чинить». Выслушав татарских посланцев, кошевой собрал раду и «домогался у войска, чью имеют сторону держать». И все, кроме одного казака, «дали слово держать сторону швецкую и Мазепину». Это решение рады и было послано хану, «что все конечно имеют ставши посполу с ними, ордою, при Мазепе Москву воевать»¹³⁴.

Излагая письмо кошевого к крымскому хану, копия которого была переслана в Переволочную, «дозорца» пишет: «Прочее куплементом заключено». Этими «комплиментами» обменивался кошевой Гордиенко и с ханом крымским и со старшиной в Переволочной. Переволочная была по своему географи-

ческому положению важным стратегическим пунктом в том случае, если бы пришлось считаться с переходом запорожского войска или хотя бы некоторой части его на сторону изменников.

12—13 февраля началось внезапное, принявшее обширнейшие размеры, наводнение. Мы знаем из шведских источников, в какое трудное положение попали шведы, которых наводнение застало на берегах Коломака и которые оттуда взяли направление на Опошню. Наши документы уточняют: «О неприятеле доносил я вашей милости, — пишет Меншиков царю из Богодухова 22 февраля, — каким оной (неприятель. — *Е.Т.*) образом и с каким убытком бегучи до Опошни чрез 2 реки плыл». Но и действия русских были сильно затруднены: «Нам с сей стороны силными партиями неприятелю ничего чинить невозможно понеже воды кругом нас обошли». Меншиков стал в Богодухове, а генерала Ренне он отправил с четырьмя полками в Котельву, откуда шведы ушли, разорив крепость, но не успев выжечь дворы. Так все залито водой, а что не залито, так разорено, что и «нам движения никакова и знатного поиску над неприятелем чинить невозможно». Но очень большая разница была между положением шведов и положением русских. У Меншикова была возможность, хотя все «весьма голодно», «разложитца с конными и пехотными полками около сих мест (Богодухова. — *Е.Т.*) и около Харкова для лутчаго довольства в провианте». И князь надеется, что, поустроившись, все-таки можно будет «под неприятеля... легкие посылать партии хотя вплавь»¹³⁵.

Такие документальные свидетельства лучше всего иллюстрируют, до какой степени русское отступление не переставало быть активным, несмотря ни на какие трудности.

«Этот поход был очень тягостен для пехоты, которая была постоянно в воде, а равнина, по которой проходили, походила в некоторых местах на озеро... Особенно артиллерия встрети-лась с бесконечными трудностями на этой дороге, вследствие чего его величество приказал сжечь большое количество бесполезных телег, то есть тех, которыми войска пользуются для перевозки припасов»¹³⁶, — со скорбной иронией пишет Адлер-

фельд, готовя читателя к неприятному сообщению о битве под Рашевкой.

14—15 февраля 1709 г., согласно приказу Шереметева, генерал Бем со своими четырьмя драгунскими полками и двумя батальонами преображенцев внезапно ударил на шведов, стоявших в местечке Рашевке, и перебил почти весь шведский конный полк, отбив до 2 тыс. лошадей, причем командир Альбедиль был взят в плен.

Русские потери были, однако, довольно велики и в глазах Петра не оправдывались результатами. Зачем тратить людей, да еще таких, как преображенцы, когда основная цель уже намечена и неприятель оттесняется постепенно к югу, к Ворскле, где его ждет со временем генеральный бой?

В прямую противоположность Карлу XII, который решительно ничего не щадил для эффекта, для возможности порисоваться личной храбростью и лишний раз заявить о молодецком налете, о бегстве врага и т.д., даже если никакого полезного стратегического результата этот успех дать не мог, Петр терпеть не мог подобных проявлений лихости без определенной цели.

Обстоятельное донесение об удачном деле у местечка Рашевки Шереметев отправил Петру только 28 февраля, т.е. через 13 дней после события, происшедшего 15-го числа. В Рашевке стоял драгунский полк под начальством командира Альбедилья. Русская победа была полная. Драгунский полк был почти полностью истреблен, а командир взят в плен. Но вследствие разлива рек Шереметев решил отойти за Сулу¹³⁷.

Но атаковать город Гадяч Шереметев не нашел возможным ни до, ни после дела под Рашевкой. Перейдя 17 февраля через реку Сулу и войдя в Лохвицу, Шереметев оказался лицом к лицу с очень сильным соединением генерал-майора Крейца. Притом лошади у Шереметева были очень уж заморены («сфатигованы») тяжкими переходами. Население Лохвицы радовалось приходу русских: «Как с войском сюда я пришел, то малороссийский народ пребывающий около сих мест стал быть зеле благонадежен, и не токмо казаки, но и мужики к поиску над неприятелем збиратца начали»¹³⁸.

Подобно тому как в украинском народе с первых же шагов осенью 1708 г. провалилась измена Мазепы, так точно тоже с первых шагов и совершенно безнадежно провалилась весной 1709 г. измена запорожского кошевого Константина Гордиенко и пошедшей за ним части запорожцев. И этот провал на юге Украины запорожских изменников является особенно показательным с точки зрения характеристики настроений украинской народной массы.

В самом деле. Несколько тысяч запорожцев в конце февраля, в марте и начале апреля 1709 г. рассеялось по городам и селам Южной Гетманщины и больше всего на Полтавщине и по нижнему течению Днепра. Русские главные военные силы были еще сравнительно далеко, охраняли Ахтырку и боролись в Восточной Слободской Украине. Петр с Шереметевым после Веприка не знали точно, где Карл снова попытается совершить прорыв дальше на восток, по белгородскому или какому иному направлению. Князь Д.М. Голицын был занят охраной Киевщины и всей Правобережной Украины, куда ждали Лещинского и шведский отряд генерала Крассова. Гетман Скоропадский охранял более близкие к Днепру части Гетманщины, так что некоторое время запорожцы, опираясь на постепенно приближавшуюся к Опошне и в направлении к Великим Будищам шведскую армию, были во многих местах Полтавщины хозяевами положения. Их было тогда несколько тысяч человек, если не все восемь, о которых говорят некоторые источники, то тысячи четыре (цифра, даваемая лазутчиком Шереметева). Они бесчинствовали, жестоко грабили деревни, грабили «городки», но не достигли решительно ничего. У нас есть хорошо иллюстрирующий это документ.

В начале апреля 1709 г. Шереметев послал с «листами» в Кобеляки и другие «города» казака Герасима Лукьянова, который, благополучно вернувшись из своей опасной командировки, привел фельдмаршалу любопытные сведения о запорожцах-изменниках: «Всех запорожцев с кошовым ныне слышал он, с четыре тысячи человек, и из тех половина с ружьем, а другая половина ружья не имеет, и жалованья они от короля

шведского по сие число не бирали ничего, только на станциях у жителей берут хлеб и всякий харч силою, и хозяевам ни в чем воли нет». По-видимому, даже в этот допотоповский период и еще до разорения Запорожской Сечи запорожцы стали понимать отчаянное положение, в котором они оказались, поставив свою жизнь на такую сомнительную карту под влиянием своего «Кости»: «А с которыми казаками он Герасим был и вместе пил, то между ими слышал, также и ему сказывали про свою братью, что их в такую погибель ввел кошовый и привел к шведу, а король де им ничего не дает; также и в Сече им быть нельзя, для того что по сей и по той стороне Днепра московские войска, и где им с тем кошовым быть не знают. А которые казаки вышеписанных мест жители давные, и те говорят, что они к шведу приставать не будут и за христианство свое помрут» и уйдут от шведа при первой возможности: «а когда будет летнее и удобное время, то они все пойдут к московскому войску»¹³⁹. Эти коренные («давные») жители смотрели на запорожцев не только как на предателей и изменников, но и как на беспощадных грабителей и расхитителей их личного и общественного имущества, и, кроме ненависти и мести, запорожцы ничего не могли ждать от окружающего населения, так же как и их новые союзники и друзья шведы.

Показания Герасима Лукьянова относятся к 4 апреля 1709 г.

Сношения Карла XII с атаманом запорожских изменников шли через Мазепу и Орлика. Карл требовал в апреле 1709 г., чтобы Гордиенко, кошевой атаман, прислал ему подкрепление в 1000 человек, очевидно, в дополнение к тем запорожским силам, какие уже в конце марта примкнули к шведам. Гордиенко писал Карлу о полном своем согласии уже из Новых Сенжар 16 апреля 1709 г.¹⁴⁰. По показанию Бориса Куракина, у Константина Гордиенко («Кости») было до 6 тыс. человек, когда он перешел на сторону Карла¹⁴¹. Значит, в апреле переписка шла о присылке седьмой тысячи. По другим показаниям (например, лазутчика Лукьянова, посланного Шереметевым), запорожцев у Карла XII в апреле 1709 г. было не 6 тыс., а всего 4 тыс. Есть показания, доводящие общее количество запорожцев, собравшихся («подбившихся») в лагерь Карла под Полтавой в мае — июне 1709 г., до 8—9 тыс. человек. При громад-

ной «текучести» этого состава очень понятны такие колебания в цифровых показаниях разных свидетельств: в разное время в шведский лагерь приходили различные по силе группы и отряды запорожцев. После уничтожения Сечи число бежавших к Карлу XII запорожцев, конечно, очень значительно возросло.

О том, чем кончилась запорожская изменническая авантюра, речь будет дальше.

19

Уже в 20-х числах марта 1709 г., по совершенно согласным показаниям семи казаков, захваченных в разное время, когда они ездили за провиантом, Меншиков знал, что король и Мазепа стоят в Будищах, знал также, какие приблизительно силы неприятеля находятся в окрестных деревнях, но точной численности шведской армии ни эти захваченные люди, ни добровольные «выходцы» сообщить русскому командованию не могли¹⁴².

Уйдя из Коломака, Карл пошел к Полтаве, которая лежит несколько западнее Коломака (и близ впадения в Ворсклу той же речки Коломак, на верховьях которой был расположен городок этого имени). Предполагалось, что Полтава плохо укреплена, вероятно, не очень задержит дальнейшее победоносное движение шведского «Александра Македонского» вперед, к новым лаврам, ждущим его на востоке.

Подойдя к Полтаве, Карл немедленно лично произвел первую рекогносцировку. Результаты ее были самые отрядные. Валы невысоки, укреплений, достойных этого названия, нет вовсе, а есть какой-то деревянный забор и наскоро возведенные пристройки. Значит, даже с оставшейся у шведов очень слабой возможностью артиллерийского огня Полтаву можно принудить к сдаче, грозя ей штурмом после некоторой артиллерийской подготовки. Можно и без артиллерийской подготовки взять город, не тратя снарядов.

Ни Карл, ни Реншильд, ни Левенгаупт, по-видимому, не вникли серьезно в тот факт, который едва ли мог все-таки остаться им неизвестным при всей недостаточности шведской

разведки. Мы имеем в виду не только присутствие Шереметева в Хороле и Голтве, к западу от Полтавы, гарнизоны в Миргороде, в Лубнах, в Переяславле, в Прилуках, в Нежине, но также и расположение Скоропадского у реки Псел и на Днепре близ устья реки Псел, по правую ее сторону. Если кем-либо из окружающих Карла приближенных было правильно учтено зловещее значение сосредоточения крупных русских сил к *западу* от шведской армии, то, вероятнее всего, графом Пипером и Гилленкроком. Становилось ясно, что риск ведущейся опаснейшей игры усиливается с каждым днем. Когда Гилленкрок и Пипер так взволновались внезапно загоревшимся желанием Карла под влиянием разговора с Мазепой разведывать из Коломака пути в «Азию», когда они убеждали короля не об Азии думать, а уходить за Днепр и там, но не иначе, как там, дать армии отдохнуть и соединиться с подкреплениями из Польши и Швеции, то они уже явно беспокоились, как бы поскорее уйти, пока еще возможно. Теперь, когда шведская армия вернулась из бесполезной прогулки к Ахтырке, потом к Краснокутску, потом к Коломаку, куда ее водил король, и когда она расположилась лагерем у полтавских валов, дело изменилось к худшему в глазах Пипера и других штабных сторонников отступления к Днепру и за Днепр. Теперь шведам пришлось бы преодолевать не только речные преграды — Псел, Сулу, Днепр, — но и с боем проходить через Украину, наталкиваясь авангардом на отряды Шереметева, Скоропадского и подвергаясь на арьергарде налетам казаков и регулярной конницы.

Ранней весной 1709 г. Петр получил сведения, будто неприятель намерен уходить через Днепр к Белой Церкви. В этом случае фельдмаршалу Шереметеву рекомендуется тревожить шведов при переправе и нападать на их арьергарды: «Ежели неприятель пойдет за Днепр, то возможно будет на переправе над задними неприятельскими войсками знатной промысел учинить». А если шведы откажутся от мысли уйти за Днепр, то фельдмаршалу надлежит расположиться около полков Миргородского, Полтавского и Лубенского, между Ворсклой и Сулой. И пока не пройдет весенний разлив рек и будет еще невозможно действовать «стройною конницей и пехотой», то

надлежит действовать нападениями небольших отрядов: «чрез легкие партии неприятелю докучать»¹⁴³.

Из этого создаваемого русской тактикой окружения, то невидимого, то дающего себя знать, движущегося с тыла, спереди, слева параллельно с наступающей к югу шведской армией, Карлу XII уже выбиться не пришлось. Покинув Гадяч и Ромны, шведам уже не удалось с той поры, т.е. с середины декабря 1708 г., занять ни одного пункта, сколько-нибудь напоминающего город. Пока держалась зима, с половины ноября 1708 г. до половины февраля 1709 г., пока нужно было затем спасать себя и свой обоз от гибели при раннем и небывало бурном разливе рек и таянии снега, начиная с 14—15 февраля, в течение второй половины февраля, всего марта и апреля 1709 г., до той поры не время было думать о больших военных предприятиях.

Но вот пригрело весеннее солнце, и вопрос о том, где и зачем будет вестись дальше эта война, самая тяжелая для шведской армии, какие вел до сих пор Карл XII, стал перед шведским полководцем и его штабом и не получил исчерпывающего ответа.

Где воевать? На Украине, конечно. Не ждать же решения дела от Любекера, который сам был стеснен, отброшен еще в августе 1708 г. и ничего не мог поделать с ингерманландским русским корпусом. И не в Польше, разумеется, где Станислав еле держался на престоле и держался только потому, что шведский отряд, оставленный там, его поддерживал. Да и то его уже начали понемногу колотить сторонники Августа. Но чтобы воевать на Украине, чтобы создать себе на Украине сколько-нибудь надежный тыл, необходимо было завладеть хоть одним из нескольких укрепленных пунктов, которые давно готовились к вторжению шведов и при деятельном участии населения заградились земляными валами и рвами. Самым скромным и по размерам, и по богатству из этих пунктов была Полтава. Но ведь даже взятие Полтавы вовсе не разрешало вопроса: можно ли будет, взяв Полтаву, двинуться дальше, на Белгород, на Харьков, на Москву? Ведь в русских руках останутся, не говоря уже о Киеве, Нежин, Чернигов, Переяславль, и если даже удастся сразиться в открытом поле и победить,

это не устранит для русских возможности поправить и пополнить разбитую (если она будет разбита) армию и отступить к Харькову.

Но если еще в середине сентября 1708 г., послав сначала Лагеркрону с авангардом, а потом двинувшись 16 сентября со всей армией в Северскую Украину, Карл отказался от самой для него соблазнительной мысли идти на Смоленск — Можайск — Москву и отказался потому, что знал о разорении всей смоленской дороги и понимал, что, не дождавшись Левенгаупта с обозом, нельзя было идти этим путем, моря армию голодом, тем менее было оснований теперь, в начале апреля 1709 г., считать возможным идти на далекий восток с его редкими деревнями по дороге, которая, конечно, будет опустошена и «оголожена» не хуже смоленской, и идти в страну, если только это мыслимо, еще более враждебную, чем Украина. Разорение и полный разгром Запорожской Сечи снова показали, что у сторонников Мазепы никакой поддержки в народе нет. Бежавших после разгрома и скитавшихся по Украине запорожцев население убивало или представляло русским военным властям.

Однако, если не идти на Белгород и Харьков, то куда же идти? Отказаться от мечтаний о Москве Карл XII все еще не хотел. А если Реншильд, Пипер, Гилленкрок, Левенгаупт так слабо с ним спорили, то не потому, что они считали еще возможным успешный поход на восток, но, по-видимому, потому, что у них самих не было готового плана. Ждать внезапного появления польской выручки, которую приведет Станислав Лещинский? Но откуда он ее приведет? Правобережная Украина с Киевом и Белой Церковью во главе решительно отвернулись от Мазепы, а как правобережные украинцы встретят вторжение поляков, об этом очень красноречиво напоминало имя возвращенного Петром из ссылки Палия, старого казацкого вождя, освободителя Правобережной Украины от насилий польской шляхты.

Были еще мечтания о крымских татарах, о турецкой помощи. И татарам и туркам агенты из Стокгольма рассказывали очень много о блестящей победе «великого короля» над Россией, доказательством чего было продвижение шведской ар-

мии так далеко на юг. Но турецкие и крымские эмиссары вочию видели, что Карл со своей сильно уменьшившейся армией сдавлен географически Днепром и Ворсклой, а стратегически — русскими силами: на востоке — армией Шереметева, а с запада, откуда дорога через Киев, грозят вооруженные силы Д.М. Голицына. Эти эмиссары из Константинополя и Крыма видели, что им даже и добраться-то до шведских стоянок, затерянных где-то между Ворсклой и Днепром, очень нелегко. Это сопряжено с риском, с ухищрениями и приключениями, и что Карл XII, осадивший в апреле 1709 г. Полтаву, сам начинает несколько походить на осажденного.

Уходя из Слободской Украины, Карл переночевал с 17 на 18 февраля в Рублевке, которую при выходе приказал сжечь, и 19 вошел в Опошню. Но здесь шведы чувствовали себя очень беспокойно, русские налеты учащались. Король перенес свою главную квартиру южнее, в Великие Будищи, куда и прибыл 3 марта и куда стала стягиваться вся шведская армия. Но и в Будищах Карл оставался недолго. Он перебрался еще южнее и туда же стал направлять армию: к деревне Жуки, а затем и к городу Полтаве.

Безвыходность положения Карла постепенно начала становиться более или менее ясной именно в Польше. В Стокгольме хоть и беспокоились отсутствием сколько-нибудь обстоятельных известий, но в победу верили. А в Польше и особенно в Литве усилилось всегда там бывшее «шатание» в лагере Лещинского. Подскарбий Поцей сообщил Меншикову, что Вишневецкие его уведомили о своем намерении перейти на сторону России в «многие хорунгви войска Литовского с собой привести», если им обещано будет прощение. И уже «многие хорунгви» к нему, Поцею, явились от них¹⁴⁴.

Голод и болезни донимали в эту холодную весну и шведов и русских. До русского командования доходило, что у шведов до трех тысяч больных ложится на 20 «недополненных» полков, которые у них остались. Разлитие рек, непросыхающая земля, отсутствие медицинской помощи косили людей. Болел в эту тяжелую весну Петр, болел очень тяжело и Меншиков от лихорадки и каких-то еще «скорбей», довольно загадочных по наименованию, но, по-видимому, широчайше распространив-

шихся («февра», «горячка» и еще какой-то «брух»). Убыль больными русские могли восполнять из своих неисчерпаемых людских резервов, но шведы ниоткуда пополнений не получали¹⁴⁵.

В апреле уже вся армия шведов была у валов и палисадов Полтавы. К ней прибавилось несколько тысяч запорожцев, но зато произошла чувствительная убыль в той части шведской армии, которая была особенно ценна по своим боевым качествам: из состава «природных» шведов, числившихся еще недавно в регулярных полках, около 2 тыс. лежали больные, и лечить их было нечем. Скитания сначала в сугробах Слободской Украины в обстановке беспощадной народной вражды, без крова, без отдыха, среди безлюдных деревень, при свирепой стуже, а потом нестерпимо трудный долгий путь в весеннее половодье от Краснокутска к Коломаку, оттуда опять к Краснокутску, затем к Опошне, к Будищам, к Жукам — сильно сказались на здоровье злополучных шведских «завоевателей», когда они наконец стали постепенно приближаться к валам Полтавы, роковому месту, где их сторожила полная гибель.

20

Подходя к Полтаве, Карл почувствовал необходимость пополнить поскорее людскую убыль в своей армии. Он стал опять возлагать фантастические надежды на приход польской помощи. Его ставленник, Станислав Лещинский, еле держался на польском престоле. Этот злополучный шляхтич, случайно приглянувшийся в 1704 г. Карлу XII и никому в Польше не ведомый перед своим «восшествием», никак не мог бы, даже если бы серьезно этого хотел, собрать значительную армию в Польше, где, как острили в Европе, половина страны его не признавала, а другая половина не повиновалась. Только ничего не понимая ни во всей структуре, ни во внутреннем состоянии этой страны, Карл мог ждать, что поляки захотят и осуществят завоевательный поход на Россию в помощь и в дополнение к походу шведскому. Если Август II плохо в свое время помогал русским, притом имея за собой, кроме Польши, еще свое наследственное богатое Саксонское курфюршество, то уж

Станислав Лещинский совсем никак не помог Карлу XII, не имея за собой ровно ничего, кроме признавшей его польской партии, еще хуже повиновавшейся, чем повиновались Августу II его подданные до низвержения его Карлом XII. Петр, впрочем, и тут не хотел предоставить дело случаю. Он велел генералу Гольцу продвинуться в Литву не только затем, чтобы занять обсервационную позицию против шведского отряда генерала Крассова, которого тоже ждал и не дождался Карл, но и затем, чтобы поддержать движение приверженца России коронного гетмана Сиявского и литовских магнатов, выступивших как раз в зиму с 1708 на 1709 г. против Станислава Лещинского. Этот Сиявский, замечу кстати, после Полтавы окончательно и повсеместно был признан «гетманом коронного войска». После появления посланного Петром Гольца в пределах Речи Посполитой и спустя месяцы после начала движения Сиявского Карл все еще не хотел удостовериться в провале надежд на приход польской подмоги.

Король со своей главной квартирой уже был в Будищах, в 18 километрах от Полтавы. Придя в Будищи, Карл шлет в марте 1709 г. сначала одно письмо, а потом вдогонку и другое Станиславу Лещинскому. Он выражает «нетерпение» поскорее узнать, где именно находится посаженный им польский король, и тут же высказывает уверенность, что и Лещинский тоже, несомненно, любопытствует, где пребывает его верный друг и благодетель. Оказывается, что королю Карлу XII живется превосходно: «Я и вся моя армия — мы в очень хорошем состоянии. Враг был разбит, отброшен и обращен в бегство при всех столкновениях, которые у нас были с ним. Запорожская армия, следуя примеру генерала Мазепы, только что к нам присоединилась. Она подтвердила торжественной присягой, что не переменит своего решения, пока не спасет своей страны от царя». Все эти крайне отрадные известия Карл сообщает своему ставленнику вполне уверенным тоном. Но, переходя дальше к извещению о том, что будто бы и крымский хан идет на помощь, шведский король усваивает себе тон более осторожный: «По-видимому, татарский хан ободряет казаков в этом смысле письмами и посылкой доверенных лиц, *par des exprès affidés*». Ясно, что Мазепа не мог сообщить Карлу насчет по-

мощи из Крыма ничего, кроме довольно туманных и голословных посулов. А впрочем, какое же письмо короля Карла когда-либо кончалось иначе, чем самой бодрой фанфарой? «Положение дел привело к тому, что мы расположились на стоянке здесь, в окрестностях Полтавы, и я надеюсь, что последствия этого будут удачны»¹⁴⁶.

Это было, судя по дошедшей до нас информации, последнее письмо от Карла, которое получил Станислав из «окрестностей Полтавы». Следующее известие уже было получено польским королем от какого-то польского капитана, принесшего ему первое сообщение о полтавской катастрофе, о гибели или плене всей шведской армии без остатка и бегстве раненого Карла в турецкие степи.

«Победоносный Карл уже на Ворскле, у Полтавы! Завтра он будет владыкой Днепра!» — восклицали восторженные хвалители шведского «Александра Македонского» весной 1709 г., когда граф Пипер и Гилленкрок ломали себе голову, просто не зная, что придумать, чтобы убедить короля поскорее уносить ноги в Польшу, пока еще есть некоторый шанс спастись.

В неисчерпаемой сокровищнице отдела «Rossica» нашей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина есть любопытная немецкая листовка, не подписанная, но явно происходящая из Саксонии или Силезии. Это — восторженная ода в стихах на четырех печатных страницах.

Одописец в крайне несовершенных, но проникнутых восхищением виршах приносит чувство благодарности и преданности королю Карлу XII от имени... реки Днепр, не более и не менее. Автор считает уже Россию разгромленной, а Украину прочно завоеванной. Река Днепр «уверяет» короля, что русские уже трепещут на берегах реки и готовятся бежать при приближении героя. Русские будут прогнаны до Черного моря и там утоплены! Днепр мечтает: «Да поднимется во мне уровень воды от русской крови!»¹⁴⁷ Пусть великий король получит на Днепре державное обладание, а шведский солдат пусть вознаградит себя сокровищами! И т.д.

Эта листовка очень характерна. Если Мазепа мечтал для Украины о польском вассалитете, то вся сочувствующая Карлу протестантская Германия полагала, что Украина будет от-

ныне и во веки веков принадлежать королю «шведов, готов и вандалов», великому Карлу, которого тот же Днепр горячо хвалит тут же за «избавление Одера от ига католических попов».

Столь пылкие, истинно лютеранские немецко-шведские чувства одушевляют «реку Днепр», вспоминающую тут с восхищением, как Карл XII заставил в 1706 г. австрийского императора изменить в австрийской Силезии церковное законодательство в пользу протестантов.

Можно без преувеличений сказать, что гибельный для шведов по последствиям зимний поход 1708—1709 гг. на Украину, поход в самом деле очертя голову, увлек не только Карла XII, но и многих шведских, и немецких, и (в меньшей степени) французских историков, и они принялись взапуски восхищаться «гениальнейшим» планом шведского короля. Трудно вообразить себе, что пережила шведская армия в этот зимний период войны, который начался в ноябре 1708 г. от берегов Десны и окончился в апреле 1709 г. на подступах к Полтаве. Все предположения Карла оказались грубо ошибочными, все его надежды разлетелись одна за другой, как мыльные пузыри, все его стратегические расчеты в это время просто поражали своим легкомыслием его генералов, с которыми он перестал совещаться. Мазепа, человек несравненно более осторожный и опытный, теперь старался внушить королю, что хорошо бы отойти к Днепру и затем идти к югу более безопасно вдоль Днепра. Но нет! Карл считал, что, отступая к западу и идя к югу, к Киеву, более западной дорогой, чем та, по которой он шел к Полтаве, он теряет шанс завоевать всю Левобережную Украину. И с непреодолимым упорством, которое было основной чертой Карла XII, он шел раз избранной дорогой.

В апреле 1709 г. при страшной распутице шведы уже постепенно, частями, стали подходить к Полтаве, и после нескольких верховых поездок около крепости в первых числах апреля Карл быстро решил, что взять эту плохо, на его взгляд, укрепленную цитадель не будет стоить особого труда.

И все-таки, когда в начале апреля 1709 г. началась осада Полтавы шведской армией, эта армия оставалась хоть и ослабленной, но еще могучей, а Карл XII — грозным противником.

Так казалось и дипломатам и государям Европы, так представлялось и многим в окружении Петра.

Характерно, что уже с самых первых дней после открытия измены Мазепы в украинском народе не было никаких колебаний, и украинцы по-прежнему всей деревней покидали жилища и убегали в леса при первом же слухе о приближении шведов и мазепинцев. Вот показание казака Прожиренока о том, как повели себя жители его деревни в конце октября 1708 г., т.е. буквально тотчас же после открытого перехода гетмана в шведский лагерь: «Когда де шведы в деревню оную Дехтяревку пришли и ис той деревни он и прочие все жители с женами и с детьми выбрались на сю сторону реки в лес»¹⁴⁸. На Украине, стране менее лесистой, чем Белоруссия, шведы ломали дома в деревнях и строили из этого материала мосты для перехода через водные преграды. Пойманных крестьян шведы мучили, вымогая признание, где спрятан хлеб и другие продукты. Из Ямполья бежали все жители города еще раньше, чем им было указано первое пристанище в городе Севске.

Приближаясь к Стародубу, шведы имели еще лишний случай убедиться, что население, по земле которого они идут, настроено к ним враждебно и прибегает к наиболее губительной для агрессора форме народной войны. Шведы прислали в Стародуб воззвание, предлагая населению оставаться в домах своих и *продавать* шведской армии хлеб. Но русский народ в «крепкой и великой надежде» не покорился врагу: «Как пришли драгуны к Стародубу и мужики из деревень все убежали по лесам також и в городу»¹⁴⁹. И крестьяне и горожане оказались вполне единодушны в нежелании иметь с врагом какие бы то ни было отношения, кроме вооруженной борьбы.

В полное опровержение показаний обоих шведских летописцев похода и утверждений основывающихся на них историков наши архивные документы категорически настаивают на том, что шведы жестоко разоряли русскую землю и жгли города с первых же дней вторжения, а не только впоследствии, когда мстили Украине за провал мазепинского предприятия.

Стародубовский край, один из первых на Северской Украине, куда вступили шведы, подвергся сразу же самому жестокому разорению. «Подлинно в малороссийских городах наших

имеет пустошить и разорять в его полку Стародубовском много деревень волохи огнем и мечем разорили, а под Мглином несколько корнет шведских» привели в смятение народ своими зверствами, а Мглин «шведы огнем пожгли и совсем разорили, которое место от Стародуба за двенадцать миль обретается». И это шведы творили близ Стародуба, который они, еще выходя из Могилева, намечали как прочную, удобную, зажиточную первую стоянку на северской стороне. Ясно, что хотя разорять и жечь города здесь было бы для шведской армии решительно невыгодно, но сдержать голодных солдат (а после потери Левенгауптом обоза под Лесной они питались очень плохо) было никак нельзя. На эти грабежи и поджоги население отвечало усилением народной войны¹⁵⁰.

Карл XII поощрял и узаконивал все, что творили его солдаты над мирным населением Белоруссии и Украины. Капеллан Нордберг, сопровождавший короля в походе и оставивший ценные в известном смысле воспоминания, был очень доволен, когда Карл XII вешал украинских крестьян, и находил, что эти поступки доказывают, до какой степени король «любил правосудие». Вольтер с возмущением цитирует рассказ Нордберга о том, как король велел казнить крестьян по подозрению, что кто-то из них «увел» какого-то шведа. Этот Нордберг — типичный фельдфебель в рясе, смесь придворного льстеца с грубым и наглым ландскнехтом. Он настолько возмутил Вольтера своим лицемерным и омерзительным ханжеством, что знаменитый философ задает ему ядовитый вопрос: не думает ли елейный придворный проповедник шведского короля, что «если украинские крестьяне могли бы повесить крестьян Остготии (Швеции. — *Е.Т.*), завербованных в полки, которые считают себя вправе прийти так издалека, чтобы похищать у них их пропитание, их жен и их детей, то духовники и капелланы этих украинцев тоже имели бы право благословлять их правосудие?»

Эта специально к русским применяемая жестокость шведских войск, конечно, вполне соответствовала уже отмеченному в другом месте упорному и до курьеза непонятному чувству пренебрежения, проявлявшемуся всегда и при всех обстоятельствах Карлом.

В Белоруссию и на Украину пришли под предводительством Карла XII такие захватчики, которые уже наперед были убеждены, что они навсегда останутся тут господами людей и хозяевами земли. И шведы с особенным зверством мстили Белоруссии и Украине за народную войну, которую они тут встретили и которая так могущественно содействовала их конечной гибели на оскверненной ими русской земле.

Чем более слабела главная, «дефектная» часть шведской армии, т.е. артиллерия, а она слабела с месяца на месяц, по мере движения от Сожа к Ворскле, тем тягостнее для шведов становилось деятельное участие крестьянского и городского населения в национальной обороне. Ведь это участие невоенного элемента удваивало, утраивало, а иногда и удесятеряло численность гарнизона, рывшего окопы, строившего палисады, копавшего рвы вокруг укреплений. Всякий, как выражаются наши документы, «замок», т.е. просто каменный дом, огражденный стеной или валом и рвом, превращался в своего рода цитадель, сильно задерживавшую шведов.

Тратить боеприпасы, порох и ядра для непрерывной в течение многих часов бомбардировки укреплений шведскому командованию было просто невозможно, значит, приходилось брать голодом или вовсе снимать осаду. Шведские историки укоряют иногда Карла XII, недоумевая, как это у него, «гениального» вождя, все-таки не хватило гениальности, чтобы воздержаться от убийственного зимнего похода?

Эти укоры позднейших западных военных историков показывают, что они продолжают не понимать русской народной войны так же точно, как не понимал ее на свою беду восхваляемый ими герой. Ведь Карл и его штаб, начиная с Реншильда, очень хорошо соображали, что лучше отсидеться на теплых стоянках, поотдохнуть, подождать Станислава с поляками и уже тогда, в начале лета, после того как просохнут дороги и кончатся разливы, идти дальше — на Смоленск — Можайск — Москву или на Белгород — Харьков — Москву, или измыслить на зимнем спокойном и теплом досуге вместе с генерал-квартирмейстером Гилленкроком какой-нибудь еще третий вариант. Король и из Могилева вышел не потому, что твердо знал, куда именно идти, но потому, что уже совсем твердо

знал, что на месте нельзя оставаться. Уже в Могилеве он видел, что в этом разоренном и полувыжженном городе оставаться трудно, что при вечных налетах русских казаков и другой нерегулярной конницы и скудости в окрестностях фуражировки армию не накормить. Значит, нужно идти дальше. А когда дальше обнаружилось, что впереди жители убегают в леса, закапывают хлеб, когда оказалось, что не убежавшие жители являются русскими лазутчиками и наблюдателями, тогда пришлось идти дальше и дальше, потому что поворачивать назад было еще хуже и опаснее. Разве предвидел Карл, что его армии придется ночевать на снегу, в открытом поле, так, как, например, было после кровавой осады Веприка и после бесполезного скитания около Ахтырки, которую так и не пришлось ни взять, ни даже осадить? Если бы король знал, что он будет со своей армией скитаться по этим замерзшим равнинам от одного обгорелого пожарища до другого, то он даже и из Могилева не ушел бы и переждал бы там осенние белорусские ненастья, и ранние заморозки, и все эти зимние месяцы. Жестокое мероприятие шведов только побуждали крестьян к образованию летучих партизанских отрядов, истреблявших отсталые партии шведского арьергарда, а иной раз даже нападавших на отряды в 100—200 человек. Конечно, пощады захватчикам после всех их неистовых злодеяний обыкновенно не оказывалось. Но и не всех убивали: приводили пленных, от которых потом удавалось узнавать ценнейшие данные о состоянии шведской армии и ее передвижениях. Очень важную роль в добывании нужных сведений играли также раскаявшиеся казаки-мазепинцы, как, например, из той небольшой группы, которую 24 октября 1708 г. привел Мазепа в лагерь Карла XII, так и из тех запорожцев, которых несколько позже соблазнил кошевой Гордиенко в самой Сечи.

Казаки-перебежчики — мы это знаем не только из их слов — были из числа тех, кого Мазепа увлек обманом, сообщив им, куда он их привел, лишь в тот момент, когда уже ровно ничего нельзя было поделать и всякое немедленное отступление грозило смертью. Не всем, желавшим тогда же уйти, удалось бежать от обманувшего их изменника. Да и в Запорожской Сечи у Гордиенко не все шло гладко, когда он соблазнял на измену.

Обнаруживалось оппозиционное течение против кошевого. Тут, конечно, еще опаснее было проявить слишком явственно свое нежелание идти за шведами и Мазепой, и немало людей пошло за Гордиенко страха ради. А когда шведское начальство стало на них, как мы это знаем документально, взваливать самые тяжелые работы (например, по рытью подкопов от шведского ретраншемента под полтавские укрепления), то к укорам неспокойной совести прибавилось еще раздражение против нового начальства, нежелание примириться с положением рабов (своих солдат шведы щадили и избавляли их от этих земляных работ).

Эти перебежчики в русский лагерь, люди военные, хоть и не привыкшие к порядкам регулярной армии, доставляли очень важные сведения русским властям.

Наиболее достоверные сведения о катастрофическом положении некоторых частей шведской армии зимой 1708 г. доставляли именно крестьяне, а не взятые шведские «языки», которые «таили» при допросах. «Такоже доношу, государь, вашей князьской светлости, о неприятельских людех... многие помирают и больных премного. В три дня в Бубнах померло 25 человек. Тутошние мужики сказывают, а языки взятые — таят», — доносит Ушаков Меншикову 24 ноября 1708 г.¹⁵¹.

21

На шедшие отовсюду вести о жестокостях армии агрессора Петр отвечал указаниями и напоминаниями о том, как вообще шведский король и его армия относятся к русскому народу и как всегда относились, обращаясь с русскими пленными с неистовой свирепостью, которую не проявляли к пленным других национальностей. «Мы... никогда подданным его мучения никакова чинить не повелевали, но наипаче пленные их у нас во всякой ослабе и без утеснения пребывают и по христианскому обычаю содержатся». А в полную противоположность этому «король шведский наших пленников великоросийского и малоросийского народа... у себе мучительски держит и гладом таить, и помирати допускает», и не соглашается ни на какой размен, «хотя оное от нас, по христианскому обычаю,

сожалел о верных своих подданных, многократно предложено есть». Петр не голословен: он приводит факты, безусловно точные, засвидетельствованные и иностранцами. Он вспоминает, как после своей победы под Фрауштадтом (в 1706 г.) «взятых наших в полон великороссийского народа ратных людей генералы (короля шведского. — *Е.Т.*) на третий день после взятия... тиранским образом... посечь и поколоть повелели» и истребили тогда действительно всех, да еще очень мучительным способом. Вспоминает Петр и другие вполне точно доказанные поступки (именно только с русскими пленными), которыми развлекался время от времени Карл XII. «А иным нашим людям, взяв оных, он, король шведский, им палцы у рук обрубить и тако их отпустить повелел». Было и так, что во время похода в Великопольше, когда король «на часть одну малороссийских войск, в Великой Полши бывших, напал и оную розбил», то они (побежденные) «видя изнеможение свое, оружие положя, пощады от него просили», но он, король «в ругательство сему малороссийскому народу», приказал их всех перебить, и именно бить палками до смерти: «немилосердно палками, а не оружием, до смерти побить их повелел». Петр поясняет, почему он напоминает об этом Украине: «как [и] ныне в нескольких деревнях многих поселян, *несупротивляющихся* ему, с женами и детьми порубить повелел»¹⁵².

Задолго до открытой измены Мазепы его племянник Войнаровский со своими казаками еще до появления неприятеля жестоко грабил поляков, дружественных России, и Петр неоднократно писал об этом Мазепе. Он дважды требовал, чтобы Мазепа распустил эту беспокойную ватагу по домам, с тем чтобы они были готовы к весне, когда шведы могут пойти на Киев, а то «зело жалуютца поляки на войск маророссийских, которые под командою племянника вашего Венеровского (*sic.* — *Е.Т.*), а особливо в грабеже добр графа Денова...»¹⁵³. Некоторые из этих казаков Войнаровского так и не встретились с шведами вплоть до октября 1708 г., когда вместе со своим начальником Войнаровским и гетманом Мазепой перебежали к Карлу XII.

Со своей стороны Петр энергично защищал украинское население от каких-либо притеснений со стороны русских войск.

В документах, как опубликованных, так и остающихся еще в рукописях, неоднократно встречаются решительные указы Петра и его генералов, запрещающие какие бы то ни было незаконные поборы с населения, рубку лесов без прямого официального приказа и т.д. Петр грозит за нарушение этих приказов самыми суровыми карами, особенно офицерам, которым грозит отдачей под военный суд за попустительство или участие в этих правонарушениях. Иногда в указах поминается «для устыжения» даже имя начальника воинской части, где замечено незаконное нарушение солдатами интересов местного населения. Так подверглось такому публичному осуждению, например, имя С.П. Неплюева, которому поставлены в вину не только грехи «войск наших великороссийских», которые берут у жителей хлеб и сено и производят потравы лошадьми и рубят лес в Глухове и Глуховском уезде, но также и обиды, которые чинят обывателям «проезжие люди». Другими словами, русское военное командование требовало, чтобы «в селах и деревнях малороссийского народа» население чувствовало, что войска великороссийские не только не будут обижать его, но являются защитниками порядка и безопасности от любого вора и лихого человека¹⁵⁴.

Петр жестоко преследовал грабеж украинского населения, которому иногда предавались отдельные казаки и кое-кто из регулярной армии. Когда случился такой грех в Ромнах, то велено было «офицеров (по розыску. — *Е.Т.*) казнить смертью во страх другим, а рядовых буде меньше 10 человек, то казнить третьего, буде же больше 10 человек, то седьмого или девятого. Также накрепко розыскать о главных офицерах, не было ль от них позволения на тот грабеж»¹⁵⁵. Иногда эти эксцессы солдат объяснялись тем, что некоторые обыватели навлекли на себя подозрение в симпатиях к изменнику Мазепе.

Повторными, всюду рассылаемыми указами Петр грозил солдатам наказанием, а офицерам отдачей под военный суд за «своевольное» отбирание у жителей хлеба и всякой живности. Особенно это отмечается, когда солдаты «малыми частями» и без офицеров проезжают через деревни и местечки.

Такие указы обыкновенно упоминают конкретно, в каком именно местечке или какой деревне произошли такого рода предосудительные действия¹⁵⁶.

Одним из самых вредоносных и опасных для шведов очевидных следствий народной вражды к ним в Белоруссии и Украине было то, что как только шведы покидали город, деревню, местность и шли дальше, устремляясь к своим далеким и фантастическим целям, почти тотчас же эти только что покинутые места занимались или русскими войсками, или вернувшимися из лесов и далеких селений укрывавшимися от шведов жителями. Всякая связь армии с невраждебным миром тем самым пресекалась. Правило Карла не заботиться об обеспечении тыла, а стремиться к быстрейшему покорению страны, которая целиком должна превратиться в питательную базу для армии, это правило, которое было ясно по его кампаниям в Польше и Саксонии, здесь было совсем неприменимо. И здесь, в Белоруссии и Правобережной Украине, как в Северной земле, так и в Гетманщине, Карл, конечно, понимал, что прочный, укрепленный тыл был бы великим благом, но сил и возможностей для этого абсолютно не было. Это с тревогой давно уже заметили и шведский командный состав и солдаты. Едва только, например, шведы ушли из Ромен, русские сейчас же заняли Ромны. Не успели шведы оставить Гадяч, как вернулись жители Гадяча и привели с собой русский отряд. «Шереметев подошел ближе к реке Псел, в окрестностях Краснополя, со всей пехотой, и он же занял гарнизоном Гадяч, непосредственно после ухода шведов, так что мы оказались окруженными со всех сторон врагами, а это вызвало необычайную дороговизну припасов», — пишет в своих поденных заметках участник нашествия Карла XII Адлерфельд, употреблявший слово «дороговизна» вместо слова «скудость»¹⁵⁷.

В шведском лагере после занятия Ромен, а затем Гадяча отдавали себе отчет в том значении, которое приобретала Полтава как желательный ближайший пункт, где можно было бы надеяться наконец оправиться и отдохнуть.

Мазепа посылал воззвания из Ромен в Полтаву и к запорожцам («запорогам»), склоняя их перейти на сторону шведов¹⁵⁸. В этот первый месяц после раскрытия измены Мазепы

русское командование, удостоверившись, что «посполитые» казаки и землеробы преданы России, очень мало доверяло старшине, полковникам, бунчужным, войсковым писарям и пр. и старалось придержать в районе расположения русских войск семейства таких лиц¹⁵⁹. Народ беспощадно разорял дома изменников, ушедших к Мазепе. Такой участи подвергся и дом лубенского полковника и других.

С первых же дней водворения шведской главной квартиры в Ромнах начали поступать сведения о грабежах, чинимых неприятелем. Король с фельдмаршалом Реншильдом, первым министром Пипером, генерал-квартирмейстером Гилленкроком стояли в городе Ромнах, генералы Лагеркрона, Круус, Штакельберг — в окрестных деревнях, так что все бесчинства происходили прямо перед глазами всего шведского начальства вопреки утверждениям шведских хвалителей Карла XII, ссылающихся снять с него личную ответственность за издевательства над русским населением: «И где есть неприятели стоят и чинят великое разорение, скот и платье берут без купли и сапоги також, у которых казаков находят ружья, ломают незнамо для чево и насилие чинят над женским полом, а где застанут жителей, положено с двора по быку и по четверти ржи»¹⁶⁰, — так писал Ушаков 23 ноября Петру.

Тут следует пояснить слова «без купли». Как мы сказали, шведы местами, отчаявшись в целесообразности одних только мер прямого насилия и грабежа, предлагали населению плату за отбираемое добро. А уходя из занятого места, отнимали полностью деньги, которые успели уплатить. Но в Ромнах, как видим, даже и такую «куплю» шведские оккупанты сочли совершенно излишней церемонией.

Воззвание («объявление») от шведского воинского комиссариата «к жителям Малороссии» приглашало население «только бы они жили в своих домах покойно з женами и детьми и со всеми их пожитками» и никуда бы не убегали («без побегки и безо всякого страху»). Жителям предлагалось продавать шведам «сколько можно запасу». Но если посмеют укрываться («в лесах себя с своими пожитки ховать») или вообще вредить («оружием якую бы шкоду чинили»), то за это жесточайше будут наказаны, и все у них будет отнято «беспла-

тежно и до конца разорены будут». В воззвании (как и во всех прочих, выпущенных шведами) говорилось о несправедливости войны России против Швеции и т.д.¹⁶¹. Ни малейших результатов эти воззвания не имели, по признанию самого неприятеля.

Воюя в чужой и очень враждебно настроенной стране, шведам не удалось с самого начала вторжения поставить разведку сколько-нибудь удовлетворительно. Да и как это было сделать, если ни обеспеченного близкого тыла, ни связи с далеким тылом, хотя бы с Литвой, если не с Польшей, у Карла XII не было, никаких гарнизонов он расставлять уже не мог, хотя бы и хотел? После Лесной и в особенности после двухнедельного вынужденного бездействия в Костеничах шведская армия, теряя отсталых, которых истребляли крестьяне, шла, окруженная со всех сторон невидимым, но внезапно показывающимся и дающим себя чувствовать врагом. Сзади нее свободно шел, тревожа ее арьергард, но сам никем не тревожимый Боур; впереди — перед шведами — проходила кавалерия Меншикова и пехота и конница генерала Инфланта, опустошая местность, с левого фланга чувствовалось постоянное присутствие основных сил Шереметева, с правого фланга тревожили наезды и поиски, посылаемые Меншиковым.

Шведы узнавали о событиях с большим опозданием. Они еще шли к Стародубу, не зная, что русские войска генерала Инфланта уже заняли его. Они не уразумели, что если бы Мазепа в самом деле был вождем восставшего против России украинского народа, а не авантюристом, спешившим поскорее укрыться под крылышко шведов, то ему вовсе незачем было являться, чтобы лично отрекомендоваться Карлу XII, а нужно было, собрав преданное ему казачье войско (если бы оно у него было), всеми силами защищать Батурин с его громадными артиллерийскими и пищевыми запасами и уже там, отбросив Меншикова и Голицына с их слабым отрядом, поджидать перешедшего через Десну короля с его армией. Но ничего этого шведы вовремя не узнали и не сообразили. И плач Мазепы на реках вавилонских, когда он узнал о полном уничтожении Батурина, о чем повествует спустя тринадцать лет Орлик в сво-

ем письме к Стефану Яворскому, был единственной реакцией гетмана на этот грозный, непоправимый удар.

Казаки, ушедшие с Мазепой к шведам, не годились даже для разведок, хотя кому бы, казалось, и взять на себя эту роль, как не им, местным жителям, владеющим языком? Но нет, вызывавшиеся на это дело уходили и никогда не возвращались, и неизвестно было почему: потому ли, что их убивали крестьяне, или потому, что они предавались на сторону Москвы.

А русское главное командование, напротив, в течение всей войны было постоянно осведомлено, в общем, довольно быстро и точно жителями сел и деревень.

«Сего моменту два мужика русских у меня явились, которые объявили, что они были в полону. А взяты под Каробутовым и ушли из Ромна 17 дня и при них был в Ромне Мазепа и 3 регимента шведских, и все из Ромна вышли, якобы идут к Гадячу», — доносил Шереметев царю 19 ноября 1708 г.¹⁶²

Таким образом, это важнейшее известие было доставлено бежавшими из Ромен крестьянами. Собирались целые группы добровольных разведчиков: «...малороссийский народ, пребывающих около сих мест, стал быть зело благонадежен, и не токмо казаки, но и мужики к поиску над неприятелем собираться начали»¹⁶³, — писал Шереметев царю из Лохвицы 20 февраля 1709 г.

Русское командование уже 4 декабря (1708 г.) знало из показания явившегося к генерал-поручику Ренне казака Андрея Степаненко, что «гадицкий мужик» Федор Дегтяренко сообщил о военном совете, бывшем у шведов в Гадяче, и о том, что ждут приезда короля Карла и Мазепы и населению приказано «изготовить» яловиц, баранов «по восьми тысяч» и всякого провианта¹⁶⁴. Яловицы и бараны остались праздным шведским мечтанием. Но показание о приезде короля с армией из Ромен в Гадяч было совершенно правильно.

В конце декабря неприятель некоторое время из Гадяча не двигался. «А поход свой остоновили шведы для великого морозу», — доносили и «мужики», и специально подосланные лазутчики¹⁶⁵. Пришли также сведения, что и в Гадяче, куда шведы доставили из Ромен свой обоз, также «с хлебом нужда».

Декабрьские морозы этой исключительной по суровости зимы ничуть не охлаждали, однако, рвения участников народной войны, и они сами часто просили русское командование указать, где и к какому отряду войск им лучше бы всего было пристать. «Притом же вашей светлости доношу, — писал Ф. Шидловский из Миргорода А.Д. Меншикову 13 декабря 1708 г., — сего малороссийского народу, как вижу (вижу. — *Е.Т.*), собралось бы немалое число, только не х кому прихилится (*sic.* — *Е.Т.*), не изволишь-ли, ваша светлость, миргородского полковника отпустить, чтобы они к нему збирались. А зело б их много собралось, хочай же и не вскоре бы они были нам потребные, еднак бы они знали, что их противу неприятеля требуют»¹⁶⁶.

Народные выступления против шведов и мазепинцев продолжались неослабно и дальше, весной и летом этого решающего года.

Так казаки Чугуева составили «партию» в 250 человек и, врасплох атакованные 27 апреля (1709 г.) изменниками-запорожцами, одержали полную победу, изрубили до полутораста изменников и в плен взяли 29 человек¹⁶⁷. Карл был от Чугуева далеко, но шайки изменников-запорожцев были близко, и жители Чугуева делали патриотическое дело, истребляя их так успешно и организованно. Подобное же удачное для партизан-казаков дело произошло спустя месяц под Ереским¹⁶⁸.

Посполитые крестьяне и казаки окрестностей Полтавы принимали живое участие в налетах, жестоко тревоживших лагерь осаждающих. Карл XII негодовал на свое войско за то, что оно недостаточно зорко и энергично борется против этой серьезной беды: «Король Карл, видя партии войск царского величества не только на его стороне реки Ворсклы, но и внутри станции войск его чинимые въезды и убийства, причитал в несмотрение и оплошность своему генералитету, угрожая впредь ежели таковые въезды войск московских явятся, за несмотрение судом военным и положенными по тому суду казнями», — читаем в записях Крекшина под 27 апреля 1709 г.

Настроение народа вокруг Полтавы оказалось таким же, как и в остальной Украине.

В Полтавщине еще в конце XIX в. сохранилось название «побиванки» за курганами, в которых были похоронены шведские солдаты, перебитые украинскими партизанами. Очень характерна эта традиция, двести лет передававшаяся от отца к сыну.

ГЛАВА IV

Осада Полтавы

1

Военные действия под Полтавой начались осадой шведами города в апреле 1709 г. и окончились полным разгромом и уничтожением всей шведской армии отчасти в сражении, происшедшем 27 июня 1709 г., отчасти же сдачей остатков разгромленного шведского войска на милость победителей под Переволочной 30 июня того же года, т.е. через три дня после боя.

Мы рассмотрим в естественной хронологической последовательности оба эти события: осаду и сражение, занявшие такое место в скрижалях истории Европы.

Оба события были логическим завершением завоевательного шведского нашествия на Россию, концом долгой, ожесточенной военной борьбы двух сильных противников. Эта схватка была для них обоих борьбой не на жизнь, а на смерть, и разница была лишь в том, что Петр I это сознавал вполне, а Карл XII не понимал и все думал, что, какой ни будет исход, дело всегда может еще быть пересмотрено.

Уцелевшая Полтава должна была для Карла стать опорным пунктом, откуда, поотдохнув и, может быть, дождавшись Лещинского с его поляками и генерала Крассова с его шведами, возможно будет двинуться дальше, на Белгород, Харьков и Москву. Вместе с тем Полтава должна была сыграть ту роль,

которая предназначалась Батурину и которую, после быстрой и полной гибели Батурина, не могли сыграть ни Ромны, ни Гадяч. Хлебная, плодородная, с великолепными пастбищами Полтавщина должна была дать и обильную пищу, и спокойное, удобное пристанище, и отдых людям, и кормежку исхудалым, как скелеты, лошадям. Конечно, Карл не предвидел, что город, который, как он в конце апреля категорически утверждал, сдастся ему по первому требованию без боя, будет сопротивляться больше двух месяцев, что эта осада истребит последние скудные запасы пороха в шведском обозе, усеет трупами все подступы и город все-таки не сдастся. Но, раз начав осаду, Карл уже не видел выгоды и даже возможности отойти от принятого им плана.

Петр, с другой стороны, усмотрел в Полтаве то место, где целесообразнее всего пожать наконец плоды жолкиевской стратегемы, т.е. попытаться с наибольшими шансами на успех нанести врагу сокрушительный удар, прекратить отступление, так долго длившееся, и дать бой, которого так давно жаждал зарвавшийся противник. Для Карла осада Полтавы была так же предрешена его долгими тщетными поисками необходимого ему прочного лагеря и опорного пункта, как для Петра длительная губительная для шведов прикованность армии Карла к валам Полтавы показалась тем подходящим моментом, когда наконец возможно было покончить с ослабевшим «страшилищем», девять лет грозившим России разорением и порабощением.

Попытка шведов отбросить русскую армию от Ворсклы не удалась. 11 апреля 1709 г. Меншиков донес царю об обстановке в таком виде: 4 тыс. шведов и 3 тыс. запорожцев переправившись через Ворсклу, напали на русскую кавалерию генерала Ренне, стоявшую под Сокольской. Атака была отбита, и шведы стали уходить за Ворсклу назад «в великой конфузии», и тут при их переправе Сибирский и Невский полки ударили на шведский арьергард. Потери русских исчислялись в 60 человек, а шведы потеряли полковника и 800 рядовых, кроме «потопных» в Ворскле¹. Карлу XII пришлось думать об осаде Полтавы под нависшей угрозой с левого берега реки.

Политическая и стратегическая необходимость того, чтобы непременно взять Полтаву, была окончательно доказана и внушена Карлу Мазепой. Он, как всегда, взяв на себя роль истолкователя перед королем всех чаяний и ходатайств запорожцев, привел такой довод: кошевой Гордиенко обещает собрать большую армию из очень населенной Полтавщины и всей Южной Украины, если король вытеснит русских из Полтавы и возьмет город, потому что только в таком случае появится возможность подхода этой будущей армии к Запорожью и сообщений между разными частями «дружественных» шведам вооруженных сил.

Но такой тонкий искуситель, как Мазепа, знал, чем можно особенно подействовать на этого «любовника бранной славы», чтобы заставить его не уходить из-под Полтавы. Вот что пишет не отлучавшийся от короля Нордберг, перед которым «запорожцы» (т.е. Мазепа) излагали свои аргументы: «Эти доказательства пришили по вкусу (королю. — *Е.Т.*), в особенности (подействовало. — *Е.Т.*) обнаруживаемое этими людьми беспокойство по поводу превосходства неприятельской армии. Чтобы внушить им мужество и доверие, король сам отправился к Полтаве, которую и осадил некоторою частью войск. В то же время он дал приказ перебросить в Соколке мост через Ворсклу»².

Мы видим, что Мазепа одновременно успел затронуть самолюбие короля, который продолжал по всякому поводу выражать свое полное пренебрежение к русской армии, и этот добавочный мотив (о запорожцах) получил, кроме того, серьезное чисто политическое значение. Всякое сомнение в непобедимости шведской армии при полной неустойчивости и растерянности в Сечи могло лишить вовсе шведов поддержки нескольких тысяч вооруженных запорожцев, шедших пока за Константином Гордиенко. Значение Полтавы и Полтавщины и без того в глазах шведского штаба было немалое, потому что после ухода из Ромен и Гадяча у шведской ставки и всей армии не было пристанища, сколько-нибудь подходящего для более или менее продолжительного пребывания. Соображения Гордиенко и Мазепы еще более усилили решимость Карла овладеть городом.

Таким образом, если у Карла могли еще быть какие-нибудь колебания относительно того, стоит ли задерживаться под Полтавой и не лучше ли, после половодья, опять идти в Слободскую Украину, а оттуда на Харьков, то в апреле последовал толчок, окончательно решивший дело и побудивший Карла безотлагательно осадить и стараться взять Полтаву. Окончательное решение короля не в полной мере, но до известной степени связалось с переходом запорожцев в шведский стан.

Запорожцы, жившие в Сечи в своих куренях, а вне Сечи в зимовниках на берегу нижнего Днепра от Переволочной до устья реки, не очень охотно и не очень искренне подчинялись как царю московскому, так и гетману батуринскому, хотя и Петр считал их своими подданными, а для Мазепы они были людьми, подвластными его компетенции. Но Мазепа знал также, что их лучше просить, чем требовать от них. Запорожье заволновалось, едва только узнало об измене гетмана Москве, и там, по-видимому, более резко обозначились уже с давних пор существовавшие два течения: одни предлагали идти за Москвой, другие — идти за Мазепой. И Петр и Мазепа направляли в Сечь свои универсалы. Петр говорил в своих воззваниях о перехваченных письмах Мазепы, который желает отдать Украину польскому королю, и это влияло на запорожцев, выросших в традициях борьбы против Польши. А Мазепа уверял, что король шведский оставит за ними по старине все их вольности, что они навсегда будут избавлены от опасности московского ига. Хотя никакого московского ига запорожцы до той поры не чувствовали, а, напротив, в долгие годы шведской войны Петр очень старался не раздражать это все еще сильное и могущее стать опасным, хоть и не регулярное, войско, но все-таки уже с начала 1709 г. в Запорожье шведская сторона начала брать верх над московской, и влиятельный кошевой атаман (избираемый глава запорожцев) окончательно повлиял на своих товарищей, указав, во-первых, на продвижение Карла XII к югу, а во-вторых, мазепинцы пустили слух о том, будто крымский хан обещает запорожцам свою помощь, если они станут на сторону Мазепы.

Мазепа, Гордиенко и сам Карл XII, конечно, мечтали о выступлении Турции и ее крымского вассала — хана. Но хан, бе-

зусловно, желавший помочь запорожцам, не получил на это разрешения из Константинополя и так и не выступил. Однако ряд документальных данных показывает, что в марте, апреле, мае при константинопольском дворе не прекращались колебания по вопросу о том, выступать ли против России или не выступать. Шведские дипломаты и эмиссары Станислава Лещинского делали все зависящее от них, чтобы побудить Оттоманскую Порту вступить в войну. Но, с одной стороны, кипучая деятельность Петра в Азове и Троицком показывала, что русский флот не останется пассивным зрителем турецкого нападения, а с другой стороны, несмотря на все тенденциозные рассказы шведов и польских эмиссаров, султан и визирь не могли не знать хоть отчасти о том, что творится на Украине. Народная война против шведов и мазепинцев усилилась весной 1709 г. в необычайной степени. Партизанские отряды нападали на шведов совсем близко от Великих Будищ, где стоял Карл, и от Полтавы с самого начала ее осады. Отряды верных казаков беспощадно истребляли запорожские шайки, бродившие по Украине в апреле, мае, отбившись от главной массы соумышленников, примкнувшей к шведскому войску. Уничтожение запорожских изменников Яковлевым сначала под Переволочной, затем в самой Сечи нанесло удар всем надеждам Карла и Мазепы на турецко-татарскую помощь. Это не мешало Мазепе вводить в заблуждение всех пошедших за ним или еще колебавшихся казаков, сочиняя письма от крымского хана, якобы требующего, чтобы казаки повиновались Мазепе, и т.п.

Вопрос о социальном составе, о классовом характере как той части запорожцев, которая пошла за Гордиенко, так и тех, которые остались верны Москве, весьма интересен, но еще не разрешен исследователями запорожской старины, — и в источниках, касающихся событий 1708—1709 гг., нам не удалось найти четкий ответ, ни в «Делах малороссийских» ЦГАДА, ни в других местах. По скудным отрывочным указаниям, касающимся разногласия в «поведениях» запорожской рады в самые последние годы XVII и начале XVIII в., мы еще можем сказать и документально подтвердить, что, например, в 1693 г., когда в Сечи дебатировался вопрос — принимать ли участие в походе на Крым, то вся «голутьба» требовала согласных с

Москвой действий и готова была перебить «пререкателей», т.е. противников Москвы и затеваемого Москвой похода. Но как высказывались специально «голутьба» и «неголутьба», когда Константин Гордиенко склонял Сечь к измене, — на этот вопрос документированного ответа у нас нет.

Фанатическая, непримиримая, очень давнишняя ненависть Константина Гордиенко к Москве увлекла в конце концов в пропасть многих потому, что они боялись уничтожения старых прав и вольностей Запорожья и торжества порядков московской государственности. Лозунг борьбы за старые вольности был тем основным демагогическим приемом, который был пущен в ход кошевым. Изменнику много помогло распространявшееся уже (особенно с начала весны) в Запорожье убеждение, что вся шведская армия,двигающаяся на юг, явится вовремя, чтобы прикрыть Сечь от царских войск³.

Не очень спокоен был Петр I в это критическое время относительно турок, и уже в августе 1708 г. посол Петр Толстой объявил двум наиболее важным сановникам в Константинополе — шифлату и муфтию, что они будут получать отныне ежегодно от двух до пяти тысяч червонцев. Петр беспокоился неспроста, потому что Толстой на всякий случай объявил обоим подкупленным сановникам, что «выдача начнется лишь с 1 января 1709 года... — ибо в октябре или ноябре обнаружится турецкое намерение. Они довольны, и так мир! Только непременно нужно прислать деньги в конце декабря, чтобы не показаться обманщиками и тем не испортить всего дела»⁴.

Ранней весной 1709 г. опасения Петра относительно возможности внезапного выступления Турции были вполне основательны. Из Крыма Селим-гирей всячески торопил султана и великого визиря. Карл XII и Станислав Лещинский прислали султану письма, а Мазепа письмо от себя. В письме гетман утверждал, что все казаки на его стороне и что если турки не воспользуются удобным случаем и не помогут казакам освободиться от власти Москвы и стать свободным народом и прочной преградой между Москвой и Турцией, то им придется позднее считаться с видами России на покорение Крыма.

Все это повлияло на Порту, и уже были отданы приказы об отправлении морских сил в Черное море, а сухопутного от-

ряда — к Бендерам, по направлению к русской границе. Об этом доносит австрийский посол Тальман из Константинополя в Вену. Донесение Тальмана помечено 18 июля 1709 г.⁵ А ровно за десять дней до того, 8 июля (нов. ст.), произошла Полтавская битва, о которой Тальман еще не знал, и вопрос о выступлении Турции был снят с очереди.

Нордберг рассказывает о письме, об «ответе» крымского хана, якобы полученном Мазепой непосредственно от хана. И эту явную выдумку самого Мазепы повторяет Нордберг, который верил всему, о чем повествовал гетман в шведской ставке, желая поддержать свой шатающийся авторитет среди шведских генералов. А вслед за Нордбергом эту же версию пресерьезно принимает и Костомаров, даже не потрудившийся вдуматься в самую формулировку мнимого письма крымского хана: «он желал, чтобы они (запорожцы. — *Е.Т.*) оставались связанными с Мазепой»⁶. Тут каждое слово кричит о том, что оно сочинено Мазепой. Во всяком случае, эта проделка вполне удалась: кошевой Константин Гордиенко убедил запорожцев, что если они перейдут к шведскому королю, то Москве их не достать: с севера на юг к ним приближается шведский король, а с юга на север к ним придет на помощь крымский хан.

Еще в середине января Меншиков отправлял к Петру делегацию «послов запорожских» и советовал царю «милостиво их принять»⁷.

Но, кроме пустых речей и проволочки времени, от этой делегации ничего не получилось. Князь А. Вяземский доносил 23 февраля Меншикову, что приказ не допускать запорожцев до соединения с шведами и «заграждать от неприятеля запорожцев» трудно исполним. «Неприятельские люди» приближаются к Полтаве, а другие шведские отряды, которые стояли около Камышина и Лохвицы, тоже стягиваются к Полтаве, и русским войскам, стоящим между Пселом и Ворсклой, невозможно было вследствие слишком трудных переправ отправиться к Переволочной. А между тем сделать это было нужно, так как «оныя запорожцы любо какое злое намерение имеют» и могут уйти за Днепр. Русские начальники отрядов, бывших между Ворсклой и Пселом, очень хотели к концу февраля подтянуть к себе поближе тех запорожцев, которые им казались

более надежными, писали к Шугайлу на Переволочную и к «полковнику запорожскому Нестолею» (он же Нестулей), но что-то «еще на оные письма отповеди от них не прислано»⁸.

Шведы шли из Лохвицы к берегу реки Псел, через которую и переправились у села Савинцы, несмотря на громадный разлив реки, «с великой трудностью». Но как только шведы переправились, так сейчас же это отразилось на «верных» запорожцах. Нестулей, который сначала не отвечал на приглашительные письма миргородского полковника Даниила Апостола, а потом ответил, изъявив желание поступить вместе «с товариством» на царскую службу, вдруг, «незнамо для каких причин потревожившись», написал Апостолу, что получил указ от кошевого и «с товариством повернулся до Переволочной, и так все назад запорожцы с Нестулеем пошли до Кобыляк». Даниил Апостол немедленно уведомил об этой подозрительной истории Шереметева и Меншикова, а сам послал к Нестолею нарочных людей с письмом, требуя объяснения, «для чего оные запорожцы» вернулись⁹.

Приверженцы Гордиенко в Запорожье сделали этот роковой для себя шаг и послали депутацию к королю Карлу XII, а затем двинули и первую подмогу: 2 тыс. человек перешли Ворсклу и напали 17 марта 1709 г. на русский отряд драгун, стоявший вблизи Кобыляк, а затем на довольно большой отряд бригадира Кэмпбела, который и разбили. Все эти дела запорожцев, от их перехода в шведский лагерь и вплоть до Полтавы, т.е. с середины марта по 27 июня 1708 г., нам известны главным образом (но не исключительно) по двум штабным летописцам Карла XII, по Адлерфельду и Нордбергу, для которых, в свою очередь, главным осведомителем был все тот же Мазепа, которому выгодно и даже нужно было безмерно преувеличивать волшебные подвиги удалых запорожцев. А если Мазепа случайно и не всюду лгал, то за него это делал кошевой Гордиенко, самохвал и авантюрист, которому тоже необходимо было отличиться перед новыми господами. К числу таких хвастливых военно-охотничьих фантазий относится, например, известие, что первый успех запорожцев так их приободрил, что их мигом стало уже не 2 тыс. и даже не 8, а 15! Следует заметить, что после этих первых порывов в Сечи наступила

некоторая разногласица, и хотя большинство осталось у Карла, но временно меньшинство добилось смены Гордиенко и выбрало нового кошевого. Это был не первый и не последний из внезапных переворотов в Сечи в это тревожное время.

По всей длинной линии русских войск от Белгорода к Ахтырке, к Сорочинцам, к Полонному русские передовые посты зорко несли караульную службу. Коротенькие известия, там и сям попадающиеся в документах, напоминают об этой трудной и очень оперативно проводимой службе дозорщиков и пикетов. То неприятель многократно и безуспешно отправляет партии из Котельвы к Ахтырке, которую уже к 1 февраля русские привели в доброе состояние и «крепили город со всяким поспешением»¹⁰. То русские конники в середине февраля своими частыми нападениями заставляют шведов убраться подальше от Полонного, от Карца, от Острога и генерал Инфлант с торжеством заявляет: «Неприятельские люди разложились было близ сих мест и милостию божией чрез мои частые партии из сих мест утекают»¹¹. То русским удается расстрелять из пушек лазутчиков-драгун, подсланных «по указу королевскому для осматривания фортеций города Сорочинец»¹².

В Белгороде, а с начала марта в Харькове, находился Меншиков, на ответственности которого лежало наблюдение за главной массой шведской армии, постепенно сосредоточивавшейся в Опошне¹³.

27 февраля 1709 г. к русским в местечке Ахтырка явился казак Федор Животопшинский, бежавший из шведского лагеря в Опошне. Он сообщил, что ему удалось подслушать разговор поляков о том, как Мазепа жалуется на большие потери: «...посылали-де они партию до Полтавы из местечка Опошни человек со сто назад тому будет дней с пять. И тое партию под Полтавою московское войско всех порубило, только из той партии приехало к ним три человека. И на другой день посылали другую партию 500 человек и тех такожде под Полтавою всех до одного порубили».

Поляки передавали также, что король и Мазепа хотят идти к Полтаве со всем войском и будто бы шведы сказали: «Хотя там все погинем, а будем доставать Полтаву». Казак утверждал, что в самой Опошне стоит отряд в 8 тыс. человек шведов,

поляков и волохов, конных и пеших. Но при них всего три пушки. Остальная же армия разбросана по деревням и по лесу, в полумиле и больше от Опошни. Но так как в провианте и в фураже имеют великую нужду, то посылают на поиски мили за две и за три¹⁴.

Два вопроса беспокоили русское командование в это время, когда становилось окончательно ясно, что шведы из Опошни пойдут прямо на Полтаву: во-первых, каково настроение в Полтаве и, во-вторых, как избавиться от явно готовящего измену и агитирующего в пользу измены кошевого Гордиенко.

25 февраля Меншиков доносит Петру о капитане Теплицком, который ездил в Полтаву и «тамошнее поведение хорошо высмотрел».

Тот же Теплицкий побывал с запорожцами (очевидно, антимазепинцами) у полковника Миргородского, на которого Меншиков возлагает очень большие, но нарочито неясно выражаемые надежды. Оказывается, что «оный полковник старается о кошевом, чтоб как мочно против наших пунктов способный промысл учинить, и надеется при помощи божии от него такого действия вскоре что дай милостивый боже».

Очевидно, речь идет о достижении безусловно необходимой цели: низвержении изменника Гордиенко и избрании в Запорожской Сечи нового кошевого.

Известия, привезенные капитаном Теплицким, показались Меншикову настолько важными, что он отправил капитана немедленно к Петру: «о чем обязательно извольте выразуметь от него, господина капитана»¹⁵.

Но Петр, по-видимому, не очень рассчитывал на низвержение Константина Гордиенко и перемену политического настроения среди части запорожцев. Еще 25 февраля Петр послал Меншикову «подтвердительный указ» об отправлении в Каменный Затон трех пехотных полков. Эти полки должны были сосредоточиться в Киеве и затем отправиться плавнями до Каменного Затона.

Уже 2 марта Меншиков отвечает царю, что его указ выполняется. Но в своем письме Петр предлагает также «о кошевом чтоб о низверженьи его искать способу». Меншиков отвечает,

что он «возможного ищет способу чрез полковника Миргородского, который и сам к тому радетельно тщится»¹⁶.

Еще до конца марта 1709 г. русским военным властям, стоявшим вдалеке от главной квартиры Петра, или Шереметева, или Меншикова, приходилось разъяснять, во избежание опасной путаницы, как следует относиться к тем или иным запорожцам — как к друзьям или как к врагам: «А о запорожцах, каковы они нам явились, о том вы разумеете из писем господина генерал-маеора Волконского и полковника Миргородского, от нас к ним писанных»¹⁷, — сообщал 24 марта 1709 г. Меншиков из Воронежа в Голтву адъютанту Ушакову.

Взятые от шведов в конце февраля 1709 г. «языки» единоголосно показывали, что шведская армия направляется к Полтаве, а пока часть стоит в Опошне. Сами же они (два шведа и «польский хлопец») были в партии из 20 человек, которые с поручиком во главе были посланы из Опошны «для искания провианту». Разведка оказалась неудачной: русские перебили всех, кроме трех взятых в плен. Одного из них взяли «мужики»¹⁸.

Гольц, главной миссией которого было помогать Синявскому в борьбе против шведов и Станислава Лещинского, был не в очень спокойном настроении.

Вести о переходе части запорожцев на сторону шведов сильно смутили коронного гетмана Синявского и его войско. Синявский дважды посылал к генералу Гольцу двух своих генерал-адъютантов «прилежнейше просить», «чтобы я (Гольц) маршем своим без дальнейшего отлагательства к нему поспешил, ибо коронное войско начинает зело *перебегивать и к противной партии переходить*» (курсив мой. — Е.Т.). Поляки узнали, что в Бердичеве был перехвачен запорожский «атаман», который вез письма от Мазепы и от кошевого (Гордиенко) к Станиславу с известием о переходе запорожцев к Карлу. «От чего коронное войско зело потревожилось», потому что эти поляки «чают, что приступлением (присоединением. — Е.Т.) запорожцев к королю шведскому вашего царского величества прежние счастливые удачи и великие авантажи ныне всемерно разрушены суть». Поляки даже думают, что он, Гольц, послан будет не им помогать а «покорять запорожцев». Гольц

просит Петра подтвердить прежние указы о помощи коронному войску, «дабы опасные перемены упредить и коронное войско в постоянном доброжелательстве состоять», отчего царю «великая есть польза».

Опасения Синявского были напрасны. Гольц поспешил «по подольским границам» к Константинову¹⁹.

До начала марта Петр и Шереметев делали все от них зависящее, чтобы предупредить замышлявшийся в Запорожье переход на сторону шведов. Шереметев из Сорочинцев пересылал письма через Даниила Апостола к запорожским полковникам, которым «писал от себя лист с обнадеживанием» царской милости и награды²⁰. Но надежды на мирное улажение возникшего в руководящих кругах Запорожья опасного движения быстро таяли.

Уже 9 марта царь приказал Шереметеву стать на дороге от Переволочной «ради предостережения запорожцев между тех мест, где шведы стоят». Но как ни спешил Шереметев, он опоздал. 16 марта он прибыл в Голтву, но был задержан разливом рек, и запорожцы успели уже перейти к шведам. Неприятельское войско стояло в Решетиловке. К Шереметеву приходили запорожцы, не пожелавшие идти за изменником кошевым «Костей» Гордиенко. Они уверяли, что изменившие казаки «не тверды» и одни пойдут на свои рыбные ловли, а другие будут сидеть «в домах своих». Говорили они также, что Крымская орда «во всем отказала» изменникам. Шереметев ободрился и послал воззвание к запорожцам «с обнадеживанием милости», «чтоб они... на Мазепины и кошевого воровские замыслы не смотрели». Посулы чередовались с угрозами тем, кто пойдет за изменниками. Шереметев просил царя о посылке подкреплений. Шведы стягивали свои силы к югу, бросая один за другим на произвол судьбы занятые ими города и села. 14 марта Шереметев узнал, что неприятель ушел из Гадяча и даже не успел в полной мере сжечь город, так как русские партизаны («наша партия») поспешили напасть на уходивших шведов, которые принуждены были кинуть часть своего багажа²¹.

16 марта 1709 г. приехали в Голтву запорожские казаки — Василий Микифоров с тремя товарищами — и привезли недобрые новости: оказалось, что 11 марта явился из Сечи в Пере-

волочную сам кошевой и привел одну тысячу человек конницы и пехоты. К нему присоединился Нестулей с пятьюстами человек конницы и прибыли также двое уполномоченных от Мазепы. Экстренно собралась рада в Переволочной. На раде были зачитаны кошевым «прелестные письма» от Мазепы. Мазепа уверял, что царь желает весь народ малороссийский за реку Волгу загнать. Агитация удалась: «И по многим разговорам на той раде по прелестям кошевого и мазепиным письмам, также и за дачею денег от кошевого запорожцам скудным людям тайно, многие почали кричать, чтобы быть с мазепину сторону. И оной де полковник Нестулей и все запорожское войско, как конница, так и пехота, превратилась на изменничью сторону». Это событие требовало, конечно, серьезнейшего внимания со стороны Петра, потому что в верности Нестулея и царь и Шереметев были убеждены²².

Во второй половине марта 1709 г. измена части запорожцев и прежде всего, конечно, руководящей, правящей казацкой верхушки уже быстро превращалась в очевидный факт, который становилось невозможным оспаривать: «А здесь гораздо от тех изменников большой огонь разгораетца (sic. — *E.T.*), который надобно заранее гасить»²³, — так писал Петру генерал Карл Ренне 30 марта 1709 г.

Запорожцы вольно гуляли по низовьям Днепра, терроризируя и грабя нещадно городки и деревни, не примкнувшие к шведам. Несколько тысяч вооруженных запорожцев окончательно пошло за шведской армией, хотя Карл XII и не пожелал включить их в число регулярных частей шведского войска.

До середины марта 1709 г. не только еще не было запорожцев в шведском лагере в Великих Будищах, где была королевская ставка, или в Лютенках, или в Бурках, или в Опошне и в других деревнях и местечках, где стояла шведская армия в это время, но даже и «о запоросцах никаких ведомостей» пока не было²⁴. Даже и в апреле, когда в политическом отношении дело в Запорожье уж совсем выяснилось и запорожцы стали на сторону Мазепы, все-таки у них еще не было оснований немедленно расположиться у шведского лагеря: ведь всю весну если с провиантом у шведов было «не без нужды», то «фуражу ничего нет и для лошадей секут солому и тое едною соломою ло-

шадей кормят». Где же тут было запорожцам надеяться, что хватит корма для нескольких тысяч их лошадей, когда падали от бескормизы сотнями лошади шведов?

Только в мае, когда русские войска стали вплотную теснить запорожские поселки и «плавни», и особенно после взятия и разгрома самой Сечи, запорожцам пришлось в массе искать «укрытия» и спасения в шведском лагере, уже не разбирая, будет ли корм для лошадей или не будет.

В марте (1709 г.) Карл XII и Мазепа имели свою главную квартиру в Великих Будищах. Шведская армия расположена была частью в Лютенках, частью в Бурках, частью в Опошне, и еще не все ушли из Гадяча. Обмороженных («ознобленных») и больных было много, но они все были нужны для пополнения сильно поредевших кадров.

Три волоха из нерегулярной волошской части шведской армии 9 июня 1709 г. бежали из шведского лагеря к русским и рассказывали, что запорожцев у Карла «тысяч семь», но многие из них «утекают» к Миргородскому полковнику (Даниилу Апостолу) в Голтву. «А провиантом в швецком войске зело скудно и шведские волоша все хотят отъехать до войск его царского величества, — да, неможно, изыскивают способного времени и будут отъезжать, хотя по малому числу».

Нас не должна удивлять разноголосица в показаниях источников о числе запорожцев в осаждавшей Полтаву шведской армии: после полного разорения Сечи полковником Яковлевым запорожцы лишились оседлости, и те, кто успел спастись, и те, кто бродил до того по Гетманщине, время от времени наведываясь в Сечь, волей-неволей должны были спасаться, убегая к шведской армии, стоявшей под Полтавой.

При всей пестроте и ненадежности цифровых показаний пленных, или лазутчиков, или дезертиров из шведского лагеря можно все-таки усмотреть, что еще в марте и в первую половину апреля запорожцев из Сечи в войске Карла было значительно меньше, чем в мае и особенно в июне. С одной стороны, как сказано, взятие и полное разорение Сечи сделало для уцелевших запорожцев шведский лагерь единственным прибежищем, оставшимся для них. А с другой стороны, шведское войско, осевшее впервые (после ухода из Гадяча) сколько-ни-

будь прочно около Полтавы, стало гораздо ближе географически к Запорожью, чем до той поры было. Когда Мазепа и генерал Гамильтон с шестью пехотными и четырьмя конными полками стояли в селе Жуках, а генерал Крейц в Ремеровке с десятью конными полками, а граф Пипер в Старых Сенжарах с тремя пехотными полками, то немудрено, что сбегавшихся под эту защиту запорожцев к середине июня уже насчитывали не четыре, а до семи тысяч человек²⁵.

2

В течение всего февраля до Петра доходили недобрые слухи о том, что делается в Сечи. Скоропадский определенно советовал сменить поскорее кошевого, более чем подозрительного «Костю» Гордиенко. Но царь считал более осторожным не раздражать Сечь прямым вмешательством и нарушением выборных порядков на Запорожье. «И то гетман (Скоропадский. — *Е.Т.*) советует, чтобы переменить кошевого. И то зело добро, и всегда мы то говорили, что надобно. И как оное зделать, того способу искать надлежит, которое, мню, *чрез бы Миргороцкого и денги* (курсив мой. — *Е.Т.*) могло статца...», — писал Петр из Воронежа Меншикову 21 февраля 1709 г. Он надеялся, что Даниил Апостол увещаниями и подарками сможет создать против Гордиенко оппозицию в Сечи и низвергнуть его. Вообще Петр до последней минуты не терял надежды «смотреть и учинить запорожцов добром по самой крайней возможности; буде же оные явно себя покажут противными и добром сладить будет невозможно, то делать с оными яко с изменники». Уже в марте все иллюзии рассеялись. Запорожцы поддались «улещиваньям» Мазепы, фантастическим слухам о близком выступлении Турции, о помощи, которую им будто бы готов оказать крымский хан, о непреодолимой силе шведского короля и совершили свой гибельный шаг.

С начала марта 1709 г. Петр уже совершенно уверен в «воровстве» кошевого Гордиенко и измене в Запорожье и настоятельно требует от Шереметева и Меншикова самых скорых и решительных мер. «Запорожцы, а паче дьявол кошевой, уже явной вор», — пишет царь 4 марта Меншикову²⁶.

А спустя четыре дня идет грозное распоряжение Шереметеву о том, чтобы не допустить запорожцев до соединения со шведами: «а ежели допустите и по сему не учините, тогда собою принуждены будете платить»²⁷.

В течение всего марта и апреля запорожцы серьезно озабочивают Петра. «А наипаче тщитца каналию запорожскую и общникоф їх искоренять», — этот мотив господствует в переписке Петра того времени²⁸.

Тревожные слухи об успехах пропаганды мазепинца запорожского кошевого «Кости» Гордиенко все усиливались. «Однако же хотя кошевой вор сколько может к неприятельской стороне казаков склоняет, токмо болшая часть оных желают быть против неприятеля, для чего уже от нас несколько знатных людей туда послано, дабы вора кошевого опровергнуть... Кошевой вор пишет универсалы за Днепр в Чигирин, прельщая к мазепиной стороне», — пишет Григорий Долгорукий Меншикову 16 марта 1709 г. и посылает тотчас Галагана (раскаившегося мазепинца) в Чигирин, чтобы «от всех шатостей стеречь Заднепровскую сторону»²⁹.

В бумагах Меншиковского фонда в архиве ЛОИИ есть полуистлевший обрывок (весь фонд поступил в очень ветхом состоянии), из которого можно, хоть и с большим трудом, понять, что дело идет о последствиях поражения полковника Кэмпбела («Кампбел»). Запорожцы, по-видимому, если верить им, взяли в плен 154 «великороссийских человека», из какого числа половину отослали к крымскому хану, а другую половину — шведскому королю. Далее эти подосланные «шпиги» (так именуются в наших документах шпионы и лазутчики) сообщили, что согласно «прежнему положению» («по преж... полож...»), т.е. соглашению «меж им кошевыми в войске запорожском и королем шведским — итти на Москву с ардами имеет салтан един». А пойдет «салтан» муравским шляхом «в великороссийские слободы». Кошевой же рассылает «во все городы полтавского полку листы, чтобы казаки готовились все до войска»³⁰.

Очевидно, предусмотрительный «Костя» Гордиенко приглашает «салтана», чтобы тот вторгся в великорусские «слободы» «един», без запорожцев, которым, конечно, безопаснее

было находиться под крылышком шведской армии и ждать дальнейших событий, не разлучаясь с шведами.

Из сохранившегося в бумагах Меншикова в крайне поврежденном виде и поэтому почти вовсе непонятного обрывка («отрывка письма») можно уразуметь, что кошевой Гордиенко требует от кого-то, кому он пишет, чтобы «не пускали москалей в город», а искали бы способов сопротивляться им: «маючи сто... способу дати отпор оным, бо если вселится уже тая проклятая Москва, то и вам там за не... не будет доброго мешканья».

На обрывке сохранилась дата: «марта 22 день 1709 року» и подпись: «Гетман Костянтин Гордеенко кошовый войска запо... (рожского. — *Е.Т.*) низового». Неясно, откуда именно писано письмо («З Ново...рода»)³¹. По-видимому, это нечто вроде циркулярного воззвания.

Насколько мало была популярна измена Мазепы в рядах казачьей массы, явствует из успеха мероприятий Скоропадского.

Одним из заданий нового гетмана Скоропадского было по возможности «верстать» казаков в драгуны. Таково было желание царя. Делалось это, пока шла война, в довольно обширных размерах. Например, из одних только чугуевских казаков Скоропадский «набрал... в драгуны» 900 человек; «и люде гораздо добры и артикул зело поняли твердо», — хвалит их гетман³². Дух воинской дисциплины в драгунских полках был сильнее, чем в полках казачьих, и этим-то руководились Петр и Меншиков, проводя данную меру.

Последнюю попытку покончить с запорожской изменой без кровопролитного штурма Сечи Петр сделал 17 мая, послав грамоту «наказному кошевому» Кирику Конеловскому. Он обещает прощение в случае немедленного раскаяния и ставит на вид полную безнадежность положения изменников: «А оборонить вас от гнева нашего некому, ибо швед ныне и сам от войска нашего окружен и под Опошнею побит и, потеряв пушки и знамена и немалое число людей, ушел от войск наших. А из под Полтавы и из всего Малороссийского краю уповаем его, с помощью вышнего, прогнать вскоре. А Лещинский разбит и загнан от войск наших за Вислу. А с салтановым величеством

и со всеми его подданными и Крымскими и Буджацкими ордами у нас, великого государя, мир и тишина содержится»³³.

Петр пометил свою грамоту: «Дан в обозе нашем под Полтавою мая в 17 день 1709 году», но на самом деле он прибыл под Полтаву лишь 4 июня. Явно предполагалось, что на запорожцев более внушительное впечатление должно было произвести близкое присутствие Петра, который на самом деле в это время находился еще в Троицком, в Азовских местах.

Поход весной 1709 г. Григория Волконского и Яковлева против Сечи показывал, что с запорожской изменой решено расправиться беспощадно, потому что в этот момент она могла заставить Станислава Лещинского очень серьезно отнестись к приглашениям и улаживаньям Мазепы поскорее пожаловать на помощь шведам. Взяв Переволочную, где было «казаков с тысячу, да жителей с две тысячи», Волконский и полковник Яковлев «воровских запорожцев и жителей вырубili, а иные, убоясь, разбежались и потонули в Ворскле и Переволочну, так и Кереберду (sic. — *Е.Т.*) выггли»³⁴.

Гулявшие по Украине отдельными ватагами запорожские казаки, имевшие своей базой Сечь и наводившие панику на население, которое не пожелало пойти за Мазепой, представляли собой серьезную опасность. Меншиков, которому Петр поручил покончить с Сечью, отрядил туда полковника Яковлева, и тому удалось после очень тяжелых усилий и больших жертв взять Сечь. Он сжег ее до основания и подверг попавших в его руки суровейшим казням и репрессиям. Солдаты Яковлева были страшно ожесточены тем, что запорожцы в дни, предшествовавшие сдаче, подвергали взятых ими в плен солдат неслыханным истязаниям, калеченью, издевательствам и пыткам всякого рода. Разъярены солдаты были против запорожцев и за первоначальные неожиданные нападения на отряд Кэмпбела и больше всего за их измену родине. Сечь погибла в потоках крови. Тогда же была частично сожжена Переволочная и другие поселки по Ворскле и Днепру. Все это происходило в середине мая.

Приведем некоторые подробности о разгроме Сечи.

Полковник Яковлев с сильным отрядом выступил еще в самом конце апреля 1709 г. из Киева и, преодолев у Перево-

лочной сопротивлении высланной против него запорожской части, 14 мая подошел к Сечи и начал атаку. Сначала запорожцы одерживали верх, перебили около трехсот человек из отряда Яковлева, взяли пленных и после страшных пыток убили их всех. Но к вечеру положение круто переменялось. К Яковлеву подошла подмога, драгуны, посланные Григорием Волконским. На свою беду запорожцы обозначились и приняли издали приближающееся русское войско за крымских татар, которых они все время ждали. Они вышли поэтому навстречу и тут были вконец разгромлены. Русское войско на плечах хлынувших назад запорожцев ворвалось в укрепление Сечи, перебило почти всех, кого там нашло, кроме арестованных зачинщиков: «знатнейших воров», как выразился Меншиков. А «все их места» велено было разорить, «дабы оное изменническое гнездо весьма выкоренить».

Известие о разгроме Сечи Петр получил 23 мая. «Сегодня получили мы от вас письмо, в котором объявляете о разорении проклятого места, которое корень злу и надежда неприятелю была, что мы, с превеликою радостью услышав, господа, отмстителю злым, благодарили с стрельбою», — писал царь Меншикову³⁵. И в тот же день он извещал царевича: «Сего моменту получили мы ведомость изрядную от господина генерала князя Меншикова, что полковник Яковлев с помощью божиею изменничье гнездо, Запорожскую Сечь, штурмом взял и оных проклятых воров всех посек и тако весь корень отца их, Мазепы, искоренен»³⁶. Полетели от Петра письма к Шереметеву, Кикину, Апраксину, возвещая радостную новость.

Поздно поняли запорожцы, куда завела их измена. Уже работая в шведском лагере под Полтавой, они горько жаловались и раздражались.

Ненависть части запорожцев к Мазепе, соблазнившему их на измену, дошла до таких размеров, что, конечно, только шведы спасали «старого гетмана» от расправы. Это чувство открыто сказалось впоследствии во время панического бегства Карла и его спутников от Переволочной в заднепровские степи. Беглецы уже приближались к Бугу, когда вдруг, по свидетельству очевидца графа Понятовского, произошло следующее. «На третий день в ночь в лагере возникла тревога. Казаки, ко-

которые возмутились против Мазепы, хотели разграбить его телеги, где у него были большие ценности, а его самого схватить и выдать царю». Король Карл XII просил Понятовского успокоить казаков, что ему и удалось. Мазепа был спасен от неминуемой гибели: казаки твердо знали, что царь им все простит и богато одарит за выдачу старого изменника, за которого он спустя короткое время обещал туркам триста тысяч рублей — сумму колоссальную по тому времени³⁷. (Смерть спасла Мазепу в сентябре 1709 г. от ожидавшей его участи.)

Запорожцы и тут опоздали. Они послушались Понятовского и оставили Мазепу в покое, а спустя некоторое время, когда беглецы уже примчались к Бугу, их настигла русская погоня. Карлу XII и Мазепе удалось переправиться через Буг, но мазепинцы-запорожцы были большей частью изрублены на месте или взяты в плен Григорием Волконским.

3

Измена части запорожцев делу русской национальной обороны, погубившая Сечь, имела, как уже сказано, известное влияние на окончательное решение Карла. Следует сказать, что сначала Мазепа говорил королю, чтобы он не шел к Полтаве и не брал Полтаву. Он говорил как бы от имени запорожцев и убеждал короля, что Запорожье будет обеспокоено, если шведы войдут в Полтаву, которую они, казаки, считают своей. А потом вдруг те же запорожцы стали настоятельно просить короля поскорее взять город. Шведские летописцы похода даже с некоторым удивлением отметили эту странную непоследовательность. Но на самом деле особой загадочности в этом нет. Ведь в обоих случаях высказывались пожелания не запорожцев, а Мазепы, объяснявшегося с королем от имени запорожцев. И, как всегда, когда речь идет о поступках или заявлениях Мазепы, ключом к разрешению всех этих мнимых загадочностей является личный интерес «старого гетмана», «доброго старика», как его называет свидетель Адлерфельд (сам гораздо более «добрый», чем проницательный). Дело в том, что сначала, когда Мазепа еще не утратил веры ни в переход вслед за ним всей Украины на сторону Карла XII, ни в шведскую конечную

победу над Россией, он не имел оснований желать, чтобы Полтава, которая могла бы заменить сгоревшую столицу Гетманщины Батурин, попала в бесцеремонные хозяйские руки шведских голодных солдат. И тогда он определенно не хотел пускать Карла к Полтаве и говорил, что это может отпугнуть запорожцев. А затем, когда он увидел, что Шереметев уже подошел к Полтаве, когда он оценил всю сложившуюся обстановку, тогда ему представилось, что шведы непременно должны загородить собою продвижение русских войск к Днепру и спасти запорожцев от неминуемой гибели, потому что «Косте» Гордиенко с русскими войсками уже никак не справиться. И тут, в этом вторичном пожелании, чтобы Карл осадил и взял Полтаву, Мазепа, несомненно, имел полное право выдавать это свое пожелание за просьбу запорожцев. Им тоже, конечно, представлялось гораздо более безопасным, если между шереметевской армией и запорожскими куренями будет такое надежное, как им казалось, средостение, как шведский король со своим войском.

Так или иначе, решение короля было принято бесповоротно. Он подошел к Полтаве, а раз подходя, он уже считал порухой своей чести отступить, не взяв города. Его окружение знало, что те, сравнительно еще не такие частые в военной карьере Карла XII, неудачи, которые больше всего приносили вреда шведской армии, происходили обыкновенно именно вследствие этой характерной манеры короля: приковывать к ногам своим тяжелые гири, ставя перед собой цель, отказаться от которой ему ни за что не хочется и которая путает все расчеты. Так, он после занятия Гродно в 1706 г. потерял месяцы, погубил много людей, гоняясь за ушедшей на Волынь русской армией, так и не догнав ее и не имея возможности ее истребить или взять в плен, даже если бы он ее и догнал. Так было с Веприком, у которого он положил большой отряд и несколько десятков ценнейших боевых офицеров и который вовсе не стоил таких усилий и таких безмерных жертв. Так было и раньше, в 1704 г., когда он навязал себе на шею Станислава Лещинского, которого уже современники Карла называли тяжелым жерновом, висящим на шведском короле.

Так было в конце апреля 1709 г. и с осадой Полтавы. Но если уже почти всем в русской армии и многим в шведском штабе была ясна неудача завоевательных замыслов Карла, то ему самому и большинству по-прежнему веривших в него солдат она еще ясна не была. Мы увидим, что и эти чувства, с которыми, казалось сроднился шведский солдат, тоже стали ослабевать в месяцы полтавской осады. Во всяком случае, если одержать победу и выиграть проигранную войну уже *ни при каких условиях* было невозможно, то все же, не будь этой трехмесячной остановки у Полтавы, было бы время исполнить совет Пипера отойти к Днепру и не погибла бы шведская армия целиком, не попала бы она вся, от фельдмаршала до кашеваров, в гроб или в плен, и не кончилось бы вторжение шведского агрессора, даже и вполне побежденного, такой катастрофой и такой постыдной капитуляцией. Так считали многие из уцелевших после Полтавы «каролинцев» (в том числе Гилленкрок).

Не только Гилленкрок видел надвигающуюся катастрофу. С ним совершенно согласен был министр Пипер, против него уже мало спорил сам фельдмаршал Реншильд. Гилленкрок, генерал-квартирмейстер и вообще очень недоступно и гордо державшийся человек, снизошел даже до того, что стал просить двух полковников, ничтожных фаворитов, состоявших при Карле, Нирота и Хорда, пользовавшихся в тот момент милостью, чтобы они подействовали на короля. Но ведь Нирот и Хорд только потому и пользовались фавором, что поддакивали Карлу всегда и во всем. И хотя они тоже вполне были согласны с Гилленкроком и Пипером, но не посмели рисковать своим положением и отступились от дела, когда Карл нахмурился.

Трагизм для шведов заключался в том, что положение в самом деле было безвыходным, даже еще в большей степени, чем это казалось Гилленкроку и Пиперу.

Провианта становилось совсем уж мало. Мы уже видели, как в Белоруссии в самом начале похода шведам пришлось находить и откапывать хлеб и другие продукты, которые крестьяне прятали от неприятеля под землей. На Украине в Ромнах и других местах происходило то же самое. В Великих Буди-

щах, где Карл пребывал со своей главной квартирой и значительной частью армии до 11 мая 1709 г., откапывать эти спрятанные от врага продукты приходилось с большим трудом и даже опасностями: «они были зарыты очень глубоко... и были полны ядовитых испарений», — повествует очевидец Нордберг. Продукты гнили, долго лежа под землей: «те, кого при открытии этих складов спускали туда на веревке, задыхались уже на полпути до такой степени, что лишались слова. Некоторые из них погибли таким образом»³⁸. И все-таки уж то было для шведов хорошо, что этих попорченных и зловонных продуктов было много, разборчивыми быть не приходилось. Важно было и то, что нашлось много травы, и шведы занялись усердно косью. Около десяти недель провел Карл с армией в Великих Будищах перед тем, как пришлось перекочевать в Жуки, когда «припасы начали становиться редкими». Сначала, впрочем, «нельзя было жаловаться (в Жуках. — *Е.Т.*), что совсем не было продовольствия». Но вот припасы, которые были только «редкими», стали уже «чрезвычайно редкими, и со всех сторон слышны были жалобы и ропот, и, чего прежде никогда не бывало, шведские солдаты ничего так не желали, как решительных действий, чтобы добиться или смерти или хлеба»³⁹. Войска Карла стояли в глубине враждебной страны, ведущей против них одновременно и регулярную войну и народную.

Сведения о численности и о состоянии шведской армии, поступавшие к Петру в течение всей весны и начала лета 1709 г., были довольно разнообразны, тем более что иногда шпионы и взятые «многие языки» при своих подсчетах имели в виду только основную регулярную шведскую армию, основное ядро, уцелевшее от воинства, с которым Карл XII вторгся в русские пределы, а другие присчитывали также и нерегулярные силы вроде волохов и мазепинцев.

23 марта 1709 г. Григорий Скорняков-Писарев предвидит скорое и счастливое окончание войны, потому что неприятеля «уже немного видеть можно, понеже по единогласному сказыванию многих языков, также и шпионов, войск неприятельских обретается только с 16 000 или 17 000»⁴⁰. Скорняков-Писарев имеет в виду именно регулярную армию исключительно: тридцать полков, в каждом из которых числится от пяти-

сот до шестисот человек, «кроме гвардии», в которой численный состав каждого полка несколько выше. У Карла 19 с небольшим тысяч человек прекрасной шведской армии и отряд казаков-запорожцев, затем казаков, пришедших с Мазепой, и небольшой польский отряд Понятовского — в общей сложности около 12 тыс. человек, а по другим подсчетам, и 10 тыс. не было. Но вполне полагаться ему можно было только на 19 тыс. шведов. Пушек у него очень мало, а пороху еще меньше. Русская армия не в 1¹/₂ раза, как полагали шведы, а, считая с уже приближавшейся с востока нерегулярной конницей, точная численность которой не была известна, в 2 раза больше шведской и очень легко может стать еще больше⁴¹. Пороха у русских очень много, артиллерия у них лучше, чем была во всю войну. А они и раньше доказали, что умеют ею пользоваться. Провианта у шведов мало, он плох и быстро истощается. У русских — теперь сколько угодно. Оставаться на месте, осаждая Полтаву, которая не желает сдаваться и ведет отчаянную оборону, просто непосредственно опасно, потому что сами осаждающие в осаде: Карл осаждает Полтаву, а Шереметев «осаждает» Карла и если русские нападут, то шведская армия окажется между двух огней: между пушками коменданта Полтавы Келина и конницей, пехотой и артиллерией Шереметева. Но если не оставаться на месте, то что же делать? Гилленкрок и Пипер имели готовый ответ: уходить за Днепр.

Многие среди русского командного состава, подобно Алларту, боялись в течение июня не сражения, в исходе которого сомнения у них почти не было, но только как бы «короля шведского за Днепр не перепустить». Покончить с шведами полным их уничтожением и «славолюбивому королю шведскому мир предписывать» — вот уже о чем шла речь в ставке Петра тотчас по приезде царя под Полтаву⁴². Но мы, зная положение несравненно полнее, чем тогда мог знать и знал шведский король, видим ясно, что и уйти-то было уже крайне затруднительно. Куда именно, т.е. к какому месту Днепра, уходить и где переправляться? Идти на юг и переправляться у полувыжженной Переволочной и трудно, так как сожжены или угнаны прочь все перевозочные средства, да и нет смысла оказаться затем в голодной и безводной пустыне. Значит, нужно идти на

запад, к Киеву. Но весь большой район между Полтавой и Киевом укреплен. У русских есть там опорные пункты — и Нежин, и Прилуки, и Липовцы, и Пирятин, и Лубны, и Лукомье, и армия Скоропадского, опирающаяся на эти пункты и защищающая их. Да еще нужно сначала добраться до этой линии, пройти мимо таких пунктов, как Хорол, Миргород, Сорочинцы и пройти при преследовании со стороны главных сил Шереметева, стоящих на Ворскле у самого шведского расположения, нужно переправляться при подобных условиях через Псел, через Сулу, через мелкие безымянные украинские речонки и совершать весь этот долгий путь, теряя людей и лошадей, падающих от усталости, недостатка корма, и подвергаясь постоянным налетам русской регулярной и нерегулярной конницы. А добравшись до отрядов Скоропадского, шведское войско опять-таки очутилось бы между двух огней: между Скоропадским впереди себя и Петром и Шереметевым с флангов и с тыла. Все было плохо, но хуже всего было оставаться на месте, продолжая осаду Полтавы. «Я боюсь, — сказал Гилленкрок, обращаясь к Гермелину, Нироту и Хорду, — что если только какое-нибудь чудо нас не спасет, то никто из нас не вернется из Украины, и король погубит свое государство и землю и станет несчастнейшим из всех государей». Но Карл не желал ничего и слышать. Гилленкрок считал осаду Полтавы лишеной всякого смысла. Он так и поставил вопрос перед фельдмаршалом Реншильдом: не может ли Реншильд ему объяснить, зачем шведам осаждают Полтаву? На это фельдмаршал дал классический по-своему ответ, ярко характеризующий положение в ставке Карла XII, и как смотрел король и его ближайший помощник на осаду Полтавы: «Король хочет до той поры, пока придут поляки, иметь развлечение» (в свою шведскую речь Реншильд тут вставил французское слово, обозначающее развлечение, забаву: *amusement*). «Это дорогое препровождение времени, которое требует большого количества человеческих жизней. Король поистине мог бы доставить себе лучшее занятие», — возразил Гилленкрок. «Но если такова воля его величества, то мы должны быть довольны», — ответил фельдмаршал Реншильд, прекращая разговор.

Все-таки граф Пипер отважился опять заговорить с Карлом об уходе от Полтавы. На это он получил такой ответ: «Если бы даже господь бог послал с неба своего ангела с повелением отступить от Полтавы, то все равно я останусь тут». А когда генерал-квартирмейстер Гилленкрок в последний раз заявил, что он не желает, чтобы потом ответственность за грядущую неудачу свалили на него, то король ответил: «Нет, вы не виновны в этом. Мы берем ответственность на нас (Карл говорил о себе, как тогда было принято при дворе, во множественном числе. — *Е.Т.*). Но вы можете быть уверены, что дело будет выполнено быстро и счастливо».

«Чудо», от которого Гилленкрок единственно ждал спасения, казалось, явилось. Это посланное предложение об обмене пленными от Головкина было получено 2 апреля в шведском лагере, тут же Головкин предлагал также условия для прекращения войны. Петр согласен был мириться, если Карл признает за Россией окончательное владение всеми городами и областями у Балтийского моря, какие до сих пор завоеваны русскими и которые встарь уже принадлежали русским. Другим условием царя было: обе стороны не должны вмешиваться в польские дела.

В сущности, это было поистине совсем неожиданным спасением для шведов в положении, в какое они попали. Но Карл дал ответ нижеследующего содержания: «Его величество король шведский не отказывается принять выгодный для себя мир и справедливое вознаграждение за ущерб, который он, король, понес. Но всякий беспристрастный человек легко рассудит, что те условия, которые предложены теперь, скорее способны еще более разжечь пожар войны, чем способствовать его погашению»⁴³. С этим ответом и был отправлен офицер на русские аванпосты.

Не только Карл и его штаб усматривали в Полтаве место, где можно создать временный центр управления шведской армией, но, по-видимому, так на этот город смотрел и Петр. 27 ноября 1708 г. он пишет полтавскому полковнику Ивану Левинцу, что к ним в подмогу идет бригадир князь Волконский, и царь выражает убеждение, что Полтава так же не допустит к себе шведов, как это сделали Стародуб и Новгород-Се-

верский⁴⁴. Петр упоминает именно те два города, которые намечались шведами как их главная квартира на зимние месяцы. Когда он писал этот указ, шведы занимали еще Ромны и Гадяч, но, конечно, эти города не могли равняться по своему военному и политическому значению ни со Стародубом ни с Новгородом Северским, ни с Полтавой.

4

Комендантом Полтавы был назначен А.С. Келин.

В шведской историографии передается неверный факт, будто в Полтаве перед назначением Келина комендантом был имевший связи с Мазепой Герцык. Это неверно: Герцык, бывший полковник Полтавского полка, умер лет за 20 до войны, а тот Герцык, который был в Полтаве и бежал к Мазепе в 1708 г., вовсе не был ни полковником, ни комендантом Полтавы.

Назначив полковника А.С. Келина, Петр сделал в высшей степени удачный выбор. Алексей Степанович Келин был представителем типа, очень часто встречающегося в русской военной истории: геройски мужественный, стойкий, простой, терпеливый человек, заслуживший полное доверие солдат и населения, готовый без громких фраз, но и без малейших колебаний положить за родину свою голову в любой момент, когда это потребуется. Отрезанный от русской армии, он обнаружил в страшные месяцы осады большую распорядительность, неослабную энергию, умение вдохнуть бодрость в своих людей, способность максимально использовать боевую готовность и патриотический дух всего полтавского населения. На предложение сдать город он ответил категорическим отказом.

Генералы шведского штаба очень обеспокоились, зная, что при упрямстве короля он ни за что не пожелает отступить от дела. Пипер и Реншильд (а до сих пор фельдмаршал Реншильд поддакивал своему повелителю) согласны были с Гилленкроком, что осада Полтавы, затеянная королем, дело очень тяжелое, внушающее тревогу. Решающий разговор с королем имел генерал-квартирмейстер Гилленкрок. «Вы должны приготовить все для нападения на Полтаву», — так начал эту беседу король. «Намерены ли ваше величество осаждать город?» —

«Да, и вы должны руководить осадой и сказать нам, в какой день мы возьмем крепость. Ведь так делал Вобан во Франции, а вы наш маленький Вобан». — «Помоги нам бог с таким Вобаном. Но как бы велик он ни был, все-таки, я думаю, что он имел бы сомнения, если бы он видел здешний недостаток во всем, что необходимо для такой осады». На это король возразил: «У нас достаточно материала, чтобы взять такую жалкую крепость, как Полтава». «Хотя крепость и не сильна, — ответил Гилленкрок, — но гарнизон там сильнее, в нем 4 тыс. человек, не считая казаков». На это у короля оказался его вечный аргумент: «Когда русские увидят, что мы серьезно хотим напасть, они сдадутся при первом же выстреле по городу». Гилленкрок знал эти раз навсегда попавшие в упрямую голову Карла на его несчастье «нарвские» иллюзии уже восьмилетней давности. «Мне то кажется невероятным, — сказал он. — Я скорей, думаю, что русские будут защищаться до крайности, и затем трудные осадные работы истощат вашу пехоту». — «Я вовсе не имею в виду употреблять для этих работ мою пехоту, а запорожцев Мазепы». — «Ради бога, прошу ваше величество, подумать, возможно ли, чтобы осадные работы выполняли люди, которые никогда такими вещами не занимались, с которыми можно объясняться только при помощи переводчика и которые убегут прочь, как только работа будет для них обременительна и как только они увидят, что их товарищи падают под пулями осажденных?» Король не согласился и не стал уверять, что запорожцы не разбегутся, потому что им будут хорошо платить. Тогда Гилленкрок решил коснуться больного места шведской армии в тот момент: «Если даже запорожцы дадут запретить себя в работу, то ведь ваше величество не имеет пушек, которые было бы возможно пустить в ход с успехом против валов, обнесенных палисадами». Но у Карла всегда был готов ответ на любое возражение, если ему чего-нибудь очень хотелось: «Но ведь вы сами видели, что наши пушки уже разбивали бревна, которые были толще, чем палисады». — «Конечно, то есть тогда, когда снаряды попадали. Но здесь должно прострелить несколько сотен столбов». — «Если можно пробить один, то можно и сотни». Здесь опять Гилленкрок решил напомнить о тревожном обстоятельстве: «Я тоже того мнения,

но когда падет последний палисад, то одновременно окончатся и наши боевые запасы». — «Вы не должны представлять нам дело таким трудным. Вы привыкли к осадам за границей и все-таки считаете подобное предприятие невозможным, если у нас для этого нет всего, что есть у французов. Но мы должны выполнить при наших незначительных средствах то, что другие совершают при больших». Гилленкрок не уступал: «Я бы действовал предосудительно, если бы я делал ненужные затруднения. Но я знаю, что нашими пушками ничего достигнуть нельзя, вследствие чего в конце концов задача взять крепость будет возложена на пехоту, и при этом она целиком погибнет». — «Я вас уверяю, что не потребуется никакого штурма». Гилленкрок недоумевал: «Но тогда я не понимаю, каким способом будет взят город, если только нам не повезет необычайное счастье». Король и на это имел ответ: «Да, вот именно мы должны совершить то, что *необыкновенно*. От этого мы получим честь и славу». «Да, — сказал Гилленкрок, — бог знает, какое это необыкновенное предприятие, но боюсь я, что оно и конец будет иметь необыкновенный». — «Только примите все необходимые меры и вы увидите, что вскоре все будет сделано хорошо».

На этом знаменательная беседа окончилась.

В Полтаве повторилось, то, что было в осажденном Веприкe: все гражданское население не только пожелало принять самое деятельное участие в обороне, но и реально принесло существенную помощь. Регулярных войск в городе было 4182 человека, с обученными артиллеристами 4270, а вооруженных горожан — 2600 человек. Пушек было мало, пороха и того меньше, укреплен город был довольно примитивно⁴⁵.

Но и в данном случае, как часто бывало в русской истории, русский героизм уравнивал русские силы и силы неприятеля, «и равен был неравный спор».

А спор в самом деле вплоть до появления русской армии казался не только неравным, но почти безнадежным для полтавского гарнизона.

Карл XII счел в начале апреля, когда лично появился под городом, совершенно излишним тратить на такую легкую (как ему показалось с первого взгляда) задачу артиллерийские сна-

ряды, которых становилось у шведов все меньше и меньше. Левенгаупт под Лесной потерял все свои боезапасы, которые он вез Карлу в своем колоссальном обозе, а Станислав Лещинский из Польши не приходил и не очень похоже было, что он придет, а еще менее было похоже, что если даже придет, то много от него проку будет. Значит, следовало побереечь снаряды, а Полтаву взять с налету, молодецким штурмом, без подготовки. Но тут Карла постигло первое разочарование.

Если не начало «правильной» осады, то начало неприятельских действий под Полтавою должно считать от 1 апреля 1709 г. В этот день впервые «партия неприятельская приходила до Полтавы против которой выходила партия. По сражении неприятельская партия збита и прогнана. На боевом месте мертвых тел неприятель оставил 32, а в плен взято 6 (русских. — *Е.Т.*)... убито 6, да ранено 2»⁴⁶. Собственно, с тех пор в том или ином виде военные действия под городом Полтавой уже не прекращались. На другой день после первой стычки последовала вторая: по неприятелю был дан залп, и было убито 8 человек, но двое перед смертью показали, что скоро Полтава будет атакована самим королем. А 3 апреля на самом рассвете приступило к Полтавской крепости неприятельское войско, из которого 1500 человек в тот же час пошли на штурм⁴⁷. Но штурм был отбит, а пленные показали, что «они надеялись оную крепость взять, потому что она без обороны и валы во многих местах низки». 4 апреля к Полтавской крепости подошли довольно крупные силы⁴⁸. Из крепости были высланы две партии, по 700 человек в каждой. Шведы были отбиты с потерей 100 человек, трупы которых были сосчитаны на валах крепости. 5 апреля в час ночи шведы уже пошли на настоящий штурм, который продолжался всю ночь. Штурм был отбит. Неприятель потерял убитыми 427 человек, русские потеряли 62 убитыми и 91 ранеными.

2—3 апреля сам король произвел первую рекогносцировку полтавских укреплений. Адлерфельд, для которого не было в это время секретов в шведской главной квартире, положительно утверждает, что именно Мазепа дал Карлу XII совет овладеть Полтавой, во-первых, чтобы создать себе из нее базу (*une place d'armes*) для обеспечения успеха при дальнейшем про-

никновении в Россию, а во-вторых, чтобы иметь нужную точку опоры для поляков Лещинского, когда они из Польши пойдут на помощь Карлу XII. Конечно, от Мазепы же шведы узнали, что в Полтаву под защиту русских сбежались многие при приближении шведов, и в городе поэтому накопилось «много богатств, хлеба и всяких запасов»⁴⁹.

Начиная с 6 апреля идет ежедневная борьба у валов Полтавы: неприятель строит «апроши», а русские постоянными вылазками то днем, то ночью разоряют эти работы. Происходят очень часто «прежестокые баталии»: 7 числа Келин выслал 1500 мушкетеров, и неприятельские потери были равны: 200 убитыми, а русские — 82 убитыми и 150 ранеными. 10 апреля шведы втащили в свои шанцы при Полтаве пушки, а русские выслали 1200 человек, и «шанец неприятеля отбили», но, когда «вылазка возвратилась в город», шведы снова принялись за возведение шанцев «близь валу». 13 снова из Полтавы была вылазка 400 мушкетеров. Осажденные уже 9 апреля из допроса пленного, взятого на шанцах, узнали, что «король, не взяв Полтавы, бою с войсками царского величества дать не хочет». А 14 апреля Карл XII лично осмотрел валы Полтавской крепости и, найдя один вал низким, велел в тот же день взять Полтаву штурмом. 3 тыс. шведских мушкетеров бросились на штурм, но Келин вывел на валы до 4 тыс. человек, и приступ был отбит. Русских было при этом убито 142, а ранено 182 человека, шведов же «до 500 трупами положили».

На другой же день после этой неудавшейся попытки закончить с Полтавой штурмом шведы стали располагаться для долговременной осады. Король стал в Будищах, другая часть армии — в Опошне, в Новых Сенжарах, в Старых Сенжарах (Сенжарах), и у самых валов неприятель начал строить «ретраншемент», т.е. укрепленный лагерь. Уже с 15-го осада стала очень «крепкой», и русская армия, «хотя и видела Полтавскую крепость от неприятеля весьма утесняему, — токмо помощи учинить не могли, потому что берега реки Ворсклы весьма топкие и болотны». А 16 апреля шведы стали обстреливать крепость из трех мортир. Положение делалось острым. 18 апреля генералитет, командовавший армией, стоявшей за Ворсклой, собрался на военный совет: «как бы Полтавской крепости учи-

нить помощь». Решено было за милю от Полтавы через Ворсклу «сильный отряд конницы и пехоты переправитца и идти к Опошне», а также пытаться частью кавалерии атаковать главную квартиру («гаубтквартиру») шведскую. Шведские саперы 21 и 22 апреля делали подкоп: «вал по ночам проходили сапами». Русские мушкетеры своими вылазками тревожили работающих шведов. Им удалось обнаружить подкоп и «из камор подкопных порох вынули»⁵⁰.

Взрыв предполагали произвести во время приступа, потому что «желательный пролития крови король Карл того же числа (23 апреля. — *Е.Т.*) приуготовя 300 человек к приступу, повелел подкопа рукав зажечь» и тотчас после взрыва «вбежать в крепость». Король не знал, что порох русскими вынут. Никакого взрыва не последовало, и штурм даже не был и начат. Но на следующий день король все-таки велел повести приступ в другом месте, где вал показался ему «безоборонным». Однако и здесь шведы были отбиты, потеряв 400 человек. Это было 24 апреля. А на другой день, 25, русские попробовали очень удачно «сделанной машиной с крюком» вести борьбу против шведских саперов: «вынуто из сапов 11 человек без потерянния от войск царского величества ни одного человека, да в сапах вала найдено тем же инструментом побитых до 24, а протчие убежали». Это событие, читаем в нашем документе, произвело на шведов сильное впечатление: «Таким образом неприятель сапами доставать крепости отменил и только единым метанием бомб приводил в несостояние, а артиллерию при оной атаке имел малою».

Но заметим тут, что записавший это в дневник под 25 апреля оказался слишком большим оптимистом, и почти спустя месяц (22 мая) русским войскам пришлось обнаружить «веденные неприятелем мины под вал» Полтавской крепости. Русские эти мины «перерыли и до исполнения действия не допустили»⁵¹.

24—25 апреля несколько полков из дивизии Спарре, а за ними на следующий день и другие полки этой дивизии, в общем семь полков, пошли к Полтаве из Лютеньки, где они стояли. За ними последовал и выведенный окончательно из Гадяча гарнизон. Эти полки шли с артиллерией и всем своим бага-

жом. 27—28 к Полтаве подошел и отборный Дарлекарлийский полк, а 28—29 прибыл к Полтаве из Будищ и сам король с кавалерией и несколькими кавалерийскими и пехотными полками⁵². Шведы 1 мая отрыли первую траншею перед русскими укреплениями. Работа над этой траншеей длилась непрерывно от 2 до 6 мая. Русские постоянно обстреливали работавших.

28 апреля 1709 г. было почти закончено сосредоточение шведской армии у Полтавы, в Малых Будищах, в Жуках. Сначала питали надежду взять Полтаву немедленно штурмом. Но два штурма один за другим были отбиты 29 и 30 апреля. Затем немедленно последовали русская вылазка в ночь на 1 мая и другая — 2 мая, а 3 мая — третья вылазка. Потери были большие и у шведов и у русских, но комендант Келин решил сделать все возможное, чтобы помешать инженерным работам шведов по устройству апрошей вблизи от палисадов полтавских укреплений. Вылазки поменьше первоначальных следовали одна за другой. 14 мая бригадиру Головину удалось, обманув бдительность часовых, напасть на ближайшие к городу апроши и, перебив находившихся там солдат, благополучно ввести в осажденный город подмогу в 900 человек (по позднейшим показаниям — 1200 человек).

Попытки шведов подложить мины оказались неуспешными. Во-первых, шведы не очень умели производить такие сложные инженерные работы, саперная часть у них была довольно примитивна. Во-вторых, русские наловчились находить и обезвреживать эти мины. Новый большой штурм Полтавы 23 мая был отбит с тяжелыми для шведов потерями, причем он был скомбинирован со взрывом второй большой мины. Но мина, по обыкновению, не взорвалась. А когда 24 мая шведы, уже не полагаясь на мины, повели новый штурм, то он тоже был отбит.

Приступы, бывшие в конце апреля (29 апреля) и в мае (15, 23 и 24 мая), прерывавшиеся время от времени вылазками осажденных, инженерные работы, производившиеся шведами, рывшими подкопы и подкладывавшими мины, а также русскими, стремившимися обезвредить эти мины, — все это не при-

водило к решающему результату. Ни город не был взят, ни шведское командование не снимало осады.

После канонады 1 июня шведы пошли на штурм, который снова был отбит, хотя штурмующих было около 3 тыс. человек.

У шведов не было уже ни достаточно пороха, ни снарядов, чтобы вести успешную бомбардировку Полтавы. Гилленкрот говорил министру Пиперу, осматривавшему осадные работы: «Выстрелы, которые вы слышите, это выстрелы русских, а не наши». Даже отчаянные кровопролитные штурмы, которые один за другим устраивал Карл и которые неизменно отбивались геройским гарнизоном и не менее геройским населением Полтавы, объясняются сознанием шведов, что бомбардировки, последовательные и эффективные, решительно уже невозможны. Солдаты шведской армии должны были заниматься в своем лагере разнообразными работами. «Припасы добывать было трудно, немного зерна, которое выдавалось, приходилось молотить ручным способом, другие (солдаты. — *Е.Т.*) принуждены были изготавливать порох, третьи — охранять траншеи, все эти трудности замедляли осаду, и постоянное утомление приводило в уныние самых стойких», свидетельствует Понятовский в уже цитированных нами записках. Лошади без достаточного корма падали десятками, а выпускать их на пастбища было делом рискованным, русские их угоняли.

Население и более близких и даже далеких от Полтавы деревень предпринимало упорные партизанские вылазки по ночам на аванпосты у шведского лагеря. Убивали постовых, угоняли лошадей и скот. Попадавших в плен крестьян и казаков шведы убивали после долгих, жестоких истязаний.

Больше 4 тыс. человек (4182) гарнизона с комендантом Алексеем Степановичем Келиным во главе защищали Полтаву. Позднейший блеск русской победы в открытом бою 27 июня несколько затмил заслугу защитников города. Их храбрость и стойкость отмечали с хвалой. Петр, как увидим, торжественно их благодарил за подвиг, и все-таки эта по-своему поразительная защита как-то отодвинута была и в глазах современников, и в оценке потомства на второй план.

А между тем оборона Полтавы достойна быть высоко отмеченной в летописях славы русского народа. Эта оборона велась общей дружной работой гарнизона и жителей так же точно, как в Веприке и в других местах, которыми желали овладеть шведы на Украине. Разница между Полтавой и Веприком была лишь та, что здесь, в Полтаве, оказалось возможным вооружить около 2600 жителей города. Пушек у них было 28, пороху было мало, и они его экономили. Правда, к счастью, и у шведов тоже пороху было мало. Но укрепления города были не очень надежны, и Карла нельзя упрекнуть в слишком большой самонадеянности, когда, поездив вокруг Полтавы почти в течение двух суток, король и его свита пришли к заключению, что город можно будет взять с налета, первым же приступом. Слишком уж большое было неравенство в численности вооруженных сил между осажденными и осаждающими. Ведь Полтаву осадила армия, восемь лет почти без перерыва бившая врагов на полях Северной и Центральной Европы, и осадой лично руководил любимый солдатами их прославленный вождь. Но, как всегда, Карл не имел правильного представления о русском народе вообще и о русском солдате в частности и о том, как безнадежно и как нелепо мечтать «о трусости» гарнизона и его сдаче «при первом выстреле». Карл продолжал в это время жить в каком-то пугавшем его приближенных сне наяву, упрямо решив раз навсегда презрительно не считаться с народом, землю которого он пришел разорять и завоевывать. Довольно чувствительный урок он получил вскоре после разговора с Гилленкроком. «Жалкая крепость» оказалась под защитой не «жалких» гарнизона, населения и коменданта.

После того как все апрельские и майские приступы оказались неудачными, Реншильд, готовясь к новым, усиленным штурмам попытался снова (в восьмой раз!) испытать твердость духа осажденных и предложить сдачу на самых почетных условиях. 2 июня к коменданту Келину явился от шведского фельдмаршала барабанщик, предлагая сдаться на любых условиях, какие сам Келин изберет. При этом предлагалось сделать это «заблаговременно, понеже в приступное время акорд дан не будет, хотя б оного и требовали, но все будут побиты». Ответ коменданта Келина гласил: «Мы уповаем на бога, а что

объявляешь, о том мы чрез присланные письма, коих 7 имеем известны; тако же знаем что приступов было восемь и из присланных на приступе более 3 тыс. человек при валах полтавских головы положили. И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле божией, потому, что всяк оборонять и защищать себя умеет и с оным ответом барабанщик отпущен»⁵³.

В ответ на предложение сдаться комендант Алексей Степанович Келин ответил вылазкой гарнизона, которая, даже по шведским данным, стоила их войску недешево: шведы потеряли до двухсот человек убитыми и ранеными и четыре пушки. А кроме того, участники вылазки, уходя, уволокли с собой в осажденный город 28 человек пленными. Таков был для осаждающей шведской армии дебют полтавской осады.

За этой большой вылазкой последовали другие, поменьше, происходившие внезапно и очень беспокоившие шведов. Решительное сопротивление осажденных очень озлобляло Карла, и так как «шведский паладин» был на самом деле совершенно чужд сколько-нибудь великодушных, рыцарских чувств к врагу, в особенности если враг был русский, то это раздражение выразилось в усугубленной жестокости по отношению к пленным. Благочестивый пастор Нордберг с большим удовлетворением и одобрением передает такие поступки Карла, произведшие на этого смиренного служителя алтаря самое отрадное впечатление: однажды поймали четырех человек русских, которых обвинили в том, будто они хотели произвести какой-то поджог; двух из них сожгли живьем, а двум другим отрезали носы и уши и отправили их в этом виде к русскому главнокомандующему графу Шереметеву⁵⁴.

Для некоторого облегчения положения осажденных Меншиков решил предпринять крупную диверсию. На рассвете 7—8 мая русская пехота по трем незадолго до того быстро сделанным мостам, «а конницы чрез болота и реку вплавь, несмотря на жестокую неприятельскую из транжамент пушечную стрельбу и трудную переправу, перешли и к транжаменту приступили, и одними шпагами неприятеля с великим уроном из того транжамента выбили и принудили их бежать порознь». Бежали к Опошне 4 шведских эскадрона и 300 человек пехо-

ты. Но тут из Опошни на помощь выступили новые шведские силы. Шведы затем зажгли предместье города и ушли в «замок» (укрепленный пункт в Опошне). На поднятую тревогу к Опошне поспешил на помощь своим король с семьей полками — и русские «отошли добрым порядком».

Потери, по русским источникам, были равные: по 600 человек. При своем отходе из Опошни русские освободили и увели «несколько сот малороссийских людей, которые от неприятеля из разных мест для всякой работы были загнаны»⁵⁵.

В своей реляции, посланной царю 13 мая, Меншиков описывает дело 7 мая так. Сначала «некоторая часть» армии под начальством трех генералов: Беллинга, Шомбурга и генерал-квартирмейстера Гольца была направлена к Будищам. Отсюда предполагалось перейти всем вместе через Ворсклу, но «ради трудных переправ» удалось совершить переправу только одному Гольцу со своим отрядом. Тут Гольц напал на ретраншемент, где засело около 500 шведов, «которых немедленно с помощью божией едиными шпагами из того ретраншемента (sic. — *E.T.*) выбили». Но тогда из Будищ прибыли на помощь шведам три конных полка и два пехотных, и хотя первый русский залп по шведам был удачен, но русские отошли (о чем Меншиков умалчивает), перебив, в общем, 600 человек и взяв в плен полтараста, а также две пушки, ружья, знамя и пр. Русские потери по этому донесению были всего 26 убитыми и 45 ранеными (считая с офицерами)⁵⁶. Вот как «стилизованно» повествует о том же событии летописец шведского штаба.

7—8 мая русские уже с неделю, по сведениям шведов, накапливавшие силы около Опошни, перешли через Ворсклу по мосту, который они устроили пониже города. У русских было при этой операции, на глаз шведов, 12 тыс. человек пехоты и кавалерии. Оттеснив и обратив в бегство пробовавший задержать их шведский отряд, русские, однако, наткнулись на спешно сконцентрированные генералом Роосом силы нескольких кавалерийских и пехотных полков и перешли обратно через тот же мост, потеряв в арьергардных боях 200 человек. Русские вернулись в Котельву, уничтожив за собой мост⁵⁷.

Очень поддерживало дух осажденного гарнизона и населения то обстоятельство, что Полтава в смысле получения сведений вовсе не была отрезана от русской полевой армии.

Переписка между осажденными полтавцами и полевой армией шла путем писем, вкладываемых в полые ядра, хотя и нерегулярно, конечно, и часто с опозданиями. Например, 10 июня комендант Келин отвечает на письмо Меншикова от 26 мая. Но было и так, что тот же Келин уже 4 июня отвечает Меншикову на письмо, писанное 3 июня.

Зловещие для Карла симптомы множились в осаждающем Полтаву шведском лагере. Усиливалось прежде очень редкое дезертирство. Из отряда волохов 21 апреля дезертировало три капитана и 38 рядовых. И подобные случаи стали повторяться. Еще более показательным симптомом падения дисциплины была необходимость для самого короля увещевать этот отряд, просить его продолжать «верную» службу, причем король не наказал солдат этого отряда за их дерзкое поведение, но велел удовлетворить их пожелания (выдал жалованье за год вперед и т.д.).

Еще только начиналась осада Полтавы, а уже к стоявшему в Хороле фельдмаршалу Шереметеву начали поступать сведения о неудачах атакующего неприятеля. 4 мая к Шереметеву явился дезертир из королевского лагеря («выехал ротмистр, родом француз»), а на другой день явились еще четыре дезертира. Они рассказали о двух неудавшихся штурмах, которые были отбиты от Полтавы русской пушечной и ружейной стрельбой. Шереметев удостоверился, что неприятель «ничего над Полтавой учинить не мог, в войске их во взятии надежда слабая, понеже великой артиллерии и довольной амуниции неприятель у себя не имеет».

Шведы с последних дней мая и с начала июня стали определенно нуждаться в хлебе еще гораздо больше, чем прежде. А мясо, которого было больше, чем хлеба, начало гнить под влиянием наступившей летней жары. «Хлеба нам или смерти!» — громко говорили, пока еще между собой, солдаты. Их лагерь и королевская ставка, сначала в Будищах, потом в Жуках, наконец, у Полтавы, стали походить на ловушку, и осаждающие все более чувствовали себя осажденными.

В русский лагерь постоянно приводили захваченных шведских «языков». И эти «языки» говорили в один голос о трудном положении осаждающей Полтаву армии. Так, забрали за Ворсклой «шведского хлопца» и двух запорожцев-мазепинцев. Взятые показали, что шведов побито у Полтавы много и что вообще людей осталось в полках мало: например, у полковника, где служил взятый «хлопец», было сначала восемь рот по 150 человек в каждой, т.е. 1200 человек в полку, а теперь (8 июня) осталось у него всего 250. Показали пленные также, что шведы ведут подкоп (русские уже знали об этом) и что работают над этим подкопом запорожцы-мазепинцы. Пленные тоже считали запорожцев не входящими в состав шведской армии и показали, что «войска швецкого коннова и пешева тысяч с двенадцать»⁵⁸. Они ошиблись: число шведского личного состава было до 19 тыс. человек.

Строить траншеи («апроши»), постепенно подвигая их к валам осажденного города, становилось все труднее, потому что стрельба со стороны гарнизона отличалась меткостью. Особенно чувствительно было истребление шведских инженеров и саперных офицеров при этих опасных работах, которые шли в течение всего мая и начала июня, не приводя ни к каким результатам: «Эти работы стоили нам много людей, особенно инженеров, и не проходило дня, когда бы у нас не было из них несколько убитых или раненых. К концу король был принужден пользоваться в качестве инженеров пехотными и кавалерийскими офицерами»⁵⁹, — констатирует Нордберг в мае 1709 г.

Вылазки делались небольшими отрядами, но частые и смелые: солдаты и вооруженные горожане Полтавы подстерегали шведов, когда те выгоняли на пастбища своих лошадей, и затевали постоянно перестрелку.

У русского командования были все основания опасаться за город Полтаву. Было ясно, что без вмешательства полевой армии обойтись нельзя. Решено было произвести диверсию.

Как уже упоминалось, 7 мая Меншиков после боя, продолжавшегося с перерывом несколько часов, перешел через Ворсклу у Опошни, напал на шведов, отряд которых был тут равен от 600 до 700 человек, часть шведов перебил, часть взял в плен

(около 170 рядовых и 8 офицеров). Но ушедшие с поля боя шведы укрепились в «замке», бывшем у Опошни, и к ним пошла помощь — около 7 тыс. кавалерии с Карлом XII во главе. Они явились из села Будищей, где была главная шведская квартира. Шведы перебили русских, которые не успели переправиться обратно, но русская артиллерия с другого берега начала бомбардировать шведскую кавалерию. Шведы отступили, а русские «добрым порядком» все-таки закончили переправу вполне удачно и перевезли свой обоз. Из Опошни в лагерь Меншикова пришло несколько сот жителей Опошни с женами и детьми, которых вплоть до этого дня шведы держали «за крепким караулом» и принуждали к «непрестанной жестокой работе»⁶⁰. Шведы на другой день, 8 мая, ушли, предвительно сжегши город Опошню.

16 мая Меншиков уведомил князя Д.М. Голицына, что неприятель не только обложил Полтаву, но уже произвел несколько приступов, которые все отбиты гарнизоном, причем русские потери пока дошли до 2 тыс. человек. Неприятель повел подкоп «под самый город», но русские его «перекопали» и «несколько бочек пороху вынули» оттуда⁶¹.

Людей в крепости становилось мало, а пороха и свинца еще меньше. Меншиков, как сказано, решил, осмотрев местность, попытаться послать каким-либо способом подкрепление в осажденный город. Предприятие было отчаянное, но оно удалось. В ночь на 15 мая «посланный от нас сикурс (подмога. — Е.Т.)» проник в Полтаву под командой бригадира Головина: «...изготовя себя, и не токмо что платье все, но и штаны ради болотных зело глубоких переправ поскидали, и на каждого человека дав по несколько пороху и свинцу, с божиею помощию помянутой брегадир в город привел». Место тайной переправы было явно избрано наиболее болотистое, наиболее труднопроходимое именно потому, что шведы никак не могли предполагать подобного риска. По мнению ликовавшего Меншикова, от этой помощи «так сей гарнизон удовольствован», что отныне может не бояться шведской осады, как бы она ни была продолжительна, «хотя б неприятель сколько бытности своей ни продолжал»⁶².

17 мая произошла большая вылазка из Полтавы, поддержанная «жестокой» стрельбой городской артиллерии. Русские стреляли картечью и нанесли урон неприятелю, одновременно подвергнувшись также нападению со стороны небольшого отряда русских grenадеров. Как и под Опошней, так и под Полтавой шведская артиллерия мало отвечала, порошу давно уже не хватало в шведской действующей армии, и это сказывалось все явственнее и явственнее. А уже 15—16 мая шведам пришлось убедиться, что, подбросив так счастливо в Полтаву значительное подкрепление, Меншиков и Шереметев и дальше времени не теряют: за Ворсклу от главной армии была командирована «легкая партия», которая учинила внезапное нападение «на неприятельские конские стада и, побив караульных, больше тысячи лошадей отогнала» к своим. Это был значительный успех для русских, так как падеж лошадей, обусловленный скудностью фуража, и без этого страшно косил конницу.

Через два дня после этого успешного кавалерийского поиска и последовал рейд русских grenадеров, которые должны были напасть на неприятельский редут, охранявший сооруженный шведами мост через Ворсклу. Нападение состоялось, и grenадерам удалось выгнать шведов из редута, но долго преследовать их невозможно было, и «по жестоком бою» русские принуждены были «ради глубоких болот по груди итти». Они должны были остановиться, подверглись жестокому обстрелу и отступили⁶³. Но этим боевой день 17 мая не ограничился, за grenадерами полевой армии Шереметева и Меншикова выступили полтавские осажденные. Произошла «жестокая вылазка гарнизона», русские «с толикой храбростью» атаковали работавших в апрошах шведов, что выбили их оттуда вон. Конечно, шведское командование поддержало атакованных, русские прекратили бой и ушли в крепость. Неприятель не преследовал. Но и это еще было не все: в ночь с 17 на 18 мая числившиеся в русской нерегулярной коннице волохи переправились через Ворсклу и, перебив караулы, угнали пасшиеся конские косяки и «счастливо к войску привели»⁶⁴.

С 22—23 по 25—26 мая, записывает в своем дневнике Адлерфельд, «не произошло ничего замечательного. Осада тяну-

лась довольно медленно». Шведы пытались подкладывать мины, «но они были открыты». Русские убили и ранили несколько человек при этом. «Что было хуже, — это редкие случаи выздоровления наших раненых вследствие быстро наступившей гангрены». Страшная жара с трудом переносилась уроженцами Скандинавии.

25—26 мая стала прибывать на Ворсклу армия Шереметева и располагаться укрепленным лагерем, соединясь с отрядом Меншикова. Русские «старательно укрепляли свой лагерь», закрывая болотистые берега Ворсклы фашинником и воздвигая укрепленные пункты, куда ставили артиллерию.

В тот же день (25—26 мая), когда появились силы Шереметева, комендант Полтавы произвел вылазку, и русские напали на работавших в траншее шведов, перебили несколько человек и гнали остальных до расположения крупных шведских частей, после чего вернулись к себе. После этого случая шведское командование сделало одно неприятное наблюдение: «Запорожцы, которыми раньше пользовались с успехом при рытье траншеи, стали отныне возвращаться в траншею с большой неохотой»⁶⁵.

Еще не получив известия о нападении Меншикова на шведов при Опошне и удачном его переходе через Ворсклу, Петр писал, что непременно нужно освободить Полтаву от осады, для чего он предлагает «два способа»: «Первое, нападением на Опошню и тем диверсию учинить; буде же то невозможно, то лутче приттить к Полтаве и стать при городе по своей стороне реки». Царь писал это Меншикову 9 мая, не зная, что уже 7 мая Меншиков выполнил первое его желание и произвел удачное нападение на шведов у Опошни. Только 13 мая Петр получил известие о бое под Опошней и поздравлял Меншикова с победой «против так гордых неприятелей»⁶⁶.

Немедленно исполнил Меншиков и второе повеление и ускорил свое движение к осажденной Полтаве.

Русская армия постепенно все ближе и ближе подходила к осадившей Полтаву шведской армии. «Неприятельское войско у города, а мы за рекою от степи. И мы уже шанцами своими самую реку и еще три протока перешли, а осталось токмо один проток перейти, перед которым они (шведы. — Е.Т.) вал

сделали», — писал Брюс Т.Н. Стрешневу 20 мая. И опытный воин предугадывал, что именно тут произойдут очень серьезные события. «И мню, что не без великого труда и урону нам будет случение со осадными в городе»⁶⁷, — соединение с осажденным полтавским гарнизоном. Но пока казаки, окрестные посполитые крестьяне и русские конные отряды очень успешно угоняли лошадей и скот, который шведы выгоняли пастись около своего лагеря, и, например, с 17 по 20 мая, за три дня, угнали полторы тысячи лошадей.

5

В шведском штабе давно ломали себе голову над вопросом, где Петр, почему он не едет к армии? Мы это знаем точно. Но мы знаем и причину этого.

Петр всю весну готовил нужную политическую обстановку для предстоявшей решительной схватки с шведами. Он с лихорадочной поспешностью готовил флот, который должен был заставить Турцию воздержаться от враждебных выступлений против России. И это ему удалось вполне.

Современники вроде очень осведомленного царского писаря и «комисара девятого класса по подрядам» П.Н. Крекшина, в записях которого наряду с неправильными или неточными сведениями находим немало нового и любопытного, склонны были считать, что организованная в марте — апреле — мае 1709 г. в Азове и Троицком и совсем готовая к войне на Черном море эскадра предотвратила турецкое нападение на Россию в этот критический предполтавский период войны. От великого визиря к адмиралу Апраксину прибыл специально посланный «курьер с письмами», в которых Оттоманская Порта запрашивала о причине таких военно-морских приготовлений. «Оному посланному приготавливаемый флот объявлен» (т.е. был ему показан), и турок увидел «великость оного». Больше ничего не потребовалось. Турки уверили, что они преисполнены миролюбия. «Шведский король и изменник Мазепа из Царяграда получили неблагополучные ведомости, что Порта мир с царским величеством желает содержать нерушимо и от возможных войск им отказала. Шведский король и изменник

Мазепа всей надежды лишился», и опасная в тот момент диверсия была, таким образом, предотвращена: «сие благополучие воспоследовало от вооружения флота»⁶⁸, — подчеркивает Крекшин.

Петр от Полтавы был далеко, спешно снаряжая флот и ведя переговоры с турками. А Шереметев зорко следил за движением шведов и собирал очень усердно сведения о том, что делается в их лагере.

Шведские дезертиры еще 20 марта 1709 г. сообщали Шереметеву: «В их войске все желают, чтоб из здешней стороны вытти понеже все под сумнением, как им будет здесь живот свой спасти; а о намерении королевском они неизвестны». Но о «намерении королевском» поведал фельдмаршалу тогда же (18 марта) взятый в плен под Решетиловской запорожец-изменник Федер Коломыченко: «Слух у них запорожцов обносится, что король имеет намерение с московским войском, где ныне стоит, дать баталию, также и к Москве хочет итти, а за Днепр итти не хочет»⁶⁹.

Все сведения, которые с тех пор в течение апреля и мая получались в русской армии, неизменно подтверждали правдивость этих двух показаний: король хочет и ищет битвы и ничуть не отказался от мечты о победе и о Москве, а его войско изнурено и сомневается, удастся ли унести ноги подобру-поздорову. Теперь, к концу мая, русская армия была собрана в кулак, в большую группу, готовую к бою. Сил было достаточно, чтобы с большой надеждой на успех попытаться спасти Полтаву. Для этого должно было перейти через Ворсклу и так или иначе сильно сблизиться с шведским лагерем, даже идя на риск подвергнуться общей атаке всех шведских сил. Приблизилась развязка.

Согласно приказу царя, Шереметев 27 мая пришел «под Полтаву», где и стала сосредоточиваться главная армия. Он подтянул к себе еще несколько полков от Скоропадского. 1 июня в третьем часу дня Шереметев получил известие от Петра о том, что царь скоро прибудет, и немедленно (в шестом часу того же дня) ответил, что для облегчения положения осажденного полтавского гарнизона «иного к пользе мы изобрести не могли, токмо чтобы немалую часть пехоты и притом кавале-

рии чрез Ворсклу выше Полтавы в полуторе миле переправить и поставить в ретраншементе; а из того ретраншименту всякие поиски чинить и диверсии неприятелю делать». Мысль Шереметева была ясна: шведы должны были неминуемо оказаться между огнем ретраншемента, если бы они вздумали на него наступать, и огнем полтавских укреплений. «А когда неприятель с пехотою будет на нас наступать, из того Полтава пользу может получить; так же и в то же время от шанцов возможно немалой алларм и диверсию учинить неприятелю»⁷⁰.

Царь выехал из Азова 26 апреля, направляясь через Троицкое к Полтаве. В дороге, в Троицком городке, он получил разом сведения о том, что в последний месяц творилось под Полтавой. Меншиков сообщал о том, как неприятель «город Полтаву формально атаковал и несколько раз жестоко ко оному приступал, но с великим уроном всегда был отбиван (sic. — *Е.Т.*), и чрез вылазки от наших людей потерял немало»⁷¹.

Меншиков сообщил и о своих действиях, предпринятых для облегчения положения Полтавы. Чтобы «учинить неприятелю какую диверсию», Меншиков решил, как мы видели, напасть на ретраншемент шведов у Опошны.

Прибыв под Полтаву только 4 июня, царь на первых порах не считал, что пришло вполне благоприятное время для решительного сражения: «Между тем учинен воинский совет, каким бы образом город Полтаву выручить без генеральной баталии (яко зело опасного дела), на котором положено, дабы апрошами ко оной приближаться даже до самого города»⁷².

4 июня 1709 г. на военном совете, собранном Петром, Яков Брюс объявил «свое простейшее мнение» на вопросные пункты Шереметева о необходимости перейти через Ворсклу с 8 или 10 тыс. пехоты, выше Полтавы, и устроить там ретраншемент, снабдив его не только пехотой, но и конницей. Это учинит неприятелю «великое помешательство». В случае нападения шведов на Полтаву или на ретраншемент — посылать подмогу в помощь атакуемым и если придется, то «прочим всем» неприятеля атаковать. Если атаке подвергнется Полтава, то помощь посылать из ретраншемента, а если атакуют ретраншемент, то посылать из главного («большого») корпуса 10 батальонов на помощь. А если неприятель атакует шанцы, «то

как всем, обретающимся в траншементе» (ретраншементе), так и коннице, стоящей ниже города, напасть на неприятеля.

Таково было «сие простейшее мнение» Брюса, поданное «в обозе при Полтаве» в самый день прибытия царя под Полтаву 4 июня 1709 г.⁷³. Петр расширил и углубил этот план — и у него переход через Ворсклу знаменовал наступление момента генерального сражения.

По данным хорошо осведомленного генерала Алларта, Мазепа настаивал на скорейшем овладении Полтавой, где у него хранились «казна» и какие-то драгоценности. Но и без каких-либо настояний Карл твердо решил взять город еще до «баталии».

Компетентный наблюдатель всей военной ситуации в эти последние предполтавские дни, Алларт считал, что, не имея достаточно сил и «удобных инженеров», осилить русскую оборону «Карл не мог никак, но никакого другого выхода не было: русские войска, в сущности, уже отовсюду окружали шведов. С правой стороны стояли генерал-лейтенант Боур с шестью полками и генерал-лейтенант Генскин тоже с шестью полками кавалерии; с левого крыла в одной миле от шведского лагеря расположены были еще кавалерийские корпуса «сзади шведов до самого Днепра и по реке Ворскле, так что шведы со всех сторон обойдены были, по-видимому, кроме помощи божией оной армии никакова спасения ни убежать, ни же противустоять российской иметь было невозможно...» Таким образом, шведская армия «самым малым местом довольствоваться имела, где в пище и питье скудость имела не малую». Мудрено ли, что при подобных обстоятельствах резкий отказ Карла от обсуждения последних мирных предложений Петра, привезенных еще из Воронежа пленным шведским обер-аудитором, показался Алларту непосредственным путем «к великой гибели» шведской армии и самого Карла⁷⁴. Но, конечно, уже ничего не могло спасти шведов, кроме капитуляции.

Еще 3 июня полтавский гарнизон так осмелел, что стал строить редут под городом как раз напротив шведского «городка» на реке. Шведы пытались помешать работе, но Келин выслал из города две роты гренадер и две роты мушкетеров, и шведы были отброшены, потеряв около 80 человек. Наши потери были 26 человек⁷⁵.

Такие происшествия уже сами по себе показывали, что шведская армия не та, какой она была еще при блокаде Гродно в 1706 г. или под Головчином в июне 1708 г. Русское командование если и опасалось за Полтаву, то исключительно имея в виду недостаток в городе припасов. «Невозможно удобно верить, чтоб он (неприятель. — *Е.Т.*) сие место самую силою брал, понеже он во всех воинских принадлежностях оскудение имеет»⁷⁶, — так писал генерал Алларт 5 июня на запрос фельдмаршала Меншикова. Русские апроши были «в добром обороненном состоянии», была налицо большая русская конница, была возможность атаковать шведскую главную квартиру в Жуках и постоянными нечаянными тревогами и нападениями можно было «последовательно (постепенно. — *Е.Т.*) короля шведского и его войска к совершенному разорению привести». Алларт решительно протестует против мнения тех генералов, которые предлагают дать шведам отступить за Днепр. Он считает, что это русскому интересу «весьма вредительно», потому что шведы еще могут потом десять лет продолжать войну. Нет, король шведский уже и сейчас находится «в утеснении, нужде, и окружении меж двумя реками», и нужно тут покончить войну, не выпуская шведов отсюда никуда. Иначе и король французский потом поможет шведскому, «яко вечному своему приятелю», а, кроме того, Карл XII учтет свои ошибки («погрешения в сей войне») и уже впредь с лучшим основанием знать будет атаковать, где чувственнее есть»⁷⁷.

Это мнение еще раньше высказал Петр. Оно возобладало. И, в частности, множились признаки катастрофической слабости шведской артиллерии, вызванной недостатком пороха. Шведы лишены были возможности деятельно отстреливаться. Вот, например, что произошло 16 июня, по свидетельству запорожца-мазепинца, перебежавшего на нашу сторону: «Сего дня швецкое войско выходило на поле и хотели бить на войско царского величества, чтоб с горы конечно сбить, и увидели, что зделан редут и пушки, и из оных пушек почали по них бить и убили швецкого капитана оного Реткина и назад вернулись и боятца сами, чтоб на них не ударили»⁷⁸.

Плохо было для шведов и то, что уже с начала июня стало не хватать пищи в лагере. Если еще лошадей можно было вы-

гонять на пастбище, хотя бы с постоянным риском, то добыть хлеб оказывалось невозможным.

«Припасы становились крайне редкими. Со всех сторон только и слышны были жалобы и ропот, и слышалось такое, чего никогда не слыхали раньше...» — свидетельствует тот же ближайший спутник Карла XII Нордберг.

Обнаруживались крайне обеспокоившие этого наблюдательного капеллана симптомы большой предприимчивости и бодрости духа у «москвитов». 16—17 июня произошло крайне встревожившее генералитет и всю шведскую армию событие.

В «Журнале» Петра это происшествие неправильно отнесено к кануну Полтавского боя, и вот как там о нем рассказано.

Карл XII самолично с немногими провожатыми подъехал к русскому лагерю «и поехал ночью на российскую казацкую партию, которая стояла неосторожно, и некоторые из оной казаки сидели при огне, что он, усмотря, наехал с малыми людьми и одного из них, сошед с лошади, сам застрелил; которые казаки, вскоча, из трех фузей по нем выстрелили и прострелили ему в то время ногу, которая рана ему весьма жестока была».

В таком виде узнал об этой новой любопытной выходке Карла XII Петр.

Это происшествие передавалось с большими и очень отличающимися один от другого вариантами как русскими, так и шведскими источниками, причем, конечно, русские варианты могли быть, по необходимости, лишь в той или иной степени отголосками шведских. Вот как рассказывает об этом Нордберг. 16—17 июня король ночевал не в ретраншементе, как всегда, а в лагере. Ему доложили о каких-то движениях в русском расположении, и он, вскочив на лошадь, в сопровождении нескольких драгун помчался к месту. Русские скрылись, а когда драгуны с королем во главе возвращались в лагерь, русская пуля пробила ступню левой ноги короля и застряла в кости, раздробив ее⁷⁹. Последовала мучительная операция, перенесенная Карлом с очень большим мужеством, — и его шведские хвалители не перестают до сих пор умиляться (как умилялся и Нордберг) терпением и выдержкой короля, обходя деликат-

ным молчанием тот факт, что вся эта ночная разведка, самостоятельно предпринятая королем, была одной из абсолютно ненужных, ужасавших его окружение, выходов, которых так много было в жизни этого странного человека, избалованного безграничной властью и долгим счастьем. В данном случае последствия оказались для шведов вреднейшими. Фактически с этого момента Карл XII как верховный вождь армии, ведущей далекую, опаснейшую, уже явно наполовину проигранную войну, выбыл из строя.

«Выходцы» из шведского войска, чаще всего волохи и раскаявшиеся мазепинцы, в мае и июне 1709 г. доставляли довольно однообразно звучащие сведения о шведском лагере под Полтавой. Шведы не хотят переправляться через Ворсклу (т.е. наступать на русскую армию) и, напротив, сами очень опасаются русской переправы на полтавский берег и вообще «живут в осторожности». С провиантом дело обстоит у шведов плохо, с фуражом для лошадей — лучше⁸⁰.

5 июня 1709 г. Меншиков получил очередную записку от Келина, коменданта Полтавы (помеченную 4 июня), Келин сообщил, что он приступил к устройству редута под городом и что шведы, заметив работу, явились, чтобы помешать, но комендант выслал две гренадерские роты и две роты мушкетеров и в происшедшем сражении «сбил» неприятеля. Шведы были прогнаны и бежали, а «с одного места наши кололи штыками сажен с пятнадцать», после чего вернулись в город. Русские потеряли ранеными 1 капитана и 19 солдат и шестерых убитыми, а шведы — «человек с восемьдесят»⁸¹. В этом письме есть зашифрованное (и тут же над строкой расшифрованное) известие о том, что, по словам перешедшего от шведов к русским «волошского хлопца» Сидора Грищенко, в шведском лагере к 10 июня ждут орду (т.е. крымских татар) на помощь.

Настроение шведской армии было беспокойное. И тяжелая рана короля, и всем известное отсутствие пороха, наперед уже лишавшее пехоту и конницу всякой надежды на существенную артиллерийскую поддержку, и уменьшающиеся рационы пищи, и растущая дерзость лихих русских конных рейдов вокруг шведского лагеря — все это не располагало к большой бодрости. Приходилось для поднятия духа рассказывать

солдатам разные басни, будто выступает на помощь шведам Крым («орда» или «арда») и что татары уже в Кобеляках и в Белгороде.

Приведем показания Сидора Грищенко:

«1709 г., июня 21 дня выехал из шведского войска будицкой житель мужик Сидор Грищенко.

Сказал в войске швецком служил брат ево... а он в службе не был, еще хотел принять службу. Король и Мазепа под Полтавою, войско все под Полтавою и ныне войско все вкупе на поле потревожась от царского величества войска; сего ж дня пришли до короля от арды (sic. — *Е.Т.*) послы, а слышно, что все конечно есть четыре тысячи арды в Кобыляке (Кобеляках. — *Е.Т.*), а другие перебираютца через Днепр, а пришла арда крымская и белгородская, а другая половина арды пошла до польского короля, а когда арда прибудет к Полтаве, в те поры Полтаву добудут, а слышно, что Полтава и так хочет сдатца. А ушел от шведского войска, что есть нечево и купить негде»⁸².

По личному распоряжению Петра от 11 июня 1709 г. генерал-лейтенант Генский напал на Старые Сенжары с полным успехом.

Даже и самый близкий тыл у шведов был необеспечен ни в малейшей степени. В Новых и Старых Сенжарах стояло несколько сот человек, но они сами были почти в осаде от непрерывных русских разъездов и нападений. По всей этой полосе до самой Переволочной, т.е. именно по той дороге, по которой бежала впоследствии от Полтавы преследуемая русской погоней шведская армия сейчас же после разгрома, еще в течение всего мая и июня разъезжали русские регулярные кавалеристы и казаки гетмана Скоропадского. Они успели даже заблаговременно уничтожить почти все перевозочные средства у Переволочной, предвидя, что шведам понадобится уходить за Днепр. И здесь тоже крестьяне и горожане деятельно помогали русским вооруженным силам, и, например, по Невхорощей сотник Данило разбил неприятеля, «сбравшись с тутошними обывателями»⁸³. Как плохо держались шведы, брошенные в эти места, и как мало походили эти Новые и Старые Сенжары на сколько-нибудь серьезно укрепленный тыл, показало замечательное нападение (14 июня) кавалерийского генерала Ген-

скина на Старые Сенжары, где были перебиты многие из шведского гарнизона и освобождено около 1200 русских пленников, забранных в Веприке и в других местах⁸⁴.

По позднейшим данным, у генерал-лейтенанта Генскина было всего 2500 драгун и один пехотный Астраханский полк, когда он подошел к Старым Сенжарам. В городе находился шведский генерал-майор Круус с войском в 3500 человек. Русские «штурмом город счастливо взяли и шведов в городе порубили и обоз и королевскую многую казну и знамена и офицеров и солдат взяли и невольников, взятых в Веприке, освободили»⁸⁵.

Шведов в Старых Сенжарах не спасло и очередное гнусное зверство: они, собираясь уйти из Старых Сенжар, решили перебить всех русских пленных. Успели они убить лишь 170 человек, Генскин явился, когда его в этот день еще вовсе не ждали, и как раз прервал шведов в разгаре их «работы» по убийству пленных. Во время переполоха, вызванного нападением, русские разбили оковы, которые на них были надеты, этими же оковами перебили всю свою стражу и присоединились к русскому отряду.

Это событие произвело такое впечатление на шведов, что уже 17 генералу Генскину донесли разведчики («из Сенжарова шпиги пришли»), что шведы, стоявшие в Сенжарах, отправили к Полтаве (т.е. к главной армии) весь свой обоз и большую часть своего отряда⁸⁶.

Уже после Полтавы к русским перебежал из шведского отряда, стоявшего в Новых Сенжарах, капрал Роленц-Вейц, сообщивший, что в Новых Сенжарах стоит драгунский полк численностью 1050 человек и, кроме того, 300 человек казаков (мазепинцев). А в Старых Сенжарах стояло тогда же три драгунских полка. И все эти силы так и простояли до сдачи в плен, не принимая участия в битве под Полтавой. В русский лагерь приводили после битвы людей, посланных еще до сражения шведами «для хлеба и для добычи», а также для поджога хуторов («для зажигания»). Их ловили и приводили жители местечка Жуки и других окрестных местечек и деревень⁸⁷.

Еще 8 июня 1709 г. Петр дал знать князю В.В. Долгорукову и гетману Скоропадскому, что он намерен «всеми силами неприятеля с божиею помощью атаковать». Он приказывал Долгорукову изготовить мосты («не один») через реку Псел. Нападение будет начато конницей, а пехота будет до поры до времени сидеть в ретраншементе. Петр приказывал: «секретно сие дело держи», чтобы не дошло до неприятеля⁸⁸. Но дожди помешали делу, точнее, отсрочили его⁸⁹.

9 июня 1709 г. гетман Скоропадский получил непосредственно от Петра указ, повелевавший ему со всеми войсками, регулярными и нерегулярными, быть готовым в поход «легко без обозу на вьюках»⁹⁰.

Одновременно Скоропадскому было приказано устроить «мост не один, с ретраншементами на реке Псле к переходу».

Однако, отложив дело вследствие неудобств почвы после дождей («за великими болоты не могли исполнить»), Петр со дня на день ждал случая и пригодных обстоятельств и уже 19 июня сообщает Долгорукову, что намерен 20-го числа перейти через реку и «искать над неприятелем щастия»⁹¹.

Предприимчивость среди русских возрастала. Несмотря ни на какие «великие болоты», русский небольшой отряд внезапным нападением потеснил неприятеля, стоявшего в Старых Сенжарах. О приключившейся там «неприятельской конфузии» и о «великом убытке» шведов при этом «изрядном деле» царь узнал как раз перед тем, как вновь собрался напасть на шведов, назначая атаку на 20 июня. Но и 20-го нападение не состоялось, а совершился переход русской армии через Ворсклу.

Петр поспешно стягивал войска и, дорожа каждым часом, приказывал 23 июня Долгорукову и Скоропадскому, уже спешившим к Полтаве, сокращать маршрут, приказывал идти не на Лютенку, ибо это «зело в бок», а лучше всего «прямо сюды на обоз»⁹².

А между тем положение осажденных в Полтаве становилось совсем критическим. У них порох иссякал еще в большей степени, чем у шведов, у которых его тоже было в обрез. Но на

предложение сдать город с угрозой перебить всех находящихся в Полтаве людей, в случае если Полтава будет взята штурмом, комендант Келин ответил презрительным отказом («...тщетная ваша похвальба!») и напоминанием о жертвах, понесенных шведами на бывших до той поры приступах. Келин так осмелел, что выстроил вне городских укреплений два редута на берегу реки, т.е. фактически прорвал осаду города. Мало того: он отбросил шведов, посланных специально затем, чтобы помешать созданию этих редутов. И одновременно осажденные произвели новую вылазку, разрушившую часть шведских саперных работ. Эта вылазка стоила шведам новых жертв. Но Карл XII и его штаб уж ни в каком случае теперь не могли отказаться от мысли взять Полтаву. Все действия русского командования ясно говорили о возможности нападения всей русской армии на шведов буквально каждую минуту, после того как русские перебросили свои главные силы на правый берег Ворсклы и стали постепенно приближаться к шведскому лагерю. Не взяв города, шведы рисковали подвергнуться комбинированному нападению и очутиться между двух огней: между главными русскими силами, идущими от деревни Яковцы (в пяти примерно километрах от шведского расположения), и полтавским гарнизоном. 21 июня произошел новый сильный штурм Полтавы. Он снова должен был начаться со взрыва мин, которые, однако, опять не взорвались. В этот день было два штурма, а 22 июня — третий. Шведы уже людей своих несколько не щадили, и казалось, что в самом деле городу конец. И снова штурмующие были отбиты.

Келин со своим гарнизоном защищался отчаянно. Русские за два дня, по позднейшим подсчетам, потеряли 1319 человек из гарнизона и деятельно участвовавших в бою жителей города, а шведы, тоже сражавшиеся с большим упорством, потеряли до 2200 человек: 21-го — около 500 и 22-го — около 1700. 22-го они, например, уже побывали на верху вала, и всякий раз их после яростного боя сбрасывали вниз. Осажденные полтавцы били ядрами, а когда не хватало ядер, то швыряли камнями, которые подносили мужьям, сражавшимся на валу, их жены и подростки-дети. К ночи 22 июня шведы прекратили бой, ничего после тяжких потерь не добившись.

Таковы были заключительные штурмы в эпопее полтавской осады. Геройское население города ждало нового штурма и твердо решило погибнуть, но не сдаться. Толпа в эти дни растерзала человека, заговорившего о сдаче.

24 июня был день некоторого перелома в истории осады Полтавы. Петру снова показалось невозможным осуществить «главное наше намерение», т.е. ударить на шведов с двух сторон одновременно (от реки Псел и от Ворсклы). И мысль царя обращается к саперным работам, к рытью ретраншемента и подготовке редутов для предстоящего боя. 24 июня отправляется приказ С.А. Колычеву изготовить «восемь тысяч лопаток, да три тысячи кирок», и первую же партию (три тысячи лопаток и одну тысячу кирок), «не мешкав», доставить в лагерь под Полтавой⁹³.

Приближалось время отчаянной схватки с неприятелем, время «генеральной баталии». Царь надеялся битвой спасти город, но еще за восемь дней до сражения не был уверен, что удастся успеть сделать это.

Еще 19 июня Петр писал коменданту Полтавы Келину: «По неже, как сами вы видите, что мы всею силою добивались коммуникацию сделать з городом, но за великими болоты і что неприятель место захватил, того ради за такую трудностью того учинить невозможно...» А потому царь уведомляет коменданта, что если русскому войску не удастся пробиться открытой силой к городу через «окоп», который шведы «паче чаяния» устроят, то должно будет, выведя все население из Полтавы, взорвать дома, сжечь город, взорвать пушки или побросать их в колодцы, а самим добираться до русского стана.

Но этот план должно было исполнить лишь в случае отступления русского войска (т.е. его поражения в бою). Самое письмо свое царь приказывал держать в строжайшей тайне⁹⁴. Надеясь на победу, Петр на всякий случай делал распоряжения, которые должны были, даже при неудаче русских в бою, лишить шведов их главной добычи — города Полтавы.

К счастью, городу Полтаве не суждено было в 1709 г. сгореть так, как в 1812 г. сгорела Москва, и Келину не пришлось выполнить посланный ему приказ «в две недели от сего дня», т.е. считая от 19 июня. Прошло всего восемь дней, и грянул Полтавский бой. Но уже через неделю после письма от 19 июня

Петр очень сильно приободрился и счел необходимым написать Келину (26 июня) новое, совсем иное письмо: «Понеже, когда мы с прежнево места сюды за реку пошли, тогда для всякого случая вам дали указ, что ежели на сих днях вас за какую причину не можем выручить, чтоб вам із города вытить. Но ныне інако вам повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя с великою нуждою до половины июля і далее, понеже мы лутчаю надежду отселя, с помощью божиею, імеем вас выручить...»⁹⁵

Прошло всего несколько часов после отправления этого письма. Наступала ночь с 26 на 27 июня, и Петр отдал свой знаменитый приказ: «Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их: или пропасть весма, или в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайнего уже фортуны определения от оных же ожидает. Ни же бы их смущала слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложну быти неоднократно сами ж они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что сам бог и правда воует с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощью своею силный в бранех господь, на того единого смотрели бы. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние»⁹⁶.

Таков первоначальный, основной текст этого приказа, передававшегося впоследствии в нескольких вариантах. И сам Петр, говоря с частями армии перед боем, излагал свою мысль не в строго одинаковых выражениях. А эта мысль была ясна: наступала грозная минута, когда решалась участь России. Эта мысль была понята и умом, и чувством русской армии⁹⁷.

7

У нас есть свидетельства о том, что делалось, о чем говорилось в шведском лагере и, в частности, в королевской ставке в последние дни перед Полтавским сражением. Эти свидетельства исходят от того же королевского камергера Густава Ад-

лерфельда, которого мы уже цитировали. Он и всегда был при короле, а со времени раны, полученной Карлом, можно сказать, не отходил от него. Заметки свои он заносил ежедневно на бумагу вплоть до 26 июня, когда написал последние строки. 27 июня, в день Полтавы, он был убит наповал русским ядром, когда находился близ носилок короля, разбитых почти в тот же момент другим ядром. Его заметки, изданные в 1740 г. в Амстердаме впервые на французском языке спустя тридцать один год после смерти автора, дают ясное представление о последних днях шведского завоевательного похода на Россию. Для читателя этих беглых заметок становится ясно, в каком мире самовнушений и утешительных выдумок жили шведский штаб и шведский король⁹⁸.

Тяжелая рана, полученная 16 (по шведскому счету 17) июня, и необычайно мучительная операция, перенесенная вечером, — все это ничуть не уменьшило несокрушимого оптимизма короля. Уложенный хирургом Нейманом в постель, он все последующие дни выслушивал самые бодрящие доклады. Вот 17 июня русские в количестве 1200 человек напали яростно (*avec beaucoup de furie*) на шведов, но шведский гвардейский полк принудил их вскоре повернуть обратно. Вечером остальная часть московской армии перешла через реку и вошла в свой новый лагерь, а полтавский русский гарнизон продолжал работать над укреплениями. Но и король приказал графу Реншильду выстроить новые редуты под прикрытием нескольких полков. И 18 июня тоже все обстоит весьма благополучно: правда, русские усилили стрельбу из своих новых редутов, подведенных ближе к шведской линии укреплений, правда, этот огонь произвел некоторую сумятицу, кое-какой пожар. Наконец, русские выстроили на другом берегу реки свою кавалерию, и эта кавалерия, казалось, хотела перейти через реку. «Но его величество (король) отдал приказ подкрепить нашу гвардию близ реки», и русские не предприняли ничего. Неприятно только, что солдаты все спрашивают о состоянии здоровья короля и, «кажется, очень беспокоятся».

Наступает 19 июня. По-прежнему «все спокойно». Правда, русские продолжают вводить в свой ретраншемент новые и новые силы и выстроили вдоль реки семнадцать редутов. Это

заставило Реншильда податься на четверть мили к Полтаве, так как у него была только кавалерия. Но это ничего: у неприятеля (т.е. у русских. — *Е.Т.*) на другом берегу реки напротив Полтавы войск мало. И поэтому «все спокойно».

20 июня — уже не так спокойно. Произошла тревога у Реншильда. Несколько русских эскадронов «около шести тысяч всадников, не считая казаков, приблизились в боевом строю, делая вид, что хотят атаковать». Но Реншильд повел на крупных рысях свою кавалерию и, врубившись в ряды, отогнал русских, рассеял их и целую милю преследовал, не давая опрavityся. «Русские потеряли много народа, особенно во время бегства, и насчитано было по дороге пятьсот трупов», а в плен взяли одного «важного офицера и несколько солдат». Вот как доложили Карлу о кавалерийском поиске, предпринятом князем Волконским 20 июня, чтобы отвлечь внимание неприятеля от происходившего в это время вполне успешного перехода частей русской армии через Ворсклу!

Конечно, 21 июня пришлось доложить королю, что уже вся русская армия перешла через Ворсклу и сосредоточилась у села Петровки и что на другом берегу реки никого не осталось. Но, по-видимому, раненый Карл, которому как раз 21 июня стало хуже, не задавал вопроса своему окружению о том, как это якобы великолепная победа Реншильда над русской кавалерией (в шесть тысяч человек!) ни в малейшей степени не повлияла на русских, которые в это самое время преспокойно перевели всю свою армию через реку и подвели ее прямо к шведскому лагерю? Но Карл XII и в здоровом состоянии тоже никогда не спорил, когда ему преподносили даже самые курьезные выдумки, если только они клонились к славе шведского оружия.

В тот же день, 21 июня, шведы узнали, что царь будто бы говорил генералу Боуру о ране шведского короля и что спустя несколько дней «шведы будут атакованы всеми силами царя». Но стоит ли его величеству по этому поводу беспокоиться, если «жители столицы Москвы уже в смертельном ужасе» (*dans des craintes mortelles*). До такой степени москвичи в ужасе, что, очевидно, за неимением русских войск или за их неумелостью в Кремль введены семьсот саксонцев, которые дезертировали из шведской армии Любекера (в Ингерманландии). Теперь эти

семьсот саксонцев и введены в Кремль, чтобы оборонять его в случае предвидящейся атаки со стороны непобедимого шведского воителя!

Но вот 22 июня некоторые новые известия напоминают королю Карлу, что хотя Кремль, конечно, будет взят, несмотря на его семьсот саксонских защитников, но все-таки это случится не сейчас, а придется сначала ликвидировать кое-какие досадные препятствия и проволоочки.

Дело в том, что в ночь с 21 на 22 июня пришло известие, что русские идут к шведской линии, чтобы дать сражение. Карл тотчас приказал приготовиться к бою с раннего утра. Тотчас же после разговора с королем, при котором Адлерфельд не присутствовал, фельдмаршал Реншильд выстроил в боевую линию всю кавалерию, которая и стала на флангах линии пехоты. Пехота была растянута на линии «в четверть мили в длину». Весь обоз шведской армии, оставленный в траншеях и редутах позади армии вблизи реки, охранялся некоторой частью шведских полков и запорожцами-мазепинцами. Самого короля в его постели перенесли на носилки, в которые были впряжены две лошади. Драбанты и несколько эскадронов конницы должны были окружать короля во время боя. Короля вывезли перед фронт пехоты, «что крайне воодушевило войска».

Но известие оказалось неверным. Русского нападения не последовало. Карл разделил свою выстроенную армию: пехота стала у монастыря с одной стороны городского вала, а Реншильд с кавалерией занял позицию с другой стороны города.

Хоть и пришлось отложить на день-другой неминуемую победу над русскими («ничего не поделаешь: враг не имел желания напасть», — иронически заявляет в своем дневнике Адлерфельд), но все-таки и 21—22 не обошлось без приятной новости. Еще когда король в своих носилках объезжал фронт пехоты, к нему приблизился Мазепа с известием, что из Кобеляк прибыли в шведский лагерь татарские делегаты в сопровождении турецкого эскорта. С татарами прибыли и шведы: секретарь Клинковстрем и полковник Сандулль, которого Карл послал в Турцию. Клинковстрем ездил, как и Сандулль, с дипломатической миссией в Турцию, чтобы поторопить выступление Турции и ее вассала крымского хана против России. Он

доехал до Бендер, откуда уже вместе с татарской делегацией и вернувшимся от бендерского сераскир-паши полковником Сандуллем и явился в шведский лагерь под Полтавой. Сераскир-паша, однако, давал весьма, в сущности, нерадостный ответ: Константинополь явно уклонялся от каких-либо обещаний выступить против России. Это было последствием обнаруженной Петром еще в Азове и Троицком (в апреле — мае 1709 г.) готовности воевать с Турцией на море и сосредоточения судов у Азова. Турки явно выжидали решительного боя между шведами и русскими. А пока они дали лишь один скромный положительный ответ о возможности дальнейшей вербовки валахов на шведскую службу. Татарские же делегаты заявили, что, несмотря на слух, будто Карл XII заключил мир с царем, и несмотря на то что русские министры предлагают крымскому хану большую сумму денег, хан «вследствие величайшего почтения к шведскому королю» великодушно отказался от богатого дара, «вполне решившись рискнуть на все с его величеством (Карлом. — *Е.Т.*)». Словом, шведам было ясно, что нужно еще что-то дать хану и крымские татары выступят в поход.

22 июня прошло спокойно, если не считать, что к вечеру отряд калмыков и казаков приблизился для разведки к шведскому стану, но был отогнан несколькими залпами. К ночи пришло известие, что царь собрал все свои силы по сю сторону реки (к Полтаве), что несколько русских полков стоят напротив фельдмаршала Реншильда и что русские «беспрерывно продолжают окапываться». На другой день (24 июня), кроме известия о продолжающихся работах русских по укреплению своего лагеря, никаких новостей не поступало.

Русское командование знало, до какой степени худо снабжена шведская армия и до чего Карлу и его штабу необходима скорейшая развязка, т.е. «генеральная баталия», чего бы она ни стоила, но именно поэтому «томили» шведов⁹⁹. Перейдя 20 июня через Ворсклу, русская армия стала «в малой миле» от шведов, а 24 июня еще приблизилась к неприятелю и стала уже в четверти мили и «учинила около обозу транжидент», причем имелось в виду прежде всего «дабы неприятель нечаянно не напал». Направо от этого ретраншемента, «между лесов»,

Петр поставил свою кавалерию, а перед ней выстроили четыре редута, «которые людьми и пушками были насажены».

Петр не мог знать наперед, что не только полный разгром постигнет шведскую армию в готовившейся генеральной баталии, но что этим разгромом окончится бесповоротно борьба за Украину. И он чуть не накануне битвы требует скорейшего подвоза к своему лагерю новых и новых обильнейших боеприпасов. 13 июня 1709 г. к Колычеву летит приказ прислать в Белгород тысячу пудов пороху, пушечного, мушкетного и ручного. 21 июня Колычев отвечает, что порох, бомбы и «разного калибра ядра» высланы в Белгород. А кроме того, будут «с великим поспешением» посланы его величеству 100 бомб пудовых, 150 ядер 12-фунтовых и 800 — 8-фунтовых¹⁰⁰. Но это ответное донесение Колычева встречается в пути с новым повелением Петра от 24 июня: выслать, не мешкая, в Белгород саперный инструмент («три тысячи лопаток да тысячу кирок»), — все это немедленно, отложив все прочие дела¹⁰¹. 26 июня новое донесение Колычева о высылке «с поспешением, днем и ночью» бомб и ядер. А спустя четыре дня, 30 июня, Колычев шлет новое донесение — о спешной высылке им кирок и лопаток в Белгород¹⁰². Колычев не знал, когда он писал это донесение, что русским войскам не придется этими кирками и лопатками строить укрепления.

Еще 24 июня, после окончания переправы всей армии и всего обоза через реку Ворсклу, кавалерия расположилась между ретраншементом и лесом, и «с обеих сторон были лес и болота... и царское величество изволил пред транжиментом (ретраншементом. — *Е.Т.*) от леса до лесу... сделать 6 редутов, которые сделаны и осажены войсками царского величества и поставлена артиллерия». Тогда же, 24-го числа, состоялся военный совет, на котором решили о «назначении места генеральной баталии». На другой день, 25 июня, Петр осматривал неприятельское расположение и продолжалась постройка редутов: кроме поперечной линии шести редутов, надлежало сделать еще четыре редута «в линию к неприятелю», которые должны были шведскую армию «разрезать надвое». Но из этих четырех редутов два еще не были окончены к предрасветным часам 27 июня. В этот же многотрудный день, 25 июня,

Петр произвел смотр 24 конным полкам, начальство над которыми во время боя он поручил князю А.Д. Меншикову, а его помощниками по управлению кавалерией были назначены генерал-лейтенанты Боур и Ренне. Тогда же было решено, что в предстоящем сражении кавалерия должна будет находиться «на обеих крылах» пехоты¹⁰³.

После кавалерии Петр стал учинять смотр артиллерии, подчинил ее генерал-лейтенанту Брюсу и тут же определил ее роль в предстоящей баталии. Солнце село, когда был окончен этот смотр армии, и Петр вечером того же 25 июня созвал военный совет. Здесь был выработан план распределения пехоты по дивизиям «как стать в баталии», а также назначены были места артиллерии.

Когда 26 июня в пять часов утра Петр прибыл к Шереметеву и когда прежде всего «ему было рапортовано» о том, что «в первые ночные часы» унтер-офицер Семеновского полка перебежал к неприятелю, то «царское величество изволил дознать, что оной изменник королю будет предлагать о разорвании линии чрез новонабранный полк». Догадка Петра, как видим, оказалась совершенно правильной. Времени терять не приходилось, и царь немедленно принял меры: с новонабранного полка сняли «серые мундиры простого сукна» и надели эти мундиры на солдат одного из лучших, самых крепких полков армии — Новгородский полк «и тако (Петр. — *Е.Т.*) предусмотрел предбудущее (*sic.* — *Е.Т.*) и перехитрил навет противных». Ни в рукописях, попавших в сборник Крекшина, ни в других материалах я не нашел подробностей о созванном в то же утро (26 июня) военном совете, «на котором многое (Петр. — *Е.Т.*) изволил отменить и учинить план за подписанием собственной руки»¹⁰⁴. Но унтер-офицер петровской гвардии мог знать очень многое, и переполох в ставке Шереметева был вполне понятен.

В первом часу дня Петр снова произвел смотр пехотным полкам и «росписывал их по дивизиям». Ведь именно пехоте предназначалась основная роль в решающем, заключительном моменте предстоявшей «генеральной баталии». Первую пехотную дивизию «царское величество своею персоною изволил принять в правление, а прочие разделил по генералитету». Вер-

ховное же командование в бою всей пехотой (в том числе и этой первой дивизией) он поручил фельдмаршалу Шереметеву. Смотр пехоты в этот день он закончил приказом о том, как должна будет разместиться артиллерия, когда пехота будет выведена и выстроится «в линию» боевого порядка.

Вслед за этим Петр проехал к гвардии и «повелел быть пред себя» гвардейским штаб- и обер-офицерам. Тут, «сняв шляпу», он обратился к ним с речью, которую не находим в «Журнале» Петра, но находим в рукописном «Журнале великославных дел» и которая по содержанию, безусловно, могла принадлежать царю в такой миг, но по внешней форме носит все признаки надуманности, приукрашенности и старательно кем-то выполненной литературной позднейшей обработки.

В своей речи к гвардии в этот день Петр прямо обращался к чувству оскорбленной народной чести. Он упомянул о неприятельской похвальбе, о том, что шведы «уже в Москве и квартиры росписали, и генерал-майор Шпара (Спарре. — *Е.Т.*) в Москву пожалован генерал-губернатором». Сказал Петр и о том, что Карл «государство похваляется разделить на малые княжества». Он повторил также тут то, что сказал перед битвой под Лесной, подтвердив о позоре и отлучении от общества, которые ждут тех, кто обнаружит робость; наконец, подтвердил свой приказ, «бывшей при Левенгоубтской баталии: которые на бою уступят место неприятелю, почтутся за нечестных и в числе добрых людей счисляемы не будут и таковых в компании не принимать и гнушаться их браку»¹⁰⁵. Отвечал Петру тут же генерал-лейтенант Голицын, который начал с того, чем Петр окончил: с воспоминания о Лесной. Царь «изволил труд наш и верность и храбрость добрых солдат видеть на Левенгоубтской баталии... целый день воочию стояли с неприятелем, и не смешали шеренг и места неприятелю не уступили; четыре раза от пальбы с неприятелем ружье разгоралось, что действовать и держать в руках было невозможно... Уповаем таков ж иметь подвиг...»

Петр ответил: «уповаю» — и отъехал к дивизии генерала Алларта, где было много украинцев. Обратясь к собранным по его приказу полковникам этой дивизии, Петр сказал: «Король Карл и самозванец Лещинский привлекли к воле своей измен-

ника Мазепу, которые клятвами обязались между собою отторгнуть от России народы малороссийские и учинить княжество особо под властью его, изменника Мазепы, и иметь у себя во владении казаков донских и запорожских, и Волынь, и все роды казацкие, народы которые на сей стороне Волги». Указав далее на обманутые надежды Мазепы, Петр подчеркнул и о причине крушения замыслов изменника: народ Украины не пошел за ним — «помощию божией казацкие народы и малороссийские нам смиренны в верности при нас состоят», и никакой помощи ни от Лещинского, ни от турок и татар шведы не получили. «Ныне швецкаго войска при короле Карле токмо тридцать четыре полка, но и те весма от войск наших утружденные. Прошу доброго вашего подвига, дабы неприятель не исполнил воли своей и не отторгнул толь великознатного малороссийского народа от державы нашей, что может быть началом всех наших неблагополучий»¹⁰⁶.

25 июня Гилленкрок получил приказ короля возобновить атаку на город Полтаву, «там, где были траншеи». Гилленкроку нужно было строить земляные апроши, но «он имел с собой запорожцев, которые неохотно работали, так что Гилленкроку стоило больших усилий заставить их решиться работать. Они жаловались, что всегда их одних командируют на работы и никогда не отправляют шведов, и они говорили, что они — не рабы наши». Так чувствовали себя во вражьем стане люди, которых соблазнил и погубил Мазепа. И они не знали тогда, что их еще ждет через два дня.

26 июня Адлерфельд записал в свой дневник последние три строки: «26-го неприятель проявлял большие движения, все более и более приближаясь и окапываясь».

ГЛАВА V

Сражение под Полтавой 27 июня 1709 г.

1

Шведский лагерь, осадивший Полтаву, сам оказался в осаде. Осажденные шведами полтавчане страдали от недостатка боеприпасов, а осажденные Петром шведы страдали и от недостатка пороха и от недостатка пищи. Осажденные полтавчане оборонялись, нападали на шведов, едва только замечали где-либо ослабление охраны неприятельской линии, а русские войска и до перехода через Ворсклу и особенно после не переставали тревожить шведов. Король и Реншильд и другие генералы очень хорошо знали, что у русских войск по крайней мере раза в два больше, чем у них, и некоторые из них были такими опытными, одаренными и зоркими военачальниками, что понимали: если русские их всячески беспокоят, то это значит — ищут поскорее генеральной битвы, а следовательно, согласно военной аксиоме — не делай того, чего хочется неприятелю, — нужно отсиживаться в укреплениях, откуда русские хотят их выманить для боя. Но именно последствия русской умелой обороны и заставили Карла решиться на бой. Вот что говорит человек, не отходивший во второй половине июня от постели больного короля и пользовавшийся его доверием: «Наконец, было решено пойти на решительное действие. Две причины, одинаково важные, заставили короля решиться на это. Во-первых, недостаток в припасах, а затем постоянные движения по

соседству неприятеля, который был по крайней мере втрое сильнее нас и который не переставал нас тревожить (*hargeler*) днем и ночью только затем, чтобы утомить наши войска»¹. Казаки реяли вокруг расположения шведов, неожиданно показывались и так же внезапно скрывались.

Шведскому командованию перед сражением не могло не быть известно, что русская армия снабжена обильной артиллерией, снарядами и, главное, порохом, превосходным, всегда вызывавшим зависть иностранцев. Если бы даже у шведов на все их орудия хватило пороху в грозный для них день 27 июня, то и тогда они не могли бы противопоставить семидесяти двум русским орудиям никакой сколько-нибудь соответствующей артиллерийской обороны и не в состоянии были бы выдержать артиллерийскую дуэль. Но ведь почти все шведские пушки, еще до того как попали в руки русских вместе со всем обозом в шведском лагере под Полтавой и затем в руки отряда Меншикова под Переволочной, не участвовали в сражении и, значит, представляли собой бесполезный железный хлам, так как пороху к началу боя хватило только на четыре орудия. Четыре артиллерийских ствола против семидесяти двух русских!

Но в данном случае Карлом руководили, как и в течение всего похода, безмерная самоуверенность и поразительное по неосведомленности и губительнейшему легкомыслию презрение к противнику. Захотел взять Полтаву, не тратя пороху, лихим штурмом без подготовки — положил несколько тысяч своих солдат и не взял. Видит, что придется все-таки тратить последние запасы пороху на артиллерийский обстрел Полтавы и на подводимые под город мины: ничего, пороху не щадить, город взять! Но обстрел тоже ни к чему не приводит, класть мины, как следует, шведы не умеют, ни одна мина не взрывается, русские умудрились вовремя открывать эти мины и утаскивать из них порох себе на потребу. Королю докладывают, что после этих новых трат пороха в конце апреля, мае, июне для предстоящего боя уже только лишь на четыре пушки может хватить пороху. Ничего! И без пушек можно будет русских перебить, а русский порох и весь их обоз забрать: «Все найдем в запасах у московитов!»

Политически Карл положил начало гибели своей армии и шведского великодержавия, предприняв покорение России с силами, ни в малейшей пропорции не находившимися в соответствии с грандиозной задачей. Стратегически он совершил вопреки советам, увещаниям и настояниям почти всего своего окружения ряд непоправимых промахов, подчинив все соображения одной мысли: кончить войну в Москве, причем завоевание Белоруссии и Украины было лишь как бы подсобной операцией перед далеким походом в Москву. О могуществе созданной после Нарвы грозной дисциплинированной хорошо оснащенной регулярной русской армии Карл упорно не хотел и слушать.

Наконец обстоятельства сложились так, что когда наступил момент боя, то Карл даже и как тактик, т.е. в области, в которой он был гораздо сильнее, чем как политик и как стратег, ни в малой степени не проявил своих бесспорных талантов. Как и всегда, он обнаружил в этот день непоколебимое личное мужество, но и только. И Реншильд, и Левенгаупт, и Шлиппенбах, и Роос не получили от короля в это утро ни одного сколько-нибудь дельного, сколько-нибудь ценного указания. Шведские историки так же любят приписывать решающее значение в гибели войска Карла XII ране, от которой, лежа в своих носилках, страдал король, точь-в-точь как французские историки объясняют поражение Наполеона морозами 1812 г., а Бородинскую неудачу — тем, что император простудился. Страдающее патриотическое чувство побуждает их искать причины поражения в случайностях.

Политические и стратегические ошибки предрешили неотвратимую ни при каких условиях неудачу завоевательной авантюры, предпринятой Карлом XII. Но если эта неизбежная неудача превратилась в самую ужасающую катастрофу, какую только можно себе представить, то уж это объясняется рядом особых условий, при которых разворачивались непосредственные военные действия. Ни Карл, ни его окружение, включительно с весьма мудрым и проницательным (задним числом) генерал-квартирмейстером Гилленкроком, не имели в самом деле ни малейшего понятия о русском народе, о белорусах, об украинцах и никогда даже не допускали мысли о том, что не

только регулярные вооруженные силы России будут, не щадя себя, яростно биться с вторгшимся неприятелем, но и население областей, через которые он будет проходить, окажет ему упорное сопротивление, будет истреблять по лесам рассеянные остатки разгромленной армии Левенгаупта, будет избивать шведов у Стародуба и на берегах Псела, Ворсклы, Днепра, будет уничтожать или отгонять от днепровского берега лодки и паромы, на которые так рассчитывал Мазепа, будет деятельно помогать гарнизону в отчаянной обороне Веприка, убегать из своих деревень при подходе шведов и ничего не доставит добровольно в лагерь врага — ни хлеба, ни мяса, ни сена. Полный провал в деле Мазепы явился неожиданностью и для изменника, и для его искусителей и покровителей. Уничтожение Батурина, разгром изменивших запорожцев, героическое сопротивление жителей Веприка и Полтавы — все это были явления одного порядка, все это было прямым проявлением народного сопротивления, которое и не предвидел Карл и не понял.

Основная политическая цель, поставленная себе и своему войску Карлом XII, была бы абсолютно недостижима, даже если бы шведский король был несравненно талантливее, чем он был на самом деле, и если бы Петр не обладал и малой частью той гениальности и энергии, которыми он обладал на самом деле. Но так как Карл XII решительно отказывался считаться с действительностью, так как накануне Полтавы он полагал, что он — накануне повторения первой Нарвы, крушение, покончившее с его иллюзиями, оказалось таким уничтожающим, таким неслыханным, о каком никогда и мечтать не могли самые непримиримые враги Швеции и ее монарха.

И по шведским и по русским свидетельствам картина положения шведов перед катастрофой была не весьма для них отрадная. Настоящей шведской армии (природных шведов) оставалось 19 тыс. человек, остальные были нерегулярные вспомогательные отряды — мазепинцы и волохи. В общем, было около 30 тыс. со всеми этими нерегулярными силами. Не желая тратить шведские части до генерального боя, Карл XII после нескольких неудачных и дорого стоивших попыток ов-

ладеть городом приказал 5 тысячам запорожцев взять Полтаву, обещая ее предоставить им за эту услугу на полное их усмотрение. Хлеба и мяса у шведов было теперь летом немного больше, чем зимой и весной, но пива и водки не было.

С артиллерией дело обстояло плохо. Пушек крупного калибра оставалось всего 16 (из них четыре 8-фунтовых, четыре гаубицы, восемь 6-фунтовых) и 16 легких орудий (полевых). Но снарядов на все тридцать две пушки была всего одна сотня, и в Полтавском бою действовали поэтому, как уже было сказано, всего четыре орудия. Остальные все были взяты русскими со всем обозом, не сделав ни одного выстрела в этот день.

Часть шведской артиллерии погибла, потопленная сначала в литовских, а потом в белорусских болотах, часть попала в руки русских под Лесной, так же как в руки русских попали пушки, заблаговременно свезенные в Батурин предусмотрительным (хоть и не до конца все предусмотревшим) Мазепой. Пушки, взятые впоследствии победителями под Полтавой в шведском ретраншементе, а потом Меншиковым под Переволочной, уже задолго до того, как попали в руки русских, были бесполезны для шведов, потому что пороху для них не хватило. Даже для ружей пороха становилось угрожающе мало. Карл и его штаб рассчитывали сначала на запасы, которые вез (но не довез) к ним Левенгаупт, потом на запасы Мазепы, а после разгрома Батурина и особенно после неожиданно обнаруженной безнадежной слабости изменившего гетмана, за которым не пошла Украина, все упования на поправку материальной части шведской армии король и штаб возложили на приход из-за Днепра шведского ставленника короля Станислава Лещинского с польской армией. Но все эти надежды постепенно развеялись без следа, и пришлось в самое трудное время воевать против сильной русской артиллерии почти без пушек. Хорошая кавалерия, прекрасно обученная, опытная, в боях стойкая пехота, хоть и та и другая были измучены страшной зимой, еще были налицо и могли выполнять боевые функции. Но артиллерия катастрофически ослабела как раз к началу осады Полтавы. Особенно жестоко сказалось именно отсутствие пороха.

Где было тонко, там и рвалось у шведов. Под Лесной Левенгаупт потерял не только всю артиллерию, но еще хуже для шведов было то, что Левенгаупт, уходя из района Лесной со своей разбитой армией, не поспел вовремя к Пропойску, и драгунский отряд Фастмана опередил его и сжег мост через реку Сож, так что Левенгаупт велел бросать в реку немедленно почти весь громадный запас пороха, который он еще успел забрать с собой при отступлении. Транспорт его погиб почти весь еще у Лесной, но именно та часть его, где были запасы пороха, и была самой драгоценной частью всего, что он вез Карлу XII. Этого пороха должно было хватить до Москвы и, во всяком случае, его хватило бы до Полтавы. Но он погиб в волнах Сожа, а то, что припас Мазепа в Батурлине, было взорвано при поджоге города.

Забегая вперед, должно напомнить для полноты картины, что под Переволочной взято было 19 пушек среднего калибра, 2 большие гаубицы и 8 мортир. Нужно думать, что и при бегстве от Полтавы до Переволочной часть орудий была брошена и не сразу отыскана.

Больше всего в эти предполтавские дни Петр боялся, что шведы сообразят, как рискованно им немедленно принимать бой, и уйдут за Днепр, т.е. совершат большое стратегическое отступление, о котором уже давно твердил Карлу XII граф Пипер. Царь всполошился, узнав, что есть признаки, будто бы указывающие на подготовку к отступлению неприятеля: «Объявляю вам, что шведские дезертиры (*sic.* — *E.T.*) говорят, что в сих числах или граф Пипер или иной кто из знатных шведских персон, с несколькимистами шведов поехал к Днепру искать того, чтобы как возможно за Днепр перебраться; чего для надобно господину гетману послать от себя указы не мешкая к полковнику Калагану и к прочим командиром, обретающимся за Днепром, дабы они весьма того накрепко смотрели, чтоб оных шведов за Днепр не перепустить, и того для везде по берегам всякие перевозные суда и лодки обрать и приставить крепкие караулы»².

Неожиданное появление в шведском лагере перебежчиков в ночь на 26 июня, по-видимому, окончательно побудило Карла XII не откладывать битвы. Вот что читаем в дневнике событий, ведшемся в штабе Петра. «В первых часах ночи Семенов-

ского полку ундер-офицер, изменив, уехал к шведскому королю и говорил, что в ночь на 27-е число учинил нападение на войско царского величества и тем принудил к баталии», утверждая, что уже 28 числа царь ждет с востока нерегулярное подкрепление в 40 тыс. человек конницы. Изменник прибавил, что когда подкрепление придет, то «до генеральной баталии не допустят и всю армию его королевскую могут по рукам разобрать». Далее читаем, что «как король Карл услышал» об этом, то «весь изменился и пришел в великую робость и ходил до полутора часа безгласен в размышлении, от того наипаче в ноге болезнь умножилась». Изменник дал королю указание, что в войске русском «имеется полк новобранный, на котором мундир простого серого сукна, который в баталиях еще не бывал», и поэтому нужно направить сильное нападение на этот полк и «разорвав линию полка того крыла отрезать», и таким образом король может получить «викторию». Выслушав это, «король, обратись, просил фельдмаршала и генералитет завтрашнего числа, т.е. 27 июня, в шатры царя московского на обед и приказал фельдмаршалу Реншильду, чтоб с начала ночи против 27-го числа войско было в строю в полной готовности к баталии. Фельдмаршал Реншильд начал было предлагать, что баталия назначена 29-го числа. Король затряс головой и дал знать, чтоб о том не говорить»³.

Изменник («немчин») говорил правду: уральское нерегулярное конное подкрепление действительно пришло 28 июня, как и ждали в русском лагере. Но и он, и Карл ошиблись лишь в том отношении, что русские разгромили шведскую армию и без этой опоздавшей подмоги⁴.

Сообщение изменника о «40 тыс.» нерегулярной конницы с Урала (которая в самом деле в большом количестве пришла 28 июня, опоздав к битве) покончило со всеми колебаниями Карла.

2

Вечером 26 июня, когда Левенгаупт был на аванпостах, следя за далеким движением в русском лагере, и когда Гилленкрот был тоже где-то очень занят, Карл XII велел фельдмаршалу Реншильду явиться и объявил, что ночью он намерен ата-

ковать русских в их лагере. Совершенно случайно при этом в барак короля пришли граф Пипер и полковник Дарлекарлийского полка Зигрот. Для Левенгаупта, когда он вернулся с аванпостов, это решение короля было неожиданностью. Никакой точной диспозиции ни он, ни Гилленкрот, ни Роос, ни Шлиппенбах, ни сам Реншильд, всецело в этот вечер одобрявший короля, не получили. Они могли только сообщить полковым командирам о решении Карла и о том, что им будут своевременно переданы нужные приказания. Это обещание не было исполнено. Шведскому войску уже в поздний час велено было выстроиться, и перед фронтом медленно проносили носилки, на которых полусидел-полулежал король. Он говорил частям, по фронту которых его проносили, что надеется на их всегдашнюю храбрость в предстоящем бою. Карл велел затем опустить носилки на землю и сказал, что проведет «тут первые ночные часы». Он объявил, что вследствие невозможности сидеть верхом он назначает главнокомандующим Реншильда. Генералы расположились тут же около него. В два часа ночи Реншильд велел начать движение по направлению к русскому лагерю. Левенгаупт возразил, что в темноте может выйти путаница. Реншильд приказал повиноваться и при этом очень грубо оборвал Левенгаупта. Начинало светать; наступил рассвет вечно памятного во всемирной истории 27 июня 1709 г.

Шведская пехота шла за кавалерией, — и тут только шведское командование, уже знавшее о редутах, которые сейчас же после перехода через Ворсклу Петр приказал строить перед ретраншементом, начало отдавать себе несколько более реальный отчет в значении этих сооружений. Шведы, впрочем, пока больше различали горизонтальную линию шести редутов, чем перпендикулярные к ним выстроенные четыре редута. Два из этих перпендикулярных редутов еще только достраивались. Шведы слышали далекий стук молотков и топоров, и по мере приближения шведского войска все слышнее становился шум производимой в редутах работы.

Но почти тотчас же этот отдаленный, неясный шум был заглушен грянувшими первыми русскими залпами: русские уже накануне, 26 июня, твердо знали, что сражение будет в самые ближайшие дни, а может быть, и часы, и кавалерийский

авангард Меншикова уследил шведов, едва только они вышли из своего лагеря, в самом начале третьего часа, когда еще было темно, но вовсе не тогда, когда рассвело, как пишут шведские историки, всячески силившиеся представить полтавское дело как игру случайных неблагоприятных для шведов обстоятельств, а русскую победу как нечто совсем непредвиденное неподготовленными и вначале растерявшимися победителями. Напротив! У русских был зрело продуманный план предстоящего сражения, были распределены места и роли между Шереметевым, Меншиковым, Брюсом, Боуром, организовано было бесперебойное и частое доставление сведений Петру, распоряжавшемуся всеми главными движениями.

А у шведов, по позднему признанию и Левенгаупта, и Гилленкрока, никакой решительно диспозиции, ни хорошей, ни худой, не было, и Карл затем во время сражения почти не вмешивался в распоряжения Реншильда, только старался подбодрить солдат, и его возили по его приказу в самые опасные места боя. Реншильд в этот день производил жестокую путаницу, ссорился с Левенгауптом тут же в разгаре боя, и тот просто отказался к нему обращаться. Достаточно сказать, что, уже подходя к русским редутам, решительно никто из начальников не знал, нужно ли будет их штурмовать или обходить?

Но раздумывать было поздно. Реншильд дал сигнал: атаковать редуты, — и шведская кавалерия помчалась во весь опор.

Это первое нападение шведов было произведено с такой «фурией», что очевидцы убеждены были в намерении неприятеля немедленно, этой же атакой не только смять русскую кавалерию, но и, прорвав редуты, ударить на ретраншемент и стоявшую в нем армию. Но уже эта первая атака не дала результатов, на которые рассчитывал Карл. Русская конница сопротивлялась упорно и неоднократно отбрасывала неприятеля, но шведам всякий раз помогала («сикурсовала») пехота, а русская пехота еще не появлялась. Бой был жестокий, и генерал-поручику Рену (Ренне) велено было отойти от неприятеля, вправо от нашего ретраншемента. Боуру при его отступлении даны были два задания: во-первых, стараться наводить неприятеля на редуты (о количестве которых шведы не знали), чтобы подвергнуть врага артиллерийскому обстрелу из редутов,

и, во-вторых, «накрепко смотреть, чтоб гора у него (у русских. — *Е.Т.*) была во фланге, а не назад, дабы неприятель не мог нашу кавалерию под гору утеснить»⁵. Эти «указы» и были в точности Боуром выполнены.

В четвертом часу утра Петр послал Меншикову приказ: «дабы конные полки от баталии отвел и стал бы от ретранжementa царского величества к горе».

Но Меншиков оказал этому приказу сильное сопротивление. Он ответил царю, что неприятельские потери пока велики, а у русских весьма малы («упадок весьма малой»). Указал также, что если бы шведская пехота не помогла кавалерии, «то бы вся неприятельская кавалерия была бы порублена».

Он обратил также внимание Петра на то, что просто невозможно отступать, когда оба фронта стоят так близко друг от друга («сорок сажень»), и «ежели скакать направо кругом, то тем придастся дерзости неприятелю», который сейчас же начнет преследовать прямо в тыл («за хребтами»), и справиться будет невозможно. Меншиков не только отказался выполнить царский приказ, он еще просил Петра, «чтоб изволил прислать в сикурс (на помощь. — *Е.Т.*) несколько полков пехотных».

Но Петр вовсе еще не желал превращать навязавшийся кавалерийский бой в генеральную баталию и никаких пехотных полков Меншикову не послал. А схватка становилась все ожесточеннее, и уже ходили в палаши, «кавалерия его царского величества с неприятельской кавалерией на палашах рубились».

Шведам удалось к пятому часу захватить два редута (которые русские не успели достроить). Но оставалось еще два редута, «обращенных к линии» неприятельской (вертикально), которые шведы взять уже не могли. Русские в разгаре боя вторглись в неприятельскую линию и потеснили шведскую кавалерию, взяв у шведов «четырнадцать штандартов и знамен». Битва становилась все более и более жестокой. Генерал Ренне был ранен, под Меншиковым были убиты две лошади. Петр потребовал тогда вторично, чтобы Меншиков прервал бой, отступил и стал бы там, где ему было приказано в неисполненном им первом повелении.

Но Меншиков опять не повиновался, хотя царь на этот раз для большей внушительности передал приказание через генерал-адъютанта. Мотивировал Меншиков свой довольно рискованный образ действий (вторичное неповиновение категорически повторенному приказу верховного командования) так. Он «всепокорнейше» доносил через того же присланного Петром генерал-адъютанта, что если оставить редуты «без сикурсу», то шведы завладеют и остальными редутами. А если продолжать бой за редуты, то неприятельская кавалерия через поперечную линию шести редутов не пройдет. Редуты разделили атакующих, и тут-то постигла шведов первая серьезная неудача в роковой для них день. Русской кавалерии удалось отрезать от неприятельской армии, с тяжкими потерями подвигавшейся к линии шести поперечных редутов, шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов конницы. Отбрасываемая русской конницей и огнем редутов шведская кавалерия в шестом часу утра стала постепенно отступать, и тогда-то по личному приказу Петра Меншиков с пятью эскадронами конницы, получив в подмогу пять батальонов пехоты, бросился за уходившими к Яковецкому лесу от поля битвы отрезанными частями шведов, возглавлявшимися генералами Шлиппенбахом и Роосом.

В одном из наших документов распоряжение Петра о немедленной посылке князя Меншикова и генерала Ренцеля объясняется так: «После сего его царское величество немедленно спешил подать помощь Полтаве; для сего он отрядил князя Меншикова и генерала Ренцеля с несколькими полками конницы и пехоты. Они отрезали сообщение неприятелю от осажденного города». При разгроме отряда Рооса шведов пало убитыми и ранеными 3 тыс. человек⁶. Но, конечно, участь отряда Рооса, как и отряда Шлиппенбаха, была предрешена, едва только они были оторваны и отброшены от главной массы сражавшихся у русских редутов шведских войск.

Увлечшись преследованием отступившего Боура, шведы попали прежде всего под огонь редутов. Им удалось занять только два, которые спешно достраивались еще в ночь перед боем и не были вполне готовы. Остальные же редуты били по

неприятелю жестоким огнем, а затем шведы попали и под огонь из ретраншемента, который «они получили себе во флангу».

Артиллерийский огонь учинил «великой неприятелю упадок». Даже еще до того как по зарвавшейся шведской коннице стали бить из ретраншемента, один только огонь редутных пушек «оторвал» от главной массы шведской наступающей армии шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов кавалерии. Эта оторванная часть бежала, ища укрытия, в лес. Но тут на нее напали преследовавшие ее русские с пятью полками конницы и пятью батальонами пехоты. После краткого боя бежавшие в лес шведы принуждены были сложить оружие. Первым сдался генерал-майор Шлиппенбах, а затем и генерал-майор Роос (неправильно называемый в наших документах Розеном).

3

Посмотрим, какие основные моменты сражения больше всего запечатлелись в сознании главного действовавшего лица. Вот как описывал Петр свою «великую и нечаемую викторию», одержанную русскими «с неописанною храбростью» и незначительными потерями, «с малою войск наших кровию», — это описание мы находим в письме, которое он написал в самый день битвы 27 июня 1709 г. А.В. Кикину: «...сегодня на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешнею отаковал, — которая (конница. — *Е.Т.*) хотя по достоинству держалась, однакож принуждена была уступить, однакож с великим убытком неприятелю. Потом неприятель стал во фронт против нашего лагору (*sic.* — *Е.Т.*) против которого (неприятеля. — *Е.Т.*) тотчас всю пехоту из транжамента вывели и пред очи неприятелю поставили, а конница — на обеих флангах, что неприятель увидя, тотчас пошел отаковать нас, против которого наши встречу (навстречу. — *Е.Т.*) пошли и тако оного встретили, что тотчас с поля сбили. Знамен и пушек множество взяли». Петр отмечает в конце этой коротенькой записки пленных генералов: Реншильда, Шлиппенбаха, Штакенберга, Гамильтона, Рооса («Розена»), министра Пипера, Гемерлина и Седерьельма. А пока он дописывал эту записку, привели еще принца Вюртембергского. Об участии Карла XII

Петр, когда писал Кикину, еще не имел сведений и не знал, успел ли король бежать или же убит: «а о короле еще не можем ведать, с нами ль или с отцы нашими обретается»⁷.

Эта написанная в самый день Полтавы краткая, в нескольких строках записка главнокомандующего и непосредственно-го участника боя — необычно важный документ. Все, что говорит в ней Петр, всецело подтверждается дальнейшими, более обстоятельными показаниями: он дал точную схему основных моментов битвы.

Утром еще до рассвета («весьма рано, почитай при бывшей еще темноте») шведы напали почти всеми конными и пешими силами своей армии на нашу кавалерию «с такой фурией», чтобы не только расшвырять в сторону русскую конницу, но и овладеть редутами, которые эта конница прикрывала. Русское сопротивление оказалось, однако, таким сильным, что шведы овладели лишь двумя недостроенными редутами, от остальных же были отброшены и притом с тяжелой потерей: преследуя их при отступлении, русские «оторвали» шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов кавалерии и загнали их в лес, откуда им уже не пришлось выйти.

Таков был первый акт трагедии гибели шведской армии.

Но одолеть всю неприятельскую кавалерию, которая имела тут же постоянную поддержку пехоты, а русская конница сражалась, не имея вовремя поддержки своей пехоты, было невозможно. Царь приказал поэтому вопреки желанию Меншикова русской кавалерии отступить на правую (от ретраншемента) позицию, чтобы дать время вывести из ретраншемента пехоту. Генерал-поручик Боур исполнил успешно этот маневр, и шведы, увлекшись преследованием, ошиблись в расчете расстояния и оказались между двух огней, так как ретраншемент оказался у них с фланга. Левенгаупт поспешил на помощь шведской коннице, но был убит убийственным огнем артиллерии, защищавшей ретраншемент. Кавалерия шведов после этого прекратила свое наступление вовсе и отошла далее расстояния пушечного выстрела. Это был второй акт битвы.

Ликвидировав в этом месте нападение, Петр послал Меншикова и генерал-лейтенанта Ренцеля с пятью полками конницы и пятью батальонами пехоты в тот лес, где скрылась ото-

рванная в начале боя от главных шведских сил часть их армии. Шведы в лесу оказались в совсем отчаянном положении. Ими тут командовали два выдающихся генерала из лучших, какими располагал Карл XII: Шлиппенбах и Роос. Истребительный бой длился недолго. Шлиппенбах сдался первым, Роос попытался выбраться из чащи, и его отряд успел бежать к своим редутам. Но русские, преследуя его по пятам, обступили редуты, и к Роосу явился русский барабанщик, передавший требование: немедленно сдаться. Роос просил отсрочки. Ему дали на размышление полчаса, после чего «генерал-майор Розен (Роос. — *Е.Т.*) со всеми при нем бывшими, из редут вышед, ружье положили и на дискрецию сдались». Так кончилась третья операция этого утра.

Чем больше вчитываться в имеющуюся документацию (и прежде всего в «Журнал» Петра и «Книгу Марсову»), тем яснее становится, что в верховном руководстве русской армии в день Полтавы было с самого начала дела два течения, два воззрения на то, где должна произойти развязка дела. Меншикову представлялось, что следует продолжать очень успешно начатый в ранние утренние часы бой, ударить всей конницей на шведов и, усиливая конницу пехотой, обратить шведов в бегство, в которое может вовлечься вся шведская армия. Но Петр с этим явно не согласился. По его мысли, генеральная баталия должна была произойти позже и разыграться иначе. Он приказал Меншикову отойти к редутам, гениально обдуманного значения которых Меншиков не понял так глубоко, как это понял сорок лет спустя, анализируя Полтаву, известный теоретик военного искусства Мориц Саксонский. Петр предвидел, что в этих редутах захлебнется и окончится наступательный порыв шведской кавалерии, который, безусловно, был у нее, когда она в предутренние часы вышла из своего лагеря.

Это и случилось: наступательный порыв шведов выдохся. Весь успех шведов в этой первой стадии боя ограничился, таким образом, лишь овладением двумя недостроенными редутами в самом начале атаки.

Остальные два редута «в линию» неприятеля и все шесть «поперечных» остались в русских руках, несмотря на все усилия неприятеля и огромные понесенные им потери. Мало того.

Как сказано, когда Меншиков и Ренцель помчались к лесу и пока они там ликвидировали бежавшие и укрывавшиеся в лесу отряды Шлиппенбаха и Рооса, генерал-лейтенанту Боуру, оставшемуся на обороне редутов, было приказано отступить и стать вправо от ретраншемента. Шведская кавалерия вздумала было Боура преследовать, для чего ей пришлось «со мноюю трудностью» и с «великим уроном» пробиваться через линию оставшихся в русских руках «поперешных» редутов, терпя жестокий огонь. И эти жертвы были ни к чему: Боура не догнали, и он стал, где было ему приказано, вправо от ретраншемента. Тут вступила в дело обильная русская артиллерия, бывшая в ретраншементе, и открыла такой огонь по шведам, увлекшимся «гоньбой за Боуром», что они, поражаемые картечью и ядрами, были отброшены и остановились с таким расчетом, чтобы быть «дале выстрела полковой пушки»⁸. Ведь отстреливаться им было нечем. Так закончилась первая стадия сражения, когда происходило кавалерийское состязание, поддержанное пехотой. Шведская кавалерия получила эту поддержку в начале боя, в первые предутренние и утренние часы, а русская конница получила помощь пехоты (в виде пяти батальонов) лишь в начале шестого часа, когда Меншиков и Ренцель, устремясь против Шлиппенбаха и Рооса, вконец разгромили их отряды и взяли в плен обоих. Но вся масса русской пехоты еще ждала своего часа в ретраншементе.

Во французской рукописи, посланной в Польшу свидетелем и участником Полтавского сражения, есть некоторые отклонения и уточнения сравнительно с текстом установившейся реляции. Автор отделяет два события: разгром и пленение Шлиппенбаха, командовавшего левым флангом неприятельской кавалерии, причем тут он не называет вовсе ни Меншикова, ни Ренцеля, а затем уже говорит: «В то время как это происходило, его царское величество, заботясь сначала о том, чтобы помочь Полтаве, отделил для этого князя Меншикова и генерала Ренцеля с некоторой частью кавалерии и пехоты по направлению к этому городу, и они отрезали коммуникацию неприятельской армии с осаждающими город. Как только князь Меншиков приблизился к неприятелю, бывшему под командой генерал-майора Розена (Рооса. — *Е.Т.*), так он напал

на неприятеля с фронта и с левого фланга со стороны леса с такой силой, что из трех тысяч их состава почти все были убиты или взяты в плен. После этого действия князь вернулся со своими войсками к полю битвы, — оставив генералу Ренцелю лишь очень немного, чтобы довершить победу над тремя полками, которые были в траншеях, и к которым присоединился генерал Розен (Роос. — *Е.Т.*). Генерал Ренцель напал на эти три полка с такой храбростью, что после небольшого сопротивления и малой потери с русской стороны генерал Розен (Роос. — *Е.Т.*) сдался на милость с остатком своих войск»⁹. Автор французской рукописи называет разгром Рооса «вторичным поражением» шведов, считая первым — разгром Шлиппенбаха.

В своем лживом до фантастичности описании Полтавского сражения участник боя летописец Нордберг представляет дело так, что якобы эта первая бурная кавалерийская атака до такой степени смутила русских, что они уже готовы были уйти за Ворсклу, но, мол, тут шведы сделали ошибку, они остановились внезапно в своем успешном преследовании русской конницы и дали ей время оправиться. А когда царь увидел, что шведы не идут на помощь отброшенному и отрезанному от своих генералу Роосу, то он начал выводить из ретраншемента свою пехоту (для продолжения боя)¹⁰. Все это совершеннейший вздор. Ни одного момента не было, когда Петр помышлял о бегстве русской армии за Ворсклу. Что же касается до «ошибки» шведов, не выручивших погибавшего Рооса, то дело было не в ошибке, но в абсолютной невозможности спасти отряд Рооса. Аксель Спарре, посланный на выручку, не решился пробиться сквозь русские ряды и помочь погибавшим под русскими ударами кавалеристам Рооса. Он вернулся к Реншильду и заявил, что незачем больше думать о Роосе и что «если полковник Роос не может со своими шестью батальонами защитить себя от русских, то пусть убирается к черту и делает что хочет»¹¹.

Спарре был фаворитом Карла XII и поэтому не стеснялся даже с главнокомандующим. Но ясно, что, по существу, Реншильд с ним согласился. Роос был предоставлен своей участи... Он сдался в плен с немногими неизрубленными людьми своего отряда. Все это происходило еще в начале боя, когда у

солдат еще держалась, правда, уже не весьма крепкая, надежда на победу. Дальше пошло хуже, и шведские участники боя приписывают прогрессирующий упадок духа отчасти тому, что уже с момента проникновения в зону редутов для шведов стала очевидной невозможность отстреливаться сколько-нибудь успешно от обильной и прекрасно снабженной артиллерии противника.

Карл был неузнаваемым в это роковое для него утро. Он провел эти не вознагражденные ничем утренние часы (от начала шестого до восьми), не решившись отдать ни одного приказа растерянным, раздраженным генералам, стоявшим около его носилок. Если выдохся в неудачной борьбе за редуты наступательный порыв шведской кавалерии, то ведь пехота была еще почти не тронута. Но, очевидно, король видел, что и пехота его не похожа сегодня на ту, которая в прежние годы обеспечивала за ним всегда инициативу в боях. В эти часы, когда кончилась борьба за редуты и еще не началась «генеральная баталия», казалось, наступило затишье перед новым порывом бури. «Как пахарь, битва отдыхает», — сказал именно об этом моменте Полтавского боя великий поэт. Но в русском лагере не было бездействия: шли деятельные приготовления к боевому наступлению сорока двух батальонов, начался постепенный, неторопливый, но непрерывный выход их одного за другим из ретраншемента и занятие намеченной для них позиции. Именно эти три часа почти полного бездействия шведов показали Петру, что враг уступил ему инициативу, а непонятное вначале молчание шведской артиллерии показало русским, что этой артиллерии почти вовсе не существует.

Главные силы шведов, отступившие после жаркого боя у редутов, стояли перед лесом и, по наблюдению Петра, не были способны немедленно напасть на ретраншемент («увидели, что неприятель от прохода своего сквозь редута еще сам в конфузии находится и строится у лесу»). Русское командование тотчас воспользовалось этим перерывом. Русская пехота была выведена из ретраншемента, ей было придано шесть полков кавалерии, до той поры не участвовавшей в происходящем бою. Русские силы — пехота впереди, кавалерия «позади пехоты обведена» — были выстроены в боевой порядок.

Приближался решающий момент, когда на сцену должны были выступить главные силы пехоты, до той поры в сражении не участвовавшие. В шатер Петра вошел фельдмаршал Шереметев в сопровождении «всего генералитета пехотных полков». Уже было начало шестого часа утра, когда царь, фельдмаршал и генералы вышли из шатра, и Петр, сев на коня, начал объезжать пехоту и артиллерию. Петр начал осмотр пехотных полков, стоявших под ружьем «во всякой исправности», и затем стал осматривать также артиллерию.

Во время этого смотра царь поделился с фельдмаршалом таким соображением: у шведов 34 полка, у русских — 47, «и ежели вывести все полки, то неприятель увидит великое излишество (перевес на стороне русских. — *Е.Т.*) и в бой не вступит, но пойдет на убег»¹². А поэтому решено было не выводить вовсе и держать в резерве в ретраншементе шесть полков: Гренадерский, Лефортовский, Ренцелев, Троицкий, Ростовский и Апраксин и, кроме того, три батальона послать к монастырю «для коммуникации с Полтавой». Когда приказ Петра был объявлен означенным полкам, то солдаты этих полков выразили большое огорчение и стали непосредственно упрашивать царя, чтобы он «повелел им вытти и быть в баталии». Петр счел уместным обратиться к солдатам с разъяснением: «Неприятель стоит близь лесу и уже в великом страхе; ежели вывести все полки, то не даст бою и уйдет: того ради надлежит и из прочих полков учинить убавку, дабы через свое умаление привлечь неприятеля к баталии».

«Высходе 6 часа» велено выводить пехоту из ретраншемента, а с половины седьмого пехотные полки стали строиться «в ордер баталии». Первые батальоны полков стали в первую линию, а за каждым батальоном первой линии стал второй батальон того же полка.

Наступал седьмой час утра, когда Петр приступил к осуществлению основного своего намерения: вывести сорок один батальон пехоты из лагеря, построить их двойным рядом, фланкировать справа и слева эту двойную линию пехоты конными полками, возвращения которых к лагерю он и требовал от

Меншикова для этой решающей минуты, и приводить всю эту воинскую массу в боевой порядок. Почти три часа ушло на эту подготовительную операцию — от начала седьмого часа до девяти часов утра. Вот тут-то и сказалось утомление отборной части шведской армии, которая была пущена Карлом с приказом взять редуты и которая редутов не взяла (кроме двух недостроенных), но потеряла всю свою наступательную мощь на этой отчаянной неудачной попытке. Три часа Петр и Шереметев могли действовать, распоряжаться, готовить войска, и никто, ни одна часть шведской армии не посмела нарушить полного спокойствия и уверенности их действий.

В седьмом часу к выстраивавшейся линии пехоты стали подъезжать к левому крылу этой линии Меншиков с 6 драгунскими полками, а к правому крылу генерал-лейтенант Боур с 18 драгунскими полками. Такое построение — чтобы на обоих флангах пехоты стояла конница — предreshено было самим Петром, но когда Меншиков и Боур со своими драгунами заняли предуказанные им места, то царь снова стал озабочиваться вопросом: не уйдет ли неприятель без боя? Дело в том, что с приходом конницы к обоим флангам русская боевая линия очень уж явно увеличилась и стала даже на вид длиннее, чем линия шведская, стоявшая пока в некотором отдалении «в логовине у лесу без действия». Чтобы не отпугнуть шведов, наблюдавших издали, Петр решил укоротить слишком удлинившийся правый фланг и вдруг приказал увести 6 драгунских полков (из 18, какие у Боура были). Волконскому велено было отвести эти 6 полков к стоявшему подальше со своей конницей гетману Скоропадскому.

Волконский и Скоропадский обязаны были вступить в дело, лишь если усмотрят, что неприятель уклоняется от боя и уходит.

Фельдмаршал Шереметев не был на этот раз согласен с Петром. Шереметев боялся уводить из линии эти полки Волконского, не желал «умаления фронта» и уменьшения русской армии, готовящейся принять бой. Петр, однако, не хотел соглашаться с фельдмаршалом и говорил ему: «Победа не от множества числа войск, но от помощи божией и мужества бывает, храброму и искусному вождю довольно и равного чис-

ла...» — и предлагал ему поглядеть на стройное и исправное русское войско, стоявшее перед их глазами. Но генерал-от-инфантерии князь Репнин стал в этом споре на сторону Шереметева, заявляя, что «надежнее иметь баталию с превосходным числом, нежели с равным»¹³.

Когда 6 драгунских полков вышли из линии конницы Бору и стали отходить в тыл (к Скоропадскому), воины заметили движение в стоявшей поодаль «в логовине» шведской армии. Она начала движение вперед, прямо на русское войско. Тогда Петр выехал перед фронтом своих войск и громко произнес несколько слов, которые передаются так: «За отечество принять смерть весьма похвално, а страх смерти в бою вещь всякой хулы достойна», и отдал приказ идти навстречу приближавшимся шведам. Шереметев ехал непосредственно вслед за царем, а за Шереметевым — генералитет. Петр остановил коня и сказал, обращаясь к Шереметеву: «Господин фельдмаршал, вручаю тебе мою армию, изволь командовать и ожидать приближения неприятеля на сем месте». Затем помчал коня к первой дивизии, над которой, как сказано, решил принять непосредственное командование.

Было начало девятого часа утра, когда загремела русская артиллерия. Шведы были, по некоторым показаниям¹⁴, всего в 25 саженьях от русской линии, и первые же залпы вырвали много жертв из их рядов. Четыре шведские пушки отвечали слабо, но первый шведский натиск был необычайно силен и направлен больше всего (это запомнили все участники боя) в одну точку: на первый батальон Новгородского полка. В русской армии в этот момент еще не все знали, чем объяснялась энергия и целеустремленность шведов в данном случае. Изменник, унтер-офицер Семеновского полка, находился в рядах близ Карла и указал королю на полк, одетый в мундиры серого сукна, который он считал полком новобранцев, т.е. слабым полком. Изменник ошибся, он не знал, что Петр предвидел последствия его действий и, как сказано, велел 26 июня переодеть в серые мундиры один из лучших своих полков — Новгородский. И все-таки круто пришлось Новгородскому полку. Карл решил именно тут прорвать линию русского войска. На стоявший впереди первый батальон новгородцев были

направлены сомкнутые строем два шведских батальона разом. Шведы вломились, штыковым боем прокладывая себе дорогу в глубь первого батальона.

Все источники отмечают, что генеральная баталия началась *одновременным* наступлением шведов и русских друг на друга. От пленных после битвы было узнано, что именно русская артиллерия с первых же залпов «устрашаемым и ужасным огнем» расстроила неприятельские ряды и привела Карла в гнев и отчаяние: «...едва не от первого залпа (неприятель. — *Е.Т.*) пришел в отчаяние, и великой урон неприятелю учинился и в великую конфузию пришел, хотя король швецкой с превеликим гневом на своей колышке, ездя всюду, и всюду скрыжал зубами и топтал ногами, стучал головою от великого дешператства (отчаяния. — *Е.Т.*), но ничем в порядок своей армии привести не мог»¹⁵.

За эти два часа «генеральной баталии» (от 9 до 11 часов утра), как можно установить, судя по воспоминаниям некоторых участников и наблюдателей, битва прошла через две стадии. В первые примерно полчаса наступательный порыв шведов продолжался со всей силой, и тут-то они натолкнулись на непоколебимое, истинно героическое сопротивление шедшей навстречу им русской армии. Губительному огню подверглись лучшие полки Карла XII: Упландский, Кальмарский, Иончепингский, Ниландский, и все, что оставалось от королевской гвардии вообще. По утверждению шведских участников боя, больше половины боевого состава этих полков было истреблено русским орудийным и ружейным огнем, а затем в штыковом бою. Пали прежде всего почти все офицеры перечисленных отборных полков. Ядро ударило в носилки короля, он упал на землю и на миг лишился чувств, был поднят солдатами и положен на новые, импровизированные носилки из скрещенных пик; мгновенно распространившийся между шведами слух о смерти Карла подорвал дух армии, хотя близко к носилкам находившиеся и знали, что слух неверен.

Началась вторая стадия кровавой битвы, продолжавшаяся остальные полтора часа, когда еще можно говорить о сражении, о борьбе, а не о паническом бегстве шведов врассыпную. Теперь речь шла о том, чтобы по возможности сохранить

некоторый порядок при отступлении и не поддаться постепенно овладевавшей солдатами панике. Фельдмаршал Реншильд, по-видимому, сам поддался панике, наблюдая бывшую перед глазами страшную картину. Мчась к тому месту, откуда солдаты на скрещенных пиках уносили короля, он кричал еще издали: «Ваше величество, наша пехота погибла! Молодцы, спасайте короля!», не понимая, очевидно, что этим криком вконец убивает всякую попытку Левенгаупта, Акселя Спарре и уцелевших военачальников поддержать дух сражавшихся. Один за другим были перебиты почти все 24 солдата, сменявшиеся у носилок Карла, пока не удалось наконец усадить его на лошадь раненого драбанта и вывезти из страшной свалки. Уже не было и признака сколько-нибудь упорядоченного, организованно руководимого отступления. Исчезли последние признаки повиновения и дисциплины. Не только никто не слушал приказаний, но никто их уже и не отдавал. Фельдмаршал Реншильд, граф Пипер искали спасения в сдаче в плен. Другие (Аксель Спарре, Гилленкрок, Левенгаупт) бежали вместе с королем на юг.

К 11 часам все было кончено. Началось бегство врассыпную, русские конники врубались в кучки беглецов, искавших спасения кто в своем брошенном лагере, кто в окрестных лесах. Кто не успевал вовремя бросить оружие и дать знать, что он сдается в плен, подвергался немедленному уничтожению. Смертельная опасность для бегущих шведов усиливалась тем, что бежать-то по направлению к своему лагерю приходилось мимо тех же русских редутов, сыгравших такую роль в ранние утренние часы сражения. Теперь из этих редутов сыпались пули на беглецов, и одна из них, кстати сказать, ранила лошадь драбанта, на которую пересадили страдавшего от раны Карла XII.

Стоявшая на обоих флангах русская кавалерия стала обволакивать шведов с их обоих флангов, и вскоре всем фронтом русская армия ринулась на неприятеля. Это была жесточайшая резня. Русские бились с обычным мужеством и забвением опасности, которые на протяжении всей истории проявлял русский народ, когда понимал, что дело идет о защите страны от нагло вторгшегося, попирающего русскую землю за-

воевателя. Шведская армия была, бесспорно, лучшей по дисциплине, по храбрости, по выучке, наконец, по опытности в военном деле из всех армий тогдашней Западной Европы; полководец, ею командовавший, признавался в те времена выше по своим военным дарованиям, чем самые тогда прославленные западноевропейские военачальники, выше герцога Мальборо, выше Евгения Савойского. Но и эта первоклассная европейская армия, и этот первый по своей репутации из тогдашних западноевропейских полководцев были совсем неслышанно разгромлены, были отчасти физически, отчасти морально уничтожены, стерты с лица земли вместе с исчезнувшим в этот день навсегда, после векового могущества и славы, шведским великодержавием.

Всего два с небольшим часа длилась эта кровавая встреча, завершившая Полтавский бой: в 9-м часу утра она началась, к 11-ти все было кончено. Но предоставим слово Петру: «...однако ж то все далее двух часов не продолжалось ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали, и от наших войск с такою храбростью вся неприятельская армия (с малым уроном наших войск, еже наивяще удивительно есть), кавалерия и инфантерия весьма опровергнуты, так что шведское войско ни единожды потом не остановилось, но без остановки от наших шпагами и байонетами колоты, и даже до обретающегося леса, где оные пред баталией строились, гнаны». Карл на носилках («в качалке») был на месте боя, но распоряжался мало, и вовсе не только потому, что ослабел от своей раны и хирургической операции, — хватило же у него физических сил, присутствия духа, распорядительности, сообразительности и энергии, чтобы во всю прыть бежать сначала в карете, потом верхом прямо с места, где погибла его армия, к Днепру, а затем через Днепр, через пыльные турецкие степи, под жгучим солнцем, все дальше и дальше от русских пределов. Он потому был так инертен и бесполезен в бою, что русское командование и русское войско не дали ни ему, ни его генералам времени распоряжаться. Ведь и бывшие в вожделенном здравии испытанные и талантливые, не уступавшие своему королю в храбрости и превосходившие его выдержкой генералы вроде Реншильда, Левенгаупта, Шлиппенбаха, Рооса ровно ничего не сдела-

ли в этот страшный для них день непоправимого национального несчастья.

Шведы сражались храбро. Был опаснейший момент для русской армии. Это произошло в самом начале «генеральной баталии», т.е. последнего двухчасового боя, решившего дело. Отборный, «учрежденной неприятельской полк шел наступным боем и приближался с великим дерзновением на Новгородской пехотный полк наступил». Яростная, неудержимая шведская атака сломила сопротивление первого батальона, смятого шведами, которые на этом пункте оказались в двойном количестве, и неприятель «на штыках сквозь прошел» через первый батальон. Еще немного — и все левое крыло было бы отрезано. В этот страшный момент примчался Петр, остановил начавшееся замешательство, и под его личной командой второй батальон того же полка и оставшиеся в живых немногие солдаты только что сбитого первого батальона бросились в штыковую контратаку. Тут-то Петр и подвергся смертельной опасности: его шляпа была пробита пулей. Этот миг сражения уже после боя перед лицом солдат Меншиков описывал так: «Аще бы и не ты, благочестивый государь, предстал в самое лютейшее и погибельнейшее время, в которое неприятель Новгородского пехотного полку первый баталион сбил и уж начал отрезывать левое крыло от главной линии, на котором крыле он с 6-ю полками кавалерии находился, в оное самое лютое время огня к тому погибающему месту изволил прибыть и исправить, какового дела кроме Бога и тебя великого государя никто б мог исправить». Впоследствии было установлено, что опасность быть отрезанными в тот момент грозила не шести, а девяти полкам.

Петр, подобно другим великим полководцам, обыкновенно, как уже было нами сказано, совершенно правильно избегал личного риска и бесполезного молодечества, которое может в случае смерти вождя очень дорого обойтись его солдатам и привести к поражению и гибели всей армии. Но Петр считал, что в исключительных случаях главнокомандующий имеет моральное право рисковать собой. Документы о Полтавской битве приписывают исправлению положения в Новгородском полку решающее значение: «ибо все щастие реченой баталии от единого оного исправления зависело».

В этом сражении солдаты проявили полнейшее презрение к смертельной опасности. Они не давали и не просили пощады, и когда враг дрогнул и побежал, то русских нельзя было удержать ничем. Отогнав далеко врага, они преследовали его и в поле, на громадном расстоянии от Полтавы, и в лесу, где он прятался, ища спасения. Когда русская армия узнала о сравнительно не таких больших своих потерях, как ожидалось, то чувство гордой радости еще увеличилось в войске, разгромившем опасного агрессора.

Граф Пипер вбежал в шведский ретраншемент под самым городом Полтавой, уже зная, что русские разгромили армию и что короля либо куда-то увезли шведы, либо русские, если вообще он еще жив. Пипер решил выполнить последнюю свою службу: он хотел сжечь письма и бумаги, находившиеся в помещении короля. Но этого сделать уже не успел. Русская конница мчалась к шведскому ретраншементу. Пиперу с сопровождавшими его Седерьельмом, королевским секретарем, и Дюбеком пришлось, спасая свою жизнь, броситься с другого выхода прямо к полтавскому валу и здесь сдаться в плен. Весь кабинет Карла с находившимися в нем бумагами и двумя миллионами саксонских золотых ефимков, награбленными во время стояния шведского короля в Саксонии, попали в руки победителя.

Уже в половине десятого «вся неприятельская линия была сбита с места и по лесу прогнана», и пехота, тесня отступающих шведов, заняла постепенно место, на котором была перед этим вражеская линия, и двинулась дальше. Но довольно скоро отступление шведов стало превращаться в паническое бегство, и вся русская драгунская кавалерия бросилась преследовать и рубить бегущих. Русские кавалеристы устремились к лесу, где пытались спастись беглецы, и части помчались прямо к валу Полтавы, под которым был перед битвой расположен шведский лагерь.

5

В генеральной баталии, шедшей с 9 до 11 часов утра, участвовало русской пехоты всего 10 тыс. человек «в первой линии», а прочие «еще и в баталию не вступили». Этот факт, старательно замалчиваемый всеми без исключения западными истори-

ками Полтавской битвы, стоит подчеркнуть, так же как и другой факт, категорически опровергающий выдумку Нордберга (сдавшегося в плен в конце битвы), будто шведы начали свое «отступление», лишь пробыв несколько часов близ поля битвы. Наши источники отмечают, что сдавшаяся под Полтавой шведская армия «большая часть с ружьем и с лошадьми отдалась и в плен взяты»¹⁶. Только на самом «боевом месте и у редут» пересчитано было 9224 неприятельских трупа. Русская кавалерия преследовала разбежавшихся в разных направлениях шведов: «В погоне же за бегущим неприятелем гнала наша кавалерия болши полуторы мили, пока лошади утомились и иттить не могли», и «от самой Полтавы в циркумференции (в окружности. — *Е.Т.*) мили на три и болши на всех полях и лесах мертвые неприятельские тела обретались». Пришлось разбросать кавалерию для преследования и добивания разбежавшихся. Поспешное бегство главной массы к Днепру отсрочило взятие их всех в плен на трое суток.

Битва кончилась. К Петру приводили пленных генералов и полковников, принесли разломанные носилки, в которых был король во время боя. Привели пленного принца Вюртембергского. Царь принял его сначала за Карла. Узнав о своей ошибке, он сказал: «Неужели не увижу сегодня моего брата Карла?» Он обещал большую награду и генеральский чин тому, кто возьмет короля в плен или, если он убит, принесет его тело.

В третьем часу дня в шатер Петра привели пленных шведских военачальников. «Князь Меншиков пленным объявил, чтоб шпаги его царскому величеству, яко победителю, приносили. Первый граф Пипер, встав на колени и вынув шпагу, держал в руках; великий государь повелел принять генералу князю Меншикову... который по повелению е. ц. в. принимал шпаги у всего генералитета и у князя Витенбергского (Вюртембергского. — *Е.Т.*), а от штаб- и обер-офицеров принимал генерал Алларт. По отобрании шпаг, е. ц. в. спрашивал фельдмаршала Реншильда о здравии королевском, который его царскому величеству доносил, что король государь его за четверть часа прежде окончания баталии от повреждения раны в ноги в великой болезни изволил отбыть от армии, поруча оную в правление ему фельдмаршалу. Великий государь фельдмаршала

Реншильда за то его объявления о здравии королевского величества Карла пожаловал шпагою российскою».

Петр знал о хвастливой выходке Карла накануне битвы и сказал: «Вчерашнего числа брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли, а брат мой Карл ко мне с вами в шатер не пожаловал, в чем пароля своего не сдержал, я его весьма ожидал и сердечно желал, чтоб он в шатрах моих обедал, но когда его величество не изволил пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих отобедать». За этим обедом и последовал известный юмористический тост за здоровье «учителей» в ратном деле, шведов, и горько-иронический ответ Пипера: «Хорошо же ваше величество отблагодарили своих учителей!» За обедом Реншильд и Пипер сказали Шереметеву, что они многократно советовали королю прекратить войну с Россией и заключить с Россией «вечный мир», но король их упорно не слушал. Петр при этом воскликнул, обращаясь к шведам: «Мир мне паче всех побед, любезнейшие».

Конечно, и хозяева-победители и «гости»-побежденные были очень взволнованы грандиозным историческим событием, свидетелями и участниками которого они были всего несколько часов тому назад. И говорили многое, чего не сказали бы в другое время так откровенно. Еще веянье смерти было над ними, еще только садясь за стол, Петр снял с головы шляпу, простреленную шведской пулей, и еще не снял с груди медный крест, погнувшийся от другой шведской пули. И пленники еще явно не могли прийти в себя от ужаса страшной катастрофы, так внезапно оборвавшей навсегда их боевое поприще. После стольких усилий, таких многолетних побед и испытаний кончилось могущество их родины, и померкла слава их вождя. Реншильд и Пипер сказали тогда же за обедом графу Шереметеву, что они не подозревали, что у России такое регулярное войско. Они признали, что только Левенгаупт утверждал, что «Россия пред всеми имеет лучшее войско», но они ему не верили. Оказалось, что после сражения у Лесной Левенгаупт «секретно им (шведским генералам. — Е.Т.) объявлял, что войско непреодолимое, ибо он чрез целый день непрерывный имел огонь, а из линии фронта не мог выбить, хотя ружье в огне сколько крат от многой пальбы разгоралось, так что не-

возможно было держать в руках, а позади фрунтов невидима была земля за множеством павших пуль». Но генералы не верили, считали, что это небылица, выдумка: «но все то не за будущее, но в баснь вменено было». Они все, кроме Левенгаупта, думали, что под Полтавой встретятся с войском вроде того, что было при Нарве в 1700 г., «или мало поисправнее того».

Наибольшее, может быть, впечатление и на Россию, и на Европу произвела эта губительная паника, овладевшая шведской армией, закаленной в боях, бесспорно храброй, строго дисциплинированной, в тот момент последней ее встречи с вышедшей из ретраншементов русской пехотой, когда артиллерийский бой стал быстро уступать место штыковому, рукопашному. По реляции Петра, так называемой «обстоятельной реляции», разосланной 9 июля в списках Нарышкину, Ивану Андреевичу Толстому, вице-адмиралу Крейсу, Кириллу Нарышкину и Степану Колычеву, выходит, что, собственно, окончательный бой, где сшиблись главные силы обеих армий, после жестокого русского артиллерийского огня был решен не через два часа, а уже через полчаса, и, следовательно, в остальные полтора часа уже происходило лишь яростное преследование и истребление охваченного полнейшей паникой неприятеля. Вот что пишет Петр об этом решившем все моменте битвы, причем царь и сам не скрывает своего удивления по поводу столь быстро сломленного сопротивления шведов: «И как войско наше, таковым образом в ордер баталии установясь, на неприятеля пошло, и тогда в 9 часу пред полуднем атака и жестокий огонь с обеих сторон начался, которая атака от наших войск с такою храбростию учинена, что вся неприятельская армия по получасном бою с малым уроном наших войск (еже притом наивяще удивительно) как кавалерия, так и инфантерия весьма опровергнуты, так что шведская инфантерия ни единожды потом не остановилась, но без остановки от наших шпагами, багинетами и пиками колота, и даже до обретающегося вблизи лесу, яко скот гнаны и биты». Дальше ясно подчеркивается, что сдача в плен всего командного состава и тысяч вооруженных солдат последовала в *начале* этого последнего боя: «притом в начале генерал-майор Штекельберг (sic. — *E.T.*), потом же генерал-майор Гамельтон, також после и фельдмар-

шал Реншильд и принц Виттембергский, королевский родственник, купно со многими полковниками и иными полковыми и ротными офицерами и несколько тысяч рядовых, которые большая часть с ружьем и с лошадьми отдались и в полон взяты, и тако стадами от наших гнаны». А уже после этой решающей катастрофы бой превратился в преследование и истребление побежавшей с поля разгромленной шведской армии: «В погоню же за уходящим неприятелем последовала наша кавалерия больше полуторы мили, а именно пока лошади ради утомления итти могли, так что почитай от самой Полтавы в циркумференции мили на три и больше, на всех полях и лесах мертвые неприятельские тела обретались, и чаем оных от семи до десяти тысяч побито»¹⁷. По точному смыслу петровской реляции время в этом двухчасовом бою (от 9 до 11 часов утра) распределяется так: полчаса решительного столкновения, когда русские сломили окончательно и безнадежно и физически, и морально сопротивление шведской армии, и полтора часа, когда длилось преследование и добивание беглецов русской конницей, причем ни разу шведы уже не сделали даже и попытки остановиться и оказать боевое сопротивление. Ясно также, что шведы бежали не сомкнутой массой, а врассыпную, потому что Петр подчеркивает это словом «циркумференция», говоря о покрывающих поля *вокруг* Полтавы шведских трупях. Бегство и преследование шли, очевидно, по разным направлениям, как бы радиусами от Полтавы во все стороны, и концом сражения был тот момент, когда лошади русской конницы, преследовавшей бежавших шведов, уже «ради утомления» не могли дальше идти.

Из всей «Обстоятельной реляции о главной баталии меж войск его царского величества российского и королевского величества швейцарского учинившейся неподалеку от Полтавы сего иуния в 27 день 1709 лета», переведенной на голландский, немецкий, а затем уже на некоторые другие иностранные языки, — наибольшее впечатление на военных людей и дипломатов, конечно, не могло не произвести известие, на котором особенно настаивал этот документ: «При сем же и сие ведати надлежит, что из нашей пехоты токмо одна линия, в которой с десять тысяч не обреталось, с неприятелем в бою была, а другая до

того бою не дошла, ибо неприятели, будучи от нашей первой линии совершенно опровергнуты и побиты и прогнаны».

Итак, выходило, что в те два часа сражения от 9 до 11 утра, которые в русских документах часто называются по преимуществу «генеральной баталией», русские разгромили шведов, пустив в бой всего 10 тыс. человек против значительно большего количества стоявших в начале боя против них в шведской линии¹⁸. А с другой стороны, в резерве у Петра были тут же наготове еще около 30 тыс. человек пехоты, кавалерии и артиллерии. Эта громадная резервная сила в русском стане была свежа, прекрасно вооружена, готова к бою, потери ее, понесенные в утренние часы боев за редуты и при ликвидации отрядов Шлиппенбаха и Рооса, были совсем незначительны. Оба эти факта — 10 тыс. в бою и наличности громадного резерва — неопровержимо доказывали, во-первых, моральное и материальное боевое превосходство, какого достигла русская армия после тяжелой почти десятилетней борьбы, а во-вторых, как большое военное искусство русского командования, которое сумело в решающей битве собрать в кулак у Полтавы крупнейшие силы, так и полное, блестящее оправдавшееся доверие Петра к стойкости и одушевлению солдат, к тому, что 10 тыс. русских бойцов хватит, чтобы справиться на поле боя с 16 тыс. шведов, стоявших непосредственно перед этими 10 тыс. Наличие же могучей резервной, совсем не принимавшей участия в бою армии делало конечный разгром шведов неотвратимым, даже если бы почему-либо выставленные Петром 10 тыс. бойцов потерпели поражение. И надо быть таким безмятежно и бессовестно лгущим трубадуром славы Карла XII, как его духовник Нордберг, чтобы писать о «спокойном отступлении» короля, когда был дан «приказ» отступать. Более полный, уничтожающий разгром очень редко переживала где-либо какая-нибудь армия.

На другой день, 28 июня 1709 г., состоялся торжественный въезд Петра в освобожденную Полтаву. Освобождение произошло вовремя: в крепости оставалось только полторы бочки пороха и восемь ящиков с патронами.

Тут только царь и русская армия узнали в точности, что выдержал этот город. Четыре раза неприятель доводил штурм

до такой силы, что врывался через низкий вал в город, и его приходилось с большим трудом выбивать оттуда. Войска в Полтаве было в момент начала осады 4182 человека, потом подбросить удалось с Головиным 900 человек, но главная помощь пришла от мирных жителей Полтавы, пожелавших принять участие в обороне: «градских жителей» набралось 2600 человек. Им было дано оружие, и они сражались наряду с регулярным войском. Из всего этого числа сражавшихся здоровых оказалось 4944 человека, раненых и больных — 1195, а перебито неприятелем и умерло от болезней за два месяца осады 1634 человека. Полтавская осада, по русским данным, не вполне проверенным, стоила шведам за два месяца до 5 тыс. человек. Ядер и картечи в Полтаве давно не имелось, рассказывали полтавцы, и пушки заряжали обломками железа и камней¹⁹.

Начались похороны жертв боя. Образовывались высокие курганы.

«Дневник военных действий» настаивает, что «по достоверному исчислению» собрано и предано погребению 13 281 «побиенных неприятельских тел»²⁰. Если эта цифра точна, то, считая с пленными, взятыми при Полтаве и Переволочной (16 тыс. с небольшим), вся армия Карла оказалась ликвидированной.

Пушек у шведов было забрано под Полтавой и у Переволочной всего 32, но из них 28 не были в бою вовсе в этот день. Ряд свидетельств подтверждает этот, казалось бы, невероятный факт, что у Карла XII в день сражения, от которого зависела его участь, его репутация, судьба его государства, почти вовсе отсутствовала артиллерия. «Мы взяли (в бою. — *Е.Т.*) только четыре пушки, так как неприятель озаботился оставить всю свою артиллерию со своим большим обозом, которого (мы. — *Е.Т.*) взяли три тысячи повозок», — читаем во французской рукописи, адресованной Вельскому воеводе, приверженцу России, коронному гетману (т.е. Синявскому). Рукопись не подписана. Она хранится в нашем Архиве древних актов и почти совпадает в основном с общеизвестными описаниями Полтавской битвы²¹.

У Нордберга, взятого в плен в день Полтавы, записи которого долгое время были единственными, из двух главных швед-

ских источников по истории Полтавской битвы (потому что другой автор, участник и очевидец похода, Адлерфельд, был убит ядром в самый день сражения), мы читаем, что русские «не осмелились» преследовать шведов, и те, после сражения, отступив «в расстоянии четверти мили, построились вновь и в продолжение четырех часов оставались в вооружении, но враг не осмелился показаться»²². Это — классический образчик того, как курьезно и без зазрения совести лжет Нордберг всякий раз, когда ему уж очень хочется унижить ненавистных ему русских и показать, что совсем несвойственно было шведам терпеть поражения вообще, а от русского войска в особенности.

Выдумка о четырехчасовом стоянии в боевом строю шведских беглецов не имеет и тени основания и смысла.

В дополнение к показаниям русских источников приведем слова тоже всячески преуменьшающего в своем повествовании русские успехи старинного шведского историка Фрикселя, обильно пользовавшегося не только государственными, но и частными семейными архивами Швеции и многими документами, которые теперь уже исчезли. Считая, что из-под Полтавы часть армии с королем во главе успела спастись (на два дня) исключительно потому, что царь не сейчас же после боя приказал всей своей армии пуститься догонять шведов, Фриксель пишет, что бежавшие шведы были оставлены на несколько часов в покое, «и это было для них счастьем, потому что весь остаток шведского войска, очистившего поле битвы, находился в полном рассеянии. Уже не было никакого порядка, никакого повиновения, каждый продолжал отступление по своему благоусмотрению, потому что это отступление превратилось в самое настоящее бегство даже и в тех частях, которые не побывали в бою. Если бы русские использовали свою победу немедленно для сильного преследования, то, по всей вероятности, как сам король, так и уцелевшая бегущая часть его армии были бы уже в тот момент взяты в плен или изрублены»²³. Приведенная выше выдумка Нордберга не стоила бы, чтобы на ней останавливаться, если бы она не была доказательством, насколько недоверчиво, строжайше критически должно вообще пользоваться этим источником. Он местами фантазирует и путает не меньше Гилленкрока, а между тем к нему

западные историки, игнорируя русские свидетельства, проявляли всегда гораздо больше совсем незаслуженной доверчивости, чем, например, к генерал-квартирмейстеру Карла. Без Нордберга вовсе обойтись нельзя, но, изучая его, должно быть очень настороже. И Нордберг и Адлерфельд, другой соратник Карла XII в течение всего русского похода, часто лгут, но, к сожалению, иной раз нет возможности их окончательно уличить, потому что нет третьего очевидца и соучастника, который бы тоже писал изо дня в день историю похода, не разлучаясь ни на один день с Карлом.

6

Трудному испытанию подверглась в день Полтавы русская армия, и выдержала она его с изумительным успехом. Ее моральная доблесть, организованность, способность к маневрированию, дисциплина, железная стойкость — оказались на очень высоком уровне.

Воинский устав Петра был издан лишь в 1716 г., но уже в то время, которое нас тут занимает, перед Полтавой, русская регулярная армия существовала на прочной основе ежегодных рекрутских наборов, систематического обучения и по своему однородному национальному составу и национальному самосознанию была выше европейских регулярных армий, раньше ее возникших, но пополнявшихся наймом и вербовкой. Выше, чем где-либо, в русской армии оказывался и другой моральный фактор: чувство товарищества. Поддержка товарища в бою требовалась не только формально, но и фактически, уже в первые годы петровской армии существовала сплоченность кадров. Конная артиллерия, созданная Петром, сливалась в бою в единое, слаженно действующее целое и с пехотой, которую она охраняла и поддерживала, как это было под селом Добрым (у Черной Натопы), и с кавалерией, которой артиллерийская подготовка так облегчила действия *во втором* фазисе Полтавского боя, когда русские конники ликвидировали отброшенных к лесу шведов, бывших под командой Рооса и Шлиппенбаха. Полковая конная артиллерия, таким образом, dokonчила дело, начатое тяжелыми и легкими орудиями русских артиллерий-

ских сил, встретивших в *первом* фазисе боя убийственным огнем шведскую кавалерию, бурно устремившуюся на редуты в самом начале дела. Эта полная слаженность дружных действий всех трех родов оружия сказалась очень ярко и в *третьем*, окончательном фазисе боя, т.е. в столь роковой для шведов «генеральной баталии», завершившей разгром шведской армии. Сказывалась она и раньше.

В течение всей Полтавской битвы обнаруживалось неоднократно удачное взаимодействие всех родов оружия. На рассвете, в первые часы битвы, артиллерия по левой фортификации (шесть параллельных редутов и только двух перпендикулярных) жестоко потрепала шведскую кавалерию, атаковавшую эти укрепления, а русская конница довершила разгром и взятие в плен отчасти загнанных в лес, отчасти отогнанных к шведскому лагерю кавалерийских эскадронов и отрезанных от армии шести батальонов пехоты. Шведы снова атаковали редуты и понесли урон еще больший, чем прежде. Когда в 9 часов утра началась «генеральная баталия», то здесь уже сильно ослабленный противник разом встретился с могучим натиском пехоты, которую очень оперативно поддержал артиллерийский огонь. Смятение в шведских рядах усилилось, когда кавалерийские полки начали обходить шведов с флангов, где с самого начала «генеральной баталии» Петр поставил конницу. Но пушечный огонь довершил катастрофу дрогнувшей шведской армии. «Трудно переоценить огромную роль русской артиллерии в разгроме шведов под Полтавой», — справедливо говорит генерал-лейтенант артиллерии И.С. Прочно, особенно отмечая, что наша артиллерия находилась все время «в самых горячих местах боя и с малых дистанций поражала неприятеля»²⁴. К этому необходимо прибавить, что ведь и спустя три дня после Полтавы безусловная и немедленная сдача в плен всей значительной бежавшей с поля битвы части шведской армии была обусловлена непосредственно именно тем, что возвышенности у Переволочной были заняты подошедшей артиллерией Меншикова, а полное отсутствие орудий сделало положение шведов абсолютно безнадежным и не позволило им даже и думать о новом бое²⁵.

Отсюда не следует, однако, что мы вправе забыть о громадном значении *конницы* во все утренние часы Полтавского

сражения, кончившиеся разгромом и капитуляцией отрезанных от главной армии шведских частей, — и о том, как затем во время «генеральной баталии» главная тяжесть победоносного боя выпала на долю *пехоты*. Под Полтавой победило целесообразное, дружное, тактически совершенное *взаимодействие* всех трех родов оружия. Эта слаженность и своевременность выступлений всех частей явились одним из замечательных достижений петровской стратегии. Большой путь оказался пройденным от «детского игrania» под первой Нарвой, т.е. от отсутствия воинского искусства, о чем так иронически поминал сам Петр, до высокого, заслуженного успеха русской стратегии и тактики под Полтавой...

За разгромом шведской армии под Полтавой 27 июня 1709 г. последовало быстрое бегство шведов и короля Карла XII к Днепру. Но русское преследование уничтожило все надежды шведов спастись переправой через реку, и по первому же требованию преследовавшего шведов Меншикова, настигшего их под Переволочной, вся шведская армия принуждена была сдаться на милость победителя. Карл XII и Мазепа успели бежать через Днепр за три часа до прихода Меншикова к Переволочной. И материальная часть разгромленной под Полтавой шведской армии и полный упадок духа как солдат, так и командного состава были таковы, что генерал Левенгаупт, которому король, убегая, передал верховное командование, человек очень храбрый и опытный, счел всякое сопротивление совершенно немыслимым. По окончательному, позднейшему подсчету, сдавшихся под Переволочной шведских пленников оказалось больше: не 14 030 человек, а 16 264. Эту цифру находим в письме Петра царевичу Алексею от 8 июля 1709 г.²⁶. Когда постепенно впоследствии выловлены были шведы, разбежавшиеся по лесам и полям еще до сдачи всей армии, то общий подсчет пленников дал цифру около 18 тыс. человек.

7

Что Полтава непоправимо разрушила шведское великодержавие, этот вывод некоторые иностранцы, отдававшие себе отчет в случившемся, сделали буквально на другой день после катастрофы Карла XII: не только Украина, но вся Европа оказа-

лась избавленной от угрозы «шведской державы, которая своим честолюбием сделала себя страшной для всей Европы»²⁷, — читаем во французской реляции участника боя.

Если в двух словах, ограничиваясь основным, грубым в своей беспощадности фактом, характеризовать это событие, то должно сказать так: бежавшая с поля битвы в полном смятении половина шведской армии, почти 16 тыс. человек, примчавшаяся из Переволочной, где Ворскла впадает в Днепр, остановилась тут, и когда преследовавший беглецов Меншиков послал требование немедленной, безусловной сдачи, то все они, не пробуя вступить в бой, сдались, хотя у Меншикова было в отряде всего 9 тыс. человек, т.е. лишь немного больше половины стоявшей перед ним шведской армии. Если принять во внимание, что в Полтавском сражении шведов было убито около 9300 человек²⁸, а взято в плен под Полтавой 2864, то неопровержимые цифры, относительно которых, в общем, шведские показания на этот раз не расходятся с русскими, говорят нам недвусмысленно, что больше половины шведской армий было ликвидировано не 27 июня под Полтавой, а 30 июня (1 июля по шведскому календарю) 1709 г. под Переволочной. Под Полтавой шведы сражались очень храбро, и русские, хоть и одержали победу «с легким трудом и малой кровью против гордого неприятеля», по выражению петровского «Журнала», но все-таки потеряли 4635 человек убитыми и ранеными. А под Переволочной уцелевшая от полтавского разгрома и все еще крупная шведская армия сдалась без боя и без всяких условий неприятелю, который был гораздо малочисленней, и уж этот огромный, окончательный успех не стоил русским ни одного человека.

С точки зрения политических последствий, с точки зрения воинской чести эта капитуляция под Переволочной была для шведов фактом несравненно еще более страшным, чем полтавский разгром. Немудрено, что не только шведские, но отчасти и немецкие, и английские, и французские историки с давних пор либо старались наскоро обойти это событие, так как не были расположены признавать во всей полноте успех русских над вооруженными силами лучшей из тогдашних европейских армий, либо пытались подыскивать смягчающие и оп-

равдывающие шведов обстоятельства. Нельзя сказать, чтобы эти попытки отличались особенной убедительностью.

Начать с того, что эти старания направлены прежде всего к спасению воинской репутации Карла XII, успевшего бежать с Мазепой и с немногими спутниками-шведами из ближайшего окружения несколькими сотнями казаков-мазепинцев за Днепр, причем Меншиков опоздал всего на три часа и только поэтому не взял короля в плен. Один из последних шведских историков, посвятивших целую книгу возвеличению Карла XII, Артур Стилле, дал сводку этой аргументации, крайне плохо «объясняющей» поведение короля, его генералов и его армии под Переволочной²⁹. По позднейшим шведским показаниям, дело рисуется так. Еще в первые часы бегства, когда Карла XII везли в карете его главного министра графа Пипера (сам Пипер сдался в плен в конце битвы), к нему подъехал Гилленкрюк (его фамилию часто произносят: Юлленкрюк) и спросил: куда направиться? Карл ответил, что надо снестись с генералом Функом, который был в местечке Беликах, а потом уж можно будет решить, куда бежать дальше.

28 июня добежали до Кобеляк. Но тут сломалась карета, и Карла вынесли из нее и посадили на лошадь, которая вскоре в пути пала от утомления. Рана Карла снова открылась, да и перевязана была плохо, после того как король выпал на землю из разбитых русским ядром носилок. Его пересадили на другую лошадь, задерживаться было совершенно невозможно. Беглецы уже знали точно о начавшемся со стороны русских преследовании. В ночь на 29 июня Карл остановился в Новых Сенжарах. Он не мог ехать дальше, рана открылась от быстрой езды и тряски. Но ему не удалось отдохнуть: его скоро разбудили известием, что приближается русская погоня. «Делайте что хотите!» — ответил Карл. Он молчал и, когда его пересадили на лошадь (ехать в экипаже уже было опасно, русские настигали), помчался вместе с совершенно расстроенными остатками армии, бежавшими в полном беспорядке.

Примчались под Переволочную. Куда дальше? Времени оставались лишь часы, а еще не было решено: переправляться ли через Ворсклу, которая тут впадает в Днепр, или через Днепр? Карл XII не мог решить, кто из его окружения прав: те

ли, кто советует переправиться через Ворсклу, или через Днепр? Первое казалось легче, и потому что Ворскла — более мелкая и узкая. За Ворсклой начинались татарские владения, за Днепром — турецкие. И от татар и от турок можно было ждать гостеприимства. Хотя, конечно, и те и другие не ожидали появления Карла в таком виде... Пока происходили эти колебания, в Переволочную подтянулась утром 30 июня вся бежавшая от Полтавы армия, и генерал Крейц, на этом переходе ею командовавший, осмотрел берег и заявил, что для переправы через Днепр нет никаких средств, и хотел повести войско к Ворскле. Но тут сказалось, как пала дисциплина в шведской армии: солдаты воспротивились настолько, что Крейц решил отложить дело переправы через Ворсклу на другой день. Но уже не было для шведской армии этого другого дня...

Поступили новые тревожнейшие известия: русские войска сейчас будут у Переволочной. Карлу перевязывали рану, когда к нему подошли генералы во главе со старшим из них Левенгауптом. Они заявили королю, что нужно немедленно ему лично спастись переправой через Днепр. Король раздражался и отказывался. Но выхода другого не усматривалось. На вопрос, поставленный Крейцу, возможно ли дать русским бой тут же, на берегу, генерал ответил, что он не знает, кого приведут русские: если только конницу, то попытка сопротивления возможна, если же придет и пехота, тогда «нельзя сказать, что случится».

До той поры Карл XII никогда не бежал от опасности, всегда считал это величайшим позором, презрительно издевался над побежденным и спасающимся врагом. Окружающие понимали очень хорошо, что происходило с ним в ту минуту.

Карл решил уйти за Днепр. Впоследствии, через три с половиной года после Полтавы, силясь избавиться от постыдного воспоминания, мучившего его, он писал своей сестре Ульрике Элеоноре, регентше Швеции, что, покидая погубленную им окончательно армию, был убежден, что его солдаты будут как-нибудь переправлены через Ворсклу и что он с ними встретится в Очакове, куда он сам бежал. Все это неясно. Почему он не переправился через Ворсклу и сам, а предпочел путь через Днепр? Если через Ворсклу почему-либо было легче уйти це-

лой армии, то подавно легче было бы и ему с его маленькой свитой. Очевидность говорит о том, что королю предстояло либо немедленно, через несколько часов, попасть в плен к русским («лучше ехать к туркам, чем попасть в русский плен», — сказал он), либо дать бой спешащему к Переволочной русскому отряду. Но, потеряв всю артиллерию и все боезапасы, имея изнуренных тяжким боем и трехдневным почти безостановочным бегством людей, думая, что на него движется вся победоносная русская армия, Карл, к тому же измученный своей незаживавшей раной, просто не решился идти сам и вести за собой уцелевшую от Полтавы часть своего войска на медленную полную гибель под русскими штыками и пулями. Может быть, он обманывает самого себя, когда пишет в декабре 1712 г. своей сестре, что так как он из-за своей раны не мог быть уже в тот момент, 30 июня 1709 г., полезен своей армии, то сдал верховное командование другому.

Кто же был этот другой? Генерал Левенгаупт — старший чином из всех бывших у Переволочной генералов — был старым и опытным воином, за которым числилось в его боевой карьере много успехов.

Генералы и офицеры стояли вокруг короля, убеждая его, что единственное его спасение в бегстве. Но Карл по-прежнему не был даже полтавским разгромом поколеблен в том особом предпочтении и покровительстве, которые единоспасающий истинный бог, бог Лютера и капеллана Нордберга, непременно окажет в конце концов ему, «помазаннику господню, королю шведов, готов и вандалов, божьей милостью». «Если бы враг вознамерился нас атаковать, то мои войска, видя меня первого на коне, не будут больше думать о происшедшем несчастье. Они ринутся в бой с той же храбростью, которую они постоянно выказывали во всех случаях, когда я был во главе их. Они одержат победу. Сколько примеров приводит нам история, когда армии, только что разбитые и покинувшие поле битвы, одерживали немного дней спустя блестящие победы над торжествовавшим врагом? Мы надеемся на все от провидения!»³⁰

Слушавшие глядели на оратора, лежавшего на носилках, и, твердо зная, что, во-первых, и на коня он не сядет, а во-вторых, если бы и сел, то войска за ним ни за что не пойдут, при-

нялись опять убеждать его в полной невозможности всего того, о чем он говорит.

Дальше предоставляем слово Левенгаупту, который рассказал Петру о последних часах Карла перед бегством за Днепр.

Когда 1 июля Петр прибыл в Переволочную и Меншиков ему тут рапортовал, что в плен он взял 16 295 шведов, то Петр приказал привести взятых в плен при Переволочной генералов во главе с Левенгауптом. Царь спрашивал Левенгаупта о здоровье короля и его ране. Левенгаупт объявил, что рана весьма трудна. Затем на вопросы о короле Левенгаупт объявил: «...когда отошедшая армия с полтавской баталии вся собралась к Днепру, то государь, его король оную армию вручил ему, Левенгаупту». А на слова Левенгаупта, что провианта имеется «с нуждой» на три дня и что прикажет король делать, если подойдут русские «в великой силе», — Карл ответил: «что военным советом утвердите, то и исполните». Король прибавил, что при разлучении с армией чувствует, «как бы и душа его с телом разлучалась, но то ему велит неволя делать». Характерно для Карла его заявление при этом, что «едет он к султану турецкому требовать от него помощного войска, через которое бы мог похищенное возратить и неприятелю воздать равномерно». Уже идя к лодке, король сказал: «более медлить здесь не могу», а затем прибавил, обращаясь к отсутствующим: «Простите, друзья мои, верные и истинные, граф Пипер и Реншильд! Когда б я вашего совета слушал, воистину не был неблагополучен». Он поцеловал Левенгаупта и генералов, а уж садясь в лодку, опять сказал, как мы знаем и по другим показаниям, что лучше бы ему Днепр стал гробом, чем разлучаться с ними, и что он чувствует, будто его душа покидает его.

Подведена была к берегу большая лодка, куда вошли гребцы — несколько шведских драгун. К лодке привязали другую, на которую поставили повозку короля.

Карл XII с несколькими провожатыми отплыл на правый берег Днепра, покидая навсегда русскую землю, которую он предполагал завоевать. Высадившись на правом берегу, Карл, сопровождаемый несколькими верховыми, пересел в повозку и трясся в своей повозке по выжженной жгучим июльским солнцем беспредельной, безводной, безлюдной степи, огляды-

ваясь ежеминутно, не гонятся ли за ним русские. Рана от тряски опять раскрылась. Король не обменялся ни с кем ни единым словом. Он был всегда молчалив: и в долгие годы блестящих побед, и непрерывных завоеваний, и в начинавшиеся теперь для него времена унижения, бессилия и стыда.

Не все, желавшие бежать за Днепр, достигли другого берега. Король лично переправился благополучно, но несколько сот казаков и шведов, многие из бросившихся вплавь, так как никаких перевозочных средств не было, на глазах короля потонули в реке. Спасшиеся гурьбой следовали двумя колоннами, одна за Карлом, другая — за Мазепой. Тотчас после переправы, отойдя в глубь степи, обе колонны соединились и быстро удалились от страшного для них Днепра, откуда можно было ожидать немедленной погони. Когда Меншиков спустя три часа подошел к Переволочной — вся толпа беглецов с королем во главе уже бесследно исчезла в необозримой степной пустыне, и глядевшие с левого берега русские не увидели ничего до самого горизонта.

Никто не знает истинных переживаний Карла, покинувшего своих солдат, но зато всем известно, что он был опытный и талантливый полководец, и именно поэтому трудно допустить, что он не кривил душой, когда впоследствии стал злобно и вопиюще несправедливо обвинять не себя, а Левенгаупта в гибельном конце оставшейся на левом берегу Днепра шведской армии, брошенной им самим на явную и близкую гибель.

Но что мог сделать Левенгаупт при всем желании спасти армию? И некоторые современники и затем многие шведские историки укоряют его в том, что он упустил время и не повел войско к берегу Ворсклы, где можно было (будто бы) организовать переправу.

Все это было абсолютно невозможно. Шведская армия уже разваливалась, так как в ней исчезла дисциплина еще до того грозного момента, когда на возвышенностях над шведским расположением явился головной отряд Меншикова.

Солдаты одного из лучших шведских драгунских полков первые отказались повиноваться еще тогда, когда Левенгаупт собирался отвести их к берегу Ворсклы. Началось дезертирство, солдаты некоторых частей либо разбежались во все сто-

роны и прятались, либо даже перебежали в лагерь Меншикова, когда он остановился. Деморализация в таких размерах охватила не все войско, были исключения, офицеры, готовые сражаться, — но, конечно, с момента подхода русских все пропало безнадежно. Наступило утро 1 июля 1709 г.

К шведскому аванпосту приблизился русский парламентар в сопровождении барабанщика. Меншиков требовал немедленной и безусловной сдачи всей шведской армии, грозя в случае отказа напасть на нее и беспощадно истребить. Посланный парламентар ждал немедленного ответа.

Левенгаупт сейчас же приказал всем командирам полков собраться и предложил ответить на вопрос: могут ли они рассчитывать на своих солдат? Откажутся ли их солдаты выполнить боевой приказ или не откажутся? Ответ он получил самый недвусмысленный: люди сражаться едва ли будут. А некоторые командиры даже вполне уверенно ручались, что солдаты не будут слушаться приказа. Обнаружилось, что они уже и сейчас не слушаются: они отказались накануне (30 июня) исполнить приказ запастись, где им было указано, патронами.

Стилле и другие историки, во имя спасения чести короля слагающие всю вину на Левенгаупта, приводят примеры героических ответов некоторых офицеров и т.д. Но эти героические ответы охотно давались впоследствии в дневниках, письмах, воспоминаниях, а Левенгаупт их 1 июля что-то не слышал.

Итак, альтернатива была одна: или выполнить категорическое требование Меншикова, или быть истребленным при совсем безнадежной попытке начать сопротивление. Левенгаупт еще пробовал чуть-чуть замедлить и отсрочить неизбежное.

Меншиков требовал «сдачи без кровопролития, объявляя ему в рассуждение, что все убежище и спасение у них уже пресечено и чтоб сдались без супротивления, в противном же тому случае не ожидали никакой милости и все конечно будут побиты. Потом от Левенгаупта присланы были к князю Меншикову генерал-майор Крейц, полковник Дукер, подполковник Граутфетер и генерал-адъютант Дуклас для трактования о сдаче, что вскоре и учинено, и со обеих сторон договор подписан, по которому неприятель, в которых было 14 030 человек вооруженных, большая часть кавалерии, ружье свое яко воин-

ские пленники положи, отдались в плен... и того же дня ружье свое купно со всею артиллериею и с принадлежащею к тому воинскою казною и канцеляриею и 3 знамены и штандарты и с литавры и барабаны отдали посланному нашему генерал-порутчику Боуру. И тако божией помощью вся швецкая толь в свете славная и храбрая армия (которая немалой страх в Европе чинила, а паче бытием в Саксонии) кроме малого числа ушедших с королем от войск российских побито, а достальные взяты в плен»³¹.

Левенгаупт предложил офицерам отправиться в свои части и спросить солдат, будут ли они сражаться? Но, во-первых, солдаты даже и собирались очень плохо, чтобы выслушать этот вопрос главнокомандующего, а во-вторых, если давали ответ, то крайне уклончивый и оговаривались, что «если русских не очень много», то будут сражаться, и делали подобные же оговорки. «Положительные» ответы были редки и значение их сомнительно. Левенгаупт признал, что армия предпочитает капитулировать: «на почетных условиях». Этот ответ и был передан князю Меншикову. Никаких «почетных условий» Меншиков не дал, и Левенгаупт немедленно сдал всю еще оставшуюся после Полтавы шведскую армию. Шведские исследователи приводят как общую цифру пленных на Перелучной на основании шведских архивных данных 15 729 человек, Петр в своем «Журнале» дает цифру 15 921 человек, которая представляется даже некоторым шведским исследователям более точной. Позднейшие русские свидетельства доводят эту цифру до 16 264 человек.

8

Всю безнадежность своего положения шведы увидели, уже будучи в плену, когда 6 июля царь произвел перед их глазами общий смотр своей армии, причем в смотре участвовало и громадное нерегулярное воинство: «Пленные, видев армию царского величества вчетверо большую, нежели каковую видели во время баталии, о великости ее удивлялись». Регулярных войск оказалось 83 500 человек, а нерегулярных 91 тыс., да еще отдельно подсчитано было 2 тыс. «артиллерийских служите-

лей». В общем, у русского командования под рукой спустя некоторое время после Полтавской победы оказалось, по подсчетам современника, ведшего дневник военных действий, 176 500 человек³².

Ни у одной из великих европейских держав не было в тот момент, во второй половине лета 1709 г., таких громадных, вполне готовых к бою вооруженных сил.

На этот счет было выведено 19 171 человек пленных шведов.

По своим последствиям, убийственным для Швеции, эта беспримерная сдача всей еще уцелевшей после полтавского побоища шведской армии под Переволочной 30 июня (1 июля) была еще страшнее и, главное, несравненно позорнее, чем даже Полтава. Торжествующий Петр сообщил Москве эту новую радость через коменданта города князя Гагарина: москвичи узнали, что оваянная славой долгих побед лучшая армия Западной Европы окончательно прекратила свое существование и сдалась «яко воїнские полоненики, положиа ружье, со фсеми людьми и алтилериею (sic. — *Е.Т.*)... без бою здались... И тако вся армия (sic. — *Е.Т.*) неприятелская нам через помощ божію в руки досталася, которою в свете неслыханною викторіею вам поздравляем»³³.

Из имеющихся несколько разноречивых цифровых показаний о шведских потерях убитыми под Полтавой следует признать наиболее достоверной цифру в 8¹/₂ тыс. человек с лишком. По «известію от посыланых для погребения мертвых по баталии», погребено «шведских мертвых тел 8619 человек, кроме тех, которые в погоне по лесам в разных местах побиты». При бегстве весь обоз («3000 возов») был брошен шведами и попал в руки русских.

По окончательному позднему подсчету, шведская армия, сдавшаяся (во главе с Левенгауптом) Меншикову под Переволочной 30 июня 1709 г., была равна 16 264 человекам³⁴.

По позднейшим подсчетам Петра в его «рапорте» Федору Юрьевичу Ромадановскому, в конце декабря 1709 г. в Москву было доставлено к триумфальному въезду царя в древнюю столицу 22 085 пленных шведов. Так как, по русским же подсче-

там, Меншикову у Переволочной 30 июня сдалось около 16 тыс. человек, то выходит, что в сражении под Полтавой 27 июня в плен попало около 6 тыс. человек. По «рапорту» Петра ясно, что он считает тут только шведов, взятых под Полтавой и у Переволочной, а не тех, которые могли быть взяты в плен в предшествовавшее Полтавской битве время. Присчитывая к этой цифре (22 085 человек) свидетельство о погребении 8619 убитых под Полтавой шведов, а также несколько сот (около одной тысячи) бежавших за Днепр шведов и казаков-мазепинцев, мы получим около 31 700 человек, цифру, обозначающую общее количество армии Карла XII, разгромленной в Полтавском бою³⁵. Остаются неподсчитанными разбежавшиеся во все стороны и перебитые крестьянами в ближайшие дни в окрестностях Полтавы.

Шведские источники настаивают, что из этих 31 с лишком тысяч человек природных шведов было всего 19 тыс. с небольшим, остальные были нерегулярные силы: волохи, поляки, казаки-мазепинцы, пришедшие еще с Мазепой 24 и 25 октября 1708 г., и больше всего запорожцы.

Вся неприятельская армия, пришедшая завоевывать русский народ, частью лежала перебитая на Полтавском поле, частью тысячами и тысячами шла в глубь России в долгий, двенадцать лет длившийся плен на работы. Весь шведский штаб, все генералы, с которыми Карл XII девять лет одерживал победы, был в русском плену. Сам король спасался где-то в степной пустыне, продолжая паническое бегство, начавшееся для него еще в 11 часов утра 27 июня 1709 г., когда его, лежавшего без чувств на земле возле разбитых в щепки русским ядром носилок, подняли и с трудом уволокли с места страшного избиения остатков его армии. Высшие чины шведского командования рассылались сначала группами по разным городам Европейской России. Например, в Смоленск сначала были присланы Левенгаупт и Шлиппенбах и при них 13 штаб- и обер-офицеров, а затем туда же Шереметев прислал 375 человек. Петр приказал «иметь с ними обхождение по достоинству их рангов». Ни у кого из пленников не было ничего, никаких «своих скарбов», и они получали провиант от казны³⁶.

Вольтер решительно выделяет Полтаву из «двухсот сражений», которые, по его подсчету, были даны от начала XVIII столетия до времени, когда он написал свою «Историю».

Эти сражения, говорит он, часто давались армиями в сто тысяч человек, затрачивалось много усилий для достижения малых результатов, и ни одна из этих бесчисленных войн не вознаграждала за все зло, которое она причиняла, ничтожным положительным последствием, которое она имела: «Но результатом для Полтавы было счастье обширнейшей на земле империи»³⁷.

Энгельс так характеризует смысл событий 1708—1709 гг.: «На севере — Швеция, сила и престиж которой пали именно вследствие того, что Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России»³⁸. И что Петр I «должен был сломить» Швецию, это для Энгельса не подлежит сомнению.

Остается добавить, что Петр может быть назван в полном смысле слова новатором в области военного искусства. Военные авторитеты Западной Европы вынуждены были признать, что великая Полтавская победа явилась совершенно новым, оригинальным и громадным русским вкладом в военное искусство. Полтавскую битву изучали и на действиях Петра учились на Западе. На этом стоит остановиться пообстоятельнее.

Известный европейский военачальник середины XVIII столетия — Мориц Саксонский, сын польского короля Августа II, написал и издал в 1756 г. замечательный для своего времени труд по теории военного искусства, который долгое время считался классическим и был настольной книгой у высших руководителей вооруженных сил Европы во второй половине XVIII в.

Мориц Саксонский прославился своими победами над турками, над австрийцами, над немецкими союзниками Австрии во время войны за австрийское наследство, в которой он по приглашению Людовика XV командовал французскими войсками и получил жезл маршала Франции.

Его авторитет и как теоретика, и как практика военного искусства был в XVIII в. бесспорен. Добавим еще, что к России он, по-видимому, не питал никаких особых симпатий, так как только из-за русского противодействия не стал курляндским герцогом. Тем интереснее для истории то, что он говорит о Полтаве и о русском военном искусстве в своей книге³⁹.

В этом большом фолианте Мориц Саксонский посвящает особую главу (девятую) анализу Полтавской битвы, причем интересны и его рассуждения и некоторые фактические уточнения. Эта глава носит характерное название: «О редутах и об их превосходном значении при боевых построениях». Автор, несмотря на все свои ошибки, в общем, довольно правдивый в своих фактических, хоть и очень неполных, повествованиях, прежде всего напоминает о долговременном периоде шведских побед над русскими и о том высокомерии, с которым шведы относились к русским военным силам: «Шведы никогда не осведомлялись о числе русских, но только о месте, где они находятся». Но «царь Петр, величайший человек своего столетия, боролся против военных неудач с терпением, равным величию его гения, и не переставал давать битвы, чтобы приучить к войне свои войска»⁴⁰. Мориц в молодые годы лично встречался и разговаривал с Петром о Северной войне.

Переходя к осаде Полтавы, Мориц Саксонский говорит о военном совещании в царской ставке, о котором он, сын Августа II, мог по своему положению узнать и от своего отца и от других кое-что, передававшееся устно при русском, прусском, саксонском, австрийском дворах, где у знаменитого полководца были большие родственные и деловые связи. Вот что он рассказывает о Полтаве: «Царь собрал военный совет, на котором долго не сходились мнения. Одни хотели осадить (войско. — *Е.Т.*), шведского короля московитской армией и создать большой ретраншемент, чтобы принудить его к сдаче. Другие генералы хотели сжечь все на пространстве ста лье в окружности, чтобы довести до голода шведского короля и его армию». Тут автор вставляет в скобках: «Этот совет был не из самых плохих, и царь склонялся к этому мнению». Наконец другие члены совещания «заявили, что всегда будет еще время пустить в ход это средство, но что раньше нужно еще отважиться дать сра-

жение, ибо есть риск, что Полтава и ее гарнизон будут забраны упорным шведским королем, который там найдет большие запасы и все, что нужно, чтобы пройти через пустыню, которую хотят создать вокруг него. На этом мнении и остановились. Тогда царь взял слово и сказал: «Так как мы решаем сразиться с шведским королем, то следует согласиться насчет наилучшего способа сделать это. Шведы очень стремительны, хорошо дисциплинированы, хорошо обучены и ловки; наши войска достаточно тверды, но у них нет этих преимуществ; поэтому следует постараться сделать ненужными для шведов эти их преимущества. Они часто форсировали наши укрепления, в открытом поле мы бывали биты искусством и ловкостью, с которыми они маневрируют. Следовательно, должно разбить этот маневр и сделать его бесполезным. Поэтому я держусь того мнения, что нужно приблизиться к шведскому королю, воздвигнуть на фронте нашей пехоты несколько редутов с глубокими рвами, обнести их насыпями и палисадами и снабдить их пехотой. Это требует лишь нескольких часов работы, и мы будем ожидать неприятеля за этими редутами. Нужно, чтобы он разбил линию своего фронта, чтобы атаковать редуты, он там потеряет людей и будет ослаблен и приведен в расстройство (к тому моменту. — *Е.Т.*), когда он нападает на нас (т.е. начнет генеральный бой. — *Е.Т.*), потому что нет сомнения, что он снимет осаду, чтобы пойти на нас, когда он увидит, что мы близ него. Следует поэтому совершить марш так, чтобы к концу дня оказаться в близости к нему, чтобы он на другой день на нас напал, а ночью мы воздвигнем эти редуты». Так говорил русский государь, и весь совет одобрил эту диспозицию». Отданы были соответствующие приказы, и 26 июня к концу дня царь приблизился к шведскому королю. Случилось именно то, на что рассчитывал Петр: «Король не преминул объявить своим генералам, что он хочет атаковать на другой день армию московитов», и уже к концу ночи началось движение шведов.

Продолжая свой рассказ, Мориц Саксонский пишет: «Царь устроил семь (их было десять. — *Е.Т.*) редутов на фронте своей пехоты. Они были выстроены старательно, в каждом было посажено по два батальона, а позади стояла вся русская пехота с

кавалерией на флангах. Следовательно, было невозможно идти на эту пехоту, не взяв этих редутов, и нельзя было ни оставить их за собой, ни пройти в промежутки между ними, не рискуя пострадать от огня. Шведский король и его генералы, которые ничего не знали об этой диспозиции, увидели в чем дело, только когда это было у них под самым носом. Но так как машина уже была пущена в ход, было невозможно ее остановить и отказать от начатого». Мориц отмечает первоначальный успех шведской конницы, но тут же прибавляет, что и эта кавалерия слишком далеко зарвалась, а пехота была остановлена редутами. Шведы напали на них и испытали большое сопротивление. Русское высшее военное искусство тут принесло большие плоды. «Нет военного человека, — пишет Мориц Саксонский, — который не знал бы, что для взятия хорошего редута необходима целая диспозиция, что в дело пускается несколько батальонов, чтобы напасть на редут разом с нескольких сторон, и что очень часто при этом разбивают свой нос». Правда, «шведы взяли три редута (он ошибся: два, а не три. — *Е.Т.*), не без больших потерь, но были отброшены от остальных после большой резни». Неизбежным результатом этого было то, что «вся шведская пехота была расстроена при нападении на эти редуты, в то время как пехота московитов в правильном строю вполне спокойно наблюдала это зрелище в двухстах шагах расстояния».

Отступив к главным своим силам, эти потрепанные при русских редутах части не только не успели сами оправиться и прийти в порядок, но внесли смятение в ряды своих товарищей, до сих пор стоявших в полном порядке. Шведам необходимо было время, чтобы восстановить полный порядок в рядах, но именно этого-то им и не дали русские. Русская пехота, стоявшая позади редутов, спокойно, в полном порядке прошла в промежутки между редутами, никем не тревожимая, после того как враг в смятении был уже отброшен, и выстроилась правильным строем лицом к лицу со шведской армией, еще не вполне восстановившей порядок у себя: «Порядок, эта душа сражений, уже не был налицо у шведов», — и их сопротивление было сломлено быстро в «генеральной баталии», о которой автор лишь упоминает.

Мориц Саксонский, как видим, слишком лаконичен и неосведомлен о решающей стадии боя, не задается целью дать систематическое описание Полтавской битвы, он слишком узко и односторонне отмечает лишь то, что, по его суждению, больше, чем все другое, дало русским победу, блестящую удачу петровского плана редутов. Ведь даже вся эта глава его теоретического трактата называется: «О редутах и об их превосходном значении при боевых построениях». Поэтому он ничего не говорит о гибели части шведской кавалерии, загнанной в лес, о взятии в плен другой части, пытавшейся спастись у своего ретраншемента, наконец, о двухчасовой «генеральной баталии», решившей участь шведов.

Все эти односторонние и совсем неосновательные увлечения и грубые ошибки не мешают Морицу Саксонскому, военному теоретику Западной Европы XVIII в., сделать общий вывод о великой русской победе и о славном будущем русского народа. «Вот как возможно умелыми диспозициями обеспечить за собой боевую удачу. Если эта диспозиция дала победу москвитам, которые еще не были приучены к войне (*aguerris*) в продолжение периода своих неудач, то на какие же дальнейшие успехи можно надеяться у нации, хорошо дисциплинированной и у которой есть наступательный дух?»⁴¹ Мориц Саксонский не забывает отметить и предусмотрительность русского командования, которое, выводя пехоту для решающего боя, все-таки оставило часть своего войска в редутах, «чтобы облегчить отступление в случае необходимости». В этом — прямой упрек шведскому королю и его генералам, ровно ничего не предусмотревшим, идя в бой, и сделавшим поэтому свое поражение уничтожающей, неслыханной катастрофой.

Французский военный теоретик и историк Роканкур тоже считал Петра I новатором в области тактики и в области фортификации. Вот что он говорит о Полтавской битве: «С этого сражения... начинается новая комбинация тактики и фортификации, заставляющая сделать важный шаг вперед как ту, так и другую. Петр I отверг тот рутинный способ, который с давних пор обрекал армии на неподвижность за непрерывными линиями (он. — *Е.Т.*) прикрыл фронт...» Приведя эти слова, русский военный специалист В. Шперк совершенно правиль-

но прибавляет: «Таким образом, Полтавская битва в фортификации в смысле системы укрепления местности, в смысле новых форм фортификации явилась переломным моментом»⁴².

Мы остановились обстоятельно на анализе Морица Саксонского, категорически признающего новаторскую роль петровской стратегии, именно потому, что немецкие, английские и (в меньшей степени) французские историки совершенно игнорируют, замалчивают или умышленно извращают факты, прямо говорящие о творчестве русской стратегической мысли. И даже с почтением говоря о труде Морица Саксонского, они старательно обходят молчанием именно главу, посвященную Полтаве.

10

Если что-нибудь могло еще значительно усилить в Европе потрясающее известие о полной гибели шведской армии и о бегстве короля Карла куда глаза глядят с кровавого поля битвы — это позднейшие сведения о скромных размерах русских потерь и в особенности оказавшееся, безусловно, правдивым русское официальное свидетельство, что в бой была введена даже не половина, а одна треть русской армии, остальные же находились в резерве и полной боевой готовности. Для боя в первой линии у каждого полка взяли только по одному (первому) батальону, батальоны второй линии не все участвовали в бою, единственное исключение составлял Новгородский полк, у которого бились в самой гуще битвы в ее разгаре два батальона: первый, наиболее тяжело пострадавший в бою, и второй, который был поведен в штыковую атаку лично самим Петром и успех которого сыграл такую громадную роль. Таким образом, неслыханная, сокрушительная победа, уничтожившая шведов, была достигнута малым числом русских, фактически участвовавших в бою, над всей шведской армией, выведенной на поле Реншильдом. Уже это изумляло иностранных наблюдателей политических событий. И это мучительное для самолюбия и воинской репутации шведской армии исчисление сил очень убедительно подкреплялось почти одновременно распространившимися известиями о сдаче всей бежав-

шей от Полтавы шведской армии под Переволочной девяти-тысячному отряду Меншикова, т.е. войску, почти вдвое меньшему, чем сдавшаяся ему без боя вместе со своим главным командующим армия Левенгаупта. Не узнавали в Европе ни в самом деле превосходную, первоклассную армию шведов, ни ее прославленного во всем свете победоносного полководца. Увеличилась и сила русских воинов, т.е. тех, кого ни за что не хотели ни понимать, ни признавать, но о которых составляли себе очень долго определенное, весьма, в общем, невысокое мнение со слов шведов и поляков враждебной России партии.

Конечно, о самом Петре уже до Полтавы во многих странах Европы успели изменить то презрительное мнение, которое после первой Нарвы усиленно распространяли Карл XII и его генералы, офицеры и даже шведские солдаты и которого сам король продолжал держаться вплоть до Полтавы. Но о великом незнакомце, русском народе, только после Полтавы стали думать тоже в большинстве случаев враждебно, как и прежде, однако уже с оттенком страха, а не презрения. Не только в России пропаганда противника петровских реформ утратила значительную долю своей прежней силы, но и в Европе начали обнаруживать живейший интерес к петровским новшествам и всей его внутренней деятельности те, для кого до той поры Петр был все еще непонятен. Чудовищный, непоправимый разгром шведских вооруженных сил заставил многих во Франции, в той же Англии пересмотреть и перерешить утвердившееся у многих шаблонное воззрение на Петра как на самодура и чудака, любящего лазить по мачтам, рубить дрова, ковать железные штанги, токарничать, смолить корабли, запанибрата пить водку и курить трубку в гостях у шкиперов и на свое горе ввязавшегося в борьбу с северным «Александром Македонским», в такую борьбу, в которой он непременно сломает себе шею. И шея вдруг в самом деле оказалась сломанной, но не у «чудака плотника и кузнеца», а именно у шведского «Александра Македонского». И вдруг побежденными оказались не «косолапые русские мужики», не умеющие воевать, а викинги «северные рыцари Остроготии». И как побежденными! Тогдашняя Европа жила в атмосфере военных браней, дышала пороховым дымом. Но ни одна из побед иностранных полко-

водцев даже и отдаленно не походила на кровавую Полтаву, на позорную для шведов Переволочную. Даже первая Нарва, глаголемая как «полная» победа Карла XII, не шла ни в какое сравнение с русской победой под Полтавой.

После Нарвы от гибели и от плена спаслось 22 967 человек, считая только спасшихся и пришедших в Новгород солдат дивизий Автонома Головина, генерала Вейде и князя Трубецкого и не считая «нерегулярной конницы», которая, по утверждению «Журнала» Петра, спаслась почти вся. Все эти силы вошли в состав новой армии, которую немедленно стал тоже готовить и вооружать Петр. И сколько из этих «нарвских беглецов» били потом своих победителей под той же Нарвой в 1704 г., под Эрестфером, под Петербургом, под Калишем, под Лесной, под Полтавой! И как били! Под Нарвой дрался в 1700 г. русский отряд, которому поручено было только овладеть крепостью на самой далекой границе шведского королевства, а вовсе не брать Стокгольм и низвергать с престола Карла XII. А под Полтавой и Переволочной погибла без остатка вся шведская армия, которая шла с громко и многократно провозглашенной целью завоевать Россию и низложить Петра I. Да и, наконец, молодая, необученная, плохо вооруженная, наскоро согнанная из своих деревень и еще не вполне успевшая переменить сермягу на мундир толпа русских крестьян под Нарвой в 1700 г. все-таки сопротивлялась, хоть и неумело и беспорядочно, в течение нескольких часов, и битва, начавшаяся в 10—11 час. утра, окончилась лишь в темноте, тогда как под Полтавой разбитые шведы после двухчасовой «генеральной баталии» бросились бежать без оглядки, в полной панике. Русские после нарвского урока оправались и показали свою мощь. Шведы после Полтавы утратили навсегда престиж и положение первоклассной сухопутной военной державы, и Карл XII утратил также решимость вновь лично встретиться с русскими на суше, хотя сухопутные битвы продолжались в Финляндии. Эта старая слава Густава Адольфа, Карла XI и самого Карла XII исчезла, рассеялась как дым. Она стала после Полтавы исторической реликвией шведского народа, но уже никогда не могла обладать прежней моральной силой.

Приветствуя Петра 10 июля (1709 г.) в киевском Софийском соборе, Феофан Прокопович подчеркнул все значение победы над сильным и храбрым врагом, над свирепым и лютым «свейским львом»: «Величие и славу победы не иным мерил мерим, токмо силою и храбростью побежденного от тебя супостата, свирепством и лютостью истинного льва свейского, ногою твоею попранного... Супостат воистину таковой от какового непобежденному токмо быти, великая была бы слава: что же такового победивши тако преславно и тако совершенно? Между иными бо народы немецкими он яко сильнейший воин славится и доселе прочим всем баше страшен. Такое же о себе в народах ощущая мнение, безмерно кичится и гордится и народы презирати навывчен». Речь Феофана отмечает настойчиво, что и «иные народы», и сам Карл вплоть до Полтавы считался непобедимым: «Единого себя помышляя быти непобедима и неуязвитися немогуща», потому что считал себя «как бы от твердого металла составлена».

Как всегда отлично осведомленный английский посол Витворт просто не может опомниться от непрерывно приходящих в Москву подробностей и новых и новых известий о происшедшем изумительном событии.

По сведениям Витворта, в бою участвовали тридцать четыре шведских полка. Это были «старые полки» (old regiments), подчеркивает посол, т.е. отборная, лучшая часть шведской армии. Числилось в армии, уже потерявшей массу людей в тяжком походе, все же 24 тыс. комбатантов (эта цифра неправильна: Реншильд говорит о 30 тыс.), принимавших участие в бою 27 июня. Из них пало в бою 8 тыс. человек, а остальные 16 тыс. бежали с поля битвы в Переволочную⁴³. Уже и это было неожиданным, потому что очень походило на панику, совсем до тех пор несвойственную шведской армии, которая долгие годы победоносно разгуливала по Северной и Центральной Европе, громя врагов.

Но еще больше теряется огорченный англичанин, когда говорит о том, что случилось под Переволочной: «...вопреки всем ожиданиям у неприятеля (т.е. шведов. — *Е.Т.*) была еще армия, около 15 тыс. человек, отборные части, больше всего — кавалеристы... они сдались в плен и в тот же день сдали все свое

оружие, артиллерию, амунисию, полевую казну, канцелярию, литавры, знамена, флаги, барабаны — генерал-лейтенанту Боуру... За немногими беглецами послано преследование, которое уже настигло их и перебило на месте двести человек, а сотню взяло в плен. Таким-то образом вся вражеская армия, столь прославленная молвой на весь свет, стала добычей его царского величества, ничто от нее не спаслось, кроме одной тысячи приблизительно кавалеристов, которые бежали вместе с королем. Может быть, в истории не было еще примера такой многочисленной регулярной армии, покорно подчинившейся подобной участи»⁴⁴. Витворту прямо как будто стыдно за подобную участь шведской армии, за такой обидный, злой конец ее долгой и блестящей исторической карьеры. Но, конечно, он явно удручен и раздражен победой России, которую он ненавидел как соперницу Англии и за которой он так долго и усердно шпионил. Все дополнительные сведения о капитуляции у Переволочной еще более усугубляли потрясающее впечатление: не 15 тысяч шведов сдалось в плен, а 16 285, и все они из старых, испытанных в боях, превосходных полков. И одержанная русскими небывалая эта победа с сравнительно малой потерей: 4636 человек убитыми и ранеными!

Перед нами лежит очень по-своему любопытная немецкая брошюра, изданная в 1710 г. под непосредственным впечатлением, произведенным в Европе триумфальным вступлением в Москву победоносных русских войск с шведскими пленниками — генералами (21 декабря 1709 г.).

Анонимный автор, явно расположенный к шведам и почти-тельно относящийся к Карлу XII, очень реально судит о долгих русских отступлениях во время походов 1708 и 1709 гг.; очевидно, Полтава сильно способствовала прояснению мысли европейских стратегов, следивших за событиями.

«Московиты все отступали и очищали для шведов квартиры, и хотя это обстоятельство толковалось всеми по-шведски настроенными (von allen Sthwedischgesinnten) как в высшей степени желательный успех шведского оружия, — но если бы ясно рассмотреть, то уже вскоре можно было заметить, что московское отступление является не чем иным, как заманиванием в сеть (eine Lockung ins Netz)»⁴⁵.

Много воды и крови утекло с 28 декабря 1706 г., когда на военном совете в Жолкиеве Петр предложил, а его генералы приняли план систематического отступления русской армии, «оголожения» страны, по которой движется противник, план упорного уклонения от решающего генерального боя вплоть до того момента, когда явится полная уверенность в успехе. Много презрительных насмешек во всей Европе вызывали эти два с половиной года (с перерывами) длившиеся бесконечные русские отступления 1707—1709 гг. И только в тот декабрьский день 1709 г., когда сквозь строй молчаливо стоявшей шпалерами московской народной массы проходили, глядя в землю, в полном составе пленные вожди погибшей шведской армии, в Европе наконец поняли жолкиевскую программу во всей полноте. Оценили ее и шведы, но уже слишком поздно.

Гипноз былых шведских побед рассеялся далеко не сразу. С большим злорадством, вполне объяснимым теми оскорблениями и притеснениями, какие испытала Саксония от шведского нашествия, отозвался неведомый публицист в одном фрейбургском журнале: «Высокомерие шведов в Саксонии не имело границ. Я часто вспоминаю о том, как при разговоре с москвитами шведы, которые тогда не встречали в Польше никакого сопротивления, говорили, что мышам живется вольно, когда кошки нет дома. Стоит только шведам вернуться, москвиты побегут, как под Нарвой, и запрячутся в свои мышиные норы. Но последние две кампании показали, что удача не всегда сопутствует смелости. Страница истории перевернулась, и москвиты одержали над шведами ряд побед. Снятие шведами осады Полтавы и понесенное ими тяжчайшее поражение будет иметь большие последствия»⁴⁶.

Уже ранней весной 1709 г. в Пруссии и в Польше шли слухи о благоприятном для России обороте дел на украинском театре военных действий. Осмелел и стал при случае обнаруживать активность литовский гетман Синявский, имевший удачное столкновение с отрядом Крассова и Лещинского. Стали приезжать иноземцы, особенно прусские офицеры, просившиеся на русскую службу. Это являлось тогда симптомом крайне показательным⁴⁷.

Что Полтава непоправимо разрушила шведское великодержавие, этот вывод некоторые иностранцы, отдававшие себе отчет в случившемся, сделали буквально на другой день после катастрофы Карла XII. «Не только Украина, но вся Европа оказалась избавленной от угрозы шведской державы, которая своим честолюбием сделала себя страшной для всей Европы», — читаем во французской реляции иностранца — участника боя⁴⁸.

Тотчас по получении сведений о Переволочной в Гаагу к русскому уполномоченному А.А. Матвееву был командирован экстренный курьер с полным, довольно подробным описанием событий. Матвеев организовал ряд пышных торжеств в Гааге по случаю великой победы. Празднества длились три дня подряд. На этих обедах и ужинах присутствовали все члены верховного правительства голландских генеральных штатов. Все эти дни русский представитель распорядился угощать народ вином и раздавать ему хлеб. Не прекращались целыми ночами роскошные фейерверки. Шведское правительство официально протестовало против сцены попирания ногой шведских знамен на аллегорических представлениях на гаагской площади⁴⁹.

Пришли в Голландию раньше, чем куда-либо, и русские, и голландские сообщения.

Проживал в Москве с 1698 по 1711 г. фон дер Хэльст, голландский резидент. 9 июля 1709 г., т.е. в первые же дни после получения в Москве известий о Полтаве, он послал амстердамскому городскому совету и бургомистрам донесение о происшедшем событии. Любопытно начало: «В минувшем мае шведский король решил захватить врасплох Полтаву, выдающийся город в стране черкасов. Он полагался при этом на те секретные связи, которыми бывший гетман Мазепа будто бы располагал в этом городе. Однако намерение короля вовремя было обнаружено генералитетом русской армии, русские успели ввести в город четыре лучших своих пехотных полка и, таким образом, удержали город в повиновении. Шведский король понимал, насколько ему все-таки важно овладеть этим городом, и поэтому он приступил к осаде. Но так как при отсутствии тяжелых орудий осада была недостаточно успешна, то ему поневоле пришлось превратить ее в блокаду. Тем вре-

менем подошла с противоположной стороны города русская армия, снабдила город провиантом и другими необходимыми предметами, а затем перешла через реку Ворсклу, протекавшую здесь, в намерении вступить со шведами в бой». Резидент, говоря вкратце о битве, отмечает, что солдаты русские были так воодушевлены, что, «сбрасывая с себя кафтаны, просили, чтобы их скорее вели в бой». Цифровые показания у Хэльста почти всюду сходятся с официальными⁵⁰.

В Голландии известие о Полтаве было принято с большим удовлетворением: голландцы жаловались на постоянные захваты их торговых судов шведами. Вообще затянувшаяся русско-шведская война очень мешала их торговле с Россией. «Что обратилось здесь в торжественных и радостных знаках за честь преславной и от родов нашего народа неслыханной виктории, одержанной при Полтаве над шведами, с особенностями о всем подробно донесет вашему превосходительству вручитель сего...»⁵¹ — писал 1 октября 1709 г. Матвеев Шафирову из Гааги. Голландские настроения очень интересовали русскую дипломатию: ведь Голландия была великой морской державой, как военной, так и торговой.

Постепенно доходила правда о Полтаве и до шведской столицы.

В рукописях Ленинградской публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина есть документ, который дает понятие о том, как в Стокгольме представляли себе полтавскую катастрофу. Это — письмо Лефорта (племянника друга молодости Петра I, Франца Лефорта) к своему отцу в Женеву, писанное из Стокгольма 30 октября 1709 г. Молодой Лефорт, взятый в плен задолго до нашествия Карла XII на Россию, содержался в Швеции вместе с другими 60 пленными русскими офицерами, но, очевидно, нашел способ послать письмо в Женеву с верной оказией помимо шведской почтовой цензуры. «Из всей шведской армии, которая выступила из Саксонии в числе 50 тысяч человек, еще ни один не возвратился, кроме отпущенных на слово... Пленных шведов в Москве 19 тысяч человек, как солдат, так и офицеров. Из этого числа — офицеров считают 2 тысячи человек. Победа настолько полная, что всего не-

сколько человек спаслось вместе с королем, который принужден был искать убежища во владениях султана»⁵².

Письмо Лефорта — одно из убедительных доказательств, что, несмотря на сознательную ложь и замалчивания как со стороны короля Карла, так и со стороны стокгольмских властей, достоверные сведения о том, что случилось под Полтавой и под Переволочной, все-таки в первые же месяцы после событий проникали разными путями в шведскую столицу. Проникали и русские сообщения, но шведы с этим боролись.

Ставленник Карла XII король Станислав Лещинский поспешил бежать из Польши — и на польском престоле был восстановлен сомнительный, но нужный союзник Августа.

Спустя всего четыре месяца после Полтавы в Северной и Центральной Европе произошел полный переворот в области международных отношений.

В Мариенвердене в октябре 1709 г. Петр пожал первые дипломатические плоды Полтавской победы: был заключен формальный союз между Россией, Данией, польским королем и саксонским курфюрстом Августом и Пруссией с прямой целью продолжать войну против Швеции. Одновременно Петр решил послать в Англию в качестве посла «инкогнито» Бориса Куракина.

В сущности, главной целью этой командировки было успокоить явно ощущавшиеся к России ревность, зависть и опасения англичан по поводу Полтавы и быстрых успехов русского кораблестроения: «Будет станет меж аглинскими министры то отзыватца, что им царского величества сила морская, которой впредь чают, имеет быть подозрительна, — и ему (Куракину. — *Е.Т.*) то трудится им выговаривать и показывать, что царское величество не намерен на Балтийском море сильного воинского флоту держать, кроме того, что для своей опасности» (т.е. безопасности. — *Е.Т.*).

Так гласит шестой пункт инструкции Куракину, отправлявшемуся в Англию. И не только об этом должен «трудиться» Борис Иванович, — ему поручалось (пунктом седьмым) «успокоить не только британское помешателство, в их купечествах (*sic.* — *Е.Т.*), и ему англичаня сумневатца о том, что царское величество, по получении на Балтийском море пор-

тов, учинит им помешательство, в их купечествах (sic. — *Е.Т.*), и ему (Куракину. — *Е.Т.*) потому ж в таком случае трудиться то им выговаривать»⁵³, и уверять, что торговля с англичанами будет продолжаться без помехи.

Петр, снаряжая посла с такой инструкцией, обнаружил большую дальновидность. Он явно предвидел, что поднимается против России такой противник, с которым придется рано или поздно выдержать очень большую борьбу.

Хотя Англия была враждебна России буквально с первого дня Северной войны, но только теперь, посла Полтавы, в Англии удостоверились, как сильна Россия. После Утрехтского мира 1713 г., развязавшего руки Англии, и после Гангута, очень усилившего английскую тревогу, борьба против России окончательно стала одной из главных задач британской дипломатии.

Одним из последних впечатлений Витворта, навсегда покидавшего Россию (это уж мы знаем не из его мемуаров, а из его официального донесения), было «триумфальное проведение через Москву» всех генералов, полковников и штаб-офицеров шведской королевской гвардии, взятых под Полтавой и Переволочной. Британский посол еще успел присутствовать при этом своеобразном «параде», «триумфе», как выразился Витворт⁵⁴.

Эти двести пятьдесят шведских генералов и офицеров, медленно шествовавших под стражей по улицам древней русской столицы, которую они собирались без труда завоевать, были первыми из европейских агрессоров, которым пришлось испытать жгучий, но заслуженный стыд под взглядами москвичей, переполнивших в этот день улицы, первыми, но не последними...

Коснемся сделанного с русской стороны описания этого события.

21 декабря 1709 г. последовал торжественный въезд победителей в Москву с пленниками и трофеями.

Первым шел Семеновский полк, а за ним «пленные генералы, высшие и нижние офицеры купно с их артиллерией, знаменами и прочим», взятые не во время всей войны, но только при Лесной и под Полтавой. Петр пожелал подчеркнуть все

значение этих двух решающих побед: «матери» (Лесной) и ее «дочери» — Полтавы. Сначала шли взятые при Лесной.

Замыкала эту первую часть шествия рота Преображенского полка. За этой ротой следовала вторая категория пленных: взятые под Полтавой и Переволочной офицеры, за ними опять артиллерия, знамена, штандарты. А за знаменами — генерал-адъютанты короля Карла XII, генералы, полковники, подполковники и майоры. За генералами следовал «королевский двор с высшими и нижшими чинами» и королевские носилки с постелью, на которых возили раненого короля во время боя. За носилками — вся оставшаяся в живых часть королевской гвардии, королевская канцелярия (полностью захваченная под Полтавой), а за канцелярией — вся свита Карла: генералы Гамильтон, Штакельберг, Роос, Круус, Крейц, Шлиппенбах. Отдельно шли: граф Левенгаупт, фельдмаршал граф Реншильд, первый гофмаршал и первый («вышний») министр Швеции граф Пипер. За ними ехал Петр, а за ним Преображенский полк во главе с князем А.Д. Меншиковым и князем Долгоруковым. Шествие замыкала артиллерия Преображенского полка с телегами боеприпасов⁵⁵.

Нордберг, дающий некоторые подробности, относит неточно этот торжественный въезд царя к 23 декабря⁵⁶. Он говорит, что марш начался со Стрелецкой слободы и шествие направлялось в Немецкую слободу.

Несметные толпы народа часами стояли на улицах и площадях Москвы, глядя на невиданное историческое зрелище, на то, что осталось от прославленных знамен и от вождей некогда грозной армии, которая шла в эту самую Москву, громгласно заявляя о предстоящем в близком будущем въезде Карла XII в Кремль.

Перед этой так долго считавшейся непобедимой шведской армией долго трепетали одни великие державы вроде Австрии и Пруссии, у нее заискивали другие великие державы Европы вроде Англии и Франции, она покорила Польшу, разгромила Данию, покорила Саксонию, шла покорить Россию.

В Москве в этот короткий зимний день произошли как бы ее торжественные похороны при безмолвии русских народных масс, не спускавших глаз с бесконечного шествия.

Гибельные для Швеции исход и последствия нашествия 1708—1709 гг. обуславливались несколькими коренными причинами.

1. Прежде всего — могучей моральной силой, обнаруженной русским народом перед лицом опасности. А затем — полной неисполнимостью, фантастичностью основной цели, поставленной себе, своей армии, своей стране Карлом XII. Разрушение Русского государства, возвращение русского народа к временам не только удельных княжеств, но к временам полного политического подчинения этих удельных княжеств чужеземному игу (в данном случае не татарскому, а шведскому) — все это было несбыточной мечтой, обусловленной безграничным невежеством Карла и его соратников и единомышленников. Вычеркнуть из русской истории почти полтысячелетие, одинаково решительно не только игнорировать историю русского народа, но и закрыть перед ним все его будущее, отбросить Россию навеки в моральную и умственную тьму безысходного политического порабощения — все это ни при каких условиях не было осуществимо, если бы даже в России уже тогда не было (даже беря самые низкие цифры, даваемые тогдашними пестрыми и резко противоречивыми цифровыми показателями) гораздо больше жителей, чем подданных у Карла XII, даже если бы у России не было тех природных богатств, какие у нее были, даже если бы она не догнала так быстро шведскую военную выучку и технику, как она ее догнала в действительности, даже если бы Петр не оказался гением такой величины, каким он оказался, и даже если бы Карл XII был в качестве военачальника еще гораздо талантливее, чем он был.

2. Полная недостижимость разрешения основной задачи агрессора выявлялась с каждым месяцем войны все больше и больше. Легкомыслен был авантюризм Карла, полагавшего, что, войдя в пределы России с 35 тыс. человек, можно пройти в Москву, разделить Россию на уделы, посадить своего наместника для наблюдения и затем с триумфом вернуться в Стокгольм. Полную недостижимость поставленных Карлом завоевательных целей не понимали и поддерживавшие его так долго и так усердно классы шведского общества: землевладельцы

ческое дворянство и значительная часть купечества (судовладельцы, торговцы, экспортеры и т.д.).

3. Этим планам Полтава нанесла смертельный удар. Карл безнадежно проиграл под Полтавой не кампанию 1708—1709 гг., но всю Северную войну и, как сказал Энгельс, «показал всем неуязвимость России».

Эта неуязвимость была доказана тем, что хотя, как только что сказано, главная цель Карла XII была недостижима ни при каких условиях, но достижения второстепенные были, казалось, доступны. Оторвать Украину от Москвы, с которой она была связана государственными узами всего с полстолетия, представлялось за рубежом даже и более трезво мыслящим людям, чем Карл, вполне возможным. Измена Мазепы была ликвидирована не только быстрыми и удачными контрмерами, но и непоколебимой стойкостью народа и народной антишведской войной.

4. Точно так же не только военные меры, принятые русским главным командованием по всему течению Днепра, на северо-западе у Могилева и на юго-западе у Киева, но и решительно сказывающееся антипольское, точнее антипанское, настроение украинского населения Правобережной Украины воспрепятствовало каким бы то ни было замыслам и поползновениям Станислава Лещинского оказать помощь своему шведскому покровителю и господину.

И «неуязвимость России», о которой говорит Энгельс, была в конечном счете доказана как тем, что 10 сентября 1708 г. в селе Стариши шведы были вынуждены отказаться от похода на Смоленск, так и тем, что их поворот на юг для обходного движения на Белгород — Курск или на Полтаву — Харьков оказался точно так же невозможным и чреватым гибелью. Оторвать Украину оказалось столь же недостижимым, как завоевать Москву.

5. Стратегическое искусство Петра сказалось во время этого похода, предрешившего исход всей Северной войны, прежде всего в том, что он оказался сильнее неприятеля в данном месте в решающий момент. И когда перед валами Полтавы наступил этот решающий момент 27 июня 1709 г., то у русских оказалось 72 пушки против четырех орудий шведских,

42 тыс. солдат и примерно около 20—25 тыс. в близком резерве (в том числе подошедшая на другой день после боя многочисленная нерегулярная конница) — и все это против 30—31 (приблизительно) тыс. человек шведских сил, причем из них настоящих, коренных шведов, на которых Карл мог бы вполне положиться, было всего 19 с небольшим тысяч человек. Все они (шведы и не шведы войска Карла XII) были или перебиты или взяты в плен под Полтавой и у Переволочной.

6. Полтава прикончила сухопутную шведскую агрессию против коренных владений России. С этого момента Петру оставалось доделывать начатое после первой Нарвы и прерванное успехами Карла в Польше с конца 1705 г. занятие старых русских владений на Балтийском море. Расширились экономические и политические предпосылки к новому и более быстрому развитию хозяйственной и государственной жизни.

Вот замечательные слова Белинского о Полтаве, который глубоко и правильно понимал громадное историческое значение для русского народа побед Петра над шведами.

«Полтавская битва была не простое сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови; нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства, это была проверка действительности замыслов столь великих, что, вероятно, они самому Петру, в горькие минуты неудач и разочарования, казались несбыточными, как и почти всем его подданным. И потому на лице последнего солдата должна выражаться бессознательная мысль, что совершается что-то великое и что он сам есть одно из орудий совершения...»⁵⁷

Только через двести лет после Петра наступило время полного революционного обновления России. Только революция привела к полной, а не частичной ликвидации русской политической, экономической, культурно-технической отсталости. Но, помня это, мы, люди советской эпохи, отдаем должное достижениям замечательного поколения Петра Великого, которое сделало очень много из того, что тогда было возможно сделать для борьбы с этой отсталостью, и которое низвергло в бездну дерзкого агрессора, покусившегося на честь, землю и достояние русского народа.

ГЛАВА VI

После Полтавы. Заключение

1

Полтавская катастрофа знаменовала, конечно, не только перелом в войне, но и безнадежный проигрыш ее для Швеции. И, однако, Северная война продолжалась еще двенадцать лет. Рассмотрим сначала, каковы были планы Карла XII после постигшего его страшного удара, а затем дадим себе отчет в причинах, почему в самой Швеции, в тех кругах землевладельческого дворянства и уже давно возникшего и начавшего оказывать некоторое влияние торгово-промышленного класса, нашлись элементы, которые не только до смерти Карла в 1718 г. поддерживали его безнадежные усилия поправить непоправимое, но и после 1718 г. еще некоторое время были достаточно сильны, чтобы срывать мирные переговоры.

Начнем с Карла. Теперь так долго волновавший современников в Европе загадочный для них вопрос о долгом пребывании в Турции бежавшего из Переволочной в Бендеры шведского короля уже ничего таинственного в себе не заключает. Объяснять это одним только мучительным стыдом Карла, не желавшего показаться на родине после гибели армии и бегства с поля боя, нельзя, хотя и это сентиментальное объяснение некогда давалось. Этого одного мотива было бы недостаточно. Да и интересует нас здесь не личная психология Карла. Мы документально знаем теперь, что у Карла очень скоро после

прибытия в Бендеры возник план склонить султана, визиря и весь Диван к объявлению войны России и стать во главе большой турецкой армии, которую и повести против ненавистного полтавского победителя. Куда повести? Прежде всего в Польшу, которая непосредственно граничила с Турцией и где, может быть, еще найдутся даже после Полтавы сторонники Станислава Лещинского. А затем можно возобновить и поход на Москву, так досадно и так «случайно» прерванный.

У нас нет никаких решительно оснований предполагать, что не только те члены стокгольмского совета, которые советовали после Полтавы заключить мир, но и те, которые стояли за продолжение борьбы, в самом деле считали исполнимой эту новую фантазию своего короля. Они знали, правда, что турки никогда не мирились с потерей Азова и Азовского моря и что война Турции с Россией — дело весьма возможное. Но, во-первых, было ясно, что турки будут воевать не в Польше и не на Украине, во всяком случае, не севернее молдавско-украинской границы, не восточнее степей между Бугом и Днестром, и если выступят в поход, то не затем, чтобы доставить победу Карлу и вернуть Швеции Прибалтику, а затем, чтобы возвратить себе Азов. А во-вторых, если турки и будут воевать, то когда это будет? Турки и их крымские вассалы татары ограничились пустыми обещаниями тогда, когда посланные из Стокгольма агенты и посылаемые из Украины мазепинские эмиссары не переставали убеждать султана и визиря в необычайно счастливой для турок комбинации союза с победоносным шведским королем.

Конечно, не было и тени вероятия, что турки выступят теперь одни, когда шведская сухопутная армия уничтожена без остатка. Турки с восточной вежливостью приняли беглого короля, дали ему возможность преклонить свою победную головушку, когда за ним по степи гнался Волконский и чуть-чуть не догнал у переправы через Буг, но идти за Карлом на войну они пока не собирались. Реальные силы Карла XII в тот момент и целые годы далее Турция расценивала весьма низко. Туркам столько говорили перед Полтавой о шведской непобедимости, что они теперь уже ничему не верили. К ним примчался, ища спасения от погони, истощенный, оборванный, по-

крытый пылью, волочащий раненую ногу человек в сопровождении кучки еще гораздо более оборванных шведских солдат, служителей и казаков, — и турки верить глазам своим не хотели, что это сам Карл XII, о котором им рассказывали, будто он не сегодня-завтра войдет в Кремль с триумфом и уничтожит московское царство. Турки были жестоко разочарованы и даже раздражены. Зловещий для шведов симптом был уже в том язвительном ответе, который получил Мазепа, жаловавшийся, что ему не отводят помещения в Бендерах и что он должен жить за городом, в шатре. Турецкий сераскир ответил, что если Мазепу не удовлетворили прекрасные дома, которые ему дарил царь Петр, то как же он, бедный сераскир, может приискать достойное помещение для ясновельможного гетмана?

Одним словом, для всех, кроме Карла, было очевидно, что никакой военной помощи от турок ждать было нельзя.

И тем не менее нельзя приписывать упорный отказ короля от каких бы то ни было мирных переговоров с Россией, даже после Полтавы, одному только авантюризму Карла и приравнивать этот отказ к таким в самом деле нелепым сумасбродствам короля, как, например, затеянная им в 1713 г., в конце его пребывания в Турции, дикая вооруженная кровавая драка в Бендерах с турецким отрядом, после чего его и попросили окончательно и по возможности безотлагательно избавить владения повелителя правоверных от своего присутствия. Отказ Карла от мира с Россией имеет гораздо более серьезное объяснение. Как сказано, он был не одинок в этом своем упорном нежелании окончательно признать, что Россия победила бесповоротно.

Что Россия, не желавшая уступить Ингерманландию даже в самые для нее тяжелые и просто опасные моменты гигантского состязания, ни за что теперь не отступится ни от Ливонии, ни от явно намеченного и вполне возможного занятия Финляндии, это было очевидно. Мало того, утвердившись на этой части Балтийского побережья, царь либо отнимет также шведскую Померанию, либо позволит ее взять Пруссии. Мир ознаменовал бы также, разумеется, немедленное низвержение шведского ставленника в Польше Лещинского и возвращение на престол Речи Посполитой короля Августа. Швеция, согла-

сившись на эти условия, похоронила бы вековые надежды на те плодородные свои владения на южном берегу Балтийского моря, которые она получила в результате своих успешных вторжений, властного постоянного вмешательства в дела европейского континента, всех своих интервенций в германские, польские и русские смуты и конфликты за громадный период от конца XVI в. вплоть до воцарения Карла XII.

2

Полное уничтожение шведской армии под Полтавой и Переволочной имело несколько последствий, оказавшихся непоправимыми.

Прежде всего Швеция была низвергнута катастрофически быстро и болезнетворно с той громадной высоты в области международных отношений, на которой она до той поры стояла. Великодержавие кончилось и уже никогда для Швеции не вернулось. Это последствие Полтавы было непоправимым навеки.

Вторым последствием, которое имело значение вплоть до конца Великой Северной войны, было бессилие Швеции выставить новую сухопутную армию для борьбы против России. Те сухопутные силы, которые еще могли бороться против датчан, или против ганноверцев, или против саксонцев, отстаивать некоторое время, хоть и безуспешно, осажденный Штральзунд в 1714—1715 гг. и т.д., уже не имели никакого влияния на продолжавшуюся войну с Россией. И если бы не существовало шведского флота или если бы в дни Полтавы у России уже был на Балтийском море флот, который мог бы изгнать шведов с моря, и вместе с тем был бы настолько внушителен, чтобы сделать невозможным активное вмешательство Англии на стороне Швеции, то война, вероятно, и окончилась бы очень скоро после Полтавы, в 1709, а не в 1721 г.

Но так как подобного флота в 1709 г. у России еще не было, то Швеция, не имея уже ни малейших шансов на победу или хотя бы на частичное возвращение потерянных земель, еще могла вести длительную, хотя и совершенно безрезультатную, войну на море, а главное, не теряла надежды отсидеться за мо-

рем и за своими шхерами и, даже избегая военных встреч с грозным неприятелем, не соглашаться на заключение мира. Если Карл XII еще фантазировал о возвращении военного счастья, о победах над Россией и т.д., то штокгольмский правящий совет стремился лишь к одному: оттягивать по возможности роковой момент мира, т.е. окончательного, формального признания перехода Ингрии, Эстляндии, Ливонии, а потом и юга Финляндии под власть России. Лозунгом стало не подписывать мира и ждать помощи со стороны Англии и Франции, Австрии и Ганновера, Пруссии и Мекленбурга и, словом, всех, кто после Полтавы перестал бояться Швеции и начал опасаться России, а также всех тех, кому впервые развязала руки для действий на Севере окончившаяся мирными договорами в 1713 и 1714 гг. всеевропейская война за испанское наследство.

И эти шведские надежды были небезосновательны, по крайней мере они в первые годы после Полтавы таковыми казались.

Русская дипломатия после Полтавы стремилась к двум целям: во-первых, закончить и закрепить за Россией обладание ее стародавними и теперь отнятыми от шведа владениями на Балтике, и, во-вторых, заставить Швецию подписать наконец мир.

Вторая задача была труднее первой, для ее разрешения требовалось создание такого флота, который не только явно подавлял бы собой шведские морские силы, но который занял бы со временем господствующее положение на Балтийском море.

Страшные жертвы требовались от народа во имя силы и независимости России. Требовались диктуемые необходимостью приемы, о которых говорил Ленин, упомянув при этом о Петре, который «ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»¹.

В данном случае от народа потребовались тяжелые жертвы. Но Россия быстро догнала западную технику кораблестроения, и, как увидим, дело дошло до того, что корабли, построенные русскими инженерами и русскими плотниками на русских верфях, по отзывам даже враждебно настроенных ино-

странцев, нисколько не уступали наилучшим судам первоклассной морской державы Англии и превосходили французские.

Небывалое несчастье Карла XII под Полтавой и еще более невероятный позор под Переволочной покончили с вторгшейся в Россию шведской армией. К такой краткой формуле сводились приходившие в Европу непрерывным потоком известия о событиях 27 июня — 1 июля.

Все-таки перед боем у Карла была армия до 30 тыс. человек, думали, что был порох и была артиллерия, хоть и не очень большая, наконец, был, хоть и очень скудный, обоз, т.е. плоды беспощадного грабежа украинского населения, того грабежа, который под руководством изменника Мазепы и шведских генералов творился месяцами в оккупированных областях страны. Как стала возможной, будто не в действительности, а в волшебной сказке, происшедшая катастрофа, полное исчезновение всей вооруженной силы, которой завидовал «король-солнце» Людовик XIV и которая держала в страхе всю Северную и Центральную Европу? Почему бежали, оставя на поле боя 9 тыс. трупов своих товарищей и 3 тыс. в плену, шведские воины? Ведь Европа наблюдала издалека события на всем долгом пути шведской армии по Литве, Белоруссии, Северной Украине, Полтавщине, и ни разу не было слышно о каких-либо неудачах Карла. Не знали ровно ничего точного. Маленькая заминка случилась с Левенгауптом под Лесной. Потерял, говорят, несколько повозок с провиантом. Ничего, дело наживное! Да и стоит ли говорить о таких мелочах, когда сам «князь Украины» Мазепа объявил себя вассалом непобедимого Карла и когда теперь уже его владения простираются от Балтийского моря до Черного! С восхищением передавалась апокрифическая речь Мазепы, ставшего на колени перед Карлом в момент их первой встречи 28 октября 1708 г. и будто бы сказавшего: «Я приведу к вам, великий государь, столько казаков, сколько песку на берегах Черного моря, которое отныне вам принадлежит!» Военные люди, правда, иной раз выражали удивление и недоумение: зачем Карл тащит свою армию в поход зимой, да еще такой суровой зимой, какой была во всей Европе зима 1708—1709 гг.?

Но на это был готов ответ: если новый «Александр Македонский» так поступил, значит, так и нужно было. Ведь ему уже девятый год подряд все удается, и если бывали у шведов изредка неудачи, то исключительно в тех случаях, когда при войсках не было короля. Нужно отметить, что большое впечатление производило демонстрируемое Карлом при всяком удобном и неудобном случае нежелание признавать Петра достойным, чтобы шведский король с ним объяснялся. Петру писал ласковые письма сам французский «король-солнце», могущественный Людовик XIV, перед ним рассыпалась в лстивейших извинениях и комплиментах (еще перед Полтавой) английская королева Анна, перед Петром пресмыкались и король польский, он же курфюрст саксонский Август II, и король прусский; его милостей и доброго расположения искали могущественная, богатая голландская республика, датский король, австрийский император, а он, Карл XII, ни разу не ответил Петру на многократные предложения мира, громогласно заявляя, что кончит войну, войдя в Москву и низвергнув Петра с престола, а Россию отдаст, кому захочет.

Это знали все. И знали также, что глубокое продвижение шведской армии к югу, к Ворскле, и попытки Карла круто повернуть от этой линии, от рек Псел и Ворскла к востоку, на Белгород — Курск — Москву показывают с полной очевидностью, что программа Карла XII развивается неуклонно и с успехом. Не вполне удалось у Веприка — удастся у Опошни, не удастся у Опошни — удастся у Полтавы, но поворот на восток — на Белгород, Харьков, на Москву — не за горами.

И вдруг пришлось узнать, без малейшей подготовки, что все это предприятие Карла XII было фантазией, что вся шведская армия в один день оказалась либо на том свете, либо в плену, что русская армия достигла этого невероятного торжества одним страшным ударом и притом с ничтожными сравнительно жертвами.

Начался новый, второй период в истории отношений европейской дипломатии к России. И, подобно тому как о поражении под Нарвой 18 ноября 1700 г. в Европе никак не могли забыть вплоть до Полтавы и скептически относились ко всем успехам России, как бы очевидны и велики они ни были, так

отныне о Полтавской победе уже никогда не могли забыть не только при жизни Петра, но и очень долго после его смерти.

После первой Нарвы не хотели верить в очень серьезное значение даже такой русской победы, как под той же Нарвой в 1704 г. или деревней Лесной в 1708 г. А уж зато после Полтавы отказались поверить в серьезность, например, даже такой русской неудачи, как та, что постигла русских на реке Прут. Редко, когда до такой степени ярко, кричаще громко выявились характерные для дипломатов этой бурной эпохи податливость впечатлениям и быстрота в смене убеждений, настроений и оценок. «Жрецы минутного, поклонники успеха!» Ни к кому эти укоризненные слова нашего Пушкина нельзя было бы с большим основанием отнести, чем к европейским правителям, привыкшим к превратностям политических и военных судеб в годы двух бесконечно долгих, одновременно происходивших и захвативших всю Европу войн; на юге борьба за испанское наследство, а на севере — борьба за овладение балтийскими берегами.

Конечно, прежде всего ждали объяснений и обстоятельной информации из Швеции. Но немного возможно было толком узнать. Сначала оттуда шли сплошные умышленные извращения и фантастические измышления, имевшие целью скрыть или хотя смягчить страшную правду. А затем многие шведы заявляли нередко иностранным послам, что они и сами не могут взять в толк, как случилось неслыханное несчастье и зачем король долгие годы не желал вернуться в Швецию.

Эти горестные недоумения в Швеции начались сейчас же после катастрофы и не разрешались пять с половиной лет, вплоть до возвращения Карла XII в Европу в ноябре 1714 г.

Весть о полном разгроме «непобедимой» шведской армии, о бегстве Карла, о немногих утренних часах боя, которые ознаменовали конец шведской легенды о непобедимости, поразила европейскую дипломатию. Европа совсем не была подготовлена к подобному внезапному грандиозному по своим политическим последствиям событию.

«Нежданное (unexpected) поражение всей шведской армии под Полтавой и разгром ее были так велики, что известия об этом, наверное, будут в ваших руках раньше этого письма»², —

так писал из Москвы в Лондон статс-секретарю Бойлю посол Витворт 6 июля 1709 г. Подробности в том виде, в каком они стали тотчас же после битвы распространяться по Европе, мощественно усиливали впечатление. Слова пленного фельдмаршала Реншильда, что со шведской стороны в сражении участвовало до 30 тыс. человек, из которых регулярных (и отборных) шведских воинов было 19 тыс., облетели все европейские дворы.

Уничтожение или взятие в плен всей этой силы, ничтожные потери русских, превращение вчерашнего «Александра Македонского» в беглеца, которого из милости приютит и прикармливает стамбульский калиф, — все это не сразу могло улечься в голове среднего европейского дипломата.

С 14 марта 1709 г., когда в Стокгольме было получено письмо от короля, писанное из Ромен еще 10 декабря 1708 г., там ровно ничего не знали ни о короле, ни о всей шведской армии. Слухи ходили (особенно с конца весны 1709 г.) самые разнообразные. Карл разгромил русских и вошел в Москву. Шведы пошли в Воронеж и сожгли русский флот. Шведской армии приходилось бороться с морозами, но она теперь очень бодрa и хороша и т.д. и т.д. Смутные и столь же разнохарактерные слухи бродили и по всей Европе. Трезвее всех судили и поэтому беспокойнее всех себя чувствовали англичане. Но в самой Швеции преобладал оптимизм.

И вот в конце августа 1709 г. пришло наконец письмо Карла из Очакова к стокгольмскому государственному совету³. Письмо было датировано 12 июля 1709 г. (с прибавлением неправильно высчитанной даты: 22 июля вместо 23-го).

Письмо было писано под диктовку Карла. Это и было первое известие о несчастье, полученное в Швеции. Это коротенькое известие не давало, правда, сколько-нибудь ясного понятия о размерах катастрофы, но все же говорило о бегстве короля с немногими провожатыми, о пленении графа Пипера, Гермелина и еще нескольких человек, но ни звука о фельдмаршале Реншильде и всей свите.

Во всех письмах, оставшихся от Карла, в которых он упоминал о Полтаве (а он никакого описания или хоть краткого рассказа о битве не оставил), король неизменно старается пре-

уменьшить значение страшного удара и сознательно скрывает реальные факты и выдумывает то, чего никогда не было. Первым оставшимся от него документальным свидетельством о Полтаве было это официальное послание в Стокгольм в адрес «Комиссии обороны» (шведского правительственного совета), ведавшей делами войны. Карл требует новых рекрутских наборов и создания и пополнения полков⁴. Письмо писано почти тотчас по прибытии в Очаков. После Полтавы прошло всего две недели. И вот что он повествует своим верноподданным: «Прошло значительное время, как мы не имели сведений из Швеции и мы не имели случая послать письма отсюда. В это время обстоятельства здесь были хороши, и все хорошо проходило, так что предполагали в скором времени получить такой большой перевес над врагом, что он будет вынужден согласиться на заключение такого мира, какой от него потребуют. Но вышло благодаря странному и несчастному случаю так, что шведские войска 28-го числа прошлого месяца⁵ потерпели потери в полевом сражении. Это произошло не вследствие храбрости или большой численности неприятеля, потому что сначала их постоянно отбрасывали, но место и обстоятельства были настолько выгодны для врагов, а также место было так укреплено, что шведы вследствие этого понесли большие потери. С большим боевым пылом они (шведы. — *Е.Т.*), несмотря на все преимущества врага, постоянно на него нападали и преследовали его. При этом так случилось, что большая часть пехоты погибла и что конница тоже понесла потери. Во всяком случае, эти потери велики. Однако (мы. — *Е.Т.*) теперь заняты приисканием средств, чтобы неприятель от этого не приобрел никакого перевеса и даже не получил бы ни малейшей выгоды»⁶. А поэтому нужно восстановить воинскую силу, «чтобы иметь возможность встретить дальнейшие злые нападения врага». Дальше идут распоряжения военно-административного и технического характера. И кончается этот документ приказом как можно строже держать русских пленных в Швеции! В этом письме просто поражает лживость от начала до конца, как и в позднейших письмах к сестре. Конечно, Карлу нужно было не только «спасти лицо», но и предварить тот упадок духа, который, как он отлично понимал, непременно охватит Швецию,

когда страшные, невиданные размеры полтавского разгрома начнут окончательно выясняться. Но требовалось также — все с той же целью показать, что ничего особенно важного не случилось и ничуть он русских не боится, — делать жестокие распоряжения об усилении строгости по отношению к русским пленным, с которыми и без того очень плохо обращались в Швеции, били их смертным боем, морили голодом!

Карл XII всегда в своих письмах повествовал о военном положении, абсолютно не стесняясь фактами. В этом отношении, например, даже довольно хвастливые бюллетени Наполеона, которые возбуждали столько справедливой критики, могут называться образцами суровой правдивости.

Вот он, едва придя в себя в Бендерах⁷, потеряв армию, претерпев стыд страшнейшего из возможных поражений, еле отдышавшись от продолжавшегося несколько дней бегства от русской погони, садится за стол и пишет своей любимой сестре и наследнице Ульрике Элеоноре. Все письмо наполнено исключительно родственными нежностями, вопросами о здоровье и т.д., и уж после обычной подписи: *Carolus*, прибавлен маленький постскрипtum, как бывает, когда человек спохватывается перед тем, как запечатать письмо, что забыл еще одну мелочь, потому что нельзя же обо всем помнить: «Здесь все хорошо идет. Только к концу года (Карл, очевидно, имеет в виду год от начала вторжения в Россию, т.е. от июня 1708 г. — *Е.Т.*) вследствие одного особенного случая армия имела несчастье понести потери, которые, как я надеюсь, в короткий срок будут поправлены. За несколько дней перед сражением я тоже получил одну любезность..., которая помешала ездить верхом, но я думаю, что я скоро избавлюсь от ущерба, который состоит в том, что я некоторое время должен был прервать верховую езду»⁸. Вот и все, что он может сказать о Полтавской битве... Полтава — это просто боевая случайность, и один такой особенный случай, и все поправится «в короткий срок»!

Но письмо о Полтаве — это лишь слишком яркий пример. Самое характерное для Карла (и для всего его окружения с Левенгауптом включительно) — это непонимание всей русской военной тактики. После первой Нарвы, несмотря на ряд значительных русских успехов (Эрестфер, Гумельсгоф, Нотебург,

вторая Нарва, Калиш, Митава, Бауск, завоевание Ингрии и почти всей Лифляндии), шведское командование не желало видеть в русской армии ничего, кроме вечных беглецов, отступающих при всяком столкновении. Но уже и до совещания в Жолкиеве и особенно после Жолкиева русские уклонялись от боя и отступали вовсе не из малодушия, но потому, что решили, пока армия не обучена так, чтобы и в этом отношении не уступать шведам, и особенно пока война идет на чужой территории (в Польше, Литве, польском Полесье, польской Белоруссии), до той поры не ввязываться в генеральный бой, отступать, «оголаживая» местность, не очень отходить от базы, изматывать противника и ждать своего часа терпеливо, чтобы, изготовившись, нанести врагу сокрушительный удар. Но Карл и его генералы говорили и писали, и вся Европа им верила, что русские бегут, робея перед натиском; что едва покажется шведский полк, русские, как и поляки, как и саксонцы, совсем не могут и думать о сопротивлении в открытом бою, а если за ними числятся кое-какие редкие успехи, то это какие-то мимолетные недоразумения и не имеющие завтрашнего дня случайности, о которых и говорить не стоит.

А если уж сражение было такое, что замолчать его никак нельзя, то можно написать о нем так, как действительно и написали два летописца главной шведской ставки (Нордберг и Адлерфельд) о грандиозной, имевшей неисчислимые последствия русской победе под Лесной 28 сентября 1708 г., т.е., объясняя читателю, что собственно под Лесной победили шведы, а не русские, но случайно был потерян весь шведский обоз из 7 тыс. (по другим показаниям, около 8 тыс.) доверху груженных повозок и почти вся артиллерия. А если б не эта досадная деталь, т.е. неприятность с обозом, то совсем все было бы хорошо! Если шведам так можно было говорить и писать о Лесной, то чего же ждать было от них, когда они касались постоянных отступлений русской армии? Довольно почитать упомянутых походных историков, глашатаев славы Карла, писавших с его голоса и с голоса Реншильда. Это было какое-то одурманивание самих себя. К действительным большим победам шведской армии, в реальности которых ни у кого не могло быть никакого сомнения и которые шведы в самом деле

долго одерживали над всеми врагами (в том числе вначале и над русскими) в течение ряда лет, примешивались бесчисленные курьезные хвастливые рассказы о победах, никогда не одержанных, тяжкие поражения шведской армии (вроде Лесной) превращались в ее успехи, ничтожные, чуть ли не ежедневные стычки с русскими разведчиками и патрулями оказывались «паническим бегством русской кавалерии» и т.д.

Все это нужно иметь в виду, потому что без этого постоянного самогипноза Карла и его окружения нельзя понять психологию шведского верховного командования, посадившего свою армию в такой безвыходный мешок, как образовавшийся уже в апреле 1709 г., в котором эта армия окончательно и задохлась 27 июня того же года. Даже когда присмиривший генерал Левенгаупт или когда первый начавший различать еще в далеком тумане приближающуюся катастрофу умный генерал-квартирмейстер Гилленкрок заговорили об уходе, то, во-первых, и они поняли это слишком поздно, и сама возможность ухода стала более или менее проблематичной, а во-вторых, и они тоже до конца не объяли своей мыслью всего, что случилось.

Не забудем, что они все писали о катастрофе уже после того, как она совершилась, и все они, кроме убитого в день Полтавы Адлерфельда, оказались в русском плену: и Левенгаупт, и Реншильд, и граф Пипер, и несколько позже Гилленкрок и Нордберг. Все они задним числом слишком уточняли свои «пророчества».

С отличающей его самонадеянностью и верой в собственную непогрешимость Карл XII упорно стремился доказать, что, собственно, главное дело было не в проигрыше Полтавского боя, но в том, что Левенгаупт сдался с остатком армии у Переволочной. Графиня Левенгаупт, которая знала, что ее несчастный муж, томящийся в плену (откуда он уже никогда не вернулся), загублен, как и вся шведская армия, убийственными политическими и стратегическими ошибками короля, написала в 1712 г. сестре короля, принцессе Ульрике Элеоноре письмо, в котором оправдывала своего мужа. Ульрика Элеонора всецело стала на ее сторону, понимая, что Переволочная была прямым и неизбежным последствием полного разгрома шве-

дов в Полтаве. Но вот как ответил сестре Карл. Это письмо — любопытный исторический и психологический документ. «Что касается прошения графини Лейонхувуд (Карл XII, как тогда при дворе было принято, переводит в точности с немецкого на шведский фамилию Левенгаупт — львиная голова. — *Е.Т.*), которое вы мне благоволили переслать, то оно состоит в том, что она (графиня. — *Е.Т.*) очень хочет попытаться извинить поведение ее мужа на Днепре. Я бы очень желал, чтобы дело обстояло так, чтобы я мог согласиться, что вина не лежит на ее муже. Однако дело слишком ясно и неоспоримо, что он действовал позорным образом вопреки повелению и солдатской обязанности и причинил невознаградимый ущерб, который ни в каком случае не мог бы быть больше, даже если бы он отважился на самое крайнее. Раньше он всегда вел себя достойно и хорошо, но на этот раз, однако, у него был отнят разум, так что ему едва ли можно будет в будущем что-нибудь поручить. Потому что подобная капитуляция, на которую он пошел, слишком опасное действие уже вследствие (дурного. — *Е.Т.*) примера. Если не считать ее достойной наказания, то и наилучшая армия будет всегда в опасности по незначительным случаям попасть в руки неприятеля и таким образом сразу потерять свою славу, которую она долго себе заслуживала в боях. Я не думаю, что он это сделал из предвзятого злого умысла или по личной трусости. Однако на войне это не извинение, но он, вероятно, совсем потерял голову и слишком пал духом, чтобы напасть (на врага. — *Е.Т.*), так должен делать генерал, когда дело обстоит плохо, потому что тогда это — безответственно дать заметить свою нерешительность, как он это сделал. Если бы он меня не уверял совсем в другом, то я бы его там не оставил. Но он сам предложил взять на себя верховное командование. Я вначале сам не хотел уходить, но долго обдумывал. Но так как меня уверили, что последуют моему приказу, что мы, несомненно, встретимся у Очакова и что он (Левенгаупт. — *Е.Т.*) приложит величайшее старание, чтобы сохранить людей и сжечь обоз (однако ничего этого не было выполнено), то я переправился через Днепр и пошел к Очакову. Так как я из-за моей ноги не мог никак сесть на коня, то я счел необходимым сначала прибыть в Очаков, чтобы оттуда иметь

возможность отправить нужные письма о полтавской битве к шведской армии в Польше, чтобы она получила правильную связь и подождала, пока я к ним пройду с войсками, которые я оставил Лейонхуфвуду. И в Швецию были посланы из Очакова письма, чтобы пополнить полки рекрутами. Во всяком случае и я тоже сделал промах; я забыл передать далее по армии всем другим генералам и полковникам, там находившимся, тот приказ, который знали только Лейонхуфвуд и Крейц. Тогда бы никогда не случилось того, что произошло, потому что все другие начальники были в недоумении и не знали никакого приказа, потому что им его не сообщили, и не знали они, ни куда со своими полками им должно двинуться, ни куда я уехал. Я поэтому думал о том, чтобы с ними всеми говорить. Но так как у меня было много мелких дел и распоряжений, и я поэтому должен был со многими объясниться и притом возиться с фельдшерскими перевязками, то я забыл поговорить со всеми о моем приказе так, как это должен был бы сделать, и это была большая ошибка с моей стороны. Но отчасти меня можно извинить, так как я был ранен и должен был привести в порядок в это время свою ногу, я мог кое-что забыть, особенно так как разные люди из тех, которые были здоровы, мало о чем думали и только исходили в жалобах, что на этот раз было совсем не нужно и очень вредно. Никак нельзя взвалить вину на офицеров и рядовых, будто они не хотели сражаться и сделать все, что от них требовали».

Тут много и ошибочных утверждений и прямой лжи. Карл не мог не понимать того, что понимала вся Европа, т.е. что Полтава не была «незначительным случаем», а была страшным, уничтожающим, непоправимым разгромом. Он грубо ошибался или сознательно обманывал сестру, когда писал, будто солдаты и офицеры были готовы сражаться у Переволочной. Они решительно были уже неспособны к бою в этот момент. Он, военный человек большого таланта и громадного опыта, не мог всерьез быть уверенным, что он, мол, уедет пораньше, а дня через два-три «встретится в Очакове» с покидаемой им армией, измученной страшным поражением и двухдневным бегством до Переволочной, оборванной, изголодавшейся, без рядов, что эта армия каким-то чудом разобьет преследующего

ее по пятам Меншикова и (без перевозочных средств!), переправившись каким-то новым чудом через Днепр, явится как ни в чем не бывало к королю в Очаков. Да еще пройдет с ним из Очакова или Бендер воевать в Польше! Словом, неискреннее и недобросовестное желание представить дело в совершенно превратном свете и свалить вину за свое поражение под Полтавой на Левенгаупта сказывается в каждой строке этого письма. Чудовищные ошибки вторжения в чужую страну ценой потери армии, непостижимое легкомыслие затеянного генерального сражения с четырьмя пушками против большой артиллерии противника, с армией почти вдвое меньшей, чем у противника, — все это «незначительный инцидент», и вообще сражение проиграл не он, Карл, при Полтаве, а Левенгаупт под Переволочной. И он, король, виноват только в том, что за множеством дел забыл сообщить свой приказ всем начальникам, а сообщил только двум.

Следует заметить, что событие у Переволочной благополучно продолжало фальсифицироваться в Швеции двести лет подряд именно так, как начал это дело сам Карл XII. Один из его преемников на шведском престоле, король Оскар II, выпустил в 1881 г. вышедшую одновременно на шведском и на английском языках книгу о Карле XII, где мы читаем: «Капитуляция на Переволочной, которая отдала в русские руки знаменитейшую из всех знаменитых шведских армий, — была скорее следствием болезни короля и всеобщего уныния, чем следствием поражения».

Эта ложь путем умолчаний продолжалась и дальше. А началась она непосредственно после Полтавы. Громовой удар, поразивший Швецию, не мог, конечно, никак быть скрытым от народа, тем более что уже со всех сторон посыпались известия: из враждебной шведам Дании, из дружественной им Франции, из сочувствующей им Англии, из Пруссии, из Польши.

Собрался правительствующий совет: Аксель Делагарди, Карл Гилленшерн, Кнут Поссе, Вреде, Фалькенберг и Арвед Горн. Они были в таком же смятении, как и вся столица. Стокгольм был в трауре, доносили послы, аккредитованные при шведском дворе. Ведь погибло все офицерство, весь генералитет, и не было дворянской семьи, которая не потеряла бы сво-

его сочлена при этом разгроме. О деревне, горевавшей о десятках тысяч погибших солдат, нечего и говорить. Но именно в деревню, в провинции совет особенно не желал сообщать такие ужасающие новости.

1 сентября 1709 г. собралось заседание совета, и граф Вреде дал направляющий тон собранию: король Карл жив, народ ему беспрекословно верен, должно ждать распоряжений и повелений из тех далеких мест, куда изволил проследовать его величество.

Выработанное и подписанное 1 сентября правительственное циркулярное сообщение является образчиком официальной лжи. Конечно, господь допустил несчастный исход битвы шведов с русскими, и «в Украине» шведское войско потерпело поражение. Хотя много офицеров и солдат погибло или взято в плен, но, к счастью, король спасен и в безопасности, вообще рекомендуется благодарить бога и быть по-прежнему верноподданными и т.д.

Затем, 2 сентября 1709 г., на другой день после первого циркуляра-воззвания, появилась вторая листовка под названием: «Короткая реляция о несчастной битве с армией московского царя у города Полтавы в Украине 8 июля (нов. ст.) 1709 г.». Причины поражения объясняются так. Оказывается, что у русских было в бою целых 200 тыс. человек (!), и все они были обучены военному делу по-немецки, шведская армия оказалась сдавленной между осажденным городом и ретраншементами, созданными инженером Аллартом для армии, предводительствуемой князем Меншиковым, Шереметевым и Ренне. Ретраншементы были снабжены 106 крупными орудиями. При этом шведская армия, окруженная со всех сторон, была лишена нужного продовольствия. Добывать необходимые припасы через фуражиров было нельзя, так как все дороги были перехвачены. Поэтому король вынужден был построить свою армию в 20 тыс. человек в боевой порядок и начать бой. Таким образом, шведскому читателю сообщаются две цифры: против 20 тыс. шведов — 200 тыс. русских... Вся «реляция» написана в стиле такой «правдивости». Впрочем, по-видимому, правительствующий совет сообразил, что он хватил через край, и в

новой реляции уже сбавил цифру русских победителей. Оказывается, что их было уже не 200 тыс., а «100 тыс.».

Официальной лжи, которая просто не знала удержу, верили и не верили, но народ начинал довольно сильно роптать, горевал, голодал, однако повиновался. Может быть, именно отчаянное положение, в которое попала страна после Полтавы, побуждало воздерживаться от каких-либо демонстраций недовольства⁹. Тот же Вреде, член совета, полагал, что после полтавского разгрома мир с Россией знаменует не только потерю всех прибалтийских владений, но нечто худшее: где было ручательство, что русские теперь не завоюют Финляндию и не вторгнутся в Швецию? И сделать это они могут удобнее всего именно после того, как шведы положат оружие. Подготовившись, переведя сухопутные силы из Украины в Финляндию, усилив постройку шхерного и транспортного флота или дождавшись зимы, сухопутьем по льду Ботнического залива, русская армия окажется в Стокгольме. Тогда как, не подписывая мира, Швеция может рассчитывать на помощь Англии, Франции, может быть, даже той же Дании, с которой помириться для шведов несравненно выгоднее, чем с Россией. Мир казался им еще опаснее для Швеции, чем война.

Перехваченное чье-то письмо, посланное из Швеции, сообщает 22 октября 1709 г. о двух фактах: во-первых, шведы готовятся к продолжению войны, потому что в Швеции «зарестованы» все корабли, «дабы никому иному яко и его королевское величество шведский хлеб в Лифляндии возити», и уже большая часть перевезена для прокормления шведских гарнизонов; а с другой стороны, в том же письме сообщается, что в самой Швеции голод, и такой, что «всякой крестьянин хочет охотно солдат быть», просто «в намерении своего прокормления»¹⁰. Вреде и его товарищи знали (и говорили), что чиновники давно уже получают лишь половину своих и без того скудных окладов, что страна разорена и обескровлена, но они не были согласны с той частью шведского правящего дворянского круга, представители которой роптали на короля, не желавшего уступать своему грозному неприятелю и подписывать мир. Во всяком случае, упорство короля на этот раз не казалось таким безумным, как при других чрезвычайных оказиях.

Верило ли правительство и вся поддерживавшая его часть дворянства в то, что немедленное заключение мира может грозить Швеции русским нашествием, или не верило, но, во всяком случае, этим пугалом можно было держать обнищавшее крестьянство и рабочих горного Фалуна в повиновении. А больше пока ничего не требовалось. Так судили далеко не все, но именно те, в руках которых была реальная власть. Карл и в Бендерах оставался самодержавным повелителем нищей, голодающей, павшей духом, но пока еще покорно несущей свое тяжелое ярмо Швеции. Самодержавная власть была прикончена немедленно после смерти короля в 1718 г., уже при его преемнице Ульрике Элеоноре.

Карл XII никогда не стремился какими-нибудь пышными фразами хоть немного прикрыть полное свое равнодушие к участи своих верноподданных, которым так дорого приходилось окупать своей кровью и достоянием похождения их владетеля в далеких краях. Карл, вступивший на престол подростком и унаследовавший трон после нескольких крупных деспотов, утвердивших неограниченную власть в Швеции, никогда и не подозревал, что подданные могут иметь свою волю, свои интересы и что вообще должно хоть как-нибудь с ними считаться. К этому прибавлялось крепко сидевшее в Карле XII полное убеждение в божественном происхождении монархической власти. Это ему с юных лет крепко вдолбило в голову придворное духовенство. Он был еще всецело человеком традиций XVII столетия и только потому не повторял слов своего современника Людовика XIV: «государство — это я», что ему и в голову не могло прийти, что кто-нибудь в состоянии в этом усомниться. Да и, кроме того, Карл был молчалив и не умел отпускать эффектные фразы. В нем ничего не было и от позднейшей приторной и фальшивой сентиментальности времени «просвещенного абсолютизма». Король Карл XII всю жизнь прожил в спокойной уверенности, что «все для короля и посредством короля», функция которого — приказывать, требуя от подданных все, что ему угодно, а их дело исправно выполнять приказы.

Вот, проиграв под Полтавой войну, уничтожив свою армию, погубив навеки великодержавное положение Швеции и

разорив дотла свой народ, сидит он в Бендерах, сидит уже полтора года и начинает сердиться, но отнюдь не на себя самого, а на государственный совет в Стокгольме, который почтительно, но настойчиво доносит ему о растущей нищете, о разорении страны, и о ее истощении бесконечными наборами и поборами. Королю кажется, что это наконец становится досадным и совсем излишним: «Что касается состояния нужды в нашем отечестве, то ведь это уже столько раз повторялось, что было бы достаточно, если бы об этом сообщали как можно короче, — так ли обстоит дело, как прежде, или же еще хуже. Таким способом нам бы в достаточной степени напоминали о деле, которое и кроме того достаточно известно, однако не может быть поправлено как-нибудь иначе, чем если мы себе промыслим почетный и выгодный мир. Но такого мира нельзя добиться печальными докладами». Карл знал, что стокгольмский совет убежден, что после Полтавы нелепо думать, будто можно заставить Петра отказаться от завоеванной Прибалтики. Король знает, что усталая страна жаждет мира, и он сердится: «...нужно сломить высокомерие неприятеля... Мы убеждены, что вы тоже были бы такого мнения, если бы вы услышали, как тут обстоят дела, и что вы никогда не пришли бы снова к мысли, что должно купить позорный мир ценой потери нескольких провинций. Мы никогда не дадим нашего согласия на это, как бы ни складывались обстоятельства... Никто, желающий называться честным патриотом, не должен стараться о таком мире, скорее он должен советовать уж лучше отважиться на самое крайнее, чем позволить, чтобы государство или его провинции хоть в малейшей степени были уменьшены, особенно в отношении к России»¹¹.

Напротив, Карл надеется «с помощью всевышнего» вернуть все, что попало в руки русских, и, мало того, «принудить их к такому миру», чтобы они еще уплатили ему, Карлу, справедливое вознаграждение «за причиненный ущерб и испытанное шведами правонарушение». Это письмо должно было показать Стокгольму и Швеции, что война не только не окончится вскоре, но и никогда при жизни и царствовании Карла не окончится и что Швеции суждены еще долгие годы страданий и нищеты и новых территориальных потерь.

Так и случилось в действительности. Русская победа в Северной войне и окончательное признание Швеции побежденной страной были после Полтавы неотвратимы.

3

В течение всей Северной войны Россия боролась сначала за свое существование, за свою национальную свободу и честь и за свое будущее. После Полтавы непосредственная угроза безопасности России, конечно, отодвинулась в весьма далекое и туманное будущее. Неосмысленный авантюризм терзаемого мучительным стыдом и бессильным гневом Карла XII заставлял его затевать злобные ссоры с визирями и султаном, которых он тщетно убеждал об одолжении: чтобы они дали ему тысячу сто турецкого войска, и он поведет их в Польшу, в Украину. Ручательство за успех — полное! Правда, даже не очень доброжелательные к России английские авторы давно уже признали, что все поведение Карла после Полтавы было поведением сумасшедшего человека¹².

Но ведь не в личном авантюризме Карла было дело, шведская аристократия и значительная часть рядового среднего дворянства и часть купечества продолжали поддерживать политику продолжения войны. Признать, что Швеция после восьми с лишком лет победоносной борьбы, после долгих кровопролитий и разорительных нескончаемых трат вдруг так много потеряла безвозвратно и что кончилось ее вековое великодержавие, кончилось обладание хлебородной Балтикой, и она сразу же вернулась к тем уже забытым временам, когда она была заключена в свои скудные скалистые пределы, — было слишком трудно переносимо.

Если фантастичными могли представляться планы нового похода с помощью турок и татар в глубь русской суши, то еще вовсе не считались утраченными и проигранными шансы войны на море. Одолеть Петра на море так, как король Карл мечтал одолеть его в Москве, конечно, было нельзя. Но заставить его отказаться по крайней мере хоть от части прибалтийских провинций, отнятых им у Швеции, представлялось возможным. Слухи об усилиях царя создать военный флот пока еще

не пугали. Флот в Швеции был сильный, ее моряки не уступали в храбрости, выдержке, дисциплине лучшим пехотным и кавалерийским королевским полкам.

А кроме того, могли оказаться в будущем правильными расчеты на поддержку со стороны иностранных держав. Франция уже была союзницей, Англия могла стать ею завтра. Датчане были и остались врагами, но с голландцами можно было установить со временем дружеские отношения. При изменившихся условиях могла выступить и колеблющаяся и опасаящаяся Турция. А главное — при перенесении борьбы с суши на море война затягивалась, не сопровождаясь никакими особыми опасностями для Швеции: высадка русских войск в Швеции, когда громадная территория Финляндии защищает ее своими пространствами на суше, а шведский флот — с моря, представлялась еще невозможной. И при затяжке войны дипломатическое и военное вмешательство других держав в пользу Швеции становилось вполне мыслимым.

Вывод в правящих кругах Швеции был сделан: хуже того мира, который предлагает царь, ничего быть не может, а продолжение войны дает шансы на более приемлемые условия и не грозит существованию страны.

Были, правда, голоса и в стокгольмском совете и за его стенами, выражавшие много опасений и вовсе не считавшие продолжение войны безопасным для Швеции. Но они были в меньшинстве. Весь правительственный аппарат во главе с представительницей отсутствующего короля принцессой Ульрикой Элеонорой был против заключения мира.

Но все они жестоко ошиблись. Для России отказ от прибалтийских приобретений, которые она всегда считала лишь возвращением стародавних русских владений, был равносителен ликвидации того необходимого, великого дела, без которого Московское царство никак не могло ни дышать свободно, ни жить спокойно, ни торговать и сноситься с Европой так, как это уже явственно требовалось экономическим развитием. Будет ли Петербург новой европейской столицей или Москва превратится с течением времени лишь в обширную зависимую провинцию, останется ли море навсегда недоступным для русского народа только потому, что в старое время у него были

насилием отняты Ивангород, Колывань, Ям, Копорье, Юрьев, Корела и берега Балтики, где он раньше уже был, или ему удастся приобщиться к тем нациям, для которых море — один из необходимых элементов их экономического процветания, — вот какой вопрос ставился для России этим упорством Карла XII, сидящего в Бендерах, и правящих кругов Стокгольма, которые в лице влиятельнейших своих представителей продолжали поддерживать короля.

Царь прекрасно понял, что шведы возлагают надежды: 1) на отсутствие у России сильного флота; 2) на дипломатическую и военную помощь иностранных держав; 3) на время, которое необходимо для создания обстановки и условий, которые могут повести к этому вмешательству. Но Петр решил сделать именно время фактором, который будет работать не на Швецию, а на Россию, потому что даст ему возможность создать сильный флот. Сильный флот и крайне затруднит всякую иностранную интервенцию в пользу Швеции и сломит шведское сопротивление.

Таким образом, для России вся проблема войны сводилась после 1709 г. к скорейшему созданию военного флота на Балтийском море, чтобы сломить упорного врага на море так, как он был сломлен под Полтавой.

После Полтавы можно сказать, что на суше русско-шведская война, поскольку дело шло о защите русской территории, окончилась. Но на море она еще только разгоралась. Создавая флот, Петр домогался одного: чтобы шведы признали окончательно, что Прибалтика, им принадлежавшая только по праву завоевания, потому что русские в 1596 и 1617 гг. были слишком слабы, чтобы защитить свое достоинство, теперь возвращается России. От шведов в 1709 г., после Полтавы, не требовалось, чтобы они уступили России ту территорию, которая еще не была занята русскими войсками. Им предлагалось лишь подписать договор, который признал бы совершившийся факт. И это предлагалось непосредственно после того, как они опустошили беспощадно Белоруссию и Украину и только потому не разорили также Москву и остальную Россию, что у них, к их искреннему прискорбию, не оказалось для этого достаточно сил. Но чтобы заставить шведов подписать мир, России

пришлось еще двенадцать лет доказывать, что, продолжая кровопролитие, они вредят больше всего самим себе, и только когда русские войска оказались несравненно ближе к Стокгольму, чем были шведы в самые «лучшие» свои времена к Москве, тогда и только тогда они согласились подписать мир. Время понадобилось не только России, чтобы создать флот, но оно понадобилось и Швеции, чтобы окончательно разувериться в реальной помощи со стороны великих морских держав.

Только после Полтавы в Европе постепенно стали понимать свою авантюристичность политики Карла XII, который в погоне за Польшей и Украиной потерял Балтику, который отчасти игнорировал русскую армию и вовсе не признавал (даже и не скрывая того) русский флот. Вот как характеризует его английский аноним (a British officer), написавший и напечатавший в Лондоне в 1723 г. «Беспристрастную историю» (An impartial history) Петра I: «Король шведский воевал так, как никакой государь не воевал до него, а именно: стремился одерживать в чужих землях победы — и терял свои земли у себя дома; завоевывал земли в пользу других — и подвергал опасности быть завоеванными свои собственные владения. Он воевал с целью совершить нашествие на Саксонию, которую он заведомо должен был покинуть, — и потерял в это время Ливонию, Эстляндию, Ингрию и часть Финляндии, которые он уже никогда не возвратит»¹³.

Беспокойные слухи о победе России носились в Англии, в Бельгии, во Франции, по-видимому, уже в середине августа. «Мы не имеем дальнейших подтверждений о битве между шведами и московитами, — писал герцог Мальборо министру Годольфину 15 августа 1709 г., — но если только верно, что шведы так решительно разбиты, как о том говорят, то как печально думать, что после постоянных успехов в течение десяти лет он (Карл. — *Е.Т.*) в два часа неправильных распоряжений и неудачи погубил себя и свою страну». Только через два месяца после Полтавы герцог Мальборо получил от Меншикова письмо с достоверным и точным известием о катастрофе. «Сегодня после обеда я получил письмо от князя Меншикова, царского фаворита и генерала, о полной победе над шведами. Если бы этот несчастный король получил благой совет заключить

мир в начале этого лета, то он мог бы в большой мере повлиять на заключение мира между Францией и союзниками и сделал бы свое королевство счастливым, тогда как теперь он вполне во власти своих соседей», — писал Мальборо своей жене 25 августа 1709 г.

Уже из этого письма явствует, что англичане сильно беспокоились о своем шведском друге, когда тот еще только приступал к осаде Полтавы, и считали наилучшим для него исходом немедленный мир, даже если придется пойти на известные жертвы.

Когда затем в 1710 г. началось русское наступление и завоевание Ливонии, то ни в Англии, ни в Голландии, ни в Пруссии, ни в Дании (а в этих четырех странах очень зорко следили за успехами русской политики) не обнаруживалось уже никакого удивления при вестях о покорении шведских владений. В апреле 1710 г. Шереметев осадил Ригу. Русские беспрепятственно установили батареи между Ригой и Дюнамюнде и мост на сваях, отрезавший город от моря. Флот стоял у берега и помешал шведам увести из Риги суда, которые там находились. 4 июля 1710 г. крепость сдалась, и все суда (24 выпела) попали в русские руки. Через месяц с небольшим сдались Дюнамюнде (8 августа), а спустя несколько дней — Пернов, Аренсбург и весь остров Эзель. Завоевание Ливонии было завершено 29 сентября 1710 г., когда капитулировал Ревель.

4

Как почти вся свита бежавшего Карла, в плен к русским попал в день Полтавы также и Джеффрис, состоявший в тот момент на не весьма ясной должности «секретаря ее величества королевы (английской) при короле шведском Карле». Вероятно, Джеффрис был посажен британским правительством в шведский лагерь в качестве соглядатая, но наиболее зрело продуманный вывод своих наблюдений над Карлом и его армией ему пришлось сообщить уже из русского плена. «Таким образом, сэр, — писал Джеффрис Витворту 9 июля 1709 г., — вы видите, что победоносная и многочисленная армия была

разгромлена меньше чем в два года, больше всего вследствие пренебрежения (*little regard*) к своему врагу»¹⁴.

При французском дворе учли довольно правильно итоги Полтавской битвы. Вот что говорилось в инструкции, которая по повелению Людовика XIV была дана в 1710 г. послу де Бальюзу: «Ничто не кажется более важным, чем повести переговоры... о диверсии, которая побудила бы врагов заключить мир на разумных основаниях»¹⁵. Людовик XIV, утомленный и обеспокоенный своими неудачами в войне за испанское наследство, очень хотел бы как-нибудь втянуть Россию в войну против империи Габсбургов. А в силе России Людовик уже не сомневался: «Царь совершил завоевания, которые делают его хозяином Балтийского моря. Оборона завоеванных земель, вследствие их местоположения, настолько легка для Московского государства, что все соседние державы не могли бы принудить (Петра. — *E.T.*) возвратить эти земли Швеции. Этот государь (Петр. — *E.T.*) обнаруживает свои стремления заботами о подготовке к военному делу и о дисциплине своих войск, об обучении и просвещении своего народа, о привлечении иностранных офицеров и всякого рода способных людей. Этот образ действий и увеличение могущества, которое является самым большим в Европе (*qui est la plus grande de l'Europe*), делают его грозным для его соседей и возбуждают очень основательную зависть в императоре (австрийском. — *E.T.*), и в морских державах (Англии и Голландии. — *E.T.*). Его (царя. — *E.T.*) земли в изобилии доставляют все, что необходимо для мореплавания, его гавани могут вмещать бесконечное количество судов».

Людовик решил соблазнить Петра, предложив ему торговый договор России с Францией и Испанией. Французскому послу повелевается обратить внимание царя на опасность в будущем, грозящую ему со стороны Англии и Голландии, «интересы которых уже не могут согласоваться с его (царскими. — *E.T.*) интересами».

Зная, до какой степени царь поглощен мыслью о создании флота, французская дипломатия особенно обращает внимание Петра на следующее соображение: «Англия и Голландия только потому с ним обходились дружески, что они находились в

войне с Францией и Испанией. Полагались на шведского короля, который стоял во главе многочисленной армии, и нельзя было предвидеть, что царь может в столь короткое время сделать такие значительные завоевания».

Французские министры и король уже хорошо понимают всю недалёковидность своего бывшего пренебрежительного отношения к России и довольно простодушно извиняются за свое высокомерие: «Если царь жалуется, что мы им пренебрегали и что с его послами плохо обходились во Франции, то ему можно ответить, что Московское государство хорошо узнали только с тех пор, как государь, который теперь там царствует, приобрел своими великими деяниями и своими личными качествами уважение других наций, и что вследствие этой репутации его христианнейшее величество (король Людовик XIV. — *Е.Т.*) и предлагает ему искренне свою дружбу»¹⁶.

Следует отметить в этом документе одну очень характерную черту. В Европе уже хорошо поняли, что царь желает (и страстно желает) создания не только военного, но и торгового русского флота, и вот Людовик XIV не преминул обратить внимание на монополистические стремления англичан и голландцев в этой области: «Царь должен желать, чтобы его подданные торговали во всей Европе, а это не может согласоваться с интересами Англии и Голландии, которые желают быть перевозчиками (*les voituriers*) для всех наций и желают одни производить всю мировую торговлю»¹⁷. Тут характерно это слово «перевозчики». Еще точнее, пожалуй, было бы перевести его словом «извозчики», так как именно этим насмешливым термином называли тогда голландцев: «морские извозчики» (слово «*voituriers*» происходит от «*voiture*», что значит карета).

Франция экономически и дипломатически поддерживала шведов, поддерживала посаженного Карлом XII на польский престол Станислава Лещинского, поддержала бы и Мазепу, если бы Полтава не покончила и с Карлом XII (по крайней мере в Польше и на Украине) и с Мазепой. Поддержки войсками Франция, однако, не дала и дать не могла, во всяком случае, пока длилась война за испанское наследство.

Таковы были на первых порах настроения английских и французских правящих кругов, когда в Европе начали серьез-

но разбираться в значении полного разгрома шведской армии под Полтавой.

Дополним сказанное некоторыми характерными иллюстрациями, касающимися Англии, Голландии, Пруссии, Польши. Мы ограничиваемся тут, в этом кратком очерке, лишь ближайшим временем, не касаясь общих, более отдаленных последствий перелома в Северной войне, происшедшего на берегах Ворсклы и Днепра в последние дни июня 1709 г.

Начнем этот очень краткий обзор с «морских держав».

«Союзные» отношения между Англией и Голландией были всегда весьма сомнительного свойства. Эти державы конкурировали в торговле — как европейской, так и колониальной, соревновались они друг с другом, в частности, и в области торговли с Россией. Морская торговля с Архангельском, а впоследствии с Петербургом тоже обостряла эту стародавнюю конкуренцию. Общая, жизненно важная борьба против захватнических стремлений Людовика XIV сделала их временными союзниками, а так как Франция была в союзе с Швецией, то они тем самым оказались противниками Карла XII и союзниками Петра. Но едва только начинал слабеть напор со стороны французов, как вся искусственность, случайность, «конъюнктурность», как уже тогда выражались, и союза с Голландией, и дружбы с Россией, и вражды с Швецией начинала сказываться: англичане и особенно правившая в Англии с 1710 г. торийская партия постепенно охладевали к своим союзникам — России и Дании, потому что обе эти державы были кровно заинтересованы в удачном исходе борьбы против Швеции и больше всего держались за укрепление «северного союза». А в будущем обе эти державы могли всегда помочь Голландии, но никак не Англии, если бы со временем между Англией и Голландией возникла снова старая борьба.

Русский посол в Англии Куракин довольно хорошо во всем этом разбирался. Он докладывал Петру: «Они (англичане. — *Е.Т.*) ...хотят видеть шведа в силе, чтобы датский не был силен, который есть больше приятелем Голландии, нежели им, и для опасности впредь: ежели бы война между Англиею и Голландиею была, то, конечно, датскому с голландцы быть в алиансе (союзе. — *Е.Т.*); но ежели шведы не будут в силе от того (т.е. от

союза с голландцами. — *Е.Т.*) датского предудержать, то англичане не могут кого сыскать в альянс себе против датского и голландцев. Франция будет радостно (*sic.* — *Е.Т.*) на ту игру смотреть»¹⁸.

Куракин предворял, между прочим, царя, что посол английский Витворт в душе враг России: «Особливе еще внутренним неприятелем был и есть, который к шведским интересам весьма склонен».

Джон Черчилль (герцог Мальборо) недоброжелательно и неискренне относился к русским, и не только в годы своего всемогущества при дворе королевы Анны, но и тогда, когда лорд Болингброк низверг (1710 г.) вигов и произошло политическое падение Черчилля: «...по ответу, учиненному вам по приезде туда от дука Мальбурга, усмотрел я что сей дук при своем падении еще скорпионовым хвостом... не минул нас язвить», — с негодованием писал из Гааги русский посол А.А. Матвеев князю Б. Куракину в Лондон 5 января 1711 г. об антирусских чувствах Черчилля, которые тот никак не мог скрыть даже после своей отставки¹⁹. А ведь «уязвление» ядовитым «скорпионовым хвостом» со стороны герцога Мальборо было в тот момент особенно болезнетворно для России. Мальборо, еще сохранивший пока командование армией, противился оказанию в какой бы то ни было форме подмоги русским против турок, объявивших войну России по наущению французского двора и короля Карла XII, продолжавшего пребывать в Турции.

Куракин упоминает Витворта, на содержательные секретные донесения которого из Москвы в Лондон мы неоднократно ссылались. Но от этого всегда опасавшегося России и враждебно настроенного дипломата остался и другой документ, составленный в 1710 г. и представляющий некоторый интерес и по содержанию, и по личности автора, и по значению, которое ему придавали в правящих кругах Англии.

Из всего дипломатического корпуса, аккредитованного при Петре I во время шведского нашествия 1708—1709 гг., конечно, наибольшей сравнительно осведомленностью о России обладал именно британский посол Чарлз Витворт. Он оставил — во все не для печати, а для своего начальства — небольшой мемуар о России, который был издан в 1758 г., спустя много лет

после его смерти²⁰. Этот очерк (очень похожий на секретную докладную записку по начальству) интересен потому, что дает нам понятие, как смотрел на петровскую Россию дипломат, только что переживший громовые раскаты Полтавской битвы. Британский кабинет еще долго судил о России по Витворту. Только с этой точки зрения эта маленькая книжка и любопытна, несмотря на все ее курьезы, ложь и нелепости, без которых автор не обошелся. Он пользуется, не указывая источников, сведениями, которые добыл, сидя в Москве в качестве посла королевы Анны в 1705—1710 гг.

Очень проникательно Витворт (писавший в начале 1710 г. свой секретный мемуар о России) предупреждает, что царь скорее отдаст свои «лучшие провинции», чем уступит только что основанный Петербург, из которого царь надеется со временем, по словам Витворта, сделать «второй Амстердам или Венецию»²¹.

Витворт находит, что русский народ при обучении и дисциплине «может далеко пойти» в военном деле, так как изумительно переносит тяготы войны, «безразлично относится к смерти и страданиям» и имеет «пассивную храбрость» (sic. — *Е.Т.*). Неизвестно, какой еще «активной» храбрости понадобилось Витворту, после того как русские в два часа времени сломили и уничтожили шведскую армию Карла XII, которую англичане ставили всегда выше своей собственной.

Во всяком случае, Витворт, покидая Москву 24 марта 1710 г., уносил с собой беспокойную мысль о том, что Полтава — не конец, а начало нового периода, когда Россия будет оказывать существенное влияние на дела Европы. Он не ошибся.

Еще перед Полтавой Польша оказывалась совершенно бесильной оградить себя от вторжения, кто бы и откуда бы ни пошел на нее. Приверженцы Августа ждали русской победы, хотя вплоть до 27 июня 1709 г. не очень в нее верили. Приверженцы Лещинского ждали победы шведов. Но ни тем, ни другим и в голову не приходило предпринять самостоятельное военное выступление против какого-либо из двух боровшихся врагов. Лещинский, которого с таким непостижимым легковерием ждал Карл под стенами Полтавы, был не в силах даже и свои собственные неясные, движущиеся границы оградить.

Участь Польши решилась на берегах Ворсклы, замечает новейший историк Речи Посполитой в годы Северной войны²².

«Эта победа, по всей вероятности, создаст большую перемену в делах всего Севера, и король Станислав, по-видимому, первый это почувствует, так как его царское величество решил идти в Польшу, раньше чем шведы создадут новую армию», — писал посол Витворт из Москвы в Англию 6 июля 1709 г., получив первые известия о великой русской победе под Полтавой.

В дополтавский период Северной войны Речь Посполитая медленно и недружно вступала в войну против шведов, в которую была вовлечена своим королем, курфюрстом саксонским Августом, именно в качестве курфюрста, заключившего с Петром соглашение в 1699 г. и подтвердившего этот пакт в 1701 и 1703 гг. Первые успехи Карла XII на территории польско-литовского государства, низложение Августа с королевского престола и «избрание» по воле Карла на престол Станислава Лещинского в 1704 г. — все это произвело благоприятный для России большой сдвиг в среде большей части шляхетства. Угроза иностранного завоевания и захвата Речи Посполитой в глазах очень значительных кругов аристократии и среднего дворянства шла уже именно со стороны шведов, а вовсе не русских, и Станислав явился в глазах многих в роли простого шведского агента, предателя и узурпатора. И в Литве (больше всего), и в землях «короны» шансы приверженцев Августа II стали возрастать. Даже после Альтранштадтского мира Станислав держался почти исключительно силой шведов, не уходивших из Польши, а не поддержкой своих малочисленных сторонников. Поэтому тотчас же после Полтавы Август без малейших затруднений вновь воцарился в Польше, заняв место бежавшего без оглядки Станислава. Во время «жолкиевского сидения» 1707 г. Петр поддерживал сандомирские совещания магнатов, изверившихся в возвращении Августа и намечавших на его место то венгерского вельможу Ракоци, то Алексея и т.п. Но ничего из этих совещаний не вышло и из-за разногласий, и из-за начавшихся явных приготовлений Карла к предстоящему завоевательному походу в Россию и соответственных мероприятий Петра.

Теперь, после Полтавы, Петру, разумеется, выгоднее всего было немедленно и естественно уладить вопрос о польском престоле, признав полную законность восстановления Августа II. Конечно, ни о каких стародавних претензиях Речи Посполитой на Белую Церковь (о чем еще говорилось в Сандомире), ни о претензиях Августа II на Ливонию не могло серьезно быть и речи.

Петр «простил» Августу альтранштадтскую измену и сейчас же после Полтавы приказал русскому отряду прогнать вон из Польши шведские полки, еще там стоявшие, а польские магнаты поспешили провозгласить Станислава Лещинского низложенным и восстановили Августа на престоле.

Истинную цену польско-саксонскому союзнику Петр знал очень хорошо. «Где же мой подарок сабля?» — спросил Петр Августа, имея в виду саблю с рукояткой, осыпанной драгоценными камнями, которую он подарил некогда Августу, вступая в союз с ним. «Забыл ее в Дрездене!» — поспешил ответить Август. «Ну, так вот я тебе дарю новую саблю!» — сказал царь и отдал при этом уличенному во лжи «союзнику» эту самую саблю, которую русские нашли на поле Полтавской битвы в личных вещах бежавшего Карла XII: оказалось, что в 1707 г., заключая свой предательский договор с Карлом, Август подарил шведскому королю этот петровский подарок...

Эта неприятная сцена не помешала Августу подослать к Петру своего министра Флемминга и пытаться выпросить у Петра кое-что в пользу Польши из последних русских завоеваний в Прибалтике. Но из этого ровно ничего не вышло. Не для того Петр выдержал такую долгую и тяжкую борьбу, чтобы, вытеснив шведов, допустить саксонских немцев или поляков к только что приобретенному морскому берегу. «Все мои союзники меня покинули в затруднении и предоставили меня моим собственным силам. Так вот теперь я хочу также оставить за собой и выгоды и хочу завоевать Лифляндию, чтобы соединить ее с Россией, а не затем, чтобы уступить ее вашему королю или польской республике»²³, — таков немецкий вариант разговора, который показал послу Августа Флеммингу, что ни Саксонии, ни Польше ничего не перепадет из добытого от шведов русской кровью.

Карл с большим, правда, опозданием обратил наконец после Полтавы внимание на то, что русская армия не такая уж незначительная величина, как ему это всегда до сих пор почему-то казалось. Приходили в Бендеры беспокойные слухи о строящихся с кипучей энергией русских военных кораблях на Финском заливе. Не очень уверен был король и в том, что случится, если генералу Крассау («Крассову») придется столкнуться с русской армией. После того что приключилось от этой встречи с ним самим, можно ли положиться на Крассова?

Но Крассов, даже и не дожидаясь совета или указания от своего повелителя, поспешил убраться в Померанию, откуда гораздо легче благополучно достигнуть родных шведских берегов, чем из Варшавы или из Кракова, в случае каких-либо нежелательных сюрпризов со стороны русской армии, обнаружившей такую внезапную предприимчивость и такое могущество.

Предательское поведение Августа II, которое в конце 1706 г. и в течение последующих лет ставило русскую армию в Польше в такое трудное, а временами в отчаянное положение, было, конечно, очень давно понято и оценено по достоинству Петром. Но теперь Петр повел себя как искуснейший дипломат. Август и сейчас мог быть нужен. Следовательно, надлежало сделать вид, что старое забыто, быть молодцу не в укор и т.д. Поэтому встреча трепетавшего Августа с царем оказалась любезной («любительной»), и разговоры тоже велись самые учтивые. Вот как описан этот щекотливый момент: «В 26 день (сентября 1709. — *Е.Т.*), не доезжая Торуня за милю, король польский встретил государя на двух маленьких прамах, которые обиты были красным сукном, и как приехал король Август к судну государеву, тогда государь его короля встретил, и между собою имели поздравление и любительные разговоры о состоянии своего здоровья и случившихся дел».

Польский король мгновенно согласился 29 сентября на новый наступательный и оборонительный союз Польши и Саксонии с Россией против Швеции²⁴.

Со всех сторон стекались поздравители к полтавскому победителю. Прибыл 7 октября в Торунь чрезвычайный посланник от короля датского — барон фон Ранцов «с поздравлени-

ем государю о виктории полтавской такожде и для домогательства, дабы королю его с ним государем в союз наступательный и оборонительный против Швеции вступить»²⁵.

8 октября между фон Ранцовым и русскими министрами, бывшими в свите царя, были согласованы статьи договора о союзе против шведов, тотчас же ратифицированные в Копенгагене.

Поспешил навстречу судну царя, отплывшему по реке Висле из Торуня, и король прусский, который и явился на царское судно недалеко от Мариенвердера. Тут удалось (17 октября) заключить между Россией и Пруссией лишь оборонительный союз против Швеции. На наступательный Фридрих Вильгельм не решился. Он, как и его предшественник, Фридрих I, поставил себе целью пожить в чем-нибудь в конце войны за счет одной из воюющих сторон, и, конечно, именно той, которая будет побеждена. Победит Карл XII — можно будет урвать что-нибудь на Балтике у Петра; победит Петр — можно будет так или иначе овладеть Померанией...

Таковы были первые, самые непосредственные изменения в общей политической атмосфере Европы, которые должен был принять к сведению и учесть полтавский победитель при первой встрече со своими «друзьями» и «союзниками» после Полтавы. Но его путь был уже предначертан. Война снова должна была перенестись на берега Балтийского моря: Рига и вытеснение шведов из Финляндии становились на очередь.

Военные операции (после Полтавы) на Балтийском море могут быть разделены на следующие периоды:

1. Конец 1709 и первая половина 1710 г. — Русские овладевают окончательно Ливонией, берут Ригу, Динабург, Пернов, Аренсбург, Ревель (старую русскую Колывань). Этим оканчивается и закрепляется за Россией Ливония и острова Эзель и Даго, т.е. завершается дело овладения Ингрией, Эстонией и Ливонией, начатое в 1701 г. и продолжавшееся до 1706 г., когда полная победа Карла XII над Августом, ставшая необходимой гродненская операция, отход русской армии из Гродно на Волынь и Киев, предательский сепаратный мир Августа с Карлом, явные приготовления Карла XII к походу на Россию, наконец, события 1708—1709 гг. надолго отвлекли

внимание и заботы русского командования от прибалтийского театра войны.

2. Решительное нежелание шведов вступить в мирные переговоры, слухи о переговорах укрывшегося в Бендерах Карла XII с турками о турецком походе в Польшу и на Украину, наконец, победы шведского генерала Магнуса Стенбока над датчанами — все это заставляет русское командование ускорить поход на Финляндию. Диверсия Любекера в 1708 г., пытавшегося взять Петербург, хотя эта попытка и провалилась весьма постыдно, явно ставила на очередь вопрос об обеспечении новой будущей столицы от внезапного нападения из Финляндии.

История овладения Финляндией, в свою очередь, делится на два периода: 1710 г. — осада и овладение Выборгом и Кексгольмом и, после перерыва, вызванного прутским походом, возобновление финской операции в 1713 и 1714 гг., победы России на суше и на море, завоевание всей Финляндии до Торнео. Но все это уже новая страница истории. Старая закончилась словом «Полтава», навсегда вписанным золотыми буквами в летопись русской славы.

Анализируя главные результаты петровской внешней политики, прежде всего останавливаясь на великом шведско-русском столкновении, мы должны будем констатировать, что здесь Россия при Петре достигла именно того, к чему стремилась, и даже большего. О «подушке», дающей безопасность Петербургу, в виде приобретения Выборга и побережья от устья Невы до Выборга, Петр даже еще не мечтал, когда начиналась Северная война. Не думал он и о том, что удастся утвердиться в Курляндии и сделать из герцогства не только «буфер» между Россией и Пруссией, но и серьезную оборонительную позицию и охрану возвращенного русскому народу южного побережья Балтики. Достижения были в данном случае гораздо шире первоначально намеченных целей.

Покушение врага прекратить самостоятельное существование России окончилось полным его разгромом. Русский народ возвратил себе свои старые приморские владения и обезопасил их, утвердил прочно свое решающее влияние в Курляндии, отделяющей Пруссию от этих возвращенных России при-

балтийских земель. Весь южный берег Балтийского моря от устья Невы до прусской границы, часть северного побережья Финского залива от устья Невы до Выборга включительно были в нашей власти. А на устье Невы все шире распространялся новый город великого будущего со своими верфями и заводами. Русский флот властвовал на Балтике. Громадная, прекрасно вооруженная армия сторожила границы колоссального государства, и самый факт ее существования оказывал серьезное влияние на всю политику тогдашнего мира.

Война длилась двадцать один год, но в народной памяти больше всего удержалось и ярче всего навсегда запомнилось жестокое лихолетье 1708—1709 гг., когда сильный враг, всюду считавшийся непобедимым, успевший сокрушить несколько государств и разгромить несколько европейских армий, вторгся в Россию, открыто заявляя, что он месяца через три войдет в Москву и русское государство будет навеки уничтожено.

Не было предела ненависти, жестокости и презрению, которые питал неприятель к русскому народу, и эти чувства несколько не скрывались именно потому, что у агрессора было глубочайшее убеждение в скорой и всесокрушающей победе.

Шведские правители поставили на карту все. Многим из них казалось, что исход предстоящей интересной завоевательной прогулки в Москву предрешен и риска никакого нет. Но на самом деле очень многое было поставлено и проиграно шведами в этой затеянной ими кровавой игре. Было навсегда проиграно великодержавие, подорваны военные и морские силы государства, страшно надорвана на целые поколения вперед экономика страны. Голод, обнищание, болезни, которые медицина обозначает термином «эндемические», т. е. болезни, постоянно бытующие в данной стране, — вот что на долгие десятилетия вперед стало участью народной массы в Швеции. Люди среднего возраста, помнившие, чем была Швеция до Великой Северной войны, с трудом привыкали к зрелищу, которым стала несчастная страна после Ништадтского мира и даже гораздо раньше — после Полтавы.

Весь этот роковой для шведских агрессоров переворот произошел именно в 1708—1709 гг., потому что после Полтавы исход войны был, безусловно, предрешен. На свою беду Швеция

не пошла сразу же после Полтавы на мир, предпочла агонизировать, надирать последние силы, терять последние клочки забалтийской своей территории. Но после полтавского сокрушающего удара уже возврата к прежнему не было. Еще в первые месяцы 1708 г. Швеция — держава, перед которой трепещут Австрия, Пруссия, Польша, страны Германии, которой льстят французский король Людовик XIV, английская королева Анна, Голландия, побежденная Карлом XII Дания. После Полтавы шведские послы просят свое правительство поскорее их отозвать, потому что им не вмоготу выносить оскорбления и иронические насмешки при иностранных дворах.

Тяжкое историческое возмездие постигло Швецию за ее попытку поработить русский народ. Но это не помешало тому, что еще дважды, в XIX и XX вв., подобные попытки повторялись другими державами, и всякий раз дело кончалось не только поражением, но и катастрофой для агрессивного государства. Армии агрессоров не только отбрасывались, но уничтожались.

РУССКИЙ ФЛОТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главная цель предлагаемой работы — выяснить, какую роль сыграл созданный при Петре I русский флот в истории русских внешнеполитических отношений. Этот вопрос оставался как-то в тени, несмотря на колоссальное значение флота в русских триумфах конца петровского царствования.

Сообразно с характером намеченной темы больше всего внимания посвящено тому периоду, когда флот стал активно помогать возвышению России среди великих европейских держав.

То, что предлагается вниманию читателя, — вовсе не полная история флота при Петре, но исключительно характеристика его влияния на петровскую внешнюю политику, а также на отношение западноевропейской дипломатии к появлению этого нового фактора русского военного и государственного могущества. Конечно, и история дипломатии времен Петра привлечена тут лишь постольку, поскольку она прямо касается существования русского флота и поскольку возможно уследить влияние этого фактора на действия и намерения европейских держав. Когда Карл Маркс указывает что нельзя себе представить великую нацию настолько оторванной от моря, как Россия до Петра, когда он говорит, что Россия не могла оставить в руках шведов устье Невы, а также Керченский пролив — в руках кочующих и разбойничающих татар, то он со

своей глубиной исторического реализма формулирует и объясняет то упорство, ту последовательность и ту готовность ко всяким жертвам и опасностям, которые проявил Петр в стремлении к морю. И наряду с этим Маркс дает объяснение тому, что Россия, оставаясь великой нацией, в результате, правда, тяжелой борьбы, не могла не достигнуть этой абсолютно для нее необходимой цели.

Русскому народу, конечно, мешала его отсталость, которая не была им полностью изжита не только при Петре, но и в течение всего существования монархии в России. Читатель не должен забывать о тех страшных трудностях, которые России пришлось преозмочь, и о тех жертвах и страданиях, которые пришлось ей пережить, создавая флот и превращаясь в великую морскую державу. Социально-экономическая структура феодально-абсолютистского государства оставалась при Петре I, и участь закрепощенной народной массы стала еще тяжелее; большие народные восстания были последствием этого положения. Но, несмотря на все тяготы, России удалось успешно начать дело преодоления своей технической и общекультурной отсталости и вконец разгромить напавшего на нее врага.

Могучие, повелительные, неустранимые экономические потребности дальнейшего исторического развития русского народа и задача расширения и стратегического укрепления государственных границ диктовали программу действий. Голос истории был услышан, — ценою тяжчайших жертв русский народ создал флот и пробился к морю.

В гигантской, длившейся 21 год борьбе Петр проявил во всем блеске свои разнообразнейшие гениальные способности. Он оказался и первоклассным стратегом (полководцем и флотоводцем) и проницательным высокоталантливым дипломатом, которого не могли обмануть ни англичане, ни французы, ни шведы, ни Австрия, ни Пруссия. Он проявил себя и как замечательный законодатель и администратор. Но здесь он нас будет интересовать лишь как флотоводец и как создатель военного флота, могущественно способствовавшего окончательной победе. Полтава нанесла непоправимый, сокрушительный

удар шведскому могуществу, а флот помог побороть все усилия шведов отдалить подписание мира и все интриги англичан и французов, направленные к тому, чтобы подбодрить шведов к продолжению борьбы. Избегая всяких преувеличений, должно признать, что роль юного русского флота в последние годы войны была громадна. Тяжкие жертвы и колоссальные усилия русского народа, создавшего могучую морскую силу, оказались не напрасными.

ГЛАВА I

Как известно, Петр I никаких мемуаров не оставил, да и вообще совсем несвойственно было ему предаваться воспоминаниям. Как будто предчувствуя, что жизнь его будет довольно короткой, он брался за одно дело вслед за другим, а чаще всего приходилось выполнять несколько дел зараз. Настоящее и будущее имели для Петра всегда несравненно больше интереса, чем прошлое. Может быть, единственный раз в жизни Петр предался воспоминаниям, не имевшим прямого и непосредственного отношения к вопросам момента. Мы находим любопытные в этом отношении строки, явно проникнутые эмоцией, в собственноручной записке Петра «О начале кораблестроения в России». Сначала Петр рассказывает, как он заинтересовался случайно найденной астролябией и как «сыскал голландца, именем Франца, прозванием Тиммермана», который умел с астролябией обращаться. Обо всем этом (т.е. о том, кто и как «сыскал» Тиммермана) царь спустя 32 года вспоминает с такими деталями, с такой отрадой, с какой люди говорят лишь о важных и счастливейших событиях своей жизни. Но почему же столь существенно, что «такое сей Франц, чрез сей случай, стал при дворе быть беспрестанно и в компаниях с нами»? Потому, что появление «сего Франца» тесно связано с другой, несравненно более важной находкой: «Несколько времени спустя случилось нам быть в Измайлове на Лыняном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я суд-

но иностранное, спросил вышереченного Франца, что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет перед нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру, которое словно меня в великое удивление привело и якобы неимоверно. Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход показал? Он сказал, что есть. То я, с великою радостью сие услыша, велел его сыскать. И вышереченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который призван при отце моем в компании морских людей, для делания морских судов на Каспийское море; который оный бот починил и сделал машт и парусы и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил: для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу более. Того для я стал проводывать, где более воды; то мне объявили Переславское озеро (яко наибольшее), куды я под образом обещания в Троицкий монастырь у матери выпросился»¹.

Мать Петра Наталья Кирилловна отпустила 16-летнего юношу, отпросившегося будто бы на богомолье, а тот превратил Переяславское озеро в первое по времени место постройки (или, точнее, опытов постройки) судов своего будущего флота.

«И тако вышереченный Карштен Брант сделал два малые фрегаты, да три яхты, на которых его величество несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало: и изволил ездить на Кубинское озеро, там пространство большее, но ради мелкости не удобное. Того ради уже положил свое намерение видеть воду охоте своей равную, то есть прямое море»².

Следующим этапом в ознакомлении Петра с корабельным делом была предпринята им поездка на Север, к Белому морю.

4 июля 1693 г. Петр выехал в Архангельск, куда и прибыл утром 30 июля. Первый раз в жизни он увидел море и настоя-

щие морские суда. Как раз голландские и английские торговые суда собирались идти из Архангельска домой, и Петр немедленно решает принять участие в их плавании. На русской 12-пушечной яхте «Святой Петр» он присоединяется к этому небольшому торговому каравану и довольно далеко провожает его в море. Целых шесть дней заняло это неожиданное путешествие, но Петра совсем не удовлетворили его результаты. Что осмотришь за короткое время на уходящих кораблях? Царь решил задержаться в Архангельске, пока не придет ожидавшаяся к началу осени новая торговая флотилия из Гамбурга. Дождавшись ее и осмотрев с большим вниманием суда, царь вернулся в Москву.

В Архангельске (на Соломбальской верфи) Петр заложил 24-пушечный корабль «Апостол Павел». Кроме того, им было приказано купить в Голландии 44-пушечный фрегат, названный «Святое пророчество».

Первое знакомство с морем окончательно выявило настоящую страсть Петра к морской стихии, — иначе трудно определить всю интенсивность и глубину того влечения к морю, к морскому делу, к морскому обиходу, которое не оставляло царя до смерти. Истинно государственная широкая мысль о настоятельной необходимости и для экономики и для политики России обладать сильным и дееспособным флотом встретила в душевной жизни Петра с самой пылкой готовностью как можно скорее, не считаясь ни с какими жертвами и препятствиями, сделать абсолютно все, что в человеческих силах, для создания военного и торгового флота.

Однако путешествие в Архангельск мало удовлетворило Петра. Он вернулся в Москву 1 октября, а спустя без малого четыре месяца, 25 января 1694 г., умерла Наталья Кирилловна. Смерть матери поразила молодого царя, но долго предаваться печали он не умел. Смерть царицы могла лишь ускорить задуманное Петром второе путешествие к Белому морю: Наталья Кирилловна страшно тревожилась за сына во время первого путешествия, она перед отъездом брала с него обещание не покидать берега (которое Петр нарушил немедленно по прибытии в Архангельск), и раньше можно было ждать с ее стороны решительных протестов против нового путешествия.

Но теперь препятствие отпало, и 1 мая 1694 г. царь выехал из Москвы на Белое море к началу летней навигации.

Почти немедленно по прибытии в Архангельск Петр принял на яхте «Святой Петр» путешествие в Соловецкий монастырь. По пути к Соловкам яхта испытала настолько жестокую бурю, что люди экипажа уже не чаяли себе спасения, а духовные лица, бывшие на судах, убедили Петра исповедаться и приобщиться перед близкой смертью. Однако опасность миновала. Петр, после непродолжительного пребывания в Соловках, вернулся в Архангельск.

Находясь в Архангельске, царь почти ежедневно бывал у голландцев и англичан, часами наблюдая, выспрашивая, участь, принимая непосредственное участие в разного рода ремонтных корабельных работах. С 14 по 21 августа Петр был в море, в том первом большом плавании, которое было им намечено еще в первое посещение Белого моря. У него было три корабля: два, построенные в Архангельске, и один, построенный наконец в Голландии и пришедший оттуда. Царь включил свои корабли в очередной караван, состоявший из возвращавшихся четырех голландских и четырех английских торговых судов. Проводив иностранцев до выхода из Белого моря, три русских корабля вернулись в Архангельск.

Уже этот скромный опыт показал Петру, что у него не только нет флота, но нет и в помине людей, сколько-нибудь похожих на моряков. Ни «вице-адмирал» Бутурлин, командир корабля «Апостол Павел», ни «адмирал» князь Федор Ромодановский, командовавший фрегатом «Святое пророчество», ни «контр-адмирал» Гордон морского дела не знали. Гордон чуть не потопил свою яхту «Святой Петр» и сам сознавался, что «только божественное провидение» спасло его, когда он по ошибке чуть не посадил свой корабль на скалы. А ведь Гордон был все-таки более похож на командира корабля, чем Бутурлин или князь Федор Юрьевич. Сам «шхипер Питер» командующей роли на себя не брал, не считая себя подготовленным. Своих «адмиралов» он также считал неподготовленными, но выбирать было не из кого. Матросы из северян-поморов, выросших у моря и кормившихся морем, были еще не так плохи, но командный состав весьма слаб.

ГЛАВА II

Из второго путешествия к Белому морю Петр вернулся в Москву с твердой мыслью о необходимости создания флота. Если для 16-летнего юноши Яуза уже оказалась недостаточной, если для 20-летнего Петра оказались слишком «узки воды» в Переяславском озере, то 22-летний царь, побывав на море, навсегда бросил свой «игрушечный» переяславский флот и с той поры ни о чем, кроме моря, не мог думать, мечтая о кораблестроении.

Когда Петр пришел к власти, его царство располагало, в сущности, всего двумя морскими побережьями: на Белом море и на севере Каспия. Каспийское море пока не приходилось принимать в расчет: во-первых, кроме узкого краешка северного берега, по обе стороны астраханской дельты, русские никакими другими берегами там не располагали ни к востоку, ни к западу, ни к югу. Этими берегами владели либо непосредственно Персия, либо подчинявшиеся Персии туркменские и кавказские племена; во-вторых, закрытое Каспийское море не сулило никаких перспектив в смысле общения с европейской наукой и техникой. Не пришло еще и время, когда у Петра вполне освободились руки для предприятий на Каспийском море.

Следовательно, оставалось одно: использовать Беломорье. Две поездки царя к Белому морю были лишь первоначальными разведками. Они убедили Петра, что только через Белое море, находившееся слишком далеко от основных центров страны и замерзающее на большую часть года, нельзя наладить необходимые хозяйственные и культурные связи России со странами Европы.

Странно и даже как-то дико показалось придворной Москве неожиданное влечение царя к предполярным океанским ширям. От царских спутников узнали, что Петр там не только пировал с голландцами и англичанами (к этому уже привыкли и это никого не удивило), а и не раз подвергался на море смертельной опасности. Узнали о плотничьем и слесарном труде, который нес царь при починке кораблей. Узнали о

закладке судов, об указаниях, которые даны для развития активной торговли с Западом, т.е. о необходимости вывозить русские товары на русских судах.

Все это говорило, что дело касается чего-то несравненно более серьезного, чем потехи на Переяславском озере. Приблизилось время, когда царь разрешил все недоумения и ясно дал понять, что в создании флота он видит одно из насущных дел своей государственной деятельности.

Прорваться к морю — такова была цель Петра. Начать все же приходилось не с Балтийского моря, где царила первоклассная держава — Швеция, а с Азовского и Черного, так как с турками было легче справиться. К тому же между Россией, Польшей, Австрией и Венецией существовал военный союз, направленный против Турции. В 1695 г. Петр двинул войска под Азов.

Неудача первого азовского похода показала, что без помощи флота Азов не взять. Два приступа были отбиты, а крепость не только удержалась, но и ее обороноспособность ничуть не уменьшилась к тому моменту, когда Петр принужден был снять осаду. Крепость, получавшую регулярную помощь со стороны моря, трудно было понудить к сдаче, а у турок был и на Черном и на Азовском морях флот, правда, плохой, но ведь у русских и вовсе никакого флота не было.

Нужны были Петру не только военные, но и транспортные суда для перевозки военных грузов по Дону, потому что легче было везти грузы из Москвы к Воронежу и там перегружать на суда и отправлять под Азов по реке, чем перебрасывать их сухим путем из центра государства к Азову.

Началась работа по постройке судов. Уже зимой 1695/96 г. работали всю и в Преображенском, на сооруженной там верфи, и в Воронеже. Больше строили галеры и струги. Выписаны были корабельные мастера. Плотники, слесари, кузнецы брались отовсюду, где только можно было их найти. В Воронеже делом своза материалов, а потом и постройки заведовал Титов, не имевший до той поры никакого понятия о кораблестроении, а всем этим флотом командовал Лефорт, который, как истый швейцарец, гражданин самого «сухопутного» государства в Европе, очень мало смыслил в морском деле вообще

и в кораблестроении в частности. Но Лефорту очень помогали все новые и новые работники, прибывавшие из-за границы. Выстроенные в Преображенском галеры перевозились в Воронеж в разобранном виде, здесь собирались и отправлялись к устьям Дона. Весной 1696 г. в Воронеже были спущены на воду 2 корабля, 23 галеры, 4 брандера. Непрерывно строились в большом количестве струги. Гребцами были отчасти «вольные», отчасти «каторжники».

Импровизированный флот принес существеннейшую пользу делу предпринятой вновь осады Азова. Начать с того, что уже 20 мая, т.е. очень скоро после прибытия первых судов в устье Дона, казаки напали на подошедший с моря и пробиравшийся к крепости караван турецких грузовых судов, сожгли девять из них, одно судно взяли в плен, отбили часть боеприпасов (пороха и бомб) и других предметов и обратили этим нападением в бегство турок, которые так и не добрались до Азова. Когда затем подошли к Азову в полном составе выстроенные галеры и брандеры и расположились в устье Дона, то они не пропускали уже в осажденную крепость ни войск, ни боеприпасов, ни провианта. Даже большая флотилия, шедшая из Константинополя (6 кораблей и 17 галер, на которых было до 4 тысяч человек войска), не решилась пробиться и ушла обратно. Артиллерийский обстрел с суши и абсолютная невозможность выдержать осаду без подкреплений из Крыма или из Турции принудили азовский гарнизон к сдаче (19 июля 1696 г.). Роль флота в этой победе была так очевидна, что вопрос об обширной судостроительной программе сам собой стал бы на очередь, даже если бы Петр до азовских походов и не думал об этом очень упорно. Но ведь самая мысль о взятии у турок Азова была мотивирована желанием выйти на морские просторы, проникнуть поскорее к берегам Черного моря.

После взятия Азова были предприняты поиски удобной гавани и намечено устройство ее на мысе «Таганий рог» (нынешний Таганрогский порт).

Заметим, что под Азовом впервые обнаружились организаторские и стратегические способности Петра. Бесспорно, что в истории военно-морского искусства этот удачный опыт взаимодействия сухопутных и морских сил при осаде

и взятии приморской крепости занимает свое почетное место. Неудачи англичан при подобных же попытках взять в 1691 г. Квебек (в Канаде) или в 1693 г. Сен-Пьер (на Мартинике) справедливо противопоставляются успешным действиям Петра под Азовом¹.

Петр, конечно, понимал, что главная роль азовского флота заключалась в блокировании крепости с моря и в транспортировании людей и припасов с верховьев Дона и его притоков к Азову.

И когда Азов сдался наконец русским 19 июля 1696 г., то вся, так сказать, стратегическая и политическая недоконченность предприятия предстала воочию. Без овладения Крымом (или по крайней мере Керчью) завоевание Азова очень мало приближало Россию к свободному выходу в Черное море.

Для того чтобы продолжить борьбу с Турцией за черноморские берега, нужно было создать сильный флот, ибо, как писал Петр I в октябре 1696 г. Боярской Думе, «ничто же лучше мною быть, еже воевать морем понеже зело блиско есть и удобно многократ паче, нежели сухим путем, о чем пространно писати оставляю многих ради чесных искуснейших лиц, иже сами свидетели есть оному. К сему же потребен есть флот или караван морской, в 40 или вяще судов состоящий, о чем надобно положить не испустя времени: сколько каких судов, и со много ли дворов и торгов, и где делать»².

В октябре 1696 г. в Москве собралась Боярская Дума, этот высший совещательный орган государства. Начав с обсуждения частного вопроса об укреплении Азова и о заселении новоприобретенной местности, Дума перешла к принципиально новой проблеме.

20 октября 1696 г. Боярской Думой были приняты «Статьи удобные, которые принадлежат к взятой крепости или фортеции от турок Азова». Под этим скромным названием записано и постановление, имеющее большое историческое значение: «Морским судам быть, а скольким, о том справитца о числе крестьянских дворов, что за духовными и за всяких чинов людьми, о том выписать и доложить, не замотчав (не замолчав. — *Е.Т.*)»³.

Таково было прямое законодательное последствие азовских походов.

«Морским судам быть...» Это принятое Думой предложение Петра Алексеевича и сделало дату 20 октября 1696 г. днем рождения русского регулярного военно-морского флота, покрывшего себя славой от первых же лет своего существования.

4 ноября 1696 г. Дума ввела новую (и, надо отметить, очень тяжелую) повинность для скорейшего осуществления своего принципиального постановления.

Программа судостроения, принятая Думой, сначала предусматривала постройку 52 судов, а потом была расширена: потребовалось 77 судов. Строить их должны были «кумпанства», т.е. группы землевладельцев и торговых людей, специально для этой цели создаваемые. Участие в «кумпанствах» было, конечно, обязательным.

Все землевладельцы, имевшие более 100 крестьянских дворов, должны были соединяться таким способом, чтобы в каждом «кумпанстве» состояли землевладельцы, владевшие в общей сложности 10 000 крестьянских дворов. Каждое такое «кумпанство» обязано было выстроить один корабль, а монастыри и церкви (тоже соединяясь в «кумпанства») — один корабль на каждые 8000 принадлежавших им крестьянских дворов. Купечество, как особое сословие, должно было выстроить 20 кораблей. Мелкие землевладельцы (имевшие менее 100 крестьянских дворов) платили особую подать — по полтине со двора.

Постройка судов «кумпанствами» была очень тягостна, ответственность денежная и личная всех причастных к делу очень суровая. Результаты, правда, были налицо, корабли строились, однако становилось ясно, что непосредственная постройка судов государством гораздо целесообразнее и позволит быстрее выполнить задачу создания флота. Поэтому постепенно «кумпанства» уступили свое место адмиралтейству.

При первых, часто не очень умелых, опытах большого военного судостроения, когда в ближайшем окружении Петра было еще так мало настоящих моряков, приходилось использовать воронежский опыт. Но этого было мало. Повелительно предстала перед Петром необходимость скорейшего ознаком-

ления с кораблестроительной техникой Запада. И он едет за границу.

Мы теперь очень хорошо знаем, что вовсе не одно только кораблестроение интересовало Петра в его большом заграничном путешествии. Война Австрии с Турцией, отношения между Людовиком XIV и Вильгельмом английским, ближайшие намерения «галанских статов» (Генеральных Штатов Голландии), даже начинавшиеся сношения с сербами и валахами и т.п. — все это поглощало много его внимания. И все-таки при всех своих передвижениях — из Саардама в Амстердам, из Голландии в Лондон, из Лондона в Дептфорд, из Дептфорда в Вулич, в Портсмут, в Спитхэд, опять в Амстердам — Петр всегда руководствовался либо всецело, либо в самой значительной степени интересами кораблестроительной техники, вопросами морской артиллерии, навигационного дела в широком смысле слова. Когда стрелецкий бунт 1698 г. так круто видоизменил и испортил все планы царя и нужно было в Венескомкать весь конец путешествия и спешить в Москву, то и здесь досаднее всего для Петра была невозможность съездить из Вены в Венецию и ознакомиться с венецианскими судами, не вполне похожими на голландские и английские. Но до той минуты, когда внезапно пришли вести о стрелецком бунте, Петру удалось поработать всласть на верфях, полазить по мачтам, поплавать на чужих судах, при случае — командовать, при случае — конопатить и смолить и при всех случаях — учиться и осматривать, вникая и в главное и во все детали.

Изумлялась и Европа. Одно только «инкогнито» ничего тут не объясняло: царствующие особы, путешествуя инкогнито, принимали обыкновенно титулованную фамилию и жили знатными барами, а не нанимались плотниками и не лазили по мачтам.

Но Петр поставил себе твердой целью: овладеть лично наукой кораблестроения настолько, чтобы ни одна часть этой сложной техники не оставалась для него тайной. И, по общим отзывам компетентных лиц, он успешно справился с этой задачей. А что при этом он скандализировал всех своих современников не только «на Москве», но и в Европе, и топтал ногами все условности и общепринятые понятия, — это его ни в

малейшей степени не смущало. Конечно, благочестивейший, благоверный царь русский и самодержец божией милостью, истовый и «тишайший» Алексей Михайлович на амстердамскую верфь наниматься в плотники не пошел бы; он не подрядился бы строгать дерево и строить корабли и не приглашал бы явившегося к нему в Лондон на аудиенцию английского адмирала полезть немедленно вместе с ним на мачту, чтобы там пристроиться и обстоятельно поговорить (адмирал отказался, указав на свою толщину, никак не позволявшую принять любезное царское приглашение).

Все это было до дикости странным, абсолютно ни на что общепринятое не похожим, почти в такой же мере несвойственным обиходу уже покойного тогда Алексея Михайловича, как и здравствовавших современников Петра — Людовика XIV французского, Вильгельма III английского, Леопольда «Цесаря» австрийского или дожа венецианского. Герцен, назвавший Петра «одним из ранних деятелей великого XVIII века», говорил о нем: «Его революционный реализм берет верх над его царским достоинством».

Так было в течение всей короткой и переполненной трудми жизни этого человека. Он безоглядно рушил все традиции и условности, если они затрудняли хоть сколько-нибудь работу, признанную им необходимой.

Петр сам рассказывает, что в Англию он поехал из Голландии только потому, что убедился в недостаточном теоретическом совершенстве «архитектуры и управления корабельного». Узнав, что голландцы больше берут долговременной практикой, Петр очень разочаровался: «Но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства гиометрическим (*sic.* — *E.T.*) образом, но точию некоторые принципии, протчее же с долговременной практики... и что всего на чертеже показать не умеют, тогда зело ему (Петру I. — *E.T.*) стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось быть его величеству на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел горздо невесел, ради вышеписанной причины. Но когда между разговоров спрошен был, для чего так печален, тогда оную причину объявил. В той компании был един англичанин, который

слыша сие сказал, что у них в Англии сия архитектура, так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться мочно. Сие слово его величество зело обрадовало: по которому немедленно в Англию поехал, и там чрез четыре месяца оную науку окончал»⁴.

ГЛАВА III

Вернувшись из-за границы с громадным запасом новых и ярких впечатлений, с разнообразными и обильными сведениями (особенно в корабельном деле), Петр был сначала поглощен страшным стрелецким «розыском», затем долгими и нелегкими дипломатическими переговорами в 1699 и 1700 гг. Напрасно впоследствии Карл XII велел колесовать и затем четвертовать лифляндского дворянина Паткуля, обвиняя именно его в организации русского участия в антишведском союзе 1700 г. Петр ни в каких паткулях не нуждался, чтобы воспользоваться удобным случаем для выступления против шведов. Вопрос ставился так: или останется в силе Столбовский договор 1617 г., навязанный шведским королем Густавом-Адольфом Михаилу Федоровичу, и Россия признает нормальной свою полную отрезанность от Балтийского моря, или должна быть предпринята попытка вернуть в русское обладание древние русские земли, когда-то насильственно от России отторгнутые.

И Петр вступил в союз с Данией и с Речью Посполитой, поставив себе цель утвердить русское владычество на побережье Балтийского моря, чего бы это ни стоило.

Думный дьяк Емельян Украинцев, ведущий в Константинополе мирные переговоры с турками в 1699 г., и Дмитрий Голицын, его преемник, в 1700 г. шли на отказ от самого серьезного русского требования: отказались от права плаванья судов по Черному морю, лишь бы поскорее обеспечить за царем свободу рук в начинавшемся великом состязании на Севере.

Мир с Турцией был подписан.

В 1700 г. началась Северная война. В Европе почти одновременно возникла разорительная, долго ничем окончательно не решавшаяся война двух коалиций, из которых в центре од-

ной были Франция и Испания, в центре другой — Габсбургская монархия и Англия. Вождь первой коалиции Людовик XIV и вождь второй коалиции английский король Вильгельм III (он же штатгальтер Голландии), конечно, не прочь были получить (каждый для своей группы) нового союзника в лице далекой России. Петр мог, воюя, например, против Австрии или Бранденбурга, этим самым помочь Людовику XIV; он мог, с другой стороны, воюя против Швеции, подорвать значение и силу шведского союзника Франции и этим помочь Англии и Голландии. Военная мощь России в тот момент расценивалась, правда, не очень высоко, но все-таки о возможности использовать московскую державу явственно продолжали думать в обоих лагерях. Но вот пошли по Европе слухи о тяжелом поражении русских под Нарвой 18 ноября 1700 г. Шведы не пожалели труда на то, чтобы расписать с самыми живописными подробностями, в ярчайших красках, эту победу своего короля. В Европе говорили не только о полном разгроме русских сил, но и об отсутствии всякой дисциплины в их среде. Подвиг «молодого шведского героя», Карла XII, которого очень торопившиеся льстецы поспешили произвести в Александры Македонские, восхвалялся на все лады.

Впечатление от Нарвы держалось долго. Можно сказать, что в течение восьми лет и семи месяцев, отделявших «первую Нарву» от Полтавы, дипломатия руководящих европейских держав оставалась под властью этих воспоминаний. И замечательно, до какой степени туго и трудно эти воспоминания уступали место новым, казалось бы, капитально важным фактам, имевшим отнюдь не меньшее значение, чем Нарвская битва. Во-первых, войну за Балтику русские продолжали с неслыханным упорством. Во-вторых, в 1704 г., после шестинедельной бомбардировки, русская армия штурмом взяла эту же Нарву и истребила или взяла в плен почти весь шведский гарнизон, после чего вся Ингерманландия попала в руки Петра. В-третьих, разгром 28 сентября 1708 г. лучшего из шведских генералов — Левенгаупта — под Лесной, причем Левенгаупт, потерявший всю артиллерию и все с громадными трудностями и затратами собранные запасы, поставил этим Карла XII в явно критическое положение. Мы называем те блестящие русские

победы, из которых битва 1704 г. («вторая Нарва») не уступала по своим размерам и результатам нарвской победе шведов в 1700 г. («первой Нарве»), а битва под Лесной решительно превосходила шведский успех 1700 г. Об этих сражениях в Европе знали и все-таки их глубокого смысла и последствий еще не хотели учесть по достоинству, все продолжали толковать о шведском Александре Македонском. Легкие победы Карла над поляками и саксонцами еще более ослепляли его хвалителей. «Мой брат Карл хочет быть Александром, но не найдет во мне Дария», — отозвался Петр на этот доходящий до него гул европейского «общественного мнения» и хвастливые шведские уверения в близком завоевании Москвы.

ГЛАВА IV

С первых же лет Северной войны постройка флота, проходившая в невероятно трудных условиях, не переставала оставаться в центре внимания правительства. Создавая армию, вводя первые необходимейшие государственные преобразования, Петр, прекрасно понимавший, что без морской силы и шагу не ступить на Балтике, взвалил всю тяжесть поспешного сооружения флота на плечи народа. «Морским судам быть!» Эти памятные слова постановления 20 октября 1696 г. ярким маяком стояли всю жизнь перед Петром и его сподвижниками.

Каждую копейку Петр экономил для флота, т.е. экономил то, что возможно было урвать от армии, от укреплений на о. Котлин, от построек в Петербурге. Мало было тогда у него серебра, и царь грозно напоминал строителям судов и организаторам флотских экипажей, что сурово будет расплачиваться за упущения: «...Когда спросил о экзерциции, на что он отвечал, что она не единожды не была (которое зело мне неприятно и не знаю для чего то главное дело ради молодых матросов забвению предано) и отговаривался будто для того, что все корабли и шнявы, кроме двух негодны к ходу; но сие есть великой важности; ибо я буду оное свидетельствовать, и *еще не так найдется* (курсив мой. — Е.Т.), то не легко плачено будет (ибо не добро есть брать серебро, а дела делать свинцовые)»¹.

Так грозил «нележкой» расплатой царь в письме к вице-адмиралу Корнелию Ивановичу Крюйсу 11 октября 1705 г. Он сидел в городе Гродно, был занят военной тревогой, следил за намерениями и передвижениями Карла XII, но не забывал о далекой Неве, Финском заливе и недостаточной выучке «младых матросов». Подчеркнутые мной слова очень характерны для служебного стиля Петра: много тратя на флот, Россия вправе была за свое «серебро» требовать от морских командиров дел «несвинцовых».

Правда, с трудом, но быстро строился флот, и хоть много лет прошло, пока он начал наконец играть заметную роль в войне, но уже с 1703—1705 гг. его существование никак нельзя было игнорировать.

Конечно, одно дело только не «игнорировать» новое явление, а совсем другое дело — оценить по достоинству его роль в настоящем и учесть его возможное значение в будущем. Ни такой оценки русского флота, ни подобного предвидения в эти годы между Нарвой и Полтавой мы в Западной Европе еще не встречаем.

Если даже крупные сухопутные победы 1704 и 1708 гг. не в состоянии были изгладить отрицательное для России впечатление от 18 ноября 1700 г., то подавно не могли этого сделать первые выступления молодого русского флота, упорно, с невероятной затратой людских жертв и с проявлением неслыханной, истинно фантастической энергии создаваемого Петром в устье Невы. А ведь уже и эти выступления представляли собой нечто в самом деле удивительное и небывалое. Русские овладевают с помощью флота устьем Невы, забирают о. Котлин, укрепляются в основном поселке, который они именуют городом Петербургом, и, несмотря ни на какие усилия, шведы ровно ничего не могут с ними поделать. На Ладожском и Чудском озерах происходят мелкие стычки небольших шведских озерных эскадр с русскими плохо выстроенными мелкими судами, и в большинстве случаев успех остается на стороне русских. Сам Петр после взятия Нотебурга выходит к устью Невы и завладевает двумя шведскими судами. Эти первые успехи открывают (так казалось Петру и его сподвижникам) счастливые перспективы. Но для дипломатов Европы ясно пока

было одно: настоящего флота у русских нет; правда, их верфи (например Олонецкая и др.) работают неустанно, но о результатах их работы много говорить пока еще не приходится.

В европейские столицы приходят новые и новые вести: русские войска берут шведские крепости, победоносно стбивают одно за другим нападения шведов на о. Котлин. Карл XII в раздражении приказывает направить на Котлин и к берегам Невы эскадру Анкерштерна и большой отряд генерала Майделя. Русский флот, уступавший и численностью, и техникой, и артиллерийским вооружением шведскому, прогоняет шведского адмирала прочь, а высаженный на Котлине десант почти полностью уничтожается. И все-таки ни во Франции, ни в Англии, ни в Голландии никакого заметного действия эти победы не производят. Еще об армии иногда вспоминают, к ней присматриваются, австрийский двор даже досадует, что русские воюют на Балтийском берегу, а не на юге, против шведов, а не против турок, но о возникающем русском флоте нет и речи. Его игнорируют почти вовсе, пробавляясь больше устарелыми анекдотами о саардамском и амстердамском плотничестве и об участии Петра в морских смотрах в Англии.

Стоит ли вообще придавать много значения русским победам на Балтике? Ведь ясно, что если бы эти победы в самом деле имели политическое будущее, то разве стал бы шведский король целые годы воевать в Польше и Саксонии, гоняться там за ничтожным Августом III, углубляться дальше и дальше к югу? Шведский «Александр» явится на Север, когда найдет нужным, и снова сметет прочь русские войска, как сделал это в начале войны под Нарвой 18 ноября 1700 г. Таково было мнение большинства дипломатических канцелярий в описываемой «предполтавский» период.

На самом деле ложно было представление, будто Карл и его генералы так-таки не тревожились по поводу русских успехов на Неве, на Ладоге, у Копорья. Карл приказал дать серьезнейшую острастку русским в 1708 г. Шведы решили напасть на отвоеванные русскими территории с двух сторон: с юго-запада — из Эстляндии и с северо-запада — из Финляндии. Первым двинулся из Эстляндии отряд генерала

Штромберга, но его два полка потерпели от Апраксина тяжкое поражение.

И тогда-то была совершена попытка нанести очень серьезный удар на устье Невы из Финляндии и со стороны моря. Из Финляндии шел генерал Любекер, в распоряжении которого было около 13 тысяч человек; со стороны моря наступал флот в числе 22 шведских судов.

8 августа войска Любекера, перейдя реку Сестру, подошли к Неве выше Тосны. Одновременно на виду у Кроншлота показались 22 шведских корабля. 29 августа Любекер, после очень оживленной артиллерийской перестрелки, продолжавшейся почти три часа, переправился через Неву и пошел искать запасы, собранные в Ингерманландии. Около двух с половиной недель продолжались эти тщетные поиски: русские уничтожили все запасы (кроме тех, которые забрали в Петербург). У Апраксина не было достаточно сил, чтобы напасть на Любекера, а у Любекера не хватило сил, чтобы взять Петербург. Шведы занимали берег (ораниенбаумский, как он позже стал называться) и очень долго не знали, что им делать дальше.

У Любекера была сильно потрепанная походом и самым настоящим образом голодавшая армия, перед ним стоял пришедший уже в конце августа шведский флот, под командованием Анкерштерна, который так же точно был бессилен взять Кроншлотское укрепление и о. Котлин, как сам Любекер был бессилен взять Петербург. Колебания Любекера и Анкерштерна окончились довольно неожиданно. Случилось это так. У Апраксина не было сил покончить с Любекером, но была возможность беспокоить его, нападая малыми отрядами на отдалившиеся от главного шведского лагеря части. При одной из таких стычек у Копорья, где шведам удалось одержать верх, они на беду свою нашли среди попавшей в их руки русской добычи письмо графа Апраксина к начальнику этого небольшого русского отряда генералу Фризеру. Апраксин сообщал Фризеру, что он спешит к нему с большой армией на помощь. Это письмо именно затем и было написано Апраксиным, чтобы каким-нибудь путем оно попало к Любекеру и сбило его с толку, потому что никакой большой армии у Апраксина не было и в помине, никаких подкреплений он сам не получал и

другим послать не мог. Затея Апраксина увенчалась самым блестящим успехом. Любекер и Анкерштерн поверили в реальное значение попавшей в их руки записки. Все колебания кончились, шведам представилось, что им грозит неминуемая катастрофа, если они замешкаются. Решено было поскорее посадить армию на суда Анкерштерна и отплыть подобиру-поздорову, не теряя золотого времени. Но это решение и привело к катастрофе. Любекер покинул свой прежний лагерь и перевел свое войско к самому берегу моря. Сюда в Копорский залив, к деревне Кривые Ручьи, подошли суда Анкерштерна. Началась трудная посадка войск. Чем больше войск оказывалось на судах и чем малочисленнее становился шведский лагерь у Кривых Ручьев, тем смелее русские, находившиеся все время в некотором отдалении, производили свои внезапные нападения. Наконец, когда у неприятеля осталось на берегу лишь около пяти батальонов, Апраксин напал на шведский лагерь и перебил 900, а в плен взял 209 человек. Последние часы посадки имели вид и характер панического бегства. Любекер велел перебить почти всех лошадей, еще оставшихся у шведов после тяжких потерь в этом голодном ингерманландском походе. Шведы впоследствии признавали, что Любекер потерял в провалившейся экспедиции от 4 тысяч до 5 тысяч человек.

ГЛАВА V

Позорный по существу дела провал наступления шведов на Петербург в 1708 г. стал известен в Европе и по логике вещей должен был бы произвести серьезное впечатление. Большая (по тем временам), прекрасно вооруженная шведская армия с обильной кавалерией, поддерживавшаяся большим флотом, полтора месяца воевала против слабых русских сухопутных сил и едва лишь начавшего строиться флота, потерпела без малейших компенсаций тяжелый урон и убралась прочь, боязливо убегая от русских. Однако гипноз старой победы Карла XII над русскими и новой его же победы над поляками и саксонцами был все еще слишком силен.

Только в Англии начинали понимать, что какие-то существенные перемены произошли в России со времен Нарвы. И только в Англии внимательно отнеслись к поражению Любекера. Посол Витворт (Whitworth) писал в своем донесении в Лондон: «...Шведы с боем перешли через реку Неву (had forced a passage) и остановились в Ингрии вблизи Ямбурга, откуда они установили ежедневные сообщения со своим флотом и после почти шестинедельной остановки, не предприняв ничего, решились переправиться обратно на кораблях, но при этом случае их арьергард был разбит адмиралом Апраксиным». Дальше, со ссылкой на донесение Апраксина, посланное адмиралом из Ямбурга 22 октября, Витворт сообщает, что, кроме 900 человек шведов, перебитых при последнем нападении, и кроме взятых в плен, оставшиеся разбежались по лесам и были там тоже перебиты или взяты в плен¹. Витворт узнал и об истории с дезориентирующим письмом от Апраксина Фризеру. Но Витворт дает другую версию: «очень странное письмо» («very odd letter»), сбившее с толку Любекера, было писано будто бы не Апраксиным, а вице-адмиралом Крюйсом, причем Крюйс извещал, что в Нарве у русских 6 тысяч человек, в Новгороде — 5 тысяч человек пехоты и 12 тысяч драгун, в Ладоге — 3 тысячи или 4 тысячи человек и что все эти войска вполне снабжены провиантом. Об этом якобы сам Крюйс рассказывал Витворту².

Англичанин очень заинтересовался русским флотом и поспешил отправить в Англию «Список судов царского флота в мае 1708 г., стоявших на якоре в тридцати верстах от Петербурга между островом Ричарда (Ritzard) и Кроншлотом под начальством генерал-адмирала Апраксина и вице-адмира Корнелия Крюйса»³. Вот цифры, которые он дает: 12 линейных кораблей с 372 орудиями и 1540 человек экипажа; 8 галер с 64 орудиями и 4 тысячами человек экипажа; 6 брандеров и 2 бомбардирских корабля; мелких судов — около 305.

Все это представляло собой силу, и силу немалую, но только лишь одни англичане сколько-нибудь серьезно начинали ее учитывать. И все-таки обстоятельства так сложились, что и для англичан значение этих морских сил затмевалось решающими, грандиозными событиями, готовящимися на главном те-

атре смертельной схватки. Близилась встреча, от которой зависело политическое будущее и Швеции и России. Правда, шведская армия самого Карла XII, по слухам, голодает в Польше и на севере Украины не меньше, чем голодала армия Любекера в Ингрии и у Копорья, но «московские известия должны быть принимаемы со значительными смягчениями» («the muscovite relations are to be understood with considerable abatements»). Это — с одной стороны. А с другой стороны — гетман Мазепа перешел внезапно на сторону шведов, и это точный факт. Что же это значит? Семидесятилетний, осыпанный почестями и богатствами человек, глава и хозяин богатой Украины, должен быть уж очень крепко убежден в конечной победе шведов, чтобы решиться на такой шаг. «Этот случай может дать совсем новый оборот здешним делам», — многозначительно доносит Витворт в Лондон⁴. Конечно, новые и новые сведения, собираемые всякими путями, утверждают британского посла в громадном значении поражения, понесенного Любекером: отныне Ингрия совершенно обеспечена от шведских нападений, позорное бегство шведов выясняется из шведских показаний в еще более ярком виде, чем из русских реляций (не 6, а 7 тысяч лошадей своей кавалерии уничтожили шведы перед бегством), и т.д.⁵. Все это так, но все это может быть исправлено победой Карла XII и его нового, неожиданного союзника — гетмана Мазепы. Точно так же думали и говорили во Франции.

При Версальском дворе до Полтавы на Россию смотрели как на величину, правда, не совсем не стоящую внимания (взятие упорно сопротивлявшегося Азова произвело впечатление), но все-таки не особенно значительную. Да и Посольский приказ в эти годы не очень занимался вопросами об отношениях с Францией. Людовик XIV, союзник Карла XII, был определенным политическим противником. Горемычный Петр Васильевич Постников, без «верющих грамот» и с несколькими рублями в кармане, не пользовался во французских кругах никаким престижем. И не потому, что, как он жаловался, ему приходилось обходиться без своей кареты и довольствоваться наемной, хоть он убедительно доказывал Посольскому приказу, что «своя корета честнее» (почетнее) для представителя царя. Но не в «корете» было дело.

Петром I из Архангельска в Лондон были отправлены два торговых судна с русскими товарами. В пути они были захвачены французскими каперами. Постникову пришлось долго хлопотать об этих судах, и хотя право было на русской стороне, он проиграл дело во всех инстанциях (а доходило оно до самого Людовика XIV). При этом обращение с Постниковым было довольно суровое, и пришлось ему выслушать «студеные словеса»⁶. Союз Франции со Швецией был тогда еще крепок. «Извольте видеть, како открытым лицом здешний двор ласковую приклонность оказывает шведам, а не нам и действует бесстыдно против народного права, яко юристы говорят»⁷ — так жаловался Постников своему начальству на французское неправосудие. Пошла эта жалоба из Парижа 1 июля 1704 г., а получена была в Москве 6 сентября. Никаких непосредственных результатов она не имела, хотя дело об этом захвате впоследствии и было поднято вновь — уже при другом русском после.

Донося Людовику XIV о своей прощальной аудиенции у царя, французский посол умный и наблюдательный де Балюз, очень хлопотавший в это время (август 1704 г.) о скорейшем примирении Петра с Карлом XII, указывает королю прямой, так сказать, путь к сердцу Петра: «Так как наибольшая страсть царя состоит в постройке военных судов, то он усмотрел бы как наибольшее доказательство дружеских чувств со стороны вашего величества, если бы ваше величество сочли полезным приказать прислать мне рисунки некоторых из (французских. — *Е.Т.*) судов, наиболее значительных, с указанием на их размеры, вместимость (*saracité*), число орудий, экипажей и солдат. Об этом мне повторяли несколько раз письменно и устно, но я не мог ничего ответить — и тоже требовали возвращения московского корабля, вышедшего из Архангельска и взятого одним французским арматором»⁸.

Петр хотел бы в это время расположить к себе Людовика XIV. Не мечтая, конечно, о том, чтобы французский король, расторг те дипломатические узы, которые связывали его с Карлом XII, царь стремился по крайней мере к тому, чтобы французы не препятствовали, насколько от них это зависело, русскому торговому мореплаванию. И Людовик пошел отчасти навстречу. Министр Поншартрен 25 ноября 1705 г. довел до сведения

русского правительства, что король «возобновит» свой приказ, чтобы французские каперы не трогали русских торговых судов, и что он хочет сделать все зависящее, чтобы установить «добрые сношения и взаимное мореплавание» («une navigation mutuelle», как вполне понятно по существу, хотя и несколько курьезно с чисто литературной стороны, изъяснялись тогда французские чиновники)⁹.

Но вот вырастает внезапно на горизонте «вал Полтавы». Наступает вечно памятное 27 июня 1709 г., которое оказалось одной из вех мировой истории. Весть о полном разгроме «непобедимой» шведской армии, о бегстве Карла, о немногих утренних часах боя, которые ознаменовали конец шведского великодержавия, царившего на Севере 150 лет, поразила европейскую дипломатию. Европа совсем не была подготовлена к подобному внезапному, грандиозному по своим политическим последствиям событию.

«Неожиданное (unexpected) поражение всей шведской армии под Полтавой и разгром ее были так велики, что известия об этом, наверное, будут в ваших руках раньше этого письма» — так писал из Москвы в Лондон статс-секретарю Бойлю посол Витворт 6(17) июля 1709 г.¹⁰. Подробности в том виде, в каком они стали тотчас же после битвы распространяться по Европе, могущественно усиливали впечатление. Слова пленного фельд-маршала Реншильда, что со шведской стороны в сражении участвовало до 30 тысяч человек, из которых регулярных (и отборных!) шведских воинов было 19 тысяч человек, облетели все европейские дворы.

Уничтожение или взятие в плен всей этой силы, сравнительно ничтожные потери русских, превращение вчерашнего «Александра Македонского», только что громко заявлявшего, что подпишет мир в Москве, в беглеца, которого из милости приютил стамбульский калиф, — все это не сразу могло улечься в голову среднего европейского дипломата.

Ясно было одно: молодой русский царь, плотничавший на глазах любопытных зевак на голландских верфях, а потом так «чудачивший» в Лондоне, фантазер, который возомнил, что с великой военной европейской державой можно будет справиться, как с азовскими эфендиями и пашами, и жестоко про-

ученный за это в 1700 г. под Нарвой, вдруг обнаружил себя первоклассным государственным деятелем и полководцем и через 9 лет после первой Нарвы низверг в пропасть своего бывшего победителя.

Начался новый, второй период в истории отношений европейской дипломатии к петровской России. И подобно тому, как о поражении под Нарвой 18 ноября 1700 г. в Европе никак не могли забыть вплоть до Полтавы и скептически относились ко всем успехам Петра, как бы очевидны и велики они ни были, так отныне о Полтавской победе уже никогда не могли забыть не только при жизни Петра, но и очень долго после его смерти.

После первой Нарвы не хотели верить в очень серьезное значение даже такой русской победы, как под той же Нарвой в 1704 г. или под деревней Лесной в 1708 г. А уж зато после Полтавы отказались поверить в серьезность, например, даже такой русской неудачи, как та, что постигла царя на реке Прут. Редко когда до такой степени ярко, кричаще громко выявились характерные для дипломатов этой бурной эпохи податливость впечатлениям и быстрота в смене убеждений, настроений и оценок. «Жрецы минутного, поклонники успеха!» Ни к кому эти укоризненные слова великого Пушкина нельзя было бы с большим основанием отнести, чем к европейским правителям, привыкшим к превратностям политических и военных судеб в годы двух бесконечно долгих, одновременно происходивших и захвативших всю Европу войн: на юге — борьба за испанское наследство, а на севере — борьба за овладение балтийскими берегами.

Только после Полтавы в Европе постепенно стали понимать всю авантюристичность политики Карла XII, который в погоне за Польшей и Украиной потерял Балтику, который отчасти игнорировал русскую армию и вовсе не признавал (даже и не скрывая того) русский флот. Вот как характеризует его английский аноним (а British officer), написавший и напечатавший в Лондоне в 1723 г. «Беспристрастную историю» (An impartial history) Петра I: «Король шведский воевал так, как никакой государь не воевал до него, а именно: стремился одерживать в чужих землях победы — и терял свои земли у себя дома; завоевывал земли в пользу других — и подвергал опас-

ности быть завоеванными свои собственные владения. Он во-
евал с целью совершить нашествие на Саксонию, которую он
заведомо должен был покинуть, — и потерял в это время Ли-
вонию, Эстонию, Ингрию и часть Финляндии, которые он уже
никогда не возвратит»¹¹.

Чем больше подробностей узнавали в Европе о неслыханном
разгроме шведов под Полтавой, тем удивительнее начинало ка-
заться это событие. Это полное поражение шведов после двухча-
совой битвы, эта сдача их целыми полками с генералами во главе
во время боя, это бегство без оглядки короля Карла с остатками
своей армии, эта потеря всей артиллерии и всего обоза, наконец,
эта окончательная сдача под Переволочной 30 июня около 16
тысяч человек шведских беглецов 9-тысячному отряду Менши-
кова — все это в Европе представлялось невообразимо постыд-
ным концом долгих авантюр шведского «Александра Македон-
ского». Ведь не все проявляли великодушие полтавского побе-
дителя, пившего за здоровье Карла, своего «учителя» в ратном
деле, как раз в те часы, когда сам учитель мчался с предельной
быстротой к спасительному лично для него (но не для остатков
его разгромленной армии) Днепру.

Когда затем, в 1710 г., началось русское наступление и за-
воевание Ливонии, то ни в Англии, ни в Голландии, ни в Прус-
сии, ни в Дании (а в этих четырех странах очень зорко следили
за успехами русской политики) не обнаруживалось уже ника-
кого удивления при вестях о покорении шведских владений.
В апреле 1710 г. Шереметев осадил Ригу. Русские беспрепят-
ственно установили батареи между Ригой и Дюнамюнде и мост
на сваях, отрезавший город от моря. Флот стоял у берега и по-
мешал шведам увести из Риги суда, которые там находились.
4 июля 1710 г. крепость сдалась, и все суда (24 выпела) попа-
ли в русские руки. Через месяц с небольшим сдалась и Дюна-
мюнде (8 августа), а спустя несколько дней — Пернов, Аренс-
бург и весь о. Эзель. Завоевание Ливонии было завершено 29
сентября 1710 г., когда капитулировал Ревель.

Англичане и французы стали серьезно учитывать грозное
полтавское предостережение.

Как почти вся свита бежавшего Карла, в плен к русским по-
пал в день Полтавы также и Джеффрис, состоявший в тот мо-

мент на не весьма ясной должности «секретаря ее величества королевы (английской. — *Е.Т.*) при короле шведском Карле». Вероятно, Джеффрис был посажен британским правительством в шведский лагерь в качестве соглашения, но наиболее зрело продуманный вывод своих наблюдений над Карлом и его армией ему пришлось сообщить уже из русского плена. «Таким образом, сэр, — писал Джеффрис Витворту 9 июля 1709 г., — вы видите, что победоносная и многочисленная армия была разгромлена меньше чем в два года, больше всего вследствие пренебрежения (the little regard) к своему врагу»¹².

При французском дворе учли довольно правильно итоги управления Петром своей державой. Вот что говорилось в инструкции, которая по повелению Людовика XIV была дана в 1710 г. послу де Балюзу: «Ничто не кажется более важным, чем повести переговоры... о диверсии, которая побудила бы врагов заключить мир на разумных основаниях»¹³. Людовик XIV, утомленный и обеспокоенный своими неудачами в войне за испанское наследство, очень хотел бы как-нибудь втянуть Россию в войну против империи Габсбургов. А в силе России Людовик уже не сомневался: «Царь совершил завоевания, которые делают его хозяином Балтийского моря. Оборона завоеванных земель вследствие их местоположения настолько легка для Московского государства, что все соседние державы не могли бы принудить (Петра. — *Е.Т.*) возвратить эти земли Швеции. Этот государь (Петр. — *Е.Т.*) обнаруживает свои стремления заботами о подготовке к военному делу и о дисциплине своих войск, об обучении и просвещении своего народа, о привлечении иностранных офицеров и всякого рода способных людей. Этот образ действий и увеличение могущества, которое является самым большим в Европе (*qui est la plus grande de l'Europe*), делают его грозным для его соседей и возбуждают очень основательную зависть в императоре (австрийском. — *Е.Т.*) и в морских державах (Англии и Голландии. — *Е.Т.*). Его (царя. — *Е.Т.*) земли в изобилии доставляют все, что необходимо для мореплавания, его гавани могут вмещать бесконечное количество судов».

Людовик решил соблазнить Петра, предложив ему торговый договор России с Францией и Испанией. Французскому

послу повелевается обратить внимание царя на опасность в будущем, грозящую ему со стороны Англии и Голландии, «интересы которых уже не могут согласоваться с его (царскими. — *Е.Т.*) интересами».

Зная, до какой степени царь поглощен мыслью о создании флота, французская дипломатия особенно обращает внимание Петра на следующее соображение: «Англия и Голландия только потому с ним обходились дружески, что они находились в войне с Францией и Испанией. Полагались на шведского короля, который стоял во главе многочисленной армии, и нельзя было предвидеть, что царь может в столь короткое время сделать такие значительные завоевания».

Французские министры и король уже хорошо понимают всю недалёковидность своего бывшего пренебрежительного отношения к России и довольно простодушно извиняются за свое высокомерие: «Если царь жалуется, что мы им пренебрегали и что с его послами плохо обходились во Франции, то ему можно ответить, что Московское государство хорошо узнали только с тех пор, как государь, который теперь там царствует, приобрел своими великими деяниями и своими личными качествами уважение других наций и что вследствие этой репутации его христианнейшее величество (король Людовик XIV. — *Е.Т.*) и предлагает ему искренно свою дружбу»¹⁴.

Следует отметить в этом документе одну очень характерную черту. В Европе уже хорошо поняли, что царь желает (и страстно желает) создания не только военного, но и торгового русского флота, и вот Людовик XIV не преминул обратить внимание на монополистические стремления англичан и голландцев в этой области: «Царь должен желать, чтобы его подданные торговали по всей Европе, а это не может согласоваться с интересами Англии и Голландии, которые желают быть перевозчиками (*les voituriers*) для всех наций и желают одни производить всю мировую торговлю»¹⁵. Тут характерно это слово «перевозчики». Еще точнее, пожалуй, было бы перевести его словом «извозчики», так как именно этим насмешливым термином называли тогда голландцев: «морские извозчики» (слово «*voituriers*» происходит от «*la voiture*», что значит карета).

Франция экономически и дипломатически поддерживала шведов, поддерживала посаженного Карлом XII на польский престол Станислава Лещинского, поддержала бы и Мазепу, если бы Полтава не покончила и с Карлом XII (по крайней мере в Польше и на Украине) и с Мазепой. Поддержки войсками Франция, однако, не дала и дать не могла, во всяком случае, пока длилась война за испанское наследство.

Русские дипломаты очень чутко именно в эту пору, когда русский флот еще не был в полной силе, следили за всеми переменами на верхах французского правительства. Умирает, например, весной 1711 г. наследник французского престола, вместо него дофином становится его брат герцог Беррийский. И вот князь Борис Иванович Куракин, царский посол в Англии, уже интересуется настроениями, характером («умором» — *humeur*) нового наследника; он очень доволен, узнав, что герцог — человек меланхолического темперамента, суровый скопидом, не склонный к войне: «Сего дука описуют портрет, что он есть умору меленколичного (*sic.* — *E.T.*), злодейственного, набожного... не склонного к войне, скупого и доброго эконома». А самый главный вывод — что России от нового меланхолического дука никаких «печалей» на море нельзя ждать: «Из сего потенции морские на предбудущее время не есть печальными (*sic!* — *E.T.*) по рассуждению упомянутому»¹⁶.

«Союзные» отношения между Англией и Голландией были всегда весьма сомнительного свойства. Эти державы конкурировали в торговле — как европейской, так и колониальной. Соревновались они друг с другом, в частности, и в области торговли с Россией. Морская торговля с Архангельском, а впоследствии с Петербургом тоже обостряла эту стародавнюю конкуренцию. Общая, жизненно важная борьба против захватнических стремлений Людовика XIV сделали их временными союзниками, а так как Франция была в союзе со Швецией, то они тем самым оказались противниками Карла XII и союзниками Петра. Но едва только начинал слабеть напор со стороны французов, как вся искусственность, случайность, «конъюнктурность», как тогда говорили, и союза с Голландией, и дружбы с Россией, и вражды со Швецией начинала сказываться; англичане, и особенно правившая в Англии с 1710 г. торийская партия, постепенно охладевали к сво-

им союзникам — России и Дании, потому что обе эти державы были кровно заинтересованы в удачном исходе борьбы против Швеции и больше всего держались за укрепление «северного союза». А в будущем обе эти державы могли всегда помочь Голландии, но никак не Англии, если бы со временем между Англией и Голландией возникла снова старая борьба.

Русский посол в Англии Куракин довольно хорошо во всем этом разбирался. Он докладывал Петру: «Они (англичане. — *Е.Т.*)... хотят видеть шведа в силе, чтобы датский не был силен; который есть больше приятелем Голландии, нежели им, и для опасности впредь: ежели бы война между Англией и Голландиею была, то, конечно, датскому с голландцы быть в алиансе (союзе. — *Е.Т.*); но ежели шведы не будут в силе от того (т.е. от союза с голландцами. — *Е.Т.*) датского предудержать, то англичане не могут кого сыскать в алианс себе против датского и голландцев. Франция будет радостно (*sic.* — *Е.Т.*) на ту игру смотреть»¹⁷.

Куракин предварял, между прочим, царя, что посол английский Витворт — в душе враг России: «Особливо еще внутренним неприятелем был и есть, который к шведским интересам весьма склонен»¹⁸.

Джон Черчилль, герцог Мальборо, предок по прямой линии недавнего английского премьера Уинстона Черчилля, недоброжелательно и неискренне относился к русским союзникам Англии, и не только в годы своего всемогущества при дворе королевы Анны, но и тогда, когда лорд Болингброк низверг (в 1710 г.) вигов и произошло политическое падение Черчилля. «По ответу, учиненному вам по приезде туда от дука Мальбруга, усмотрел я, что сей дук при своем падении еще скорпионовым хвостом... не минул нас язвить», — с негодованием писал из Гааги русский посол А.А. Матвеев князю Борису Куракину в Лондон 5 января 1711 г. об антирусских чувствах Черчилля, которые тот никак не мог скрыть даже после своей отставки¹⁹. А ведь «уязвление» ядовитым «скорпионовым хвостом» со стороны герцога Мальборо было в тот момент особенно болезнетворно для России: Мальборо, еще сохранивший пока командование армией, противился оказанию в какой бы то ни было форме подмоги русским против турок, объявив-

ших войну Петру по наущению французского двора и короля Карла XII, продолжавшего пребывать в Турции.

Турецкая война 1711 г. нешуточным бременем легла на Россию. Она очень задержала и кораблестроение и действия на Балтийском море русского флота. Все усилия посла Куракина вызвать поход англо-голландских вооруженных сил в Поме-ранию, откуда грозил вторгнуться в Польшу шведский отряд генерала Крассау, остались безрезультатными²⁰.

Неудача под Прутом была так тяжела, что потеря Азова могла считаться еще сравнительно легкой жертвой. Карл XII был вне себя от ярости, узнав о поступке великого визиря, выпустившего царскую армию и Петра из гибельнейшей западни, в которой они очутились. В Европе широко распространено было мнение, что если бы еще восемь дней продолжались военные действия, то Петр и его войско погибли бы безвозвратно, были бы истреблены или должны были бы пойти на безусловную сдачу.

Конечно, Петр, как всегда с ним было при несчастьях, несколько не потерял духа, но он вполне ясно сознавал, что отделался прискорбной уступкой Азова (по договору) от полной катастрофы. Когда, возвращаясь из Прутского похода, он проезжал через Польшу, то жена краковского воеводы со свойственной полякам любезностью, желая сказать царю что-либо приятное, несколько пересластила, приведя (абсолютно некстати в данном случае) слова Юлия Цезаря: «Пришел, увидел, победил!» Петр прервал слишком уж любезную хозяйку замечанием: «Не так уж!» («Pas tant!»). Поляка не унималась и заявила, что она в восторге от того, что царь вернулся в добром здравии. Петр ответил, что «его счастье заключается в том, что вместо ста ударов, которые он должен был получить, ему дали только пятьдесят ударов»²¹.

После Прутского похода в течение ближайших лет основной целью Петра на юге было всячески воспрепятствовать нарушению мира с турками и возобновлению войны, к чему так упорно подстрекал султана шведский король, по-прежнему пользовавшийся турецким гостеприимством. Но зато на Севере русская политика стала гораздо активнее, чем была когда-либо ранее.

Роль Балтийского флота становилась с каждым годом все заметнее. Кораблестроение шло полным ходом. Конечно, плох тот историк, который забудет при этом, какой неимоверной тяжестью оно обрушивалось на плечи «податного сословия», и прежде всего жестоко эксплуатируемой и помещиками и государством крепостной массы. Укрепление национального государства помещиков и торговцев во времена Петра происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры. И одной из очень многих иллюстраций этого бесспорного факта является вся история создания и усиления флота. Достаточно тут, когда мы говорим об ускоренном и усиленном судостроении на Балтике в годы после Прутского похода, напомнить хотя бы об указе от 6 июня 1712 г. о приписке для работ по требованиям адмиралтейства 24 тысяч крестьянских дворов (преимущественно северных областей — Олонецкой, Каргопольской и т.д.). И еще заметим, что этот указ не удовлетворил адмирала Апраксина, требовавшего для работ по постройке судов и для других потребностей адмиралтейства 30 тысяч крестьянских дворов. И в последующие годы эти требования не переставали расширяться и в той или иной степени удовлетворяться.

Для того чтобы уяснить себе в точности, почему и на Англию, и на Францию, и на Пруссию, и на Данию прутская неудача произвела в конце концов такое неожиданно слабое и довольно быстро изгладившееся впечатление, следует принять во внимание ряд фактов, из которых отметим лишь главнейшие — те, которые вызвали постепенно серьезное изменение в первоначальных впечатлениях западноевропейской дипломатии.

Во-первых, оказалось, что русские потери в походе составили самое большее 8 тысяч человек, а вся остальная армия выбралась из опасных мест и, сохранив порядок и дисциплину, пошла в Польшу. Во-вторых, турки сами необычайно рады были концу войны и не скрывали, как они боялись разгрома. В-третьих, великий визирь не включил в договор ровно ничего в пользу «союзников» Турции — шведов; когда, узнав о переговорах между царем и визирем, Карл XII во весь дух примчался из Бендер в турецкий лагерь, то здесь не было обращено с турецкой стороны ни малейшего внимания на него, и тур-

ки даже склонны были считать наглостью такое своекорыстное вмешательство шведского короля в русско-турецкие дела²². В-четвертых, прошло совсем немного времени, и оказалось, что ничего не изменилось в Польше и русский ставленник Август III продолжает пребывать на престоле; обнаружилось, что царь в 1712—1713 гг. продолжает как ни в чем не бывало воевать (очень, в общем, успешно) против шведов в Померании, Голштинии, берет города, например, Штеттин, распоряжается в Гамбурге, мстит за сожженную шведами Альтону, укрепляет датчан в их поколебавшемся было намерении продолжать войну со шведами.

А главное — русский флот окончательно становится чуть ли не первенствующим фактором в возобновленной русскими упорной войне, направляющейся теперь все ближе, все явственнее, все непосредственнее против Западной Финляндии и против шведских берегов.

ГЛАВА VI

Еще в феврале 1710 г. Петр приказал Апраксину начать боевые действия против Выборга, чтобы обезопасить Петербург со стороны Финляндии. Сделав переход по льду, войска Апраксина 21 марта осадили Выборг. С собой Апраксин взял лишь самое необходимое для начала осады. Предполагалось, что как только позволит «ледовая обстановка», будут отправлены к Выборгу транспортные суда с артиллерией, боеприпасами и продовольствием.

В начале мая флот, лавируя между льдами, тронулся в путь. При экспедиции находился и шаутбенахт Петр Михайлов, строжайше запрещающий называть себя царем, пока он находится на корабле. 9 мая флот доставил Апраксину все необходимое для осады Выборга. 13 июля Выборг сдался русским. Роль флота в этой победе оказалась решающей: шведские корабли уже шли на выручку, но русский флот их опередил. Сухопутные русские войска проявили чудеса героизма и выносливости, но без прихода флота взять Выборгскую крепость было бы невозможно.

А вскоре после падения Выборга пришла в русскую столицу и еще одна радостная весть; 8 сентября 1710 г. сдался Кексгольм. Ревель, Нарва, Выборг, Кексгольм — все эти подступы к Петербургу были теперь в русских руках. Но нужно сказать, что эти пункты являлись уже вторым поясом укрепленных позиций, преграждавших нападения на Петербург. А первоначальной и очень важной охраной был флот, который даже в эти буквально первые дни своего существования уже приносил громадную военную пользу. Вот что говорит об этом в своем дневнике близко присматривающийся ко всему посланник датского короля Юст Юль: «Таким образом, с самого основания Петербурга, царь при помощи (своего. — *Е.Т.*) небольшого флота и небольшого Кроншлотского замка (с успехом. — *Е.Т.*) оборонял от шведов доступ (к городу. — *Е.Т.*) с моря, а в то же время их самих вынуждал содержать в Финском заливе большую эскадру, обходившуюся им весьма дорого. И пока шведы плавали в море, русские преспокойно стояли в гавани, весело (проводя время. — *Е.Т.*) за ежедневными пирами и попойками и защищаясь от неприятеля без особого труда и расходов»¹.

Говоря о Петре, Юст Юль дает следующее, подкрепляемое рядом других показаний, свидетельство в своем ценнейшем дневнике (запись 28 марта 1710 г. — *Е.Т.*): «Задавшись мыслью пройти все ступени военной и морской службы и (дослужившись. — *Е.Т.*) до (звания. — *Е.Т.*) шаутбенахта во флотском ариергарде, царь в нынешнем году ходатайствовал о предоставлении ему командования над бригантинами и малыми судами. Но так как царь, во всем подчиняясь старшим офицерам, являлся даже ежедневно за приказами и за паролем к вице-адмиралу Корнелиусу Крейцу (Крюйсу. — *Е.Т.*), ведавшему всеми распоряжениями по флоту в предстоящем походе под Выборг, (главным. — *Е.Т.*) начальником какового (похода. — *Е.Т.*) был генерал-адмирал, то (просьба царя. — *Е.Т.*) не могла быть удовлетворена до получения вице-адмиралом соизволения на нее от генерал-адмирала». Любопытен и текст этого «соизволения»: «по получении сего господин вице-адмирал имеет предоставить командование малыми бригантинами и (малыми. — *Е.Т.*) судами ариер-адмиралу дворянину Михайлову»². Фактически, конечно, Петр полновластно командовал всем флотом.

В сентябре 1711 г. новый английский агент, заменивший уехавшего в Вену Витворта, Л. Вейсброд передавал из Москвы такие слухи, а отчасти и такие факты, которые заставляли англичан и других тайных и явных противников России сильно призадуматься насчет последствий Прутского похода и реального их значения.

Прежде всего обнаружилось, что турецкие сановники, получившие обильные подарки еще тогда, когда царь и его армия были окружены, продолжали неумоимо брать взятки от русских, и теперь уже шли такие слухи: русские либо в самом деле отдадут Азов, как они согласились по Прутскому договору, либо под разными предлогами, например, требуя высылки Карла XII из Турции, будут «выигрывать время» обещаниями. Тем или иным способом, но царь обезопасит себя временно со стороны турок и, пользуясь этим, захватит шведские владения в Померании и подготовит большое наступление на Швецию. В Швеции он завладеет медными и железными рудниками, захватит много пленных и переселит их в Россию. Таковы были слухи. А вот и положительные факты. Сенат получил от царя приказ озаботиться призывом к концу сентября 30 тысяч рекрутов, вместо ранее предположенных 18 тысяч, и обеспечить Ливонию, Эстляндию и Ингерманландию провиантом на зиму для 64 тысяч человек войска. Туда явится ушедшая от Прута через Польшу русская армия, которая и пойдет завоевывать Померанию и громить Швецию. А осуществив все это, русские будут смеяться над одураченными турками (*they will laugh at them after-wards*). И тут же известие, сообщающее слухам реальный смысл: триста плоскодонных транспортных судов (*three hundred flat transport vessels*) будут готовы к весне 1712 г., чтобы предпринять высадку в Швеции³.

Петр не скрывал, что он смотрит на потерю Азова по Прутскому договору как на временное явление. Царь говорил одному из служивших у него английских капитанов, что «при первой возможности он овладеет Крымским полуостровом». Французский представитель Лави по этому поводу доносил о «давнишнем проекте царя ввести свою торговлю через Дарданелльский пролив в Средиземное море»⁴. И средства России и планы Петра так возросли и расширились, что, конечно, Азов

со своими болотами и мелководьем отошел на третий план. Овладеть им впоследствии мимоходом придется, но не в нем теперь уже было дело. Крым и цареградские проливы — вот что уж носилось в представлениях царя о дальнейшем экономическом и политическом продвижении России в области южных морей.

Еще только шли в 1712 г. первые мирные переговоры между Англией, Габсбургской монархией, Голландией, с одной стороны, и Францией и Испанией, с другой стороны, еще Утрехтский договор только с трудом вырабатывался и формулировался, а между союзниками России (Голландия, Польша, Дания, Пруссия) началось «шатание». Людовика XIV уже можно было не бояться, его союзника — Карла XII — тоже, у Англии развязывались руки на Северном и на Балтийском морях. Поэтому союзники Петра теперь меньше в нем нуждались, но зато начинали сильнее и сильнее его бояться. Подозрительным оком наблюдали русские дипломаты с близкого расстояния — из Гааги — за всем, что происходит в Утрехте. Ни к кому из союзников у князя Бориса Ивановича Куракина нет доверия, а меньше всего к полякам и пруссакам. «Воистину нам великое они подозрение дают своими поступками, что все ныне дела свои скрыто от нас делают. О польских делах, так слабых не могу много писать... И Голандия, хотя противна сему была, но уже как видим есть весьма удовлетворена... наших союзных, а особливее дацкого великое шатание в делах было. И правда, под немалым сумнением о дацком были; но по сие число еще удержался». Наиболее же предательски, как всегда, вела себя, конечно, Пруссия: «О прусском дворе коротко напишу: паче всех противным был нашему интересу»⁵.

Боясь и войск Петра, прусский король в это время все сильнее и сильнее стал опасаться русского Балтийского флота, причем усматривал свою гарантию от этой угрозы в сближении с Англией. «Здесь о прусском дворе паче всех опасность имеют, что он весьма есть соединен с Англиею, и ежели мир, как вскоре здесь учинится, то по всему видится, что будет нам предосудителен во всех наших интересах»⁶.

Вообще слабость наших «алиатов» (союзников) и их «натуральное непостоянство» беспокоили не только князя Кура-

кина, но и самого царя. О «верности» Англии союзу и речи не было. Русская дипломатия узнала в июне 1712 г., что «Англия, конечно, дала указ своему послу в Цареграде трудиться вновь разрушить наш (русско-турецкий. — *Е.Т.*) мир»⁷.

Появление угрожавшей морской силы России в балтийских водах все серьезнее и серьезнее беспокоило не только Францию, прямую союзницу Швеции, но и Англию, хотя, казалось бы, Англия, ведшая жестокую, бесконечную войну с Францией, должна была бы радоваться всему, что огорчало Версальский двор.

Но в том-то и дело, что англичане несколько терялись от слишком большой морской активности России, у которой еще так недавно не было на Балтике ни одной порядочной баржи. И Прутский поход нисколько не утешил руководителя британской политики статс-секретаря Сент-Джона. Любопытное письмо писал он из королевского дворца в Лондоне Чарльзу Витворту 30 октября 1711 г., т.е. через каких-нибудь три месяца после Прутского похода и когда уже явно обнаружилось, что «северные союзники» — Россия и Дания — с новой энергией будут теснить шведов на море. Сент-Джон, с одной стороны, боится, что союзники потерпят поражение от шведов, так как это усилит позицию Франции, а с другой — тот же Сент-Джон лишь немного меньше боится полной победы России и Дании над Швецией: «Эти предприятия (русских и датчан против шведов. — *Е.Т.*) будут одинаковым образом, хоть и в меньшей степени, иметь зловредное действие, если им удастся очень сильно подавить Швецию (*to reduce Sweden very low*), так как это уничтожило бы равновесие сил на севере»⁸.

Если учесть это заявление Сент-Джона в доверительнейшем служебном письме к подчиненному ему послу, то не приходится удивляться видимой путанице, мнимой непоследовательности, противоречивости британской политики в годы второй половины Северной войны. Не забудем, что ведь были в то время такие моменты, когда англичане просто не знали, как бы поскорее выпутаться из затянувшегося состязания с Людовиком XIV. «При том положении, в котором мы теперь находимся, — говорится в том же письме, — я думаю, что самое лучшее тянуть дело (*to temporise*) с этими государями (дат-

ским и русским. — *Е.Т.*), раз уж нам невозможно навязать им свою волю или возвратить себе тот вес, который мы прежде имели, пока мы не будем настолько счастливы, чтобы выпутаться (to draw ourselves) из ведущейся нами войны»⁹.

Это — исчерпывающее объяснение всех мнимых странностей английских дипломатических сношений с Петром. Сегодняшним врагом англичане считали Людовика XIV, а завтрашним — Петра. И кроме этих беспокойств по поводу усиления русского флота, англичан тревожили еще постоянно возникавшие, потухавшие и вновь появлявшиеся слухи, что у царя ведутся какие-то переговоры с Версальским двором и что можно будто бы ждать при французском посредничестве прекращения на выгодных для России условиях русско-шведской войны и затем вступления Петра в коалицию против Англии.

Поневоле богобоязненные британцы охотно начинали возлагать свои лучшие упования на всевышнего создателя, который, может быть, догадается наслать на русских чуму: «В таком народе (в боеспособных солдатах. — *Е.Т.*) самодержавное правительство (России. — *Е.Т.*) никогда не будет иметь недостатка, разве только всемогущий бог найдет на них общую чуму (a general plague)», — утешает английский агент в Москве А. Вейсброд своего начальника статс-секретаря Сент-Джона. Так он крепит (в официальной бумаге за номером) в приунывшем министре пошатнувшуюся надежду на вседержителя, на светлое будущее Англии и на чуму в России.

Задача завоевания Южной и Юго-Западной Финляндии диктовалась Петру всей политической и стратегической обстановкой. Отношения с союзниками стали таковы, что Петр очень зорко следил за польско-саксонскими войсками, которые весьма подозрительно маневрировали около Курляндии. С Данией тоже многое не клеилось и не приходило в ясность. Речи не могло быть о том, чтобы сильным ударом союзных флотов с юга, от Копенгагена, Борнгольма, Данцига, Ревеля, заставить шведов мириться. После завоеваний 1710 г. именно это было главной задачей политики Петра относительно Швеции.

Но если этот удар нельзя нанести от южного берега Балтийского моря, то оставался лишь один исход: базироваться на северном берегу Финского залива, взять Гельсингфорс,

взять Або, попытаться овладеть Аландскими островами, превратить Юго-Западную Финляндию в плацдарм для нападения на шведские берега или хотя бы создать серьезную угрозу нападения, что могло заставить шведов согласиться на мир. Завоеваний в самой Финляндии, т.е. новых постоянных земельных приобретений там, царь не искал, он решил удовлетвориться полосой земли между Кексгольмом и Выборгом.

Конечно, предстояла встреча со шведами и на суше и на море. В течение всего 1712 г. и в течение весны 1713 г. шла самая кипучая работа по постройке галерных судов и подготовка уже имевшихся линейных кораблей. Блестящая стратегическая мысль Петра, деятельно осуществляемая Апраксиным, Боцисом и др., заключалась в том, что главная роль в предстоящих военных действиях выпадет на долю не линейных кораблей, а весельных и парусных галер, полугалер, бригантин и т.п., т.е. судов, для которых возможно маневрирование в шхерах. Около двухсот этих гребных судов было готово к походу уже весной 1713 г.

Это не значит, что Петр прекратил постройку и покупку новых и новых линейных кораблей в 1712—1713 гг. Царь знал, что без них на просторах Балтики рано или поздно не обойтись, потому что шведский флот пока еще очень силен. Но для такой операции, как завоевание Финляндии, линейный флот не был так непосредственно нужен, как флот галерный.

Галеры двинулись в поход из Петербурга 26 апреля 1713 г., под командованием Апраксина. Авангардом командовал контр-адмирал Петр Михайлов (царь), кордебаталией — Апраксин, а арьергардом — шаутбенахт Боцис, венецианский грек на службе России, очень дельный моряк, хотя и не чуждый склонности к интриге, «склоке». До Березовых островов галеры шли под прикрытием корабельного флота, которым командовал вице-адмирал Крюйс. 8 мая галерный флот подошел к Гельсингфорсу, и 11 мая, в результате совместных действий галер и десанта, город был занят. 17 августа князь Голицын по суше, а Апраксин на гребных судах морем пошли от Гельсингфорса к Або. Город был сдан без сопротивления 28 августа 1713 г.¹⁰.

Итак, с этого момента Стокгольм оказался весьма недалеко от крайнего западного пункта Финляндии, которым овла-

дел Петр. С точки зрения организации постоянной (и все увеличивающейся) угрозы столице Швеции занятие Або явилось важным моментом в истории Северной войны.

ГЛАВА VII

Шведы, несмотря на тяжкие неудачи в 1713 г., на появление русских в Або и на потерю всей Южной и части Западной Финляндии, вовсе не считали себя побежденными на море. Они не могли, конечно, не видеть, что сделали капитальную ошибку, не выстроив вовремя достаточно гребных судов, оставшись поэтому в почти беспомощном положении при действиях русских моряков в шхерах. Но чем объясняли впоследствии шведы свой губительный промах? Именно своим высокомерным отношением к русским морским силам, самоуверенным убеждением, что они, будучи сильнее русских при единоборстве линейных кораблей, даже и не подпустят русских к шхерам, а потом потопят их в открытом море. Все это оказалось ошибкой и патриотической фантазией. Шведы даже и не заметили того, как стало меняться соотношение сил и в линейных флотах, они ничего в точности не знали не только о всех постройках кораблей на русских верфях, но и о непрерывных покупках судов для русского флота за границей. Морская разведка у шведов была в те времена из рук вон плоха. Не весьма блестящей, впрочем, была она и у Петра. Единственной державой, у которой морской шпионаж (вспомоществуемый очень энергично шпионажем дипломатическим) всегда оказывался на высоте, была Великобритания. А затем нужно сказать, что даже в те годы, когда шведский флот еще был и в действительности гораздо сильнее русского, шведское командование как-то не сумело найти места, где можно было бы нанести русским серьезный удар.

Требовалось испытание, хотя бы в ограниченных размерах, чтобы обе стороны могли получить некоторый новый материал для сравнения относительной оперативности своих флотов и их общей боеспособности. Таким испытанием, правда, еще не давшим полного материала для окончательного, категори-

ческого, бесповоротного решения вопроса, но произведшим громадное впечатление и в Швеции, и в России, и в Европе, явился бой у Гангута 27 июля 1714 г.

Шведское правительство, зная о приготовлениях русского командования к десантным операциям через Ботнический залив, тотчас после открытия навигации весной 1714 г. выслало к полуострову Гангут эскадру адмирала Ватранга, чтобы преградить путь русским галерам в Або-Аландский район.

Русский план кампании 1714 г. предусматривал переход галерного флота с десантом в Або, занятие Аландского архипелага и, в зависимости от обстановки, вторжение на территорию Швеции. Корабельный флот должен был прикрывать гребные суда до входа их в шхеры и потом идти в Ревель, чтобы воспрепятствовать проходу неприятельских линейных кораблей в Финский залив, а в случае необходимости — также оказать содействие гребному флоту, если бы последний встретил препятствие со стороны шведского линейного флота.

20 мая 1714 г. 99 полугалер и скампов с десантом 15 тысяч человек под командованием генерал-адмирала Апраксина направились от Котлина в шхеры. Со стороны моря гребные суда прикрывал корабельный флот (18 кораблей, фрегатов и шняв) под командованием контр-адмирала Петра Михайлова. В районе Березовых островов флоты разделились: гребной флот пошел в шхеры, а корабельный — в Ревель.

11 июня корабельная эскадра прибыла в Ревель, где она соединилась со стоявшими там купленными за границей и построенными в Архангельске кораблями. Всего Петр имел теперь под своим командованием 16 линейных кораблей, 8 фрегатов и шняв. Экипаж этого флота был равен 7 тысячам человек, пушек было 1060.

Гребной флот 29 июня подошел к бухте Тверминне и здесь остановился, так как дальнейший путь был невозможен из-за присутствия неприятельского флота у Гангута.

У Ватранга было 16 линейных кораблей, 8 галер, 2 бригантины, 2 галиота. Ватранг у оконечности полуострова Гангут и галерный русский флот, идя из Тверминне к западу, чтобы обогнуть Гангутский полуостров и затем идти в Або, непременно должен был натолкнуться на шведскую эскадру, сторожившую здесь русских.

Что было делать? Вызвать из Ревеля весь линейный флот и сразиться с Ватрангом в открытом море? Риск был слишком велик. Лучшие суда противника были налицо, и их артиллерия была очень велика. Решено было лучше уж рискнуть галерами, чем линейным флотом. И тут Петр (прибывший из Ревеля на галерный флот 20 июля) и Апраксин (главнокомандующий) обнаружили большую находчивость. Они пошли на совсем необычное дело: решили в узком месте Гангутского полуострова устроить «переволоку» и перетащить часть галер через эту переволоку к западу, чтобы создать в стане противника замешательство. Соответствующие работы уже делались и приходили к концу, когда Ватранг, узнав об этом, отделил 25 июля фрегат, 6 галер и 2 шхербота, отдал их под команду шутбенахта Эреншильда и направил его к западной части Гангутского полуострова, именно туда, где кончалась русская «переволока» и где можно было ждать спуска переташенных по суше русских галер в море. Уже это раздробление сил оказалось роковой неосторожностью шведского адмирала Ватранга. Но в тот же день Ватранг допустил и другую, еще худшую неосторожность: он отрядил 8 линейных кораблей, фрегат и 2 бомбардирских судна под командованием адмирала Лиллье к Тверминне, где стояли русские суда. Петр, выследив первым это движение, принял дерзкое решение: пользуясь ослаблением сил Ватранга и наступившим мертвым штилем, когда парусные корабли не могли двинуться с места, он приказал 26 июля отряду из 20 скампавей, под командованием капитан-командора Змаевича, идти на прорыв с обходом шведского флота мористее его расположения. Отряд Змаевича немедленно тронулся в путь. Адмирал Ватранг, заметив движение русских скампавей, приказал сняться с якоря и буксировать свои корабли шлюпками к проходившим скампавеям Змаевича. Одновременно шведы открыли сильный артиллерийский огонь, не причинивший, однако, нашим судам никакого вреда, так как скампавеи шли вне дальности пушечной стрельбы.

Видя успех своего замысла, Петр направил по тому же пути еще 15 скампавей под командованием бригадира Лефорта, которые так же успешно прошли мимо шведского флота. Прорвавшиеся скампавеи по приказанию Петра обошли Гангутский по-

луостров и заблокировали шведский отряд кораблей шаутбенахта Эреншильда.

Рано утром 27 июля 1714 г. русские обнаружили, что шведский флот отошел от берега и расположился там, где накануне прошли русские галеры. На море был мертвый штиль. Петр немедленно воспользовался новой оплошностью шведского адмирала и приказал остальным судам начать прорываться, держа путь между шведским флотом и берегом. В 4-м часу утра Апраксин повел свой флот мимо неприятеля. Шведы встретили жестоким обстрелом русские суда, с отчаянной смелостью прорывавшиеся на запад. Но русские прорвались, потеряв всего одну галеру. Самое опасное мгновение миновало, и теперь наступила тяжкая расплата шведского флота за ошибки Ватранга, которые были вызваны полной уверенностью в своей силе и русской слабости. Блестящие качества Петра как флотоводца, а также изумительная храбрость русских экипажей дали в результате замечательную победу.

Бой начался в 2 часа дня страшной артиллерийской стрельбой с обеих сторон. Русские пошли на abordаж. Петр находился в центре боевых действий. Через 3 часа боя, кончившегося рукопашной на палубах шведских судов, шведы сдались. Тяжко раненный, истекающий кровью шаутбенахт Эреншильд был взят в плен. Вся эскадра Эреншильда попала в руки русских. «Из 941 человек шведов, участвовавших в деле, убито 9 офицеров и 352 нижних чинов, а у нас — 124 человека и в том числе 8 офицеров»¹. Шведские фрегат «Элефант», 6 больших галер и 2 шхербота попали в руки победителя. Не ушел никто. Узнав об этой катастрофе Эреншильда, адмирал Ватранг со всем своим линейным флотом поспешил уйти к Аландским островам. Плененный шведский флот был отправлен в Петербург, где произошла встреча победителей. Победоносная флотилия Апраксина прошла уже беспрепятственно в шхеры Або.

Такова была морская победа, заставившая говорить о себе всю Европу. Петр любил сравнивать ее с Полтавской битвой. Увлеченный восторгом, царь, конечно, преувеличивал, но все же Гангуту суждено было впервые дать понять упорному врагу, что рано или поздно, но именно русский Балтийский флот довершит то, что начала Полтава. Наступали времена, когда шведы с каждым годом все более убеждались в том, что Балтийское море не является уже тем «ручьем, через который рус-

ское войско не перепрыгнет», как иронически выразился торжествующий Густав-Адольф в 1617 г., подписывая Столбовский договор и сообщая о его условиях в шведском сейме². Гангут в свете дальнейших событий оказался в самом деле первым грозным предзнаменованием.

Настоящий моряк, адмирал Ватранг понимал лучше кого бы то ни было, какой тяжкий не только материальный, но и моральный ущерб потерпели шведы под Гангутом. Вот конец донесения Ватранга королю Карлу XII, который, сидя в Бендерах, лишь спустя долгие месяцы получал деловые бумаги из Стокгольма: «Какую глубокую душевную боль причиняют мне эти несчастные события, наилучше знает всевышний, которому известно, с каким рвением и с какими усилиями я старался выполнить возложенные на меня обязанности и как я усиленно старался отыскать неприятельский флот». Ватранг честно сознается королю, что русские, проявив разумную дерзость и необычайную активность, благополучно прошли мимо шведской эскадры: «К нашему великому прискорбию и огорчению, пришлось видеть, как неприятель со своими галерами прошел мимо нас в шхеры». Как пишет дальше Ватранг, его особенно огорчает, что он совершенно ничего не знает об участии шаутбенахта Эреншильда³. Но по этому поводу капитан первого ранга Н.В. Новиков в своей работе о Гангуте, совершенно справедливо и приводя неопровержимые доказательства, замечает, что Ватранг на самом деле уже на другой день после боя, т.е. 28 июля, хорошо знал о взятии Эреншильда в плен. Слишком горько Ватрангу было говорить об этих тяжких для шведского самолюбия подробностях славной русской победы, когда «военное творчество, воля к победе и мужество «вышних и рядовых» дали образец высокого искусства, против которого грозная сила, находившаяся в руках Ватранга, оказалась парализованной и неспособной к противодействию»⁴.

ГЛАВА VIII

Радость Петра была безмерна. Он ликовал и хвалился особенно потому, что тут впервые был взят сам начальник морского отряда. Вот как царь сообщал об этой Гангутской победе князю Борису Куракину, своему послу в Голландии и одно-

временно в Англии: «Объявляем вам, коем образом всемогущий господь бог Россию прославить изволил, ибо по многим дарованным победам на земле, ныне и на море венчати благословил: ибо сего месяца (июля. — *Е.Т.*) в 27 день шведцкого шаутбенахта Нилсона Эреншелта с одним фрегатом и шестью галерами и двумя шхерботами, по многом и зело жестоком огне у Ангута (*sic.* — *Е.Т.*), близ урочища Рилакс Фиель, взяли. Правда, как у нас в сию войну, так и у алиатов (союзников. — *Е.Т.*) с Франциею, много не только генералов, но и фельдмаршалов брано, а флагмана ни единого. И тако сею, мню, николи у нас бывшею викториею вам поздравляем»¹.

После Гангута морская борьба против Швеции на долгое время приняла особый характер, который, собственно, и не менялся уже сколько-нибудь существенно до самого Ништадтского мира, т.е. в течение всех последних шести лет Северной войны. Это было перемежавшееся и вместе с тем чаще всего комбинированное осуществление двух стремлений: с одной стороны — держа наготове и постоянно усиливая как линейный, так и гребной флот и переводя лучшие сухопутные войска на Балтийское побережье, постоянно грозить шведам большим десантом, а с другой — беспрестанным крейсированием в Балтийском море упорно мешать торговле шведов с Европейским материком.

Кораблестроение продолжалось усиленными темпами. Корабль за кораблем спускались на воду. Гангутская победа особенно ободрила царя. Он придумал оригинальный, как сейчас увидим, способ соблюдать при кораблестроении экономию: он «дарил» новый корабль кому-либо из особенно проворовавшихся вельмож. Вот, например, зарисовка с натуры, сделанная Джорджем Мекензи, который присутствовал в самом начале октября 1714 г. при спуске нового линейного корабля «Шлиссельбург»: «Как только корабль сел на воду, его величеству угодно было объявить, что он дарит его князю Меншикову, который хорошо понял смысл такого подарка; его светлость, как я слышал, чтобы отблагодарить за оказанную милость, тут же обещал не жалеть издержек на снабжение корабля и экипажем и украшениями и заявил, что постарается сделать его лучшим из 54-пушечных кораблей русского флота»².

Начиная с 1713 г. англичане и французы почти одинаково ревностно старались убедить Петра поскорее согласиться на мир со шведами.

11 апреля (н. ст.) 1713 г. Англия и Франция подписали в Утрехте мир, положивший конец тяжелой для обеих держав долголетней войне за испанское наследство, и с той поры обе державы почти одинаково страшились полного разгрома Швеции Петром в случае продолжения борьбы на Севере. Однако царь категорически отказывался даже от перемирия на время ведения переговоров и громогласно заявлял, что речи не может быть ни при каких условиях об отказе России от отвоеванных у шведов южных берегов Балтики. Конечно, после гангутской победы и после удачных походов вдоль берега Финляндии уверенность Петра в конечном успехе еще более возросла.

И ни угрозы короля Карла XII, вернувшегося наконец, в ноябре 1714 г., в Швецию из Турции, откуда он не мог после Полтавы выбраться в течение пяти лет и пяти месяцев, ни убедительное красноречие английских посланников и Версальского двора ровно ничего не могли поделать. Почему Петр так верил в конечную победу? Он этого ничуть не скрывал: потому, что у него теперь был флот. Вот что доносил 26 ноября (7 декабря) 1714 г. Джордж Мекензи лорду Таунсенду о разговоре с царем: «Что касается того, что может случиться, если шведский король возобновит войну в этой стороне, то слова царя всегда сводились к тому, что он сам стоит за мир, но если ему нельзя будет заключить хороший мир, то он постоянно будет пускать в ход все усилия, чтобы сделать войну утомительной для его противника. Царь разговаривал при этом с видимым равнодушием и не преминул высказать (высокое. — *Е.Т.*) мнение, которое он имеет о своем флоте, и что этот флот может ему помочь получить хорошие условия мира»³.

Угроза самому существованию Швеции, слухи о могущественном русском флоте, готовом высадить у Стокгольма крупные силы, — все это очень занимало умы в Англии в эти первые времена только что воцарившейся в стране ганноверской династии. Первый король этой династии Георг I был в то же время ганноверским курфюрстом. Ганновер был под ударом и с русской и со шведской сторон, причем с русской стороны

больше, чем со шведской. Ганноверские интересы в тот момент рассматривались в британском парламенте вовсе не как исключительно династические дела нового короля. Напротив, и деловой мир лондонского Сити, и вигистская аристократия, и вигистская часть сельского дворянства (джентри) видели в ганноверских владениях нового короля некоторый придаток политической силы Англии. Пока шла бесконечная война между Швецией и Россией, в Англии не были уверены ни в том, что Швеция не будет завоевана (или по крайней мере что русский флот и армия не овладеют Стокгольмом), ни что Ганновер уцелеет.

Чем ближе дело шло к открытию навигации, тем более необходимым казалось лорду Таунсенду послать военный флот в Финский и Ботнический заливы и этим, во-первых, оградить шведские берега от русского десанта, во-вторых, оказать давление на царя в смысле ускорения заключения мира со Швецией и, в-третьих, наконец, поддержать просьбу британских купцов о восстановлении торговли через Архангельск (против чего боролся царь, желавший направить торговлю через Балтийское море в Петербург). Но ничего из этих проектов не вышло. Едва только к концу марта 1715 г. Петр получил верные известия о посылаемой в балтийские воды английской эскадре, как он велел держать наготове все галеры и полугалеры, какие были приготовлены в Петербурге для отправки при первом же открытии навигации в Або. Джордж Мекензи и теперь, в начале апреля, столь же категорически, как и в январе, предваряет своего начальника, что угрозой от русских ровно ничего не добьешься. Он даже рискует слегка поиронизировать над своим увлекающимся начальником, который полагает, что можно будет потребовать у Петра заключения перемирия со шведами: «Если галеры царя уже окажутся в Ботническом заливе, то мы можем потребовать перемирия, но царь уверен, что мы не можем заставить его согласиться на перемирие, так как он (царь. — *Е.Т.*) знает, что он в состоянии производить по всему побережью (Швеции. — *Е.Т.*) вторжения, в то время как мы ни в малейшей степени не будем в состоянии спасти Швецию нашими крупными кораблями». Вообще же знающие люди не советуют английским военным судам захо-

доть восточнее Ревеля. Наконец, и относительно окончательного подтверждения указа царя о сохранении торговли в Архангельске, изданного было по просьбе англичан, тоже ничего ясного и окончательного достигнуто не было. Царь не подтвердил указа, а, напротив, старался повлиять на русских купцов, чтобы вызвать с их стороны просьбу отменить этот указ (и тем самым окончательно передать почти всю заграничную торговлю Архангельска Петербургу)⁴.

Русский флот, таким образом, окончательно становился грозным стражем политической и экономической самостоятельности русской политики.

Беспокоились и французы, хотя их интересы не затрагивались так близко и резко, как английские, всеми теми изменениями, какие вносили в североевропейские дела появление русского флота на Балтийском море и завоевание Ингрии, Эстонии, Ливонии и Финляндии. Во всяком случае, французы иногда даже делали вид, что колеблются в своей до сих пор последовательной «прошведской» и антирусской политике.

Петр очень и очень принял к сведению попытку английского кабинета помочь Карлу XII и крайне выразительно показал это Джорджу Мекензи при его прощальной аудиенции, когда с нарочитой резкостью долго отказывался принять отзывные грамоты посла на том основании, что они подписаны были еще королевой Анной, после того скончавшейся. Царь публично, в присутствии других иностранных представителей и русских сановников, очень возвысив голос, крикнул, что если Мекензи решается ему дать «кредитивные» грамоты от покойной королевы Анны, то он, царь, даст Джорджу Мекензи «кредитивные» грамоты к своей матери, царице Наталии Кирилловне, которая тоже покойница. Весь этот скандал длился долго, и царь, «очень жестикулируя» («with differing gestures»), много раз повторял, что непременно снабдит Мекензи приветственным письмом для передачи покойной царице, своей матушке.

Все это уже не только оскорбляло Мекензи. По-видимому, прямой логический смысл царских слов начал наконец его несколько и беспокоить. «Поручение» к покойнице можно попытаться выполнить, очевидно, только самому превратившись предварительно в покойника. В течение всей этой неприятней-

шей аудиенции, как доносил Мекензи, «его величество снова и снова, как припев к песне, повторял эти слова, *что он хочет, чтобы я передал его приветствие его матери* (подчеркнуто в подлиннике. — *Е.Т.*) (he would desire me make his compliments to his mother)»⁵.

Все же Мекензи благополучно унес ноги с этой аудиенции и невредимым отправился не к Наталии Кирилловне, а к лорду Таунсенду в Лондон. Конечно, он понимал, что царский гнев вызван был не канцелярско-дипломатическими формальностями, а враждебными английскими интригами, которые, как догадывался Мекензи, отчасти приписывались царем самому британскому послу в Москве. А стали Петру известны эти происки Джорджа Мекензи из полученных царем писем из Лондона. Но это Мекензи в точности узнал несколько позже.

В период между Гангутом (1714 г.) и смертью Карла XII (1718 г.) бывали моменты, когда высадка в Швеции казалась вполне исполнимой. Русский флот распоряжался на Балтийском море как дома, особенно в те времена, когда изменчивая политика Англии снова, по тем или иным причинам, поворачивалась острием против Швеции. Так случилось, например, в 1716 г. Фантазер и совершенно бездарный дипломат, король Карл XII, явившийся в конце 1714 г. в Швецию, умудрился в 1716 г. раздражить против себя англичан нелепым своим сближением с безнадежным претендентом на английский престол (из изгнанного революцией 1688 г. дома Стюартов) и рядом других бестактных и вреднейших для Швеции поступков. Георг I и его правительство стали делать вид, что они сочувствуют плану Петра о высадке в Швеции.

В 1716 г. Петр твердо решил высадить свои войска в Швеции и там продиктовать ей условия мира. Высадку решено было вместе с датчанами произвести на южный берег Швеции — в Скании. Одновременно для отвлечения неприятельских сил от главного театра военных действий Петр приказал Апраксину с галерным флотом и войсками высадиться в Швеции со стороны Ботнического залива.

Для выполнения намеченного плана Петр передвинул войска в Померанию, а морем в Росток пошла русская галерная эскадра, которая двинулась сюда из Либавы. Либавская эскадра

сначала явилась в Данциг. Если в Данциге и происходили нередко неполадки между немцами и поляками, то в одном данцигское купечество было согласно: в неприязни к русским и в стремлении всякими правдами и неправдами вести контрабандную торговлю со Швецией. Появление русского флота мгновенно привело Данциг к полному повиновению. Из Ростока Петр лично повел свою эскадру в Копенгаген: датчане, как уже было указано, должны были участвовать в предполагаемой высадке. Ревельская эскадра 19 июля 1716 г. тоже явилась в Копенгаген. Сюда же, по спешному повелению Петра, подтянулись и корабли, построенные в Архангельске, а также купленные в Англии. Русская эскадра, находившаяся в Копенгагене, состояла из 22 выпелов, в числе которых было 14 линейных кораблей. К русским кораблям присоединилась датская эскадра. Подоспели в Копенгаген одновременно и голландцы и англичане. Английский адмирал Норрис имел задание вместе с голландцами ограждать в ближайшие месяцы большую флотилию английских и голландских торговых судов от настоячивых нападений шведских каперов, да и королевских шведских фрегатов (ведь Англия все-таки формально числилась в Швеции неприятельской державой).

Четыре флота стояли рядом на копенгагенском рейде. Датский адмирал не желал подчиняться англичанину Норрису, а голландцы не желали подчиняться ни тому, ни другому. Решено было избрать верховным командиром всех четырех флотов русского царя, как единственного монарха, находившегося на месте.

Петр всегда с тех пор с гордостью вспоминал, как ему между Копенгагеном и Борнгольмом в 1716 г. привелось командовать в качестве первого флагмана четырьмя первоклассными флотами: русским, английским, датским и голландским. В честь этого события даже была «выбита медаль, на одной стороне которой находилось изображение бюста государя, а на другой Нептун (бог моря. — Е.Т.) на колеснице, с русским штандартом и тремя союзными флагами. На этой же стороне медали была подпись: *«Владычествует четырьмя. При Борнгольме»*⁶.

Итак, сын «тишайшего» Алексея Михайловича, еще не столь давно лишь понаслышке знавший, что на свете есть море, ныне

«командовал четырьмя флотами», а своим собственным флотом держал в страхе врагов и оказывал могущественное давление на все прибрежные страны Балтики. Россия наглядно для всех становилась в ряд великих европейских морских держав.

5 августа 1716 г. соединенный русско-английско-датско-голландский флот вышел из Копенгагена к Борнгольму под верховной командой Петра. Во флоте числилось свыше 70 линейных кораблей и фрегатов и несколько сот транспортов. Целью похода было защитить торговые суда от возможного нападения шведских кораблей.

Русская эскадра по качеству судов, силе артиллерии и общей боеспособности не уступала английской и бесспорно превосходила датскую и голландскую. Первый флагман — верховный командир всей этой великой соединенной армады «Петр Михайлов», мастеровой амстердамской верфи, — шел впереди на своем превосходном корабле «Ингерманландия». Россия тут как бы символизировала все значение, какое она в такой невероятно короткий срок приобрела на Балтийском море.

8 августа соединенный флот прибыл к Борнгольму. Ввиду того, что, как донесла разведка, шведский флот находился в Карлсконе, было решено от Борнгольма в русские порты отправить торговые суда под охраной лишь 11 английских и голландских кораблей. 14 августа Петр спустил свой штандарт и с отрядом из четырех кораблей отправился в Копенгаген, где его присутствие было крайне необходимо, так как готовилась операция высадки десанта на шведские берега.

Высадка в Швеции в 1716 г. все же не состоялась. Хотя у союзников, в общем, было приготовлено десантных войск 52 тысячи человек, но разведка убедила Петра в существовании очень сильных укреплений по всему берегу, где предположено было высадиться. Карл XII с не очень большой, но хорошо подготовленной и вооруженной армией ждал нашествия и готовил отчаянную оборону. Между союзниками к тому же существовали большие разногласия. Датский король, подстрекаемый против Петра ганноверским посланником Бернсдорфом, стал опасаться за безопасность своей столицы, где находились русский флот и русские войска, и заботился только о скорейшем их удалении. При таких обстоятельствах Петр решил отказаться от десанта.

ГЛАВА IX

Со всех сторон английское правительство получало в 1716 г. достоверные сведения о быстром росте экономического и политического значения России на Балтийском море. Резюме этой недоступной нам переписки английских торговых и политических агентов, хранящейся в английских архивах, дает нашедший эти донесения и впервые о них сообщивший Чэнс в своей специальной монографии о Георге I в следующих словах: «В Англии ревность (*jealousy*) к могуществу Петра быстро возрастала, так как русское владычество на Балтике угрожало стать для британской торговли хуже, чем было шведское. С каждым днем становилось все более очевидным, что главной целью военных предприятий Петра было споспешествовать экономическому развитию его новой (*sic.* — *E.T.*) империи. В 1716 г. Стэнгоп направил из Дании в Лондон длинный доклад о мерах, предпринимаемых в России для расширения русской торговли. В рапорте говорилось о ввозе (в Россию. — *E.T.*) сотен французских и голландских мистеров и рабочих, о приготвлении руководств по всякого рода научным предметам, об организации регулярных караванов в Персию, Астрахань, Монголию и Китайскую Татарию, о соединении каналами Балтийского моря с Волгой и Белым морем». Стэнгоп писал далее, что русские, овладев Балтийским морем, заведут по старому торговлю через Любек и другие германские порты «к ущербу для британской торговли». А эта русская торговля «воскресит соперничество старой Ганзы» (с Англией). Что же было делать? Начинать войну против России? Стэнгоп считал, что этого делать пока не следует, ибо русские владеют кораблестроительными материалами (*naval stores*) и без них Англии не обойтись. Зато статс-секретарь по иностранным делам виконт Чарлз Таунсенд был настроен менее миролюбиво. Если царь в самом деле намерен сделаться хозяином всего Балтийского моря, то нужно пустить в ход самые сильные меры, чтобы предотвратить это. Таунсенд видел в действиях Петра выполнение давно задуманного плана захвата Балтийского побережья, и хорошее доказательство тому — «мекленбургский брак» (Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбург-Шверинским)¹.

Весной 1716 г. Петр I выдал замуж свою племянницу царевну Екатерину Ивановну за герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского. Этот брак получил в глазах британского кабинета громадное политическое значение потому, что русские войска стояли в Данциге, стояли в Мекленбурге и не собирались оттуда уходить. Были, казалось, все основания опасаться, что русские со временем утвердятся окончательно в Мекленбурге, как они фактически утвердились в Курляндии, посадив в Митаве в качестве герцогини Курляндской родную сестру мекленбургской Екатерины Ивановны — Анну Ивановну — и тоже заняв Курляндию своими войсками, а Ригу сделав одной из стоянок русских военных эскадр. Сопоставляя все эти факты, английский кабинет усматривал, что все южное побережье Балтики от Петербурга до границ Дании оказывается во власти русского Балтийского флота и русских войск. Решено было начать поворачивать руль британской политики, пренебречь авантюристическими планами шведского короля Карла XII, носившегося некоторое время с нелепой идеей низвержения ганноверской династии в Англии и водворения там изгнанного дома Стюартов. И англичане остановились на мысли: отныне всячески препятствовать русской экспансии на Балтике. Но совсем сумасшедшая, антианглийская политика Карла XII отсрочила все-таки действия, о которых уже думали и говорили (пока еще только между собой) министры Георга I. Упрямство Карла было равно его фантазерству и полной неумелости в области дипломатии, неизменно сводившей к нулю его бывшие военные успехи. Полтавский позор ничуть его не исправил. Его безумные фантазии о династических переменах в Англии, о шведской высадке в Англии, его решительное намерение напасть не только на датскую Норвегию, но со временем и на Копенгаген — все это заставило англичан долго мириться и с пребыванием русских в Мекленбурге и Данциге и со многими другими неприятностями: нужно было спасать Данию от шведской угрозы.

Трудности, связанные и с непрекращавшейся войной, и с активными английскими интригами, и с ответственностью, которую возлагало на Россию присутствие ее сильного флота на Балтийском море, обступали Петра со всех сторон. А вместе с

тем он не мог не видеть, что лесоторговцы плутуют, «ландрихтеры» воруют, корабельных мастеров мало, флотоводцев порядочных не очень много. Крюйс, провинившийся в 1714 г., осужденный и прощенный, опять допускает оплошности.

«С великим неудовольствием слышу, что ревельская эскадра так у вас неисправна, и осеннее удобное время пропущено: ежели впредь так поступать станете, можете живот свой потерять», — писал Петр вице-адмиралу Крюйсу 7 февраля 1716 г. из Риги². Такого рода любезности так и сыпались от Петра по адресу и адмиралов, и купцов, и мастеров. К сожалению, капитальное издание «Писем и бумаг» Петра не доведено до последних лет Северной войны, и приходится довольствоваться старыми и неполными сборниками, изданными еще в первой трети XIX в., потому что подлинники рассеяны в самых разнообразных местах и далеко не все, конечно, выявлены. Но и то, что у нас есть, поразительно интересно уже по изумительному разнообразию затрагиваемых Петром и его корреспондентами предметов, так или иначе касающихся флота и кораблестроения. Нужно было за всем следить, все решать самому — и в главном и в мелочах. Тут и колоссальной важности проблемы: напасть ли в данный момент на шведские берега или не нападать? И напасть лестно, и рисковать боязно. А рядом с такой капитальной проблемой нужно решать и другие. Командиры — все больше иностранцы, и возни с ними не оберешься. Петр чем дальше, тем все меньше доверял иностранцам и стремился, где только было возможно, заменять их русскими. Очень уж часто слышались жалобы на лень, отлынивание от службы, плутовство, пьянство приглашенных из-за границы моряков. Вот, например, англичанин Эдвардс. Всем бы хорошо, но запивает: «Капитан... Эдвардст, Бахусовых регул зело держится, а командует кораблем великим»³. Так не убрать ли его с корабля? А капитан Дуглас все не прибыл в Финляндию: «силою принудите!»⁴ Нанял Петр нового мастера корабельного дела и уже боится, что тот будет без дела шататься: «И когда тот мастер пришлется, чтобы он без дела не был, и чтобы ладил не слишком плоскодонные суда строить...» А на карты, где должно означать мели и подводные камни в финских шхерах, не все нанесено, — надо дополнить, исправить, особенно там-то и там-то.

А на рифах ставить вехи, а к будущему году сделать бакен. А «для осенних ночей» огням быть там-то и там-то. Князь Василий Долгорукий извещает 22 января 1718 г.: «По указу вашего величества книги надлежащие до морского искусства здесь переведены и отправил я их к вашему величеству с переводчиком Шидловским»⁵. Значит, нужно еще заняться проверкой качества перевода, дабы решить, достоин ли переводчик Шидловский награды или дубинки. На сей последний случай его и посылают к Петру вместе с его переводами. Но погрузиться в критику переводов надолго нельзя, целая тьма дел крупных и мелких требует царского внимания. Нужно «врубить» новую гавань в Ревеле, нужно выяснить, кто именно дочиста обокрал запасы с «Иегудиила», а тут еще забота из далекой Казани, и тоже о флоте. Там идет работа, плоды которой должны сказаться в будущем, при Персидском походе, но о которой Петр заботится уже сейчас. Было велено выстроить в Казани 15 «тялок» (транспортных судов) и провести их в Каспийское море; для этого был прислан в Казань кораблестроитель Травин, который вдруг 18 апреля 1718 г. скончался, не вполне dokonчив работу: «оный мастер умре и доделать, государь, шести тялок некому». И неизбежный вопрос: «Что ваше царское величество укажете?», потому что сам Никита Кудрявцев не знает, где найти нового кораблестроителя⁶. А царю нужны мастера для нужд Балтийского флота, и он сам состоит в личной переписке с этими важными для него людьми: «Корабельному мастеру Склеяву. По получении сего, пол в верхней модель-камере переплоти, и укрепя выгладь и черною краскою вымаж с маслом... Также из старых мачт, на которых сучья нет, сделай несколько правил, длиною фут по 60, а толщиною в полтора дюйма квадратно»⁷. Петр — в Брюсселе, он поглощен труднейшими дипломатическими комбинациями. Он едет в Париж для переговоров с регентом Франции Филиппом Орлеанским, от исхода которых зависит, пойдут ли шведы на мир немедленно или будут продолжать тянуть, упираться, торговаться. Но царь не забывает и о мастеровых: «Роспись о мастеровых я получил на которую ответствую: мастер который пилы делает умеет ли прочие вещи делать? А особливо буравы, о том отпиши. Шлюпочный мастер ежели гораздо доброй и на воинские корабли

делает, то тщись склонить за 200 фунтов в год... К тому ж чтоб он выучил наших двух человек. Кузнеца ежели нельзя дешевле, принимай и за ту цену, но чтоб не стар был, дабы хоть мало мог навывкнуть языка нашего... И понеже сих мастеров много, того ради поищи дешевле, а именно: чтоб поменьше ста фунтов (стерлингов. — *Е.Т.*) на год»⁸. Так писал Петр 5 апреля 1717 г. поручику Александру Апраксину, посланному в Англию. А спустя 12 дней, 17 апреля, царь, уже находясь во Франции, в Кале, пишет князю Меншикову о том, куда послать нанятых еще в Гамбурге мастеров, и приказывает точно, какие паруса делать, а каких не делать: не надо делать таких парусов, какие «зело искусных матрозов требуют»⁹.

Вот где были особые трудности! Все есть: и лучшие в Европе мачтовые леса, и смола, и пенька, и парусный холст лучше английского, и уральское железо, и талантливый народ — всесторонне способный, храбрый, выносливый, как никакой другой. Но времени мало, недостаточно техников, мастеров, а льготных сроков на выучку историческая судьба не дает.

Чем больше центр тяжести Северной войны перемещался на море, тем ревностнее производились за границей агентами Петра поиски новых и новых корабельных мастеров и морских офицеров. Отсутствие подготовленного флотского командного состава жестоко чувствовалось. Еще не зная, кто именно прибудет из нанятых в Англии людей, Петр уже высчитывал, что им придется вручать не только отдельные корабли, но кое-кому и участь целых эскадр. «Нужду имеем мы в офицерах морских... которых потщитесь к весне на первых кораблях... прислать... Только смотрите, чтоб были дельные люди и не стары летами... Также, сверх числа, наймите из старых капитанов, которые бывали в боях на флагманских кораблях, двух или трех человек, которым мы дадим чин капитан-командера. Только в сем гораздо смотрите, чтоб были совершенно добрые и искусные, ибо на каждом положена будет эскадра, чтоб не потерять людей и кораблей» — так писал Петр своему послу Б.И. Куракину 1 ноября 1713 г.¹⁰. Но близилось время, когда можно было избавиться от этого наплыва иностранцев и заменить их во флоте русскими людьми.

Вопрос о флоте был и остался вплоть до конца Северной войны важнейшим фактором в достижении победы, вопросом

русского государственного будущего. И Петру удалось в конце концов справиться со страшной трудностью. Гений Петра, его нечеловеческая энергия и не знавшая пределов работоспособность пришли на помощь зародившемуся в условиях жесточайшей борьбы русскому флоту.

Иностранцы с любопытством, часто очень беспокойным и недоброжелательным, но все более и более интенсивным, наблюдали за неслыханным размахом действий и за поразительными результатами, которых достиг русский народ в деле создания могущественного военно-морского флота. И они со все усиливавшимся беспокойством и досадой убеждались с каждым годом, во-первых, в том, что русские овладели искусством строить линейные корабли и фрегаты (не говоря уже о шнявах) ничуть не хуже иностранцев и могут уже смело без них обходиться, и, во-вторых, что русские проявляют большую творческую мысль в умении изобретать и строить быстро, оперативно суда именно того типа, какой требуется. Особенно поразительно в этом отношении было создание плоскодонного, специально приспособленного к условиям шведского и финского побережья «шхерного» флота.

ГЛАВА X

Все, что Петр хотел получить от Швеции, он с помощью своей армии и флота получил. Но ему нужен был мирный трактат, который окончательно утверждал бы за Россией ее приобретения. А мир не давался в руки. Шведы надеялись на Англию, надеялись на Францию. Петр решил попытаться нанести Швеции удар, которого она не ждала: оторвать от нее Францию. Он отправился в Париж.

Следует напомнить, каково было отношение французов к растущему могуществу русского флота. Французское правительство стремилось установить постоянные дипломатические и экономические связи с Россией, не переставая в то же время поддерживать шведов в их борьбе против русских.

Документально подтверждается, что французы с каждым годом все более и более убеждались в прочном и очень серьез-

ном перемещении торговых и политических интересов России на Север, к берегам Балтийского моря. Регент Франции Филипп Орлеанский с начала своего правления учел это. «Монсеньер герцог Орлеанский хотел бы послать к царю человека, осведомленного в вопросах торговли на Балтийском море и который был бы достаточно умен, чтобы выполнять получаемые приказы как в отношении торговли, так и в других видах. Следовало бы, чтобы был человек верный, на которого можно было бы вполне положиться и который знал бы голландский язык, чтобы он мог лично вести переговоры с царем, говорящим на этом языке» — так писал приближенный регента д'Юксель в ведомство иностранных дел в Париже в начале февраля 1716 г.¹

Быстрое, непрерывное усиление русского флота на Балтийском море чрезвычайно привлекает внимание французского правительства. Французский представитель при Петре I Лави всюду собирает справки, сличает элементы своей информации и спешит доносить в Париж об узнанном: «Английский командир сказал нам, что он посетил двенадцать военных кораблей, которые здесь на верфях, и он нас уверял, что и в Англии нет лучших судов. Вот уже несколько лет, как царь нанял различных английских строителей, очень искусных, за большие деньги...»²

С интересом узнали во французском посольстве о том, какую сравнительную оценку дает русский царь флотам иностранных держав.

Царь разговаривался (в ноябре 1717 г.) с тремя английскими корабельными мастерами, работавшими у него. «Должно заметить, — писал своему правительству Лави, — что так как господствующей страстью этого монарха является установление своего могущества на море, то он благоволит к этим господам, для него удовольствие проводить с ними целые часы у них в доме и доверительно с ними говорить о всякого рода делах, когда он может урвать минуту от своих дел. Когда речь зашла о морских силах европейских держав, он сказал, что морские силы Франции находятся в очень печальном состоянии, что французский король имеет множество судов, которые погибают в портах, и что теперь король не в состоянии даже снарядить и послать в море эскадру из 12 линейных судов».

Относительно Голландии царь сказал, что она очень обеднела из-за войны (против Франции), что она не в состоянии снарядить 4 военных корабля для конвоирования своих торговых судов в Архангельск и не могла даже присоединить свои суда к английской эскадре, посланной охранять английскую и голландскую торговлю в Балтийском море. Датский флот, по мнению царя, имеет несколько годных военных судов, но так как новых датчане не строят, то вскоре их морские силы окажутся в жалком состоянии. Об английском флоте царь не сказал ни одного слова: говорить об этом предмете с английскими собеседниками он не захотел³.

«Царь уже не так доступен, как был прежде. Все дворы, по видимому, стараются снискать его дружеское расположение», — писал Лави в 1718 г.⁴. Зато для шкиперов, капитанов, корабельных строителей у Петра всегда находится время.

Французам приходилось уже считаться не только с возникновением русского флота на Севере, но и с возможностью его появления на Юге. В июле 1717 г. французский посол в Петербурге доносил в Париж: «Царь намеревался послать в Средиземное море несколько судов, нагруженных русскими продуктами, чтобы испытать, какие выгоды могла бы принести эта торговля его подданным. Один английский офицер (русской службы. — *Е.Т.*), участник экспедиции, передавал мне, что государь посылает туда 2 военных судна, каждое в 50 пушек, и что после того, как они выгрузят свои товары в Венеции, они должны поступить на службу в помощь республике (Венецианской. — *Е.Т.*) против Оттоманской Порты. Мне нетрудно поверить этой новости, так как я убежден, что царь, который всегда внимательно относится к расширению торговли среди своих подданных, будет очень рад воспользоваться этим случаем, чтобы они могли ознакомиться с портами Средиземного моря и с боевыми приемами венецианцев»⁵.

Французский посол понимал, до какой степени серьезным является этот вопрос и для французской дипломатии и для французской экономики. Одно дело были доходившие до Франции слухи о двух азовских походах Петра, а совсем другое дело — слухи нынешние, 1717 г. Тогда, более чем 20 лет назад, «странная затея» молодого беспокойного царя — созда-

вать из ничего какой-то флот в более чем тысячеверстном расстоянии от моря — особенно беспокоить не могла, и даже конечное завоевание Азова, не имевшее дальнейших последствий в Крыму и на Черном море, было быстро забыто еще задолго до несчастного Прутского договора.

Но теперь положение создалось иное. Русский царь оказался гениальнейшим из всех тогдашних монархов. За 20 с лишком лет он провел ряд смелых реформ, создал сильную армию и флот, добился блистательной Полтавской победы, превратившей Швецию во второстепенную державу, а прославленного шведского «Александра Македонского» — в скитающегося по турецким степям бесприютного беглеца. Маршал Франции граф де Тессе, встречавший и приветствовавший Петра в Кале во время поездки его в Париж в 1717 г. и имевший с Петром беседу, доносил герцогу Филиппу Орлеанскому 1 мая того же 1717 г. о словах, сказанных ему царем: «Положение Европы изменилось, Франция потеряла своих союзников в Германии, Швеция почти уничтожена и не может оказать вам никакой помощи... Я предлагаю Франции не только свой союз, но и мое могущество»⁶.

Вот каким тоном уже говорила Россия с наследниками «короля-солнца» («le roi-soleil») — Людовика XIV. Становилось ясным, что появилось новое, пока еще только восходящее светило, которое уже начинает оказывать своей грандиозной массой влияние на все европейские «притяжения» и «отталкивания».

Вице-адмирал Крюйс в разговоре с Лави не скрыл, что, так как султан не отдаст России без боя Азов и Крым, царь постарается овладеть ими силой. «Государь пришел к этому намерению уже давно в целях сделаться на Черном море таким же могущественным, каким он уже является на Балтийском море. Он постарается заставить турок дать ему свободный проход через Босфор и Дарданелльский пролив, чтобы вести свою торговлю в Средиземном море. Если бы он мог успеть в этом намерении, то наш народ (французский. — *Е.Т.*) мог бы через порты Тулона, Марселя и другие производить в России через Азов выгоднейшую торговлю». Посол Лави проследил (в доказательство основательности своих слов), что из этой «отдаленной местности России» русские провенансы идут в Архан-

гельск, где их скупают англичане и голландцы. Из Архангельска таким путем часть этих товаров попадает в Ливорно, а оттуда в Марсель, где они продаются «с выгодой»⁷. Ясно было, насколько эта выгода увеличится, когда французы будут получать южнорусские товары не через Архангельск и Ливорно и не из рук англичан и голландцев, а непосредственно в Азове, перевозя их оттуда в Марсель. Как много говорит историку этот документ! Ведь вся история франко-русских политических отношений в течение XVIII столетия, поскольку дело шло о Черном море, складывается из чередования двух главных течений: либо всеми способами поддерживать и защищать Турцию в ее борьбе против России, пока у турок есть какие-нибудь шансы на победу, либо, как только вооруженная борьба склонялась в сторону русской победы, — добиваться сближения с Россией, чтобы иметь надежду на коммерческое использование новых русских владений, отвоеванных у Турции. Эта смена установок имела место несколько раз. Пожалуй, заметнее всего она сказалась уже в конце XVIII в. после Кючук-Кайнарджийского мира, когда в министерстве Верженна французские торговые и политические круги очень заинтересовались возможностью использовать Херсон для сбыта французских товаров на юге России и в Крыму и когда прежняя непримиримо воинственная политика Шуазеля сменилась «миролюбивыми» тенденциями. Конечно, и воинственная и миролюбивая политика Франции на Леванте диктовалась лишь чисто тактическими соображениями, касавшимися французской торговли в странах, омываемых Черным морем, и в Архипелаге.

В петровскую эпоху мы видим то же самое: на турок надежда плоха, царь очень силен. Россия не сегодня-завтра опять завоюет Азов и, пожалуй, также и Крым; значит, надо пытаться частично договориться с Петром, но именно лишь частично, не идя на опасный союз с державой, желающей в конце концов прорваться в Средиземное море.

Путешествие царя во Францию в 1717 г. сильно обеспокоило англичан. Они боялись, что Петр, убедившись в том, что от Англии он не получит помощи в проектируемой им высадке в Швеции, круто повернет руль русской политики в сторо-

ну союза с Францией, а это окажется очень опасным для Австрии и не весьма безопасным для Англии. Ведь царь, владея над Россией и распоряжаясь, как хозяин, в Польше и почти на всем южном побережье Балтийского моря, держит в своих руках страны, из которых Англия и Голландия получают материалы, нужные для кораблестроения⁸. Из переговоров, которые вели англичане с русскими представителями во время путешествия царя во Францию, ничего не выходило: Петр твердо требовал от англичан помощи флотом в нападении на шведские берега. Джон Норрис и Витворт со смущением передавали лорду Сандерлэнду слова Шафиров: «Он (Шафиров. — *Е.Т.*) говорит, что мы (англичане. — *Е.Т.*) даем им много прекрасных слов (*many fair words*), но не предлагаем ничего реального или существенного»⁹.

Но не только англичане теперь, когда русский флот вырос в серьезную силу, боялись слишком большого преобладания России на Балтийском море. Очень и очень беспокоились также старые союзники Петра — голландцы. Они боялись не Карла XII, союзника Франции, да и не самой Франции, давно уже прекратившей поползновения на безопасность Голландии, а страшились линейных кораблей, стоявших в Петербурге и в Ревеле, заходивших в Ригу и Данциг, боялись многочисленных галер и большой русской армии, готовой сесть на эти галеры.

Правительство Голландии мечтало о скорейшем мире. «Штаты (Голландия. — *Е.Т.*) с каждым днем все более и более ревниво (*jealous*) относятся к увеличению могущества и к планам царя, и они обеспокоены продолжением северных смут, влияние которых они на себе очень тяжело чувствуют», — доносили из Гааги английские представители Витворт и Катоган лорду Сандерлэнду 13 (24) сентября 1717 г.¹⁰.

Поездка Петра во Францию, предпринятая с целью оторвать Францию от союза со Швецией и побудить ее к заключению союза с Россией, не привела к желанному результату, хотя с внешней стороны дело заключения договора между двумя державами и было доведено до благополучного конца. 13 августа 1717 г., уже не в Париже, а в Амстердаме, русские уполномоченные граф Головкин, барон Шафиров, князь Куракин, французский уполномоченный маркиз де Шатонеф и прусский

уполномоченный барон фон Книппгаузен подписали трактат, который, в сущности, никаких реальных обязательств ни на Францию, ни на Россию, ни на Пруссию не накладывал. Эти державы взаимно обязались «способствовать своими усилиями поддержанию общественного спокойствия, восстановленного Утрехтским и Баденским трактатами, а также теми трактатами, которые будут заключены при умиротворении Севера»¹¹. Так неопределенно формулировалась главная (вторая) статья договора в своей наиболее важной части.

Петру не удалось, таким образом, ни оторвать Францию от союза со Швецией, ни отклонить ее от намечавшегося сближения с Англией.

Да и не могло быть иначе. Регент Филипп Орлеанский смотрел на дело так, что Швеция уже выбыла из числа первоклассных держав и никакой помощи Франции оказать не может. Значит, Франции надо выбирать, на кого опереться: на Англию, флот которой являлся серьезной угрозой для всех французских берегов, или на Россию, флот которой силен только на Балтийском море. Притом сближение с Англией сулило сохранить и Швецию в качестве самостоятельной державы, поскольку Англия явно не желала допустить полного покорения Швеции сухопутными и морскими силами царя.

После заключения этого нарочито бессодержательного договора Петру с каждым годом становилось все яснее, что и Франция, и Англия, и более скрытно Пруссия делают все возможное, чтобы без прямого объявления войны повредить русским интересам на Балтийском море.

Петр уже давно, по крайней мере с 1716 г., понимал, что по мере того как будет увеличиваться русский Балтийский флот, будет расти тайная и тем более опасная вражда Англии, числящейся все еще в «союзниках». Одной из явственных причин, по которым он так торопился побудить сначала Карла XII, а потом (после смерти Карла XII в ноябре 1718 г.) аристократическую партию, правившую Швецией от имени Ульрики-Элеоноры, заключить мир, являлось именно постоянное беспокойство относительно намерений и происков англичан.

ГЛАВА XI

Тяготы бесперспективной разорительной войны заставили наконец штокгольмское правительство начать мирные переговоры. Это еще не было признанием русской победы и окончательным отказом шведов от южного берега Балтийского моря. Нет, прошло три с лишним года от начала переговоров на Аландских островах в мае 1718 г. до их завершения в Ништадте в августе 1721 г., пока Швеция примирилась наконец с тем, что ее великодержавие кончилось.

В мае 1718 г. на Аланде открылись переговоры о мире. Петр послал Остермана и Брюса, Карл XII — наиболее доверенные лица — барона Герца и графа Гиллембурга. Эти переговоры не привели к результату, так как уступить навсегда России все южное побережье Балтийского моря шведский король не желал. Голландия, Дания и Англия не только не поддерживали мирные переговоры, но всячески желали их срыва. В Дании опасались, что Петр, заключив мир с Карлом XII, обяжется в виде компенсации за Ингрию, Ливонию, Эстонию, Выборг и Ригу помогать шведскому королю в захвате Норвегии. В Голландии боялись того, что русский флот перестанет церемониться с голландскими торговыми судами и что царь, не имея уже нужды в Голландии, начнет ей «диктовать законы» на море. Позиция Англии в отношении русско-шведских мирных переговоров была явно враждебна русским интересам. Англичане грозили вступить в борьбу на стороне Швеции, чтобы заставить Петра отказаться от значительной части завоеванных территорий, но Петр оставался непоколебим. Он полагался на свой флот, и эта уверенность его не подвела.

При помощи флота Петр, демонстративно производя все новые и новые высадки на шведских берегах, старался принудить шведское правительство к заключению выгодного для России мира.

Именно в 1718—1721 гг. русский народ в полной мере познал плоды своих громадных жертв и усилий по созданию могущественного флота. Если Полтава надломила шведское великодержавие, то она вовсе еще не заставила Швецию признать невозможность сохранения былых прибалтийских владений.

Двенадцать лет борьбы последовало за великой сухопутной победой. А с 1718 г., когда обнаружилось, что путешествие Петра во Францию не изменило, по сути дела, прежней политики французского правительства, направленной к поддержке Швеции, и когда начались периодические враждебные для России визиты адмирала Норриса с сильным британским флотом в Балтийское море, в Швеции воспрянули духом. Дипломата Герца отправили на эшафот за одну только высказанную мысль, что следует уступить Петру хоть малую часть фактически уже завоеванных им земель.

Вот тут-то русский флот и сыграл серьезнейшую роль. Петр не испугался англичан с их открытой враждой, французов — с их тайным недоброжелательством, датчан и голландцев — с их неискренней поддержкой «союзной» России и секретными переговорами со Швецией. Он смог остаться хладнокровным в эти решающие годы, когда, казалось, были поставлены под вопрос результаты Полтавы, плоды тяжелой многолетней борьбы за конечную победу на море над шведами. У Петра был флот, любимое его создание; все надежды он возложил на флот, и флот эти надежды оправдал.

Русский флот невозбранно гулял на просторах Балтики от Котлина и устья Невы до Ревеля, до Риги, до Данцига, до Штеттина, до Копенгагена, до Гельсингфорса, до Аландских островов, наконец, до предместий Стокгольма. Дипломатия Петра делала уступки там, где интересы России не были прямо затронуты и где не Россия жертвовала. Петр потерпел присоединение Бремена и Вердена к ганноверскому курфюршеству, т.е. к владениям короля английского Георга I, он не противился присоединению части шведской Померании к Пруссии и части Шлезвига — к Дании, но из русских приобретений он не пожелал уступать и до конца войны не уступил решительно ничего сколько-нибудь существенного.

Ничто не могло отвлечь Петра от усиленной и ускоренной работы над дальнейшим укреплением флота. 15 июля 1718 г. был спущен на воду 90-пушечный корабль «Лесное» (в память победы над шведами в 1708 г.). Иностранные представители отмечали, что в постройке нового корабля царь участвовал лично. Кроме «Лесного», в том же году были спущены на воду 70-

пушечный корабль «Нептунус», прам «Олифант» и несколько галер.

16 июля 1718 г. русский флот вышел в плавание в таком могучем составе: 25 линейных кораблей, 3 фрегата и 2 бомбардирных судна. Личный состав этого флота насчитывал свыше 10 тысяч человек, число орудий — 1436¹. И это были далеко не все морские вооруженные силы, которыми в тот момент располагал Петр на Балтийском море. Множество галер, полугалер и транспортных судов всяких размеров было наготове к перевозке десантов, подвозу боезапаса и провианта.

Время было напряженное, шли переговоры на Аландских островах. Шведы не хотели мириться со своими поражениями, требовали возвращения Выборга, Лифляндии и Эстонии. Русские уполномоченные держались твердо. И они и их противники знали о могучей русской морской силе, готовой в любой момент нанести удар по столице Швеции — Стокгольму.

ГЛАВА XII

Многое могло грозить русским интересам во время аландских переговоров. По Европе ходили слухи о том, что за спиной Петра готовится дипломатическая сделка, смысл которой состоит в том, чтобы за известные услуги и уступки в пользу английского короля (он же курфюрст ганноверский) Георга I Англия вместе с Голландией потребовали от Петра возвращения шведам отвоєванных у них провинций. «Это может оказаться вероятным, — доносил французский представитель при Петре I своему правительству, — так как нельзя не признать, что англичане и голландцы ревниво относятся к нарождающемуся величию (*la grandeur naissante*) морских сил царя»¹.

Англию в течение всего 1718 г. заботило не столько «спокойствие империи» (т.е. конгломерата германских государств, объединившихся чисто словесно под нелепым названием «Священной Римской империи германской нации»), сколько присутствие русских войск в герцогстве Мекленбургском, в польском городе Данциге и на его территории, которая являлась «границей империи». В инструкции, данной королем Ге-

оргом в середине октября 1718 г. отъезжавшему в Петербург английскому представителю, адмиралу и командующему английским флотом на Балтийском море сэру Джону Норрису, говорилось, что если царь хочет хороших отношений с Англией, то он «без колебаний поспособствует исполнению наших (британского кабинета. — *Е. Т.*) желаний и освободит герцогство Мекленбург, город и территорию Данцига и границы империи (германской. — *Е.Т.*) ото всех опасений, отведя свои войска из этих мест к своим собственным владениям»².

Самый факт посылки в Петербург в качестве полномочного посла командующего британскими морскими силами на Балтике уже был явной угрозой, тем более что Норрис получил приказание не задерживаться у «доброго брата» короля Георга в Петербурге и, передав требования царю, ехать обратно к своему флоту. Заменить же его должен был (уже действительно в качестве постоянного посла в России) Джемс Джеффрис.

Норрис, однако, в конце концов и не поехал в Россию, а Джеффрис снял копию с его инструкции и направился в Петербург. Прибыл он туда после трудного и очень долгого зимнего путешествия вечером 1 января 1719 г. К этому моменту Петр особенно крепко утвердился на следующем. Подвинуть дело мира возможно только одним путем: устроить Швецию совместным нападением флота и армии на ее берега. Но русский флот ждет присоединения к нему английской эскадры — вот это на все лады повторял Шафиров англичанам в течение всего 1718 г., и этим он встретил Джеффриса в январе 1719 г.³. А у англичанина был приготовлен ответ, решительно не удовлетворяющий Россию: да, конечно, очень важно поскорее установить мир и спокойствие на Севере, но зачем же думать о высадках и нападениях на Швецию, когда ведутся уже переговоры на Аландских островах между Россией и Швецией? Джеффрис с видом полной невинности говорил об аландских переговорах, из которых, как он знал, пока ничего не выходило, хотя уполномоченные обеих сторон сидели на Аланде уже несколько месяцев. Мало того, и Джеффрис и Шафиров хорошо знали о событии большой важности, происшедшем вечером 30 ноября 1718 г. в окопах под норвежской крепостью Фридрихсгал, которую осаждал шведский король. Случайная

пуля пробила навывлет голову Карла XII. С его смертью рушились надежды (правда, крайне слабые), какие связывались в Европе с аландскими переговорами.

Когда при первом свидании Джеффриса с Шафировым оба собеседника делали вид, что им еще ничего точно не известно о смерти Карла XII и даже совсем ничего об этом событии не упоминалось, то все-таки Шафиров заявил Джеффрису, что на Аландских островах ни по одному вопросу не состоялось соглашения между русскими уполномоченными и бароном Герцем. Шафиров прибавил, что «этот барон ничего другого не делает, как только развлекает русских (*did nothing but amuse them*), всякий раз являясь с новыми предложениями». Но ведь Джеффрис узнал тотчас, что в Петербурге на самом деле признают смерть Карла фактом достоверным (*they seem here to be sure of*)⁴, а значит, партия, стоявшая за продолжение войны, неминуемо должна была взять верх. Арест барона Герца, процесс и казнь его были первой заботой аристократии, возведшей на шведский престол сестру Карла Ульрику-Элеонору.

Следовательно, перспектива ближайших событий выяснялась окончательно: Россия будет продолжать войну, чтобы принудить Швецию заключить мир на условиях, предложенных Петром. Англия будет всеми мерами мешать русскому флоту и армии и помогать Швеции.

«Я считаю необходимым предупредить ваше превосходительство, что от здешнего двора не на что надеяться... Русские министры только и говорят, что о силе и могуществе их государя, и они в самом деле думают, что его царское величество уже ни в ком не нуждается и может никого не бояться», — писал Джеффрис лорду Стэнгопу 12(23) января 1719 г.⁵

Для Петра было ясно, что англичане вредили, вредят и будут вредить успеху аландских переговоров, если преемница Карла XII Ульрика-Элеонора и ее окружение в самом деле захотят пойти на серьезные уступки в пользу России. Джеффрис сообщал, что царь даже и не скрывает своего раздражения против Англии по этому поводу. И за что? — скорбно вопрошает посол, — только за то, что Великобритания знает «обширные и опасные намерения царя» и не собирается им потворствовать.

Петр прямо говорил, что не чувствует никакого доверия к Англии, и решил добиваться цели собственными силами. При-

готовления флота неустанно продолжались всю весну 1719 г., готовился поход против Швеции.

Английская дипломатия пришла в жестокое беспокойство. Становилось очевидным, что Швеция в своем поистине отчаянном положении пойдет на все уступки, чтобы спастись от страшного русского удара прямо в сердце страны. Этого как раз больше всего боялись англичане.

В изобретательной голове Джемса Джеффриса возникает любопытный план. Раньше, чем мы заставим говорить самого Джеффриса словами его архисекретнейшего донесения, напомним, что план принадлежит не какому-либо неофициальному полудипломату, полулазутчику, авантюристу и конфиденциальному исполнителю темных делишек, вроде позднейших агентов «Интеллидженс-сервис» Требич-Линкольна или пресловутого Лоуренса, но официальному представителю и чрезвычайному послу его королевского величества Георга I, короля Великобритании и Ирландии и защитника веры христианской. И вот что докладывает этому защитнику веры христианской его верный слуга, отчаявшийся в средствах сорвать аландские переговоры: «Петербург, 16 (27) марта 1719 г. Царь и его министры так расположены к своему Аландскому конгрессу, что уже ничто не может отвратить их от продолжения этого конгресса. Мне сказали, что г. Остерман и г. Мардефельд посылаются на конгресс на этой неделе. Оба они уверены в успехе. Но если бы его величество (английский король. — *Е.Т.*) признал нужным прервать эти негоциации, то я подумал о проекте, который в случае достодожного его осуществления неминуемо прервет переговоры эффективно, по крайней мере на некоторое время. Нужно не что иное, как только послать один или два фрегата к месту конгресса и силой увести прочь шведского уполномоченного (*and bring the swedish plenipotentiary away by force*). Так как датчане состоят в открытой войне с Швецией... то, по моему мнению, датчане — именно те люди, которых наиболее удобно пустить в ход для исполнения этого дела». Джеффрис высчитывает, что для удачного результата это маленькое предприятие потребует не больше 600 «решительных людей». Предусмотрительный Джеффрис учитывает, что, похитив шведского уполномоченного, придется увозить

его на английском корабле по Балтийскому морю, где господствует русский флот. Но он считает несложным делом справиться с этой опасностью: «Чтобы выполнить дело с большей безопасностью, судно (на котором будет находиться схваченный шведский уполномоченный. — *Е.Т.*)... может прикрыться русским морским флагом (the vessel employed for this service may make use of moscovite colour)». Исправность, предусмотрительность и оперативность Джеффриса не знают предела: он посылает при этом донесении на всякий случай описание русского флага «голубой эскадры», пользуясь которым можно было изготовить подложный флаг. А «прекрасный план Аланда» тоже уже заблаговременно послан.

Воображение увлекает Джеффриса в еще более заманчивые дали. В самом деле: почему бы не похитить таким же способом еще и русских уполномоченных? Тогда-то уж совсем конец конгрессу! «Если его величество (король английский. — *Е.Т.*) сочтет нужным прервать эти переговоры и еще более эффективно, то московские уполномоченные также могут быть увезены прочь и затем высажены на берег либо в Данциге, либо в Кенигсберге или Риге», а уж в дальнейшем можно будет «изобрести какое-нибудь извинение» («some excuse may be invented»). Перед шведами же даже и извиняться не стоит.

Джеффрис понимает, что предлагаемое им чисто разбойничье дело может все-таки возбудить какие-нибудь затруднения и сомнения со стороны лорда Стэнгопа и короля Георга I. И он подчеркивает, что в данном случае есть из-за чего руки марать: «Вы не можете себе представить, какое разочарование вызовет это предприятие (в противниках. — *Е.Т.*). Если его выполнить достойным образом (duely), оно подорвет все меры русских и в то же время даст случай его величеству (королю английскому. — *Е.Т.*) заключить мир со Швецией, потому что нужно будет выбирать более безопасное место для конгресса и других уполномоченных перед тем, как они соберутся, и это займет большую часть лета»⁶. А там можно и шведов во многом успеть переубедить. Словом, нужно пойти решительно на все, вплоть до похищения уполномоченных и увоза их под чужим подложным флагом, лишь бы помешать русским заключить выгодный для них мир со шведами.

На выполнение бандитского плана посла его величества короля великобританского Джеффриса английское правительство пойти не отважилось.

ГЛАВА XIII

В английской политике в разные времена ее долгой истории не раз наступали такие моменты, когда уже становилось невозможным ограничиться выдвиганием против врага сил других государств и было необходимо решиться бросить все ведущееся дипломатическое предприятие и пустить в ход свои собственные вооруженные силы. Летом 1719 г. такой момент еще не наступил.

Швеция еле держалась, Дания, Голштиния, Данциг и Мекленбург были в жестоком беспокойстве, даже в Пруссии Фридрих-Вильгельм I стал склоняться на уговоры и представления бывшего «друга» Петра голштинского дипломата Бассевича. Все они устремляли свои взоры на Запад, к Зундам, все они ожидали на Балтийском море появления английского флота.

И хотя английский флот появился, но в 1719 г. он совершил только демонстрацию, частичную, слабую. Петр, правда, был раздражен и недоволен, но растерянности (которую хотелось бы видеть в русском правительстве уже летом 1719 г. послу Джеффрису) не было. Петр отвечал на козни врагов рядом внушительных действий.

В мае 1719 г., после большой и во всех отношениях эффективной морской разведки, совершенной из Ревеля капитаном-командором Фангофом, русскому военно-морскому командованию стало известно о выходе из порта Пиллау в море шведских военных кораблей. Для нападения на шведские корабли немедленно вышел из Ревеля в море капитан второго ранга Наум Сенявин с шестью линейными кораблями и одной шнявой. Утром 24 мая Сенявин настиг шведскую эскадру и начал бой, закончившийся полной победой русского флота. Были захвачены линейный 52-пушечный корабль «Вахмейстер», 35-пушечный фрегат «Карлскронваген», 12-пушечная бригантина «Бернгардус». В плен попали 11 шведских офицеров и

376 нижних чинов, а кроме того, шведы потеряли около 50 человек убитыми и 13 человек ранеными. Русские потери в людях были ничтожны, материальные повреждения также невелики.

Такая удача произвела сильное впечатление в Швеции. Впечатление это было усилено многочисленными пленениями шведских купеческих судов и приводом их в Петербург. Действия русского флота чрезвычайно беспокоили Швецию и усиливали растерянность в стране.

9 июня 1719 г. вице-адмирал Петр Алексеевич Михайлов, он же царь всероссийский, вышел с состоявшей под его личной командой эскадрой от Котлина в Ревель, а Апраксин пошел с галерами к Гангуту. У Петра было 12 линейных кораблей, 2 прама, 2 бомбардирских судна, несколько шняв и бригантин. Когда котлинская эскадра 19 июня соединилась в Ревеле со стоявшими там кораблями, то в распоряжении Петра оказался, кроме фрегата и бомбардирских судов, 21 линейный корабль, снабженный обильной артиллерией (1672 орудия) и с большим экипажем — 10 711 человек.

Этого было бы достаточно не только для сравнительно безопасного крейсирования по Финскому и Ботническому заливам, но и для прикрытия десанта. Ведь с 19 линейными кораблями, которыми в этот момент располагали шведы, слишком рискованно было бы предпринять что-либо на море против русской эскадры.

В конце июля 1719 г. английская эскадра вошла в Балтийское море. В Европе знали, что с отправкой этой эскадры у англичан дело обстояло не очень ладно. В парламенте и вне парламента многие считали, что не из-за чего разрывать отношения с Россией, которая вовсе Англии не угрожает, и что в посылке британской эскадры в Балтийское море заинтересован больше всего лично король Георг I в качестве курфюрста ганноверского, потому что Ганновер (как и другие северогерманские государства) боялся усиления русского флота и жил под опасением внезапного появления русских кораблей и транспортов с войсками. Словом, полного единства настроений в Англии по этому вопросу не было, а потому адмиралу сэру Джону Норрису дали не очень многочисленную эскадру и снабдили его не очень решительными инструкциями.

Русскому командованию все-таки приходилось считаться с появлением эскадры Норриса у датских берегов. Но боязни, как уже сказано, Петр не обнаруживал. Русский корабельный и галерный флоты соединились у Гангута 26 июня и отсюда направились к Або, а затем к Аландским островам. 6 июля к о. Ламеланду прибыл громадный галерный флот в 232 вымпела, в числе которых были 132 большие галеры. Этот флот доставил 26 тысяч человек десантных войск. Там же появился 8 июля и линейный флот. Немедленно была предпринята разведка у самых берегов Швеции.

11 июля русские галеры под командованием Апраксина показались у Капельшера, приблизительно в 80 км от Стокгольма. Немедленно по всему берегу распространилась тревога. 12 июля Апраксин отправил генерал-майора Ласси с 21 галерой и 12 островскими лодками, на которые было посажено 3500 человек десантных войск, для действия на шведском берегу севернее Стокгольма, а сам Апраксин с остальным флотом двинулся на следующий день от Капельшера к Стокгольму и 15 июля занял остров, находящийся на полпути от Капельшера к Стокгольму. 24 июля галерный флот подошел к Ничепингу, а 30 июля — к Нордчепингу. Десантные войска высаживались на шведские берега в течение всего похода Апраксина. Русские уничтожали металлургические заводы и мастерские. Город Нордчепинг сгорел до основания, но его сожгли не русские, а шведы — при отступлении. Около этого несчастного города было 12 эскадронов шведской конницы, но шведы не приняли боя и отошли. Русским досталось тут много меди и больше 300 готовых новых пушек.

Паника распространилась по стране. Правда, Петр велел Апраксину «людей не токмо не брать, но не грабить с них и ничем не досаждать, но внушать, что мы воюем для того, что сенат их (шведский. — *Е.Т.*) не склонен к миру»¹. Однако жители убегали поголовно, опустевшие города и поселки горели.

Шведское правительство знало, что русские гребные суда находятся недалеко от Стокгольма, и королева Ульрика-Элеонора обратилась к Петру с просьбой о возобновлении прерванных мирных переговоров и о прекращении впредь до мира военных действий.

Абсолютное отсутствие шведского флота в течение всего этого страшного для Швеции месяца, непонятная пассивность

сухопутных войск, даже и не пытавшихся защищать свою родину, — все это могло быть объяснено либо полнейшей моральной протрацией государства и безнадежным истощением его сил в результате долговременных военных авантур Карла XII, либо хитроумным стратегическим планом шведского командования, основанным на стремлении заманить русских в глубь страны и там их разгромить.

Англичанам, с большим беспокойством следившим за развитием событий, хотелось верить в это второе объяснение: «Царь, по моему крайнему разумению, во второй раз перешел через Рубикон», — писал Джеффрис 22 июля 1719 г. в Лондон, когда до него дошли достоверные сведения о высадке русских войск в Швеции. Под первым Рубиконом Петра Джеффрис понимает Прут 1711 г. «По-видимому, он (Петр. — *Е.Т.*) поставил себя в необходимость или завоевать страну своего врага или потерять большую часть своей армии. Его величество (Петр. — *Е.Т.*) уже имеет перед собой два примера фатальных последствий, которыми сопровождалась неудачные попытки в далеких странах: один пример — в лице покойного шведского короля, который потерял свою армию в Полтавской битве, и другой пример — в своем собственном лице, когда на реке Пруте только мошенничество великого визирия спасло его от полной гибели»².

Но глубокомысленные исторические параллели Джемса Джеффриса и его прорицания оказались необоснованными.

Петр решил ограничиться достигнутыми успехами. Он вернул флот к Аландским островам и затем в Ревель и к Котлину, намереваясь нанести окончательный удар по Швеции в кампанию следующего, 1720, года, а до той поры, во-первых, продолжать дипломатические переговоры, о возобновлении которых просила Ульрика-Элеонора, а во-вторых, готовиться к грядущим действиям флота.

ГЛАВА XIV

Окружение Ульрики-Элеоноры переживало большую тревогу, шведские руководящие круги терзались сомнениями. Идти ли на уступки требованиям Петра, высказывавшимся его уполномоченными на аландских совещаниях? Или поверить

грядущей помощи со стороны британского флота? Кампания 1719 г. не могла внушить шведам особенно радужных надежд: прибытие в Балтийское море Джона Норриса не предупредило русских высадок и опустошения побережья Швеции.

Несомненно, что и английский кабинет знал, что следует предпринять гораздо более существенные меры как в военной, так и в дипломатической области, чтобы предупредить заключение выгодного для России мира.

И вот конец 1719 г. принес неожиданное решение вопроса. Англия заключила не только мир, но и союз со Швецией, притом союз, всецело направленный против России. Началось с того, что в ноябре 1719 г. король Георг I в качестве курфюрста ганноверского заключил мир со Швецией, причем получил шведские владения (вернее, прежде числившиеся за Швецией) Бремен и Верден, уплатив при этом шведам миллион талеров. А спустя два с половиной месяца тот же Георг I в качестве короля английского подписал договор со Швецией о мире и союзе.

Такова была только увертюра к действиям «европейского концерта», как выражаются дипломаты.

Сразу же обнаружилось, до какой степени видимые «союзники» России успели к этому времени стать, в связи с усилением русского флота, ее врагами. Внезапное решение Англии приободрило всех этих «союзников», и они перестали стесняться. Первым за англичанами пошел прусский король Фридрих-Вильгельм I. Уплатив шведам 2 миллиона талеров, он получил Штеттин и часть Померании, которые тоже уже давно были, по сути дела, номинальным шведским владением. Но вступить со Швецией в союз Фридрих-Вильгельм все же побоялся. Почти одновременно и Дания подписала мир со Швецией. При этом шведы также уступили то, что уже фактически потеряли, т.е. Шлезвиг, но зато получили от датчан обещание вернуть им приморскую часть Померании, так называемую Нижнюю Померанию (Верхняя была отдана, как уже сказано, Пруссии).

В Стокгольме воспрянули духом, тем более что Австрия (император «Священной Римской империи германской нации») тоже обнаруживала очень враждебные настроения относительно России, требуя от Петра участия в «конгрессе» в Брауншвейге, чтобы заставить его подписать мир со Швецией

на абсолютно неприемлемых для Петра условиях. Волновалась и Польша, осмелившаяся говорить об очищении Курляндии от русских войск и возвращении Курляндии в ленную зависимость от Польши.

«Проклятые обманщики!» — так выразился Петр в письме к Куракину, оценивая то, что происходило в политическом мире Европы весной 1720 г., и подсчитывая все новых и новых поднимавшихся против него врагов.

Но, понадеявшись на внезапный благоприятный оборот дипломатических дел, шведское правительство все-таки просчиталось. Шведы не приняли во внимание ни натуры Петра, ни силы народа, которым Петр управлял.

«Неполезного мира не учиним!» — с этим твердым решением Петр начал весной 1720 г. предпоследнюю кампанию двадцатилетней войны. А миром «полезным» он считал закрепление за Россией навсегда завоеванных прибалтийских берегов, хотя бы для этого пришлось воевать еще новых 20 лет.

При существовании могучего Балтийского флота Петру не были опасны ни император «Священной Римской империи германской нации», у которого никаких сил на Балтике не было, ни Фридрих-Вильгельм I, боявшийся царской мести за свой предательский мир со Швецией и крайне обрадованный тем, что Петр удовлетворился подписанием в Потсдаме (в феврале 1720 г.) договора о нейтралитете. У Фридриха-Вильгельма на Балтийском море тоже не было ничего, хотя бы отдаленно похожего на русские морские силы. Датский двор держал себя более независимо и был доволен миром со Швецией, но ведь и речи не могло быть об активной помощи Швеции со стороны датчан, поскольку шведы не скрывали намерений завладеть датской Норвегией и рано или поздно выгнать вон датчан с полуострова.

Одним словом, Англия, если бы она ввязалась в войну против России, могла рассчитывать на помощь только потрепанного, ослабшего шведского флота.

Между тем, к большому раздражению англичан, строительство новых кораблей в России безостановочно продолжалось в 1719 и 1720 гг. на всех балтийских верфях. Всячески желая затормозить рост могущества русского флота, британский посол в Петербурге Джеймс Джеффрис посоветовал своему правительству

отозвать из России английских корабельных мастеров. В апреле 1719 г. Джеффрис писал лорду Стэнгопу: «Я позволю себе, ваше сиятельство, обратить ваше внимание на другой разряд лиц, пользующийся большой милостью у царя. Завистники дают им особое насмешливое прозвище. Говорю о корабельных мастерах. Они, насколько могу судить, если долго останутся на службе царской, поставят царя хозяином Балтийского моря. Один из них недавно уверял меня, что, проживи царь еще года три, у него будет флот в сорок линейных кораблей, от семидесяти до девяноста пушек каждый, да двадцать фрегатов, от тридцати до сорока пушек каждый, построенных здесь и как нельзя лучше. Этих людей царь ласкает особенно милостиво: жалование они получают большое, выплачивается оно аккуратно, они видятся с ним частным образом, их царь сажает за свой стол при самых многочисленных собраниях.

...Предоставляю вам, однако, судить — входит ли в интересы Великобритании быть зрительницею возрастающего могущества России, особенно на море — к тому же могущества, создаваемого руками английских подданных? Если позволите мне высказать свое мнение по этому поводу, скажу, что давно пора отозвать этих мастеров из царской службы. Здесь пять мастеров, кроме простых рабочих; все они британские подданные. Трое из мастеров признаются такими плотниками, что лучших и в Англии не найдется, а так как я не сомневаюсь, что все они верные подданные короля и расположены к его правительству, не сомневаюсь, что они возвратятся домой, если им на родине предоставлено будет положение, сколько-нибудь вознаграждающее за то, что они потеряют здесь. Если в то же время издать строгий указ против всех английских подданных, которые не возвратятся, мастерам дан будет хороший повод оправдать свое поведение. Без такого указа им, ввиду всех милостей, которыми они осыпаны, трудно найти повод к отъезду, как бы они его ни искали. Надеюсь, вы извините мне смелость моих предложений; решаюсь на них единственно в уверенности, что они клонятся к выгоде Великобритании, и потому, что не знаю, какие бы еще пути могли быть найдены, чтобы воспрепятствовать утверждению царя на Балтийском море»¹. Конечно, Джеффрис очень преувеличивал значение английских кораблестро-

ителей: русские мастера уже вышли на самостоятельную дорожку к этому времени.

В мае 1719 г. Джеффрис вновь настаивает перед своим правительством на необходимости отозвания английских корабельных мастеров из России. «Позволю себе еще раз обратить внимание ваше на сделанные мною предложения касательно английских корабельных мастеров, состоящих на царской службе, — писал он лорду Стэнгопу. — Со времени моего приезда они спустили один корабль в девяносто пушек, другой — в шестьдесят пушек — будет готов на днях; затем, десять кораблей стоят на верфях, все они линейные и большинство их должно быть готово в течение года. Кроме царя (у которого здесь своя верфь, как и у прочих мастеров) и пяти англичан, здесь есть еще один мастер-француз, голландцев же ни одного, так как царь не любит их систему постройки; следовательно, если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена; если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя, быть может, уже и поздно. Еще недавно царь открыто в обществе высказал, что его флот и флот Великобритании — два лучших флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучше, чем наш? Короче — корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю, чтобы создать из них моряков»².

Прошли и парламентское постановление и указ лордов юстиции, призывающий английских корабельных мастеров возвратиться на родину, а результата от этого не получилось. Английские мастера по-прежнему строили корабли, распивали с царем (угощаясь у него или угощая его у себя) английский джин и русскую водку и не помышляли о том, чтобы бросить русскую службу. Вот как оправдывается Джеффрис перед начальством в безуспешности своих стараний: «Я смиренно прошу их превосходительства (лордов юстиции. — *Е.Т.*) принять

в соображение трудности, которые я встречаю со стороны корабельных строителей. Эти люди привезли с собой сюда все, что имели, и им нечего терять в Великобритании, так как у них там нет ни земли, ни другой недвижимой собственности. Они явились в эту страну (Россию. — *Е.Т.*) со своими семьями искать благосостояния и в некоторых отношениях нашли его, так как их заработная плата значительна: двое из них получают каждый ежегодно по 2000 рублей, а трое других по 800 рублей каждый, кроме случайных подарков и других выгод. Они пользуются таким почетом, на который нельзя было бы рассчитывать ни в какой другой стране, хотя бы они были знатными людьми, так как они окружены самым ласковым вниманием царя и, следовательно, всех высокопоставленных лиц государства. Они участвуют во всех царских развлечениях, а на празднествах сидят за его столом, в то время, когда знатнейшие люди принуждены ждать стоя. Коротко говоря, царь ничем не пренебрегает, лишь бы привлечь их к себе и чтобы побудить их оставаться на его службе всю жизнь».

У Джеффриса и его начальников было над чем сокрушаться. Если всего шесть лет назад царь имел только 17—18 линейных кораблей, из которых часть была куплена за границей, а часть выстроена в Архангельске, то в 1719 г. в Балтийском флоте насчитывалось, по сведениям Джеффриса, уже 27 или 28 линейных кораблей, из которых были построены в течение последних шести лет в Петербурге: «Гангут» (90-пушечный), «Лесное» (90-пушечный), «Александр» (78-пушечный), «Нептун» (70-пушечный), «Ревель» (70-пушечный), «Ингерманландия» (64-пушечный), «Москва» (64-пушечный), «Шлиссельбург» (64-пушечный), «Екатерина» (64-пушечный), «Виктория» (64-пушечный), «Полтава» (50-пушечный), фрегат «Илья» (32-пушечный), пинк «Александр» (20-пушечный). На верфях летом 1719 г. строилось еще 10 линейных кораблей, и ожидалось, что к весне 1720 г. семь будут готовы к военным действиям. «Едва только спускается на воду один корабль, как уже другой строится на верфи», — горевал Джеффрис. Корабли строятся превосходно, не хуже, чем в любой европейской стране, материал Россия имеет прекрасный, корабельный лес так дешев, что русский корабль обходился на $\frac{2}{3}$ дешевле, чем

корабль, выстроенный в Англии для английского флота. Все это удручало английское сердце. А к тому же русские моряки очень быстро обучались своему делу, и были все основания полагать, что со временем они станут так же хороши, как и русские солдаты. Джеффрис снова и снова повторяет просьбу: пообещать англичанам, находящимся на службе в России, хотя бы половину того, что они сейчас получают, если они вернутся в Англию. Иначе хуже будет, ибо то, что английские мастера обучают русских кораблестроительному искусству, «приносит Англии убытки ежегодно в двадцать раз больше, чем все расходы на них со стороны царя»³.

Ничего, однако, из всех этих происков не вышло. Самая кипучая работа шла летом, осенью, отчасти зимой 1719 г. и, наконец, весной 1720 г. на всех верфях. Продолжалась подготовка к нанесению окончательного удара Швеции. Джеффрису пришлось иметь по поводу попыток английского правительства отозвать из России корабельных мастеров очень неприятное объяснение с Шафировым. Шафиров резко и ядовито напал на англичан, говоря, что король и его министры делают все от них зависящее, чтобы досаждают царю и мешать России строить флот. При этом он подчеркнул, что все эти происки ни к чему не приведут, ибо, во-первых, английским мастерам так хорошо в России, что они не захотят бросить работу, а во-вторых, английские власти опоздали со своими мерами; русские уже научились и сами строить корабли. Тут же, пользуясь, так сказать, случаем занимательной беседы, Шафиров сообщил Джеффрису, что русским прекрасно известны интриги, которые ведутся против России в Берлине Витвортом (бывшим британским послом сначала в Москве, а потом в Гааге) и в Стокгольме голштинским дипломатом Бассевичем, тайно предлагающим Швеции вступить в оборонительный союз с Голштинией⁴.

Против кого будет направлен такой союз, говорить было незачем. Как и Дания, как и Мекленбург, как и Данциг, бывший на известных условиях в польском подданстве, Голштиния уже забыла о времени, когда она боялась Карла XII. Теперь русский флот, владыка Балтийского моря, наводил страх на прибрежные государства.

Словом, карты были выложены на стол. Если не английская, то русская сторона дала положению дел откровенную оценку: Англия — мнимый союзник и действительный противник России; Дания — тоже мнимый союзник и, может быть, завтра под влиянием англичан перейдет во враждебный стан; такова же позиция и Голштинии; Швеция колеблется, боится десанта, боится блокады и все-таки не решается признать двадцатилетнюю борьбу окончательно проигранной. А следовательно, не такое сейчас время, чтобы отпускать искусных корабельных мастеров с русских верфей и замедлять кораблестроение. Все это, по существу, Шафиров и высказал Джеффрису.

Балтийский флот продолжал безостановочно расти. Англичане определенно начинали бояться его и в секретной корреспонденции уже не скрывали этого.

Петра возмущало не только быстрое превращение Англии из союзной с Россией державы в опасного неприятеля, но и вызывающий тон, который усвоили себе английские дипломаты, а особенно флотоводцы, в сношениях с русскими.

Царь просто приказал не принимать от англичан деловых бумаг, написанных слишком уж нагло. «Ныне на Аланд к нашим министрам прислали агличане посол (*sic.* — *Е.Т.*), который в Швеции, и Норрис ко мне письма по обычаю их варварской гордости с угрозами (пишет. — *Е.Т.*), с которых наши министры просили копии, и когда получили и видя такую мерзость не приняли», — сообщает царь князю Борису Куракину 20 сентября 1719 г. и прибавляет нечто уже по существу дела: «Того ради накрепко можешь обнадежить, что мы ни на какие их угрозы не посмотрим и бесполезного миру не учиним, но, что бы ни было, будем продолжать войну, возлагая надежду на правосудца бога против таких проклятых обманщиков»⁵.

Петр был раздражен этой умышленной медлительностью шведского правительства, этим явным сговором с англичанами, этим поджиданием прихода большой английской эскадры и ее чаемым внезапным нападением на русский флот.

Он решил пустить в ход самые крайние меры. «Я пошлю сорок тысяч вооруженных уполномоченных, которые подкрепят то, что говорится на Аланде» — так передавали слова Петра весной и летом 1719 г. Решено было напасть непосредствен-

но на берега Швеции и военной экзекуцией побудить стокгольмское правительство ускорить подписание мира. 12 линейных судов и большой галерный флот собраны были к середине лета у Лемланда (недалеко от Аландской группы островов). Царь предупредил королеву Ульрику-Элеонору о предстоящем и заявил, что как только глава эскадры, предназначенной к нападению на шведские берега, адмирал Апраксин получит от Остермана, отправляемого одновременно в Стокгольм, известие, что королева приняла условия мира, — военные действия прекратятся.

10 (21) июля и в ближайшие дни 1719 г. Апраксин произвел высадку русских войск в разных пунктах побережья. Шведы оказались бессильны и предупредить высадку и защитить города и деревни. Были отчасти сожжены, отчасти разорены шесть городов, много больших деревень, железоделательных заводов, были подожжены на громадном пространстве густые леса. Полуголодная, обнищавшая, утратившая и прежнюю дисциплину и бывшее чувство уверенности в себе шведская армия была к тому же раздроблена: часть ее должна была отбиваться от датчан на западе, т.е. на другом конце государства. Русские действовали совершенно свободно. В тех редких случаях, когда предвиделся поход сколько-нибудь значительного шведского отряда, высаженные войска спокойно садились на свои суда, и флот Апраксина доставлял их на другое место. В Стокгольме царила страшная паника, молили англичан о скорейшей помощи, но адмирал Норрис «спешил» весьма медленно, а когда пришел, то воздержался от сближения с русским флотом и вскоре ушел восвояси.

Прибрежные жители спасались бегством и лишь крайне редко оказывали сопротивление. Прямое нападение грозило уже непосредственно Стокгольму.

Королева просила Остермана передать Петру о ее желании возобновить мирные переговоры. Апраксину велено было приступить к свертыванию экспедиции, и русские войска покинули Швецию, согласно обещанию Петра.

И старые и новые шведские, немецкие, английские историки с большим чувством порицают «варварский характер этой и следующих двух экспедиций, говоря о разорении имущества

жителей, сожжении деревень, городов, лесов и т.д. Но они не осмеливаются писать об убийстве людей, потому что русским войскам строго воспрещено было убивать. Эти суровые проповедники морали ни единым звуком не упоминают о том ужасающем, систематическом истреблении русского населения, безоружных крестьян и горожан; о тех беспощадных разбоях, которым предавались шведские войска с полного благословения Карла XII и фельдмаршала Реншильда в 1708—1709 гг., во время нашествия на Белоруссию и Украину.

Летом 1720 г. Петр считал полезным произвести вторую демонстрацию. Русский шхерный флот под прикрытием галер высадил в Вестерботнии, у г. Умеа, войска, которые сожгли город и вернулись вскоре обратно в занятую русскими Финляндию. Но и это оказалось недостаточным. 17 мая 1721 г. русский флот показался у Гефле и начал затем высаживать отряды на берегу от Гефле до сожженной в предшествующем году Умеа. Опять в Балтийском море, как и в 1719 г., как и в 1720 г., крейсировал Норрис и опять никакой помощи шведам оказать не решился.

Изверившись в английской помощи, поняв, конечно, что британский кабинет шутит с ним плохую шутку и что подстрекает Швецию к совсем уже бесцельному, ужасающему по своим последствиям продолжению безнадежно проигранной на суше и на море войны, шведское правительство пошло на все требования Петра.

Но еще раньше чем был подписан мир, Петр решил издать давно жданный флотом Морской устав.

ГЛАВА XV

В своем указе от 13 января 1720 г. по поводу издания Морского устава Петр написал: «Всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет. А который и флот имеет, обе руки имеет».

Когда же и было Петру окончательно удостовериться в истинности этого положения, как не в те решающие последние годы Северной войны, когда русский флот все чаще и чаще стал высаживать десанты на шведских берегах и не позволил британскому

адмиралу, приходившему в Балтийское море с эскадрой, подать помощь погибающей Швеции? Когда же и было, как не в этот момент, особенно почувствовать колоссальное значение «второй руки», видя, что даже страшнейший удар, нанесенный под Полтавой «первой рукой», не лишил шведов возможности еще одиннадцать лет упорствовать и продолжать борьбу?

Поистине огромно было влияние русского Балтийского флота на исход Северной войны. Самый факт существования новых и уже значительных морских вооруженных сил круто менял традиционную картину русско-шведского спора. Но ведь этот флот не стоял на месте, он непрерывно вел боевые действия. Флот помог армии завоевать Финляндию, он победил шведов у Гангута и Эзеля, уничтожил много металлургических заводов на берегах Швеции, и можно было ждать, что он произведет громадную высадку около Стокгольма.

Англичан уже не удивляло, а раздражало и пугало новое поведение Петра, новый язык русской дипломатии при объяснениях с ними.

Когда адмирал Норрис в 1720 г. снова вошел в Балтийское море, Петр послал ему формальный вопрос (хотя Норрис еще находился только у датских берегов): зачем он появился, не затем ли, чтобы вредить русским интересам? И Норрис смиренно ответил, что у него нет никаких инструкций такого рода.

Читая документы, относящиеся к очень раздраженным перекорам между английским правительством и Петром в последние годы перед Ништадтским миром, исследователь просто не может подавить чувство удивления, хотя бы даже он, приступая к этим документам, отлично знал основную фактическую ткань этого периода. Нужно, в самом деле, вчитаться в тяжеловесную многословную (типичную в этом отношении для начала и середины XVIII в.) корреспонденцию, которую вел с английской стороны Стэнгоп и подписывал Георг I, а с русской стороны вели Веселовский, Шафиров и другие, а вдохновлял и подписывал Петр, чтобы постигнуть всю невероятную перемену, которую пережила Россия за немногие годы и благодаря которой русский царь мог теперь диктовать свою волю Дании, Бранденбургу, Голландии, всем прибрежным державам Балтики и готовился принять капитуляцию Швеции.

Взросшие вес и значимость русского флота определились наличием не только многочисленных и сильных линейных кораблей, но и огромного количества разных гребных судов, которые готовы были по первому мановению Петра перебросить его грозные полки в Данию, в Швецию, в Кольберг.

Но Петр не бравировал. Напротив, он решил быть очень осторожным с англичанами, которые все-таки могли России навредить, пока мир со Швецией не был подписан.

В рукописном сборнике писем Петра к Апраксину мы находим письмо (от 31 марта 1720 г.), в котором говорится по поводу инструкции адмирала об осмотре иностранных судов, останавливаемых на море русским флотом: «...написано, что все корабли иностранные кроме галанских и французских осматривать, а об английских неупомянуто и когда их будут осматривать, то более причин подадут переругнями к ссоре, чего министры их ищут, что весьма оставить надобно. Так кажется, что ныне лучше не брать кроме Швеции...» Царь знал, что англичане будут придирааться, и он не хотел дать им никаких к тому поводов, а почему — это он объясняет Апраксину дальше: «дабы сие лето посмотреть, куды обратятца дела, понеже чаем быть в Европе великим переменам»¹.

27 июля 1720 г. князь Голицын напал у о. Гренгам на шведскую эскадру. Шведы защищались очень храбро и настойчиво, но были разбиты. Русские захватили 4 фрегата и взяли в плен 407 человек. У шведов было убито 103 человека, у русских убито 82 человека и ранено 246 человек. Шведская артиллерия на этот раз действовала искусно и вывела из строя много русских галер, но все-таки лишь бегство спасло шведскую эскадру от полного уничтожения. Петра больше всего восхищало, что под Гренгамом русский флот доказал, что он может топить и брать в плен шведские суда, невзирая на присутствие в Балтийском море могущественной английской эскадры Норриса. А ведь Норрис пришел в 1720 г. с 18 линейными кораблями, 3 фрегатами и другими судами. Говоря о беспрепятственном разорении шведских берегов русским флотом и о Гренгамской победе, царь с иронией по адресу англичан писал Меншикову: «Правда не малая виктория может причесться, а наипаче, что при очах английских, которые равно шведов обороняли, как их земли, так и флот»².

«При очах английских»... Английским очам предстояло увидеть в 1721 г. еще более печальное зрелище: полное крушение всей их политики на Балтийском море, упорно проводившейся в течение последних лет Северной войны.

ГЛАВА XVI

В апреле 1721 г. в финляндском городе Ништадте возобновились мирные переговоры между Россией и Швецией. От имени шведского короля Фридриха, вступившего на престол в 1720 г., после отречения Ульрики-Элеоноры, в Ништадте действовали граф Иоганн Лилиенштед и Отто Рейнгольд Стремфельд, а от имени царя — граф Я. Брюс и А. Остерман. Но еще раньше, чем уполномоченные съехались в Ништадт, король шведский просил французского посла в Стокгольме Кампредона съездить в Петербург и позондировать почву, нельзя ли что-нибудь выторговать у царя? Поездка Кампредона не увенчалась успехом. Петр не уступал ни Выборга, ни Кексгольма, а также ничего решительно из своих эстонских и ливонских завоеваний (об Ингрии и Карелии Кампредон, конечно, и речи не заводил).

Когда в Ништадте открылись официальные переговоры, то сразу же сказалось стремление Фридриха и его уполномоченных затянуть эти переговоры. Повторялись неоднократные попытки убедить Остермана и Брюса, что следует заключить пока мир временный, прелиминарный, а уж потом с божией помощью и окончательный. Но Петр знал, что Фридрих надеется не столько на божью, сколько на английскую помощь, и остался непреклонным. Шведы упорствовали, и пришлось пустить в ход реальную угрозу, чтобы покончить с проволочками. Петр решил произвести новое нападение на стокгольмские шхеры галерным флотом (171 галера и 4 бригантины) под прикрытием линейных кораблей. Однако появление в конце апреля 1721 г. Норриса с эскадрой в составе 29 кораблей и последовавшее вскоре присоединение к Норрису шведского флота (11 кораблей, 3 фрегата и брандер) заставили все же Петра отказаться от прямого и непосредственного нападения на стокгольмские шхеры. Зато в другом месте (между городами Гефле и Питео) высадка войск под начальством генерал-лейтенанта

Ласси была в середине мая 1721 г. произведена. Шведы были разбиты, а береговые селения разорены, 13 заводов («железных», из них один оружейный) сожжены дотла. Сожжено было также более 40 торговых судов, а кроме того, забрана некоторая военная добыча. Снова паника охватила страну.

В Англии очень хорошо знали о громадном русском флоте, который находился весной 1721 г. у Котлана и в Ревеле и состоял из 27 линейных кораблей, 12 фрегатов и шняв, 3 бомбардирских кораблей, имевших в общей сложности 2128 орудий и 16 120 человек команды.

Дать по своей инициативе бой Норрису Петр не решался, предпочитая выжидать, но и Норрис тоже не решался вступить в сражение с русским флотом, и это окончательно определило судьбу Швеции, ускорив заключение тяжелого для нее мира.

30 августа 1721 г. мирный договор между Россией и Швецией был наконец подписан. По договору, шведский король уступал «за себя и своих потомков и наследников свейского престола и королевство Свейское его царскому величеству и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез его царского величества оружие от короны свейской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, который ниже сего в артикуле разграничения означен и описан с городами и крепостями: Ригию, Дюнаминдом, Пернавою, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом, и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенями, местами, дистриктами, берегами с островами: Эзель, Даго и Меном и всеми другими от Курляндской границы по Лифляндским, Эстляндским и Ингерманландским берегам и на стороне оста от Ревеля в форватере к Выборгу на стороне зюйда и оста лежащими островами со всеми так на сих островах, как в вышеупомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями...»¹

К мирному договору был прибавлен «артикул сепаратный», по которому Россия соглашалась уплатить Швеции в четыре срока в течение ближайших двух лет 2 млн. ефимков, в «артикуле», конечно, не упоминалось, что на эту уступку шведскому самолюбию Петр пошел как бы в виде частичной уплаты за потери

Швецией Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и Выборгского округа, чтобы дело имело вид «добровольной» сделки.

Английский кабинет отдавал себе отчет в понесенном им тяжком дипломатическом поражении. Годами англичане делали все возможное, чтобы отсрочить заключение русско-шведского мира и воспрепятствовать окончательному закреплению России на берегах Балтики. Но теперь, в 1721 г., дальнейшая отсрочка могла лишь вконец погубить Швецию, и министр лорд Таунсенд принужден был 27 июля инструктировать адмирала Норриса: пусть «шведы скорее подчинятся каким угодно условиям, чем продолжать войну, которая может кончиться не чем иным, как полной гибелью шведского короля и королевства (the king and kingdom of Sweden's entire destruction)».

Таким образом, не только Швеция расписалась в Ништадте в своей конечной неудаче. Главный представитель крайне враждебной в те годы к России английской политики, король Георг I тоже «потерпел ужасное поражение» (suffered dire defeat), как принужден с прискорбием признать относительно результатов Ништадтского мира для Великобритании новейший английский историк Чэнс, посвятивший политике Георга I в Северной войне большую специальную монографию².

В Петербурге, на Неве, на Котлине, в завоеванных городах балтийского побережья шли празднества в ознаменование победы. «...Генерал-адмирал, все флагманы и министры просили государя, во знак всех понесенных его величеством в сей войне трудов, принять чин адмирала Красного флага, что государь с удовольствием и принял», — читаем в собранном в конце XVIII столетия сборнике преданий и рассказов о Петре I³. В счастливейшие дни своей жизни, когда был подписан победоносный мир со Швецией после двадцатилетней опасной и кровопролитной войны, Петр отметил принятием этого военно-морского чина ту огромную роль в победе России, которую сыграл созданный им флот.

ГЛАВА XVII

И после заключения Ништадтского мира в России продолжалось кораблестроение. Балтийский флот получал новые и новые пополнения. Корабли ходили в плавания, исправно проводилось обучение экипажей. Иностранцы, приглядывавшие-

ся к русскому флоту, удивлялись качествам русских кораблей. Флот, как пишет Берхгольц, осматривавший его 5 октября 1723 г., «состоял из двадцати с лишком линейных кораблей, которые все, за исключением двух или трех, никак не старше 8 и 9 лет. Офицеры уверяли, что они так превосходно сделаны, как нигде в свете, и что такого корабля, как «Екатерина» (на котором в нынешнем году летом плавал император), если рассматривать его со стороны устройства и красоты, даже нет ни в Англии, ни в других государствах»¹.

Еще в предпоследний год войны вышел знаменитый петровский морской регламент, по правилам которого в течение ряда поколений жил русский флот. На титульном его листе было написано: «Книга устав морской о всем что касается доброму управлению в бытность флота на море. Напечатался повелением царского величества в Санкт-петербургской типографии, лета господня 1720, апреля в 13 день». Печатался он ровно четыре месяца.

Тексту регламента предшествует «Предисловие к доброхотному читателю» и указ от 13 января того же 1720 г. Указ очень характерен. «Учиня устав воинской сухопутной, — говорится в указе, — ныне с помощью божиею приступаем к морскому, которое такожь прежде сего начинаемо было. А именно при блаженной и вечнодостойной памяти его величества государя отца нашего, для мореплавания на Каспийском море. Но тогда, чего ради тому не исполнится, и на нас сие бремя, воля вышнего правителя возложить изволила. Оное оставляем непостижимым судьбам его. И понеже сие дело необходимо нужно есть государству (по оной присловице: что всякой потентат, которой едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет. А который и флот имеет, обе руки имеет) того ради сей воинской морской устав учиняли, дабы всякой знал свою должность, и неведением никтоб не отговаривался. Которое выбрано из пяти морских регламентов, и к тому довольную часть прибавили что потребно. Еже все чрез собственный наш труд учинено и совершено в Санкт-Петербурге, 1720 году, генваря в 13 день».

Великолепный фолиант, напечатанный крупным шрифтом на плотной бумаге, представляет собой свод законоположений, регулирующих жизнь на корабле и на суше, поскольку деятель-

ность служебных лиц на суше относится к морскому делу. Много внимания посвящено правилам, относящимся к поведению служащих на корабле людей во время боя. Устав грозит суровыми наказаниями ослушникам. Он очень точен и дает в ряде случаев самые детальные инструкции.

На Балтийском море постепенно водворялось спокойствие. Торговые сношения приходили в норму.

Завоевательных целей, направленных против Швеции, у Петра после Ништадтского мира не было. Это доказывается не только тем, что, имея полную возможность отодвинуть далеко к северу границы русских владений в Финляндии, Петр этого и не думал делать, но также тем, что большой и сильный русский флот, которого очень страшился шведский король и его приближенные, старательно избегал каких-либо поползновений на неприкосновенность берегов и территориальных вод Швеции. Финский залив, правда, фактически находился в руках России, но залив Ботнический со своими Аландскими и другими островами, шхерами, водами считался владениями шведской короны, суверенные права которой Петр после 1721 г. старался особенно щепетильно соблюдать.

К началу октября 1723 г. были заложены обширнейшие укрепления, которые предназначились для того, чтобы сделать о. Котлин неприступным. Тогда же последовало и переименование крепости в Кронштадт. Вот что пишет Берхгольц, присутствовавший при церемонии 7 октября 1723 г.: «Новое укрепление, как говорят, будет состоять из многих бастионов, которые назначено протянуть во всю длину острова, от верхнего конца берега до нижнего, для защиты всего города и гавани со стороны Карелии; им же будет заключаться и большой новый канал, идущий из гавани внутрь острова и служащий для удобнейшего проведения больших кораблей, нуждающихся в починке, к докам, которые устроены с одной его стороны. Когда окончилась первоначальная закладка, сопровождавшаяся 21 пушечным выстрелом с форта Кронслота (Кроншлота. — *Е.Т.*), не только новое укрепление, но и самый город получил название Кронштадта, тогда как прежде этот город назывался только или по имени форта Кронслота или по имени острова, на котором находится (Котлина. — *Е.Т.*)»².

Блестящие победы России в Северной войне, наличие перwokлассной армии и мощного флота начинали создавать вокруг России ореол непобедимости в глазах не только ее очень немногих друзей, но и многочисленных врагов. Сирил Уич (Wich), английский резидент в Гамбурге, доносил в мае 1721 г. о настроеннях прибалтийских государств: «Люди до такой степени убеждены в могуществе царя, что его боятся повсюду»³.

Французский посол Кампредон, характеризуя положение России в последние полтора-два года жизни Петра, писал королю Людовику XV о царе: «Он выполнял обязанности барабанщика и плотника и постепенно, переходя из чина в чин, дошел до звания генерала и адмирала, соблюдая во всякой должности с самой крайней точностью повиновение и субординацию по отношению к высшим начальникам и дисциплине... Таким образом, с непостижимым трудом и терпением ему удалось образовать хороших сухопутных и морских офицеров, превосходных солдат, более чем стотысячную регулярную армию, флот из 60 кораблей, из которых 20 — линейные, причем ежегодно он увеличивает свой флот ста пятьюдесятью галерами. Уже видели, как с этими судами он пересекал Балтийское море и был способен в очень короткое время перевезти значительную армию во владения своих соседей. Я говорю: в очень короткое время, так как непостижимо, с какой быстротой тут исполняются подобные намерения»⁴.

Кампредон, как и другие иностранные наблюдатели, именно наличие большого военного флота придает решающее значение в укреплении громадного влияния России на дела Европы вообще и Северной Германии, Дании, Голландии в частности. Кампредон отмечал, что в Петре проявился «великолепный гений, подкрепляемый зрелыми размышлениями ясного проникновенного рассудка, чудотворной памятью и храбростью», и что в то же время «он одарен необычайной осторожностью» (*d'une prudence consommée*). Все эти качества сделали Петра «величайшим обладателем земель во всей Европе и самым могущественным государем Севера». Итак, «Россия, едва известная некогда по имени, теперь сделалась предметом внимания большинства держав Европы, которые

ищут ее дружбы, или боясь ее враждебного отношения к их интересам или надеясь на выгоды от союза с ней»⁵.

У царя, по сведениям того же прекрасно информированного посла Кампредона, имеется в распоряжении 115—118 тысяч регулярных войск, не считая казаков, киргизов, калмыков и т.д., а также могущественный военный флот. «При первой лишь демонстрации со стороны его (Петра. — *Е.Т.*) флота, при первом движении войск ни Швеция, ни Дания, ни Пруссия, ни Польша не посмеют пошевелиться (*branler*)», — пишет посол Кампредон в Париж 9 января 1724 г. и прибавляет, что хорошо расширить торговлю с Россией, потому что царь — «единственный монарх на Севере, который в состоянии заставить уважать свой флаг»⁶.

Когда в конце 1723 г. скончался регент Франции Филипп Орлеанский, то граф де Морвиль, временно управлявший ведомством иностранных дел, спешит уведомить посла в Петербурге, что смерть регента нисколько не меняет намерения Франции вступить в тесный союз с царем (*former d'étroites liaisons avec le czar*). Из Франции приезжает для торговых переговоров Дешаррье, и переговоры завершаются успехом. Уезжая, Дешаррье увозит с собой посылаемых Петром во Францию двух молодых кораблестроителей для усовершенствования в корабельном деле. Этот Дешаррье изучал некоторые производства в России и пришел к заключению, что, например, «и пушечный и ружейный порох в России гораздо лучшего качества, чем французский». Мало того, так как во Франции признано было необходимым спешно увеличить королевский военный флот, то, по совету Кампредона, французское правительство хотело купить у России линейный 92-пушечный корабль, но цена (92 тысячи рублей, или 713 тысяч ливров) показалась слишком высокой⁷. Самая мысль, что Франция, старая морская держава, желает покупать линейные корабли у России, могла бы еще, например, в 1715 г. показаться фантастической.

Повелитель большого флота и большой армии, Петр I мог могущественно влиять на все прибалтийские государства, даже не прибегая к явным дипломатическим угрозам.

Поглядим, что делалось в Северной Европе, например, в июне и июле 1723 г. Шведский король в тревоге («его положе-

ние печально»), датский король трепещет и обращается к Англии с просьбами о защите. В Мекленбурге теряют голову, не знают, как побудить «Священную Римскую империю» вступить в случае нужды. Данцигские купцы тоже боятся русской высадки. Из-за чего же происходит переполох? Правда, сильно говорят о желании царя обеспечить за голштинским герцогом шведское престолонаследие. Но в общем, никто в точности не знает намерений России, и именно поэтому все прибалтийские государства и волнуются. Объяснение чрезвычайно просто: в Петербурге, у Котлина и в Ревеле стоят в полном снаряжении не менее 22 линейных кораблей, 8 фрегатов, немало брандеров и бомбардирских кораблей и 70 галер. А на берегу готовы около 17 тысяч солдат, «не считая тех, которые обыкновенно уже находятся на судах»⁸, — сообщает своему королю французский посол в Петербурге Кампредон в июне 1723 г. И это происходит в такой момент, когда еще не окончена большая, далекая, нелегкая война с Персией и когда Турция, обеспокоенная русскими успехами на Каспийском море, собирается грозить всерьез своим наступлением.

Следя беспокойным взором за движениями Балтийского флота, иностранные дипломаты принуждены были убедиться, что в России создан флот и на далеком Каспийском море, и он не только возник там внезапно, «из ничего», но даже умудряется брать города.

Вот приходит весть о взятии города Баку — «лучшего порта на всем побережье между Шемахой и Гилян». Царь в большой радости показывает послам планы города, рассказывает о бомбардировании его, и французский посол доносит королю о значении этого завоевания, о громадном обилии драгоценной нефти (*le bitume, qu'on appelle oleum petrae*) и о самом дикийнном деле: «Что наиболее замечательно в этом завоевании — это то обстоятельство, что флот, совершивший это предприятие, был выстроен в нынешнем же (1723. — *Е.Т.*) году»⁹.

ГЛАВА XVIII

В 1723 г. Петр решил доставить в Петербург «дедушку русского флота» — ботик, на котором он в молодости катался на

реке Яузе, и приказал устроить ему торжественную встречу. По этому случаю ботик был заранее исправлен и привезен из Москвы в Шлиссельбург. 30 мая Петр лично привел ботик в Петербург. Здесь его торжественно встречали суда неевского флота и все «знатные особы». Вот что доносил французскому королю Кампредон, лично наблюдавший эти торжества:

«Государь, давая вашему величеству отчет о разных учреждениях, созданных царем для поддержки и увеличения своего могущества, я имел честь заметить, что по своим склонностям наибольшее внимание и заботы (*ses soins les plus attentifs*) он отдавал своему флоту. Ничто не доказывает лучше эту истину, чем то, что этот государь только что сделал, чтобы почтить память предмета, послужившего начальным поводом к созданию флота. Восемьдесят лет тому назад дед его царского величества выписал из Англии через Архангельск в Москву маленькое судно или, лучше сказать, модель военного судна размерами очень малой шлюпки, которую он назвал «Св. Николай», довольно грубой постройки, согласно обычаям того времени. Можно предполагать, что намерение царя Михаила Федоровича заключалось в том, чтобы выстроить несколько судов по этой модели. Но исполнение этого было предназначено ныне царствующему монарху, который в своей юности, прослышав о судне «Св. Николай», сохранившемся в арсенале, пожелал его видеть. Найдя его почти вовсе изъеденного червями, он велел обить его снаружи медью. Как только он получил свободу действовать по своей воле, он велел выстроить большое судно на Переяславском озере, куда он отправлялся кататься всякий раз, когда имел для этого досуг. Это и было началом проявления охоты государя к флоту. Он уже довел свой флот до большого совершенства и, чтобы почтить память «Св. Николай», велел доставить его из Москвы и поместить в Кроншлоте (*sic. — E.T.*), как зачинателя флота. Как только царь узнал о прибытии этого судна в Шлиссельбург, куда попадают водою из Ладожского озера и который отстоит на четыре лье от Петербурга, он отправился туда с десятью галерами. Он приказал флотилии буеров и барж ждать его у Невского монастыря, куда он хотел прибыть 9 числа (июня нов. ст. 1723 г. — *E.T.*), накануне своего дня рождения... Меня предупредили, что я

доставлю царю удовольствие, если поздравлю его с этим празднеством, и я отправился в монастырь к его прибытию. Флотилия из ста буеров, яхт... была выстроена в боевой порядок на реке. На них были флаги всех должностных лиц флота, а на возвышении над портом установили одиннадцать чугунных пушек. Как только появился царь со своими десятью галерами и несколькими яхтами, передняя яхта приветствовала адмиральский флаг семью выстрелами, другие проделали то же самое, за исключением той, которая вела на буксире «Св. Николай» под императорским штандартом. Эта яхта ответила салютом после того, как все другие ей салютовали, а артиллерия из монастыря салютовала, когда царь велел становиться на якорь. Министры и другие придворные вельможи, следовавшие за государем, пошли в монастырь, пока царь переодевался. Узнав о времени, когда царь сойдет со своей яхты, я имел честь его приветствовать и поздравить его с великой и прекрасной семьей, которую породил маленький «Св. Николай». Я заметил, что этот комплимент очень понравился царю. Он взял меня за руку, показал мне лично особенности конструкции этого судна и рассказал мне некоторые подробности, которые я имел честь изложить выше».

Празднества продолжались и на другой день, когда флотилия стала на реке, напротив сената. Гремели залпы артиллерии из крепости, не прерывались и ружейные салюты 2500 чел. солдат на берегу. Кончились торжества колоссальным пиршеством и во дворе, и на реке, и на улицах «Петербурга-городка»¹.

7 августа ботик был доставлен к Котлину, а 11 августа там были по этому случаю устроены торжества. Как доносил Кампредон королю, «царь повелел торжественно доставить указанное судно (ботик. — *Е.Т.*) из Петербурга в Кроншлот в сопровождении 120 яхт, или буеров, на которых находились его министры и служащие как гражданские, так и военные. «Св. Николай» вступил в Кроншлот при громе салютов в три тысячи пушечных выстрелов. Его спустили на воду и обвели вокруг всего флота, причем царь правил рулем, генерал-адмирал Апраксин и адмирал Крюйс гребли, а кн. Меншиков, занимающий пост адмирала синего флага, исполнял должность генерал-адмирала при салютовании. Торжество закончилось большим пиром в палатке, на берегу моря»².

К этому описанию торжеств в честь ботика следует добавить еще показания Нартова:

«...Когда по возвращении в гавань произведен был залп, то государь, выходя из ботика к встречающей его императрице и ко всем министрам и флотским адмиралам, сказал: «Смотрите, как дедушку (так называл он ботик) внучаты веселят и поздравляют! От него при помощи божеской флот на юге и севере, страх неприятелям, польза и оборона государству!» Во время стола, когда пили здоровье ботика, то Петр Великий говорил: «Здравствуй, дедушка! Потомки твои по рекам и морям плавают и чудеса творят; время покажет, явятся ли они и пред Стамбулом»³.

ГЛАВА XIX

В те три с половиной года, которые еще оставалось жить Петру после Ништадтского мира, несмотря на ежедневную административную и дипломатическую работу, очень возросшую в пропорции с увеличившимися размерами государства и грандиозно усилившимся удельным его весом в мировой политике, мысль царя все настойчивее продолжала работать в одном определенном направлении. Не новым, а очень старым было это направление петровской мысли. Это была идея развития экономических связей России и на Западе и на Востоке, потому что без создания и укрепления новой широкой экономической базы Русское государство никак не могло превратиться в великую европейскую державу.

На Западе выход в море был найден. Прямая экономическая связь с Европой была создана, и мысль Петра обращается к Востоку. Персия, обширный восточный торговый караван-сарай, прямой при этом путь к волшебным богатствам Индии, привлекает к себе прежде всего внимание царя. Об Индии он думал, составляя в свое время инструкцию Бекович-Черкасскому; об Индии шла речь и тогда, когда Петр хотел было отправить в 1723 г. вице-адмирала Вильстера к о. Мадагаскару. Об открытии северного пути в Индию лелеялась мечта и тогда, когда за 35 дней до смерти Петр подписал повеление об отправлении капитана первого ранга Витуса Беринга на край Азии.

Снаряжая в 1716 г. разведывательную экспедицию князя Черкасского в Хиву, Петр написал на его имя указ. В указе этом мы находим любопытный пункт (7-й), относящийся к купцу («купчине»), которого царь повелевает (не называя его и представляя выбор начальнику экспедиции) взять с собой. «Также просить у него (хана хивинского. — *Е.Т.*) судов, и на них отпустить купчину по Амударье реке в Индию, наказав, чтобы изъехал ее, пока суда могут идти, и оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем путем, или ежели услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать»¹. Не довольствуясь этим, Петр приказал отрядить из этой экспедиции в Индию морского офицера поручика Кожина, который под видом торгового человека («под образом купчины») должен был «разведать о пряных зельях и других товарах» и для того «прислать ему, Кожину, двух человек добрых людей из купечества, и чтоб оные были не стары»².

Конечно, это не были лживо приписываемые впоследствии (вплоть до наших дней) Петру английскими, французскими и немецкими памфлетистами проекты «завоевания» Индии. Петр хотел только, чтобы Россия поскорее нагнала упущенное, чтобы ей тоже довелось принять участие в торговле с великим Индостаном, которая уже с XVI в. обогащала Португалию и Испанию, с XVII в. — Португалию, Голландию и Англию, а со второй половины XVII столетия — еще и Францию. Речь шла о торговле, а не о покорении далекой колоссальной страны с ее пестрым и огромным населением.

Но что касается Персии, то речь шла отнюдь не только о посылке туда разведывательной экспедиции, которая могла бы помочь ориентироваться в дальнейших шагах к установлению прямых сношений с Индией. Персия сама по себе, а не только как возможная транзитная территория, была необычайно важна для русской торговли. Имело значение и то обстоятельство, что Персии грозило постоянно турецкое нашествие, а допустить завоевание ее турками Петр ни в коем случае не хотел, потому что это создало бы прямую опасность уже и для всего Астраханского края, последний же и так не был достаточно

обеспечен при близком соседстве восточных кавказских племен, вассалов Персии.

Нечего удивляться, что если мечты о русской торговле заносили Петра к Чукотскому носу и, как увидим дальше, даже на Мадагаскар (о нем почти ничего у нас тогда не знали), то гораздо более сильно овладела им в эти годы мысль о Каспийском море и о Персии, которые сами по себе могли представить большой экономический интерес для России и через которые гораздо короче путь до Индии, чем если идти туда морем из Петербурга.

Идея Персидского похода 1722—1723 гг. была с самого начала вполне ясна сотрудникам и соратникам Петра. Достигнув с блестящим успехом своей цели на Балтике, Петр устремил взгляд на Каспийское море. Экономические интересы России были безусловно могучим стимулом и при Азовских походах, и при ведении труднейшей борьбы за побережье Балтийского моря, и при попытках попутно утвердить свое влияние в Мекленбурге. Теперь, после Ништадтского мира, царя с особенной силой охватило стремление установить и укрепить русские торговые связи даже с самыми отдаленными странами земли.

Уже в феврале 1722 г., т.е. через пять с небольшим месяцев после подписания Ништадтского мира, начались приготовления к походу в Персию. Войскам, предварительно сосредоточенным в поволжских городах (в Волочке, Твери, Угличе и Ярославле), приказано было построить 200 островских лодок и 45 ластовых судов. К концу мая все суда были построены и собраны в Нижнем Новгороде. К этому времени в Нижний Новгород прибыли и войска (в том числе два гвардейских полка), предназначенные для Персидского похода. Со 2 июня начали выступать из Нижнего Новгорода в Астрахань суда с войсками (каждая островская лодка приняла до 40 человек). В первой половине июля все суда и войска прибыли в Астрахань.

Большое восстание на восточных границах Персии крайне затрудняло для шаха сколько-нибудь серьезную организацию обороны. Имея сведения об этом, Петр, собственно, и решился объявить поход. Восстание давало ему разом две выгоды: во-первых, оно парализовало часть сил шаха, а во-вторых, облегчало царю возможность мотивировать свое предприятие же-

ланием помочь «дружественному» тегеранскому властителю в его борьбе против мятежных подданных.

Еще из Астрахани 6 июня 1722 г. Петр обратился к персам и татарам с воззванием (на персидском и татарском языках). Царь возвещал, что идет помогать «нашему верному приятелю и соседу», «знатнейшему шаху персидскому» против бунтовщиков, которые «и наших российских людей, по силе трактатов и старому обыкновению для торгов туда приехавших, безвинно и немилосердно порубили, и их пожитки и товары на четыре миллиона рублей похитили, и таким образом противу трактатов и всеобщего покоя нашему государству вред причинили»³.

В этом воззвании царь торжественно обещал населению всяческую охрану от грабежей и насилий со стороны русских войск. Крайне важно отметить, что обещание Петра не осталось пустым звуком, и легкость завоевания всей прибрежной полосы, с Дербентом включительно, отчасти объясняется дисциплинированным поведением русских войск. Это явилось очень благоприятным фактом и в дальнейшем, т.е. в 1723 г.

15 июля суда с войсками начали выходить из Астрахани. Главным начальником похода был назначен генерал-адмирал Апраксин, 27 июля флотилия вошла в Аграханский залив. Здесь войска были высажены на берег. 5 августа войска двинулись к Дербенту, а уже 23 августа власти Дербента поднесли Петру серебряные ключи от города. Вся область Ширван была покорена, покорился и властитель Тарху шамхал и другие вассалы Персии.

Дальше уже можно было начать готовиться к походу на Баку. Было ясно, что и впредь большого сопротивления встретить не придется. Но губительная жара, болезни косили русские войска; с питанием тоже было плохо; все надежды возлагались на небольшую флотилию, подвозившую провиант.

И тут-то Петра ждал большой удар; буря уничтожила 12 транспортов, привозивших из Астрахани в Дербент хлеб, а 17 других судов (тоже груженных провиантом, которым должны были быть обеспечены войска на походе от Дербента к Баку) были уничтожены около о. Чечня во время шторма.

Петр увидел, что поход на Баку из-за отсутствия продовольствия невозможен. Пришлось возвратиться Астрахань.

Судя по всему, поход русских сухопутных и морских сил произвел неизгладимое впечатление на население прикаспийских владений Персии. Характерно, что в народных преданиях, записанных впоследствии на местных языках (татарском, армянском) и частично переведенных впоследствии на русский язык, Петр всегда рисуется не как грозный завоеватель, а как милостивый покровитель. Для примера приведу выдержку из одного рукописного (на русском языке) позднейшего переводного сборника, где вперемешку собраны исторические известия об армянском народе и предания, которым, однако, неведомый автор сборника придает значение исторического документа. Цитируемое место снабжено датой (1138 г.), вовсе не соответствующей, по обычному магометанскому исчислению эры, тому году, когда происходил поход Петра. Но в документах как армянских, так и персидских, происходящих из персидских владений, эра высчитывалась не так, как в других магометанских государствах, а на основании особых календарных правил и условностей. Вот эта запись:

«В 1138 году Геджары повелитель России и Казани, Петр I, да успокоит бог душу его, с победоносным войском, переправясь через Терек и Койсу, вступил во владение Дербента. Жители оного вышли навстречу сего могущественного царя с ключами города и были осчастливлены ласковым словом его.

Когда он подъезжал к Кирхлярским воротам, случилось землетрясение; природа, как заметил сам государь, хотела сделать ему торжественный прием, поколебав стены перед его могуществом. Во время пребывания его в Дербенте некоторые офицеры его войска принесли ему жалобу, что жители не продают им хлеба; добродушный царь, желая лично удостовериться в справедливости их жалобы, взял с собою переводчика и двух солдат и отправился в первую попавшуюся улицу, Мень Куче, вошел в один двор и застал хозяйку, раскладывавшую только что испеченные чуреки.

Государь попросил ее продать им 4 чурека, предлагая за них цену, какую она сама назначит, но хозяйка отвечала, что без дозволения мужа она не может продать им хлеба, потому что годичный запас их оказывается недостаточным для продовольствия собственного их семейства; сказав это, она разло-

мила один чурек на 4 части и подала по куску каждому из них, решительно отказавшись от платы, которую ей предлагали. Император, довольный добротой этой женщины, наградил мужа ее и повелел каждому бедному семейству выдать по 2 четверти муки и по 20 аршин холста, что и было немедленно исполнено. Развалившиеся места стены Дербента были возобновлены по его же приказанию. Наконец, назначив правителем города Имам Кули Бека Курпи и оставив часть своих войск в Нарындж-Кале, Петр I возвратился в Россию»⁴.

В 1723 г. поход был повторен. Основной целью похода было занятие Баку и, тем самым, прочное обеспечение завоевания прибрежной полосы, начатое взятием Дербента.

В Астрахани указом Петра от 4 ноября 1722 г. был основан военный порт и начата постройка большой верфи. Сюда выписывались мастера, свозился лес. Зима не прошла даром: войдя в дружеские сношения с просившими помощи против восстания властями провинции Гилянъ, Петр в ноябре 1722 г. отправил флотилию и войска к главному городу гилянської провинции Решту. Начальствовал экспедицией капитан-лейтенант Соймонов, любимец Петра. Двумя батальонами, посаженными на суда, командовал полковник Шипов. Отправляя этот малый отряд в Решт, Петр и произнес свои знаменитые слова в ответ Шипову, который утверждал, что двух батальонов ему мало: «Донской казак Разин с пятьюстами казаков персов не боялся, а у тебя два батальона регулярного войска!» После трудного плавания при зимних штормах Соймонов пришел в Энзелийский залив и стал на якорь недалеко от Решта. Сначала казалось, что до сражений дело не дойдет, потому что ведь сам шах Гуссейн и его власти в Реште просили Петра о помощи и впустили Шипова с его батальонами. Но как раз в это время Гуссейн был низвергнут с престола, а новые власти не только не подумали заключить мир, но и грозили запереть русскую эскадру и сжечь ее.

Соймонов, оставив часть эскадры с артиллерией, чтобы поддержать пехоту Шипова, в марте 1723 г. отправился, по приказу царя, выбирать на реке Куре место для будущего города, из которого Петр мечтал со временем создать торговый центр Восточного Закавказья. Персы пытались напасть на отряд Ши-

пова, стоявший в Реште, и истребить его, но их попытки кончались всякий раз полным поражением.

Между тем поспевала и новая каспийская флотилия, строившаяся в Астрахани, Казани и Нижнем Новгороде. К лету 1723 г. у Петра на Каспийском море было уже 73 судна, конечно, наскоро и не очень хорошо выстроенных, но выполнявших с полнейшим успехом то дело, для которого они с такой лихорадочной поспешностью создавались. Они перевезли под Баку десант, производили артиллерийский обстрел Баку и снабжали регулярно боезапасом и провиантом войска, которые и вынудили Баку к сдаче.

4 июля 1723 г. русские корабли пришли на бакинский рейд, а спустя две с половиной недели начали высадку десанта. Затем, ввиду отказа впустить русские войска в город, суда стали на шпринг и начали бомбардировку одновременно с сухопутной артиллерией. С 21 по 25 июля персы либо отвечали огнем, который никакого вреда русским судам и войскам не причинил, либо пробовали производить вылазки, неизменно отбивавшиеся.

Генерал-майор Михаил Афанасьевич Матюшкин, которому Петр вверил главное командование экспедицией, послал сказать властям в Баку, что если дело дойдет до штурма, то он сожжет Баку и никто из жителей не спасется.

26 июля 1723 г. городские власти изъявили покорность и сдали Баку. Вслед за тем был подписан и мир с Персией. Победа была полная.

Итак, в Персидском походе 1722—1723 гг. русский военно-морской флот производил высадку десантов, принимал активное боевое участие в захвате Дербента, Решта и Баку, снабжал сухопутные войска подкреплениями, боезапасом и продовольствием, вел разведку.

Таково было последнее боевое участие морских вооруженных сил в русских достижениях за годы царствования Петра.

В персидском предприятии Петра было дерзание, была инициатива, была готовность к риску, свойственные смелым пионерам с широким горизонтом, пролагающим новые, трудные пути. Даже и сравнивать нельзя трудную дипломатическую обстановку, при которой царь пошел на Дербент и Баку, с дипломатической обстановкой, которой воспользовалась и наступ-

ление которой отчасти своими действиями ускорила Екатерина II, когда она решилась повторить попытку Петра.

Еще очень сильная Турция, только недавно одержавшая победу над Петром I при Пруте, затем Франция, очень активно поддерживавшая Турцию во всем, что касалось борьбы Порты против России, наконец, Англия первого короля ганноверской династии, враждебная Франции во всем, кроме тех случаев, когда нужно было выступать против России в защиту Турции, — вот с какими могучими силами должен был считаться Петр I в 1722—1723 гг. И хотя царю пришлось отказаться в пользу Турции от таких городов и территорий, как Грузия, Армения, Ганджа, Шемаха, Нахичевань, но Дербент, Баку, Ленкорань и прилегающая к ним часть побережья остались за Россией.

ГЛАВА XX

Персидский поход только отсрочил на некоторое время, но нисколько не уничтожил план Петра, касавшийся разведок северного пути в Америку и сношений с Японией, или, короче говоря, — экспедиций к берегам Америки и Японии. Здесь царь продолжал русскую традицию, уже имевшую за собой давность.

Русские отважные «землепроходцы» XVII в., вроде Дежнева или хотя бы Хабарова и Ивана Нагибы, ходивших до устья Амура, уже добирались до берегов Тихого океана. Снаряжая Беринга, Петр продолжал эту старую русско-сибирскую традицию разведок на крайнем Северо-Востоке, и уже много русскими было сделано еще до Беринга.

Мы здесь ограничимся лишь кратким перечнем русских открытий на Тихом океане в петровский период. В 1697—1699 гг. В. Атласов первый побывал на Камчатке. Он уже узнал и о Курильских островах и доставил в Москву в 1701 г. японца Денбея, взятого им на Камчатке с разбитого японского судна. Денбей дал некоторые сведения о Японии¹. В 1702 г. якутский служилый человек Михайло Наседкин сообщил первые сведения об островах, которые впоследствии были названы Командорскими². В 1711 г. служилый человек Петр Попов и промышленник Егор Толбин ходили к «Анадырскому носу» и уз-

нали, что между Азией и Америкой существует пролив, что в этом проливе есть острова и что русские раньше проходили этот пролив на судах³. В 1711 и 1713 гг. Иван Козыревский дважды ходил «в малых судах» на Курильские острова... «и подал де всему, за своею рукою, и тем островам чертеж, даже и до Матманского острова»⁴. В 1713 г. казаки Семен Анабара, Иван Быков и другие открыли Шантарские острова⁵. В 1716 г. был открыт морской путь из Охотска на Камчатку.

В 1719 г. Петр предписал поручику Ивану Евреинову и геодезисту Федору Лужину выяснить, граничит ли Азия с Америкой. В инструкции Петра от 2 января 1719 г., данной Евреинову и Лужину, было сказано: «Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки, и далее куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася ль Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать, не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить»⁶.

Евреинов и Лужин отправились морем из Охотска на Камчатку и здесь зазимовали. Весной они вышли на судне в море и, следуя Курильской грядой, дошли до пятого или шестого острова. Во время бури судно лишилось всех якорей, что вынудило Евреинова и Лужина вернуться к берегам Камчатки, а затем в Охотск.

Евреинов и Лужин возложенную на них задачу не решили, о чем Евреинов и доложил Петру, явившись к нему в весьма хлопотливый момент — в 1722 г., когда Петр был поглощен своими персидскими делами.

Окончив персидские дела, Петр, за три недели до смерти, призывает капитана первого ранга Витуса Беринга, на которого он возложил решение так давно интересовавшей его проблемы. Это был его личный выбор, и удачнее выбор этот нельзя было сделать, что ярко подтвердилось, когда Петр уже давно лежал в могиле.

6 января 1725 г. Петр подписал следующую инструкцию Берингу:

«1. Надлежит в Камчатке, или в другом том месте, сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах, возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать где она сошлась с Америкой и чтобы доехать до какого города европейских владений, или ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него как оной кюст (берег) называют и взять на письме, и самым побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и поставя на карту, приезжать сюды»⁷.

24 января 1725 г. экспедиция Беринга двинулась из Петербурга. Но уже 8 февраля 1725 г., доехав только до Вологды, Беринг узнал, что Петр скончался. История знаменитой экспедиции выходит уже из хронологических рамок моей работы⁸.

Петр после Персидского похода ничуть не переставал интересоваться и вопросом о прямых морских торговых сношениях своей империи с Индией. Напротив, ведь именно Персидский поход и показал, что преодолеть «сухопутный океан», отделяющий Баку от Индии, очень трудно, а значит, нужно начать поиски по морю. Дело дошло до того, что в конце 1723 г., прослышав о Мадагаскаре и о том, будто властелин мадагаскарский заводит какие-то сношения с некоторыми европейскими державами, царь немедленно приказывает снарядить для похода к Мадагаскару 2 фрегата и укомплектовать их экипаж «лучшими людьми». А сам садится и пишет 9 ноября 1723 г.: «Высокопочтенному королю и владельцу славного острова Мадагаскарского наше поздравление» и просит его благосклонно принять посылаемого «для некоторых дел» вице-адмирала Вильстера «с некоторыми офицерами». «Некоторые дела» заключались в том, чтобы этого предполагаемого короля и владельца побудить завести торговлю с Россией. Никакого «короля» на Мадагаскаре не было, а были флибустьеры, морские разбойники, грабившие западное побережье Мадагаскара, от которых население (мадагаскарские племена) спасалось внутрь острова. Там княжили мелкие туземные князьки. И «сношения» (с Англией, со Швецией и с Францией) пробовали заводить именно пираты (флибустьеры), в частности, посаженный в конце концов в английскую тюрьму авантюрист и пират Морган, а вовсе не «король и владелец», которого и на свете не было.

Возглавлявшему экспедицию на Мадагаскар вице-адмиралу Вильстеру Петр дал следующую инструкцию, из которой

мы приведем наиболее характерные пункты, указывающие, насколько секретно должно было вестись все дело:

«1) Ехать тебе сюда до Рогорвика и тамо на один из фрегатов «Амстердам Галее» или «Декронде-Ливде» и идти с обеими в назначенный вам вояж.

2) Будучи в вояже, от всех церемоний (как в здешнем море, так и в большем) удаляться под видом торговых кораблей, и лучше вымпела не иметь; а ежели где необходимая нужда того востребует, а именно, яко например в Зунде и при прочих тому подобных местах, то проходить под флагом воинским и вымпелом капитанским и именем своего капитана, а своего по рангу вашего флага, во оном будучи вояже, как туда, так и над возвращающемуся отнюдь не употреблять; а когда в показанное место прибудете, то свой вам флаг иметь позволяется.

3) Прошед Зунд, править свой курс кругом Шкоции (Шотландии. — *Е.Т.*) и Ирландии, а каналом отнюдь не ходить, дабы не дать никому подозрения.

4) Будучи в вояже, никуда в гавани не входить, разве, что паче чаяния, какое несчастье постигнет, от чего боже сохрани, то войти (но и тщится сколько возможно в таком случае свободных гаваней входить) и, исправя нужнее, паки в вояж вступать немедленно.

5) Когда в назначенное вам место с помощью божиею прибудете, тогда, имея свой флаг, объявить о себе владеющему королю, что вы имеете от нас к нему комиссию посольства, и верящую нашу грамоту при сем приложенную ему подайте.

6) А потом всяким образом тщитесь, чтоб одного короля склонить к езде в Россию.

7) Когда пройдет Зунд, тогда вам сию инструкцию объявить капитану Мясному (командиру фрегата «Амстердам Галей». — *Е.Т.*) и капитан-поручику Киселеву (помощник вице-адмирала Вильстера. — *Е.Т.*); а как до показанного вам места дойдете, то комиссию свою исполнить и трактат заключить купно с вышеупомянутыми Мясным и Киселевым».

На экспедицию царь ассигновал «три тысячи червонных золотых для всяких приключаящихся нужд, без чего обойтись будет невозможно». Кроме того, Вильстеру давалось провианта на восемь месяцев, «ибо более того уместить не можно», пива — на два месяца, «а на прочие месяцы мукою и солодом на квас».

Петр надеялся, что мадагаскарский «король» соблазнится предлагаемым ему «вояжем», и особым пунктом инструкции указывалось Вильстеру, как поступить, если сам «король» поедет в Россию, и как — если поедут «только посланные от него»⁹. Кончалась инструкция выражением царского доверия Вильстеру, «как честному и высокоповеренному флагману, и чтоб сие всего содержано было в вашем добром секрете»¹⁰. Инструкция была подписана Петром в Петербурге 5 декабря 1723 г.

Экспедиция не удалась. Фрегаты в последние дни декабря вышли из Ревеля, пошли в Рогервик (Балтийский порт), приняли там на борт вице-адмирала Вильстера, но затем, по выходе в море, были повреждены штормом и вернулись 31 декабря 1723 г. в Ревель для исправления. Повреждения оказались настолько серьезными, что уж 10 января 1724 г. Вильстер просил царя дать ему вместо них корабль «Принц Евгений» и фрегат «Крюйсер». Царь согласился дать новые корабли. Неизвестно, выходил ли Вильстер вторично в море. Никаких данных для ответа на этот вопрос нет. Во всяком случае, если и выходил (что очень мало вероятно), то ясно, что и этот выход был совершенно неудачен.

Окончательно Петр отказался от намерения посылать экспедицию на Мадагаскар тогда же, в конце зимы 1724 г. Нам посчастливилось найти в неисчерпаемой сокровищнице Центрального государственного архива Военно-Морского флота один документ, не только не изданный, но никогда и не упоминавшийся в исторической литературе. Документ этот бросает свет на причину внезапного отказа царя от предприятия, для которого он только что согласился выделить новые суда. Петр не любил отказываться от раз им решенного дела только из-за временной случайной неудачи в начале предприятия. Но документ, который мы имеем в виду, может объяснить решение царя вполне удовлетворительно.

В документе идет речь об Ульрихе, стоявшем в свое время во главе шведской экспедиции, отправленной на Мадагаскар.

3 февраля 1724 г. в Ревель прибыл из Швеции генерал-адъютант и командор Ульрих, который рассказал, что он «года два тому назад был назначен командором над пятью шведскими кораблями», которые он и повел в экспедицию на Мадагаскар.

При этом из довольно путаного донесения, посланного из Ревеля в Петербург Апраксину, явствует, что в этой шведской экспедиции принимали участие некий «человек, именуемый Морганом, который назывался губернатором» (Мадагаскара), и еще другой человек — Ситлер, который именовался капитаном. Ясно, что это были делегаты от флибустьеров, прибывшие в Швецию искать покровительства, которого они не нашли в те годы в Англии. В Ревеле заинтересовались этим делом, зная, что царь носитя с мыслью о русской экспедиции на Мадагаскар. Но шведский генерал-адъютант Ульрих проявил большую конспиративность, заявив, что «токмо приватной персоне» ничего сказать о Мадагаскаре не желает, а ежели бы он мог в Санкт-Петербурге его императорскому величеству нижайше свой поклон принести, то он обо всем императору Петру мог донести и «хотел объявить письменно, в каком намерении она экспедиция была отправлена и какой причины ради она в действие не произведена». Этот шведский генерал-адъютант и командор (так его рекомендует его родственник из Ревеля) — «эстляндской породы», а посему «он его величеству не противник»¹¹.

По-видимому, рассказ Ульриха о его неудаче и был одной из причин (если не главной), склонивших Петра отказаться от отправки экспедиции на Мадагаскар.

В том же объемистом томе Центрального государственного архива Военно-Морского флота, куда вплетены совсем немногие бумаги, относящиеся к несостоявшейся мадагаскарской экспедиции, мы находим документальные доказательства, свидетельствующие, что Петр в 1723 г. уже начал собирать справки о китоловном промысле у берегов далекой Гренландии¹².

ГЛАВА XXI

От тропиков до стран вечного льда летала не знавшая покоя мысль Петра, от северного предполярья до известных тогда пределов южных широт устремлялся его взор, выискивая, куда направить созданные судна на поиски новых материальных благ для русской торговли. Петр торопился, бросался от одного проекта к другому. Жестоко одолевала его болезнь, ко-

торую все труднее становилось игнорировать. Он не сдавался, интенсивная работа продолжалась своим чередом.

Смерти Петр не боялся, во всяком случае, ни делом, ни словом ни разу не обнаружил страха перед ней. Когда адмирал Крюйс в 1713 г. посоветовал Петру не идти в опасный поход от Котлина в Ревель ввиду возможного наличия в Финском заливе превосходящего по силе шведского флота и представил ему (в письменном виде) ряд примеров гибели людей на море, то Петр раздраженно ответил Крюйсу (тоже письменно), приводя примеры того, как люди и без всякого участия в морском бою легко погибают. Крюйс ему пишет, что там-то взорвался и потонул корабль со всеми людьми, а Петр отвечает: «Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили». Крюйс указывает, что шведский корабль «Три короны» порохом подорвало. А Петр на это отвечает: «Окольников Засекин свиным ухом подавился». Крюйс приводит изречение адмирала Тромпа, который говорил: «Щастие и нещастие в баталии многожды состоит в одной пулке», — Петр отвечает: «Бояцца пульки — не итти в солдаты; или кому деньги дороже чести, тот оставь службу»¹. Так полемизировал царь, отстаивая любимую свою стихию от преувеличенных и несправедливых, по его мнению, «нареканий».

Петр был болен уже давно. И не зная покоя деятельность, и тревожения, и неистовые, безудержные излишества, которым он предавался без всякой меры, подточили его здоровье. Мучительные припадки каменной болезни, осложняемые болями другого происхождения, временами имели место еще в 1723 г., а в 1724 г. страдания стали интенсивны и возвращались уже без больших промежутков. При этих условиях и произошло событие, нанесшее окончательный удар. Петр, уже больной, провел несколько дней в холодную осень 1724 г. то на яхте, то на берегу озера Ильмень, то в старой Ладоге, где осматривал постройку Ладожского канала. Наконец 5 ноября он вернулся в Петербург, но с яхты не сошел, а велел немедленно, не дав себе отдохнуть от большого и трудного путешествия, идти на Лахту, откуда хотел отправиться в Сестрорецк, чтобы осмотреть оружейные мастерские, которыми всегда живо интересовался.

Тут-то, близ Лахты, в темный, сильно ветреный поздний вечер с царской яхты заметили бот с солдатами и матросами, который сел на мель. Петр тотчас велел идти к боту, чтобы снять его с мели. Но это намерение оказалось неосуществимым — яхта имела очень глубокую осадку и не могла, не рискуя сама сесть на эту же мель, добраться до бота.

Убедившись в этом, Петр пошел на шлюпке, но шлюпка тоже была остановлена мелью. Тогда царь неожиданно прыгнул со шлюпки и, погрузившись по пояс в воду, зашагал к боту. За ним пошли другие. Все находившиеся на боте были спасены. Но пребывание в ледяной воде отозвалось на снедаемом болезнями и без того уже надломленном организме Петра. Некоторое время Петр перемогался. Положение, однако, вскоре стало совершенно безнадежным. 28 января 1725 г. он скончался в бессознательном состоянии, наступившем задолго до смерти.

Великая держава, одна из самых могущественных на море и, безусловно, самая могущественная на суше, — вот чем было Русское государство в системе других стран к моменту смерти Петра.

Флот, который при Петре начал свое славное существование, временами был опорой России при последующей борьбе с явными и тайными врагами, которые самыми разнообразными средствами пытались в различные времена покуситься на ее самостоятельность и на ее интересы. Однако далеко не всегда за последние почти 200 лет, вплоть до крушения монархии, государственная власть в достаточной мере обнаруживала понимание всего значения флота для поддержки русской политики.

Неисчислимы были тяжкие труды и громадные жертвы, которые принес русский народ при создании могущественного военного флота.

С русской закрепощенной массы в самом деле «драли три шкуры» для создания и укрепления мощи государства помещиков и купцов, причем в области внешней политики народ оказался победоносным в борьбе за возвращение стародавних, захваченных шведами приморских земель, гнетуще необходимых для дальнейшего экономического развития страны. И дееспособность государства в этой борьбе в очень значительной

степени была обусловлена именно созданием русской морской мощи, которой и в помине не было до Петра.

Поколение русских моряков, русских кораблестроителей, русских флотоводцев, вышедших из недр русского народа, создало эту морскую мощь. С легкой руки иностранцев, писавших о петровском времени (немцев, французов, шведов, англичан), часто преувеличивалась безмерно роль иностранной науки и техники в создании петровского флота. Мы теперь можем считать вполне выясненным, что уже в первые годы войны Петр сознательно (и вполне успешно) стремился к возможно скорейшей замене иностранцев, служивших во флоте и на верфях, русскими людьми. А главные командные посты он и в начале своего правления старался отдавать только русским людям.

После Ништадтского мира, в 1722—1723 гг., он крайне поощрял выход в отставку иностранцев, служивших во флоте. За очень немногими, единичными исключениями он полного доверия к ним никогда не чувствовал. «Сии плуты» — так считал он их в гневные минуты. Русские флотоводцы — Петр, Апраксин, кн. Голицын, Наум Сенявин и т.д. — одержали первые в русской истории блестящие морские победы, русские моряки властвовали к концу Северной войны в Ботническом и Финском заливах, нещадно били врага у его берегов, подводя близко к Стокгольму созданный гениальной новаторской мыслью Петра шхерный флот, которого тогда не знали вовсе ни шведы, ни голландцы, ни англичане, ни датчане, ни французы. От юного русского флота трижды уходил, не отваживаясь сразиться с ним, британский адмирал Норрис, русские верфи выпускали суда, по единодушным отзывам знатоков-очевидцев, не уступавшие ни в чем лучшим кораблям старых морских держав вроде Англии.

5 апреля 1722 г. адмиралтейству повелено было открыть школы обучения морскому делу. Но принимать в эти учебные заведения дозволялось лишь русских подданных: Петр торопился поскорее избавиться совсем от иностранного элемента во флоте.

Только при Советской власти была окончательно изжита многовековая отсталость России в экономическом, техническом

и культурном отношении. И только при Советской власти исчезла рознь между интересами широких народных масс и интересами государства, та рознь, которая существовала и при феодально-дворянской монархии, и при дворянско-буржуазном строе, при постепенном проникновении и расширении в России капиталистических отношений в XIX и в первые годы XX в.

Советский строй дал флоту великие блага, которых флот до тех пор не имел: благо материальное — высокий уровень технического оснащения и благо моральное — вдохновляющую уверенность, что флот служит всему трудящемуся народу, а не эксплуататорским классам.

С первого дня существования Советской власти флот с честью служил революции и народу в его борьбе с внутренними и с внешними врагами. И в наши дни моряки Балтийского, Черного, Белого, Баренцева морей, Ледовитого и Тихого океанов продолжают высоко держать славное боевое знамя. В Великой Отечественной войне наш флот в боевом содружестве с Советской Армией украсил себя новыми бессмертными, неувядаемыми лаврами в победоносной борьбе против фашистской Германии и империалистической Японии, отстояв честь и свободу советского народа. Созданный революцией, Советский Флот успел за 30 лет своего существования создать свои собственные героические традиции, уже успевшие прославить его!

1946 г.

КОММЕНТАРИИ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И ШВЕДСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РОССИЮ

Глава I. Северная война до вторжения шведской армии в пределы России. 1700—1708 гг.

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 12.

² Ленин В.И. Сочинения, т. 18, стр. 554.

³ Ленин В.И. Сочинения, т. 17, стр. 66.

⁴ Маркс К. Хронологические выписки, IV. — Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946, стр. 165.

⁵ Интересующиеся подробностями могут обратиться к двум архивным фондам: 1. Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), ф. Шведские дела — 1606—1615 гг. и 2. Фонд документов архива Делагарди. Над первым фондом работал уже В.А. Фигаровский, опубликовавший очень содержательную статью: «Отпор шведским интервентам в Новгороде» («Новгородский исторический сборник», вып. III—IV. Новгород, 1938, стр. 58—85). Над фондом Делагарди, когда он хранился в библиотеке Юрьевского университета, работал профессор Пермского университета Г.А. Замятин. Его ценный труд о событиях, связанных с кандидатурой Карла Филиппа и с русской борьбой в те времена, до сих пор, к сожалению, еще не напечатан.

⁶ См. Лыжин Н. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857, стр. 48, 79—80.

⁷ Konung Gustaf II Adolfs skrifter. Stockholm, 1861.

⁸ «...thet Wotskepetiniske land warder pa tree sidor frijat medh österhafwet, Laduga och Peibas...» — Там же, стр. 182.

⁹ Там же, стр. 181.

¹⁰ Извлечения из статейных списков и дел, касающихся заключения и ратификации Столбовского мирного договора. — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете, 1897, кн. 3, стр. 26 и след.

¹¹ Письмо из Парижа от 26 ноября 1643 года. Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevexling, II, Bd. IV. Stockholm (1891), s. 366.

¹² ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1700 г., марта 7, д. 19. Дело псковича-посадского человека Василия Калягина о посылке к шведскому королю грамоты о взыскании с шведских подданных с ругодивных жителей крестьянина Елизарьева с товарищи за взятые у него Колягина ими товары, т.е. лыну и пеньки 12 269 ефимков.

¹³ Ключевский В.О. Курс русской истории, т. IV. М., 1937, стр. 27.

¹⁴ Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг. (Документы государственного архива). Изд. военно-учебного комитета Главного штаба. СПб., 1893, стр. XX. (Сборник военно-исторических материалов, вып. V).

¹⁵ Шафиров при этом еще передает ходатайство Августа: «Король польский просит отпустить Огильви грамматую» (т.е. благодарственным рескриптом Петра). Но мы что-то не нашли этого рескрипта.

¹⁶ Указ государя 1721 г., января 31. — Материалы для истории русского флота, ч. III. СПб., 1866, стр. 203, № 296.

¹⁷ См., например, статью Аулена *Schweden*. — *Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche*, Bd. XVIII. Leipzig, 1906, S. 32.

¹⁸ Диковинные образчики этих шведских сервилистических увлечений приведены в вышедшей в 1947 г. работе: Normann C. *Prästerskapet och det karolinska enväldet*. Stockholm, 1948. XXXIV, s. 364

¹⁹ Леер. Петр Великий как полководец. — Военный сборник, 1865, № 3, стр. 9.

²⁰ *Fragments tirés des chroniques moldaves et valaques pour servir à l'histoire de Pierre le Grand...* par le major de Kogalniceau. P. 1. Jassi, 1845, p. 23.

²¹ «Россияне також многие побиты, а которые из солдат взяты были в полон, и с теми неприятель зело немилосердно поступил, по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона (или пощады) не давать, и ругательски положи человека по 2 и по 3 один на другого, кололи их копьями и багинетами». — Журнал или поденная записка... императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадтского мира (в дальнейшем сокращенно: Журнал Петра Великого), ч. I. СПб., 1770, стр. 134.

²² Voltaire, *Histoire de l'épire de Russie sous Pierre le Grand*. P. Firmin Didot, s. a., p. 369.

²³ (Карл XII — Реншильд) 1703, Mai, № 158; 1703, 4 Junij, № 159; 1703, Junij, № 160. Konung Karl XII's egenhändigade bref. Samlade och utgifna af E. Carlson. Stockholm, Norstedt (1893), s. 242—245.

²⁴ (Карл XII — Стенбоку). — Там же, s. 293, № 201. Trakten af Lublin, 1703, 1 januari.

²⁵ ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1700 г., д. 12, л. 40—50 об.: «О Швеции». (Цитируемый автором документ является рукописью известного рассуждения о причинах Свейской войны, написанного П.П. Шафировым и дважды изданного в 1717 и 1722 гг. — Ред.).

²⁶ ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1700 г., д. 12, л. 40 об. и 41.

²⁷ Там же, л. 42 и об.

²⁸ Там же, л. 43 и 44.

²⁹ ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1700 г., д. 12, л. 50—54.

³⁰ Латинский подлинник и русский текст договора см. в ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1700 г., № 4. «Список с союзного договора, заключенного в Гааге между Швецией, Англией и Голландией». В полном виде этот договор поступил в ф. Шведские дела нашего архива лишь в 1717 г.

³¹ См. Богословский М.М. Петр I, т. V. М., 1948, стр. 233.

³² ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1701 г., д. 12, л. 32—33 об. Подписано: «Карл герцог фон-Крой. Из Ревеля ноября в 22 день по новому 1701-го». Там же и другое доношение с выпрашиванием денег: «Из Ревеля октября в 12 день 1701-го», д. 12, л. 30—31 об.

³³ См. Журнал Петра Великого, ч. I, стр. 37—38.

³⁴ Эту инструкцию впервые, как и многие другие, либо теперь вообще пропавшие, либо недоступные нам шведские документы, нашел среди рукописей Лундского университета Фриксель. См. немецкое переработанное и очень дополненное Иенсеном-Тушем издание: Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 2. Braunschweig, 1861, s. 4—5.

³⁵ См. Житков К.Г. История русского флота. СПб., 1912, ст. 87—88.

³⁶ См. Кротков А. Повседневные записи замечательных событий в русском флоте. СПб., 1894, стр. 224. 25 июня 1701 г., Веселаго Ф. Краткая история русского флота. СПб., 1895, стр. 20.

³⁷ Периодический листок *Geheime Brieffe* (sic. — *E.T.*)... *Über das 1701 Jahr*, издававшийся в 1701 г. в г. Фрейштадте (в Пруссии): Русская старина, 1893, август, стр. 271—272.

³⁸ Вспомним, что под Полтавой у Карла была армия в 31 тыс. человек, из которых всего 19 тыс. природных шведов.

³⁹ Галларт (Алларт) — Петру I. Из Смоленска. 12 сентября 1706 г. Устрялов Н. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2. Приложения. СПб., 1863, стр. 429.

⁴⁰ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, 1709—1711. Перевод с датского Ю.Н. Щербачева. М., 1899, стр. 191.

⁴¹ О горнозаводском деле в интересующий нас период см. М.Н. Мартынов. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948, ср. также работы Б. Кафенгауза, П. Любомирова, Е. Заозерской, названные в библиографии.

⁴² А.А. Виниус в это время состоял начальником Сибирского приказа, управлявшего Сибирью, и поэтому ведал строительством уральских заводов. (См. о нем: Козловский И. Андрей Виниус — сотрудник Петра Великого. СПб., 1911. — *Ред.*.)

⁴³ См. Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701—1720). СПб., 1876, стр. 159.

⁴⁴ Есть свидетельства и о 103 орудиях.

⁴⁵ Интересующимся деталями развития дипломатических польско-русских переговоров в 1701 г. рекомендуем статью В. Корольюка, спе-

циально посвященную анализу этой особой темы: «Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе». — Вопросы истории, 1948, № 4, стр. 43—67.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1701 г., д. 10, л. 4—8 об.

⁴⁷ Материал стокгольмских архивов, как государственного, так и архива иностранных дел, в обширных выдержках дан в 3-й части книги Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 3, Braunschweig, 1861.

⁴⁸ Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 3, s. 24. (Из протокола государственного совета 13 апреля 1701 г.)

⁴⁹ Там же, стр. 26—27. (Из донесений датского посланника в Стокгольме своему двору от ноября и декабря 1701 г.)

⁵⁰ Там же, стр. 28. (Из донесения датского посла своему двору 17 февраля 1703 г.)

⁵¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1092. Гр. Шуваловы, оп. 1, д. 7, 5, л. 1—2.

⁵² См. Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 39—40.

⁵³ Наказ Борису Петровичу Шереметеву. 1702 г. в январе (точной даты нет). — Письма и бумаги Петра Великого (в дальнейшем сокращенно: Письма и бумаги), т. II. СПб., 1889, стр. 4—5, № 405.

⁵⁴ К Федору Матвеевичу Апраксину. 1702 г., июня 5. — Там же, стр. 67—68, № 434.

⁵⁵ «...а если изволят выехать, то изволили б и любезных супругов своих вывести кунно с собою». — Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 58.

⁵⁶ К Андрею Андреевичу Виниусу. 1702 г., октября 13. — Письма и бумаги, т. II, стр. 97—98, № 462.

⁵⁷ Garlson F. Karl XII. Gotha, 1888, s. 308—309.

⁵⁸ Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 2, s. 21—22.

⁵⁹ См.: Бобровский П.О. Завоевание Ингрии Петром Великим (1701—1703 гг.). СПб., 1891, стр. 31.

⁶⁰ Инструкция, посланная Паткулю и князю Г.Ф. Долгорукову. 1704 г., в январе до 28. — Письма и бумаги, т. III, СПб., 1893, стр. 2—4, № 618.

⁶¹ ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1702 г., д. 5, л. 10—16 об. Перевод с письма Ивашки Гуморта, писанного к великому государю, каково при-
слал Андрей Артамонович в нынешнем 1702 году, майя в 24 день, чрез почту у города.

⁶² Там же, л. 11.

⁶³ Проект известительного письма о взятии Нарвы. 1704 г., августа 13 — Письма и бумаги, т. III, стр. 117, № 694.

⁶⁴ Петр I — адмиралтейств-советнику Александру Васильевичу Кикину. Из Нарвы, 14 (день) августа 1704. — Сб. РИО, т. 11. СПб., 1873, стр. 2.

⁶⁵ Грамота к польскому королю Августу II. 1704 г., августа 15. — Письма и бумаги, т. III, стр. 125—127, № 702.

⁶⁶ Союзный договор с Польшею. — Там же, стр. 129—135, № 706.

⁶⁷ Ответы на предложения генерал-адъютанта польского короля фон-Ариштета. 1704 года августа после 27. — Письма и бумаги, т. III, стр. 146, № 712.

⁶⁸ См. Масловский Д. Записки по истории военного искусства в России, вып. 1. СПб., 1891, стр. 176.

⁶⁹ Манифест о принятии под защиту жителей Лифляндии, 1704 года в августе. — Письма и бумаги, т. III, стр. 149—152, № 713.

⁷⁰ (Петр I — армиралтейств-советнику Александру Васильевичу Кикину). Из Санкт-Петербурга, в 16 день июня 1704 г. — Сб. РИО, т. 11, стр. 1.

⁷¹ Вот что писал Петр Василию Глебову 18 июня 1715 г.: «Ехать тебе с шведским министром графом Пипером в Шлютельбурх и отвести ему в том городе в удобном месте квартиру... И когда он захочет из квартиры своей выйти для гулянья, то дать ему позволение ходить только в городе и по городу, а за город никуды не выпускать». — Сб. РИО, т. 11, стр. 54.

⁷² «...ädelte utseende och behagligt väsen»... Carlson F. Sveriges historia under Carl den Tolfte regering. Bd. II. Stockholm, 1881, s. 350. С этим не спорят и польские историки.

⁷³ Князю Александру Даниловичу Меншикову, 1706 г., апреля 29. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1. СПб., 1900, стр. 231, № 1212.

⁷⁴ К Борису Петровичу Шереметеву. 1705 г., июля 25. — Письма и бумаги, т. III, стр. 391, № 864.

⁷⁵ Журнал осады города Юрьева (Дерпта) с поправками Петра Великого. 1704 г., октябрь. — Там же, стр. 165—171, № 729.

⁷⁶ См. Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 98—100.

⁷⁷ К Александру Даниловичу Меншикову. 1705 г., сентября 4. — Письма и бумаги, т. III, стр. 436, № 912.

⁷⁸ Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 124—125.

⁷⁹ Там же, стр. 125—126.

⁸⁰ Расписка в получении жалованья. 1704 г., февраля 13. — Письма и бумаги, т. III, стр. 31, № 625.

⁸¹ К князю Аниките Ивановичу Репнину. 1766 г., февраля 21. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 89, № 1094.

⁸² К Борису Петровичу Шереметеву. — Там же, стр. 91, № 1097.

⁸³ К Борису Петровичу Шереметеву. 1706 г., марта 28. — Там же, стр. 188—190, № 1183.

⁸⁴ Статьи Борису Петровичу Шереметеву. В Санктпетербурке (sic), 1706 г., апреля 23. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 220, № 1203.

⁸⁵ (Кн. Ф.Ю. Ромадановский — Петру). С Масквы, мая 23 день 1707 г. — Письма и бумаги, т. V. СПб., 1907, стр. 698—699, № 1790.

⁸⁶ К польскому королю Августу II. 1706 г., января 9. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 3, № 1017.

⁸⁷ К Александру Даниловичу Меншикову. 1706 г., января, 9. — Там же, стр. 7—8, № 1020.

⁸⁸ Резолюция на переводе мемориала польского короля Августа II; Гродно, 25 ноября 1705 г. — Письма и бумаги, т. III, стр. 509, № 982.

⁸⁹ (Шереметев — Головину) (июня 1706 г.), точной даты нет. Переписка фельдмаршалов Ф.А. Головина и Б.П. Шереметьева (sic. — Е.Т.) в 1705 и 1706 годах. М., 1850, стр. 65—66, № XXXI.

⁹⁰ Мнение по вопросам, предложенным в тайном воинском совете, бывшем в Гродно 11 января 1706 г. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 19, № 1035.

⁹¹ К Ф.А. Головину. 1706 г., генваря 21, из Дубравны. — Там же, стр. 27, № 1042.

⁹² К А.В. Кикину. 1706 г., генваря 28, из Смоленска. — Там же, стр. 35, № 1049.

⁹³ К Ивану Степановичу Мазепе. 1706 г., января 29. — Там же, стр. 41, № 1055.

⁹⁴ К графу Федору Алексеевичу Головину. 1706 г., января 31. — Там же, стр. 42—43, № 1057.

⁹⁵ К Марку Богдановичу фон Кирхсону 1706 г., февраля 4. — Там же, стр. 48, № 1060.

⁹⁶ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède, t. II. Amsterdam, 1740, p. 549. (В дальнейшем сокращенно: Adlerfeld G. Histoire de Charles XII).

⁹⁷ Ответ на пункты, представленные генерал-майором Арнштедтом. 1706 г., апреля 2. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 192—198, № 1187.

⁹⁸ Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 134.

⁹⁹ К А.И. Репнину. 1706 г., февраля 17. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 78, № 1087.

¹⁰⁰ К Ф.А. Головину. 1706 г., февраля 26. — Там же, стр. 109—110, № 1117.

¹⁰¹ К польскому королю Августу II. 1706 г., мая 8. — Там же, стр. 238, № 1218.

¹⁰² К графу Федору Алексеевичу Головину. 1706 г., марта 15. — Там же, стр. 176, № 1167.

¹⁰³ К графу Федору Алексеевичу Головину. Из Минска. 1706 г., марта 7. — Там же, стр. 148—149, № 1143.

¹⁰⁴ Указ Василию Дмитриевичу Корчмину. 1706 г., марта 10. — Там же, стр. 155, № 1150.

¹⁰⁵ К Федору Матвеевичу Апраксину. Из Минска в 5 день марта 1706 г. — Там же, стр. 146, № 1140.

¹⁰⁶ Манифест об условиях, на которых впредь будут приниматься иностранные офицеры в русскую службу. — Письма и бумаги, т. III, стр. 262, № 767.

¹⁰⁷ К Аниките Ивановичу Репнину. 1705 г., мая 19. С Москвы. — Там же, стр. 346, № 825.

¹⁰⁸ Документацию об этом сражении см. Бой со шведами у местечка Клецка. Журнал С.П. Неплюева. 19 апреля 1706 г. — Русская старина, 1891 г., октябрь, стр. 25—32.

¹⁰⁹ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 87.

¹¹⁰ (Головкин — Петру I). 1706 г., сентября 5. — Письма и бумаги, т. IV, в. 2, стр. 1058.

¹¹¹ (Меншиков — Петру I). 1706 г., ноября 28. — Там же, стр. 1162.

¹¹² (Шафиров — Петру I). Из Смоленска, в 6 день декабря 1706 г. — Там же, стр. 1186.

¹¹³ Le journal d'un frère d'armes de Charles XII. Напечатан S. Goriaïnow в Revue contemporaine, 1910, № 1—7.

¹¹⁴ (Меншиков — Петру I). Из обозу от Калиша. 1706 г., октября 21 дня. — Письма и бумаги, т. IV, в. 2, стр. 1195.

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 1, 1706—1711 гг., д. 20, л. 61 и об. «Мы уже к вашему величеству и любви (sic. — Е.Т.) одержанной под Калишем 29 октября виктории писали и о принце Александре, что он притом вспомогал упоминали...» («принц Александр» — это князь А.Д. Меншиков.)

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 1, 1706—1711 гг., д. 20, л. 61 об. «...ежели он (Меншиков. — Е.Т.) нам желаемых пленных не вручит, то он легко притчиною будет что между вашего величества и любви и нами учиненной союз нужду терпеть может...»

¹¹⁷ А в печати (в Ведомостях) это известие появилось лишь 14 ноября, т.е. почти через месяц после событий. — Письма и бумаги, т. IV, в. 2, стр. 1211.

¹¹⁸ К Петру Павловичу Шафирову. 1706 г., ноября 19. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 442, № 1423.

¹¹⁹ Грамота образцовая полномочная о договоре с Англиею. 1706 г., ноября 20. — Там же, стр. 449, № 1434.

¹²⁰ Замечания на проект Наказа Андрею Артамоновичу Матвееву. — Там же, стр. 411—424, № 1401.

¹²¹ К Петру Павловичу Шафирову. 1706 г., октября 30. — Там же, стр. 424—425. № 1402. Новая работа о «Русско-английских отношениях при Петре I» принадлежит Л.А. Никифорову. М., 1950.

¹²² ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1707 г., д. 4, л. 1. Копия (снята с подлинной заметки уже после смерти царя): Пункты, писанные собственною его императорского величества блаженные и высокочластные памяти рукою о склонении шведов к миру в 3-х пунктах, 1707 году.

¹²³ набросок мыслей для письма к барону Генриху Гюйсену. 1707 г., январь — февраль (точной даты нет.) — Письма и бумаги, т. V, стр. 60, № 1551.

¹²⁴ Johannes, princeps et dux Marlborough. — Письма и бумаги, т. V, стр. 424—425. Мальборо в своем ответе датирует «премилостивейшую царскую грамоту» 4 февраля 1707 г., а Матвеев — 5 февраля.

¹²⁵ См. последнее донесение французского посла в Стокгольме своему двору: Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 1, с. 272—274.

¹²⁶ Stamp A.E. The meeting of the Duke of Marlborough and Charles XII at Altranstadt, April 1707. Transactions of the Royal Historical Society, new series, t. XII, London, 1898, p. 115—116.

¹²⁷ К Петру Павловичу Шафирову. 1706 г., октября 2. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 386, № 1372.

¹²⁸ К кн. Александру Даниловичу Меншикову. 1706 г., октября 19. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 401—403, № 1391.

¹²⁹ К Ивану Степановичу Мазепе. 1707 г., августа в 10 день. — Письма и бумаги, т. VI. СПб., 1912, стр. 44, № 1901.

¹³⁰ К датскому королю Фридриху IV. Варшава. 1707 г., сентября 4. — Там же, стр. 69, № 1940.

¹³¹ Грамота к Голландским штатам. 1707 г., сентября 4. — Там же, стр. 71, № 1942.

¹³² К князю Александру Даниловичу Меншикову. Из Санктпетербурха в 17 д. ноября 1706 г. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 436—438, № 1417.

¹³³ К Петру Павловичу Шафирову. Из походу, отъехав от Санктпетербурха 4 версты с шнау Мункер в 4 д. октября 1706 г. — Там же, стр. 393—394, № 1378.

¹³⁴ «...и особливо удивления достойно, что офицер шведский, который при экзекуции оного Паткуля был (и после колесования, хотя не скоро еще, едва ему живу сущу, голову допустил отсечь) от короля шведского чина своего лишен: ибо король не приказывал ему скоро голову отсечь, пока не замучится до смерти». — Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 144.

¹³⁵ (Головкин Г.И. и Шафиров П.П. — Петру I). Из местечка Гнезна. 1707 г., октября 31. — Письма и бумаги, т. VI, стр. 415.

¹³⁶ К Петру Павловичу Шафирову. Из Жолквы, в 6 день генваря 1707 г. — Письма и бумаги, т. V, стр. 9, № 1494.

¹³⁷ К Федору Матвеевичу Апраксину. Из Жолквы, в 8 день генваря 1707 г. — Там же, стр. 14, № 1499.

¹³⁸ К Петру Павловичу Шафирову. Из Жолквы в 8 день генваря 1707 г. — Там же, стр. 16, № 1501.

¹³⁹ M. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley. Moscow, 30 July (10 August), 1707 — Сб. РИО, т. 39. СПб., 1884, стр. 411, № 122.

¹⁴⁰ Шпигель — Головкину и Шафирову. Апреля в 28 день 1707 г. Черновой перевод в польских делах 1707. — Письма и бумаги, т. V, стр. 577, № 84.

¹⁴¹ M. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley. Moscow, 13/24, Febrary, 1706. — Сб. РИО, т. 39, стр. 242.

¹⁴² M. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley. Moscow, 18/29 April, 1706 — Там же, стр. 260, № 64.

¹⁴³ Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle. Moscow, 8/19 December 1708. — Сб. РИО, т. 50, СПб., 1886, стр. 119.

¹⁴⁴ К Александру Даниловичу Меншикову. Из Лемберха (sic), 1707 г., января 9. — Письма и бумаги, т. V, стр. 18, № 1505.

¹⁴⁵ К барону Лудвигу Николаю фон Галларту (Алларту. — *Е.Т.*), 1707 г., января 9. — Там же, стр. 19, № 1506.

¹⁴⁶ К Ивану Степановичу Мазепе, 1707 г., января 24. — Там же, стр. 41, № 1532.

¹⁴⁷ К князю Александру Даниловичу Меншикову. 1706 г., ноября 4. — Письма и бумаги, т. IV, в. 1, стр. 426, № 1404; к Петру Павловичу Шафирову. 1706 г., ноября 4. — Там же, стр. 428—429, № 1406.

¹⁴⁸ К князю Александру Даниловичу Меншикову. 1706 г., ноября 17. — Там же, стр. 436—438, № 1417.

¹⁴⁹ См. Устрялова Н. Петр Великий в Жолкве. — Древняя и новая Россия. СПб., 1876, т. 1, стр. 5.

¹⁵⁰ К кн. Василию Лукичу Долгорукову. Из Жолквы (sic. — *Е.Т.*), в 13 д. февраля 1707 г. — Письма и бумаги, т. V, стр. 75—76, № 1573.

¹⁵¹ (Синицкий — Петру I). Из Быхова, марта 24 дня 1707 г. — Там же, стр. 461.

¹⁵² Статья Родиону Христиановичу Боуру 1707 г., марта 31. — Там же, стр. 169, № 1657. Moscow, 1/12 January 1706—7. — Сб. РИО, т. 39, стр. 354—355, № 97.

¹⁵³ M. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley.

¹⁵⁴ К Петру Павловичу Шафирову. 1707 г., января 27. — Письма и бумаги, т. V, стр. 51, № 1542.

¹⁵⁵ Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 157. У Устрялова в его статье «Петр Великий в Жолкве» дана неточная редакция Голикова, любившего говорить «своими словами».

¹⁵⁶ M. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley. Moscow, 28 May (8 June), 1707. — Сб. РИО, т. 39, стр. 400—401, № 118.

¹⁵⁷ Указ Василию Дмитриевичу Корчмину. 1707 г., мая 6. — Письма и бумаги, т. V, стр. 237—238, № 1721.

¹⁵⁸ К Ивану Степановичу Мазепе. — Там же, стр. 243, № 1730.

¹⁵⁹ Записка об условиях мира со Швецией. 1707 г., январь—февраль. — Там же, стр. 60—61, № 1552 и 1553.

¹⁶⁰ Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Harley, Moscow, 12/23 November 1707. — Сб. РИО, т. 39, стр. 430, № 130.

¹⁶¹ Там же, стр. 458, № 140.

¹⁶² Записки Желябужского с 1682 г. по 2 июля 1709 г. СПб., 1840, стр. 237—238.

¹⁶³ ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке, 1708 г., д. 26, л. 608. Отпуски писем канцлера графа Головкина к тайному секретарю Петру Шафирову и к дьякам.

Глава II. Шведское вторжение в пределы России.

Битва под Лесной. Начало народной войны против шведов

¹ Письма Карла XII — Анне. Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 184—185.

² ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708, кн. II, д. 8, л. 406 и об. Подписано: Вашего Величества раб Гаврила Головкин. Из Минска. 1708 г., января 30.

³ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, roi de Suède, t. II. La Haye, 1748, p. 225 (в дальнейшем сокращено: Nordberg J.A. Histoire de Charles XII).

⁴ См. Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг.

⁵ См. (Р.Х. Боур — Петру I). От Новгорода. Июля 21 дня 1708 году. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 2. М. — Л., 1951, стр. 457—458.

⁶ См. Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг., стр. XI. Заметим, что А.З. Мышлаевский при составлении таблиц расходится с показанием Витворта, который в своем секретном донесении в Лондон подтверждает, что у Апраксина было 27 486, тогда как Мышлаевский дает цифру в 24 186 человек. Это расхождение Мышлаевский объясняет тем, что Витворт присчитал также мелкие команды и рекрутов. Но, может быть, их и стоило присчитать: мы знаем, как быстро при Петре рекруты становились полноценными солдатами.

⁷ (Апраксин — Петру I). Из Великих Лук, февраля 14 дня; 1708 г. — Там же, стр. 2, № 2.

⁸ (Апраксин — Петру I). Из Минска, генваря 24 дня 1708 г. — Там же, стр. 4, № 4.

⁹ Напечатано впервые в сборнике документов, составившем IV том Истории Малороссии Николая Маркевича. М., 1842, стр. 185.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке, 1708 г, д. 26, л. 446—447. Отпуски писем канцлера графа Головкина к тайному секретарю Петру Шафирову и к дьякам.

¹¹ Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 2, s. 4.

¹² ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке, 1708 г., д. 26, л. 114—148. Отпуски писем канцлера графа Головкина к тайному секретарю Петру Шафирову и к дьякам.

¹³ Там же, л. 276—277.

¹⁴ Рукописн. отд. Государственной публичной библиотеки (ГПБ), кн. поступл. 1936 г., № 133. Устрялов Н.Г. Приложение II к т. V Истории царствования Петра Великого, № 114. Федор Апраксин — царю. 19 сентября 1708 г. Из С.-Питербурха. Копия.

¹⁵ Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 3/14 November 1708. — Сб. РИО, т. 50, стр. 105—106.

¹⁶ Там же, стр. 109—110, № 37.

¹⁷ См. там же, стр. 80—83.

¹⁸ Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 8/19 December 1708. — Там же, стр. 120, № 40.

¹⁹ Резолюция на письме немецких генералов и офицеров, 1708 г., февраля 3. — Письма и бумаги, т. VII, в. 1, стр. 387—388, № 2946.

²⁰ Ср. полемику Эрнеста Карлсона с Hallendorffом: 1) Karl XII's ryska fälttågsplan, 1707—1709. — Historisk tidskrift, 1889; 2) Mühlenfels hos Karl XII i Smorgonie. — Historisk tidskrift, 1894, s. 171—172; 3) Carlson E. Karl XII och Mühlenfels. Historisk tidskrift, 1894, s. 272—274.

²¹ En plan till. Karl XII's tag mot Moskva. Historisk tidskrift, 1888, № 1, s. 275.

²² К Александру Даниловичу Меншикову. Из Нарвы, 1708 г., июня 28. — Письма и бумаги, т. VII, в. 1, стр. 225, № 2454.

²³ К Борису Петровичу Шереметеву. — Там же, стр. 227, № 2456.

²⁴ К Александру Даниловичу Меншикову. 1708 г., июня 23. — Там же, стр. 220, № 2449.

²⁵ Письма и бумаги, т. VII, в. 2. М. — Л., 1946, стр. 858—860.

²⁶ Все документы судебного процесса, веденного по поводу боя при Головчине, напечатаны А. Баиовым в I томе Трудов Русского военно-исторического общества (в дальнейшем сокращенно: ТРВИО). — СПб., 1909, стр. 153—182. Репнина судили 17 июня, а Чамберса — 5 августа 1708 г. Полнее всего об этом см. Письма и бумаги, т. VIII, в. 2, стр. 429—433, 441—443, 458, 533—536.

²⁷ Lundblad K. Geschichte Karl des Zwölften, Königs von Schweden, т. 2. Hamburg, 1840, s. 13.

²⁸ См. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 2, стр. 547—548.

²⁹ Там же, стр. 601.

³⁰ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., д. 10, л. 714—717.

³¹ См. Феофан Прокопович. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии (в дальнейшем сокращенно: История императора Петра Великого), 2 изд., СПб., 1788, стр. 193. Только у Феофана Прокоповича мы встретили эту точную хронологическую дату, взятую, очевидно, из Журнала Петра Великого, стр. 157, «...в вечеру привезен помянутый генерал-адъютант Канифер». Но когда именно взят, не сказано.

³² Показания генерал-адъютанта Канифера. 1708 г. Здесь точной даты, даваемой Феофаном Прокоповичем, не находим. — ТРВИО, т. 1. Документы Северной войны, стр. 146—148, № 169.

³³ Наказ в Можайск воеводе И. Шишкову, марта 1708 г. — Красный архив, т. 4(95), 1939, стр. 162 (публикация Н.Р. Прокопенко).

³⁴ Резолюция на докладе Ф.М. Апраксина. 1708 г., июня, вероятно, 28. — Письма и бумаги, т. VII, в. 1, стр. 227, № 2548.

³⁵ Там же, №№ 2325, 2347, 2358, 2366, 2372, 2374, 2378, 2383, 2403, 2405, 2406, 2407, 2433, 2438.

³⁶ M. secretary Boyle to the right honourable M. Whitworth. Whitehall 18 June 1708. — Сб. РИО, т. 50, стр. 19, № 10.

³⁷ См. там же, стр. 32—33, № 16.

³⁸ M. secretary Boyle to the right honourable M. Whitworth. Whitehall 27 July 1708. — Там же, стр. 33—35, № 17.

³⁹ Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 11/22 August 1708. Там же, стр. 37—39, № 19.

⁴⁰ См. Тельпуховский Б. Северная война 1700—1721. М., 1946. Первые 142 страницы книги посвящены периоду 1700—1709 гг. Приложены превосходные карты.

⁴¹ Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 167.

⁴² Там же, стр. 179.

⁴³ Об отзывах современников о бое под Добрым см. сводку в Письмах и бумагах, т. VIII, в. 2, стр. 627–635.

⁴⁴ Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 15/26 September 1708. — Сб. РИО, т. 50, стр. 54, № 25.

⁴⁵ Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 177–178.

⁴⁶ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 232.

⁴⁷ Так оно и названо: «Réflexion». Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 232.

⁴⁸ К Екатерине Алексеевне и Анисье Кирилловне Толстой. Из лагору (sic) от реки Черной Наппы, 31 день августа 1708 г. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1. М. — Л., 1948, стр. 110, № 2595.

⁴⁹ К Ф.Ю. Ромадановскому. Из лагора от м Золочева, 31 день августа 1708 г. — Там же, стр. 108, № 2594.

⁵⁰ «Ко всем знатным и кои при делах находились». 1708 г., августа 30. — Там же, стр. 106–107, № 2592.

⁵¹ Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871, стр. 73.

⁵² Прямые показания спутников короля и собранные впоследствии Фрикселем свидетельства хорошо передают содержание этих очень осторожных и деликатных разногласий.

⁵³ Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 2, s. 106.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. Английские дела, 1708 г., д. 6/321, л. 13–14. Это письмо Головкина к Курбатову напечатано в Письмах и бумагах, т. VIII, в. 2, стр. 676–677.

⁵⁵ Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 17/28 September 1708. — Сб. РИО, т. 50, стр. 59–69, № 26.

⁵⁶ Письма и бумаги, т. VIII, в. 2, стр. 654–655.

⁵⁷ Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 2, s. 105.

⁵⁸ Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 125–126.

⁵⁹ Витворт по ошибке вместо «Густав Адольф» пишет «Карл Густав». — Сб. РИО, т. 50, стр. 61, № 26.

⁶⁰ К А.И. Мусину-Пушкину. Из Варшавы. 1707 г., июля 14 — Письма и бумаги, т. VI, стр. 18, № 1865.

⁶¹ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 240–241.

⁶² Droga do Ukrainy króla Szwedzkiego, рукопись из библиотеки Чарторыйских. Цит. у Стефана Томашевского: «Из записок каролинцев». Записки Наукового товариства імени Шевченка, т. 92, кн. VI, 1909, стр. 71–73.

⁶³ Lundblad K. Geschichte Karl des Zwölften, Bd. II. S. 39.

⁶⁴ К Борису Петровичу Шереметеву. 1708 г. сентября 18. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 145, № 2643.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707–1708 гг., кн. II, д. 8, л. 116–117 (Шереметев — Петру I). Из Могутова, сентября 21-го 1708 году в 8 часу пополудни.

⁶⁶ Там же, л. 124 и об. (Шереметев — Петру I). Из Сал сентября 28 дня 1708 г.

⁶⁷ Там же, л. 130—131. (Шереметев — Петру I). Октября 1-го дня 1708 г. С пути от Почепа, расстоянием в 50 верстах.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. II, д. 8, л. 132—133 об. (Шереметев — Петру I). Ис Почепа, октября 4 дня 1708 г.

⁶⁹ Там же, л. 136 и об. (Шереметев — Петру I). Октября 9 дня 1708 г. От Почепа.

⁷⁰ Там же, л. 137—138. (Шереметев — Петру I). Ис Почепа, октября 12 дня 1708 г.

⁷¹ Там же, л. 139 и об. (Шереметев — Петру I). Ис Погара, октября 14 дня 1708 г.

⁷² Там же, л. 142—143. (Шереметев — Петру I). Из Гремячева, октября 20-го дня 1708 г.

⁷³ Там же, л. 145 и об. (Шереметев — Петру I).

⁷⁴ Там же, л. 146 и об. (Шереметев — Петру I). Из Халчиц, октября 25 дня 1708 г.

⁷⁵ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 21—22.

⁷⁶ Copie d'une lettre, écrite de Mr. de Besenwaid, envoyée de France en Poigone à Mr. de St. Colombe Agent du Roy en Suisse, документы из венского гос. архива, напечатанные в I томе ТРВИО, стр. 226—228, № 201.

⁷⁷ Там же, стр. 224, № 200.

⁷⁸ Дело розыскное шпиона поляка Якуба Улашина, бывшего в шведской службе и посланного под Стародуб с письмом к гетману Мазепе от короля Станислава. 1 октября 1708 г. — ТРВИО, т. I, стр. 256, № 226.

⁷⁹ От села Синявы, октября 12 дня, 1708 г. (Генерал назывался «Лагеркрона», а не «Лагеркрон», как его именуют наши документы). — Там же, стр. 103, № 125.

⁸⁰ «Аднакож, слава богу, что при нем в мысли ни пети человек нет, і сей край как был, так есть». К князю Василию Владимировичу Долгорукову. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 254, № 2787.

⁸¹ Указ всему Малороссийскому народу. Дан в Глухове. Ноября в 6 день 1708 г. — Там же, стр. 277, № 2816.

⁸² Шереметев — Петру I (Письмо оборвано, даты нет). — ТРВИО, т. I, стр. 37, № 40.

⁸³ ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1708 г., д. 5, л. 1 и об. Дан в его королевском обозе лета 1708 году октября в 8 день. По указу его вельможнейшего королевского величества свейской его королевского величества войсковый комиссариат.

⁸⁴ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 242.

⁸⁵ Till Adam Lewenhaupt. Bialohorst (sic. — E.T.), d. 12, oct, 1708, № 252. Konung Karl XII egenhändig Bref, Stockholm (1893), s. 347.

⁸⁶ Установлен этот в своем роде изумительный факт вполне точно: «Da han pa varen 1708 besökte konungen i Radosskowice fick han

endast förhållningsordres, men ingen närmare inblick i falltagsplanen». E. Carlson Karl XII's ryska fälltagsplan 1707—1709, — Nordisk tidskrift, 1889, Н. 5, s. 381.

⁸⁷ К князю В.В. Долгорукову от боевого места от деревни Лесной 29 сентября. — (Голиков). Деяния Петра Великого, ч. XI. М., 1789, стр. 422, № 925.

⁸⁸ (Шереметев — Петру I). Из Почепа, октября 9 дня 1708 г. — ТРВИО, т. I, стр. 27—28, № 32.

⁸⁹ Из Погара, октября 15 дня 1708 г. — Там же, стр. 30—31, № 34.

⁹⁰ Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ), ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 9, № 294. Допросные речи двух пленных шведов: Индрика Петроса и Вилима Гендрика, 1708 г., октября 17.

⁹¹ ТРВИО, т. I, стр. 252—255, № 224.

⁹² К Федору Матвеевичу Апраксину, 6 октября. — (Голиков). Деяния Петра Великого, ч. XI, стр. 425, № 928.

⁹³ «К князю Федору Юрьевичу Ромадановскому». Подписано: Piter, «3 боевого места, в 29 день сентября 1708». — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 168—169, № 2681. Ср. (Письмо к Ив. Андр. Толстому), 1708 г. 29 сентября. — Там же, стр. 171, № 2684.

⁹⁴ Там же, стр. 178—179, № 2699. В.Л. Долгорукий сообщал Головкину из Дании, что там ходили слухи, что русские взяли, в общем, восемь тысяч телег. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 2, стр. 753.

⁹⁵ Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 183.

⁹⁶ Ch. Whitworth to the right honourable Mr. secretary St. John. Carlsbad, the 1/12 October 1711. — Сб. РИО, т. 61. СПб., 1888, стр. 12, № 2.

⁹⁷ Wahrhaftige und umständliche Relation von dem Sinog... überbracht von dem Herrn General-Adjutant Bruckenthal. Anno 1708 (ГПБ, ф. Rossica).

⁹⁸ Этот крайне необычный факт снегопада в конце сентября (начале октября нов. ст.) в этой местности установлен документально.

⁹⁹ Egentlig berättelse omfält-slaget emellan H. K. M. till Sverige trouper som stode under gen. och. gouvern. Adam Ludwig Lewenhaupts befäl och den Muskowitiske Krigsmachten under H. Z. M. etc. den 29 Septembris 1708 pod Liecna 2 milj ifran Propoisk. Stockholm (ГПБ, ф. Rossica).

¹⁰⁰ Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 183, № 2704.

¹⁰¹ Кн. Вас. Долгорукий — А.Д. Меншикову. Из Копенгагена, ноября 30 дня 1708 г. — ТРВИО, т. III, стр. 37—38, № 41.

¹⁰² ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 10, № 158, 1708 г., декабря 3. Письмо А.А. Матвеева из Гравенгаги А.Д. Меншикову.

¹⁰³ (Петр I — А.Д. Меншикову). С Воронежа, февраля 17. ТРВИО, т. III, стр. 104, № 106.

¹⁰⁴ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 356.

¹⁰⁵ «Октября месяца в письме царского величества из военного похода... Из Погара октября в 16 день о здешнем объявляю». — ТРВИО, т. I, стр. 260—261, № 227.

¹⁰⁶ Это мы узнаем из шведских источников. Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 354.

Глава III. От вторжения шведов в Северскую Украину до начала осады Полтавы (сентябрь 1708 г. — апрель 1709 г.)

¹ Carlson E. Karl XII's ryska fättagsplan 1707—1709. — Nordisk tidsrift, ny följd, II årgangen, s. 367—391.

² ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 9, № 219-а, 1708 г., сентября 24. Письмо Ф. Бартенева из Почепа А.Д. Меншикову.

³ ЦГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке, 1708 г., д. 39, л. 2, 3. Письма к канцлеру графу Головкину от Коховского.

⁴ С грабительствами и разбоями шведской солдатчины Западная Украина (принадлежавшая тогда Польше) ознакомилась в достаточной мере еще в 1703—1704 гг., когда, насильственно сажая Станислава Лещинского на польский престол, Карл XII разорял Речь Посполитую из конца в конец. См. Гербильский Г.Ю. Петр Перший в Західній Україні. Львів, 1948.

⁵ Жалоба житомирского мечника Ивана Рыбинского, 1709, мая 27. — Архив юго-западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов (в дальнейшем сокращенно: АЗР), ч. 3. Акты о козаках (1679—1716), т. II. Киев, 1868, стр. 710, № CCLXIX.

⁶ Постановление сеймика воеводства киевского. Року тисеча семсот девятого, месяца сентембра двадцатого дня. — Там же, ч. 3, т. II, стр. 717 и след. № CCLXXIV.

⁷ Там же, стр. 723 и след. № CCLXXV.

⁸ Жалоба дворянина Криштофа Гурского на Межирицкого мещанина Грицька Пащенко... 1708 г. октября 17. — АЗР, ч. 3. Акты о козаках, т. III, стр. 5, № IV.

⁹ Инструкция послам, отправляемым на люблинский сейм 16 июня 1703 г., № XXIII, начиная со слов: Zapalone buntownicze w Ukrainie pozary... — АЗР, ч. 2, т. III. Киев, 1910, стр. 126.

¹⁰ «...pro haeredibus panom swoim reputentur; slobody ad eo tempore annihilowalismy...» — АЗР, ч. 2, т. III, стр. 145, № XXVIII.

¹¹ Там же, стр. 180, № XXXIX.

¹² (Голицын — Скоропадскому), из Киева 1709 г., октября 17. — Материалы для отечественной истории, т. II. Киев, изд. М. Судиненко, 1855, стр. 14, № XII.

¹³ См. Лазаревский А. Описание старой Малороссии, т. III. Киев, 1902, стр. 17 (Примечание).

¹⁴ Лазаревский А. Описание старой Малороссии, т. II. Киев, 1893, стр. 470.

¹⁵ Там же, стр. 471.

¹⁶ Никаких более точных данных об этом Климентии нет, кроме того, что он был бездомный, скитающийся и приверженный алкоголю монах, явно прикармливаемый по усадьбам. Впервые его вирши напечатаны в украинофильском журнале «Основа» 1861 г., № 1, с комментариями на стр. 157—234. Статья не подписана, но принадлежит П.А. Кулишу (судя по оглавлению на обложке этой книги журнала).

¹⁷ Показания о шведах священника Андрея Александрова. 1708 г., декабря 1. — ТРВИО, т. III, стр., 40, № 43.

¹⁸ (Ушаков — Петру I). Из Ромна, 1709 г., генваря 5. — Там же, стр. 68, № 67.

¹⁹ (Петр I — А.Д. Меншикову). С Воронежа 1709 г., февраля 17. — Там же, стр. 104, № 106.

²⁰ Копия с письма фельтмаршалола, которое писано ис Тернов ноября 19 дня. (Петр I — А.Д. Меншикову). Из Оружевки, ноября 20 дня (1708 г.). — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 319, № 2864.

²¹ К кн. Д.М. Голицыну, 1708 г., ноября 9. — Там же, стр. 295, № 2831.

²² Документы, известия и заметки. К истории Мазепиной измены. — Киевская старина 1889, декабрь, стр. 645. Писарь назывался Панкевич (не Пашкевич, как он назван в цит. статье в Известиях АН). Этот Панкевич, сын расторговавшегося мещанина, вышел затем в полковые есаулы, перейдя из купцов в казачкую старшину. Всю свою карьеру он сделал при Скоропадском.

²³ В содержательной статье В.Е. Шутого. Классовая борьба на Украине в 1708—1709 гг. — Известия АН СССР, серия истории и философии, т. VI, 1949, № 4, стр. 313—322, которая дополнена статьей того же автора в № 7 «Вопросов истории» за 1949 г. «Народная война на Украине против шведских захватчиков» (стр. 9—27), говорится: «Сотник чигринодубравский Иван Бунобаш получил в 1707 г. от лубенского полковника Зеленского «лист» на три хутора, известные под одним названием Кагамлык. На хуторах поселил он вольных людей. Во время пребывания шведов на Украине сотня отказалась подчиняться Бунобашу, и «поселяне кагмлычане» перестали признавать его своим «паном». Об этом сотнике (он назывался Булюбаш, а не Бунобаш) у Лазаревского сказано, что 22 июля 1709 г., т.е. уже после Полтавы и разгрома шведов, было приказано от властей (от полковника Савича) войту и поселянам, чтобы они по-прежнему (в прежней «обычности») пану Булюбашу «всякое послушество отдавали». Но, к сожалению, мы нигде не нашли у Лазаревского более точных указаний об отказе всей сотни признавать этого довольно крупного землевладельца Булюбаша своим паном. Не объясняет также Лазаревский, почему начальство, «респектующи на заслуги п. Булюбаша», приказывает, чтобы его поселян оставили в покое, «до города в жадных делах не чепали», хотя те, очевидно, в самом деле оказали в свое время «непослушество». См. Лазаревский А. Исторические очерки полтавской Лубенщины XVII—XVIII вв. — Чтения в Историческом Обществе Нестора-летописца, кн. XI Киев, 1896, стр. 202.

²⁴ Допрос Григория Герцыка об участии его в измене Мазепы, список с подлинника, хранящегося в архиве министерства иностранных дел. — Киевская старина, 1883, март, стр. 595—610. Этот Герцык после Полтавы бежал с Мазепой за Днепр и потом принимал участие в заграничных походах и интригах Орлика, а в декабре 1719 г. попал в Варшаву в руки русских властей и был допрошен. После десятилетнего заключения он был освобожден в 1728 г.

²⁵ Письмо Орлика к Стефану Яворскому. Впервые напечатано в журнале Основа, раздел — Исторические акты, 1862, листопад (октябрь), стр. 1—28.

²⁶ Там же, стр. 20.

²⁷ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 190.

²⁸ ТРВИО, т. II. СПб., 1909, стр. 161.

²⁹ Там же, стр. 154.

³⁰ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. II, д. 8, л. 417 (Головкин — Петру I).

³¹ Письма и бумаги, т. VIII, в. 2, стр. 781.

³² К Ф.М. Апраксину, 1708 г., октября 6. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 182—183, № 2704.

³³ К Ф.М. Апраксину. Из Брянска, в 24 день октября 1708 г. — Там же, стр. 232, № 2749.

³⁴ (Головкин — Петру I). Из Почепы, 1708 г., октября 10. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 2, стр. 821.

³⁵ (Меншиков — Петру I). Из Горска, 1708 г., октября 20. — Там же, стр. 846.

³⁶ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. II, д. 8, л. 529—530. Из Погаря (sic. — Е.Т.), 1708 г., октября 16.

³⁷ «Грамота Государя к Гетьману Мазепе о выводе войск из Малороссии пред прибытием в нее шведов. Писан в нашем воинском походе, в обозе при Могутове, сентября 20, 1708 года, государственствания нашего 27 лет». — Источники малороссийской истории, собр. А.Н. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским, ч. II. М, 1859, стр. 159—160.

³⁸ Документ напечатан Бантыш-Каменским лишь в отрывке и озаглавлен в цитированном издании О. Бодянского так: «1708 года октября 6. В письме гетмана Мазепы к графу Головкину, из обозу от реки Десны, между прочим, написано...» — Источники малороссийской истории, ч. II, стр. 163—167.

³⁹ Это второе письмо Мазепы к Головкину от 6 октября сохранилось в рукописи. — ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 3-а, л. 653—656.

⁴⁰ Из Витебска, 1708 г., мая 23. (Головкин — Петру I). — Письма и бумаги, т. VII, в. 2, стр. 715—716.

⁴¹ К Ивану Степановичу Мазепе. — Письма и бумаги, т. VII, в. I, стр. 197, № 2415.

⁴² Опечатка «шалости» вместо «шатости» исправлена нами по письму Головкина от 10/X 1708 г. Речь идет именно о «шатаниях», колебаниях в настроении народной массы.

⁴³ Копия с письма, каково послано от нас из Почепа к гетьману и кавалеру, Ивану Степановичу Мазепе сего настоящего октября в 10 день. — Источники малороссийской истории, ч. II, стр. 160—163.

⁴⁴ Там же, стр. 162.

⁴⁵ 1708. Октября 16. Письмо графа Головкина и «цидула» к Гетману Мазепе. Приписка: «такое письмо послано с гетманским слугою Кирилою, из Погаря, октября 16 дня 1708 г.». — Источники малороссийской истории, ч. II, стр. 168.

⁴⁶ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 9, № 224. Письмо Ф. Бартенева из Старого Почепа А.Д. Меншикову, 1708 г., сентября 26.

⁴⁷ Там же, № 223. Письмо Н. Ифлянта (sic. — *Е.Т.*) из Старого Почепа А.Д. Меншикову, 1708 г., сентября 26.

⁴⁸ Там же, № 233. Ис под Стародуба, сентября 29 дня 1708 г. Письмо А. Ушакова из Стародуба А.Д. Меншикову.

⁴⁹ Там же, № 261. Из Почепа, октября 19 дня 1708 г. Письмо Б. Шереметева из Почепа А.Д. Меншикову.

⁵⁰ Там же, № 310. Письмо Ф. Бартенева из Воробьевки А.Д. Меншикову, 1708 г. октября 21.

⁵¹ Там же, № 307. От Камени, дня 21 октября, 1708 г. Письмо бригадира Волконского А.Д. Меншикову.

⁵² ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. II, д. 8, л. 147 и об. (Шереметев — Петру I). Ноября 4-го дня 1708 г. Из Воронежа.

⁵³ О Батурине. Исторические извлечения из статьи Михаила Исаенко в Черниг. губ. ведом. 1859—1860 гг. и др. Рукописный отд. ГПБ, архив Оленина, ящик № 128.

⁵⁴ (Петр I — Меншикову). 1708, ноября 2. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 270, № 2807. (Петр I — Меншикову). 1708 г., ноября 4. — Там же, стр. 273, № 2811.

⁵⁵ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III. p. 374.

⁵⁶ Рукописн. отд. ГПБ, кн. поступл. 1936 г., № 133, Устрялов Н.Г. Приложение II к т. V Истории царствования Петра Великого. Показание сотника Корнея Савина, 19 ноября 1708 г.

⁵⁷ Архив кн. Ф.А. Куракина, кн. 1. СПб., 1890, стр. 281—282.

⁵⁸ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 9, № 308. Допросные речи шведского пленника Андрея Французкуса (21 октября 1708 г.).

⁵⁹ Отд. рукопис. и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде (БАН), № 32, 12, 10. История жития и славных дел гос. имп. Петра Великого. Сборник Петра Крекшина, л. 132 об.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг., кн. 1, д. 7, л. 169 и об.

⁶¹ Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle, Moscow, 24 November (5 December) 1708. — Сб. РИО, т. 50, стр. 114, № 39.

⁶² (А.Д. Меншиков — Д.М. Голицыну), 1709 г., 19 января. (Это ответ Меншикова на сообщение кн. Голицына). — Сб. РИО, т. 11, стр. 109.

⁶³ ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 111. «Cum expressione Poddanskiemoiej... Naiasniecysz milostivy Krolu pane miy milosciuwy». Помечено: Romna — X-bris 5 1708".

⁶⁴ Феофан Прокопович. История императора Петра Великого, стр. 227.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 103, л. 2. Списки на польском и российском языках с писма изменника гетмана Мазепы, 3 Ромна, декабрь 5-го 1708 г.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1709 г., д. 14, л. 14—15. Список с листа изменника Мазепы, писанного к Лещинскому.

⁶⁷ Там же, д. 13—16. Дан в Сумах, 1709 г., генваря в 21 день.

⁶⁸ Рукописи, отд. ГПБ. Древлехран. Погодина. Рукописный сборник XVIII в., № 1598. Рукопись 17, л. 166. См. также Письма и бумаги, т. IX, в. 1, стр. 38, № 2999.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1708 г., д. 6, л. 1—4. «Дан в Ромне на зивовче нашой дня 16-го декаврия 1708-го».

⁷⁰ Там же, л. 1.

⁷¹ Там же, л. 4.

⁷² Материалы для отечественной истории, т. II, стр. 109, № IX.

⁷³ К лицам, вызванным на военный совет. 1708 г. Начало декабря. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 334, № 2887.

⁷⁴ К коронному великому гетману Адаму-Николаю Сенявскому, 1708, декабря 16. — Там же, стр. 354, № 2914.

⁷⁵ К Елизавете-Елене Сенявской. Из Лебедина, 1708 г., декабря 16. (Madame, лист вашей милости мы получили...). — Там же, стр. 356, № 2915.

⁷⁶ К гетману войск великого княжества Литовского Григорию-Антону Огинскому. 1708 г. декабря 15. — Там же, стр. 353, № 2913.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 1, 1706—1711 гг., д. 20, л. 142 об. Того же году (1708) марта 26 из Львова к господам министрам.

⁷⁸ Там же, л. 143 об. и 144. «Того же году (1708) от Сенявского к министрам в обозе под Низким, июня 23 день написано».

⁷⁹ Там же, л. 145 и 146 об.

⁸⁰ Там же, л. 146. «Того же году Сенявский министрам из обозу под Тарногоороу августа в 23 день доносит».

⁸¹ Там же, л. 146.

⁸² Там же, л. 147 и об.

⁸³ Там же, л. 148.

⁸⁴ Резолюция на донесении барона Г. фон дер Гольца. 1708 г., декабря 22. — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 369—370, № 2928.

⁸⁵ К барону Генриху фон дер Гольцу. 1708 г. Не ранее 22 декабря. — Там же, стр. 372, № 2929.

⁸⁶ Манифест. Учинено в Воронеже, апреля в 3 день 1709 г. — (Головкин). Деяния Петра Великого, ч. XII, стр. 7, № 1017.

⁸⁷ Обращение Шереметева от имени Петра I к населению Украины. Октябрь 1708 г. — Красный архив, т. 4 (95), стр. 158.

⁸⁸ Указ жителям Почепы 6 октября 1708 г. — Там же.

⁸⁹ Из Лебедина, ноября 26, 1708 г. Письмо канцлера гр. Г. Головкина к жителям гг. Котельвы, Опошны и Груни. — Там же, стр. 158—159.

⁹⁰ Указ всему Малороссийскому народу. 1708 г. ноября 6. «Дан в Глухове, ноября в 6 день 1708 году». — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 276—284, № 2816.

⁹¹ Особое обращение к кошевому атаману Константину Гордиенко и всему войску запорожскому. — Там же, № 2793. Ср. также два кратких указа к народу № 2767 и 2771. — Там же, № 2800 и 2801.

⁹² Указ кошевому атаману Константину Городеенко и всему войску запорожскому. «Дан в Глухове, 1708 г., ноября 12». — Там же, стр. 306—309, № 2845.

⁹³ (К А.В. Кикину) из Лебедина, 1708 г., декабря 19. «Полковник кумпанейской Колаган (sic. — *Е.Т.*), который был у Мазепы... пришел до нас і на дороге разбил шведоф і живьем привес (sic!) офицероф и редовых (sic!) шездесят восемь человек». — Там же, стр. 359, № 2919.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 260.

⁹⁵ Там же, л. 276—277.

⁹⁶ Письма и бумаги, т. VIII, в. 2, стр. 876.

⁹⁷ К Ф.М. Апраксину. Из лагара (sic. — *Е.Т.*) от Десны, в 30 день октября 1708 г. (Полки пересчитаны в примечании к этому письму). — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 253—254, № 2786.

⁹⁸ АЗР, ч. 3, т. II, стр. 178—179.

⁹⁹ (Б. Корсак — Г.И. Головкину). Из Смоленска, 1709 г., марта 10. — ТРВИО, т. III, стр. 120, № 118.

¹⁰⁰ (Б. Корсак — Г.И. Головкину). Из Смоленска, 1709 г., мая 19. — Там же, стр. 172, № 167.

¹⁰¹ Кн. Д.М. Голицын — А.Д. Меншикову. Из Киева, 21 дня ноября. — Там же, стр. 26, № 30.

¹⁰² Adlerfeld G. Histoire de Charles XII. t. III, p. 384—385.

¹⁰³ Там же, стр. 395—396.

¹⁰⁴ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 10, № 180, 1708 г., декабря 7. Допрос гадячского мещанина Остапа Волченко.

¹⁰⁵ Там же, № 178, 1708 г., декабря 7. Письмо К.Э. Ренне из Веприка А.Д. Меншикову.

¹⁰⁶ Указ полковнику полтавскому Ивану Прокопьевичу Левенцу. «Дан в Лебедине, ноября в 27 день 1708 году». — Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 325, № 2876.

¹⁰⁷ Запись Крекшина под 25 марта 1709 г. — Библиотека для чтения, т. 97, 1849, стр. 80.

¹⁰⁸ Показания о шведах священника Андрея Александрова, 1708 г., декабря 1. — ТРВИО, т. III, стр. 40, № 43.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 130, л. 1 и об. Письмо к государю Петру I от казаков и всего посполитства. Лубенского просительное о защищении их от неприятельского нашествия.

¹¹⁰ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 10, № 299. Письмо полковника Чернцова А.Д. Меншикову, 1708 г., декабря 31.

¹¹¹ Письмо графа Головкина к Мазепе. Из Лебедина, декабря в 22 день 1708 г. в собрании документов, занимающих весь IV том Истории Малороссии Н. Маркевича. М., 1842, стр. 270—271, № LVI.

¹¹² Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle. — Сб. РИО, т. 50, стр. 143, № 50.

¹¹³ Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 2, s. 138—139.

¹¹⁴ Le journal d'un frère d'armes de Charles XII. — Revue contemporaine, 1910, № 5, p. 42.

¹¹⁵ К.Э. Ренне — А.Д. Меншикову. Из Бобрику-Русского, дня против 22 декабря 1708 г. — ТРВИО, т. III, стр. 60, № 58.

¹¹⁶ Ушаков — государю. Из Ромны, декабря 23 дня 1708 г. — Там же, стр. 61, № 59.

¹¹⁷ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 10, № 247. Из Веприка, дня 19 декабря 1708 г. К.Э. Ренне — А.Д. Меншикову.

¹¹⁸ К.Э. Ренне — А.Д. Меншикову. Из Буравенски, дня 24 декабря 1708 г. — Там же, № 282.

¹¹⁹ Полковник Чернцов — А.Д. Меншикову. 31 декабря 1708. — Там же, № 299.

¹²⁰ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 538—539. Из Богодухова, 1709 г., февраля 24.

¹²¹ См. Стилле А. Карл XII как стратег и тактик. СПб., 1912, стр. 70.

¹²² ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 540. Этот документ дошел в рваном и истлевшем виде, в восьми строках, которые не могут быть целиком прочитаны.

¹²³ Там же, л. 541—542.

¹²⁴ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 776 я об. Из Богодухова, дня 12 февраля 1709 г., Карл Ренне — Петру I.

¹²⁵ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 420.

¹²⁶ Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 2, s. 152—153. Костомаров совсем не понял это место в своей работе о Мазепе. Он переводит: «Ступайте и узнайте от Мазепы (!) путь в Азию точнее» (стр. 374). Карл посылал на разведки Гилленкрока совсем не к Мазепе, а «туда», dorthin, прямо в Азию! благо она совсем в двух шагах. А слов «узнайте от Мазепы» вовсе нет в тексте!

¹²⁷ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 280.

¹²⁸ (Карл XII — Ульрике Элеоноре). Budizie (Будищи. — Е.Т.), d. 31, Mars 1709, № 71. Konung Kalr XII egenhändig bref. Stockholm, (1893), s. 94—96.

¹²⁹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 528 и об. Копия с письма к его светлости князю Меншикову от господина гетмана Скоропадкого, 7 дня февраля из Нежина писанного.

¹³⁰ Там же, л. 526—527. Ведомость, что генваря в 29 день в Опошне шведов взято в полон и русских в плене бывших освобождено.

¹³¹ Там же, л. 530 и 531. Из Богодухова, февраля 18 дня 1709 году.

¹³² Там же, л. 532. Меншиков — Петру I. Из Богодухова, февраля 16 дня, 1709 году.

¹³³ Там же, л. 534.

¹³⁴ Там же, л. 529 и об. Копия с письма к господину гетману от Переволоченского дозорцы. Февраля 9 дня во Переволочне писанного.

¹³⁵ Там же, л. 519. Из Богодухова, февраля 22 дня 1709 году. Документ в крайне ветхом состоянии, весь конец л. 520 утрачен.

¹³⁶ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 421—422.

¹³⁷ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 222—223 об. Из Глинска, февраля 28 дня 1709 г. (Шереметев — Петру I).

¹³⁸ Там же, л. 228—229. 20-го дня февраля 1709 г. Из Лохвицы (Шереметев — Петру I).

¹³⁹ Письма к государю императору Петру Великому от... кавалера графа Бориса Петровича Шереметева, т. II. М., 1788, стр. 206—207. Издания середины и конца XVIII столетия всегда именуют Петра императором, даже если речь идет о событиях, когда он еще не носил этого титула.

¹⁴⁰ Три письма кошевых атаманов к шведским королям. — Киевская старина, 1899, январь, отд. II, стр. 1—2. Это письмо, как и два других, найдены в подлиннике в Стокгольмском архиве Н.В. Молчановским.

¹⁴¹ Архив князя Ф.А. Куракина, кн. 1, стр. 317.

¹⁴² ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон II, № 62. 1709 г. марта 24. Показания семи человек Юсупа Мурзы (?): Софрон Васильев, Яков Грицко, Семен Гордейко, Янко Василь, Мартын Леско, Панко Кошляченко (имя седьмого исчезло в осыпавшейся части полуистлевшего документа).

¹⁴³ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 535—537.

¹⁴⁴ Там же, л. 587—588. Из Харькова, апреля 5 дня 1709 г.

¹⁴⁵ Там же, л. 579 и об. Из Харькова. апреля 4 дня 1709 г.

¹⁴⁶ Bref ifran Konung Karl XII till Konung Stanislaus. Bulitzou (Булици. — Е.Т.) le 30 de Mars 1709. — Handlingar rörande Skandinaviens Historia, t. V. Stockholm, 1818, s. 321—322.

¹⁴⁷ Der Dnieper an den glorwürdigen Karl den XII, der Schweden, Gotten und Venden König (ГПБ, ф. Rossica).

¹⁴⁸ Показания казака Прожиренко о короле и Мазепе. Ноября 1, 1708 г. — ТРВИО, т. III, стр. 2, № 3.

¹⁴⁹ (Андрей Ушаков — Петру I). Из Стародуба, сентября 29, 1708 г. — ТРВИО, т. I, стр. 101, № 123.

¹⁵⁰ ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 48, л. 9—10 и об.

¹⁵¹ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 10, № 116. Из Липова местечка ноября 24 дня 1708 г. Письмо А. Ушакова из местечка Липового А.Д. Меншикову.

¹⁵² ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 72, л. 27—28 об. Манифест государя Петра всему малороссийскому народу, в Глухове изданный, ноября 6, 1708 г., Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 276—284. № 2816.

¹⁵³ К И.С. Мазепе. 1707 г., декабря 17. — Письма и бумаги, т. VI, стр. 190, № 2107.

¹⁵⁴ ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 119, л. 1—2. Отпуск указа государя Петра I к обретающимся в Глухове и Глуховском уезде великороссийским военным людям о нечинении им в помянутых местах обид и излишних требований в провианте и фураже. Дан... указ... в Лебедине, декабря в 20 день, 1708 г.

¹⁵⁵ Г.И. Головкин — майору Бартеневу. Генваря в 4 день (1709 г.). — ТРВИО, т. III, стр. 67, № 66.

¹⁵⁶ ЦГАДА. ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 118, л. 1 и об. Оберегательной государя Петра I указ жителям Лютенки о нечинении им никакого разорения. Дан... в Лебедине, декабря в 19 день, 1708 году.

¹⁵⁷ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 427.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 10, № 132. «...для того, когда жена ево и дети у нас будут, то он нам будет верен». — Письмо кн. Г. Волконского из Сорочинца А.Д. Меншикову, 1708 г., ноября 28.

¹⁶⁰ Там же, № 111. Письмо А. Ушакова из местечка Липовово (sic. — Е.Т.), 1708 г., ноября 23.

¹⁶¹ Там же, картон 9, № 255 (на двух листах). Копия объявления от шведского воинского комиссариата к жителям Малороссии.

¹⁶² (Б.П. Шереметев — Петру I). Ноября 19, 1708 г. из Тернов. — ТРВИО, т. III, стр. 19, № 22.

¹⁶³ (Б.П. Шереметев — Петру I). — Там же, стр. 107—108, № 108.

¹⁶⁴ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 10, № 167, 1708 г., декабря 4. Донесение казака Андрея Степаненко.

¹⁶⁵ Там же, картон 9. № 282. 1708 г., декабря 24. Письмо К.Э. Ренне из Буравенки А.Д. Меншикову.

¹⁶⁶ Там же, картон 10, № 202. 1708 г., декабря 13. Письмо Ф. Шидловского из Миргорода А.Д. Меншикову.

¹⁶⁷ Это известие находим в напечатанной в 1849 г. части записей П.Н. Крекшина, петровского писаря и «комиссара девятого класса по подрядам», много записавшего по памяти, а много переписавшего из подлинных бумаг, к которым был в конце жизни допущен в «кабинет дел и бумаг Петра Великого» по приказу императрицы Елизаветы. Записи, относящиеся к 1708 и 1709 гг., опубликованы в 1849 г. в 97-м томе журнала Библиотека для чтения под не вполне точным названием: Год из царствования Петра Великого. 1709. Из записок Крекшина, стр. 35—102 отдела «Науки и художества».

¹⁶⁸ Там же, запись под 31 мая (1709 г.).

Глава IV. Осада Полтавы

¹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 1, 1706—1711 гг., д. 20, л. 178. Донесение Меншикова царю было послано из Харькова 21 апреля 1709 г.

² Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 295.

³ Никаких ответов и на такие вопросы, как, например, что стало с меньшинством запорожцев, противившимся К. Гордиенко, у нас нет. Подобные вопросы вообще гораздо легче задавать, чем давать на них документированный ответ.

⁴ Рукопис. отд. ГПБ, кн. поступл. 1936 г., № 133, Устрялов Н.Г. Приложение II к т. V Истории царствования Петра Великого. № 109. Петр Толстой — Петру I из Константинополя, 1708 г., августа 29.

⁵ См. Шутей В.Е. Измена Мазепы. — Исторические записки, т. 31. М., 1950, стр. 183—185.

⁶ Костомаров Н. Мазепа. М., 1882, стр. 384. Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 284. Увлекающийся Костомаров посвящает дальше много страниц похождениям Константина Гордиенко. Это материал крайне сомнительный, потому что здесь, более или менее достоверные в некоторых других частях своих записок, оба шведа повторяют чужую (запорожскую и мазепину) ложь. Представитель старой сепаратистской украинофильской школы (в духе позднейшего Грушевского) историк Запорожья Эварницкий говорит: «Гордиенко был человек передовой по своим убеждениям, горячий патриот и чистый народник». Эварницкий Д. История запорожских казаков, т. II. СПб., 1897, стр. 389. Все это фантазия и набор слов. Единственным твердо установленным историческим фактом является то, что Гордиенко, по сговору с Мазепой, оболгал часть казачьего «коша» рассказами о близкой подмоге от татар и турок, о полном поражении Петра и о выгодности для запорожцев перехода на шведскую сторону. Подведя своих товарищей под казни, а Запорожскую Сечь под полный разгром, Гордиенко после Полтавы очень ловко успел убежать вместе с Карлом XII и Мазепой в Бендеры и долго, но безуспешно интриговал за границей вместе с Орликом в интересах Англии и других врагов России. Умер этот авантюрист в 1733 г.

⁷ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 215. Из Котельвы генваря 16 дня 1709 г.

⁸ Там же, л. 514.

⁹ Там же, л. 509 и об.

¹⁰ Там же, л. 510. Из Ахтырки. 1709 г., февраля 1.

¹¹ Там же, л. 505 и об. Копия с письма, «каково писано от господина генерал маеора Инфлянта ис Полонного февраля в 16 день 1709 году».

¹² Там же, л. 516 и об.

¹³ Там же, л. 511—512 об. «Из Бела города февраля 26 дня 1709 году. При сем посылаю копию с письма генерал маеора князь Александра Волконского, какво получили мы сего числа. Из оного изволите...» (далее лист срезан).

¹⁴ Там же, л. 506—507 об. Копия с присланных допросных речей, которые присланы из Ахтырска от господина полковника Чернышова.

¹⁵ Там же, л. 499 и об. Из Тишков. 1709 г., февраля 28.

¹⁶ Там же, л. 500—502. Из Харькова. 1709 г., марта 2.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1117, Салтыков И.П. и Мятлева П.И., оп. I, ед. хран. 246, л. 1—2 (Подпись Меншикова, автограф).

¹⁸ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 503—504. Копия с расспросных речей взятых языков.

¹⁹ Там же, л. 212 и об. Гольц — Петру I. Из Погребещи, 1709 г., апреля 13.

²⁰ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 249 и об. (Шереметев — Петру I). Из Сорочинцев 1709 г., февраля 28.

²¹ Там же, л. 251—253 об. (Б.П. Шереметев — Петру I). Из Голтвы, 1709 г., марта 18.

²² Там же, л. 254.

²³ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. I, д. 9, л. 777 и об.

²⁴ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 11, № 46. Показания двух шведов Бугуцкого и Лаврина Коглина, 1709 г., марта 15 дня.

²⁵ Там же, № 247, 1709 г., июня 9. Показания волохов трех человек.

²⁶ К А.Д. Меншикову (1709 г.), марта 4. — Письма и бумаги, т. IX, в. 1. М.—Л., 1950, стр. 113—114, № 3106.

²⁷ К Б.П. Шереметеву, из Воронежа. 1709 г., марта 8. — Там же, стр. 117—118, № 3113.

²⁸ Ответы на пункты, поданные А.Д. Меншиковым. 1709 г., марта 29. — Там же, стр. 135, № 3140.

²⁹ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 11, № 48. Письмо Г. Долгорукого из Лукомли А.Д. Меншикову. 1709 г., марта 16.

³⁰ Там же, № 59. Допросная ведомость шпигов. 1709 г., марта 22.

³¹ Там же, № 60. Отрывок письма кошевого К. Гордиенко. 1709 г., марта 22.

³² Там же, № 66. Два отрывка письма гетмана Скоропадского — А.Д. Меншикову (точной даты на обрывке нет. Перед Полтавским сражением).

³³ Грамота к наказному кошевому атаману Кирику Конеловскому, мая 17. — Письма и бумаги, т. IX, в. 1, стр. 181—184, № 3194.

³⁴ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 247—248. Из Лубны, 1709 г., апреля 24. (Шереметев — Петру I).

³⁵ К А.Д. Меншикову, 1709 г., мая 23. — Письма и бумаги, т. IX, в. 1, стр. 191—192, № 3203.

³⁶ К царевичу Алексею Петровичу. — Там же, стр. 192, № 3204.

³⁷ Рубль первой четверти XVIII в. равнялся 9 золотым рублям начала XX в.

³⁸ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 306.

³⁹ Там же, стр. 307—308.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 14. Из Лубен. Марта 23-го лета 1709-го (Скорняков-Писарев — Петру I).

⁴¹ На самом деле в день Полтавской битвы у русских оказалось 42 тыс. человек, а у шведов было около 31 тыс. человек.

⁴² Генерала Алларта мнение. 1709 г. 5 июня в обозе под Полтавою. Подписано: «Де-Галларт». — ТРВИО, т. III, стр. 187—189, № 182.

⁴³ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 294—296.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1708 г., д. 94, л. 1—2. Письма и бумаги, т. VIII, в. 1, стр. 325—326, № 2876.

⁴⁵ Шперк В. Инженерное обеспечение Полтавской битвы. М., 1939, стр. 9. «...укрепления Полтавы для военного искусства того времени не только по профилям, но и по начертанию в плане не представляли собой сколько-нибудь серьезного препятствия».

⁴⁶ Рукописн. отд., ГПБ. Древлехран. Погодина, рукопись № 1732. — Журнал великославных дел... императора первого Петра Великого... т. 28, собр. Петром Никифоровым сыном Крекшиным (в дальнейшем сокращенно: Журнал великославных дел). В Дневнике военных действий Полтавской битвы, как он напечатан в III томе ТРВИО, стр. 261, встречаются разночтения и приукрашивания: «По сильном сражении...» и т.д.

⁴⁷ См. там же, апреля 3. Ср. Дневник военных действий. — ТРВИО, т. III, стр. 262, № 12.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 433.

⁵⁰ Дневник военных действий. — ТРВИО, т. III, стр. 264, № 12.

⁵¹ Там же, стр. 266.

⁵² Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 436—437.

⁵³ Дневник военных действий. — ТРВИО, т. III, стр. 267, № 12.

⁵⁴ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 292.

⁵⁵ Отд. рукописн. и редкой книги. БАН, № 32.15.1. Журнал действий и походов государя имп. Петра Великого, л. 189 и 190.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 1, 1706—1711 гг., кн. 20, л. 179 и об. Донесение от 13 мая 1709 г.

⁵⁷ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 439.

⁵⁸ Показания шведского хлопца и двух запорожских казаков. 8 июня 1709 г. — ТРВИО, т. III, стр. 196, № 189.

⁵⁹ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 307.

⁶⁰ Реяция. 1709 г., мая 7. О бывшей под городом Опошнею с шведами акции. — ТРВИО, т. III, стр. 162—163, № 156.

⁶¹ А.Д. Меншиков — Д.М. Голицыну, 1709 г., мая 16. — Сб. РИО, т. 11, стр. 113, № XI.

⁶² А.Д. Меншиков — Д.М. Голицыну. — Сб. РИО, т. 11 стр. 114, № XI.

⁶³ Отд. рукописн. и редкой книги БАН, № 32.15.1. Журнал действий и походов... л. 191.

⁶⁴ Там же, л. 192.

⁶⁵ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 445.

⁶⁶ Петр I — А.Д. Меншикову. Из Троицкого, мая 9 дня. — ТРВИО, т. III, стр. 165, № 159; Письма и бумаги, т. IX, в. 1, стр. 174, № 3185.

⁶⁷ Я.В. Брюс — Т.Н. Стрешневу. Послана 20 мая 1709 г. — ТРВИО, т. III, стр. 175, № 169.

⁶⁸ Записки П.Н. Крекшина. — Библиотека для чтения, 1849, т. 97, стр. 92. Запись под 29 и 30 апреля 1709 г.

⁶⁹ Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала... графа Бориса Петровича Шереметева (в дальнейшем сокращенно: Письма Шереметева), ч. II, М., 1778, стр. 190—195.

⁷⁰ Там же, стр. 237, № 194. «От Полтавы: июня 1. 1709 г. Пополудни о шестом часу».

⁷¹ Журнал Петра Великого, ч. I, стр. 204.

⁷² Там же, стр. 210.

⁷³ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 598 и об. В обозе под Полтавой. 1709 г., июня 4.

⁷⁴ Рукописн. отд. ГПБ, шифр: Эрм. № 314. Алларт, рукопись: История Петра I, л. 76 об., 77 и 78.

⁷⁵ А. Келен — А.Д. Меншикову. Из Полтавы. 1709 г., июня 4. — ТРВИО, т. III, стр. 181, № 180.

⁷⁶ Генерала Аларта мнение, 5 июня 1709 г. В обозе под Полтавой. — Там же, стр. 186—189, № 182.

⁷⁷ Там же, стр. 189, № 182.

⁷⁸ Показание из шведского войска выходца. — Там же, стр. 198—199, № 192.

⁷⁹ В Европе распространялся еще и такой вариант: 16 июня генерал-лейтенант Ренне с несколькими сотнями кавалерии (драгун и «татар»), перейдя Ворсклу, подошел к шведскому лагерю, предварительно устроив в лесу засаду из двух драгунских полков. Вызвав затем своим приближением шведов из лагеря, он помчался тотчас к лесу, преследуемый шведами, во главе которых скакал сам король. Нарвавшись на засаду, которая дала дружный залп, шведские кавалеристы повернули обратно, увлекая за собой раненого пулей в ногу Карла XII. Так рисует это событие посол Витворт в своем донесении от 6 июля. — Сб. РИО, т. 50, стр. 200, № 74.

⁸⁰ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 11, № 141. Показания двух волохов из Шведской земли и казака, 1709 г., июня 5.

⁸¹ Там же, № 136. Письмо А. Келина из Полтавы А.Д. Меншикову, 1709 г., июня 4.

⁸² ТРВИО, т. III, стр. 206, № 202.

⁸³ Гр. Рожков — Ягану Крестьяновичу. Из Табар, 1709 г., июня 8. — Там же, стр. 195, № 188.

⁸⁴ См. Я.В. Брюс — Колычеву. Из полков при Полтаве. 1709 г., июня 15. — Там же, стр. 197—198. Ср. Письма и бумаги, т. IX, в. 1, № 3231. (Письмо Петра I к царевичу Алексею Петровичу).

⁸⁵ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 88—89 об. Из Москвы, 1709 году, июня 2. Тихон Стрешнев — Петру I.

⁸⁶ Павлов — Генскину. От речки Тагамлики. 1709 г., июня 17. — ТРВИО, т. III, стр. 200, № 194.

⁸⁷ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 11, № 224. Показания Роленц-Вейца из Новых Сенжар: «...того же числа местечка Жукова жители Иван Вертолаев с товарищи привели... из швецкого войска польского хлопца Яна Шиверского, да деревни Ходуровки жителя Макиту Пилнухина, а приехали они до вышеописанного хутора... для хлеба и для добычи и хутор зажгли», 1709 г., июля 1.

⁸⁸ К В.В. Долгорукову из лагеря от Полтавы в 8 день июня; К гетману Скоропадскому, из лагеря от Полтавы в 8 день июня, своеручное. — (Голиков). Деяния Петра Великого, ч. XII, стр. 16—17, № 1029—1030.

⁸⁹ Там же, стр. 18, № 1032.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 5—6. Из обозу от Богачки, 9 июня 1709.

⁹¹ К В.В. Долгорукову из лагеря от Полтавы, при ходе в 19 день июня. Своеручное. — (Голиков). Деяния Петра Великого, ч. XII, стр. 22, № 1037.

⁹² Своеручное. Из лагеря, 23 июня. — Там же, стр. 24—25, № 1040.

⁹³ К С.А. Колычеву из лагеря от Полтавы, 24 июня. — Там же, стр. 25, № 1041.

⁹⁴ К А.С. Келину. Июня 19. — Письма и бумаги, т. IX, в. 1, стр. 216—217. № 3240.

⁹⁵ К А.С. Келину. Июня 26. — Там же, стр. 225, № 3250.

⁹⁶ Приказ перед Полтавской битвой. Июня 27. — Там же, стр. 226, № 3251.

⁹⁷ Весь текст цитируемого приказа составлен много позднее, вероятно, на основании устных выступлений Петра перед офицерами и солдатами в дни, предшествующие Полтавской битве (см. Письма и бумаги, т. IX, в. 2, стр. 980 и след. — *Ред.*).

⁹⁸ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII, t. III, p. 452—463.

⁹⁹ Рукописн. отд. ГПБ, IV — 40. Из библиотеки гр. Ф.А. Толстова, «Славная Северная война и житие Петра Великого...», л. 170: «И хотя король швецкой, видя в армии своей великие во всей недостатки и не хотя более армии своей томить, весьма желал дать генеральную баталию и тем или проиграть или выиграть, но российским генералом того без самого его величества чинить не велено».

¹⁰⁰ Материалы военно-ученого архива Главного штаба, т. I. СПб, 1871, стр. 10—11. См. также Письма и бумаги, т. IX, в. 1, стр. 209, № 3229.

¹⁰¹ Петр I — С.А. Колычеву. «Из лагера от Полтавы в 24 день июня 1709 г.» — Материалы военно-ученого архива Главного штаба, т. I, стр. 10—11; Письма и бумаги, т. IX, в. 1, стр. 222, № 3248.

¹⁰² Ответное донесение Колычева, 30 июня 1709 г. — Там же, стр. 11.

¹⁰³ Рукописн. отд. ГПБ. Дрвелехран. Погодина, рукопись № 1732. Журнал великославных дел, л. 39 об.

¹⁰⁴ Там же, л. 40 об. и 41.

¹⁰⁵ Там же, л. 41.

¹⁰⁶ Там же, л. 41 об. и 42.

Глава V. Сражение под Полтавой 27 июня 1709 г.

¹ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII. t. II, p. 310.

² К кн. Долгорукову, из лагеря под Полтавой, 23 июня. — (Голиков). Деяния Петра Великого, ч. XII, стр. 23—24, № 1039.

³ Рукописн. отд. ГПБ. Дрвслехран. Погодина, рукопись № 1732. — Журнал великославных дел.

⁴ Изменник был взят русскими в плен в бою 27 июня и посажен на кол. Очевидно, перед казнью под пыткой он и рассказал о том, что делал у шведов.

⁵ Рукописн. отд. ГПБ, IV — 40. Из библиотеки гр. Ф.А. Толстова, «Славная Северная война и житие Петра Великого...», л. 170 об. и 171.

⁶ ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1709 г., д. 4, л. 7—12. «Самое краткое донесение о славной Полтавской победе, одержанной войсками его императорского величества 27 июня (8 июля) над шведским королем и отправленное главноначальствующему над королевской армиею воеводе Бельтцу».

⁷ Петр — Кикину. Из лагору от Полтавы в 27 день июня 1709 г. — Сб. РИО, т. 11, стр. 18.

⁸ Рукописн. отд. ГПБ, Дрвслехран. Погодина, рукопись, № 1732. — Журнал великославных дел, л. 43. В Журнале Петра сказано, что шведы убедились, что «гоньба за конницею не весьма прибыльна».

⁹ ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1709 г., д. 4, л. 3—6.

¹⁰ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 312.

¹¹ Fryxeli A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, t. 2, s. 173.

¹² Рукописн. отд. ГПБ. Дрвслехран. Погодина, рукопись № 1732. — Журнал великославных дел, л. 43 об.

¹³ Там же, л. 44 и 44 об.

¹⁴ Там же, л. 45.

¹⁵ Рукописн. отд. ГПБ, IV — 40. Из библиотеки гр. Ф.А. Толстова, «Славная Северная война и житие Петра Великого...», л. 172 в об.

¹⁶ Там же, л. 172 об, 173.

¹⁷ Письма Толстому и Крейсу — 8 июля, Нарышкину и Колычеву — 9 июля. — (Голиков). Деяния Петра Великого, ч. XII, стр. 33—41, № 1049—1053.

¹⁸ Реншильд показал, что у шведов под Полтавой было около 30 тыс. человек. Вспомним, что под Переволочной сдалось 16 тыс., и после потери в Полтавском бою убитыми около 9300 человек, взято в плен (под Полтавой же) было 2834. Сложив все эти цифры, и получим цифру, даваемую Реншильдом: недостает для точности 2—3 тыс., разбавившихся после боя по лесам и перебитых крестьянами.

¹⁹ ТРВИО, т. III, стр. 290—291.

²⁰ Там же, стр. 293—294.

²¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Швецией, 1709 г., д. 4, л. 3—6. Обстоятельное на французском языке описание шведского под Полтавою поражения.

²² Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 314.

²³ Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, т. 2, s. 179.

²⁴ Прочко И.С. Артиллерия в Полтавской битве. — Артиллерийский журнал, 1949, № 7, стр. 38.

²⁵ См. Тарле Е. Карл XII в 1708—1709 гг. — Вопросы истории, 1950, № 6, стр. 22—56.

²⁶ См. «Реестр швецкому войску, которое его светлости князю Меншикову на окорд, яко воинские полоняники здались при Переволчне июня в 30 день нынешнего 1709 году». — Письма и бумаги, т. IX, в. 1, стр. 244—245, № 3280, июля 8, 1709 г. К царевичу Алексею.

²⁷ ЦГАДА, ф. Шведские дела, 1709 г., д. 4, л. 6.

²⁸ По «Журналу» Петра — 9234 человека.

²⁹ Stille A. Carl XII's fal'ttags planer 1707—1709. Lund, 1908. Эта книга в 1912 г. была переведена на русский язык А. Полторацким под неточным названием: Карл XII как стратег и тактик. Стилль, как видим, назвал свою книгу скромнее: Планы походов Карла XII в 1707—1709 годах.

³⁰ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, t. II, p. 317.

³¹ Рукописн. отд. ГПБ, IV — 40. Из библиотеки гр. Ф.А. Толстова, Славная Северная война и житие Петра Великого... л. 176 и 177.

³² См. ТРВИО, т. III, стр. 306—307, № 12.

³³ К М.П. Гагарину, 8 июля 1709 г. Из лагеря от Полтавы. Подписано: Piter. Письма и бумаги, т. IX, в. I, стр. 246, № 3282.

³⁴ «Реестр швецкому войску, которое его светлости князю Меншикову на окорд, яко воинские полоняники здались при Переволчне июня в 30 день нынешнего 1709 году». — Там же, стр. 244—245, № 3280, июля 8. К царевичу Алексею Петровичу.

³⁵ Там же, стр. 496, № 3552, декабря 22 (перепечатка из Голикова. Дополнения к Деяниям Петра Великого, т. XVI. М., 1795).

³⁶ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1707—1708 гг. кн. I, д. 7, л. 1221 и об. Салтыков — Петру I. Из Смоленска, 1709 г., сентября 12.

³⁷ Voltaire. Histoire de Russie sous Pierre le Grand. Paris, 1858, p. 389. Mais il a résulté de la journée de Poltava la félicite du plus vaste empire de la terre.

³⁸ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 9 и 12.

³⁹ Фолиант Морица Саксонского имеет для нас при всех его ошибках и неточностях большую ценность, а между тем он очень мало использован. Во-первых, Мориц дает новое, нигде больше не встречающееся показание о выступлении Петра на военном совете перед Полтавой, а во-вторых, замечательную оценку полтавских редутов и впервые в Западной Европе воздает высокую хвалу воинскому дарованию Петра.

⁴⁰ Les rêveries ou mémoires sur l'art dela guerre de Maurice comte de Saxe, due de Courlande et de Semigalle. La Haye, 1756, p. 202.

⁴¹ Там же, стр. 202.

⁴² Шперк В. Инженерное обеспечение Полтавской битвы, стр. 23.

⁴³ Очень много людей разбежалось после боя и было перебито крестьянами. Их никто не сосчитал.

⁴⁴ Whitworth to Boyle, 20/31 July 1709. — Сб. РИО, т. 50, стр. 206—207, № 77.

⁴⁵ Mars Moscoviticus: oder das Moscovitische Krieges-Glück wie es endlich I. C. M. Petrum Alexiowitz stättlich secundiret und nach der bei Pultawa erhaltenen herrlichen Victorie in Der Residentz Moscau triumphirlich eingeführet hat, 1710, s. 33—34.

⁴⁶ Предтеченский А.В. Полтавский бой в освещении современников-иностранцев. См. Ученые записки Исторического факультета Ленинград. гос. пед. ин-та, т. V, вып. 1, 1940, стр. 60.

⁴⁷ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 11, д. 76, 1709 г. Марта (число не разобрано). Показания во Пскове разных чинов прусской земли.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Шведские дела 1709 г., д. 4, л. 6.

⁴⁹ Краузевандер Коп А. Как отнеслась Голландия к победе русских под Полтавой. Оттиск из Журнала Министерства народного просвещения. 1909.

⁵⁰ Донесение голландца фон дер Хэльста о Полтавской битве. Из неизданных материалов нидерландских архивов. Оттиск из Правительственного вестника, 1909, № 177.

⁵¹ ЛОИИ, ф. 83, походная канцелярия А.Д. Меншикова, картон 12, № 120. Из Гравенгаги, октября 1/12 день 1709 г. Письмо А.А. Матвеева П.П. Шафирову.

⁵² Рукописн. отд. ГПБ, библиотека Вольтера, 5—242. Manuscrits relatifs à l'histoire de Russie par Voltaire, т. III, л. 163—164. Документ найден бывшим заведующим отдела Редкой книги Вл. Серг. Люблинским, которому и приношу благодарность за его сообщение мне.

⁵³ Наказ князю Б.И. Куракину. Дан в Мариенвердене октября в 23 день, 1709 г. — Письма и бумаги, т. IX, в. 1, стр. 434—438, № 3471.

⁵⁴ Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle. 29/XII—9/I, 1709—1710. — Сб. РИО, т. 50, стр. 295, № 111.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Гравюры Московской губернии. Изъявление триумфального входа его царского величества в Москву 1709 г., декабря в 21 день.

⁵⁶ Nordberg J. A. Histoire de Charles XII, т. II, p. 364—365. Считая по шведскому календарю, 21 декабря по русск. ст. соответствовало 22-му по шведскому, но никак не 23-му.

⁵⁷ Белинский В.Г. Избранные сочинения. М., 1948, стр. 445.

Глава VI. После Полтавы. Заключение

¹ Ленин В.И. Сочинения, т. 27, стр. 307.

² Ch. Whitworth to the right honourable M. secretary Boyle 6/17 July 1709. Сб. РИО, т. 50, стр. 194, № 74.

³ Konung Karl XII's egenhändig bref. Stockholm, (1893).

⁴ Там же, стр. 363—366, № 263.

⁵ Как уже сказано, по шведскому стилю к русскому числу прибавлялся один день. Новый стиль был введен в Швеции лишь во второй половине Северной войны.

⁶ Konung Karl XII's egenhändig bref, s. 364.

⁷ Небольшое исследование о бегстве Карла XII от Днепра до Бендер, изобилующее источностями, но ценное по собранным автором местным преданиям, помещено в III томе Записок Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1853; Повествования. Карл XII в Южной России, стр. 306—337. См. также воспоминания Понятовского, бежавшего вместе с Карлом, S. Goriaïnow. Le journal d'un frère d'armes de Charles XII — Revue contemporaine, 1910, № 1—7.

⁸ Konung Karl II's egenhändig bref, s. 97, № 72.

⁹ Но посетивший Карла XII позже (в марте 1714 г.) в турецком городке Демотике генерал Ливен говорил уже о грозящей королю революции, если он не вернется наконец в Швецию.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 2, 1709 г., кн. II, д. 10, л. 418 и об.

¹¹ Карл — стокгольмскому совету, Бендеры, 3 февраля 1711 года. — Karl XII's egenhändig bref, s. 369—373.

¹² In plain truth the whole conduct of Charles after the battl of Poltava was that of a madman. Memoir of Peter the Great, стр. 225 (Апоним начала XIX в.).

¹³ An impartial history of the life and actions of Peter Alexowitz, the present czar of Muscovy... London, 1723, p. 136.

¹⁴ Extract of a letter from m-r Jefferies to m-r Whitworth 9 July 1709. — Сб. РИО, т. 50, стр. 217.

¹⁵ Mémoire sur une négociation (sic. — *E.T.*), á faire pour le service du Roi. 1710. — Сб. РИО, т. 34, стр. 418, № 8.

¹⁶ Там же, стр. 418—420, № 8.

¹⁷ Там же, стр. 418, № 8.

¹⁸ Архив кн. Ф.А. Куракина, кн. IV, стр. 422.

¹⁹ Там же, стр. 291.

²⁰ An account of Russia as it was on the year 1710, by Charles Whitworth. Strawberry-Hill, 1785, 158 p.

²¹ Там же, стр. 127.

²² Feldman J. Polska w dobie wielkiej wojny północnej. 1704—1709. Kraków, 1925, s. 312.

²³ Немецкое выражение недостаточно сильно передается словами: «...покинули меня в затруднении» — «Alle meine Bundesgenossen haben mich im Stichgelassen». Петр намекал на то, что Альтранштадтский мир поставил его в критическое положение (курсив мой. — *E.T.*).

²⁴ См. Журнал Петра Великого, ч. I, стр. 245—246.

²⁵ Там же, стр. 247.

РУССКИЙ ФЛОТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I

Глава I

¹ Записка Петра I о начале кораблестроения в России в несколько измененном виде, сделанном Феофаном Прокоповичем, называлась: Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытность флота на море. Предисловие к доброхотному читателю. СПб., 1720, стр. 1—9. В первоначальном виде эта записка опубликована Н. Устряловым в его труде: История царствования Петра Великого, т. II. СПб., 1858, стр. 397—401.

² Книга Устав морской, стр. 7.

Глава II

¹ Федоров К. Взятие русскими войсками и флотом Азова в 1696 г. — Морской сборник, 1946, № 7, стр. 87—104. См. также Никульченков К. Создание Азовского военного флота. — Морской сборник, 1939, № 6, стр. 64—76.

² Предложение Боярской Думе, касающееся завосванной крепости Азова (1696, октября 20). — Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 1. СПб., 1887, стр. 113.

³ Там же, стр. 111.

⁴ Книга Устав морской... стр. 8.

Глава IV

¹ Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные, ч. 1. СПб., 1829, стр. 8.

Глава V

¹ Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary Boyle. Moscow, 3/14 November 1708. — Сборник русского исторического общества, т. 50. СПб., 1886, стр. 105.

² Там же, стр. 109—110.

³ Там же, стр. 80—83.

⁴ Там же, стр. 108.

⁵ Там же, стр. 120.

⁶ Шмуrho К. П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894, стр. 64.

⁷ Там же, стр. 137.

⁸ Audience de congé de monsieur de Baluze 29 Août 1704 à Varsovie. — Сборник русского исторического общества, т. 34. СПб., 1881, стр. 35.

⁹ Там же, стр. 41—42.

¹⁰ Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary Boyle. Moscow, 6/17 July 1709. — Сборник русского исторического общества, т. 50, стр. 194.

¹¹ An impartial history of life and actions of Peter Alexwitz, the present czar of Moscovy etc. London, 1723, p. 126—127.

¹² Extract of a letter from m-r Jefferies to m-r Whitworth. The moscovite camp by Poltawa, July 9-th O. S. 1709. — Сборник русского исторического общества, т. 50, стр. 217.

¹³ Mémoire sur une négociation à faire pour le service du Roi. 1710. — Сборник русского исторического общества, т. 34, стр. 418.

¹⁴ Там же, стр. 418—420.

¹⁵ Там же, стр. 418.

¹⁶ Архив кн. Ф.А. Куракина, кн. IV. Саратов, 1893, стр. 27—28.

¹⁷ Там же, стр. 422.

¹⁸ Там же, стр. 422—423.

¹⁹ Там же, стр. 291.

²⁰ Там же, стр. 405—410.

²¹ Rapport de Mr. Baluze au Roi. Varsovie, 11 Septembre 1711. — Сборник русского исторического общества, т. 34, стр. 80.

²² «...all the swede's remonstrances on this occasion have hitherto served to disgust and provoke them». Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary S-t John. Vienne, 1/12 September 1711. — Сборник русского исторического общества, т. 50, стр. 497—498.

Глава VI

¹ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. Пер. с датского Ю.Н. Щербачева. М., 1899, стр. 179.

² Там же, стр. 176—177.

³ M. Weisbrod to m. Nicholas Rowe, esq. Moscow, 6/17 September 1711. — Сборник русского исторического общества, т. 50, стр. 502—504.

⁴ Mr. de La Vie. A St. Pétersbourg, le 6(17) Mai 1717. — Сборник русского исторического общества, т. 34, стр. 212—213.

⁵ Князь Б.И. Куракин — барону П.П. Шафирову. Гага, 9(20) мая 1712 г. — Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. II, СПб., 1891, стр. 371—372.

⁶ Князь Б.И. Куракин — кн. В.Л. Долгорукову. Гага, 24 мая (4 июня) 1712 г. — Архив кн. Ф.А. Куракина, кн. II, стр. 376.

⁷ Князь Б.И. Куракин — кн. В.Л. Долгорукову. Гага, 21 июня (2 июля) 1712 г. — Архив кн. Ф.А. Куракина, кн. II, стр. 385.

⁸ M. secretary S-t John to the right honourable m. Ch. Whitworth. Whitehall, 30-th October 1711. — Сборник русского исторического общества, т. 61, стр. 76.

⁹ Там же, стр. 78.

¹⁰ О подробностях замечательного взаимодействия сухопутных и морских сил во время всей этой кампании — см. Озаровский Н. Боевые операции в финских штерах в 1710—1714 гг. — Морской сборник, 1940, № 1, стр. 15—40.

Глава VII

¹ Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875, стр. 263.

² Gustav-Adolfs skrifter. Stockholm, 1861, s. 181.

³ Новиков Н.В. Гангут. М., Военмориздат, 1944, стр. 74.

⁴ Там же, стр. 75.

Глава VIII

¹ Царь Петр Алексеевич — кн. Б.И. Куракину (29 июля 1714 г. Дубликат). — Архив кн. Ф.А. Куракина, кн. II, стр. 101.

² G. Mackenzie to the right honourable m. secretary Bromley, St. Petersburg 1-st October 1714. — Сборник русского исторического общества, т. 61, стр. 279.

³ Там же, стр. 315—316.

⁴ Там же, стр. 370—372.

⁵ Там же, стр. 372—379.

⁶ Веселаго Ф. Очерк русской морской истории, стр. 189—190.

Глава IX

¹ Chance J. T. George I and the Northern war. London, 1909, p. 183—186.

² Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные, ч. III. СПб., 1830, стр. 5.

³ Там же, ч. IV, стр. 100.

⁴ Там же, ч. III, стр. 98.

⁵ Там же, ч. IV, стр. 142.

⁶ Там же, стр. 154.

⁷ Там же, ч. III, стр. 286.

⁸ Там же, стр. 114—115.

⁹ Там же, стр. 115—116.

¹⁰ Царь Петр Алексеевич — кн. Б.И. Куракину (1 ноября 1713 г. Дубликат). — Архив кн. Ф.А. Куракина, кн. II, стр. 75.

Глава X

¹ Monseigneur d'Uxelles à M. Le Blanc. Paris, 9 Février 1716. — Сборник русского исторического общества, т. 34, стр. 495.

² Там же, стр. 239.

³ Там же, стр. 263—264.

⁴ Там же, стр. 339.

⁵ Там же, стр. 232—233.

⁶ Там же, стр. 198.

⁷ Там же, стр. 233—234.

⁸ «...he is at present in possession of the countries from whence we have our naval stores». John Norris and Ch. Whitworth to the right honourable earl of Sunderland. Amsterdam, the 10-th August n. st. 1717. — Сборник русского исторического общества, т. 61, стр. 407.

⁹ Там же, стр. 428.

¹⁰ Там же, стр. 440.

¹¹ *Négociations entre la France et le Czar de la Grande Russie* Pierre I 1715–1717. — Сборник русского исторического общества, т. 34, стр. XXXVI–XXXVII.

Глава XI

¹ Материалы для истории русского флота, ч. II. СПб., 1865, стр. 293–294.

Глава XII

¹ *Le S. de La Vie à Monseigneur*: St. Pétersbourg, 30 Septembre 1718. — Сборник русского исторического общества, т. 34, стр. 376.

² Instructions for our trusty and wellbeloved sir John Norris, kn-t, our admiral and commander in chief of our fleet in the Baltic, whom we have appointed to go as our envoy extraordinary and plenipotentiary to our good brother the czar of Moscovy. Given at our court at Hampton — court the fourteenth day of October 1718, in the fifth year of our reign. — Сборник русского исторического общества, т. 61, стр. 449.

³ Там же, стр. 459–467.

⁴ Там же, стр. 462–463.

⁵ Там же, стр. 467–468.

⁶ Там же, стр. 506–509.

Глава XIII

¹ Веселаго Ф. Очерк русской морской истории, стр. 320.

² James Jefferies to the right honourable m. secretary Craggs. Reval, July the 22-nd O. s 1719. — Сборник русского исторического общества, т. 61, стр. 568–569.

Глава XIV

¹ James Jefferies to the honourable lord Stanhope. St. Petersburg, April the 3 rd O. s. 1719. — Сборник русского исторического общества, т. 61, стр. 515–516.

² Там же, стр. 536–537.

³ Там же, стр. 561–567.

⁴ Там же, стр. 537–539.

⁵ Архив князя Ф.А. Куракина, кн. I. СПб., 1890, стр. 11.

Глава XV

¹ Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Рукописное отделение. Сборник писем Петра I к генерал-адмиралу графу Апраксину, fol., л. 495—496.

² Веселаго Ф. Очерк русской морской истории, стр. 340.

Глава XVI

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830, стр. 423.

² Chance J. F. George I and the Northern war, стр. 487.

³ Дух Петра Великого, императора всероссийского, и соперника его Карла XII, короля шведского. СПб., 1798, стр. 197.

Глава XVII

¹ Дневник Ф.В. Берхгольца, ч. III. М., 1903, стр. 159—160.

² Там же, стр. 161.

³ Chance J. F. George I and the Northern war, стр. 473.

⁴ Lettre de M. de Campredon au roi. Moscou, le 13 Mars 1723. — Сборник русского исторического общества, т. 49, стр. 310.

⁵ Там же, стр. 313—314.

⁶ M. de Campredon au comte de Morville. Pétersbourg, le 9 Janvier 1724. — Сборник русского исторического общества, т. 52. СПб., 1886, стр. 144—147.

⁷ Там же, стр. 157—158.

⁸ Lettre de M. de Campredon au roi. St. Pétersbourg, le 5 Juillet 1723. — Сборник русского исторического общества, т. 49, стр. 356—358.

⁹ Там же, стр. 384—385.

Глава XVIII

¹ Там же, стр. 345—350.

² Там же, стр. 370.

³ Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891, стр. 77.

Глава XIX

¹ Полное собрание законов Российской империи Т. V. СПб., 1830, стр. 198.

² Там же.

³ Голиков Н.И. Деяния Петра Великого. 2 изд., т. IX. М., 1838, стр. 132—133.

⁴ Центральный государственный архив Армянской ССР, ф. 25, д. 2526, л. 18—19.

Глава XX

¹ Оглоблин Н. «Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки. — Чтения в об-ве истории и древностей российских при Московском университете, 1891, кн. III, стр. 1—18.

² Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II. СПб., 1885, стр. 502.

³ Там же, кн. I. СПб., 1882, стр. 457—459.

⁴ Там же, кн. I, стр. 462—463; кн. II, стр. 46.

⁵ Там же, кн. II, стр. 47—49.

⁶ Полное собрание законов Российской империи, т. V, стр. 607.

⁷ Веселаго Ф. Очерк русской морской истории, стр. 631—632.

⁸ Интересующиеся дальнейшими экспедициями Беринга могут прочесть вышедшую в конце 1946 г. книгу нашего известного географа академика Л. С. Берга. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Сравни: А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., Воениздат, 1948. 344 стр.

⁹ Зейдель И. Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году. — Морской сборник. 1867, № 9, стр. 79—80.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГАВМФ, Канцелярия графа Апраксина, д. 230, л. 319—320.

¹² Там же, д. 224.

Глава XXI

¹ Бычков А. Ф. Письма и бумаги Петра Великого, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке. СПб., 1872, стр. 68—69.

СОДЕРЖАНИЕ

Северная война и шведское нашествие на Россию	5
Русский флот и внешняя политика Петра I	547
Комментарии	663

Научно-популярное издание

Тарле Евгений Викторович

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Северная война и шведское нашествие на Россию

Русский флот и внешняя политика Петра I

Евгений Викторович Тарле – один из крупнейших российских историков, автор множества работ, которые отличают не только огромная, не утратившая своего значения и в наши дни научная ценность, но и изысканный литературный стиль и увлекательность изложения.

История Северной войны.

История героической борьбы русского народа за выход к Балтийскому морю.

История противостояния двух гениальных монархов-полководцев – Петра I и Карла XII.

Как удалось России не просто победить в Северной войне, но и воспользоваться плодами своей победы?

Как создавался русский флот?

Какие действия предпринимала в этот период российская дипломатия?

Вот лишь немногие из вопросов, на которые Е.В. Тарле отвечает в своей знаменитой монографии, переведенной на множество европейских языков.